Общероссийская общественная организация
”Байкальский Клуб”

ДЕЛО О БАЙКАЛЕ

Первая международная
общественная экологическая экспертиза “Байкал”
(15-31 октября 1988 г.)

Публикация материалов

Публикация материалов

Иркутск
1999

Дело о Байкале. Первая Международная общественная экологическая экспертиза “Байкал”. 15-31 октября 1988 г. Публикация материалов. – Иркутск, 1999.

ISBN_____

С 15 по 30 октября 1988 г. на турбазе “Прибайкальская” под Иркутском, у самого истока Ангары, проходила первая в СССР общественная экологическая экспертиза ситуации вокруг оз. Байкал.

Почти 300 участников экспертизы – представители партийных и советских органов, правоохранительных и контролирующих организаций, предприятий, общественных организаций, творческой интеллигенции, прессы, духовенства под руководством методологов (специалистов по организации нестандартных мероприятий и коллективной мыследеятельности) вели работу, не имевшую прецедента и по своей организации, и по сложности обсуждавшихся коллизий, и по способу анализа ситуации.

Книга, которую Вы держите в руках, – это бережно отредактированные стенограммы заседаний. Это уникальный материал и для экологов (они найдут для себя особое понимание “экологической ситуации”, “экологической проблемы”, “экологического мышления”, других понятий и категорий современного экологического сознания), и для организаторов экологических мероприятий (экспертиза перенесла понимание сути экологических проблем с состояния природы на устройство систем деятельности, приводящих природу к ее нынешнему состоянию), и для методологов (стенограммы несут уникальный опыт организации подобного рода мероприятий), и для историков (это живой отпечаток того времени), и для многих неравнодушных к судьбе байкальского региона, к судьбе Байкала – для общественных организаций и движений “зеленых”, управленцев, ученых, аспирантов, экологически ориентированных организаторов производства.

Издательский проект “Дело о Байкале” завершает собой Первую международную общественную экологическую экспертизу “Байкал”. Но он же становится стартовой площадкой и опорой для тех, кто восприимчив к новому и способен участвовать в разворачивании новых масштабных проектов.

Издание осуществлено на средства Глобального Экологического Фонда в рамках проекта “Сохранение биоразнообразия в России”, компонент С (Байкальский), подкомпонент “Местные инициативы”. Издательский проект “Дело о Байкале”, грант № IR15–2A. Заявитель – Общероссийская Общественная Организация “Байкальский Клуб”. Руководитель проекта – В.С. Сбитнев, вице-президент и исполнительнынй директор “Байкальского Клуба”.

Адрес: 664000, Иркутск, почтамт, а/я 3265. Тел.: 27-17-59, 27-58-18.
E-mail: izv@vesti.irkutsk.ru

Главный редактор: М.Г. Меерович

Редакторы: Ю.М. Березкин, В.С. Сбитнев

Оригинал-макет: Н.А. Мазутова

Тираж 300 экз.

© В.С. Сбитнев

© С.В. Попов

ISBN_____

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Первая международная общественная экологическая экспертиза "Байкал" (так она теперь называется) начала работать 15 октября 1988 г. и продолжалась 17 дней. Один ее этап проходил в форме организационно-деятельностной игры (ОДИ) "Анализ перспектив хозяйственной деятельности и разработка подходов к изменению экологической ситуации в регионе оз. Байкал", в которой участвовало до 300 человек из шести республик СССР и трех зарубежных стран, другой – в форме слушаний так называемого "Экологического суда", созданного хотя и в рамках экспертизы, но, тем не менее, в полном виде и впервые в СССР. "Суд" рассмотрел пять дел, и сделал вывод о том, что в рамках существовавшей тогда советской системы хозяйствования и партийного управления экологическая проблема Байкала решения не имеет.

Парадокс, однако же, заключался в том, что это неординарное событие состоялось только благодаря участию в нем Иркутского и Бурятского обкомов КПСС. Но что конкретно означало в те времена вот это самое обкомовское "участие"?

Автором идеи проведения общественной экспертизы экологической ситуации, сложившейся вокруг озера Байкал, автором проекта первой в СССР подобного рода процедуры и ее руководителем стал московский методолог ***Попов Сергей Валентинович*** (ныне – Президент Международной Методологической Ассоциации – МИАСС. Методологами в Советском Союзе назвали себя приверженцы системо-мыследеятельностной методологии – учения, созданного выдающимся философом и методологом ***Г.П. Щедровицким***. См. "Избранные труды", М., 1995; "Философия. Наука. Методология". М., 1997). Но это "мероприятие" надо было еще и организовать. Будучи собственным корреспондентом по Восточной Сибири весьма влиятельной тогда газеты "Известия", мне пришлось выступить перед Иркутским и Бурятским обкомами КПСС в роли инициатора небывалой по тем временам процедуры. В Иркутске организационными моторами стали секретарь обкома КПСС по пропаганде ***В.П. Иваницкий*** (бывший до того ректором Института народного хозяйства), инструктор обкома ***П.П. Уханов***, первый секретарь обкома ВЛКСМ ***В.А. Матиенко.*** А в Улан-Удэ организационные хлопоты взял на себя зав. отделом науки Бурятского обкома КПСС ***А.К. Тулохонов.***

Два обкома КПСС совместными усилиями мобилизовали директоров ряда предприятий и Советы на спонсирование экспертизы: одни оплачивали аренду турбазы "Прибайкальская", другие – питание участников, третьи – транспортные расходы и т.д. И во что на самом деле обошлась эта наша затея, – сегодня, пожалуй, не скажет никто, даже директор-распорядитель экспертизы ***А.О. Татаринов,*** совсем молодой еще тогда человек, который нес на себе огромную часть организационных хлопот.

О содержании того, что происходило в те дни "мозгового штурма", любознательный человек узнает из опубликованной здесь стенограммы. На то, чтобы расшифровать несколько ящиков аудиокассет, оставшихся после экспертизы, несколько раз перепечатать и отредактировать около 1200 стр., ушло полтора года. Ученый секретарь экспертизы ***М.Г. Меерович*** и его добровольные помощники ***Ю.М. Березкин, И.В. - Лисовой, О.Б. Шендеров, А.А. Ган*** и др. фактически этим только и занимались, готовя материалы к публикации.

Очередная русская революция 1991 г. отодвинула проект на неопределенное время. И только после того, как Глобальный Экологический Фонд и Всемирный Банк объявили в 1997 г. конкурс на получение грантов по теме сохранения биоразнообразия в Байкальском регионе, издательский проект сдвинулся с мертвой точки. Благодаря неоценимой помощи менеджера Байкальского компонента проекта ГЭФ "Сохранение биоразнообразия" ***Л.С. Катковой*** издание материалов экспертизы стало возможным.

Прошло одиннадцать лет, но материалы не только не утратили своей актуальности, но стали по-настоящему злободневными. Экологическая ситуация на Байкале, как и экономическое положение населения, к сожалению, все эти годы только ухудшались. События последних лет показали, насколько удивительно точной оказалась часть прогнозов участников экспертизы о возможных изменениях ситуации. Само время, теперь уже выпукло и наглядно, обнажило истоки противостояния сил, действующих в регионе, несостоятельность прежних (и нынешних) экологических концепций и подходов (см. Приложение "Новое экологическое мышление"), ошибочность многих точек зрения и позиций.

В этой связи публикация стенограммы экспертизы сегодня особенно необходима, так как освоение ее концепции при наличии доброй воли и усилий заинтересованных сторон способно вывести экологическую ситуацию на Байкале из многолетнего тупика.

Руководитель издательского проекта
В.С. Сбитнев,
вице-президент, исполнительный директор Общероссийской Общественной Организации "Байкальский Клуб".

“ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ – ЭТО НЕ СОСТОЯНИЕ ПРИРОДЫ, А СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА...”

Предисловие руководителя экспертизы С.В. Попова, созданное им после ее окончания [1]

Фактическая справка

Всесоюзная социально-экологическая экспертиза (СЭЭ) ситуации, сложившейся вокруг оз. Байкал, отличалась многим от экспертиз, проводившихся ранее такими организациями как Госплан СССР, Госстрой, Минфин, Академия наук и т.д.

Во-первых, отличалась сроками – работа шла не месяцы (обычный срок проведения экспертизы Госпланом), а всего 17 дней.

Во-вторых, это была не экспертиза конкретного проекта, а экспертиза сложившейся ситуации в целом. Соответственно, и разные результаты.

В-третьих, это была независимая экспертиза. Ни заказчик (вернее их было назвать спонсорами), никто другой не мог оказать давление на результат работы.

В-четвертых, это была общественная экспертиза. “Общественная” и в том смысле, что участвовали все заинтересованные и задействованные общественные силы, и в том, что оценки экспертов-профессионалов включались в общий контекст общественного действия.

В-пятых, экспертиза строилась на понимании того, что экологическая ситуация – это не вопрос состояния природы, а вопрос организации общества и деятельности человека – прошлой, настоящей и будущей. Поэтому она и называлась “социально-экологическая”.

В-шестых, содержательную организацию экспертизы осуществляла группа методологов.

Комментарий руководителя

Подготовка к проведению СЭЭ шла на фоне происходящих в стране перемен. Поэтому необходимо отметить двойственное отношение к этим переменам, осуществившееся в организации экспертизы.

С одной стороны, экспертиза была инновационным действием, лежащим в русле реформ перестройки: демократизации общественных отношений, стремлению к изменению хозяйственных отношений, введению правовой регуляции жизни общества. Она должна была дать всестороннюю оценку ситуации вокруг оз. Байкал. Но кроме этого, это еще была попытка создать прецедент проведения независимого от ведомств и местных властей разбирательства, в ходе которого политическая конфронтация различных сил снималась бы за счет организации содержательных и деловых дискуссий. В какой-то мере это удалось. И с тех пор по образцу этой экспертизы были проведены десятки подобных независимых общественных экспертиз и общественных “судов”. Идея проведения “экологических трибуналов” широко распространилась и заинтересовала ряд экологических групп в Европе и США.

С другой стороны, организация экспертизы по своему замыслу и содержанию была во многом альтернативна способу проведения реформ в рамках провозглашенной перестройки. Перестройка основывается на идее “формальной реорганизации” – предполагается, что изменение форм организации и условий (к которым, по сути дела и сводится перестройка) приведет к изменению содержания общественных процессов. Три года подобных реформ (до момента проведения экспертизы) показывают, что даже при радикальной смене условий и форм организации существующие способы деятельности и общественные отношения сами по себе не меняются. Они, в худшем случае, разрушаются и приводят к хаосу и беспорядкам. Ситуацию осложняет и используемый набор способов проведения реформ – либо перераспределение материальных ресурсов и продуктов, либо – силовое давление.

Вообще говоря, методы формальной организации работают, но как минимум при двух условиях. Во-первых, при наличии больших слоев самодеятельного и самостоятельного населения, которое быстро осваивает новые условия и заполняет новые организационные формы иным, чем прежде, содержанием деятельности. И, во-вторых, если в обществе накоплен богатый набор образцов общественных отношений и способов деятельности (“социальный гумус”, по выражению Л.Абалкина). Если же эти условия не выполнены, то в новых условиях люди продолжают делать то же самое, что и раньше. Если же новые условия делают невозможным старый способ деятельности, а носителей новых способов нет, то наступает разруха и политическая смута.

Поэтому организационная концепция СЭЭ строилась на принципах содержательной организации инновационного действия. Это означает, что при подготовке тщательно продумывались и готовились

[1] Редакционная коллегия сочла уместной публикацию этого послеэкспертизного текста в качестве предисловия, поскольку С.В. Попов обсуждал в нем свой замысел и полученные в ходе экспертизы результаты.

образцы (способы и методы) мышления и деятельности, которые необходимы для проведения социально-экологической экспертизы (см. комментарий методолога). Другими словами, суть "содержательной организации" состоит в том, что люди, попавшие в инновационное действие, лишающее их возможности действовать и мыслить по-старому, получают и осваивают новые способы работы.

В итоге появляется группа людей, владеющая новым содержанием и несущая его на себе. Таким образом в обществе появляются зародыши новых видов деятельности, живущие рядом со старыми и дающие начало образованию параллельных (в будущем – конкурентных) общественных структур.

Эта концепция содержательной организации инновационного действия и определила структуру СЭЭ, а также указанные выше отличия от традиционной формы экспертизы.

Интенсивность

Проведение независимой СЭЭ требовало совместить по крайней мере четыре момента:

1. Выявление и оформление проблем и проблемной ситуации. Это должно делаться специально, ибо в общественном сознании и в интерпретациях заинтересованных сторон действительные проблемы либо вообще не проявляются, либо существуют в превращенной форме. Так, например, решение экологической ситуации на Байкале связывается прежде всего с ликвидацией Байкальского целлюлозно-бумажного и Селенгинского целлюлозно-картонного комбинатов, тогда как в действительности сами комбинаты есть лишь следствие существования определенной социально-экономической системы. И заинтересованным в ее сохранении сторонам выгодны конфликты вокруг БЦБК и СЦКК – они отвлекают общественное внимание от более глубоких проблем.

2. Разработка максимально широкого спектра вариантов дальнейшей жизни региона.

3. Организация работы, выявляющая отсутствие необходимой информации и дезинформацию.

4. Проведение всего цикла работ, необходимых для оценки ситуации в максимально сжатые сроки и в одном месте, чтобы исключить влияние на экспертов внешних сил.

Чтобы отвечать этим требованиям и обеспечить совместную работу большого количества специалистов разного профиля, основная часть СЭЭ проводилась в форме организационно-деятельностной игры (ОДИ). Метод ОДИ позволил работать одновременно с большим количеством людей (около 300) и осуществить формирование практически всей проблемной ситуации. Одновременное присутствие всех заинтересованных сторон (хозяйственники, местные органы власти, ведомства, общественные движения – в т.ч. "зеленые", местные жители, ученые и специалисты) и независимых экспертов, делало практически невозможным дезинформацию и заведомую ложь. ОДИ длилась 8 дней, а затем, после однодневного перерыва около 100 экспертов и представителей каждой из сторон производили тщательный разбор основных проблемных ситуаций в форме, похожей на судебное разбирательство (отсюда идея "экологического трибунала").

Принципы и методы организации коллективного мышления и деятельности, заложенные в ОДИ, позволили осуществить эту работу в две с половиной недели и без потери качества информации.

Экспертиза ситуации

Экспертизы, которые обычно проводятся у нас в стране, есть экспертизы проектов (оценка того или иного их аспекта – финансового, экономического, экологического и т.п.). Подобная экспертиза проектов имеет смысл только в том случае, если требования на проект известны изначально, то есть с момента постановки задания и оценки ситуации. Но сложившаяся практика разработки проектной документации в СССР была такова, что практически отсутствовал всякий анализ и изучение ситуации, направленные на формирование такого задания на проектирование, которое способно было бы отразить специфику места и условий. Задание составлялось на основе уже существующих заданий, по прототипу, как правило, в спешке, без предварительных обследований и исследований. Примеров тому не перечесть.

А поэтому в рамках сложившейся в СССР практики принятия решений, существовавшего распорядка формирования заказа на проектирование, собственно проектирования, согласования и утверждения проектно-сметной документации экспертиза проектов лишена смысла и превращается лишь в бюрократическую игру по перераспределению ресурсов. Ведь после того, как истрачены значительные суммы, большой труд людей и время на проектирование, отсутствуют альтернативные проекты (так как нет конкурирующих проектных организаций и групп) и т.п., решение может быть только одним – "пропихнуть" проект во что бы то ни стало. Если же удавалось добиться проведения независимой общественной экспертизы, то результат, как правило, бывал отрицательный. В самой "машине" проектирования в СССР не были заложены ни социальные, ни экологические, ни экономические критерии, на которых эта общественная экспертиза могла бы основываться.

Именно поэтому нами была поставлена задача проведения экспертизы ситуации, а не проекта. Это означало, во-первых, совершенно иной ход экспертизы, а, во-вторых, совершенно иной результат. Результат такой экспертизы – оценка возможностей региона по отношению к различным вариантам его

существования, эксплуатации для развития, с одной стороны, и возможностей общества и систем деятельности измениться, развиться или осуществить планируемые изменения – с другой.

Ясно, что такая задача весьма сложна – существенно сложнее оценки уже существующего проекта, но она намного более важна и осмысленна. Ее решение не сводится к профессиональным оценкам – они оказываются частными. Предмет оценки – возможности данного общества, возможности науки и техники, возможности систем и сфер деятельности. При такой постановке задачи возникает целый ряд проблем и вопросов к методологам и методологической организации экспертизы: какого рода специалисты должны быть собраны? как устанавливать границы и возможности современного знания, систем деятельности, общественных структур? и т.п.

Заметим, что сама постановка таких вопросов возможна лишь в условиях полной независимости всех экспертов.

Независимость экспертизы

Независимость СЭЭ обеспечивалась следующим образом:

1. Подготовкой к проведению экспертизы занималось несколько организаций, каждая из которых явно или неявно претендовала на роль "главного" организатора и, следовательно, диктующего условия и результаты работы. Основных конкурентов было три: Иркутский обком партии, Бурятский обком партии и Сибирское отделение АН СССР. Но в результате того, что каждый из них вложил лишь часть средств в проведение СЭЭ, а еще часть вложили организации, прямо не заинтересованные в результате (заинтересованные скорее в самом факте проведения такого рода мероприятия – это ЦК ВЛКСМ, Всероссийское общество охраны природы и др.), сложилась ситуация, когда ни один из соорганизаторов не мог претендовать на роль "главного".

2. Идеологический контроль был устранен за счет присутствия прессы и телевидения из Москвы, независимых от местных властей и ведомств. Кроме того, присутствие местной общественности и заявленная с самого начала публичность всего мероприятия делала бессмысленной попытки установить какую-либо одну точку зрения.

3. Проведение мероприятия в форме "игры" создавало для участников состояние психологической и социальной защищенности: в игре нет начальников и подчиненных, сказанное в игре может в случае опасности интерпретироваться как сказанное "для игры". Кроме того, несколько условный характер действий в игре позволял в необходимых случаях оторваться от конкретных ситуаций и рассуждать о более общих вещах, которые труднее поддаются цензуре и контролю. Эта же условность "игры" позволила сделать и один из самых трудных поворотов – переход к "судебной" форме экспертных слушаний, в которых "отменялись" действующее законодательство и Советская Конституция.

В целом же степень независимости от внешних условий получилась такой, что высокопоставленные чиновники вынуждены были давать показания на "суде", а группа западногерманских журналистов, посетив заседание экспертизы, пришла к выводу, что такая свобода мнений в ФРГ была бы трудно достижима, а организатор такого действия наверняка попал бы уже под настоящий суд.

Общественный характер СЭЭ

Общественный характер экспертизы проявлялся прежде всего в трех оппозициях: не узкопрофессиональная (экологическая, экономическая, финансовая, юридическая, инженерно-технологическая или какая-либо другая) экспертиза; не государственная (хотя представители почти всех государственных органов присутствовали) – эту экспертизу государственные органы не заказывали и ее результаты и материалы для государственных органов не имеют официального статуса; не закрытая как для участия всех, кто заинтересован в проблеме, так и в смысле отсутствия монополии на истину и, тем самым, открытая для разнообразных продолжений.

Против экологов

В основе организации СЭЭ лежала простая и здравосмысленная идея: экологическая проблема – это проблема нашей (человеческой) цивилизации, нашего общественного строя, наших способов деятельности, а не проблема состояния природы. Следовательно, исследовать и анализировать надо, прежде всего, общественные структуры, а то, что изучается как загрязнение природы и ее состояние – всегда лишь последствия. На уровне идеи и лозунга это принимают почти все, имеющие отношение к экологии. Но когда дело доходит до практических дел и необходимости научных выводов, идея превращается в проблему. А большинство экологов – либо борющихся за чистоту и сохранность природы, либо изучающих природу в ее многочисленных и сложных связях – оказываются не у дел, так как не могут ответить ни на вопрос "что и как делать?", ни на вопрос "в чем экологическая проблема?" как таковая. Особенно болезненна такая постановка вопроса в стране, где гуманитарные науки либо отсутствуют (ясно, что "специалисты", обосновывающие любые решения власти и обеспечивающие их идеологическую чистоту, к таковым наукам не относятся), либо находятся на весьма низком уровне. И где, следовательно, перенести внимание с последствий на причины и перевести вопрос в организационно-практическую действительность оказывается трудно не только по

идеологическим причинам, но и в силу отсутствия знаний (социологических, этнических, исторических, демографических, управленческих, технологических и т.п.). Это означало, что практически весь коллектив участников экспертизы параллельно с профессиональной и позиционной экспертизой вынужден заниматься и вопросами создания метода такого перехода. А это, в свою очередь, требует участия специалистов-методологов.

Необходимость методологической организации экспертизы

Ориентация на содержательную сторону организации экспертизы означает, что метод осуществления экспертной работы в очерченных условиях будет построен, заложен в организацию и форму проведения и освоен участниками. Но, поскольку такая экспертиза проводилась впервые, предполагался экспериментальный режим работы.

Методологическая группа имела метод экспертизы в качестве рабочей гипотезы. Заранее узнать "истинность" метода нельзя. При проектировании общественных институтов работают другие критерии – реализуемость и жизнеспособность созданного.

Таким образом, концепция содержательной организации требовала движения к замыслу и форме организации с двух сторон: от обстоятельств и требований ситуации и от промысливания образцов культурной организации мышления и деятельности (или их создания).

Вторая составляющая в этом случае является определяющей – формирование нового образца организации мышления и деятельности диктует задачу и определяет круг проблем, решаемых в ходе экспертизы.

Комментарий методолога

Методолог, эксплицируя и анализируя понятие экспертизы, привносит организационно-техническую составляющую – не только "что такое экспертиза?", "как можно и должно понимать экспертирование?", но и "как экспертизы организовывать?".

Понятие экспертизы

Выявление понятия экспертизы начнем с анализа специфической ситуации, когда она назначается. Основная ее характеристика – неопределенность и неоднозначность. "Неопределенная и неоднозначная" эта ситуация для того, кому нужно принять решение и осуществить некоторое действие. Неоднозначность и неопределенность относится к последствиям осуществления возможного действия, то есть к будущему. Чтобы принять решение, обращаются к людям знающим – специалистам. И вот в случае, если существующих в данный исторический момент знаний у специалистов не хватает – "неоднозначность и неопределенность" не устраняется, назначается экспертиза. Приглашается эксперт.

Эксперт – это не просто специалист. Это специалист, имеющий уникальный опыт (в том смысле, что опыт не превращается в систематическое знание, которым может воспользоваться любой грамотный специалист) и, соответственно, авторитет.

Авторитет – очень важная характеристика эксперта, поскольку экспертной оценке приходится доверять. Проверить экспертную оценку невозможно – эксперт не может выделить основания своего суждения. Если бы мог, превратил бы свой индивидуальный опыт в систематическое знание и методику. Но дело здесь не только в личности эксперта, но и в той ситуации, с которой он имеет дело. Это ситуация по сложности превосходящая возможности научных знаний. Таких становится все больше – по мере ускорения темпов технологического развития и усложнения общественных отношений – проблемы городов и регионов, прогнозы развития сфер деятельности, политические конфликты и взаимоотношения. И в их числе – экологические проблемы.

Схематизируем смысл сказанного, чтобы обрисовать первые контуры понятия экспертизы. Итак, основу подобных ситуаций задает разделение и отдельное существование "действия" и "знания". Если знаний достаточно, то вопрос об экспертизе не встает, здесь нужны соответствующие расчеты и, может быть, консультация. Если знаний не хватает и ответы на вопросы неудовлетворительны [1], возникает обращение к эксперту. На этом случае обычно анализ экспертирования заканчивается. Но более сложные случаи оценки проектов (а экология дает здесь много примеров) приводят к ситуации, когда экспертов много и они дают разные оценки (или оценка вообще не может быть произведена – с теоретической точки зрения это одно и то же). В этом случае возникает развал традиционного представления об экспертизе. Здесь мы вынуждены либо отказаться от идеи экспертизы (но тогда большой класс самых интересных ситуаций оказывается вне рассмотрения и рационального анализа), либо должны углубить и развить идею экспертирования до такого уровня, чтобы она позволяла работать с такими ситуациями.

Для этого вернемся к вопросу – чего же мы хотим от осуществления экспертизы. Если эксплицировать ожидание, скрытое за сложившимся представлением – ожидается формирование разумного отношения (как следствие разумной оценки) к по-

[1] Нас пока не будет интересовать анализ вопросов о том, какого рода ответы могут считаться удовлетворительными и в каких случаях. В практических ситуациях он решается доверием действующего к специалистам. В теоретическом плане это вопрос о роли знаний в проектной деятельности – здесь рассматриваться не будет.

следствиям возможного действия (отношение к будущему).

Принимая за исходный пункт это положение, начнем рассуждение с вопроса: какие существуют (сразу ограничение – в очерченной ситуации проведения социально-экологических экспертиз) способы формирования разумного отношения? И как появляется возможность оценки?

Комментарий методолога

Но прежде чем начать рассуждение, необходимо установить рамки и ограничения. Дело в том, что вопрос о разуме, его границах и о разумном отношении к миру носит общефилософский характер и, следовательно, не имеет абсолютного ответа, а каждая эпоха и каждый мыслитель дают свои варианты.

Мы же будем вести рассуждение в методологической (не философской, предполагающей направленность на объяснения сущности мира) ориентации, в которой формируется свой идеал рациональности [1].

Для дальнейшего будет достаточно, если мы укажем три момента, конституирующих методологическую ориентацию мышления.

Первый момент – направленность внимания на разработку представлений о мышлении и деятельности, а не на объяснение мира. Обоснование (в упрощенно-наивной формулировке), примерно, такое: знаний о мире накоплено очень много, и узнать все невозможно. Но, если изучить и освоить мышление, где эти знания вырабатываются, то можно узнать все. В логическом плане это рождает постоянное критическое отношение к онтологическим суждениям и особое внимание к методам мышления [2].

Второй момент – постоянное наличие критического отношения (в смысле Канта). Выявление и анализ логических и онтологических оснований каждого суждения и границ их применимости (“истинности” в старой логической традиции). Рефлексивность знания и действия становится принципом организации мышления.

Третий момент – инженерный подход. Приоритет конструктивного и проектного отношения. Чистое мышление должно опредмечиваться в знания, действие, формы организации. Становится значимым и специально изучается сворачивание мышления и понимания в структуры деятельности. И обратно – разрывы в деятельности становятся предметом интеллектуального внимания. Приоритет проектного и конструктивного отношения вводит как ведущие критерии осуществимости, реализуемости, жизнеспособности.

Отсюда следует, что для методологии значимой является не гносеологическая ситуация наличия знания и необходимость его критического освоения, а ситуация многих знаний с признанием равноправия их существования. С другой стороны (но в соответствии с конституэнтами методологической ориентации) наше рассуждение будет ограничивать необходимость свернуть рассуждение в предметные формы, удовлетворяющие описанным выше организационно-практическим требованиям проведения экспертизы.

Продолжение комментария методолога

Теперь вопрос сформулируем несколько иначе: какие типы формирования рациональности возможны и к какому из них отнесем экспертирование. Под результатом осуществления процесса формирования рационального отношения будем понимать появление рефлектирующего себя и свое отношение к миру предметного размышления, материализующегося в знания, понятия, действия, формы организации.

В этом случае можно выделить два предельных типа формирования рационального отношения – назовем их трансцендентальным (эпистемологическим) и институциональным. Основание их выделения – в отличии способа и условий формирования рационального отношения.

Первый тип – трансцендентальный – основан на выделении сущности мира и его результатом является знание о мире и его законах. К этому типу относятся способы создания философских метафизических систем, способы появления и существования науки, вообще – исследовательские типы мышления. Для формирования рационального отношения этого типа обязательным условием является наличие онтологии (картины мира, учения о бытии), которая и определяет критерии рациональности. Экспертирование не может относиться к этому типу, поскольку наличие знания о сущности вещей делает ненужной экспертизу – сразу дается оценка любой ситуации. Сама же ситуация необходимости экспертизы есть лишь ситуация недостаточного количества знаний. Стоит поработать над получением необходимого знания и ситуация исчезнет, уступив место равномерному технологическому процессу.

Второй тип – институциональный – основан на признании принципа многих знаний и в пределе –

[1] До сих пор мы говорили о разумном отношении, далее в тексте мы будем употреблять выражение “рациональное отношение”. Не углубляясь в сложные вопросы отношения понятий разума и рациональности, отметим, что рациональное в тексте используется как более узкое понятие, имеющее большее отношение к логической и критической стороне разума, нежели к нормативной (этической) или чувственной (эстетической) сторонам. Такого различения достаточно для понимания текста, хотя проблема этим только обозначается.

[2] Критическое отношение к возможности метафизики заставляет в качестве предельной вводить рамку истории.

невозможности единой картины мира. Но это означает, что рациональное отношение формируется не к миру, а к конкретной ситуации. И рациональность определяется не знанием о сущности мира, а процедурами формирования отношения – их регулярностью и "правильным" выполнением. Это приводит к одной важной характеристике способов формирования рационального отношения данного типа – они бесконечны. В них нет собственного критерия для ответа на вопрос: на какой стадии рациональное отношение сформировано? Способ существования и трансляции институциональных способов – социокультурные институты. Особенность этих институтов – способность работать с ситуациями любой сложности и с неограниченным количеством знаний.

Результат осуществления институциональных процедур – решение как действовать в конкретной ситуации (своего рода "одноразовое знание"). Здесь критериями рациональности является достаточность, понятность решения и его осуществимость (кроме уже указанного критерия соблюдения регулярности и правильного исполнения процедурной части).

Наиболее чистый пример институционального способа – суд. Сталкиваясь с ситуацией любой сложности, суд осуществляет серию циклических процедур типа "следствие–защита–обвинение" до тех пор, пока не будет достигнуто подведение ситуации под существующий закон [1] и присяжные не поймут, в чем суть дела и не вынесут вердикт. В этом случае количество циклов судебного разбирательства никак не ограничено строением института суда (процесс может длиться бесконечно). Завершение происходит по конкретно-историческим (законным и конкретно-ситуативным) (присяжные, время, расходы, политические мотивы) причинам.

Экспертирование мы отнесем к институциональному типу, а экспертизу поставим в один ряд с такими институтами как суд, консилиум, игра. Такое отношение выглядит правдоподобно, а так как дальнейшее рассуждение будет происходить в конструктивно-проектном режиме, то это достаточное основание для начала работы. Если в дальнейшем удается ответить, в чем специфика института экспертизы, как производится оценка, как перерабатывается в ходе экспертизы материал конкретной ситуации (в данном случае экологический) и каковы формы организации экспертизы – а затем реализовать и обеспечить жизнеспособность этого института, значит поставленная задача выполнена.

Специфика экспертизы как института

Специфику экспертизы проще всего показать на сравнении и различении с другими однопорядковыми институтами. В качестве примеров для сравнения возьмем суд, консилиум и игру [2].

Суд имеет дело с уже случившимся и его задача вынести решение о юридической квалификации данной ситуации и санкциях относительно лиц, задействованных в случившемся.

Консилиум должен ответить на вопрос о соответствии больного и режиме лечения, то есть имеет дело с актуальной, не законченной ситуацией и решает вопрос о ее продолжении.

Игра создает особый мир, соразмерный человеку, его желаниям и поддерживает его существование столь долго, сколько человек желает.

Экспертиза, в отличие от них, имеет дело с будущим. Она должна дать оценку возможного сейчас действия с точки зрения будущего.

Отметим еще раз, что каждая институция существует как ответ на постоянное возникновение ситуаций, которые не устраняются регулярными процессами мышления, деятельности, организации жизни и т.п., но требуют формирования рационального отношения.

Исходя из специфических характеристик экспертизы, возникают еще два вопроса, требующих анализа, прежде чем можно будет перейти к схемам организации экспертизы. Это проблема оценки и проблема отношения к будущему.

Проблема оценки в экспертировании

Вообще говоря, оценка построена всегда на приписывании чему-либо значения, исходящего не из сущности предмета, а из обстоятельств оценивающего. Следовательно, в содержании понятия оценки мы имеем, как минимум, пять компонентов: предмет оценки, оценивающего, критерии (или основания), на основании которых производится оценка, способ оценивания, дальнейшее существование оценки (зачем она делается и как будет использоваться).

Нас будет интересовать в отношении представлений об оценке [3] две вещи – оценка должна обладать определенной степенью объективности и должны быть известны основания и способы получения оценки (требование рационального отношения). В разнообразных попытках построить ту или иную теорию

---

[1] А закон конкретен исторически и социально и не может интерпретироваться как "истинный" или "неистинный"; юридическое знание – инженерное знание.

[2] Заранее предупредим возможные упреки читателей в том, что многое не учитывается и вообще – все не так просто с судом, игрой и консилиумом. В нашу задачу не входит их полный анализ как институциональных форм. Нам важно лишь схематически обозначить отличительные черты экспертизы.

[3] Проблема оценки достаточно сложна. И, конечно, всякий квалифицированный анализ строится с учетом различных оснований и подходов. Мы не изучаем чью-либо концепцию, лишь пытаемся обозначить возможную область вопросов.

оценки (при натурализации оснований оценивания, получают понятие "ценностей") можно выделить три типа оснований их построения: этический (нормативно-предписательный), функциональный, субъективистский.

С точки зрения этического подхода оценка – есть указание на выполнение (хорошо) или нарушение (плохо) некоторой социальной или культурной нормы. Такая точка зрения неприемлема в двух отношениях. Во-первых, этические оценки носят, как правило, качественный характер и, следовательно, в организационно-техническом плане работают слабо. Во-вторых, такого рода подход требует сформировавшегося блока норм и предписаний, относительно которых оценивается нарушение (отклонение).

В отношении экологических проблем этот блок не сформирован и вряд ли в ближайшее время сформируется. Прямые апелляции моралистов от экологии сделать вид, что все ясно – "Загрязнять природу – это плохо" – по крайней мере, несерьезны (они не ответят даже на вопрос, что означает загрязнение и что понимать под "природным"?). Вопрос об экологии весьма серьезен и будет рассмотрен особо, а понять, что на этическом пути нас мало что ждет, можно исходя из того хотя бы исторического факта, что нормативы и ценности появляются уже после решения проблем, как указание на пройденный путь, чтобы сделать ненужным повторение исторических ошибок. Экологические ценности и нормативы появятся и обретут культурно-исторический смысл после того, как экологическая проблема будет решена. Пока же сказать этого никак нельзя.

Функциональный подход значение предмета определяет через его функцию в обществе (общественная значимость) или в деятельности (полезность). При этом, объективируя функциональные структуры, уходит от вопроса, как получается оценка – функция предмета уже определена.

Функциональный подход характерен для позитивистских течений в социологии и др. общественных науках. Несмотря на его существенно большую методичность, по сравнению с этическим подходом, для нашей задачи он неприемлем. Дело в том, что, определяя функциональную структуру общества, это делают, исходя из тех или иных теоретических представлений о его природе. Имея же дело с конкретными ситуациями, приходится признавать частный характер любой теории. Тем более проблематично применение такого подхода в экологических ситуациях. А экспертиза, как мы ее понимаем (как институциональную форму) вообще кладет запрет на использование какой-либо теории как ведущей.

Субъективный подход неприемлем в принципиальном смысле – сам вопрос оценки и оценивания он оставляет на произвол конкретного человека, вызывая тем самым либо своего рода бытовой релятивизм (каждый понимает, как хочет), либо мистические настроения. Вопрос об объективной значимости таких оценок ставить, разумеется, невозможно.

Ни один из подходов к нашей задаче впрямую неприменим, но они, каждый по- своему, выделяют значимые моменты общественной жизни, которые необходимо учесть. Во-первых, конечно, нормативную организацию поведения и жизни людей – там, где это носит определяющий характер. Во-вторых, функциональный подход фиксирует внимание на существовании процессов, в которые люди включены и вынуждены жить и действовать по законам своих мест. И, в-третьих, наличие субъективных оценок может указывать на существование явно не выделенных, но существующих уровней общественной жизни, традиций и т.п.

Теперь попытаемся построить рассуждение об оценке и оценивании, вернувшись к их первоначальному смыслу, но уже с учетом существующих точек зрения и имея в виду желаемый результат – метод получения оценки в экологической экспертизе.

Поначалу наиболее очевидным моментом в получении оценки кажется вопрос о ее предмете. Действительно, всякая экспертиза начинается с предположения, что он есть (проект, вещь, система и т.д.). Поэтому перейдем сразу к вопросу о том, кто оценивает. Этот вопрос уже менее очевиден в условиях обсуждаемой ситуации. Ответ – "оценивают специалисты-эксперты" – уже не совсем подходит. Поскольку, если они говорят совсем разное, то, значит, вопрос таков, что в нем нет специалистов (по понятию), а если нельзя выбрать наиболее авторитетных, то нет и экспертов.

Во всяком случае, оставив на время вопрос "кто оценивает", приходится переходить к вопросу: а какие могут быть вообще основания для оценок? Варианты ответа дают в каком-то смысле указанные выше теории.

Тогда мы должны ответить на два вопроса: какой из этих вариантов ближе (более приемлем) для анализа и оценки экологических проблем? или – сущность экологических проблем будет нам диктовать иной подход? Если мы выделим в качестве назначения экспертизы "давать оценку возможного действия с позиций будущего", то кто и как будет представлять это будущее? В зависимости от ответа на эти вопросы мы будем отвечать и на вопросы: кто, как и что оценивает?

Будущее

Вопрос запредельный для человечества и рассматривать все его аспекты, разумеется, не в наших силах. Главное, что здесь нужно сказать – в дальнейших рассуждениях нам придется придерживаться концепции, что будущее творимо. Придется, потому что иные точки зрения – законов истории или предписанности будущего кем-то (чем-то) – выводят за

пределы возможности обсуждения экспертизы, а их принятие делает ненужными ни экспертизы, ни другую целенаправленную активность человека.

Принятие идеи сотворимого будущего не означает произвольности целей. Активность и в области деятельности и в области мышления ограничена (это не значит – определена), с одной стороны, инерционностью общественно-исторических процессов, с другой – возможностями, которые дают используемые средства и методы; с третьей – ресурсами и волей совершающего продвижение активного элемента (человека, группы, сферы деятельности).

Следовательно, в организации размышления на эту тему придется разделять "естественное" и "искусственное". И граница между ними будет зависеть от мощности активного элемента.

Для проблемы оценки из такого понимания будущего вытекает ряд кардинальных (и в значительной мере парадоксальных) выводов.

1. Взять будущее состояние как основание для оценки могут лишь две позиции – творящий будущее (активный элемент) и тот, кто станет испытывать последствия этого творения (страдающий элемент). Парадоксальность ситуации в том, что только обе эти позиции в своем противостоянии и постоянных сдвижках и задают будущее состояние.

2. Будущее состояние – вопрос не теоретический. Это значит, что придется смириться с тем, что знать его невозможно. И какие бы мы размышления о будущем ни построили, они уже неверны. Следовательно, в ходе экспертизы необходимо строить специальную процедуру по представлению (предъявлению) будущего.

3. Оценка с позиций будущего относительна. Относительна в двух смыслах. Во-первых, чтобы нечто оценивать (например, проект) необходимо построить такого же рода объект(ы), но другого качества в отношении к будущему (более "утопичный" или абстрактный, или более продолжительный во времени). Во-вторых, появление оценки возможного действия само является социокультурным действием. Оно меняет ситуацию. Даже в простейшем случае – оценка проекта как экологически вредного, влечет за собой: а) прецедент (или усиливающий прецедент факт), что такого рода проекты не будут реализовываться и проектироваться в будущем; б) заинтересованная в результатах такого рода проектах сторона будет изобретать (проводить исследования и разработки) способ получения результатов совсем другим путем; в) анализ способа проведения экспертизы и получения оценки и попытки их критики от всех заинтересованных сторон и, как следствие, – совершенствование или изменение экспертизы. Следовательно, в экспертизу нужно заложить механизм, учитывающий эту сторону "относительности оценки".

Суть экологической проблемы

Принимая провозглашенную точку зрения на экспертизу как на институт, мы должны сказать, что ни одна из теорий, касающихся проблем экологии, не должна быть принята как ведущая. Но что тогда задает специфику экспертизы как экологической? По введенному понятию – ситуация. Это означает, что необходимо выделить тип ситуаций, которые мы будем относить к экологическим. Но это, в свою очередь, зависит от того, что мы понимаем под экологическим. Выход из этого парадокса в экспертизе только один – принять что объект экспертирования будет формироваться в ходе самой экспертизы; а в ней будут учитывать все современные взгляды на экологическое. Это принципиальный пункт. Он позволяет отказаться от метафизического ответа на вопрос о сути экологического и демонстрирует разницу между трансцендентальным и институциональным способами формирования рационального отношения.

Продолжение темы "Оценка и оценивание"

Проведенное обсуждение вопросов будущего и экологического позволяет дать версию ответов на вопросы: кто, как, что и зачем оценивает? Эта версия и станет основанием построения схем организации экологической экспертизы.

1. Предмет оценки. Предмет оценки формируется в ходе экспертизы, поскольку разные профессиональные и жизненные позиции формируют различные предметы. Столкновение этих позиций по поводу предмета оценки есть основание формирования ситуации, с которой затем "снимается" экологический (или иной) срез – в зависимости от целей экспертизы.

2. Кто оценивает. Все, имеющие отношение к ситуации проведения экспертизы. Важнее всего здесь позиции, представляющие "активный элемент" и "страдающий" – их актуальное столкновение, взаимодействие и самооценка – основной момент проведения экспертизы.

3. Основания (критерии) оценки. Они у всех позиций в процессе экспертирования разные. Условие – чтобы были представлены все современные представления, важные в конкретной ситуации. Первоначальная множественность оценок – условие выделения пространства возможных оснований, которые, в свою очередь, прочерчивает границу современных представлений о жизни и о мире, актуальных в этой ситуации. Отнесение активного элемента к этой границе создает область, в которой формируется предмет оценки экспертизы в целом.

4. Способ проведения оценивания – в следующем пункте "Схемы организации экспертизы".

5. Дальнейшее существование оценки. Работа в ходе экспертизы (при той постановке вопроса, кото-

рую мы приняли) двигается в двух направлениях – а) получение конкретного знания о том, что делать (не делать) в конкретной ситуации; б) в получении схемы-шаблона типичной ситуации с вариантами возможного и невозможного действия в ней. Получение второго вида результатов необходимо, чтобы учесть (и "снять" в знании) возможные последствия проведения этой конкретной экспертизы.

Схемы организации экспертизы

Проведенные выше рассуждения дают возможность построить схемы организации экспертизы. Введенная (как условие) ситуация отсутствия абсолютных критериев оценки ситуации делает сомнительным правомерность разделения "действующих" и "знающих". В этой ситуации каждый может быть экспертом – важно лишь только ответить на вопрос, в какой области. Житель региона максимально компетентен в том, как он живет и как он (и другие жители) будет сопротивляться переменам (или им способствовать). В то же время специалист максимально компетентен не в том, как жить другим (хотя часто этим занимается), а в том, как устроена его сфера деятельности (науки) и каковы возможности ее развития. С этой точки зрения каждый имеет тот уникальный опыт, который отличает эксперта от специалиста. Но практически никто не является специалистом (носителем систематических и точных знаний) по своей области. Все специалисты в своей области (физик – специалист по электромагнитным полям, но не специалист в логике, методологии, социологии и истории науки). Следовательно, чтобы каждый из участников экспертизы стал специалистом по своей области, ему нужно передать способ получения знаний о своей области (не уже готовые знания, а способ их получения – ведь заранее неизвестно, каков опыт и в чем реалии опыта, значимые для общей ситуации).

Если это удается и участник экспертизы смог схематизировать свою профессиональную позицию, то возникает вопрос о ее роли и значении в той ситуации, с которой экспертиза имеет дело. Для ответа на этот вопрос необходимы способы получения знаний другого уровня – об общественных процессах. Если и это удается – возникает вопрос о личном отношении участника к обрисованной ситуации – собирается ли он – и с кем – ее менять, или нет. Если собирается, то как, в каком направлении. Если нет, почему и как будет сопротивляться изменениям. В условиях, когда сформированы и проанализированы профессиональные и жизненные позиции участников, их конфликт (взаимодействие), можно рассматривать как имитацию разворачивания будущего. Оценка этой имитации производится со всех точек зрения, но уже с условием самоопределения участников в отношении их конкретного действия и поведения в конкретной жизни после окончания экспертизы. Таким образом, траектория движения участников в экспертизе замыкается на самоопределении участников и их конкретном действии и поведении.

Чтобы получить общий результат экспертизы, методологи проделывают еще две работы – типизацию ситуации и типологизацию подходов и фиксацию сдвижек, происходящих в ходе экспертизы, используя для этого материал оценок.

Методологическая работа на экспертизе, кроме работы наравне со всеми участниками (по своей траектории) и консультаций по способам построения идеализаций и схематизаций, состоит еще в своеобразной "инженерии знаний". Она включает в себя работу с оценками как с проявлением определенного знания, которое нужно преобразовать без потери содержания, чтобы обеспечить продвижение экспертизы, и в решении вопросов возможности выделения объективной составляющей знаний (оценок) – объективизации.

Анализ проблем эпистемотехники и объективации выходит за рамки данного предисловия и здесь приводиться не будет. Тем более, что в разных методологических традициях он должен осуществляться по-разному.

Сказанного, как нам представляется, было достаточно для проведения экспериментов по построению и проведению подобного рода экспертиз.

С.В. Попов

Февраль 1989 г., Москва

Бурятский областной комитет КПСС
Иркутский областной комитет КПСС
Центральный комитет ВЛКСМ
Совет Министров Бурятской АССР
Иркутский облисполком
Академия наук СССР
Государственный комитет СССР
по охране природы
Советский комитет по программе

ЮНЕСКО

”Человек и биосфера”
Всероссийское общество охраны природы
Союз научных и инженерных обществ

СССР

Газета “Известия”
Журнал ЦК ВЛКСМ “Смена”

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

15–31 октября 1988 г.

ПРОГРАММА И РЕГЛАМЕНТ ОРГАНИЗАЦИОННО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ ИГРЫ

”Анализ перспектив хозяйственной деятельности и разработка подходов к изменению экологической ситуации в регионе оз. Байкал”

15–23 октября 1988 г.

Ориентировочный состав рабочих групп:

I. Региональные группы
Партийные и советские органы
Правоохранительные и контролирующие организации
Предприятия и организации
– Официальные представители
– Выборные представители
Общественные организации
Духовенство
Представители творческой интеллигенции
Пресса
Аналитические группы:
экономисты, управленцы, архитекторы
географы, юристы, градостроители
экологи, философы, врачи
биологи, историки, аграрии
социологи, этнографы и т.д.
Тематические группы:
Развитие образования в регионе
Развитие культуры и науки
Социальное развитие региона
Развитие сельского хозяйства в регионе
Развитие промышленности и энергетики
Развитие туризма и рекреаций и т.д.
II. Представители внешних систем:
Государственные комитеты
Союзные министерства и ведомства
Научные организации
Аналитические группы
Тематические группы
III. Проектные группы:
Проекты и программы развития региона

I ФАЗА. АНАЛИЗ СИТУАЦИИ

15 октября

10.00 – 10.30	Вступительное слово секретаря Иркутского обкома КПСС
10.30 – 12.00	Установочный доклад руководителя игры “Цели и организация работы в игре”
12.00 – 13.00	Заполнение анкеты
13.00 – 13.30	Распределение по группам и знакомство с регламентом и условиями работы
13.30 – 15.00	Обед и отдых
15.00 – 15.45	Продолжение установочного доклада “Задачи работы в группах” и ответы на замечания и вопросы участников
16.00 – 19.00	***Работа в группах.*** Анализ программы и регламента игры, самоопределение участников и постановка целей – рабочих, игровых и производственных. Функциональное распределение в рабочих группах. Подготовка сообщений по теме: “Анализ обстановки в регионе оз. Байкал”
19.00 – 20.00	Ужин
20.00 – 23.00	***Общее заседание.*** Сообщения групп по теме дня и общая дискуссия

16 октября

10.00 – 13.00	***Работа в группах.*** Рефлексивный анализ ситуации в игре и работы группы Подготовка сообщений по теме: “Цели хозяйственной деятельности в регионе и ее перспективы”

13.00 – 15.00	Обед и отдых
15.00 – 18.00	***Общее заседание.*** Сообщения групп по теме дня и общая дискуссия
18.10 – 19.00	***Общее заседание.*** Организация экспертизы: выделение комиссий, исполнительного комитета, группы анализа запросов, экспертов и экспертных групп, инициативных групп, секретариата
19.00 – 20.00	Ужин
20.00 – 22.00	Методологические консультации
22.00 – 24.00	Рефлексия организаторов

17 октября

10.00 – 13.00	***Работа в группах.*** Рефлексивный анализ ситуации в игре и работы группы Подготовка сообщений по теме: “Разработка требований к проектам и программам хозяйственной деятельности и ограничений на ее характер и масштабы”
13.00 – 15.00	Обед и отдых
15.00 – 18.00	***Общее заседание.*** Сообщения групп по теме дня и общая дискуссия
18.00 – 19.00	***Работа экспертизы***
19.00 – 20.00	Ужин
20.00 – 22.00	Методологические консультации
22.30 – 24.00	Рефлексия организаторов

18 октября

10.00 – 13.00	***Работа в группах.*** Рефлексивный анализ ситуации в игре и работы группы Подготовка сообщений по теме: “Цели и перспективы развития науки в регионе”
13.00 – 14.00	Обед
14.00 – 17.00	***Общее заседание.*** Сообщения групп по теме дня и общая дискуссия
17.30 – 19.00	***Работа экспертизы***
19.00 – 20.00	Ужин
20.00 – 22.00	Методологические консультации
22.30 – 24.00	Рефлексия организаторов

19 октября

10.00 – 13.00	***Работа в группах.*** Рефлексивный анализ ситуации в игре и работы группы Подготовка сообщений по теме: “Сохранение природного комплекса и про-граммы развития рекреаций в регионе”
13.00 – 14.00	Обед
14.00 – 17.00	***Общее заседание.*** Сообщения групп по теме дня и общая дискуссия
17.30 – 19.00	***Работа экспертизы***
19.00 – 20.00	Ужин
20.00 – 22.00	Методологические консультации
22.30 – 24.00	Рефлексия организаторов

20 октября

10.00 – 13.00	***Работа в группах.*** Рефлексивный анализ ситуации в игре и работы группы Подготовка сообщений по теме: “Перспективы социального развития региона, систем образования и культуры”
13.00 – 14.00	Обед
14.00 – 17.00	***Общее заседание.*** Сообщения групп по теме дня и общая дискуссия
17.30 – 19.00	***Работа экспертизы***
19.00 – 20.00	Ужин
20.00 – 22.00	Установочный доклад руководителя игры на вторую фазу
22.30 – 24.00	Рефлексия организаторов

II ФАЗА. РАЗРАБОТКА ПОДХОДОВ К ИЗМЕНЕНИЮ СИТУАЦИИ В РЕГИОНЕ

21 октября

9.00 – 11.00	***Работа экспертизы***
11.00 – 13.30	***Работа в группах.*** Рефлексивный анализ ситуации в игре и работы группы Подготовка сообщений по теме: “Разработка принципов организации экологически приемлемого развития региона”
13.30 – 15.00	Обед и отдых
15.00 – 18.00	***Общее заседание.*** Сообщения групп по теме дня и общая дискуссия
18.00 – 19.00	***Работа в группах***
19.00 – 20.00	Ужин
20.00 – 22.00	Методологические консультации
22.30 – 24.00	Рефлексия организаторов

22 октября

9.00 – 11.00	***Работа экспертизы***
11.00 – 13.30	***Работа в группах.*** Подготовка сообщений по теме: “Роль экологической политики в управлении развитием региона”
13.30 – 15.00	Обед и отдых
15.00 – 18.00	***Общее заседание.*** Сообщения групп по теме дня и общая дискуссия
18.00 – 19.00	***Работа в группах***
19.00 – 20.00	Ужин
20.00 – 22.00	***Работа в группах.*** Подготовка сообщений к заключительному заседанию по теме: “Принципы региональной экологической политики”

23 октября

9.00 – 11.00	***Работа экспертизы***
11.00 – 13.30	***Общее заседание.*** Заключительные доклады групп
13.30 – 14.30	Обед
14.30 – 17.00	***Продолжение общего заседания***
17.00 – 18.30	Заключительная рефлексия хода, результатов и организации игры. Индивидуальные выступления участников
18.30 – 19.00	Заключительное слово руководителя игры
19.00 – 20.00	Ужин

24 октября

День отдыха

РЕГЛАМЕНТ ЭКСПЕРТИЗЫ

25–30 октября

9.00 – 11.00	Слушания в комиссиях
11.00 – 13.00	***Общее слушание дела***
13.00 – 15.00	Отдых и обед
15.00 – 18.00	Работа групп анализа
18.00 – 19.00	Обработка в комиссиях новых данных
19.00 – 20.00	Ужин
20.00 – 22.00	***Общее слушание дела***
22.30 – 24.00	Подготовка Акта экспертизы

31 октября

Вручение Акта экспертизы советским и партийным органам, организациям и учреждениям.

СОСТАВ ОРГКОМИТЕТА

Председатели:

Иваницкий Виктор Павлович – секретарь Иркутского обкома КПСС
Саржан Виктор Васильевич – секретарь Бурятского обкома КПСС

Заместители председателей:

Викулов Валериан Евгеньевич – заместитель председателя Президиума БФ СО АН СССР
Елисеев Сергей Викторович – заместитель председателя Президиума ВСФ СО АН СССР
Платонов Лев Анатольевич – первый заместитель председателя Иркутского облисполкома
Попов Сергей Валентинович – заместитель председателя Всесоюзного комитета по оргдеятельностным играм Союза научных и инженерных обществ СССР
Тулохонов Арнольд Кириллович – заведующий отделом науки и учебных заведений Бурятского обкома КПСС
Хафизов Роберт Закирович – заведующий отделом науки и учебных заведений Иркутского обкома КПСС

Ученый секретарь:

Меерович Марк Григорьевич – член Всесоюзного комитета по оргдеятельностным играм Союза научных и инженерных обществ СССР

Члены оргкомитета:

Атутов Артур Антонович – заведующий отделом социально-экономических проблем БФ СО АН СССР
Балдуев Андрей Цыренович – председатель Совета ректоров г. Улан-Удэ
Веденеев Борис Анатольевич – председатель Иркутского областного совета по туризму и экскурсиям
Волков Андрей Леонидович – второй секретарь Бурятского обкома ВЛКСМ
Воробьев Владимир Васильевич – директор Института географии СО АН СССР
Грачев Михаил Александрович – директор Лимнологического института СО АН СССР
Гурман Владимир Иосифович – заведующий лабораторией Иркутского вычислительного центра СО АН СССР
Дамдинов Николай Гармаевич – председатель правления Союза писателей Бурятской АССР
Даржаев Иринчин Гармаевич – председатель Комитета по охране природы Бурятской АССР
Ермиков Валерий Дмитриевич – ученый секретарь программы “Сибирь”
Козлов Юрий Павлович – председатель Совета ректоров г. Иркутска
Кургузов Владимир Лукич – заместитель заведующего отделом пропаганды Бурятского обкома КПСС
Лищук Степан Станиславович – председатель совета по туризму и экскурсиям Бурятской АССР
Матиенко Владимир Александрович – первый секретарь Иркутского обкома ВЛКСМ
Райспер Александр Григорьевич – начальник отдела охраны природы Иркутского Облплана
Саляев Рюрик Константинович – директор Сибирского института физиологии и биохимии растений СО АН СССР
Самсонов Юрий Семенович – член бюро Иркутской писательской организации
Сбитнев Владимир Семенович – собственный корреспондент “Известий” по Восточной Сибири
Семенов Бато Семенович – заместитель председателя совета ВООП Бурятской АССР
Урлапова Галина Васильевна – главный архитектор проектов института “Иркутскгражданпроект”
Уханов Павел Павлович – инструктор отдела науки и учебных заведений Иркутского обкома КПСС
Фильшин Геннадий Иннокентьевич – заведующий Отделом региональной экономики и размещения производительных сил Восточной Сибири Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР
Шленова Вера Михайловна – заместитель председателя Иркутского областного Совета ВООП

Руководитель организационно-деятельностной игры С.В. Попов
Методолог-консультант П.Г. Щедровицкий
Заместители руководителя: Т.Н. Сергейцев
М.Г. Меерович
А.П. Павлов
П.Б. Мрдуляш

И.В. Лисовой
Т.В. Бочкарева
Г.Н. Харитонова

СПИСОК

участников организационно-деятельностной игры
”Анализ перспектив хозяйственной деятельности и разработка
подходов к изменению экологической ситуации в регионе озера Байкал” [1]

Представители министерств, ведомств, государственных комитетов

Баранов Иван Николаевич – Минэнерго СССР, заместитель начальника управления охраны природы
Бондаренко Евгений Михайлович – Мингео, главный геолог управления “Главросгеология”
Бочерук Андрей Кузьмич – Минрыбхоз, заместитель начальника технического управления
Вербицкий Александр Александрович – ЦК ВЛКСМ, заведующий сектором социального развития
и охраны природы
Гасилина Нина Константиновна – Госкомгидромет, начальник управления за загрязнением
природной среды
Горлов Сергей Юрьевич – Высшая комсомольская школа ЦК ВЛКСМ, старший преподаватель
Горьков Валерий Анатольевич – Госстрой РСФСР, главный специалист
Давлетьяров Фаварис Ганедович – Госкомнефтепродукт
Дианов Виктор Яковлевич – Минцветмет, заместитель начальника отдела охраны природы
Идрусов Руслан Хабибович – Миннефтегазпром, заместитель директора ВостНИИТБ Каменская Юлия Юрьевна – Госкомприроды СССР, главный эксперт Главгосэкспертизы
Карпов Виктор Александрович – МПС, главный эксперт по охране природы
Краковский Альберт Иосифович – Госкомитет, начальник управления социальной статистики Кузин Александр Константинович – Госкомприроды
Кузнецов Виктор Иванович – Минтрансстрой, главный специалист технического отдела Масленникова Анна Алексеевна – Госкомприроды РСФСР, главный специалист
Мачкалова Сусанна Александровна – Госплан Армянской ССР
Меликян Карине Артаваздовна – Госплан Армянской ССР
Миленин Борис Олегович – ГКНТ, начальник отдела охраны природы
Михайлов Алексей Владимирович – Госкомприроды РСФСР, начальник отдела
Мишин Юрий Федорович – Госкомнефтепродукт, начальник отдела охраны природы Мороз Павел Иванович – Госкомлес
Морозов Николай Павлович – Госкомприроды СССР, заместитель начальника управления научно-технических программ и экологических нормативов
Мужелевский Петр Михайлович – Мингазпром, заместитель начальника главного научно-технического управления
Нугаев Раис Янфурович – Миннефтегазпром, директор института ВостНИИТБ

[1] Список участников составлен на основе регистрационных листов и включает те сведения, которые сообщили о себе сами участники..

Рузанов Владимир Иосифович – Минрыбхоз СССР, начальник отдела контроля за промыс-
лами и регулирования рыболовства
Сметанин Вячеслав Владимирович – Минлеспром
Солопов Михаил Павлович – Госснаб СССР, главный специалист
Тихомиров Владимир Дмитриевич – Госстрой СССР, начальник отдела химического комп-
лекса
Государственной экспертизы
Трещов Владимир Андреевич – Госкомприроды РСФСР, заместитель начальника управле-
ния Хромов Николай Степанович – Госплан РСФСР
Швецов Михаил Михайлович – Совет Министров РСФСР

Представители Иркутской области

Абраменок Петр Петрович – Зиминский лесхоз, директор
Бабученко Александр Николаевич – Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат, секре-
тарь
парткома
Белов Алексей Васильевич – Институт географии СО АН СССР, заведующий лабора-
торией
Бель Александр Александрович – Свердловский райком ВЛКСМ, заведующий отделом
Березкин Юрий Михайлович – Отдел региональной экономики и размещения произво-
дительных сил Восточной Сибири ИЭиОПП СО АН СССР,
заместитель заведующего отделом
Блудов Борис Александрович – “Ангарскнефтеоргсинтез”, генеральный директор
Большаков Андрей Геннадьевич – ИПИ, старший преподаватель
Булыгин Владимир Владимирович – “Фонд Байкала”, заместитель председателя
Бурин Геннадий Сергеевич – Байкальский филиал института экологической токсико-
логии Госкомприроды СССР, заведующий отделом
Варламов Владимир Васильевич – Листвянский поселковый Совет, председатель
Васильков Геннадий Викторович – Иркутский обком КПСС, инструктор
Винобер Анатолий Викторович – Иркутский обком ВЛКСМ, директор экологичес-
кого центра Вокин Юрий Яковлевич – Голоустенский сельский Совет, председа-
тель
Вонсович Ольга Васильевна – Сибгипробум, главный специалист
Воронин Виктор Иванович – СИФИБР СО АН СССР, научный сотрудник
Галазий Григорий Иванович – Байкальский экологический музей СО АН СССР, ди-
ректор Гедич Валентина Георгиевна – ИИНХ, консультационное агентство “Гене-
зис”
Грачев Михаил Александрович – Лимнологический институт СО АН СССР, ди-
ректор
Гурман Владимир Иосифович – Иркутский вычислительный центр СО АН СССР, заве-
дую-
щий отделом
Дронин Вячеслав Степанович – Иркутский обком КПСС, заведующий отделом
Дружинин Владимир Никитич – Ольхонский райком КПСС, первый секретарь
Жуков Константин Сергеевич – Иркутский обком КПСС, инструктор
Заяц Александр Михайлович – Байкало-Ленский государственный заповедник, директор
Зубков Валерий Степанович – Общественное движение “В защиту Байкала”
Зуляр Юрий Анатольевич – ИГУ

Ивантеев Геннадий Михайлович – Иркутский Облсовпроф, технический инспектор ВЦСПС
Исаков Николай Николаевич – Областные курсы ГО, старший преподаватель
Калихман Аркадий Давидович – Иркутский Совет по туризму и экскурсиям
Коврижных Сергей Викторович – Горисполком г. Байкальска, председатель
Козленко Владимир Павлович – Слюдянский райком КПСС, первый секретарь
Константинов Геннадий Николаевич – ИГУ, заведующий кафедрой
Коренев Юрий Евгеньевич – Свердловский райком КПСС, заведующий отделом
Кострубов Иван Николаевич – Восточно-Сибирская железная дорога, заместитель главного инженера
Кулиш Владимир Павлович – Общественное движение “В защиту Байкала”
Ладейщиков Николай Павлович – Лимнологический институт СО АН СССР, заведующий лабораторией
Лазебный Владимир Анатольевич – Настоятель Крестовоздвиженского храма, архимандрит
Лобанова Татьяна Алексеевна – Институт географии СО АН СССР, младший научный сотрудник
Мадонов Виктор Борисович – Общественное движение “В защиту Байкала”
Мажолис Евгений Томасович – ИПИ, доцент
Малых Павел Валентинович – “Общество защиты Байкала”
Мамаджанов Константин – БМТ “Спутник”
Мартынов Алексей Викторович – Институт географии СО АН СССР, старший научный сотрудник
Моложников Владимир Николаевич – Байкальский отдел Географического общества, председатель
Наумов Владимир Алексеевич – Общественное движение “В защиту Байкала”
Ознобихин Федор Иванович – Общественное движение “В защиту Байкала”
Осенькина Валентина Анатольевна – Общественное движение “В защиту Байкала”
Павлов Борис Карпович – Байкальский филиал института экологической токсикологии Госкомприроды СССР, старший научный сотрудник
Пигарева Анна Леонидовна – Иркутский обком ВЛКСМ, инструктор
Платонов Лев Анатольевич – Иркутский облисполком, заместитель председателя
Плешанов Андрей Сергеевич – СИФИБР СО АН СССР, заведующий лабораторией
Пуртова Лидия Яковлевна – Центр наблюдений за загрязнением природной среды Иркутскгидрометслужбы, начальник
Райспер Александр Григорьевич – Иркутский облисполком, заведующий отделом
Ревина С.К. – нет сведений
Решетников Альберт Алексеевич – Прибайкальское лесоустроительное предприятие, начальник
Рудой Владимир Петрович – Ангарский цементно-горный комбинат, главный инженер
Руснак Петр Степанович – Прибайкальский национальный парк, заместитель директора
Рычков Игорь Леонидович – ИГУ, директор института биологии
Самсонов Юрий Степанович – Иркутская писательская организация
Светник Тамара Васильевна – ИИНХ
Седов Эдуард Петрович – Рудоуправление, директор
Семенов Виктор Николаевич – Усть-Илимский ЛПК, директор
Снежко-Блоцкий Вадим Ярославович – “Иркутскгражданпроект”, заведующий отделом

Сорока Геннадий Дмитриевич – Иркутское управление лесного хозяйства, начальник отдела
Старостенко Ольга Ивановна – Западно-Байкальская прокуратура, прокурор
Сушков Сергей Григорьевич – Прибайкальский национальный парк, лесничий
Тахтеев Вадим Викторович – Лимнологический институт СО АН СССР, стажер-исследователь
Тергоев Владимир Иванович – Общественное движение “В защиту Байкала”
Троицкая Людмила Ивановна – ИИНХ, консультационное агентство “Генезис”
Труфанова Наталья Яковлевна – Отдел региональной экономики и размещения произво-дительных сил Восточной Сибири ИЭиОПП СО АН СССР, младший научный сотрудник
Уханов Павел Павлович – Иркутский обком КПСС, инструктор
Федоров Константин Михайлович – нет сведений
Фильшин Геннадий Иннокентьевич – Отдел региональной экономики и размещения производительных сил Восточной Сибири ИЭиОПП СО АН СССР, заведующий отделом
Хамарханова Марина Николаевна – Общественное движение “В защиту Байкала”
Хамитов Гумар Павлович – ИИНХ, заведующий кафедрой
Харитонов Арнольд Иннокентьевич – Областной Совет ВООП, заместитель председателя
Хафизов Роберт Закирович – Иркутский обком КПСС, заведующий отделом
Хицкая Елена Валентиновна – Байкальское бассейновое управление, главный инженер
Хлебович Игорь Александрович – Лимнологический институт СО АН СССР, старший научный сотрудник
Худяков Анатолий Елисеевич – Иркутский обком КПСС, заведующий отделом
Чебаненко Белла Борисовна – Общественное движение “В защиту Байкала”
Черкашин Александр Константинович – старший научный сотрудник ИГ СО АН СССР
Черников Дмитрий Серафимович – Прибайкальский национальный парк, и.о. директора
Чехов Владимир Федорович – Слюдянский райисполком, председатель
Шарыгина Людмила Ильинична – “Иркутскархпроект”, директор
Шафиров Леонид Моисеевич – Восточно-Сибирское речное пароходство, начальник
Якобсон Анатолий Яковлевич – Отдел региональной экономики и размещения производительных сил Восточной Сибири ИЭиОПП СО АН СССР, заведующий лабораторией
Ярыгин Юрий Александрович – нет сведений

Представители Бурятской АССР

Алдохин Николай Александрович – Селенгинский ЦКК
Алексеев Михаил Лазаревич – ОСЭИ БФ СО АН СССР, старший научный сотрудник
Атутов Артур Антонович – ОСЭИ БФ СО АН СССР, заместитель заведующего
Афанасьев Павел Доржиевич – Республиканская СЭС, главный врач
Балков Ким Николаевич – Союз писателей Бур. АССР
Белоголовов Владимир Федорович – ОСЭИ БФ СО АН СССР, старший научный сотрудник
Борисенко Иван Михайлович – ГИН БФ СО АН СССР, заведующий лабораторией
Брянский Михаил Михайлович – Общественность села Брянск, представитель

Викулов Валериан Евгеньевич – Президиум БФ СО АН СССР, заместитель председателя
Вязинский Михаил Алексеевич – Прибайкальский ИРК
Гаврилова Клара Макаровна – Госплан
Даржаев Иринчин Дармаевич – Госкомприроды Бур. АССР, председатель
Егорова Лариса Ильинична – ЗБТУ, начальник
Зяблицев Александр Юрьевич – МЖК, геолог ПГО “Бурятгеология”
Ильюшкин Алексей Ильич – Байкалрыбвод, начальник
Итыгилов Вячеслав Павлович – Госстрой Бур. АССР
Калягин Лев Федорович – ВостсибрыбНИИпроект, заведующий лабораторией
Карбаинов Иван Евлампиевич – ВООП, Бур. АССР
Кириенко Галина Сергеевна – ОСЭИ БФ СО АН СССР, научный сотрудник
Комелягин Афанасий Афанасьевич – Забайкаллес
Косыгин Алексей Дмитриевич – АПК Бур. АССР
Кургузов Владимир Лукич – Бурятский обком КПСС, заместитель заведующего отделом пропаганды
Легостаев Сергей Михайлович – Бурятэнерго, начальник отдела
Лещук Степан Станиславович – Совет по туризму
Лошаков Виктор Иванович – Лесная опытно-показательная станция
Мангатаева Дарима Доржиевна – ОСЭИ БФ СО АН СССР, заведующий сектором
Масловский Анатолий Васильевич – Гусиноозерский горком КПСС
Музыка Юрий Владимирович – Республиканское общество НИО
Николаев Ярослав Викторович – Телевидение МЖК
Новолодская Надежда Николаевна – Гусиноозерский Минжилкомхоз ГК КПСС, секретарь
Попов Антон Антонович – Кабанский РИК, заместитель председателя
Попов Валерий Николаевич – Байкальский заповедник, директор
Попов Олег Леонидович – Забайкальский национальный парк, директор
Серебрянская Галина Григорьевна – Авиазавод
Слугинов Владимир Юрьевич – Госинспекция по охране воздуха
Стельмашенко Руслан Иннокентьевич – Северобайкальский ГИК
Тарноруцкий Сергей Александрович – ИБ БФ СО АН СССР, ученый секретарь
Татарников Владимир Кириллович – Гидрометеообсерватория, директор
Титов Анатолий Васильевич – Облсовпроф, заместитель председателя
Тулохонов Арнольд Кириллович – Бурятский обком КПСС, заведующий отделом науки и учебных заведений
Хаданов Юрий Францевич – МЖК, горком ВЛКСМ г. Улан-Удэ
Хантургаев Герман Анатольевич – ВСТИ
Хлестунов Петр Михайлович – ТСК, главный инженер
Цыдыпов Баир Мункеевич – Центр буддизма СССР
Цыцыктуева Любовь Александровна – ВИЕН БФ СО АН СССР, научный сотрудник
Шапкин Михаил Аркадьевич – Бурлес ТПК, заместитель директора
Шаргаев Матвей Александрович – БФ СО АН СССР

Внешние ученые, проектировщики, специалисты

Бабич Ростислав Борисович – СоюзморНИИпроект, г. Москва, старший научный сотрудник
Бондарев Анатолий Сергеевич – кооператив “Оркон”, руководитель методологического центра
Бочкарева Татьяна Викторовна – ИГ АН СССР, г. Москва, научный сотрудник

Гетманова Галина Владимировна – КГУ, Г. Красноярск
Добрушин Юлий Викторович – Союзгипролесхоз, г. Москва, главный инженер проекта
Дэвид Бровер – Институт “Остров Земля”, Калифорния, директор
Занданов Чингиз Анатольевич – Иркутскгражданпроект, г. Иркутск, архитектор
Ильина Людмила Николаевна – ИГ АН СССР, г. Москва
Карпенко Александр Дмитриевич – Ленгипрогор
Кузнецов Александр Александрович – Московская писательская организация
Кузнецова Инесса Петровна – Президиум СО АН СССР, г. Новосибирск
Кузнецова Наталья Валерьевна – МГУ, г. Москва
Кузьмин – социально-экологический центр г. Тында
Левинтов Александр Евгеньевич – СоюзморНИИпроект, г. Москва, ведущий специалист
Леонов Олег Евгеньевич – нет данных
Майкл Кинсли – Программа Экономического Обновления, директор
Матюхин Анатолий Алексеевич – КазГУ, доцент, г. Алма-Ата
Мешкова Нина Павловна – Президиум СО АН СССР, г. Новосибирск
Миллер Алексей Борисович – ЛФЭИ им. В.А. Вознесенского, г. Ленинград
Нестеренко Борис Викторович – КГУ, г. Красноярск
Ойзерман Максим Теодорович – Институт инженерных изысканий, старший научный сотрудник
Писарев Сергей Владимирович – Совет Штаба ЦК ВЛКСМ на БАМе, г. Северобайкальск
Плещенко Сергей Владимирович – Институт биологических проблем Севера. ДВО АН СССР, г. Магадан
Полторак Григорий Иванович – Латвгипрогор, главный архитектор проектов
Поляк Владимир Сергеевич – МФИ, г. Москва, аспирант
Ретеюм Алексей Юрьевич – нет данных
Ромоданов Владимир Леонтьевич – ВУКИПИГаз, г. Оренбург, научный сотрудник
Ткаченко Людмила Яковлевна – НИПИ Генплана, г. Москва, старший научный сотрудник
Федулова Зоя Ивановна – Ленгипрогор, г. Ленинград, ведущий архитектор
Хамарханов Виктор Захарович – Ленгипрогор, г. Ленинград
Чепарухин Александр Григорьевич – МГУ, г. Москва, научный сотрудник
Шахназарян Геворг Константинович – Совет Штаба ЦК ВЛКСМ на БАМе, г. Тында, председатель
Энн Бровер – Институт “Остров Земля”, Калифорния, исследователь

Методологи, игротехники

Попов Сергей Валентинович – руководитель игры и экспертизы, методолог
Меерович Марк Григорьевич – методолог
Павлов Александр Петрович – методолог
Сергейцев Тимофей Николаевич – методолог
Харитонова Галина Николаевна – методолог
Шайхутдинов Рифат Габдулхакович – методолог
Щедровицкий Петр Георгиевич – методолог
Андреев Сергей Вольфович – игротехник
Бияк Максим Викторович – игротехник
Волков Дмитрий Юрьевич – игротехник
Ган Алексей Александрович – игротехник
Журавлев Борис Валерьевич – игротехник
Зендриков Юрий Михайлович – игротехник
Знотс Дайнис Эдуардович – игротехник
Кожевников Евгений Александрович – игротехник

С Т Е Н О Г Р А М М Ы

ЗАСЕДАНИЙ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ КОНСУЛЬТАЦИЙ, ОБЩЕСТВЕННЫХ СЛУШАНИЙ

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ ИРКУТСКОГО ОК КПСС В.И. ПОТАПОВА К УЧАСТНИКАМ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Уважаемые товарищи!

От имени бюро областного комитета партии, областного Совета народных депутатов разрешите поприветствовать вас, участников Всесоюзной общественной экологической экспертизы Байкальского региона, на Иркутской земле, прекрасном Прибайкалье.

На XIX Всесоюзной партийной конференции говорилось, что надо наладить по-настоящему и в крупных масштабах социальную экспертизу научно-технических и инженерных проектов с участием широкой общественности, чтобы свести к минимуму, а то и полностью исключить экологические и иные издержки, которые возможны в случае бесконтрольной разработки и реализации этих проектов.

Исходя из этого, Иркутский и Бурятский обкомы КПСС решили выступить организаторами широкомасштабного анализа перспектив хозяйственной деятельности и разработки новых подходов к изменению экологической ситуации в Байкальском регионе. Эта мера, по нашему мнению, должна помочь получить ответ на вопрос: как в принципе должна развиваться, строиться жизнь и деятельность людей в уникальном природном районе, не нарушая ее целостности. Речь идет о разработке основ и принципов единой экологической политики.

Не ошибусь, если скажу, что такой сложной по масштабам и столкновениям интересов ситуации, как на Байкале, участникам экспертизы и специалистам по деловым играм, вероятно, еще не встречалось. Известно, что свои взгляды и планы здесь имеют отраслевые министерства, территориальные органы, общественные формирования, научные учреждения. То, с чем согласны одни, не удовлетворяет других.

Работа в прошлом по своим масштабам и сложности не идет в сравнение с тем, что нужно сделать в предстоящий период по реконструкции и развитию народного хозяйства области. Главными причинами этого являются серьезные диспропорции, сложившиеся в экономике области.

Это, прежде всего, касается несбалансированности между экономическим и социальным развитием области. Бурное развитие промышленности с начала пятидесятых годов определило и высокие темпы прироста населения в области за счет миграции рабочей силы из европейской части страны. В настоящее время в области проживает 2 млн. 850 тыс. человек. При этом, если 50 лет назад в период создания области в городах проживало 45 % населения, то на сегодня уже 81 %. Столь значительные демографические изменения требовали быстрого решения социальных вопросов, но по многим причинам этого не происходило.

В результате область отстала от среднереспубликанских показателей по обеспеченности жильем на душу населения, торговыми помещениями, детскими и дошкольными учреждениями и некоторым другим, составляющим социальную сферу.

Существенные диспропорции образовались и в самом производстве. В течение последних пятилеток более половины всех капитальных вложений вкладывалось в промышленность, причем в основном в отрасли специализации промышленного комплекса. Это привело к отставанию сельского хозяйства, транспорта, материально-технического снабжения, базы стройиндустрии. В результате, например, сельское хозяйство значительно отстало от требований дня, оказалось не в состоянии обеспечить потребности населения в продуктах питания. Уже сейчас очевидно, что удельный вес средств, направленных на реконструкцию и техническое перевооружение, остается крайне низким, а экономическая эффективность каждого рубля, вкладываемого в техническое перевооружение, не превышает 30 копеек.

Серьезной проблемой в ходе реализации экономической реформы остается положение в сбалансированности доходов и расходов жителей. В нынешнем, 1988 г. необеспеченность товарами составляет более 500 млн. руб. При этом централизованно сокращаются фонды на многие важнейшие виды продукции и товаров Необходимо учесть, что причиной многих наших проблем на современном этапе перестройки является разрыв между провозглашенными принципами работы предприятий и остающимися, по сути, прежними задачами и методами работы органов управления. Проблема, которая сейчас встает очень остро – это повышение роли Советов всех уровней. Сегодня Советы не имеют ни финансовых средств, ни фондов, ни сырья. А с переводом предприятий на новые методы хозяйствования положение их усугубится. Все труднее будет “выколачивать” деньги и средства на развитие социальной сферы.

Предметом особого внимания обкома партии является развитие производительных сил Прибайкалья и обеспечение охраны озера Байкал.

Байкал – это уникальное явление на нашей планете. Одно из древнейших озер мира. Возраст его исчисляется 25 миллионами лет. Байкал широко известен неповторимостью своего животного и растительного мира, богатыми природными ресурсами. Из 2,5 тысяч видов и разновидностей животных

и растений, две трети эндемичны, то есть нигде больше не встречаются. В этой естественной лаборатории представлен редкий генетический фонд живых организмов, в том числе реликтовых, имеющих планетарное значение. Их изучение дает громадный материал о возникновении и развитии жизни на Земле, способствует развитию фундаментальной эволюционной теории.

Кроме того, Байкал знаменит как крупнейшее хранилище высококачественной и чистой пресной воды. В нем сосредоточено 23 тыс. км^3 воды – это пятая часть мировых и 80 % запасов нашей страны. Озеро имеет удивительный механизм очистки своих вод. Здесь ежегодно воспроизводится около 60 км^3 чистой воды, значимость которой постоянно возрастает в современном мире.

Байкал уникален и по своим природным особенностям. Здесь в год бывает больше солнечных дней, чем на прославленных черноморских курортах. Горы, тундра, суровые морозы и летняя жара – все эти сочетания есть на великом озере. Эти и другие свойства Байкала делают его необычайно притягательным. Миллионы советских людей и гостей из-за рубежа побывали за последние годы на его берегах, чтобы насладиться его необычайными красотами, чистотой его вод и воздуха. Большое значение Байкал имеет для гражданского и эстетического воспитания, туристических и здравоохранительных целей. “Славным морем” любовно называют в народе великое озеро. Байкал по праву считают не только национальным богатством, но и достоянием всей нашей планеты.

Это обстоятельство всегда выдвигало требование – относиться к Байкалу как к региону с особым режимом природопользования, не имеющим аналогов в мире. Как известно, вблизи Байкала располагаются десятки городов, промышленных и сельскохозяйственных предприятий, которые не могут не оказывать влияния на экосистему озера За последние годы воздействие хозяйственной деятельности человека на Байкал существенно возросло. Природным комплексам озера и его бассейна причиняется значительный ущерб.

Основными источниками загрязнения озера Байкал являются промышленные и сельскохозяйственные предприятия, расположенные на р. Селенге и в южном Прибайкалье. Байкальский и Селенгинский целлюлозно-бумажные комбинаты, водный, автомобильный и железнодорожный транспорт, порты, лесосплавные организации и нефтебазы. Наибольшее количество всевозможных загрязнений поступает в озеро с водами Селенги. Она в настоящее время выносит около 65 % растворимых минералов, примерно столько же органических веществ и более 90 % взвесей и нефтепродуктов от их общего поступления в озеро со стоком всех рек его бассейна. За счет атмосферного переноса загрязняющих веществ, выбрасываемых предприятиями Ангаро-Иркутского промузла, на акваторию озера Байкал за год выпадает до 25 тыс. т сульфатов. Всего антропогенное загрязнение сульфатами оценивается в 305 тыс. т/год, что составляет около половины от общего их поступления в озеро.

По результатам исследований водной среды и донных отложений установлено, что Селенгинское мелководье, зона влияния БЦБК и северо-западный район, прилегающий к трассе БАМ, являются зонами неблагополучного экологического состояния.

Антропогенное влияние выносов реки Селенги в озеро Байкал прослеживается по нефтепродуктам, соотношению форм азота и растворенному кислороду на площади до 1500 км^2. По данным СО АН СССР на всей этой площади наблюдается резкое снижение размерно-весовых характеристик промысловых рыб, гибель икры прибрежнонерестующихся бычков, значительное обеднение животного мира в видовом отношении.

По данным Госкомгидромета, четко выраженное влияние БЦБК на озеро Байкал фиксируется по изменению химического состава вод на акватории площадью до 35, а по изменению микробиологических и гидробиологических показателей на площади в 17 км^2.

Район Байкала, прилегающий к трассе БАМ, а также прибрежные участки озера у портов Култук, Слюдянка, Байкал, Выдрино, Танхой и устье реки Баргузин характеризуются загрязнением акватории нефтепродуктами.

Наблюдается ослабление и очаговое усыхание высокогорных темнохвойных лесов Хамар-Дабана, имеющих важнейшее водоохранное и противоэрозионное значение.

Современная экология пока не в состоянии предсказать последствия загрязнения экосистем такими веществами, которые раньше в них отсутствовали. Десять-двенадцать лет назад при выработке норм антропогенного воздействия обращали внимание, в основном, на острую токсичность веществ, проявляющуюся в течение короткого времени на небольшом расстоянии от источника загрязнения. Сейчас акцент сменился на такие вещества, которые долго сохраняются в экосистемах, накапливаются в пищевых цепях, переносятся на большие расстояния, вызывают не острое, а хроническое отравление живой природы. Широко известным примером являются хлорорганические соединения.

В связи с этим следует отметить, что вокруг Байкала имеются десятки очистных сооружений. По требованиям Минздрава СССР после биологической очистки стоки надлежит хлорировать для обеззараживания. Однако хлорированные стоки остро токсичны для гидробионтов. Больше того, в них присутствуют мутагенные, канцерогенные вещества,

представляющие опасность не только для фауны и флоры, но и для человека. Ясно, что хлорирование принесет большой вред Байкалу. Однако проектировщики очистных сооружений этот вред не учитывают. Здесь критерии охраны природы вступают в противоречие с критериями здравоохранения.

Учитывая уникальность экосистемы и огромный риск неправильно оценить последствия загрязнения, сброс подобных чужеродных веществ в Байкал вообще недопустим.

Центральный Комитет партии, правительство уделяют постоянное внимание вопросам защиты бассейна озера Байкал и рациональному использованию богатств края. Только за последние пятнадцать лет было принято 5 постановлений Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР: такие постановления были приняты в 1969, 1971, 1977, 1981, 1987 гг.

На сессии Иркутского областного Совета народных депутатов 6 октября 1987 г. определены задачи советских и хозяйственных органов по оздоровлению экологической обстановки в области, улучшению использования природных ресурсов в бассейне озера Байкал в свете Постановления ЦК КПСС и СМ СССР.

Сессией утвержден комплексный план мероприятий по выполнению Постановления. Большинство районов рассмотрело меры по выполнению Постановления на сессии районных Советов (в шести районах).

О ходе выполнения Постановления по Байкалу трудящихся области постоянно информируют областная газета “Восточно-Сибирская правда”, радио и телевидение.

С информацией в печати регулярно выступают секретари партийных комитетов, хозяйственные руководители, представители природоохранных органов, ученые, писатели, общественные деятели.

Обстоятельная информация по экологическим проблемам области и мерам по выполнению Постановления дана на телевизионной встрече членов бюро обкома партии с трудящимися области в декабре 1987 г.

В январе 1988 г. состоялась двухчасовая телевизионная пресс-конференция ученых СО АН СССР во главе с президентом Сибирского отделения Коптюгом В.А., в ходе которой была дана обстоятельная информация о работе сибирских ученых по выполнению Постановления.

Проделанная работа позволила в основном выполнить предусмотренные Постановлением мероприятия 1987 г., из 15 выполнено 13. В 1988 г. предусмотрено выполнить 39 мероприятий, из которых ожидается выполнение 33:

– разработан проект Генеральной Концепции развития производительных сил в бассейне озера Байкал, проект опубликован в печати для всенародного обсуждения;

– подготовлены и представлены в Совет Министров РСФСР рекомендации для разработки территориальной схемы охраны природы озера;

– утверждены нормы допустимых воздействий на экологическую систему озера;

– с января 1988 г. прекращена рубка лесов главного пользования в водозаборной зоне Байкала. Организованы комплексные лесные предприятия, на которые возложены функции охраны и лесовосстановления Байкальских лесов;

– разработана генеральная схема противопожарного устройства лесов водоохранной зоны озера Байкал, в настоящее время она внедряется в жизнь;

– с 1987 г. начата перевозка древесины по Байкалу в баржах, перевезено 88 тыс. м^3. В 1988 г. планируется половину всей сплавляемой древесины (100 тыс. м^3) перевести в баржах. При наличии необходимого количества барж можно уже в 1989 г. всю древесину перевозить в баржах;

– министерством геологии разработана целевая комплексная программа по развитию нефтегазопоисковых работ в Иркутской области;

– закончено строительство сооружений для биологической очистки сточных вод карьера “Перевал” и турбазы “Байкал”;

– на Байкальском ЦБК выполнен ряд мероприятий по сокращению загрязнений сточными водами и газовыми выбросами акватории озера Байкал;

– закрыто дрожжевое производство;

– проведена реконструкция мокропруткового скруббера корьевого котла № 6;

– закуплено оборудование для утилизации шлам-лигнина, ведется его монтаж со значительным опережением графика работ;

– внедряется в производство проект по сокращению водопотребления на 25 млн. м^3 свежей воды в год. За 1987 г. и 6 месяцев 1988 г. сэкономлено более 10 млн. м^3 свежей воды;

– по поручению бюро обкома КПСС на крупных предприятиях разрабатываются экологические паспорта, в которых содержится необходимая информация об антропогенном влиянии предприятий, в сравнении с нормативами выбросов на уровне лучших мировых образцов, задания по сокращению вредного воздействия на окружающую среду.

Все министерства и ведомства проинформированы о нарушениях предельно-допустимых концентраций и предельно-допустимых выбросов предприятий. Им предложено принять незамедлительные меры по сокращению вредного влияния.

Под угрозой срыва находятся запланированные на 1988 г. работы по Байкальскому ЦБК, модернизация и реконструкция газоочистного оборудования ТЭЦ из-за того, что поставка оборудования инофир-

мами запланирована на второе полугодие 1988 г. Часть заказов на изготовление отечественного оборудования не размещена. Минлеспром вынудил комбинат идти на заключение прямых договоров с заводами-изготовителями, что практически невозможно при сформированных годовых планах.

Министерство среднего машиностроения СССР не обеспечивает выполнение Постановления по развитию мощностей строительных организаций Иркутской области для выполнения объемов подрядных работ по строительству объектов природоохранного назначения. Так, для выполнения мероприятий, предусмотренных Постановлением, на Байкальском ЦБК строительные подразделения Минсредмаша должны выполнять ежегодно около 14 млн. руб. строительно-монтажных работ, однако, ссылаясь на отсутствие мощностей строительных организаций на 1989 г., принимают только 6 млн. руб. Это приведет к срыву выполнения природоохранной программы на этом предприятии.

Министерством газовой промышленности СССР не разработано технико-экономическое обоснование газификации предприятий и, как следствие, не подготовлена документация для начала строительства с 1989 г. объектов, связанных с добычей, переработкой и транспортировкой природного газа, как это предусмотрено постановлением.

На производственном объединении "Ангарскнефтеоргсинтез" Миннефтехимпрома СССР осуществляется строительство установки для утилизации газов, сбрасываемых на факел, и очистки их от сероводорода. Но более квалифицированное использование газов в качестве технологического сырья будет возможно только после строительства установки "синтез газа". Вопрос по закупке импортного оборудования для этой установки до сих пор Миннефтехимпромом СССР не решен, хотя объединение представило свои предложения по экспорту продукции для получения валютных средств.

Министерство энергетики СССР не обеспечивает электрическими мощностями населенные пункты прибрежной зоны озера Байкал, что не дает возможности перевода их на электротеплоснабжение. А строительство линии электропередач Иркутск–Байкальск переносится с 1990 г. на неопределенное время.

Всесоюзным Центральным Советом профессиональных союзов срываются сроки подготовки проектно-сметной документации и строительства очистных сооружений на туристических базах, расположенных на побережье Байкала.

Минречфлот РСФСР неудовлетворительно осуществляет строительство природоохранных объектов в портах озера Байкал. При плане освоения на 1988 г. капитальных вложений на природоохранных объектах 3082 тыс. руб., в том числе строительно-монтажных работ 2114 тыс. руб., за 6 месяцев освоено 786 тыс. руб., в том числе строительно-монтажных работ 772 тыс. руб.

Подводя итоги проделанной работы по выполнению Постановления ЦК КПСС и СМ СССР, можно сделать вывод, что может повториться история предыдущих постановлений по данному вопросу.

Позиции защитников Байкала заложили нравственную основу для принятия важных партийных и правительственных решений. Поддержка со стороны общественности принимаемых партией и правительством мер по охране Байкала необходима и сейчас, так как есть еще влиятельные администраторы и ученые, которые находятся в плену консервативного мышления, руководствуются узковедомственными интересами и личными амбициями.

Вполне очевидно сегодня и другое: выполнение задач, вытекающих из Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, невозможно без перестройки организаторской и политической работы, значительного усиления партийного влияния на решение вопросов охраны окружающей среды. Для всех партийных организаций и трудовых коллективов Постановление ЦК партии и правительства послужило основой серьезного разговора и принятия конкретных мер по решению экологических вопросов, безусловного выполнения природоохранных мероприятий в своем районе, городе, поселке, на предприятии.

Ответственные задачи выдвигаются перед Советами народных депутатов, которые должны стать подлинными хозяевами на своих территориях, четко и последовательно осуществлять полномочия по государственному контролю за рациональным использованием природных ресурсов, своевременным и качественным выполнением природоохранных мер. Более конкретной и целенаправленной работы мы ждем от органов народного контроля, комиссии по охране природы, административных комиссий горрайисполкомов, депутатов и депутатских групп, всех инспекций и обществ, занимающихся охраной флоры и фауны Байкала и прилегающей к нему зоны. Предметом особого внимания партийных, советских органов стали вопросы правильной эксплуатации сооружений и оборудования по очистке сточных вод и выбросов вредных веществ в атмосферу, всемерного укрепления технологической дисциплины.

Многое могут сделать областные и местные газеты, радио, телевидение по мобилизации общественного мнения на борьбу с бесхозяйственностью и расточительством, воспитанию бережного отношения к природе, по контролю за выполнением намеченных мероприятий, пропаганде положительного опыта. Нельзя исключать возможность оживления демагогических настроений среди псевдозащитников Байкала, ставящих под сомнение эффективность намеченных природоохранных преобразований.

Мощное оружие против этого – широкая гласность, демократизм, непрерывный и последовательный общественный контроль.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР направлено на то, чтобы исправить ошибки, допущенные руководителями, учеными, проектировщиками, умеющими мыслить лишь в ведомственных интересах, ускорить решение природоохранных мероприятий, социальных вопросов, которые откладывались “на потом”, как менее важные.

Нефть и газ, богатые месторождения полезных ископаемых, огромные запасы леса, в сочетании с богатейшими водными ресурсами области, охранителем и источником которых является Байкал, дают нам огромные дополнительные возможности по сравнению с другими регионами страны. Все это должно по-хозяйски использоваться в дело, но именно по-хозяйски, не нанося непоправимого ущерба окружающей нас природе.

Выполнить Постановление – значит, выполнить наказ партии и народа. Мы должны сделать все необходимое для охраны озера Байкал и окружающей его природы.

Позвольте пожелать участникам Всесоюзной социальной экологической экспертизы успешной работы, чтобы итоги экспертизы воплотились в конкретные практические дела по охране жемчужины Сибири – озера Байкал.

УСТАНОВОЧНЫЙ ДОКЛАД РУКОВОДИТЕЛЯ ЭКСПЕРТИЗЫ С.В. ПОПОВА О ЦЕЛЯХ И ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ В ОРГАНИЗАЦИОННО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ ИГРЕ

Уважаемые товарищи! Вы уже отметили про себя, а те, кто был вчера вечером, уже и обсудили, что организация этого мероприятия достаточно необычна, имеет свои плюсы и минусы, и многим, как мне вчера сказали (и сегодня повторили перед началом), в общем, не очень понятна. Что же это такое – "социально-экологическая экспертиза"? Что это такое – игра со сложным экзотическим названием "организационно-деятельностная"? Что мы будем делать, зачем мы собрались и каковы будут результаты?

Отвечая на эти вопросы, я хочу, чтобы вы меня поняли и, соответственно, стали либо союзниками, либо противниками. И то и другое достойно внимания и приложения сил.

Мы все сейчас в период гласности и демократизации сталкиваемся с целым рядом эффектов, которые и нам, и большинству населения не очень приятны. Например, вдруг выяснилось, и люди стали об этом узнавать, что, оказывается, далеко не все благополучно у нас с охраной природы. И даже не столько с охраной природы, сколько с элементарной охраной жизни человека. Появились целые серии публикаций, и люди, которые до этого ничего не знали, жили каждый на своем месте, и думали, что все обстоит именно так, как им раньше говорили, были крайне возмущены. По всей стране, вы это можете проследить по печати, возник целый ряд конфликтов. Конфликтов самого разного рода, в том числе и экологических. Люди выходят на демонстрации, на митинги, требуют закрыть заводы, фабрики, не строить атомные электростанции и так далее.

При этом первая и привычная нам реакция органов власти заключается в том, чтобы это безобразие прекратить. Возникает целая серия достаточно острых социальных и даже часто переходящих в политические конфликтов. И порой, когда конфликты разгораются слишком уж часто, люди даже перестают помнить, из-за чего же собственно сыр-бор, поскольку кого-то неправильно забрали в милицию, кого-то куда-то не пустили и т.д. Предметом обсуждения становится уже не само содержание ситуации, с которой началось общественное движение, будь то загрязнение, национальный конфликт, или еще что-нибудь, а собственно отношения, например, территориальных властей и отдельных общественных групп или организаций. То же самое мы наблюдаем в столкновениях общественности, скажем, с министерствами. Опять разгораются совершенно непримиримые конфликты и страсти, доходящие до предела. Ситуация расширяется, и чем больше мы узнаем подробностей, тем больше становится общественная активность наших людей, тем больше возникает опасность, что из конфликтов, имеющих над собой некоторое содержание и действительную проблему, ситуация начинает превращаться в постоянную конфронтацию разных сил.

В этом плане озеро Байкал – не исключение и даже наоборот, как отмечал Владимир Иванович [1], ситуация очень сложна и многогранна, имеет длительную историю затяжных конфликтов, затяжных выяснений отношений, которые дело не продвигают, поскольку стороны становятся на непримиримые позиции и начинают друг с дружкой выяснять отношения всеми возможными способами. Отсюда проистекает весьма любопытный вывод: оказывается, у нас в стране нет, тем более на региональном уровне, такой формы, в которой представители разных, часто непримиримых точек зрения, могли бы встречаться, обсуждать свои взгляды и пытаться найти разумное решение (исходя из смысла и содержания дела, а не из обид, амбиций, политических или политиканских целей). Формы, где не действовали бы привычные административные и другие способы давления.

А ведь мы знаем, что есть способы давления гораздо более страшные и более мощные, чем административные. Например, когда та или иная группа специалистов, разработав какой-либо проект, обвиняет всех остальных в некомпетентности. Этому способствует закрытость информации и многих специальных данных. Таким образом, определенные группы специалистов узурпируют, присваивают себе право на принятие тех или иных решений и на тот или иной проект, что делает невозможным его обсуждение, анализ, критику и выяснение сути дела. Мы к этому привыкли и когда тот или иной проект представляется министерством, то оно говорит: "Над этим проектом работали сотни институтов!.." Естественно, что общественность или обычный человек такой объем представлений переработать не может. "Раз сотни докторов и кандидатов наук работали, – думает он, – наверное, за этим стоит глубокая научная проработка и глубокая мысль". И это есть, на наш взгляд, форма давления гораздо более сильная

[1] В.И. Потапов – первый секретарь Иркутского областного комитета КПСС. См. Приветствие на открытии общественной экологической экспертизы.

и эффективная, чем даже обычное административное давление.

Итак, возникает необходимость построить такую процедуру, такую форму организации работы, где бы стандартные и сложившиеся у нас способы мышления и воздействия друг на друга не работали. Но очень любопытная ситуация возникла при организации этой игры, в которой мы делаем попытку построить форму анализа ситуации, свободную от административных и других форм давления: стали приглашать специалистов, а они говорят: "Чего тут обсуждать? У нас есть хорошие предложения, все дело в министерствах, которые их не выполняют!" Министерства говорят: "А в чем здесь собственно проблема? Есть решение, под него отпущены деньги. Ни на какие другие предложения их использовать нельзя. Будут приняты другие решения, будем их выполнять".

Таким образом, мы обнаружили, что практически все силы, которые заинтересованы в разрешении важнейших и сложнейших для страны ситуаций, подобных той, в которой мы собрались, каждая имеет свою точку зрения, свое мнение и каждая считает, что нужно лишь одно – чтобы остальные эту точку зрения приняли. А дальше начинается предконфликтная ситуация – представители разных точек зрения начинают друг другу их навязывать и говорят: "Обязательно надо, чтобы мы были представлены в количестве, ну скажем, не менее 50 человек!" и т.п.

Здесь возникает первый любопытный вопрос: "Что с этим делать?" И, естественно, первым приходит решение, к которому мы привыкли: попытаться согласовать разные точки зрения и позиции, задать определенность. Практически все, с кем мы сталкивались при подготовке экспертизы, выдвигали такие требования. Кроме обкомов, которые привыкли работать в условиях согласования самых разных точек зрения. Отсюда, кстати, целый ряд претензий, обид и напряженных ситуаций, которые перед началом экспертизы мы имели.

Следовательно, одна из задач этой экспертизы (я еще раз возвращаюсь к началу и хочу, чтобы вы это поняли) состоит в том, чтобы начать разбираться с этими разными точками зрения, претендующими на абсолютную ясность, чтобы начать разбираться с самой этой ситуацией. Причем в формах достаточно необычных и непривычных. Нам придется на время игры забыть, кто мы есть, какие у нас заслуги, должности, соответственно, места и кресла и начинать разбираться по сути дела.

За самой идеей социально-экологической экспертизы стоят более глубокие, на мой взгляд, проблемы. Мы начали их обсуждать с людьми, которые вчера приехали сюда. До сих пор, когда мы проводили экспертизы, они были срезами общей ситуации, то есть мы проводили финансовую, экономическую или технологическую экспертизу. И лишь сейчас беремся за экологическую экспертизу.

Ученые, особенно на Байкале, проводят работы по выяснению, сколько чего гибнет, но при этом мы невольно забываем, что тяжелое положение и те проблемы, которые возникают с природой, это не есть ее, природы, самостоятельное состояние. Это есть следы нашей с вами работы, реализации наших идей, взаимоотношений. Или, другими словами, "машин деятельности", которые мы построили – организации, министерства, производственные системы, которые разворачиваются и работают по своим принципам и законам. Мы с ними воюем, но один человек противостоять им не может, а уж тем более, когда сталкиваются интересы разных систем. Поэтому ситуация очень сложная.

Вот и возникает идея провести не просто экологическую экспертизу (их и так достаточно много было, в том числе на Байкале), которая определила бы, что происходит с природой. А такую экспертизу, которая прояснила бы, что происходит с нами самими. Чтобы она раскрыла, в результате чего мы порождаем такие ситуации, с которыми сами потом не можем справиться. Вот это проблемное ядро практически нигде и никак не оценивалось. Я понимаю, что это есть следствие нашей истории, когда мы считали, что про общество нам все известно и никакого социального анализа проводить не надо. Отсюда название – "социально-экологическая экспертиза".

Когда мы стали продумывать ситуацию, на которую направлена социально-экологическая экспертиза, у нас возникло понимание, что хозяина у этой общей ситуации нет. И даже нет специального представления, которое бы охватывало ситуацию в целом, охватывало бы наши действия, их последствия, природу. Нет даже знаний про это, причем ни у ученых, ни у специалистов, ни у общественности, ни у руководителей. Нет! Мы оказываемся в ситуации полной неопределенности, на которую, кроме того, еще и накладываются интересы различных групп. Непонятно, что надо делать, как надо делать. Ситуация окончательно запутывается.

Поэтому в начале экспертизы мы будем проводить организационно-деятельностную игру, которая, по сути, экспертизой не является, но должна подготовить материал, который будет затем анализироваться и оформляться. Одна из первых проблемных точек – это ответ на вопрос: "С чем же мы имеем дело?" Одни говорят: мы имеем дело с уникальным природным объектом, другие – мы имеем дело с неправильным экономическим механизмом. И таких разноречивых суждений много. Когда мы говорим: "Регион озера Байкал", что мы под этим подразумеваем? Каким образом он определен? Один здесь регион или их много? По каким основаниям регион следует выделять? Если выделять регион по природным данным –

это один регион, если брать загрязнение – это другой регион, а если брать людей, которые воздействуют на территорию, получается третий, транспорт – четвертый и т.д. Выясняется, что мы даже не очень понимаем, с какого рода объектом имеем дело. Хотя все предполагают, что они знают, с чем имеют дело. Реально же мы имеем дело с разными объектами. И это зафиксировано в разных документах, которые мы в ходе игры будем анализировать. Например, Постановление, имеющее очень правильную направленность (это и было воспринято как новое явление нашей жизни), но тем не менее начинающее тормозиться. Или Концепция развития производительных сил, в которой объект совершенно другой – производительные силы и их развитие на определенной территории. Уже между этими двумя документами возникает целый ряд разного рода неожиданных отношений, с чем мы и столкнулись, когда стали готовиться к проведению экспертизы. Часть специалистов говорит: "Концепция неправильная!" Другие: "Мы столько сил положили, разработали в первый раз!" и т.д.

Следовательно, нам придется разбираться с теми вещами, которые до сих пор предполагались самоочевидными. Ведь и госпланы и министерства до сих пор планировали лишь производства, то есть, грубо, заводы со станками. На этом все и останавливалось, так как считалось, что этого вполне достаточно. Это сейчас мы понимаем, что очень многое, если не все, определяется тем, какие люди, какая у них квалификация и подготовка. Если мы сталкиваемся со сложной ситуацией, на которую накладываются еще и экологические проблемы, то опять возникает вопрос: в понятие "производительные силы", которое мы планируем, входит экологическая грамотность или еще что-то должно входить?

Целый ряд такого рода вопросов, с которыми нам надо специально работать, помимо выяснения всех точек зрения. И первое, от чего нам придется отказаться, хотя некоторым это сделать будет весьма трудно, это отказаться от права на то, что кто-то из нас видит истину и может ее представить. Нам придется согласиться, что каждая из точек зрения, с одной стороны, имеет зерно истины, а с другой, явно не охватывает ситуацию в целом.

Уже в игровой манере скажу, что никто до сих пор ситуацию с Байкалом в целом не оценил и не увидел. Нет таких людей! Даже весьма уважаемое СО АН СССР, которое очень много сил на это положило, не может представить ситуацию в целом, со всеми тенденциями развития региона, не может представить и как все это сказывается на Байкале. Даже как природный объект Байкал никто не может описать, ибо никто не может сказать, как встроен в систему природы мира этот сложный, "многослойный" объект.

И дело не сдвинется с мертвой точки до тех пор, пока мы не признаемся и себе, и друг другу, что наша точка зрения (какой бы она ни была) всегда частичная, частная, фрагментарная. И, следовательно, нам необходимо ответить на вопрос, в каком отношении к целому она находится, в каком отношении она с другими точками зрения? Хотя я не думаю, чтобы сразу все себе это сказали. Для этого нам придется поработать, мы до этого всем коллективом дойдем.

Последний момент, который в этой части нужно сказать: для того, чтобы организовать столь сложную нашу работу, нам придется сделать следующее. Мы все с вами здесь собравшиеся – специалисты в той или иной области. Это нужно сохранять, хотя при этом пытаться рассмотреть ситуацию в целом. Сохранять свою профессиональную позицию, хотя мы будем говорить вообще обо всем. И это не вполне нормально, если балерина будет рассуждать о футболе, а футболист о ядерной физике. Поэтому первое, что придется сделать, хорошо предварительно продумав, это определить, как и в каком направлении мы на игре будем работать. Сейчас в фойе перед залом вывешены списки групп, мы их составили так, чтобы охватить все возможные направления, которые могут возникнуть. Но, следуя принципам игры, повесили еще и целый ряд чистых листов, чтобы каждый мог объявить свое направление, собрать единомышленников и работать. После этого, когда мы распределимся по группам, мы соберемся здесь снова и будем обсуждать, уже в более рабочей обстановке, как устроена игра, как устроена экспертиза и другие вопросы. Работать мы будем не в жанре выступлений, а в жанре дискуссий.

Определяйтесь сами, как и в какой группе вам работать. Мы сделаем то, на что мы способны. Если кто-то будет ждать и сидеть в сторонке, и смотреть, что получится, тот окажется в самом проигрышном положении, поскольку сам ничего не сделает и вряд ли поймет, что сделают другие, поскольку один из принципов игры – это работа прежде всего на себя и на то направление, которое выбрали. Эффект зависит от вклада, который сделают те или иные участники. Ждать, что кто-то напряжется и будет работать по тому направлению, которое ему кто-то другой предложил, не приходится.

Сейчас будем работать в следующем режиме: в первой части я буду высказывать свою точку зрения и отношение к этому мероприятию, а во второй части конкретную организацию игры и работы. Прошу задавать вопросы, высказывать все соображения и замечания.

Я надеюсь, что вы иногда будете не согласны, у вас появится свое мнение и своя точка зрения. Один из главных принципов игры: нет абсолютных точек

зрения, и право на истину никому не дано, по крайней мере, на эти 8 дней.

Первый момент, который необходимо понимать, состоит, на мой взгляд, даже не столько в ситуации с Байкалом, сколько в том, в какой ситуации мы сейчас находимся в стране, и почему это вдруг судьба такой вираж сделала, что на Байкале проходит подобная игра, а также экспертиза. Первый пункт моего высказывания называется так: "Проблемы углубления перестройки". Хотя при этом я вам должен сказать, что весьма скептически отношусь к тому, что мы сейчас называем "перестройкой", и к тому, как мы ее делаем. Хотя, тем не менее, мы в ней участвуем, все по-разному в ней работаем и по-разному это видим. Мы уже пережили первый этап перестройки. С одной стороны – упоение, а с другой – шоковое состояние: прошло или уже должно пройти. И мы сейчас прекрасно понимаем целый ряд трудностей, с которыми столкнулись.

Эффекты этих трудностей всем известны – с одной стороны, провозглашаем экономическую реформу и говорим, что вот-вот будет закон о госпредприятии и предприятие отделится от министерства, будет самостоятельным, введет самофинансирование, хозрасчет. А с другой стороны, все прекрасно видим, что ничего этого не происходит. И более того, уже найдены механизмы обхода этого закона о госпредприятии и в большинстве случаев все остается по-прежнему. То же самое с гласностью. Вдруг каким-то образом гласность начинает сворачиваться к обсуждению сталинизма и нашей прошлой истории, а то, что сейчас происходит, практически никем не обсуждается. Еще один любопытный эффект. Мы по всей стране начинаем производить выборы и вводим как обязательную – демократизацию, а в результате заводы и фабрики начинают хуже работать, возникает целая серия конфликтов. Демократизация вдруг невероятным образом скатывается в коммунальную склоку и эту демократизацию, выборность начинают использовать Бог знает для чего. Возникает ощущение, что раньше оно лучше было, можно было с директором договориться и все проблемы решить, а теперь для того только, чтобы человека в командировку отпустить, оказывается, нужно мнение целого трудового коллектива. Трудовой же коллектив часто это решает по принципу "почему он, а не я", "лучше мы все будем одинаковы" и т.д.

Серия таких вот поворотов не улучшает, а ухудшает положение, а экономические реформы и все попытки реорганизовать экономику приводят лишь к тому, что старые системы дестабилизируются. Их начинает лихорадить, сокращаемые министерства перестают выполнять какие-либо функции, занимаются так сказать, своими собственными "сокращениями", обратиться к ним уже почти невозможно, и т.д.

Возникает естественный вопрос (эмоции мы обсуждать не будем, там их целая гамма): "А что же собственно происходит и какого рода шаг необходимо сделать, чтобы ситуация сдвигалась? И куда?" Раньше, на уровне хотя бы каких-то догм, мы знали, куда идем, теперь же выясняется, что мы и не очень-то знаем, куда и зачем мы идем? Куда мы раньше шли и в чем следующий шаг? И эта ситуация повсеместна. Нас всех лихорадит по самым разным поводам. В этой сложной ситуации, которую мы все переживаем и которая неизвестно пока чем закончится, выплывает целый ряд старых болячек, которые до этого просто скрывали или делали вид, что на это не нужно смотреть. Часто мы практически даже не знаем, что с этим всем делать. Возникают конфликты на почве экологии, национальных отношений, между администрацией заводов и рабочими.

Моя точка зрения, может быть, и неправильная, состоит в том, что мы, в нашей стране, оказались не готовы к той радикальной перемене ориентиров, которая происходит. Не готовы вовсе не психологически, не внутренне и даже не организационно, а совершенно по другому поводу, который у нас практически и не обсуждается. Посмотрите, что произошло за время тридцатых годов. За счет того, что мы практически уничтожили политическую активность, ввели административный метод как основной, стали строить все по принципу административных систем и организаций, у нас произошла в стране очень любопытная вещь (я думаю, историки еще будут спорить об этом), произошла узурпация мышления. То есть оказалось, что человек, каждый конкретный человек в стране может мыслить и размышлять только в пределах своей должности, оклада или звания. И больше ему не дано, поскольку все остальное решают сверху. Другие и, например, обычный человек, обсуждать государственную политику не может: "Ну, как же, государственная политика!" Есть лица, которые этим облечены, и вот только они, эти лица, и могут это обсуждать. Все мышление людей оказалось разбитым на части: один работает по своей профессии и про остальное просто не думает; другой работает по должности и про остальное думает только дома. А на работе все мы ограничены и вставлены в рамки, причем это достигло совершенно фантастических масштабов. Я думаю, что это уникальное социальное явление. В тот момент, когда начали разрушаться жесткие административные отношения, вдруг выяснилось, что мы можем только сводить старые счеты, держаться за свои места и пытаться восстановить все то, что мы и так раньше делали.

Я могу пояснить это на примере того института, в котором я работаю. Это Институт нефти и газа им. Губкина. Четыре года назад мы проводили две боль-

шие игры, одна из которых называлась: "Программа освоения Прикаспия". Там сейчас Астраханский газовый комплекс месторождений (охватывает Астраханскую область, Оренбург, область Казахстана). Игры были очень конфликтные и жесткие, так как там присутствовал почти весь профессорско-преподавательский состав научной части института, а он очень большой. Основная претензия, которая нам предъявлялась, заключалась в следующем: "Про что вы нас заставляете думать? Ни я, ни соседний профессор, ни даже мы все вместе ничего со всей этой системой поделать не сможем. Вот когда нам дадут...", – и дальше перечислялся всем знакомый перечень: самостоятельность, хозяйственный расчет и т.д. и т.п. Игра прошла, конфликт остался, а вот теперь, через четыре года, когда при всех этих поворотах вдруг неожиданно почти все, что просили, вдруг дали, выяснилась одна вещь: все делают то же самое, что и раньше – те же исследования, что и были, те же разработки, все осталось по-прежнему.

В одном институте, связанном с нашим (НИИГаз), когда стали переходить на хозрасчет и обсуждать, что же может и должна делать наука, вдруг в определенный момент поняли, что хозрасчет для них – это убийство. Они очень серьезно к этому отнеслись, они говорят: "Мы готовы перестроиться". Но, когда стали перестраиваться, единственное, что смогли сделать – это поменять название отделов и перетасовать людей. И они пришли к любопытному выводу: по-новому работать не могут, их никто этому не учил и, более того, способы "работы по-новому" стали искать, а их нет. Но они достаточно сильно в этом плане продвинулись, для них действительно возникла кризисная ситуация. Большинство же, для кого такая ситуация не возникла, рассуждает примерно одинаково: "Я 20 лет честно работал, чего мне перестраиваться, пусть перестраиваются другие!" И этим, на мой взгляд, ситуация перестройки отягощена, она становится почти безнадежной, от того, что люди не имеют или не хотят размышлять, а все свои отношения строят административным, коммунальным или социально-мафиозным способом: здесь приятели, там приятели. И фактически все попытки перестройки в этом увязают. Примерно та же самая ситуация складывается вокруг Байкала. Может быть, я буду говорить резкие вещи, которые вам покажутся несбыточными, но на мой взгляд, когда ситуация придет, рассуждать будет поздно. Об этом нужно думать заранее.

Президент Сибирского отделения Академии наук так прямо и спрашивал меня при подготовке этой игры: "Начнете вы обсуждать ситуацию на Байкале и первое, с чем столкнетесь, что ничего там сделать нельзя. До тех пор, пока не будет перестроена вся система отношений между предприятиями и министерствами, пока не будет другого отношения к науке, а наука не будет работать на других принципах и т.д., и что вы будет делать?" Поэтому странный очень вывод прозвучал: "Пока Горбачев все это не произведет по всей стране, что тут обсуждать и делать? А концепция наша ясная: мы (Сибирское отделение Академии наук) действительно имеем свою концепцию, продуманную и проработанную, но до тех пор, пока все это не будет произведено, это не более чем разговоры". Я так понимаю, что сейчас это – почти общее мнение по всей стране. До тех пор, пока не будет произведено решительных действий по изменению всей ситуации, ничего не изменится. В частности и по отношению к ситуации на Байкале.

Тут обсуждаются разные варианты, например, о введении платы за воду, которая "удушит" вредные предприятия. С моей точки зрения, здесь заключена одна из глобальных ошибок, которая обусловлена тем, что размышлять мы разучились. И поэтому не очень размышляем даже над тем, что происходит в стране. А дело, на мой взгляд, в том, что ситуация в целом по стране решена никогда не будет. Не будет! – и весь опыт перестройки показывает это с неимоверной очевидностью. Но, кстати, и прошлая наша история это же показывает: в тот момент, когда мы собираемся в нашей стране провести единую реорганизацию, она захлебывается.

А поворот, изменения, на мой взгляд, лежат в совершенно ином плане, они лежат в принципиальной децентрализации и региональной организации жизни и, между прочим, хотите вы этого или нет, но это уже происходит. Это происходит в Прибалтийских республиках и они, между прочим, уже сильно по своему мировоззрению, по своему способу жизни отличаются от того, что у нас происходит. И если вы посмотрите на тенденции, куда это все движется, то можете прийти к выводу, что там будет нечто совершенно иное, чем по всей стране. Иное происходит и в других республиках. На мой взгляд, если готовить разработки и программы впрок и готовиться заранее, то нужно готовиться именно к тому, что региональные проблемы должны решаться специфическим образом специально для региона.

У нас ведь как получается? Есть специалисты в Сибирском отделении АН СССР по региональным проблемам, весьма уважаемые специалисты, но, когда начинаешь смотреть, чем они занимаются и в каком направлении думают, то выясняется, что они занимаются и думают о разработке территориально-производственных систем – ТПК. Спрашивается: "Что, все регионы должны быть устроены как ТП-системы, или они могут быть по-разному устроены?" Выясняется, например, что в тех же Прибалтийских республиках, это совершенно не обязательно, что целый ряд регионов может быть устроен по-иному, например, как сельскохозяйственные, либо, как на примере ситуации на Байка-

ле, – как специально рекреационно-туристические, либо еще как-то. Но каждый раз при решении проблем необходимо исходить из специфики ситуации региона. Решение проблем лежит не в размножении однообразия по всей стране в соответствии с теми принципами, которые когда-то придуманы в одном месте, а теперь распоряжением откуда-либо сверху – из министерства, Госплана или Совмина – распространяются повсеместно. Совершенно очевидным уже стало, что вся та централизованная система, которая работает вокруг и по поводу Байкала, не способна разрешить его ситуацию. Если мы и дальше будем работать в старом режиме, ученые – разрабатывать концепции, министерства – строить предприятия, территориально-административные органы будут заинтересованы в том, чтобы получить побольше предприятий, поскольку это деньги для местных властей и т.п., то все будет происходить точно так же, как и происходит. А все проблемы, о которых мы говорим и даже иногда кричим: загрязнение, здоровье, чистые продукты и прочее, это все лишь вторичные эффекты всей ситуации экологии. И в привычной системе административных мер и решений эта ситуация, с моей точки зрения (как, кстати, и национальная, и экологическая), не разрешима в принципе, сколько бы мы не старались. Первый мой вывод из этого положения заключается в следующем: нужно работать не на существующие структуры, а совершенно в ином направлении. В каком? Это мы и должны обсудить.

Мне задавали вопрос: "Каков же реальный выход из игры?" Когда группа под руководством Георгия Петровича Щедровицкого в 1980 г. работала на Белоярской атомной станции, то там обсуждалась проблема, которая лишь после Чернобыля стала всем ясна – проблема вывода из строя реактора. Был сделан вывод, что атомные станции в нашей стране проектируются и создаются просто совершенно неправильно и неверно в своем исходном пункте. Потому что, когда их создавали, то не подумали об одном моменте, что атомные станции, как и все, что сделано руками человека, должны представлять из себя машины, то есть должны разбираться, ремонтироваться и уничтожаться. А у нас все атомные станции строятся как вечные. И это даже в идеологию записано: "Как вечные". И поэтому любая мало-мальски значимая поломка приводит к катастрофе. Это было за 6 лет до Чернобыля. Но естественно, что тогда ни Минэнерго, ни Академия наук принять этого вывода не смогли. Они его, кстати, и сейчас не очень-то принимают. И с тех пор этих атомных станций еще спроектировано и построено немало. С момента получения такого вывода ученые и специалисты начали делиться на две группы: одни говорят, что им нужно выполнять планы и строить станции, т.к. это дает реальный ток и реальную пользу стране; другие говорят, что "реальным" является вовсе не это. "Реально" то, что они начинают работать над созданием новых способов и новых технологий проектирования атомных станций. Спрашивается: в чем реальный выход? В первом или во втором случае? Я придерживаюсь точки зрения, что "реальность" во втором случае.

Хотя для производственников, для многих специалистов и ученых этот вывод неприемлем. И когда дело доходит до них, они начинают сильно сопротивляться. То же самое с Байкалом. Я еще раз повторяю: в существующей системе отношений, как бы мы ее ни модернизировали, ситуация, сложившаяся на Байкале, как и другие сложные экологические ситуации, просто неразрешима. Сколько бы мы в существующих рамках голову ни ломали над тем, как мы будем делить деньги, устанавливать задания, строить производства и т.д. Если мы не примем тезиса о том, что ситуация в таком подходе неразрешима, то мы будем приходить все к новым последствиям. А все попытки принять промежуточные, компромиссные решения только залечивают болезнь и ситуацию ухудшают.

Следовательно (и это опять же мой вывод) для того, чтобы работать во втором направлении, то есть создавать мыслительный и интеллектуальный задел, который при повороте ситуации мог бы сыграть решающую роль, необходимо обсуждать региональные структуры: что это такое? Как они могут жить? И вообще обсуждать, если хотите, политику регионализации: как ее проводить? При этом твердо понимая, что сверху она проводиться не будет. За этот путь придется бороться и иметь всевозможные неприятности. Ну, вот, к примеру, так же, как борются прибалтийские республики. Они, например, очень сильно конфликтуют с союзными министерствами, так как те вообще не принимают идеи регионализации и принять не могут. У них это приобрело форму республиканского хозрасчета. Но это не означает, что в других местах нужно делать так же. Пока подобного рода вопросы мы не решим, ситуация, на мой взгляд, не изменится и задача состоит в углублении перестройки, поскольку, если мы этого делать не будем, то постепенно система восстановится в другом виде и мы получим все то, что мы имели несколько лет назад. И это происходит практически повсеместно.

Второе направление, в котором, на мой взгляд, мы чрезвычайно сильно буксуем в демократизации и перестройке – это другое направление развития мышления, проблема развития знаний и систем знаний. Огромное количество информации почему-то закрыто, и никто из простых смертных реального положения знать не может, соответственно, и действовать тоже. Ведь действуя в условиях отсутствия информации, вы все время попадаете впросак. В та-

кого рода игры постоянно друг с другом играют ученые с министерством, партийные органы с общественными организациями и т.д. Начинается серия закулисных игр, которая, на мой взгляд, к подлинной демократизации не имеет никакого отношения. Это есть политиканские игры. Мы достаточно много работаем в самых разных регионах и с самыми разными людьми. Среди них есть выдающиеся ученые, которые ситуацию в нашей стране держат, но ни они, никто другой на самом деле не знает, что в стране происходит, какие процессы, так как нет ни достаточной статистики, ни возможности для анализа. Поэтому по целому ряду вопросов наши выдающиеся ученые отвечают так же, как академик Абалкин, когда ему довольно резко заявили, что "у нас не социализм, а феодально-административная система". Академик ответил: "Может быть, вы и правы, но для того, чтобы сделать такой вывод, мне нужно много лет проводить исследования, а материала для этого нет. Гораздо сложнее сказать это обоснованно и на материале, но нет разработанной теории". Действительно, с тех пор, как закончились дискуссии об азиатском способе производства, никто больше не поднимал вопроса, где и в какой формации мы живем. Все было давно решено, записано и думать запрещалось. Кстати, немыслие становится своеобразной идеологией советских людей, в соответствии с которой говорят: "Зачем же критиковать и обсуждать все вцелом? Есть конкретный пример, есть конкретные люди, нужно конкретных виновников, которые приняли конкретные неверные решения, разыскать и наказать. Разбираться нужно с конкретными ситуациями!"

Приведу один случай. На семинаре, при подготовке к игре, когда я стал обсуждать проблему достаточности и недостаточности системы знаний, участник семинара сказал, чтобы я не вздумал это говорить на берегах Байкала, поскольку каждый защитник Байкала меня тут же в нем и утопит. Поскольку когда рядом хлещет струя грязной воды в чистую воду Байкала, а кто-то при этом начинает глубокомысленно рассуждать, что у нас система деятельности не так устроена, то его попросту утопят и правильно сделают. Трубу затыкать надо или искать и разоблачить виновников, кто и когда какую конкретно бумагу подписал.

Я же, рискуя быть побитым, все же стою на своей точке зрения, что следующий шаг укрепления демократизации нужно делать не на пути поиска конкретных людей, это дело соответствующих органов, а нужно обсуждать механизмы изменения нашей деятельности. Поэтому была придумана идея экспертизы.

Я могу показать на примере, как экологическая экспертиза вводилась в США. Произошло это в начале семидесятых, когда США осуществляли очередной поворот государственной политики (национальных приоритетов). Одним из этих приоритетов была провозглашена экология, понимаемая как благосостояние человека, качество его жизни и состояние природной среды как абстрактность. Итак, они провозгласили один из своих приоритетов, ввели процедуру приемки проектов, при которой каждый проект должен быть принят на государственном уровне, через жесткую серию требований. Но вот что интересно. Поскольку они, в отличие от нас, не хотят делать проектов, которые не будут приняты, они начали проделывать следующее: центр тяжести был смещен на экспертирование не проекта, а замысла! Поскольку проектировщик или те, кто заказывает проект, должны быть уверены, что их замысел пройдет, будет принят, они с самого начала стали приглашать большое количество специалистов (экспертов, консультантов), которые производили анализ самого замысла, ситуации, в которой это происходит и анализа всех альтернатив. После того, как эту работу сделали главной, изменилась вся система проектирования. Стали, например, вводиться требования обязательного включения в проект (к примеру, гидростанции): а) сметы, б) проекта демонтажа и в) проекта постройки на этом месте чего-то другого.

Та экспертиза, которую мы проводим, должна иметь целью не разоблачение тех или иных граждан, которые что-то не так делали (хотя это само по себе занятие довольно эмоциональное), а анализ ситуации, которая сложилась. Цель в том, чтобы определить, какого рода деятельностные механизмы и другие механизмы, которые здесь работают, не дают нам возможности что-либо изменять или исправлять. При этом мы попадаем в очень тяжелую ситуацию, во-первых, такого анализа никто никогда не делал, знаний и представлений по этому поводу явно недостаточно. Поэтому дальше необходимо будет решать: либо заниматься не своей работой, либо сказать: "А ну все это к черту, я буду делать только то, что я умею и знаю, даже если обстановка будет требовать делать совершенно другое для того, чтобы ситуацию изменить". Вполне возможно, что большинство людей так и скажут: "Я конкретный специалист, мне этим заниматься не надо!" Но от того, что мы так скажем, пряча голову в песок, как страус, ситуация не улучшится и изменений не произойдет. Поэтому тем, кто намерен в этой работе участвовать до конца, волей-неволей придется осуществить сложную процедуру, фактически отделить себя, как профессионала, который имеет определенные и глубокие знания, от участника игры, который должен кроме профессионального знания проделать анализ общей ситуации, ситуации на Байкале, выделение способов работы, причем своих собственных. Тем, кто работает в министерстве, лучше это делать не в защиту мундира, а в ориентации на анализ тех спосо-

бов работы, и тех ориентиров, по которым действует то или иное министерство.

В этой связи любопытная ситуация сложилась с Минлеспромом, его "пинают", ругают за БЦБК. Возникла серия конфликтов и скоро возникнет общественное движение против Минлеспрома. Говорят, что он вообще не нужен. Но если посмотреть на эту ситуацию с другой стороны, то окажется, что вся система оценки министерства, весь механизм настроен на то, чтобы он как можно больше древесины уничтожал. Сотрудники министерства говорят: "Вот уберем БЦБК, а кто вам бумагу будет делать, стране нужна бумага" и т.д., хотя всем известно, что КПД выхода бумаги у нас один из самых низких в мире и проблема решается принципиально не на пути строительства новых заводов, а на пути создания новых технологий. А министерство решение начинает искать в направлении самосохранения плана и заведенного порядка дел: здесь БЦБК перепрофилируем, зато в Усть-Илимске создадим компенсирующие мощности. И для министерства, в конечном счете, все остается неизменным, поскольку его функционирование осталось неизменным, т.к. оно лишь в другой части страны прикрепилось к территории.

Нам необходимо будет искать и анализировать решения принципиально иного рода: определять, как и каким образом они могут быть достигнуты, даже если представитель министерства скажет, что этого решения наш министр не примет или что у нас план иной и мы этого сделать не сможем.

Нам этой работой заниматься придется, так как это и есть тот задел, тот "портфель", с которым мы можем начинать работу. А до тех пор, пока портфель не полон, никак ситуацию изменить невозможно. Какие здесь есть вопросы или возражения?

Бондаренко Е.М.: Скажите, где-нибудь еще было нечто подобное ситуации вокруг Байкала? Как они выходили из подобного положения?

Попов С.В.: Нужно сказать, что американцы Великие озера восстановили, хотя они были в ужасном состоянии. Да, есть такого рода работы, но они построены на совершенно других ориентациях, чем на тех производственных, на которых мы их до сих пор решали. На других структурах – экономических, хозяйственных, политических. Нам же нужно придумать выход для себя, поэтому опыт того, что происходит похожего в мире, важен, но не подходит, так как мы живем не в США, не в Канаде, а здесь и здесь жить будем. Поэтому разбираться надо прежде всего с собой. А их опыт – он для них, у нас все совершенно другое.

Из зала: Насколько я понял, вы поставили два принципиальных вопроса. Первый – о перестройке, в частности, по каждой местности, по отдельному региону. Второй – по науке.

Попов С.В.: Не по науке, а по системам деятельности и знаний.

Из зала: Совершенно согласен с вами о региональном подходе, но нужна обязательная увязка с глобальными задачами из центра. Если каждый регион будет развиваться произвольно, то будет плохо. Байкал ценен не только для страны, но и для мира в целом и нам предъявят претензии другие страны, что мы загрязнили Байкал.

Попов С.В.: Абстрактно я с вами абсолютно согласен, а конкретно я абсолютно не согласен с вами. Хорошо рассуждать о том, что региональные интересы должны быть увязаны с общими, но пока мы имеем ситуацию, когда никаких региональных структур, интересов и движения нет, увязывать с глобальными интересами нечего.

С моей точки зрения, вы подменяете региональную систему административно-территориальным делением.

Из зала: Но нужен хозяин!

Попов С.В.: Вы опять ставите вопрос по-старому? Даже если вы создадите Байкало-Бурято-Монгольскую автономную республику (с собственным Совмином и своими министерствами), все равно ничто не изменится и не улучшится. Эта АССР, или назовите ее по-другому, все равно будет заинтересована в том, чтобы союзные министерства у них строили и как можно больше.

Из зала: Региональные интересы выявятся в процессе.

Попов С.В.: В процессе чего?

Из зала: В процессе регионализации общества.

Попов С.В.: Как она будет проходить? Вы по-прежнему хотите это решить в административных рамках.

Из зала: Нужно, чтобы каждая область в целом была хозяином и знала свои проблемы, и могла их решать.

Попов С.В.: Вы извините, я человек грубый, вы будете иметь возможность высказать обо мне все, что думаете, а пока я скажу грубо, но ясно – это все туфта и болтовня. Как это, каждая область "должна знать"? То же самое – "каждый человек должен знать способы и методы своей профессиональной работы, уметь их анализировать и излагать". Но обратите внимание, от того, что я это сказал, вы не научились это делать. И будете вы обсуждать то, что область должна быть хозяином, что территориальные интересы должны быть увязаны с общегосударственными, до скончания века. Это все слова.

Из зала: Я предложил свой способ – вы предложите свой.

Попов С.В.: Вы не предложили свой способ, не сказали, за счет чего берется региональная система в то время, когда у нас есть одна лишь большая фабрика.

Ладейщиков Н.П.: Как вы оцениваете действи-

тельную, реальную значимость фундаментальных научных исследований? Именно их у нас не хватает на Байкале. На словах мы все "за", что фундаментальные исследования совершаются в физике, химии, биохимии, а в таких дисциплинах, как физическая география, подобные исследования не ведутся, не популяризируются и не поддерживаются. Больше того, программа работы на Байкале предусматривает рассмотрение нестандартной, совершенно уникальной, не имеющей аналогов природной системы, точнее природной макробиосистемы. Крупнейшее биологическое, географическое и геологическое образование, подход к ней очень многогранен. Наука может охватить все эти аспекты: экономические, социальные и другие. Как ни странно, это физическая география, так как все области других наук узки. Каково ваше мнение?

Попов С.В.: К фундаментальным исследованиям я отношусь очень хорошо и считаю это главным в развитии людей. Система производства этого не принимает и не реализует. Материальное производство не главное. У нас половина всех заводов работает вхолостую, а мы все больше и больше их строим. Но если обсуждать географию и другие науки, то нужно разбираться специально. У нас есть группа, экономгеографы здесь присутствуют. Это должно стать одной из тем.

Ладейщиков Н.П.: Этот вопрос целесообразно вынести на общее обсуждение, так как мы имеем на Байкале дело с системой кибернетической. Редчайшей системой, она естественная и кибернетическая по всем своим свойствам и признакам: структурным, экономическим и другим. Она имеет прямые и обратные связи с окружающим пространством, отличается устойчивостью, стабильностью и рядом других свойств, которые мы изучаем как физики и математики, аналитическими вычислениями в ущерб объективному подходу к истине. Этот тезис подтверждается анализом самих природных и других факторов, которые сейчас действуют в системе. Сущность проблемы Байкала состоит в том, что мы хотим, развивая промышленность вокруг Байкала, сохранить уникальность Байкала, зная, какими ресурсами обладает Байкал. Вот такая проблема.

Попов С.В.: Я выскажу свое отношение к кибернетическому подходу, но позже.

Гурман В.И.: Я бы хотел, чтобы вы уточнили свою позицию, поскольку перестройка, которая сейчас происходит в стране, ни к чему не ведет и существующая система еще будет долго сохраняться. Байкальскую проблему в рамках этой системы мы решить не можем. Вероятно, по вашим словам, мы должны заниматься каким-то интеллектуальным заделом на будущее, в надежде на то, что система когда-нибудь все-таки изменится. В то же время, исходя из ваших же слов, система никогда не изменится. Необходимо, чтобы вы уточнили свою позицию, уж очень она противоречива. Для чего мы будем работать на этой игре? В чем ваша позиция?

Попов С.В.: Да, я не лишен противоречий. Но я считаю, что перестройка делается настолько, насколько мы ее делаем. И относиться к этому, как к естественному процессу – бессмысленно. А поэтому когда вы спрашиваете: "Будет она или не будет?" – вы задаете бесполезный вопрос.

Гурман В.И.: Что мы сейчас должны сделать?

Попов С.В.: Мы проводили игры с академическими институтами, в которых отрабатывали структуру целеобразования. Выяснилось, что наши советские люди целей не ставят, но когда их все же заставят это сделать, они поступают так же, как и вы – прибегают к начальнику, берут за шиворот и кричат: "Скажите, какие у нас цели?" А я не знаю, не знаю, какие у вас здесь должны быть цели и как вы должны решать эту ситуацию. Я понимаю, какие у меня цели, я их не обсуждаю, но я точно знаю, что я считаю важным и необходимым сделать. При этом совершенно необязательно, чтобы у нас были одинаковые цели. Наверняка у вас другие, и вы должны понимать по-другому. И если мы разное выясним, то, может быть, разговор начнется.

Большаков А.А.: Какие вы видите признаки региональной системы в Прибалтике?

Попов С.В.: На это есть специалисты.

Калихман А.Д.: Не существует ли опасность спекулятивного использования успешной экспертизы в политических целях? А то мы здесь работаем под крылом обкома и облисполкома. Существует ли в структуре игры то, что позволит предохраниться от возможных фальсификаций и корыстного использования результатов?

Попов С.В.: Средств предохранения против всякого рода фальсификаций, политического использования и прочего не существует. Поэтому либо вы вступаете на этот путь, понимая, что вас будут фальсифицировать, искажать и использовать в своих целях, либо не вступаете. Все это заранее предусмотреть нельзя. Предохраниться все равно не сумеем, главное не бояться.

Пуртова Л.Я.: Мне кажется, что экологические вопросы Прибайкалья решить на региональном уровне невозможно. У нас много есть вопросов общесоюзного значения, которые до сих пор не решались. Будете ли вы их рассматривать? Или только региональный уклон.

Попов С.В.: Рассматривать будем все, что вы сочтете нужным для дела. Я не Бог, чтобы знать, что нужно рассматривать, а что не нужно, зато я знаю другое: ситуация в стране такова, что все идет наперекосяк. Поэтому, чем более вы будете ждать решения там, на общесоюзном уровне, тем меньше вы сделаете здесь.

Пуртова Л.Я.: Зачем мы собрались? Все-таки это непонятно.

Попов С.В.: Зачем? Вы же чувствуете себя жертвой в общем эксперименте, который проводится из центра: "Раз они не решают, зачем же нам думать и собираться?" А я считаю наоборот: слава Богу, что они не будут ничего решать, может быть, благодаря этому мы здесь что-либо сумеем сделать, пока на нас внимания не обращают.

Хаданов Ю.Ф.: Идеи регионального самоуправления хороши и мы их поддерживаем.

Попов С.В.: Про это я ничего не говорил, это вы так поняли, поскольку у вас в голове сидят такие схемы. Это не в упрек вам, это для того, чтобы и вы, и все остальные разделяли то, что говорю я, и то, что понимаете вы.

Хаданов Ю.Ф.: Я спрошу о том, о чем я понял. Каким, с вашей точки зрения, должно быть региональное самоуправление, чтобы оно дало толчок для решения Байкальской проблемы.

Попов С.В.: Это вас действительно интересует?

Хаданов Ю.Ф.: Да.

Попов С.В.: Создайте группу, будем работать, разбираться. У меня ответа нет.

Из зала: Что вы понимаете под регионом?

Попов С.В.: Знаете, как один американский сенатор ответил на вопрос о том, где пролегает граница его штата? Он ответил: "Там, куда дотягивается моя рука". Так вот, если создана группа, или слои населения, которые обладают достаточным самосознанием, чтобы сформировать регион, то он, может быть, и возникнет.

Шаргаев М.А.: Сергей Валентинович, есть ли, на ваш взгляд, реальная возможность ликвидации диктата ведомств?

Попов С.В.: Сама ориентация вопроса о ликвидации диктата, централизованной власти, на мой взгляд, не верна. Должны быть разные формы управления. Устранение этой власти как диктата возможно. Нужно смотреть, как здесь конкретно можно это сделать.

Больше вопросов нет? Хорошо. Тогда я перехожу ко второй части – конкретной организации игры и экспертизы.

После организации групп начнется работа в них. Нужно, чтобы каждая группа внимательно прочитала программу, определила свое отношение к ней и выработала свою траекторию, которая может совпадать с программой, а может не совпадать. Вообще, каждая группа и каждый участник может выбирать ту стратегию, которую считает максимально правильной. Главное и единственное требование: тот, кто выбирает свою стратегию, считая ее максимально правильной, должен сказать, для чего именно он это делает, и какие цели может достичь. Чтобы мы знали, кто куда двигается.

После ознакомления с программой группы могут изменить название, определить задачи и цели работы, наметить, что на каком этапе должно делаться. Все это группа делает сама, ставит цели, определяет, что и когда нужно достичь и каким образом, какие другие группы вы собираетесь использовать для этого (кстати, старайтесь использовать их с максимальной эффективностью). Мы сделаем список всех участников: кто, откуда, где живет и в какой группе участвует, чтобы вы могли использовать все возможные контакты. Проявляйте больше инициативы, самодеятельности и организации.

Программа строится следующим образом (чтобы вы знали общий замысел и при необходимости могли вмешиваться и менять). Игра имеет 3 цикла. Первые 3 дня идут традиционные темы, те, которые обычно обсуждают по поводу ситуации на Байкале. Естественно, каждая группа будет обсуждать их по-своему, на основе своих профессиональных интересов. Это тема: "Обстановка на Байкале". Кто как ее видит и почему именно так, а не иначе. Группа сама должна выбрать, в каком разрезе она ее будет анализировать: либо с точки зрения экологии, либо в срезе отношений с министерствами и т.д. И то, что вы считаете важным и нужным, сообщайте. Дальше идет тема "Анализ хозяйственной деятельности", и опять каждая группа вырабатывает свою точку зрения и работает по этой теме. Общие заседания будут устроены так: группы подают заявки на выступление, но готова должна быть каждая группа и на каждый день, чтобы сделать небольшое выступление на 5-7 мин. А более развернуто это можно обсудить в дискуссиях по выступлениям, которые будут после выступлений. Все высказаться за 10 заседаний, конечно, не смогут, поэтому постарайтесь выступать тогда, когда это вам действительно нужно. Следующая тема: "Соотношение обстановки, хозяйственной деятельности, целей и перспектив хозяйственной деятельности". Эти цели либо определены, либо задаются известными вам постановлениями и решениями. И эти постановления и решения тоже должны быть подвергнуты анализу. Нужно показать, насколько они могут реализоваться, насколько не могут, каковы механизмы их реализации, что будет, если они будут выполнены, что будет, если они не будут выполнены? Необходимо просчитать разные варианты и ситуацию оценить. Это будет 1-й этап (3 дня) обсуждения, который мы должны завершить к вечеру 17-го числа.

2-й этап – с 18 октября – обеспечение того или иного существующего варианта развития, это роль науки и перспективы развития науки в регионе. Здесь нам придется рассмотреть, что наука предлагает (это мы должны все время отслеживать, но здесь это станет предметом специального обсуждения). Так же и другие вопросы. Например, может ли экономгеог-

рафия все объединить? И что она дает? Научные группы, кроме выступлений, должны ориентироваться на то, что им принадлежит лидирующее положение.

Задачей 3-й фазы, которая будет строиться в отношении к первым двум, является задача разработки новых вариантов разворачивания событий в регионе, фактически это попытка наметить возможные варианты развития и попробовать их в дискуссии разыграть, посмотрев, что из этого получится. Не те, которые определены и разработаны, а новые пути. Можно ли их построить, как и что за этим стоит. И последнее, что мы должны все вместе "собрать" в игре – это экологическая политика. Я поясню коротко, что за этим стоит. Поскольку одним решением здесь не обойтись, нужна продуманная серия решений, реализация которых зависит от взаимодействия разных систем и групп людей и в том числе от изменения состояния Байкала и природного комплекса. Такого рода программа разных действий в разных вариантах обозначена этим словом "политика". Больше за этим словом пока ничего не стоит, а будет стоять лишь то, что мы разработаем, то есть если мы выработаем представление о регионе, о том, как он может и должен развиваться, какие есть утопические варианты, какие реалистические и т.д. Возможные реализации этих решений пока и обозначают словом "политика". Это общая схема, каждая группа должна конкретизировать ее в том направлении, в котором считает нужным. Научные группы – в своем, производственные – в своем, общественные – в своем и т.д.

Теперь очень важный момент: параллельно с этой работой должна начинаться работа собственно экспертизы. Фактически экспертиза, которая здесь должна произойти, будет достаточно необычной. Она должна будет касаться не только и не столько конкретных проектов, сколько комплексной оценки всей ситуации и экспертизы различных вариантов ее разрешения. И поэтому по отношению к каждому из этапов экспертные группы и отдельные эксперты должны будут производить систему оценок и квалификаций. Нам нужна экспертиза с оценками того, куда приведет тот или иной подход. И это очень хорошо, что оценки будут разные. Важно, что они зафиксируют ситуацию в умах собравшихся людей по поводу Байкала. Завтра мы начнем формировать экспертные группы и давать оценки. Несколько замечаний о ходе игры и режиме работы: выступления групп будут короткими. Вводим правило: вопросы переводить в форму возражения. Главное – выяснить позицию. Не бойтесь ошибиться, и мы что-нибудь новенькое выясним. О работе групп: некоторые группы – довольно большие, они могут поделиться. Еще у меня к вам такая просьба: не строить псевдоединство и демократию – если у вас в группе сложилось два и более мнений, то и делайте два доклада. А если в группе разные направления – разделитесь на две группы и вывесите об этом объявление. Если вы работаете в одиночестве, работайте или найдите себе сообщников. Вообще, не надо, чтобы наша работа была сродни административной системе. Больше самостоятельности! Если вам нужно, то группы могут устраивать совместные заседания. Какие есть вопросы? Поступило предложение о создании новых групп.

Якобсон А.Я.: Я объявил о создании группы "Регион. Границы управления". Правда, мне не совсем ясен механизм формирования группы. Если я не найду единомышленников, что мне делать дальше?

Попов С.В.: Вам трудно, но у нас есть еще группа "Регион". Может быть, в ней вы найдете сообщников. Но если нет – не отчаивайтесь, на игре и один в поле воин. Тема, безусловно, очень важна.

Викулов В.Е.: Будут ли желающие работать в группе "Теоретические вопросы природопользования, или общие вопросы природопользования"?

Из зала: Похожая группа уже есть.

Из зала: К группе географии добавить группу геологии, потому что Байкал является живой структурой.

Попов С.В.: Давайте договоримся, если вы объявляете, что та или иная тема важная, то вы создаете группу, стараетесь найти сообщников и работаете по этой теме.

Карпенко А.Д.: Скажите, тезисы группам необходимо составлять?

Попов С.В.: Эксперты будут использовать тезисы, и о порядке этого мы дальше определимся и сообщим. Выступления групп, записанные на магнитофон либо представленные в виде тезисов, экспертам будут необходимы.

Грачев М.А.: В оргкомитет, указанный в программке, входит часть лиц, в том числе я и еще несколько представителей Сибирского отделения АН СССР. Должен заметить, что ни они, ни я не участвовали в формировании программы игры. Поэтому хочу заявить, что оргкомитет в целом за такую программу ответственности не несет и на авторство не претендует.

В самом начале, когда в Иркутский ОК КПСС приехал Сергей Валентинович, я сказал ему: "Академия наук СССР, вопреки тому, что вы говорите, рассматривала байкальскую проблему именно в целом". Конечно, эту позицию можно критиковать. Естественно, поскольку все можно критиковать, но речь не шла о том, что рассматривалась только охрана природы или только развитие промышленности или что-то еще. Академия наук – межведомственный орган, который рассматривал проблему в целом, в меру своего понимания и умения. Теперь возможно было бы во время игры иметь две позиции:

а) критиковать концепции, которые выработала Академия наук, причем критиковать с привлечени-

ем общественности, промышленности, социологов и т.д.;

б) сама игра выносит вместе с Академией наук на обсуждение общественности свою концепцию.

Из зала: Еще есть 3-я программа – Госплана.

Грачев М.А.: Госплан я не представляю. Мы можем его отдельно послушать. Так вот, Сергей Валентинович внятного ответа на мой вопрос не дал. Он только говорил, что мы хотим работать вместе, что все будет в порядке и т.д. В том, что сейчас нам здесь представлено, нет ни грамма вклада Академии наук. Мало того, Сергей Валентинович в своем вводном слове четко критиковал ряд стратегических пунктов, которые были выработаны Академией наук и ее Сибирским отделением. Думаю, нужно смотреть правде в глаза: я не против критики и считаю это дело очень полезным. Я предлагаю это обдумать и вношу предложение рассматривать это мероприятие как критику концепции, которую коллегиально выработала Академия наук. Это нужно признать и дать слово представителям Академии наук, чтобы они эту концепцию изложили, но не в рамках отдельных групп, а в целом. Я, например, не вижу своего места, где бы я мог работать отдельно, в группе. Я прекрасно понимаю (может быть, этого не понимают те, кто не думал над этой проблемой раньше), что Байкал – это проблема принципиально комплексная. Ну, что я буду делать, например, в группе "Экологии"? И так ясно, что Байкал загрязняется и надо с этим бороться. Что я буду делать в группе "Экономики"? И так ясно, что регион нужно развивать. Поэтому я ставлю вопрос на голосование: выделить на игре место и время, чтобы представители Академии наук внятно изложили нашу концепцию, с тем, чтобы она была подвергнута критике. Но как целое, а не по группам отдельным, а именно как цельное явление.

Из зала: Мы же не для этого собрались.

Попов С.В.: С самого начала было заявлено, и ответственность за программу несет, конечно же, не Академия наук. Руководитель игры я и, следовательно, всю ответственность за программу несу я. Сибирское отделение Академии наук тут ни при чем.

Грачев М.А.: И Академия наук в целом, а кто из оргкомитета при чем?

Попов С.В.: А оргкомитет представляет тех людей, которые посылают свои команды и свою точку зрения отстаивают. Поэтому ваше предложение – представить концепцию Сибирского отделения АН СССР – лично у меня никакого возражения не вызывает. Мы вам предоставим время и вы изложите ее в целом.

Оргкомитету отводится главная роль – представительство! Представительство идей, концепций, позиций. И, кстати, у данного мероприятия такой задачи, как раскритиковать ту или иную концепцию, – нет. Это может быть одной из частных задач, так как частных концепций много, и ваша одна из них.

Грачев М.А.: А такая задача должна быть, предлагаю это сделать! За 2-3 часа Академия наук могла бы управиться с вопросами и ответами. Но не завтра, так как нам нужно подготовиться.

Попов С.В.: Вас устроит, если 18 октября с утра, сдвинув регламент, мы дадим вам время?

Грачев М.А.: А поздно не будет?

Викулов В.Е.: Поздно.

Попов С.В.: Тогда 17 октября. Но чтобы справиться с регламентом, сделаем раньше – не в 10 часов, а в 9. Дадим 2 часа и час на обсуждение и проанализируем концепцию.

Грачев М.А.: И еще одно предложение. Так как сейчас проходит общее собрание Академии наук и ряд наших коллег не может принять участие в обсуждении концепции (но они много вложили в Байкальскую проблему), предлагаю включить их в последнюю стадию нашего мероприятия – экспертизу, которая будет после игры.

Попов С.В.: Представители Академии наук, которые сейчас не могут участвовать в игре, приедут позже – на экспертизу. Сибирское отделение АН СССР будет играть наравне со всеми, а также представит то, что оно до этого наработало. Мы обсудим это в рамках игры. И представители Академии наук могут собраться на экспертизу и представить свою точку зрения.

Из зала: Сергей Валентинович, можно задать вопрос Михаилу Александровичу [1]?

Попов С.В.: Это вы можете сделать на пресс-конференции. Обращаю внимание на то, что здесь у нас много прессы, но это мероприятие не для прессы и не ради прессы, хотя некоторые так думают. Я прошу журналистов работе игры не мешать. Вам приказом по игре запрещается задавать вопросы во время общих заседаний и во время работы групп. А в перерывах, индивидуально, групповым способом можно брать интервью сколько угодно и вообще работать, как прессе заблагорассудится. Пресса может включиться в игру при одном условии, если

[1] Грачев М.А.

ОБЩЕЕ ЗАСЕДАНИЕ
15 октября 1988 г.

**(Доклады рабочих групп и их обсуждение.
Докладчики: Г.И. Фильшин, В.И. Тергоев, Л.Я. Пуртова)**

Попов С.В.: Несколько замечаний перед докладами групп. Во-первых, большие группы неработоспособны. Я думаю, вы в этом убедились. Для того, чтобы работа была эффективной, группы должны быть по 7-8 человек. Во-вторых, доклады прошу начинать с самого главного и не больше 5-7 минут, а потом активно участвовать в обсуждении.

Наша тема сегодня – анализ обстановки вокруг и по поводу озера Байкал. Сейчас выступит группа "Промышленность, строительство и транспорт", затем выступит группа "Партийные и советские органы", затем группа "Правоохранительные органы", дальше по ходу подавайте заявки на выступление.

Фильшин Г.И. (Группа "Промышленность, строительство и транспорт"): Мы сегодня успели сформулировать цели своей работы и некоторые проблемы, которые мы собираемся затем более детально изучить, обсудить, выработать мнение, с которым мы хотели бы выступить перед экспертизой.

Три существенных результата нашего обсуждения:

1) Мы пришли к выводу, что документы, которые сейчас имеются по развитию хозяйственного комплекса, и те, которые реализуются сейчас, в XII пятилетке, и которые предполагают развитие производительных сил хозяйства и промышленности, и строительства, и транспорта на ближнюю перспективу и на более отдаленную перспективу, экологических целей не содержат. Иначе говоря, если мы будем придерживаться тех документов, которые сегодня определяют хозяйственное развитие, то экологическая обстановка, на данный момент являющаяся критической, придет к существенно худшему состоянию.

Этот вывод связан конкретно с тем, что все, наверное, хорошо представляют себе, каким образом в проект Генеральной концепции Байкальского региона, который опубликован, попали такие предложения, которые никак не согласуются с экологическими, социальными целями и целями повышения эффективности хозяйства. Предметно речь идет о том, что недавно вышел целый ряд постановлений, в том числе постановление по Дальнему Востоку, включающее Читинскую область и Бурятскую АССР. И вот эти предложения, связанные с утвержденным постановлением, вошли в обязательном порядке в Концепцию.

С этим согласиться нельзя, поэтому мы, наверное, будем вырабатывать такие предложения, которые внесут корректировку в недавний этот документ. Именно с экологической позиции, с позиции социального развития региона и с позиции эффективности хозяйства.

2) Отсутствие собственных "задельных" работ по технологическому совершенствованию производства. Выяснено, что это повсеместное явление, но в нашем регионе такая технологическая отсталость является нетерпимой. Поэтому надо сформулировать хотя бы общие положения, как идти дальше в этом направлении. То есть вторая проблема заключается в том, каким образом заполнить брешь – отсутствие проектов экологических технологий, отсутствие разработок, которые бы отражали цельные технологические интересы новых поколений.

3) Управление регионом. На наш взгляд, хозяйственный механизм для Байкальского региона надо отрабатывать, не ожидая пока в стране произойдут какие-то радикальные изменения. Нам представляется, что Байкальский регион имеет право на некоторое опережение в этом направлении. Мы считаем, что необходимо отработать хозяйственные нормативы, причем они должны быть щадящими для предприятий, особенно на экологические цели. Надо отработать и дать предложения в общей форме, сформулированные в документах относительно государственной помощи этому региону для того, чтобы навести порядок в хозяйстве, хотя бы на первом этапе. Наконец, надо отработать механизм управления этим регионом (и хозяйственный механизм в нем), направленный на поощрение размещения здесь экологически чистых производств, ввести санкции за определенные результаты взаимодействия с природой размещенных здесь предприятий.

Предполагается, что мы обсудим форму управления, одним из вариантов который может быть Координационный Совет или что либо подобное.

Калихман А.Д.: Где здесь анализ и оценка состояния?

Фильшин Г.И.: Я полагал, что мы должны докладывать о том, как работать дальше.

Попов С.В.: Аркадий Давидович [1], а что, с Ва-

[1] Калихман А.Д.
[2] Фильшин Г.И.

шей точки зрения, Геннадий Иннокентьевич [2] не проделал анализа обстановки на Байкале?

Калихман А.Д.: Нет, не проделал.

Попов С.В.: Геннадий Иннокентьевич – человек мягкий и интеллигентный. Давайте я переведу его слова на более грубый язык. Он говорит, что все эти ваши бесконечные разговоры про нерпу, Байкал и т.д., это все – тьфу. Проблема и ситуация лежат в другом месте. Они лежат в том, что технологии настолько плохи, что хуже некуда. Поэтому чините вы их или не чините, вводите ПДК или что-либо другое – это все без разницы. Ситуация в том, что Байкальский регион должен развиваться в совершенно другом направлении – в направлении развития новых, ультрасовременных технологий. А старые строить нельзя.

Второе. Административная ситуация управления Байкалом либо из центра, либо из другого места, ни к черту не годится.

Оказывается, по мнению Геннадия Иннокентьевича, обстановка на Байкале – это не та природа, о плачевном состоянии которой постоянно пишут, а нечто другое. Если вы с этим не согласны, то так и говорите: "Обстановка – в другом". И рассказывайте, в чем.

Из зала: Что понимается под щадящими нормативами?

Фильшин Г.И.: Мы считаем, что в Байкальском регионе из существующего состояния экономики невозможно выйти без помощи государства. Щадящие нормативы – это означает, что отчисления в централизованные фонды министерств здесь должны быть минимальными или вообще отсутствовать.

Дружинин В.Н.: Считаете ли вы необходимым усиленные капиталовложения государством плюс общественности в развитие региона?

Фильшин Г.И.: Мы этого не обсуждали, поэтому я выскажу свою точку зрения. Я считаю, что дело здесь не в капиталовложениях, а в структуре их использования. На мой взгляд, рассчитывать на большие капиталовложения, чем мы сегодня имеем, это не только мало реалистично, но и неправильно с экономической точки зрения. Нам надо попытаться добиться больших успехов, исходя из имеющихся капиталовложений за счет их перераспределения. Чтобы на социальные программы, на техническое перевооружение, на восстановление городского хозяйства уходило бы больше средств. И на экологические цели. Ведь если сегодня мы посмотрим отраслевые схемы по Байкальскому региону, то увидим, что на экологические цели идет 1, 7 %.

Мы пришли к выводу, что Байкальский регион требует неординарных подходов по структуре распределения ресурсов

Ладейщиков Н.П.: Кто санкционирует дальнейшее развитие Северобайкальска, несмотря на все рекомендации науки о том, что это делать категорически нельзя? Кто сопротивляется переносу БЦБК, почему не обследуется деятельность СЦКК?

Фильшин Г.И.: Я думаю, что о развитии Северобайкальска никого и спрашивать не надо. Другой вопрос, какие сейчас внесены предложения по росту его населения и созданию там промышленности, вопреки не только мнению науки, но и здравому смыслу о нецелесообразности там что-либо делать. Как это могло появиться? А появиться это смогло так, что наши проектные организации, в том числе ЛенНИИПГрадостроительства выполняют заказы тех, кто заказывает и оплачивает работу. А у заказчиков поставлены свои цели. При последнем обсуждении территориально-комплексной схемы охраны Байкала, которое происходило в Бурятии, большая часть выступающих высказалась за то, чтобы отказаться от предложенных проектировщиками схем, ограничить численность населения на территории Северобайкальска. А его промышленное развитие ограничить тем, что сейчас есть: не расширяя, а наводя там порядок.

Ладейщиков Н.П.: Можете ли вы сказать, в какой степени это зависит от местных органов власти?

Фильшин Г.И.: Территориально-комплексная схема составляется по заданию правительства и в соответствии с постановлениями ЦК партии и Совмина СССР, поэтому было отчетливо сказано на совещании по обсуждению проекта территориальной комплексной схемы, что по Северобайкальску будет высказано в этом документе именно такое мнение.

Викулов В.Е.: О Северобайкальске я хочу дать справку. Институт "Ленгипрогор" разработал проект: первая очередь города – до 60 тыс. человек, вторая очередь – после 2000 г. – 80 тыс. человек. Как заявил главный инженер проекта на заседании Президиума Совета Министров Бурятии, я цитирую: "фактически это будет означать 130-140 тыс. человек. Эта цифра неофициальная, в документах ее нет. Совет Министров Бурятской АССР не принял проект, а принял решение о том, чтобы послать генплан развития г. Северобайкальска на ГЭК (государственная экспертная комиссия) Госплана СССР. ГЭК приняла этот проект, создала группу, экспертная группа работала и выезжала в Северобайкальск. В январе этого года состоялось заседание ГЭК, на котором проект г. Северобайкальска был отвергнут. Решение ГЭКа заключалось в том, чтобы ограничить г. Северобайкальск существующей численностью, порядка около 30 тыс. человек".

Гурман В.И.: Вы не охарактеризовали состояние транспортной сети. Хотя тут не требуется, наверное, принципиально новых технологий.

Попов С.В.: Наш опыт работы с транспортом показывает, что в том состоянии, которое есть на се-

годня, технология транспорта просто не годится, так как нет, собственно говоря, никакой технологии. Транспорт у нас работает не так, как во всем мире – как инфраструктура, которая обеспечивает развитие региона. Он у нас работает как "сервис" и поэтому с ним масса проблем.

Фильшин Г.И.: Мы этот вопрос пока не затрагивали, отложили его на завтра, но могу сказать про речной транспорт. Мы этот вопрос обсуждали, и точка зрения Восточно-Сибирского пароходства в том, что надо ликвидировать транспорт на Байкале. В новых условиях самофинансирования он просто не продержится.

Левинтов А.Е.: Если я правильно понял Геннадия Иннокентьевича, в Концепцию, которая сейчас утверждена, включены достаточно механическим образом элементы из Долгосрочной программы по развитию Дальневосточного экономического района, Читинской области и Бурятской АССР[1]. Но в прошлом году, обсуждая эту программу, ее авторы признали, что в этот документ включена еще ранее выполненная работа по программе зоны БАМ. Она была выполнена или в 1982, или в 1984 гг. и, стало быть, те идеи, которые были заложены еще 4-6 лет назад, теперь попадают в суперновую программу. Как бы получая стратегии одних и тех же идей. Я как эксперт хочу зафиксировать, что такие механические включения в одну концепцию совершенно идеологически разных документов, с одной стороны, как средство совершенно не годны, а с другой стороны, явно показывает их нереализуемость.

Фильшин Г.И.: Совершенно согласен с Вами. Мы знаем порядок формирования документов в Госплане СССР. Первый непреодолимый там аргумент, что те постановления, которые по этому региону приняты ранее и сегодня, являются действующими, обязательно должны быть отражены в этом документе. Кроме того, все отраслевые отделы, а они, пожалуй, превышают кратно территориальный отдел (он всего лишь 3 % численности Госплана), требуют еще и визы от них получить. А как вы получите визы, если там не будет отражено принятое недавно Постановление по Дальнему Востоку и Забайкалью.

Еще я хочу сказать, что мы проанализировали недавно отраслевые схемы по Бурятской АССР и по Иркутской области. Технические решения отраслевых схем там заложены двадцатилетней давности. Поэтому, когда такого рода документы кочуют из одного списка в другой, мы сами заранее планируем отставание.

Попов С.В.: А представители Госплана могут это как-нибудь прокомментировать? Будет когда-нибудь Госплан планировать с опережением?

Хромов Н.С.: Я представитель отдела охраны природы Госплана РСФСР, поэтому моя позиция принципиально совпадает с Вашей. Однако, если принимается российское постановление, то ни один юрист его не пропустит с отступлением, от уже существующих постановлений. Это исключено. Если есть свежие постановления, то цифры в новое постановление идут автоматически.

Попов С.В.: Тогда, может быть, надо менять порядок принятия решений. Может быть, отделу охраны природы надо думать над тем порядком, который должен быть, чтобы в зависимости от состояния природы менялись режимы принятия решений.

Хромов Н.С.: Если говорить о территориальной комплексной схеме охраны природы, то она не обязательно должна принимать те цифры, которые записаны в постановлении. А если речь о постановлении, то я уже сказал.

Союзное постановление рассматривалось в Бурятии, в Иркутске, в Чите, его только что согласовали товарищи на местах и после этого оно попадет к нам. Мы можем выказать недоверие той же Бурятской АССР, которая только что согласовала эти цифры. Но естественно, что все цифры идут снизу и вторично не просчитываются, заново эти вопросы не решаются.

Попов С.В.: Если я правильно понял, цифры формируются в основном внизу. Не Госпланом.

Хромов Н.С.: Обязательно! Ни один документ по Бурятии или Иркутску без согласия местных органов не решается. Например, Генеральная концепция развития производительных сил, она же разрабатывалась СО АН, затем ЦНИИ, затем Госстроем СССР, рассматривалась на комиссии по охране природы Союза, была обратно направлена в Совмин РСФСР, Совмин РСФСР направил в Бурятию и в Иркутск для общенародного обсуждения. Произошло обсуждение, на котором одобрили, прислали нам назад данные. Все это было учтено в Генеральной концепции, и она в этом виде и вышла. Если дальнейшее обсуждение вопроса на экспертизе внесет определенные коррективы, изменения, которые будут обоснованы, то, конечно, наши рекомендации будут соответствовать вашим проработкам.

Попов С.В.: Правильно ли я вас понял, что Госплан решения не принимает, он только занимается согласованием?

Хромов Н.С.: Нет. Не согласованием, а разработкой, причем совместно с местными органами. Демократический путь у нас все-таки существует. А

[1] "О комплексном развитии производительных сил Дальневосточного экономического региона, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года". Постановление о разработке этой программы было принято ЦК КПСС и Советом Министров СССР 19 августа 1987 г., № 958.

окончательное решение все-таки за нами и за вышестоящими органами.

Попов С.В.: Если я вас правильно понял, спрашивать за неправильные цифры надо с обкомовцев?

Хромов Н.С.: Нет, почему же. Отвечает последняя утверждающая инстанция. Сейчас модным стало во всех грехах винить Госплан. А ведь его роль состоит скорее в том, чтобы организовать "общий разум" всех министерств, всех других подразделений. Затем все мнения сводятся воедино и Госплан принимает решение.

Попов С.В.: Получается, что вопрос о неверных цифрах конца не имеет.

Хромов Н.С.: Надо говорить о конкретных вещах. Что неверно?

Попов С.В.: Конкретный вопрос: как в Концепцию попадают цифры из прошлых планов, из прошлых постановлений?

Хромов Н.С.: Это естественно, например, те цифры, которые приняты по постановлению, они приняты недавно постановлением ЦК, прошли апробацию местных органов. Я у местных органов получаю материалы. Я же не знаю положения на местах лучше, чем они.

Фильшин Г.И.: Я хотел бы добавить, чтобы не было неясности. Это не попытка свалить вину на других. Но Сибирское отделение АН СССР имело один голос из 9 в работе группы, которая готовила этот проект. Мы предлагали сохранить те постановки, которые были в проекте СО АН СССР. Они были иными, чем те, что вошли в постановление, но поскольку там было большинство представителей из отраслевых отделов, СОПСа и других организаций, которые считали необходимым видеть это постановление в том виде, в котором вы его знаете, то оно и вошло таким в состав Концепции.

Хромов Н.С.: После этой процедуры было рассмотрение Концепции у вас. Мы все предложения ваши учли.

Фильшин Г.И.: Кроме одного. Но главного – чтобы исключить отраслевые разделы, в которых эти данные содержатся. Такое предложение содержалось.

Попов С.В.: Получается занятная вещь. Из этой короткой дискуссии один момент понятен: если работать в стратегии согласования интересов всех и вся, то получится очень плохое решение. Такая процедура не расставляет приоритетов. Предпочтение отдается количеству голосов и согласований. Получается, что у Госплана нет государственного приоритета, относительно которого одни министерства можно ущемить, чьи-то предложения в ущерб другим принять и т.п. Нет! А происходит процедура согласования и урезывания по всем сторонам, а она приводит к тому, что все недовольны и на вас все жалуются.

Хромов Н.С.: Рассмотрение вопросов происходит в каждом конкретном случае, а не по вашей общей формуле, с учетом конкретной обстановки, с учетом значения вопросов и т.д.

Попов С.В.: А теперь отнеситесь к докладу Геннадия Иннокентьевича. Там утверждается, что Концепция и планы, которые формируются относительно Иркутской области и Бурятской АССР, как приоритетных, экологических целей не имеют. Вот утверждение какое. Если мы имеем ситуацию с такого рода регионом, то Госплан или инстанция, принимающая решение, должны иметь приоритеты – здесь, например, иметь экологические технологии, а там – добывающие.

Хромов Н.С.: У нас идет приоритет социально-экономического развития.

Попов С.В.: Что вы понимаете под социальным приоритетом? Это значит, что экологических приоритетов ни в одном регионе нет?

Хромов Н.С.: Развитие и природоохранное, и санитарное, и т.д.

Попов С.В.: Почему же тогда Геннадий Иннокентьевич говорит, что экологических целей и приоритетов нет?

Фильшин Г.И.: Я думаю, здесь должны разделить ответственность также и научные организации – как Иркутской области, так и Бурятии. Самокритично надо признать, что мы тоже до сих пор разрабатывали свои предложения, когда приоритетными целями были цели экономические. Для нас тоже новое дело – когда приоритетными являются цели экологические, таких методологий у нас, в общем-то, нет. Но когда мы начали разрабатывать Концепцию, то пришли к выводу, что такие цели можно отработать и поставить в этой Концепции. Но, к сожалению, довести это до конца не сумели. Не сумели и еще по одной причине – мы обращались с просьбой перенести утверждение Концепции на 1988 г., хотя срок был 1 января. Просили, потому, что отраслевые министерства, которые обязаны были представить к 1 октября 1987 г. свои технологические проекты для этого региона, их не представили до сего времени. Представляете себе – разрабатывать концепцию без технологических проектов. Поэтому в Госплан было внесено предложение: поскольку министерства проявили недисциплинированность и до сих пор не представили эти предложения (несмотря на то, что Госплан СССР трижды собирал с этой целью отраслевые министерства), постольку надо перенести рассмотрение и утверждение этой Концепции. Но если срок указан 1 января, то, как говорится, умри, но сдай Концепцию. Даже несмотря на то, что технологий там нет. Таким образом, она носит неполноценный характер.

Попов С.В.: Геннадий Иннокентьевич, хорошо бы, если бы Вы завтра, например, или когда подго-

товитесь, все подробно рассказали – что такое экологические цели и приоритеты? Чем они отличаются от целей социального развития и, например, от целей производственного развития и т.д.?

Фильшин Г.И.: Давайте, попробую.

Тахтеев В.В.: Вопрос к обоим участникам дискуссии. Цифры порочно кочуют из документа в документ. Как вы считаете, кто должен положить конец этой практике?

Фильшин Г.И.: Мне кажется, что мы с вами здесь можем положить конец этой практике, если хорошо отработаем материалы для экологической экспертизы. Я не совсем согласен с Сергеем Валентиновичем, что только общественности нужны материалы нашей экспертизы. Видимо, надо отдать их правительству и честно признаться, что до сих пор технологии не отработаны; что министерства не выполнили свои обязательства в этом направлении; что в утвержденный вариант Генеральной Концепции вошли цифры Постановления по Дальнему Востоку и Забайкалью, хотя в свое время эти предложения разрабатывались в спешке, и во многом не обоснованы. Давайте признаемся честно.

Добрушин Ю.В.: Насколько правомерным вообще было разрабатывать и утверждать концепцию развития производительных сил в регионе, если она проходила без экспертиз? Этого нельзя было делать. До того, как пройдут все экспертизы, будет обсуждена и утверждена Территориальная комплексная схема охраны природы. Концепция ведь, в каком-то смысле, для этого и заказывалась. Она должна была собрать все данные, проанализировать ситуацию, сделать прогнозы, пройти после этого обсуждения экспертизы, как она и будет сейчас проходить и уже проходит, а уже потом на основании этого документа надо было разрабатывать концепцию развития производительных сил. У нас почему-то все получилось наоборот.

Фильшин Г.И.: Вообще-то концепция – это первый предплановый документ, который должен содержать общие представления. Но дело не в этом, конечно, очень сильно помогали схемы. Очень сильно. Мы сегодня вооружены этой схемой [1] существенно больше, чем тогда, когда отрабатывали Концепцию.

Добрушин Ю.В.: Ведь опасность еще и в том, что сами разработчики схемы , если решат внести в свою схему какие-то ограничения в связи с этой Концепцией, то теперь будут ссылаться на уже утвержденную Концепцию, где есть конкретные предложения.

Фильшин Г.И.: Тут нас выручает временной аспект. Они уже закончили, подготовили проект, а Концепция еще находится в состоянии обсуждения.

Добрушин Ю.В.: Я просто знаю, что…

Гурман В.И.: Можно справку дать? Справка такая. Разработчики Территориальной комплексной схемы – Гипрогор, Госстрой РСФСР, начали эту работу одновременно с разработкой этой Концепции. И они поставили вопрос не так, как вы ставите, а поставили так – дайте нам наметки концепции, это нам нужно для разработки схемы. Я не специалист по разработке схемы, не могу судить, правильно ли это или нет, но вопрос был поставлен так. Все материалы, которые закладывались в разработку Концепции (не те, которые в Госплан попали, а самый первый, исходный материал) были направлены в Гипрогор и разработчики ТерКСОП им пользовались очень, как мы знаем, серьезно.

Фильшин Г.И.: Да, сотрудничество было полное. То есть все материалы посылались.

Викулов В.Е.: И не только сотрудничество. У того и другого документа стоят одни и те же научные руководители, одни и те же исполнители. То есть противоречий здесь не могло быть. Наверное, сейчас уже не стоит противопоставлять один документ другому и, наверное, не стоит даже спорить, что раньше должно было быть разработано. Представляется, что для такого региона, как Байкальский регион эти документы должны быть не просто взаимосвязаны, а должны рассматриваться даже как единый документ, с единой эколого-экономической позиции. Вот так Сибирское отделение всегда рассматривало эту работу в таком отношении. В течение двух лет эти коллективы работали.

Левинтов А.Е.: У меня возникло такое немножко сумасшедшее предложение. У нас имеются различные факторы размещения того или иного производства, или тех или иных предприятий. Этими факторами, как правило, являются либо баланс производства и потребления, либо наличие тех или иных ресурсов. Но у нас очень мало форм запрета на размещение того или иного производства или предприятия. Как правило, ссылками на запрет являются только отсутствие капвложений, в крайней случае, воды и людей. Мне кажется, что если наша экспертиза поставит себе цель доказать, что отсутствие технологий есть фактор на запрет размещения, более того, отсутствие технологий есть фактор на демонтаж того или иного производства, то это было бы шагом вперед.

Фильшин Г.И.: Я согласен, что это действительно так. Мы сегодня не можем принимать к рассмотрению предложения по размещению предприятий без экологической экспертизы и без соответствующих экологичных технологий. Это правильно. Так сейчас и делается.

Викулов В.Е.: Такие случаи уже были, например,

[1] Территориальной комплексной схемой охраны природы (ТерКСОП).

по Забайкальскому апатитовому заводу. Прецеденты есть.

Фильшин Г.И.: Не во всех случаях, но все-таки такая тенденция есть.

Викулов В.Е.: Не как закон, но прецедентов много.

Полторак Г.И.: Тут возникает какое-то странное положение. Получается замкнутый круг. Вы сказали, что одни и те же руководители участвуют в разработке обеих схем?

Викулов В.Е.: От Сибирского отделения АН СССР.

Полторак Г.И.: Так вот, я анализировал эту Генеральную концепцию и могу утверждать, что она не проходит по экологическим соображениям. Теперь получается – если на нее будет ориентироваться ТерКСОП, то тогда все нерешенные экологические проблемы начинают прокручиваться снова.

Викулов В.Е.: Вы анализировали предложения Сибирского отделения или то, что было напечатано в газете?

Полторак Г.И.: Я анализировал тот материал, который нам выдали.

Фильшин Г.И.: Давайте будем точными. Отсутствие технологий и включение касающихся их предложений – это, по существу, главный предмет разногласий. Но ведь Концепция состоит не только из этого. Многие предложения, даже, пожалуй, большая часть предложений Сибирского отделения, в этой Концепции так или иначе, в той или иной форме, но принята. Так что мы называем только те разногласия, которые остались – это технологии, которые не представлены, и отраслевые предложения с цифрами. Вот против этого мы и возражаем. Что касается Территориальной комплексной схемы охраны природы в бассейне оз. Байкал, то это работа другой направленности. Она может содержать только идеологию концепции, поэтому здесь какого-то такого особого расхождения нет. С другой стороны, скажем, идеология Концепции у нас не вызывает сомнения. Идеологически Концепция выдержана в правильном направлении. То есть экологические приоритеты в ней выдержаны. Единственное, что я говорю, что из прошлых постановлений туда попали конкретные объекты и объемы производства.

Большаков А.Г.: На сегодняшний день Байкальский регион в границах Иркутской области, Бурятии и Читинской области специализируется на производстве в основном сырья для экономически развитых районов – железорудных концентратов, алюминия, электроэнергии, свинца, цинка, целлюлозы и т.д. Надеяться на изменения в этих областях без изменения специализаций, на мой взгляд, значит не рассчитывать ни на какие экологические улучшения, потому что это отрасли производства, которые наиболее сильным образом воздействуют на ландшафт и производят в нем деградацию. Поэтому, вроде бы, и не в технологии, а может быть, именно в переориентировании отраслевой специализации региона. Тогда можно было бы рассчитывать на экологизацию развития производства.

У меня еще один вопрос к Г.И. Фильшину. Он касается идеологии Концепции. В части постановки целей в этой Концепций сказано, что мы развиваем существующее народное хозяйство, при этом еще стараемся, чтобы природу не разрушить. Развивать существующие отрасли производства и сохранять природу, это, в общем-то, цели, противоречащие – одна другую взаимно исключающие. Поэтому данная идеология, мне кажется, заслуживает, по меньшей мере, критики.

Фильшин Г.И.: Я вас понял. Разрешите тогда, чтобы быть точным, напомнить вам, что 96 % промышленного комплекса Байкальского региона, так, как мы его понимаем, это Бурятия, 4 % – это Иркутская прибрежная часть, 6 % – это Читинская область. Поэтому речь идет, по существу, о концепции развития Бурятской АССР. И надо прямо сказать, что в Бурятской АССР уже давно обрабатывающая промышленность занимает ведущее положение в народнохозяйственном комплексе. Горнодобывающая промышленность дает примерно 4-5 % всего производства промышленной продукции, а лесной комплекс сейчас примерно 8 %, но этот процент постоянно снижается. Таким образом, утверждение о сырьевой направленности относительно Бурятского промышленного комплекса фактически на сегодняшний день – неправомерно. Это не так. На самом деле обрабатывающие отрасли занимают ведущее положение. Другое дело, какие обрабатывающие отрасли и в каком они находятся состоянии. Вот этот вопрос действительно самый серьезный. Конечно, структурные сдвиги предусматриваются, то есть мы не планируем дальнейшего развития предприятий лесной и горнодобывающий промышленности. Может быть, и произойдут какие-либо изменения, однако это будут несущественные изменения. Лесной комплекс снижает свой удельный вес и будет снижать до тех пор, пока не перейдет в Северные районы.

Из зала: А Холодненский комбинат?

Фильшин Г.И.: Холодненский комбинат в нашей концепции и в госплановской концепции вынесен за пределы 2000 г., до тех пор, пока не будут отработаны соответствующие технологии. Его просто нет в титульных списках, которые предполагаются до 2000 г. А если до 2000 г. не будет соответствующих технологий, то он перекочует дальше.

Викулов В.Е.: Ты не прав. Этот вопрос не кочует. Судьба его известна – до 2000 г. он не будет строиться.

Фильшин Г.И.: Да, не будет. Потому что нет технологий, которые бы гарантировали его взаимодей-

ствие с Байкалом. Он должен был быть расположен на берегу, поэтому этот вопрос вообще снят.

Теперь второй вопрос. Вы говорите, что идеологически предложения не выдержаны. И должен сказать, что кроме титульных списков, концепция создает еще, можно сказать, целую структурную революцию в сельском хозяйстве. Она практически отражена в Концепции. Вся беда в том, что сейчас в планах медленно внедряются эти изменения. Нет поворота в планах на 13-ю пятилетку. И 12-й пятилетка "завязана". А так, по сельскому хозяйству просто революционные предложения. И в структуре стада изменения, и в отходе от химического воздействия на сельское хозяйство (переход к биологическому), и в запрете гербицидов всяких, и в сокращении пашни и т.д. И они все приняты. И отраслевыми отделами Госплана Союза, и выпускающими отделами. Я просто не называл достижения, потому что считаю, что все это читали, я называю только те разногласия и недостатки, которые остались. И с этой точки зрения предложения выдержаны.

Руснак П.С.: Вы сейчас сказали, что в процентах лесная промышленность уменьшается в Бурятии. Но не попадаем ли мы в завораживающую форму цифр, поскольку, может быть, остальные отрасли развиваются опережающими темпами и получается уменьшение цифр. А на самом деле, может быть, и там, и там увеличение.

Попов С.В.: И еще одно сомнение. Дело в том, что у нас сырье стоит очень дешево. Соотношение мы смотрим в рублях, поэтому и получаются маленький процент.

Фильшин Г.И.: Сергей Валентинович, я бы здесь хотел правильно показать. Еще недавно Бурятия заготавливала 4,5 млн. м^3 леса.

Викулов В.Е.: 5,5 млн. м^3.

Фильшин Г.И.: Даже 5,5, но это уже давно, уже с десять лет назад. Сейчас план 3,7 млн. м^3. И дальше этот объем будет сокращаться. Так что это натуральные показатели.

Осенькина В.А.: Я извиняюсь, тут все ученые мужи. А я просто из Байкальского движения. Мне вообще странно слышать все эти рассуждения о концепции, которые не подтверждены ничем. То есть нет, как бы, концепции развития сельского хозяйства. Кому тогда нужны эти концепции ваши? И для чего они делаются?

Фильшин Г.И.: Я, видимо, очень плохо говорил или вы плохо слышите. Я как раз говорил, что по сельскому хозяйству просто революционные предложения приняты. И если вам послышалось слово "устаревшее", то я прошу извинения за дикцию. Что касается предложений по технологиям, то давайте будем честными перед самими собой: никогда в нашей истории к началу проектирования, к сожалению, разработанных технологий не было. Мы применили здесь сверхтребования по Байкальскому региону. И правительственное решение, которое к 1 октября 1987 г. обязало министерства, конечно, дало срок сверхкороткий и сверхтрудный. Я думаю, что это был один из путей радикального решения вопроса. Здесь не так все просто. Я думаю, сейчас эти технологии активно разрабатываются министерством. У них, к сожалению, в портфеле ничего не оказалось. Это действительно просто раскрывает нашу общую ситуацию. Но то, что по Байкалу было принято постановление, обязывающее их дать в короткий срок эти технологии, а они не смогли, ну что делать? Не отказаться же от разработки каких-то документов, которые бы определяли дальнейшую нашу жизнь. Ведь в Концепции эти технологи – это только часть.

Шаргаев М. А.: Считаете ли вы необходимым отзыв Генеральной концепции для доработки?

Фильшин Г.И.: Я думаю, что это не принципиально: отозвать ее или не отозвать. Принципиально было бы подготовить здесь альтернативные предложения и продвинуть их как предложения, расширяющие Концепцию. Нам нет необходимости считать, что этот документ не действенен. Нам надо дать альтернативные предложения, для того, чтобы они рассматривались в установленном порядке правительством и т.д.

Шаргаев М.А.: Второй вопрос. Если Концепция будет утверждена, она должна выполняться.

Фильшин Г.И.: Она уже утверждена.

Шаргаев М.А.: Да, она уже утверждена. То есть она уже выполняется. А в таком виде, в котором она составлена, она не должна выполняться. Вы согласны?

Фильшин Г.И.: Я думаю таким образом. Можно мне согласиться и с вашим предложением. По существу, я и призываю специалистов, которые здесь собрались, общими усилиями создать документы с альтернативными предложениями. Если такой документ будет, то я надеюсь, что его примут. Никто не скажет, что вот в Концепции это указано, а вы предлагаете другое. Я думаю, что если от такого широкого коллектива после тщательного обсуждения поступят альтернативные предложения, они будут рассмотрены и приняты. А если мы станем на путь отзыва концепции, то мы станем на путь, который нас далеко уведет. Мне бы казалось, что этого не нужно делать.

Викулов В.Е.: Геннадий Иннокентьевич, давайте уточним вопрос: где и кем утверждена Концепция?

---

[1] Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 13.04.87 № 434 "О мерах по обеспечению охраны и рационального использования природных ресурсов озера Байкал в 1987-1995 гг. ".

Фильшин Г.И.: Постановлением Совмина РСФСР.

Викулов В.Е.: В постановлении № 434[1] говорится о том, что Концепция должна быть утверждена Советом Министров СССР, а не РСФСР. Задание такое.

Фильшин Г.И.: Валерьян Евгеньевич, к сожалению, этот пункт уже пересмотрен. Теперь уже спущено на уровень Совмина РСФСР.

Попов С.В.: Вопрос на размышление дальше. Когда вам задали вопрос от Байкальского движения, то, как вы заметили, его форма была весьма специфическая и ответ ваш представителя Байкальского движения явно не удовлетворил. Но теперь надо задать себе такой вопрос и вам как представителю науки, и вам, как представителю общественного движения. Вы живете в разных мирах. И это нужно отчетливо понимать.

Понимать и то, что если Сибирское отделение, в данном случае лаборатория или отдел, включается в специфическую игру по формированию Концепции, то они вынуждены играть по этим правилам. Потому что им важна сдвижка, хотя бы прецедент такой, чего раньше не было в этих правилах. Эта сдвижка нужна для того, чтобы хоть как-то продвинуть ситуацию.

Теперь, когда вы говорите: “Кому нужна такая концепция?” – я вас хорошо понимаю. Возможна и такая позиция: сказать, что все эти игры будут продолжаться очень долго. Мы будем сдвигать все по чуть-чуть, гораздо медленнее, чем у нас все будет рушиться. Но тогда вы должны не просто сказать Геннадию Иннокентьевичу: “А зачем вы эти концепции делаете?”. Они в эту игру играют и в этой системе в установленном порядке пытаются изменить положение. Если вы считаете, что таким образом нельзя изменить положение, то вы должны иметь позицию и сказать, каким образом должно менять существующее положение, может быть, тогда у вас разговор возникнет. Но вы этого не говорите, а говорите: “Геннадий Иннокентьевич, уходите с поста заведующего отделом и не разрабатывайте Концепцию!”. Смысл такого заявления в чем?

Понимаете суть моего замечания? Этот момент я прошу учитывать и четко отдавать себе отчет, в каких мирах вы живете и по каким законам.

Осенькина В.А.: Я хочу продолжить, раз вы такой вопрос задали. Дело в том, что вот эти, разработанные в отрыве от жизни концепции мешают нам жить. Ведь посмотрите, что следует дальше. Дальше в соответствии с этой Концепцией министерства включают нам в планы исследовательских и проектных институтов разработку оборудования для несуществующей технологии.

Они начинают совместно со специализированными технологическими институтами эту работу проделывать. Любой директор этого технологического института или зав. отделом, хотя и у него на данный момент никаких технологических проработок нет, также как и Геннадий Иннокентьевич, чтобы отчитаться перед своим начальством, вынужден в заданный ему срок какое-то задание разработать и прислать, например, нам – в НИИХиммаш, где я работаю. Мы получаем это задание, начинаем разрабатывать какое-то оборудование под систему и технологию. Это длится годами, потом наш заказчик бракует наши проекты по причине фиктивности технологического задания. Проекты ложатся на полку и лет через 10 они нам наконец-то выдают разработанную новую технологию.

Думаю, что такие игры совсем не деловые. Благодаря им государственные деньги вылетают на ветер и мы сейчас работаем над тем, чтобы предложить Геннадию Иннокентьевичу свою концепцию.

Попов С.В.: Скажите, пожалуйста, вот эту концепцию, которую вы предложите Геннадию Иннокентьевичу, ее каким порядком утверждать? Здесь вы и попадаете в ситуацию, в которой все время между формальными структурами и неформальными разыгрываются конфликты. И они вас обыграют. Потому что вы возьмете концепцию, предложите и начнется все существующим порядком. Начнется согласование с предыдущими постановлениями, с министерствами и от вашей концепции останутся рожки да ножки.

Осенькина В.А.: Да, правильно. Совершенно точно.

Попов С.В.: О! Отлично. Ну, а что Вы тогда предлагаете?

Осенькина В.А.: В общем-то, мы не ему будем предлагать. Мы будем предлагать, конечно, не Г.И. Фильшину, эту концепцию. Мы тут будем разрабатывать на месте сразу же механизм по реализации такой концепции. Может быть, он будет ошибочный. Может, нас тут поправят, но надо же что-то делать.

Викулов В.Е.: Сергей Валентинович! Они дают свой вариант, давайте будем его смотреть.

Попов С.В.: Но выход для них пока не известен. У нас все таким образом построено, что они все время будут оказываться в ловушке. Сказать Геннадию Иннокентьевичу, что его концепция не нужна – очень просто. Просто, но дальше хода вроде бы нет. Поэтому по механизму подумайте и доложите.

Гурман В.И.: Я маленькое уточнение хочу сделать. Присутствовал я в Госплане, правда, не на завершающей стадии, а на стадии, когда выяснилось, что министерства не представили предложения. Это было в отделе охраны природы у начальника отдела охраны природы на совещании. Вот немая сцена. Отрасли не представили предложения. Что делать? Начальник, а, на мой взгляд, это человек опытный, его фамилия Аникеев, сказал так: “Ну, что ж, раз нет

предложений, тогда мы в своей Концепции должны сформулировать требования и заложить те, которые нам нужны, и те, которые вытекают из сегодняшних мировых достижений". Требования к технологии. Вот по этому пути Сибирское отделение и пошло – оно сформулировало эти требования в виде экономических параметров: они должны определяться так-то и так-то, и требование того, чтобы эти экономические параметры отслеживались по этапам. Невозможно сейчас разрабатывать концепцию до 2005 г., имея в руках все технологические заделы, это абсурд. Начальный этап обеспечивается технологическим заделом. До 2005 г. все равно все изменится, поэтому надо формулировать требования. И с этой точки зрения, я считаю, тот документ, который вышел из наших недр, по крайней мере, выдержан. Это учтено.

Фильшин Г.И.: Я бы еще хотел добавить к тому, что только что обсуждалось. Я должен сказать, что институты Сибирского отделения к установленному сроку все свои предложения по технологиям дали. Они прошли экспертизу и прошли там, где это необходимо. Что мы могли сделать (как Сибирское отделение) по отношению к отраслевым министерствам, если их и Госплан не может заставить эти вещи сделать? Давайте будем реально рассуждать. Каким путем мы могли бы добыть эти технологии, если они не существуют в жизни. Их нет. Их и сегодня нет. А что касается Концепции как "оторванной от жизни", мы привыкли давать такие категорические оценки. Мне бы хотелось, чтобы у нас корректно происходило обсуждение. У меня всегда такой призыв есть. Ученый, на мой взгляд, а если даже не ученый, то вообще интеллигентный человек, не должен стремиться давать категорических оценок. Что значит: "оторвана от жизни"? В том документе, который готовился СО АН СССР, были отражены интересы всех институтов СО АН СССР и сотрудничающих с ними организаций. И все это нашло отражение в больших томах, а затем уже вошло в короткий документ, который был взят за основу. А затем туда добавили еще всяких случайных вещей. Но что делать?

Осенькина В.А.: Мне кажется, что в этой Концепции должны отражаться не интересы сотрудников АН, а жителей Иркутской области.

Фильшин Г.И.: Мы так и хотели сделать. Это наши родимые интересы. Мы же тоже жители.

Осенькина В.А.: Вы меня спрашиваете, что делать, когда отраслевые министерства вам не дают технологий. Так вот и поступать – говорить, что технологий еще нет, поэтому мы концепцию не можем дальше разрабатывать.

Фильшин Г.И.: Вы сформулировали совершенно так же, как и мы сформулировали, о чем я вам и докладывал. Наше предложение состояло в том, чтобы отнести сроки утверждения Концепции в связи с тем, что министерства не представили технологии. Вы ничего нового не предложили.

Из зала: Но вам не разрешили это сделать?

Фильшин Г.И.: Да.

Дружинин В.Н.: Мы сейчас увлеклись дискуссией по поводу Концепции. Директор Лимнологического института предложил в специально отведенное время рассмотреть предложения СО АН СССР, которые касались Концепции. Я чувствую, что этот разговор сегодня затягивается. Если у нас в программе это определилось, дата выступления ученых СО АН СССР, давайте мы там и рассудим. У нас сегодня еще есть сообщения, в том числе от нашей группы.

Попов С.В.: Отлично. Но есть одно замечание по отношению к обсуждению. Спасибо, Геннадий Иннокентьевич, вам труднее всех было, остальным будем немножко по-другому. Но смотрите, что показывает обсуждение. Я боюсь, как бы оно не повторилось, когда будет М.А. Грачев выступать или кто-то другой. Оно показывает, что мы в суть и в корень не зрим, все вокруг и около. И даже не знаем, чего же нам надо от обсуждения концепций.

Из зала: Так ведь вы же ведете заседание, вы, прежде всего, и должны это знать.

Попов С.В.: Но вы же здесь живете, и вам, прежде всего, нужно обсуждение.

Из зала: По концепции будет специальная дискуссия. Там все и развернем.

Попов С.В.: Отлично, но если вы хотите обсуждать концепцию, то вы должны знать, чего вы от этого обсуждения хотите. Геннадий Иннокентьевич знает, чего он хочет. Поскольку он в определенный способ работы и в определенные игры ввязался и хочет это двигать. А обсуждающие и задававшие вопросы задают их часто и преимущественно либо от любопытства, либо еще каким-то образом. Поэтому у меня к вам большая просьба – понять, что вы хотите от обсуждения концепции. У Геннадия Иннокентьевича и других можете предварительно проконсультироваться, и выносить на обсуждение нужно только те вопросы, которые действительно необходимо обсуждать.

Группа "Советские и партийные органы", вы можете сделать выступление?

Тергоев В.И.: Наша группа после долгих дебатов остановилась на том, чтобы из большого множества проблем Байкала выделить вопросы в основном социального характера. В результате обмена мнениями было обнаружено, что уровень и условия жизни в регионе Байкала, если и не ухудшаются, то далеко не блестящи. В частности, отмечалось плохое положение с обеспеченностью питанием, жильем, плохая социально-культурная сфера. Это отмечалось как представителями с южного берега Байкала, так и с северной части – г. Северобайкаль-

ска, и с центральной части – острова Ольхон. Следовательно, по всему Байкалу. При этом надо сказать, что некоторые представители райкомов и горисполкомов видят выход из создавшейся ситуации почти исключительно в увеличении дотаций от государства, что видно по прозвучавшему здесь вопросу Геннадию Иннокентьевичу от секретаря райкома КПСС Ольхонского района. Такая примерно атмосфера была в нашем обсуждении.

Проблема регионального хозрасчета представляется представителям нашей группы "Партийные и Советские органы" весьма отдаленной. То есть сейчас, на сегодняшний день говорить об этом не стоит, поскольку нет никаких положений о том, чтобы местные Советы могли брать, скажем, плату за пользование землей, или осуществлять какие-то отчисления в свой бюджет от расположенных на их территории предприятий.

Взаимоотношения местных Советов с ведомствами являются на сегодняшний день определенными сверху и их изменять никто, кроме представителей неформальных движений, в частности, "Движения в защиту Байкала", не предлагал. Никто не пытался изменить их самостоятельно. Надо сказать, что в группе отмечалось, что сегодняшние взаимоотношения не способствуют защите интересов коренного населения, в частности, подрывают частное хозяйство. Вести частное хозяйство в той ситуации, когда предприятия занимают земли, предназначенные под выпасы, под укосы и т.д. очень сложно. Поэтому частный сектор не может заниматься животноводством для себя, кроме того, коренное население лишено обычных для себя продуктов питания, в частности, байкальской рыбы, поскольку вся рыба вылавливается в Байкале, в основном, куда-то отправляется, а в местные магазины не поступает. То же самое, естественно, и с мясопродуктами. Вот что отмечалось представителями партийных и советских органов как анализ ситуации. Естественно, все эти проблемы заставляют местное население заниматься и браконьерством, и самовольной рубкой леса, и отловом рыбы и т.д., что не способствует улучшению экологического состояния вокруг Байкала.

Особо, видимо, следует рассказать о мнении представителя обкома партии по поводу тех рекомендаций и тех путей, которыми нужно улучшать экологическое состояние. Основная концепция сводится к тому, о чем здесь сейчас спорили – создание экологически чистых технологий. На вопрос: когда думается такие технологии создать и как это решать быстро? – ответа, естественно, добиться трудно. Но мы сейчас здесь об этом слышали, так что останавливаться не будем. Кроме того, всеми без исключения отмечалось как большой недостаток в существующей ситуации, не способствующей поддержанию и экологического состояния, и морального психологического состояния, это отсутствие экологической информации. Причем не только у общественности, но и, как сегодня нам было сказано, у представителей советских и партийных органов. Вот так, примерно, очень кратко оценена социальная ситуация вокруг Байкала представителями советских и партийных органов совместно с участниками общественных движений.

Пуртова Л.Я.: Вы представитель Байкальского движения. Вам даже задать вопрос как представителю советской власти нельзя. А что, официального представителя советских и партийных органов не нашлось?

Тергоев В.И.: Я сейчас объясню. Я сюда приехал как представитель "Движения в защиту Байкала", это написано на моей визитной карточке. В то же время я являюсь депутатом районного Совета Свердловского района г. Иркутска, председателем депутатской группы. Все депутаты и представители партийных органов, которые присутствовали, я не скажу что сразу и единогласно, но в конце концов сочли целесообразным выступить именно мне. Я предполагал, что, кроме меня, выступит еще кто-нибудь из членов нашей группы. Но так получилось.

Булыгин В.В.: Коли назвался груздем, пусть полезает в кузов. Я задам такой вопрос. Почему партийные и советские органы, которые он представляет, сами не знают о том, что платное природопользование запланировано решением Совмина СССР и Совмина РСФСР. Это вещь вполне реальная. И принято решение, по которому с 1991 г. будут включены системы платного природопользования, дано задание АН СССР – разрабатывать нормативы платного природопользования и давать им силу. Когда же подойдет 1991 г., и нужно будет работать на платных механизмах, вы окажетесь людьми, не знающими даже, что было принято соответствующее решение. Я говорю это вам, потому что вы представляете советские и партийные органы.

Тергоев В.И.: Я попытаюсь ответить на этот вопрос.

Из зала: И горисполком знает, и облисполком, все знают.

Тергоев В.И.: Вот видите, и облисполком, говорят, об этом знает. Но, к сожалению, в составе той группы, в которой я работал, не было представителя облисполкома, Льва Николаевича. Я должен вам заметить, что вы, видимо, не обратили внимания на тот факт, что всеми было отмечено полное отсутствие информации, и не только экологической, но и той, о которой вы говорите. Я упорно, в течение всей беседы заводил речь о том, чтобы представители местных Советов использовали свои права в направлении платного природопользования. Обсуждение этого вопроса встречалось в штыки как ненужное.

Вот вам ответ. Косвенный, конечно, но если кто-то из представителей нашей группы возьмется ответить на этот допрос по-другому, то пожалуйста.

Викулов В.Е.: Вначале реплику в вашу сторону. Уже 6 лет плата за воду в Советском Союзе существует, и в бассейне Байкала эта цена самая дорогая, точнее на втором месте по цене в СССР – 2 копейки за кубометр. У меня к вам вопрос. Вы говорили, что основной источник развития территорий, подвластных местным Советам – это государственные капиталовложения. Представляют ли себе партийные и советские работники, что этот путь, по крайней мере, до конца 13 пятилетки, совершенно нереален? И выполнение Постановления № 434 уже показало, что никаких дополнительных государственных вложений не поступало.

Тергоев В.И.: Я лично с вами совершенно согласен и это самое я говорил на группе, но я хочу вам сказать, что некоторые работники, если вы внимательно слушали (некоторые у меня прямо записаны – секретари райкомов и представители Советов), видят в этом путь. Хотя я с ними не согласен. В этом противоречие наше.

Коренев Ю.Е.: Насколько я понял, сформулировали тезис от группы "Партийных и советских работников", что на сегодня региональный хозрасчет невозможен, и вы видите путь улучшения ситуации в том, чтобы опять просить какие-то дополнительные средства. Я выражаю не очень хорошее отношение к этому тезису и утверждаю, что более правильный путь сегодня – это не ходить и не просить у кого-то, а включать реальный механизм территориального хозрасчета. И очень печально, что у нас им, к сожалению, пока никто не занимается. Может, я не прав?!

Тахтеев В.В.: По ходу дела в связи с этим может быть имеет смысл попросить юристов дать консультацию о том, законно ли сейчас включить региональный хозрасчет, возможно это юридически или нет?

Викулов В.Е.: Если к юристам обратимся, мы разговаривать с ними не сможем.

Полторак Г.И.: Я отвечу на этот вопрос, я представитель Латвии. У нас совершенно недавно произошло совещание трех республик, на котором уже разработаны основные принципы перехода на хозрасчет республики. И там никто ни у кого разрешения не спрашивал, а взяли и разработали.

Викулов В.Е.: А если юристов спросите, то дышать нельзя будет.

Бондарев А.С.: Можно ответить на этот вопрос? Я директор методологического центра НПО "Оркон". У нас разработана модель саморазвивающегося района, работающего в условиях полного хозрасчета. Она защищена 1 ноября на Всесоюзном аукционе "Займы социальных идей". Завоевала там "Гран при". Сейчас мы проводим такой эксперимент в одном из районов города Ленинграда. Послали свои материалы также в Эстонию. Приехали сюда, специально предлагать эту модель и чтобы ее защитить перед вами. Согласно модели, любой район, переходящий в условия самофинансирования, самоуправления, может в течение ближайших 10 лет по всем количественным показателям выйти на уровень не ниже мирового. Эта идея защищена на Всесоюзном аукционе "Займы социальных идей" 1 ноября, за 8 месяцев до того, как эта идея была предложена эстонской делегацией.

Из зала: Ваши условия?

Бондарев А.С.: Бесплатно. Создаем акционерную фирму под будущую прибыль. Мы создаем свои филиалы по всему Союзу для того, чтобы внедрять нашу модель. Если есть желающие, пожалуйста.

Дружинин В.Н.: Я хочу на эту тему с вами тесный контакт иметь. Потому что, действительно, ни о каком региональном хозрасчете у нас в группе, кстати, и разговору не было. Мы, партийные работники, сегодня не имеем у себя ни механизмов, ни инструментов, чтобы просчитать эти вещи, но никто нам их не дает.

Бондарев А.С.: У нас есть экономисты, юристы, пожалуйста, все будет сделано.

Дружинин В.Н.: Приезжайте на Ольхон.

Из зала: Маленькая справка. Уважаемые товарищи! При иркутском облисполкоме и обкоме партии создан временный научный коллектив для подготовки предложений по региональному хозрасчету, который включает и банки, и другие организации. Милости просим.

Гурман В.И.: А "Гран при" у вас есть?

(Смех, шум и веселье в зале)

Попов С.В.: Само по себе то, что вы так радуетесь – очень хорошо. У меня только вопрос к вам, почему вы лишь сейчас об этом сообщаете? Это весьма интересно.

А второе – замечание к группе "Партийных и советских органов". Кроме регионального хозрасчета могут ведь быть и другие решения. Но если вы сами не займетесь либо региональным хозрасчетом, либо чем-то другим, если вы сами не возьметесь за дело, ничего и не будет, потому что там, наверху, этим заниматься некому. А когда вы говорите, что у вас средств нет, так это не причина, а отговорка. Нет – отправьте кого-нибудь в Латвию – пусть привезут. А если будете обращаться к юристам, то, здесь я с Викуловым совершенно согласен, вы ничего не получите, ибо все нормы старые. И нас как раз призывают их не выполнять, даже игнорировать. Если вы бороться не будете здесь и теперь, то ничего и не будет, зато вам будут говорить, что внедрение регионального хозрасчета это – ого-го как замеча-

тельно! Но от этих слов ни хозрасчет не появится, ни вы так и не поймете, что он есть на самом деле.

У меня вопрос к вашей группе, может быть, не очень приятный. Обсуждали ли вы в своей группе, что советские и партийные органы в этой ситуации делают и должны делать? Должны ли они быстренько хозрасчет внедрять или что-нибудь иное должны делать? Как, с вашей точки зрения?

Тергоев В.И.: Надо заметить, что до этого у нас дело еще не дошло, но есть надежда, что на следующих заседаниях мы это обсудим. Я должен заметить уже от имени движения "В защиту Байкала", что совершенно согласен с позицией нашего руководителя игры, что пока сами мы не возьмемся за наши дела, никто за нас ничего не сделает.

Гурман В.И.: А можно вопрос по поводу хозрасчета?

Попов С.В.: Кому?

Гурман В.И.: Тому, кто предлагал.

Попов С.В.: Это вы в рабочем порядке выясните.

Гурман В.И.: А это всех будет интересовать. Короткий вопрос. Учитывался ли спектр нынешних цен при переходе на хозрасчет в вашей методике и как учесть реальный спектр цен?

Бондарев А.С.: Естественно, мы все учитывали. И предусмотрели. Возможность заниматься на уровне региона собственным ценообразованием, вплоть до этого.

Попов С.В.: Ну, вот и отлично. Вы выясните, поговорите, если очень понадобится, в рабочем порядке. Хотя я бы, на раздумье, подкинул один вопрос. Дело в том, что обсуждение хозрасчета в Латвии и других регионах привело к выводу, что пока они собственную валюту не создадут, ничего не будет. А в Байкальском регионе? Надо подумать. И последний, ваш вопрос по этому докладу.

Мартынов А.В.: Скажите, пожалуйста, вы обсуждали такой вопрос: с созданием Национального парка частному населению стало лучше, хуже или как?

Тергоев В.И.: Да, этот вопрос затрагивался. Не в очень большой степени, но затрагивался. Создание Национальных парков местному населению мешает. Мешает как раз в тех вопросах, о которых я говорил, скажем, те же дрова заготавливать трудно, тот же строительный лес, то есть вести какое-то элементарное строительство тоже трудно. Все эти проблемы при создании Национальных парков почему-то не обсуждаются и не решаются.

Мартынов А.В.: Стало труднее?

Тергоев В.И.: Да, конечно.

Дружинин В.Н.: Я хочу помочь товарищу. У нас при создании Национальных парков возник целый ряд, мягко выражаясь, казусов. Во-первых, он создан директивно. Границы его установлены в том порядке, который не устраивает местное население на сегодня. У нас есть колхоз в Онгуренах – 600 с небольшим человек населения на данной территории в домах Онгуренского сельского Совета, 150 км расстояние от центра на север. Люди имеют нерегулярное сообщение самолетами и абсолютно плохое дорожное сообщение, которое прерывается осенью, в ледостав и весной. Но колхоз, тем не менее, стал развиваться, последние годы стал работать прибыльно. Но он ограничен: с севера его обрезал заповедник. По согласию колхозников, с нашей помощью, так сказать, тут согласие достигнуто, потому что проблема – государственная и они это поняли, но ряд уступок должны были получить. А получилось, что этой директивой они полностью вошли в систему Национального парка. Таким образом, получилось, что хозяева на земле перестали быть хозяевами, потому что существующее Положение о Национальном парке диктует им свои условия и заставляет работать под них.

Представьте себе, 150 км до Еланцов и 122 км до Иркутска люди должны за кубометром леса ехать, договариваться и решать эти вопросы. Короче, там проблем очень много. Население местное, бурятское население по национальности, испокон веку питалось нерпой и рыбой, охотой жили, и тут им это дело обрезали. Это, во-вторых. А в итоге вопрос выливается уже в серьезные претензии: мы хозяева или не хозяева? Мы живем и не питаемся. Так и говорят, и не только так. Мы при обсуждении в группе выявили, что и в Бурятии такая же обстановка по побережью, поэтому здесь, на мой взгляд, имеется существенная социальная проблема, которая должна получить разрешение.

Я считаю, и всегда считал, и доказывал это, что интересы населения и Советов на данной территории должны быть обязательно учтены. Они не были учтены до сих пор и сегодня пока тоже не решаются. Нам говорят, что работает там экспедиция, с нами даже встречались отдельные товарищи, но как будет решен этот вопрос, неизвестно. То есть здесь конкретность существует.

А что касается вопроса, который задал товарищ о Национальном парке – мешает он или не мешает местному населению? – то в данном примере, конечно, получается конфликтная ситуация. И более того, эти конфликтные ситуации порой перерастают в противоречия, которые порой идут в разрез с существующим законом. Их надо разрешать, а если их игнорировать, то это будет несправедливо и к населению, и к органам советским, которые там контролируют ситуацию, и к конкретной работе Национального парка. Это то, что касается Национального парка.

Попов С.В.: Спасибо. Вы получили ответ? Вы из группы Национальных парков? Когда начнете докла-

дывать, вы это все учтите. Я так понимаю, что вы для этого и задали вопрос.

Руснак П.С.: У меня дополнение. По поводу дров в Онгуренах и других местах. Я хочу сказать одно: кроме территории Национального парка там есть еще межколхозные леса, которые обязаны в первую очередь обеспечить население, но мы, а я представляю Национальный парк, тем не менее, не отказывались обеспечивать дровами в тех пределах, которые у нас разрешены.

Викулов В.Е.: Мы слушали только одну сторону, а теперь вот высказалась вторая сторона, получается, что первая сторона явно драматизирует.

Тергоев В.И.: У них еще будет возможность обо всем поговорить.

Попов С.В.: Сторона, которая явно драматизирует, вы как на это смотрите?

Дружинин В.Н.: Я считаю, что ничего не драматизирую, что это реальная существующая ситуация жителей, которые там живут. И не только там.

Попов С.В.: Давайте вопрос поставим: в чем смысл проблемы? Либо Национальные парки неправильно создаются и проектируются. Либо Национальные парки должны создаваться в соответствии с интересами населения, чего не происходит сегодня, потому что Национальный парк проектируется государственным органом и при этом он, конечно же, создается не для защиты интересов местного населения. Либо должны быть сразу в проектировании Национального парка заложены механизмы, которые бы компенсировали местным жителям то, что они утратили.

Дружинин В.Н.: Я считаю этот момент совершенно справедливым.

Из зала: Смотря для кого.

Руснак П.С.: Как это Национальный парк может не защищать основное экологическое существо – человека?

Гурман В.И.: Да, это правильно, между прочим.

Попов С.В.: Но тогда вопрос так и надо ставить проектировщикам Национальных парков и их руководителям: может быть, мы работаем не так и нужно других проектировщиков и руководителей?

Дружинин В.Н.: Но сегодняшняя ситуация оказалась искусственно созданной, ее нужно просто ликвидировать при окончательном проектировании Национального парка.

Швецов Н.М.: Национальные парки отличаются от заповедников, это, прежде всего, гибкая форма охраняемых территорий. На каждый Национальный парк существует особое положение, которое позволяет сочетать интересы природы и интересы окружающих. Если туда вошли земли колхозов, то землепользование не изъять, оно, единственно, требует, чтобы соблюдался соответствующий порядок. У вас в Национальном парке есть и рубки ухода и т.д., ими население тоже можно обеспечивать. Положение о Национальном парке еще требует соответствующей корректировки, территория также требует соответствующего расширения, она не соответствует тем задачам, которые поставлены перед Национальным парком. Техническая документация по Национальному парку не закончена, она не рассматривалась, не утверждалась и т.д. Так что, я считаю, форма эта – наиболее перспективная, и весь Байкал в перспективе мы, так сказать, прикроем Национальным парком. Но я еще раз подчеркиваю: чтобы нам это все разумно здесь делать, необходимо соблюдать интересы местного населения.

Попов С.В.: Спасибо, прошу вас.

Тахтеев В.В.: Я на примере Больших Котов коротко скажу, как ввели Национальный парк и упразднили режимы. Стало появляться много народу, с которым практически невозможно совладать. Приезжие пьянствуют, угрожают, шантажируют местное население. А там у частных жителей покосы и т.д. и т.п. Таким образом, ущемление интересов коренного населения в результате введения этой гибкой формы охраны природы. Это одна сторона, а другая сторона, это то, что получил возможность ехать всякий сброд туда, куда раньше ему ехать было нельзя. И охрана природы здесь весьма сомнительна.

Из зала: А что делать?

Попов С.В.: Количество безобразий у нас в стране можно перечислять до бесконечности, и в других местах, и по всем другим поводам. Но если начинать обсуждать вопрос о Национальных парках, то нужно определить, какими они должны быть, и уже по отношению к этому сопоставлять, что же не работает в том механизме, который нужен. Каким образом Национальные парки должны учреждаться и т.д. Понимаете? Вроде бы, ясно то, что вы говорите, ведь это ничего другого, кроме того, что уже говорил Дружинин, не добавляет, а просто продолжает список безобразий. Что же, наверное, его можно и дальше продолжить. Прошу вас.

Левинтов А.Д.: Я из группы “Регион”. Мне представляется, что проблема заключается не только в режиме заповедности Национального парка или заказника и т.д., а несколько в другом. Дело в том, что у нас в стране с 1928 г. существует исключительное владение землей, недрами и водами государством Союз ССР. И всех, кто выступал до того времени или после 1928 г. о том, чтобы это исключительное владение землей было отменено и были бы введены другие формы владения, например, облисполкомами, сельсоветами и т.д., этих людей уже давно нет, а в ре-

[1] Карпенко А.Д.

зультате у нас имеются только пользователи, а не владетели.

Проблема заключается в том, что местные органы вынуждены просить Москву об отводе их собственной земли под их же собственные нужды. Я столкнулся с этим на Дунае, но и на Байкале положение то же самое. Оно одинаково по всей стране, в которой правом исключительного владения землей обладает одно лишь государство. Мы не являемся владельцами земли, мы являемся ее пользователями. Необходимо перевести этот вопрос в возможности владения землей теми, кто на ней живет.

Тергоев В.И.: Вопросов ко мне больше нет?

Из зала: Нет, нет.

Карпенко А.Д.: Чтобы не отвлекать долго внимание, я кратко продекларирую результаты разработки группы, которая называется "Национальный парк как саморазвивающаяся система в рамках саморазвивающегося региона". Эта группа проанализировала ситуацию, сложившуюся в связи с Национальными парками, расположенными на Байкале. В результате обсуждения мы пришли к выводу, что все проблемы, касающиеся функционирования Национальных парков и охраны природы в бассейне оз. Байкал, являются частными.

Существующая система приоритетов ведет к экологическим катастрофам, деградации и гибели общества. Поэтому прежде, чем говорить о Национальном парке как о саморазвивающейся системе, необходимо решить проблему саморазвивающегося региона, основанного на четырехсферной модели.

В результате выделяется группа, которая берется показать социалистическую модель саморазвивающегося региона, в конечном счете, работающую на спасение Байкала.

Попов С.В.: Спасибо.

Из зала: Поясните поподробнее.

Попов С.В.: Секундочку. Товарищи, чтобы экономить время, мы поступим следующим образом. Александр Дмитриевич [1], вы в какой комнате работаете? В 514. Все, кого интересуют саморазвивающиеся модели социализма, приходят консультироваться в 514 комнату. Если после этого возникает необходимость обсуждения, если вас не устраивает модель, либо возникают вопросы, тогда мы выносим на общее заседание. Договорились?

Из зала: Я понял, что это было выступление от группы "Национальные парки".

Попов С.В.: Нет, это отдельная группа.

Бондарев А.С.: Мы представляем эту группу – "Национальные парки как саморазвивающаяся система в рамках саморазвивающегося региона" – и в принципе могли бы в течение получаса доложить нашу модель, если вас это заинтересует.

Попов С.В.: Приходите, обсудите, если возникнет необходимость, вынесем на общее обсуждение. Группа "Правоохранительных органов", прошу вас.

Пуртова Л.Я.: Я выступаю от группы "Правовые и контролирующие организации". Я хотела бы доложить вам, чем занималась наша группа. Во-первых, наша группа была очень большая, и нас в обязательном порядке завтра собираются разделить. Времени не хватило, мы бурно обсуждали те вопросы, которые считали необходимыми, и в отличие от двух предыдущих групп, мы много внимания уделили именно оценке состояния экологии в регионе оз. Байкал. Я вас кратенько хочу ознакомить с тем, к какому выводу мы пришли.

Мы рассмотрели факторы, которые влияют на загрязнение Байкала непосредственно в котловине озера и те факторы, которые способствуют переносу загрязнений на Байкал в региональном потоке этих загрязнений. Эти вопросы у нас в Иркутске обсуждались многократно. Мы еще раз подвели итоги и пришли к выводу: в котловине Байкала все загрязняющие вещества, поступающие в атмосферу и привносимые в водную массу Байкала, остаются здесь. Не трансформируются, никуда не выносятся, поэтому для тех предприятий – источников загрязнений, которые непосредственно загрязняют котловину Байкала, нужно применить самые жесткие меры для того, чтобы перекрыть эти источники загрязняющих веществ. При этом следует отметить, что по тем критериям, какие сейчас пока еще применяются для оценки состояния загрязнений на Байкале, можно выделить локальные зоны повышенного антропогенного загрязнения. Это безусловно южная оконечность Байкала, где основной загрязняющий эффект оказывает БЦБК, как атмосферы, так и почвы, а также и воды, и осадков атмосферных, в общем, всех компонентов природной среды. Второй крупный район локального загрязнения – это Селенгинское мелководье и та часть Байкала, которая загрязняется селенгинскими водами, поступающими в круговорот воды на Байкале. Третья часть – это зона на Северном Байкале, примыкающая к трассе БАМ, к новым развивающимся городам, это устья рек и т.д. и район Котов. При современных методах оценки еще удается выделить районы, так сказать, фонового состояния природной среды: это центральная часть в Среднем Байкале, в Северном Байкале. Значительно меньше эта зона выделена в Южном Байкале. Но попутно мы отметили, что если мы перейдем на новые критерии оценки, которые рекомендуются нормами допустимых воздействий на Байкал, то у нас на Байкале, по новым критериям, вся зона Байкала будет загрязнена выше меры. Для оценки региональных потоков мы сделали такой вывод, что загрязнение атмосферы над Байкалом происходит в основном за счет регионального пе-

реноса от предприятий городов Иркутско-Черемховской агломерации. Здесь плотность промышленных центров очень велика. Если выбросы промышленных предприятий этого региона составляют чуть больше половины того, что выбрасывается во всей Иркутской области, где-то около 750 тыс. т/год, то на Байкал переносится, по оценкам различных научных организаций, от 6 до 10 %. Следовательно, этот перенос загрязняющих веществ в направлении от Иркутско-Черемховской агломерации превалирует над переносами атмосферных загрязнений из региона Забайкалья. Потому что там общий выброс составляет больше 200 тыс. т в целом на территории и перенос тоже в пределах 5-6 %.

Если же говорить о региональном переносе загрязняющих веществ непосредственно водной массой, то здесь, конечно, превалирующую роль играют реки, протекающие и формирующиеся на территории Бурятии и Забайкалья. Это, конечно, Селенга и ее притоки, которые привносят в Байкал основное количество нефтепродуктов, тяжелых металлов, повышенное количество органики, приличное количество пестицидов (которые тоже, кстати, переносятся по воздуху) и т.д.

Для того, чтобы снять проблемы загрязнения непосредственно в котловине Байкала, нужно выполнить, прежде всего, те мероприятия, которые предусмотрены Постановлением № 434. Это благоустройство населенных пунктов, перевод их на электрообеспечение, перепрофилирование БЦБК, это мероприятия, которые предусмотрены для Селенгинского ЦКК и т.д.

Анализируя причины неблагополучной экологической обстановки во втором регионе, который формирует региональный перенос загрязнения, мы отметили, что здесь следует обратить внимание на общие причины, которые способствуют этой неблагополучной обстановке. Среди них то, о чем уже говорили, это отсталая технология производства, отсталая технология очистки промышленных выбросов и стоков, это отсталый, можно сказать, технически неудовлетворительный уровень исполнения проектов и различных механизмов; это неудовлетворительная организационно-производственная дисциплина, которая приводит к многочисленным авариям, к сожалению, весьма участившихся в последние буквально годы в нашем регионе; это научные исследования без эффективного, реального внедрения результатов, направленных на оздоровление экологической обстановки; это несбалансированное, порой непродуманное планирование со стороны Госплана и министерств, здесь об этом тоже уже говорили; это непродуманность, а порой и вопиющая некомпетентность принимаемых решений, постановлений, указаний (мы с вами сами являемся свидетелями того, что приходится отменять пункты постановлений, принятые на самом высоком уровне); это недостатки и в организации работы контролирующих органов. Мы решили, что о недостатках организации контроля мы еще будем разговаривать, но здесь я скажу, что причина плохой работы контролирующих организаций – это тот же отсталый, совершенно недостаточный технический уровень оснащенности контролирующих организаций, выражающийся в примитивности приборов, в отсутствии автоматических средств контроля, в отсутствии методик, экспресс-методов контроля и т.д. Все это приводят к тому, что информация о состоянии природной среды получается с запаздыванием, а следствием этого является невозможность оперативно принять меры для экстренного изменения ситуации.

Теперь о предложениях, которые мы считаем необходимым рассмотреть в дальнейшем более подробно по улучшению экологической обстановки. Нам очень понравилось предложение, сделанное Сергеем Валентиновичем, и мы считаем, что нашему обществу следует рекомендовать для принятия решений проводить общественную экспертизу предложенных разработок и идей, тогда бы не было необходимости изменять некоторые уже принятые критерии для ограничения мощности промышленных предприятий с учетом природно-климатических факторов, определяющих процессы самоочищения природной среды. Третий пункт: исключить из практики совместных решений контролирующих органов и местных Советов разные толкования об ограничении промышленного строительства в городах с высоким уровнем загрязнения атмосферы.

Если бы передо мной выступал действительно представитель Советской власти, а не общественного движения (смех в зале), то я бы задала ему вопрос: как он понимает, почему у нас так часто возникают разногласия, когда контролирующие органы выносят предложения о закрытии, о выносе предприятия (например, в Иркутске это Лисихинский кирпичный завод и другие аналогичные предприятия), а Советские органы настаивают на продолжении их деятельности.

Попов С.В.: А вы как сами думаете?

Пуртова Л.Я.: Об этом можно говорить, я дальше скажу, как я думаю. У нас разные интересы. Если мы охраняем только природу и несем ответственность только за это, то у Советских органов еще ответственность за развитие промышленности. Они сегодня решают и рассматривают одни вопросы, а завтра совершенно другие.

Попов С.В.: Какой ответ Вы хотели бы получить?

Пуртова Л.Я.: Я хотела бы получить такой ответ, что если на основании природоохранных законодательств советские органы вместе с контролирующими организациями несут полную ответственность за планирование, за состояние природы в их регионе, то именно этим и должны зани-

маться вместе, а не "в натяг" один против другого. Вот так.

Я еще не договорила. Группа считает недопустимым реализацию рассматриваемого сейчас вопроса о закачке сточных вод с СЦКК в подземные горизонты, так как в том районе имеются населенные пункты, которые пользуются подземными источниками водоснабжения. Кроме того, гидравлическое единство подземных горизонтов с водами Селенги обязательно приведет к дополнительному загрязнению этой воды. Сам факт загрязнения подземных вод усугубляет опасность загрязнения вод Байкала опять же из-за гидравлической связи подземных вод и Байкала. Далее, из-за того, что на Селенгинском комбинате не решены вопросы очистки метилмеркаптана до требуемых норм, инспектирующие органы должны уже сейчас рассматривать вопрос о его закрытии и перепрофилировании. Это предложение выдвинули, прежде всего, представители бурятских контролирующих органов.

Я один пункт тут пропустила. Мы выразили опасения, что решение о перепрофилировании БЦБК не будет осуществлено в срок, потому что постановлением предусматривается безальтернативное решение переноса этих мощностей в Усть-Илимск. А в Усть-Илимске мы имеем уже в настоящее время загрязнение воздуха до 9 ПДК метилмеркаптана. Технико-экономическое обоснование проекта предусматривает пока что достижение 80 ПДК по метилмеркаптану на границе санитарно-защитной зоны. Как нам сказал представитель проектной организации, технических решений по очистке газа от метилмеркаптана в настоящее время пока не разработано, поэтому я думаю, что из-за этого возникнут трудности по выполнению данного мероприятия в срок.

Еще один пункт. Мы считаем, что надо вынести на обсуждение вопрос о замене хлорирования сточных вод в населенных пунктах, которые расположены на побережье Байкала и на его водосборе, заменив это озонированием. Такие вопросы технически проработаны, и нам их надо осуществлять.

Для увеличения эффективности контроля за состоянием природной среды предлагается ускорить разработку методик, экспресс-методов анализа, автоматических методов контроля, обеспечивающих переход, в первую очередь, на чужеродные естественной среде вещества – это хлорфенолы, хлорбензолы, диоксиды, которые в особенности представляют большую опасность для здоровья людей, т. к. они очень медленно разлагаются и т.д. И рекомендовать перейти на интегральные показатели загрязнения природной среды.

Я заканчиваю, товарищи.

Из зала: Регламент. Регламент есть?

Попов С.В.: Регламент есть. Но смотрите, что показывает обсуждение. Я, конечно, могу, и с завтрашнего дня буду, отсылать на место докладчика после того, как 5 минут прошло, неважно, что говорилось. Но дело не в этом. На мой взгляд, проблема не в регламенте. Проблема в том, что практически все выходящие сюда не знают, что именно и кому они хотят сказать. А ведь наше заседание – это не профсоюзное собрание, когда мы стараемся сказать все, что у нас в голове содержится.

Ситуация достаточно сложная. Никто из докладчиков ничего, собственно, нового не сделал и, вообще, никакого действия не осуществил. На мой взгляд, гораздо полезнее говорить не о том, что мы и так знаем (в конце – концов, если вы чего-нибудь не знаете, то можете прийти в группу и выяснить), а гораздо полезнее обсуждать друг с дружкой те вопросы, на которые мы ответа пока еще не имеем.

Викулов В.Е.: Но эта группа как раз лучше всех знает положение. Два вопроса у меня.

Попов С.В.: Да, но заметьте. Группа – важная и ценная, и знает положение, но один только момент для организации дискуссии: говорить не все, что знаешь, а то, что нужно, а поэтому заранее получать, что не нужно аудитории. Прошу вас.

Викулов В.Е.: Первый вопрос. Есть ли у контролирующих органов четкие данные о влиянии на Байкал Братского комбината, Братского промышленного узла? Четкие данные по фтору?

Пуртова Л.Я.: Некоторые данные по этому вопросу есть. Но разграничить, где же содержание фтора на акватории Байкала, например, в зимний период, обусловлено только переносами из Братска, нельзя, потому что...

Викулов В. Е.: Все понятно, я удовлетворен. Итак, фтор есть на Байкале, да?

Пуртова Л.Я.: Есть.

Викулов В.Е.: Но вы не знаете...

Пуртова Л.Я.: Но он, с моей точки зрения, забайкальский. У вас очень много фтора содержится в углях.

Викулов В.Е.: Интересно, у вас есть Братск, у вас Шелехов, у нас нет ничего подобного, но фтор наш! Наш, а не ваш.

Пуртова Л.Я.: А вот ваши товарищи-специалисты вам скажут, что у вас очень много фтора содержится в углях, которыми пользуется Гусиноозерская ГРЭС.

Викулов В.Е.: Угли-то ваши – черемховские. Второй вопрос. Разговор о промышленной закачке стоков Селенгинского комбината в подземные горизонты не идет.

Пуртова Л.Я.: Идет.

Викулов В.Е.: Я еще раз повторяю: о промыш-

[1] Пуртова Л.Я.

ленной закачке не идет, идет эксперимент, научные исследования, 540 тыс. кубов. Вы против научного эксперимента?

Пуртова Л.Я.: Нет, я не хотела так сказать.

Из зала: Против. Эксперимент не должен идти в таких масштабах.

Викулов В.Е.: У меня тогда к вам вопрос. Вы считаете, что сейчас более благополучно сливать стоки прямо в Селенгу? Вы знаете, в каком состоянии сейчас протока Селенги? Или все-таки посмотреть, что будет, если пройдет через горизонты? Сегодня мы имеем явные загрязнения, а там у нас все-таки есть надежда, что...

Из зала: А завтра что будет?

Викулов В.Е.: Что мы завтра будем иметь, никто не знает, поэтому опытные работы и проводятся, понимаете, товарищи.

Из зала: Сколько можно вокруг одного и того же.

Викулов В.Е.: А если мы этих опытных работ не проведем и не будем иметь данных, то мы и не сможем отвергнуть этот метод.

Гурман В.И.: Вопрос к Лидии Яковлевне [1]. Если будут удовлетворены санитарно-гигиенические нормы у всех загрязнителей, у всех производств, локально, будет ли решена проблема загрязнения Байкала? Каждый источник имеет вокруг себя какое-то население, в связи с этим должны выполняться санитарно-гигиенические нормы, которые сейчас не выполняются. Одновременно этот же источник загрязняет Байкал. Есть два критерия: отрава населения и отрава Байкала. Какой критерий жестче? Сложно бороться за два сразу, а можно только за один – обеспечить экологическим благополучием население. Достаточно ли этого, чтобы автоматически решить проблему Байкала?

Пуртова Л.Я.: Отвечаю. Постановлением, на основании которого разработаны и экологические нормы допустимых воздействий, предусматривается разработка особых норм, которые призваны сохранить не только, как вы говорите, человека, но и уникальный природный комплекс всего Байкала. Что это за нормы? Это нормы особые по некоторым веществам, правда, далеко не полным спискам, там всего 6 веществ, если я не ошибаюсь. Эти нормы, некоторые на порядок, некоторые в 3-4 раза жестче тех, что приняты для человека. Это нормы, рассчитанные на обеспечение...

Гурман В.И.: Это я все знаю. Речь идет о другом. Байкал находится все же на удалении от основных загрязнителей, например, воздушных. А на население эти источники действуют непосредственно. К Байкалу они значительно ослабевают, примерно на порядок. Если мы удовлетворим самые жесткие требования, которые сформулированы в этих нормах, хотя бы просто сангигиенические нормы, будут ли выполнены вот те жесткие нормы для Байкала?

Пуртова Л.Я.: Должны быть выполнены.

Чебаненко Б.Б.: Нет, не будут выполнены. Мы проводили такой опыт. Здесь Лидия Яковлевна сказала, что они занимаются охраной природы. Это не так. Они занимаются охраной человека. Потому что все свои результаты они сверяют с нормами для человека. Природная среда гораздо более уязвима. Можно привести пример: предельно допустимое содержание окислов серы для человека – 0,5 миллиграмма, а для растительности – 0,02. Если мы в ближайшем населенном пункте от источника высотой 100 м обеспечим гигиенические нормы 0,5, мало вероятно, что в районе Байкала будет обеспечено 0,02.

Пуртова Л.Я.: Белла Борисовна, вы как всегда, как все представители Байкальского движения, очень хорошо знаете, что делают, а чего не делают другие. А теперь послушайте меня. После того, как были приняты нормы экологического воздействия на Байкал, мы при экспертизе проектов в регионе, в котловине Байкала требуем, чтобы вот эти лесные нормы соблюдались на границе лесной зоны.

Чебаненко Б.Б.: Это вы мне рассказываете по теме нашего задания? Про анализ существующего положения дел?

Пуртова Л.Я.: Я вам ответила, чем мы занимаемся.

Чебаненко Б.Б.: Сергей Валентинович. У меня еще есть вопрос, можно?

Попов С.В.: Сейчас, секундочку. По очереди. Прошу вас, Николай Павлович. Ваш вопрос. Там, около вас, микрофон, пожалуйста.

Ладейщиков Н.П.: У меня такого рода вопрос. В каких местах у вас находятся пункты аэрологического наблюдения между Иркутском и стоком Ангары? Вы говорите, что по Иркутско-Черемховской равнине вносится максимум загрязнений, но где проводятся аэрологические наблюдения, подтверждающие это? Может быть, я об этом не знаю. Но я думаю, что как раз я бы об этом знал, так как десятки лет мы ведем наблюдения в этом направлении. И я могу сказать, что как раз Иркутско-Черемховский узел не может давать и не дает загрязнений по долине Ангары. Достаточно вам вспомнить, что когда вы приезжаете на эту базу, где мы сейчас находимся [1], или дальше на Байкал, вы видите чистейший снег. Тут никакой грязи от Иркутско-Черемховской линии нет. Перенос идет выше. Не от Иркутско-Черемховского узла, а от многих других источников. Но меня интересует: где у вас проводились эти обследования, от-

[1] Турбаза "Прибайкальская" в 60 км от г. Иркутска, на которой и проходила Всесоюзная социально-экологическая экспертиза "Байкал–88".

куда у вас данные, что вы с такой уверенностью говорите о переносе именно от Иркутско-Черемховского узла.

Пуртова Л.Я.: Если Вы меня так поняли, что я говорю о состоянии среды прямо непосредственно у водной поверхности за Иркутским водохранилищем, то я этого не хотела сказать. Я имела в виду направление. Отвечаю на Ваш первый вопрос: где проводится аэрологическое зондирование? В Иркутске проводится и, в последние буквально дни, параллельно, в Ангарске. Мы этот пункт наблюдений переносим в Ангарск. С Вашим утверждением о том, что снежный покров чистейший, белейший и не загрязненный, разрешите не согласиться. Мы ежегодно выполняем съемки в этом регионе и знаем, что снежный покров здесь загрязнен и фтором в повышенных количествах, который переносится из Шелехова, и другими тяжелыми металлами.

Ладейщиков Н.П.: Товарищи, этот вопрос имеет принципиальное значение. Я вовсе не хочу сказать, что Байкал не загрязняется через воздух, я этим занимаюсь без малого 30 лет. В том числе и изучением переноса и закономерностей переноса в атмосфере из отдаленных источников. Сейчас гораздо больше загрязнений начинает поступать на Северный Байкал. А от Иркутска до истока Ангары аэрологических наблюдений не поставлено, поэтому нет никаких оснований говорить о том, что идет атмосферный перенос с Черемховского района в Байкал. Загрязняется Байкал БЦБК, другими источниками, причем, из отдаленных мест, которые находятся почти в районе КАТЭКа и даже дальше от него. Сульфаты эти отнюдь не Черемховского происхождения. Дальше я хотел бы заметить, что надо очень серьезно относиться к вопросу о том, как попадают на Байкал загрязнения из отдаленных источников. Этим исследованиям надо придать сейчас первостепенное значение. Это делает Иркутское управление метеослужбы. Оно делает все, что можно, но сейчас, к сожалению, главным образом, занято регистрацией того, что происходит, а изучение процессов вести не может из-за недостатка средств, методик и людей.

Гурман В.И.: Вы знакомы с расчетами по моделям, которые показывают примерно десятипроцентный перенос воздушных загрязнений из Иркутско-Черемховской зоны?

Ладейщиков Н.П.: Я хорошо знаком с этой моделью.

Гурман В.И.: Они очень устойчивы.

Ладейщиков Н.П.: Да-да. Эта модель раскрывает не процесс, она относится к констатирующей модели, то есть констатирует загрязнения по ареалам. Как вы помните, эта модель циклическая, то есть она прослеживает их не по рельефу, а по коэффициенту трения и вязкости. Рельеф имеет свое воздействие на перенос атмосферы над ним на расстоянии примерно до полутора километров. Поэтому естественно, что настоящие работы надо проводить параллельно с моделированием. В противном случае они будут неточны.

Из зала: Лидия Яковлевна! Как Вы считаете, решила ли бы все проблемы контроля за загрязнителями такая постановка дела: если мы знаем заранее, какой вред приносит тонна, килограмм или литр загрязнения, могли бы мы снимать с предприятий определенную сумму штрафов? Я думаю, тем самым мы исключили бы внедрение отсталых технологий, потому что зачем платить миллионы рублей!

Пуртова Л.Я.: Система штрафов эту проблему не решает и вот почему. Можно, как говорится, оштрафовать всех и вся, иметь, я грубо выражаюсь, мешок денег.

Из зала: Вы не так поняли меня.

Пуртова Л.Я.: Дайте мне ответить, как я поняла. Вы потом поправите. Я считаю, что решать вопросы охраны природы нужно именно с разработки новых технологий производства, новых технологий очистки. А система штрафов может только лишь какой-то способ ускорить, но не решить эту проблему. Я хочу обратить внимание тех, кто с этим не сталкивался, что эти вопросы быстро решить нельзя. В нашей стране они настолько отстали, что даже сложно определить насколько. И не нужно думать, что если кого-то сильно начать штрафовать или поставить во главе охраны природы очень боевых людей, умеющих конфликтовать с властями, то все само станет на свои места. Я думаю, это глубокое заблуждение. Надо начинать решать эту проблему с тех азов, которые много времени не решались.

Обратите внимание на то, что штрафные санкции используются и сейчас, но оказывает ли это ожидаемое влияние?

Из зала: Я говорю о необходимости процесса самоконтроля, то есть о такой системе контроля, которая бы позволяла держать предприятия в жестком режиме именно по отношению к охране природы. То есть чтобы эти технологии все-таки внедрялись. Там, за рубежом, в общем-то, это дело делается.

Из зала: Там, за рубежом, другое делается.

Попов С.В.: Там, за рубежом, есть деньги, на которые можно хоть что-то купить.

Пуртова Л.Я.: А у нас деньги останутся деньгами.

Попов С.В.: А у нас, между прочим, эти штрафы и перерасчеты, в том числе и плата за пользование есть движение бумажек, поскольку (и тут все это уже обсуждалось) плата за ресурсы и штрафы планируются Госпланом и другими организациями заранее.

Из зала: Эта система будет работать при условии-

ях перехода на хозрасчет! Будет, если это будут заработанные рубли.

Попов С.В.: Не путайте, не путайте. Вы сначала подумайте, будет ли она действительно работать. Для того, чтобы она работала, должны быть деньги, на которые можно что-то купить. А если вы будете точно так же перечислять бумажки, то ничего не будет, поэтому сначала с этим надо разобраться.

Из зала: Это при современной системе.

Попов С.В.: Поэтому у них там свое, а вот что у нас – не поймешь. Вопросы. Прошу вас.

Кулиш В.П.: У меня возникло сразу несколько вопросов. Ради чего вы охраняете или ради кого вы охраняете природу?

Пуртова Л.Я.: Природу охраняем для того, чтобы она была чище, чтобы человеку жилось легче в этой природе, чтобы сохранить экосистемы. Зачем вы задаете такие вопросы?

Попов С.В.: А затем, что когда Вы так ответили, люди сделали соответствующие выводы. Вы знаете, когда Вы так отвечаете, то у меня возникает аналогия, навеянная воспоминаниями детства, когда мы говорили: "Какова наша цель (всех и вся)? – Благосостояние людей!". А потом, в определенный момент выяснилось, что с благосостоянием у нас хуже всего. Поскольку это не деятельный ответ, это ответ для отговорки. А вопрос, на мой взгляд, точный и показывает направление, поскольку либо вы по должности меряете и потом отсылаете эти документы по инстанциям, либо знаете, что вы в результате своей работы хотите получить и делаете то, что действительно имеет смысл. В этом смысл и суть вопроса, если я правильно понял.

Кулиш В.П.: Да, Вы правильно поняли.

Пуртова Л.Я.: Тогда Вы, может быть, и ответ дадите, для чего же мы это делаем. Пожалуйста, а я Вас послушаю.

Кулиш В.П.: Второй вопрос я хотел бы сформулировать следующим образом. Я как-то выступал на митинге и сказал, что неинформированность нашего народа ставит его в глупое положение. Мы – глупое человечество. А таким человеком проще управлять. Так вот, вы сегодня председателя нашего движения выгнали из своей группы, причем под предлогом, будем говорить прямо, что у вас документы для служебного пользования. Насколько я понимаю, документы для служебного пользования не являются секретными. Тем более, что недавно в газетах было сказано, что все вопросы, связанные с экологией, надо доводить до народа. Так вот, если бы вы доводили до народа, то вашей организации и не потребовалось бы – народ сам мог бы контролировать эти выбросы. Я хочу узнать, как Вы отнесетесь к тому, если все материалы раскрыть?

Пуртова Л.Я.: Послушайте. Мы публикуем эти данные регулярно в городах: Иркутске, Ангарске, Братске, Шелехове, начинаем в Усть-Илимске. Я считаю, что проблемы, такой, как гласность по вопросам экологии, уже не существует, другое дело, что отрегулировать это надо. Вы газету-то читаете?

Кулиш В.П.: Читаю. Но почему же тогда вы сегодня нашего председателя выгнали под предлогом секретности?

Пуртова Л.Я.: Потому, что нас было 21 человек и даже те, которые остались, вынуждены будут завтра разделиться и работать отдельной группой. Не взяли, вот и все.

Попов С.В.: Да нет, скажите честно – есть закрытые данные.

Пуртова Л.Я.: Сейчас скажу. В соответствии с новым перечнем Обллита, закрытые данные – это обобщения по состоянию природной среды в целом по союзным республикам и СССР, а также специальным предприятиям, которые относятся к категории "почтовых ящиков". Остальные данные открытые.

(Шум и смех в зале)

Из зала: Что вы несете?

Пуртова Л.Я.: А вы напрасно смеетесь. Закрыта еще всего лишь одна проблема, близкая к этой, – это влияние загрязнения на здоровье людей.

(Смех, возгласы, шум и аплодисменты в зале)

Пуртова Л.Я.: Как хорошо вы смеетесь. У вас еще много сил. Дело в том, что этим Минздрав занимается, а не мы, вы зря меня обсмеиваете.

Попов С.В.: Вопрос этот, конечно, не к Лидии Яковлевне.

Кулиш В.П.: И последний вопрос. Что Вы подразумеваете под Советской властью, если для Вас депутат районного Совета – это не власть?

Из зала: Не настоящая власть.

Пуртова Л.Я.: Знаете, я в теоретических вопросах, наверное, подкована меньше, чем вы. Я, в отличие от вас, не трачу отпуск на подготовку политических документов. В моем понимании, конечно, если бы товарищ представился, что он председатель депутатской группы, к нему было бы одно отношение. А он вышел и представился: "Я представляю Байкальское движение", движение в защиту Байкала. Извините, я понимаю по-разному.

Кулиш В.П.: А что Вы все-таки подразумеваете под Советской властью?

Из зала: Ну, хватит! Хватит!

Попов С.В.: Председателя исполкома.

Чебаненко Б.Б.: Я хочу задать вопрос, разрешите.

Попов С.В.: Вам это очень важно?

Чебаненко Б.Б.: Я думаю, что важно.

Попов С.В.: У меня к вам предложение. Я так понял, что вы, здесь собравшиеся, хорошо друг друга знаете. И вопросы, которые можете друг другу задать...

Из зала: И ответы тоже.

Попов С.В.: Да, и ответы тоже, знаете.

Чебаненко Б.Б.: Я хочу, чтобы вся аудитория услышала ответ на один вопрос.

Попов С.В.: Минуточку. А вот давайте поступим по-другому, поскольку это ваш старый оппонент, известный и вы все про него знаете и, соответственно, оппонент про вас – тоже. Давайте, чтобы перевести разговор в конструктивную форму, вы после того, как задаете свои вопросы, подумайте, как должна быть устроена система контроля, и какого рода действия можно и нужно предпринять. И если вы эти представления будете иметь, то с Лидией Яковлевной уже можно будет разговаривать не по принципу разоблачения, а обсуждать, будет ли она (или кто-то еще) каким-то образом это делать или не будет. И вот тогда уже выносить квалификацию. Вы, если задаете вопрос: "От кого и зачем охраняют природу?", должны иметь свою версию ответа. Например: "Ни от кого и ни зачем, а служит это лишь для того-то и того-то". Иначе у нас разговор так и будет проистекать – вы будете задавать вопросы, на которые уже знаете ответы. Вы ведь знаете ответ, который произнесут?

Пуртова Л.Я.: Наверное, знает.

Попов С.В.: Ну, честно, знаете?

Чебаненко Б.Б.: Думаю, что нет.

Попов С.В.: Ну, ладно, тогда задавайте ваш вопрос.

Чебаненко Б.Б.: Я бы хотела получить очень чистосердечный ответ, насколько Лидия Яковлевна считает объективной оценку состояния загрязнения природной среды в акватории оз. Байкал, если, как всем известно, стоки целлюлозного завода выбрасывают десятки, даже до сотни наименований токсичных веществ. Из этих токсичных веществ контролирующие организации контролируют всего два и то не первой, а третьей, четвертой степени опасности. А вещества первого, второго классов токсичности – канцерогенные, мутагенные, остаются за пределами контролирующих служб. В результате ученые Академгородка обнаруживают хлороформ в снеге вокруг очистных сооружений, по распадкам; обнаруживают ртуть; тяжелые металлы в концентрациях очень больших, исчисляемых сотнями ПДК; хлорорганические соединения, смоляные, жирные кислоты, органические кислоты. Так вот, если контролируется только малая часть попадающих в среду вредных веществ, то о какой объективной оценке состояния природной среды можно говорить и, может быть, этим объясняется то, что мы уже 20 лет не можем доказать ни партийным, ни советским органам необходимость закрытия или приостановки Байкальского целлюлозного завода?

Попов С.В.: Ответ вы сами дали. Да?

Пуртова Л.Я.: А можно мне сказать?

Из зала: Есть еще одна группа, которая хотела бы внести...

Попов С.В.: Минуточку. Уважаемые товарищи! Во-первых, у нас регламент работы до 23.00, и часть участников вынуждена будет сейчас уехать. У меня общие соображения. Я так почувствовал, я думаю, вы сами это почувствовали, что в такой манере у нас разговор может продолжаться до бесконечности. Факторы, которые можно перечислить, и вопросы, на которые мы должны получить ответ, лишь для того, чтобы что-то доказать, очень много. И я, глядя на ваши лица, чувствую, что обсуждением вы не удовлетворены.

Из зала: Нет, конечно.

Попов С.В.: Вот и я совершенно не удовлетворен. У меня большая просьба ко всем участникам игры и работы. Уважаемые товарищи, слушайте, пожалуйста, не только себя. Если вы выступаете и хотите нечто сообщить, то отдавайте себе отчет: кому, зачем и что вы говорите, что из этого должно последовать и какой новый результат (неизвестный ранее) может и должен получиться. Если вы такой работы не проделали, следовательно, ваше выступление никому не нужно. Понятно я сказал?

Пуртова Л.Я.: Ну, мне можно в двух словах ответить?

Попов С.В.: В двух?

Пуртова Л.Я.: Если бы Белла Борисовна, которая ушла с того поста (а она занимала его 22 года), которое я заняла лишь 3 года назад, задалась бы этими вопросами раньше, то, наверное, отпала бы и необходимость задавать их нынче.

(Смех в зале)

Из зала: Отомстила!

(Смех в зале)

Попов С.В.: Отомстила, но от этого мало что изменилось. Точно также вы встретитесь в коридоре, там все и выясните, тем более, что вы ответ друг

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ
16 октября 1988 г.

Щедровицкий П.Г.: Уважаемые коллеги! Тема сегодняшней групповой работы и обсуждения на общем заседании была посвящена целям хозяйственной деятельности в регионе и перспективам развития хозяйственной деятельности. При этом, я думаю, все обратили внимание, что обсуждение целей, типов целей началось еще вчера, на первом же докладе, на выступлении 1-й группы. И я думаю, что обсуждение целей продлится до конца игры и отнимет у нас немало сил и нервов. Прежде всего, в силу того, что эта тема и стоящие за ней теоретические и организационно-практические вопросы, неимоверно сложны. И я думаю, что все обратили внимание, что мы достаточно мало продвинулись в выявлении различий целей и противоречий, которые возникают из различия целей хозяйственной деятельности в районе озера Байкал. Я предполагаю дальше остановиться на некоторых ключевых аспектах целеобразования на региональном уровне. Но чтобы развернуть эту тему, мне придется ввести несколько предварительных посылок. И несколько вопросов специально обсудить и вынести на ваше общее обсуждение.

Начну с исторического примера, который многие, особенно люди пожилого возраста, хорошо знают. В 1931 г. в знаменитой речи Сталина о шести условиях и перспективах индустриализации в стране был подчеркнут тот факт, что развитие нашей страны, выживание страны в условиях существовавшей в то время мировой политической системы невозможно без интенсивной индустриализации и решений целого класса задач, органически не вытекавших из устройства хозяйственного механизма дореволюционной России и России периода НЭПа. В этом смысле сохранение статуса и значения страны в той ситуации, которая была к 1931 г., предполагала, что сделан достаточно существенный поворот. Цели и перспективы хозяйственного развития существенно изменятся по сравнению с теми возможностями и теми шагами, которые вытекали из непосредственной эволюции тенденций, которые имели место быть к этому моменту. Конечно, мы сейчас можем обсудить, что эти цели были непосильными, что их реализация во многом зависела от обнищания и разорения деревни (индустриализация достигалась во многом за счет перекачки ресурсов из деревни в город). Мы, конечно, можем говорить, что военная ситуация и нагнетание военной напряженности во многом было обусловлено политикой самого Сталина и его действиями в рамках Коминтерна. Но как бы мы ни относились к ситуации и какие бы не вносили коррективы, мы должны признать, что тезис о том, что война, которая могла разразиться и которая все время висела угрозой над европейскими странами, должна была быть (и была реально) войной моторов. И в этом смысле предполагала развернутую и достаточно сложную индустриальную структуру и соответствующий этой структуре индустриально-хозяйственный механизм. И в этом плане цели, которые провозглашались в рамках этой индустриализации, какими бы непосильными они ни казались, соответствовали общей структуре мировой ситуации, напряжениям этой ситуации, возникающим внешнеполитическим конфликтам в рамках этой ситуации и соответствовали тем перспективам развития хозяйства, которые были свойственны развитым капиталистическим странам.

Но вот вам другая ситуация: 1946 г., февраль. Сталин выступает перед делегатами-выборщиками Бауманского района города Москвы и произносит первую после войны речь, задавая цели и перспективы развития хозяйственной деятельности. И те из вас, кто с этим знакомился, соответственно помнит, что он говорил: мы производим 15 млн. т стали, надо производить 60 или 70 млн. т; мы выплавляем столько-то тонн чугуна, надо делать столько-то. И если мы это будем делать, то будет коммунизм.

Вы прекрасно понимаете, что в этот момент (1946 – начало 1950-х гг.) мировая хозяйственная система делает существенный шаг вперед. Она переходит на рельсы научно-технической революции, а, следовательно, цели и перспективы хозяйственной деятельности ставятся и выдвигаются совершенно по-другому, нежели то, как это делает в своей речи Сталин. И можно только удивляться тому, что за этот период в 15 лет произошел такой существенный сдвиг. А именно: если в 1931 г. цели еще имитировали, учитывали, схватывали перспективы развития мирового хозяйства, мирового развития, то в 1946 г. они уже лежат вне мировой истории. И в этом смысле даже можно задать вопрос и спросить: а цели ли это были? И в каком смысле то, что он говорил и выдвигал в качестве ориентиров развития всего народного хозяйства, может называться целями и может задавать перспективы развития хозяйственной деятельности? Вроде бы, создалась такая ситуация, когда, как сказал бы Гегель, мировая идея покинула его, а, соответственно, – и его окружение. То есть тех людей, которые определяли стратегические направления развития, отвечали на вопрос, что нужно делать, а чего делать не нужно.

И теперь я перевожу это совсем в другой план. Вроде бы, процесс целеобразования, постановка целей и ориентиров хозяйственной деятельности явля-

ется неимоверно сложным процессом, который во многом опирается на научно-проектный и аналитический потенциал людей, которые обслуживают и обеспечивают деятельность лиц, принимающих решения и практических политиков. И если этот интеллектуальный корпус, который обеспечивает выдвижение стратегических целей, не работает, оторван от мировых исторических процессов, которые происходят, не понимают, в чем состоит более широкая ситуация, то целей нет. А раз нет целей и если то, что провозглашается и произносится, выходит за рамки мирового исторического процесса, при реализации этих установок не может произойти ничего другого, как растрата труда, ресурсов и сил тех, кто отдает себя на реализацию этих выдвинутых установок.

Вы прекрасно понимаете, что мы имеем сегодня в результате того, что тогда, в сороковые-пятидесятые годы, происходило и что здесь А.Е. Левинтов назвал "дрейфом целей и целевых установок", то есть переносом их из одних программных и концептуальных документов в другие. Вы прекрасно это знаете, однако я в общих чертах, но жестко, выделю эту ситуацию. Итак, мы имеем перепроизводство промежуточных продуктов практически по всем отраслям народного хозяйства в среднем в 2 раза по сравнению с выходом конечной продукции (если сопоставлять с развитыми странами). Мы имеем раздутое ресурсное основание экономики, то есть мы практически имеем чрезвычайно ресурсо- и энергоемкое производство. Мы производим в 2-3, а иногда и в 5 (как с цементом) раз больше продукции среднего уровня. И по сути дела (по некоторым "экстремистским подсчетам"), из 47 тысяч заводов и фабрик 22 тысячи у нас работают вхолостую. Что это значит? Это значит, что люди-то там трудятся, но вот эффекта для богатства народа и развития производительных сил это не имеет.

И вы прекрасно понимаете, что, если бы можно было закрыть эти предприятия и заменить их чем-нибудь другим, то это и надо было сделать.

Но ведь закрыть-то их нельзя. Это нереалистично, поскольку за каждым таким предприятием стоят большие массы населения, со своим уровнем жизни, со своими социальными инфраструктурами, которые не могут быть перепрофилированы и переучены в тех темпах, в которых нам бы хотелось осуществить перестройку производственной базы или производственного ядра хозяйственного механизма. А поэтому, может быть, и хотелось бы все это закрыть, но закрыть мы не можем. А потому мы вынуждены поддерживать функционирование этого хозяйственного механизма.

И вот теперь я ввожу самый тяжелый, я бы сказал, просто печальный тезис: функционирование хозяйственного механизма, которое в сути своей бесцельно! Ну, ну, конечно, там есть "цели". А именно: поддержание качества жизни, уровня возможной работы этих производственных коллективов. Только к развитию это не имеет отношения.

Шахназарян Г.К.: Сейчас процентов 30 затрат идет на зарплату. Зачем же тратить ресурсы, цемент, труд и т.д.? Закрывать нужно. А людям дать пособие по безработице (то, что они и так уже получают). Или перевести в другие сферы. Неужели государство не может на этой пойти?

Щедровицкий П.Г.: Уважаемый коллега! Я вас понимаю. Но я хочу обратить ваше внимание на то, что, во-первых, люди, которые не работают, – это люди, которые потенциально составляют основу контингентов с так называемым отклоняющимся поведением. А потому ваша идея – отставить их от труда и перевести в другие сферы – предполагает, что эти сферы развиты. То есть что мы имеем систему подготовки кадров и повышения квалификации, в которые могут быть перераспределены эти высвободившиеся трудовые ресурсы. Второе – мы имеем систему обслуживания и сервиса, в т.ч. научно-проектного сервиса, в который можно произвести перераспределение ресурсов. Мы имеем, в конечном счете, системы досуга и рекреации, в которые мы можем передвинуть часть этих людей. Я, конечно, с вами согласен, что, поскольку уровень зарплаты поддерживается на уровне среднего пособия по безработице, то без ущерба для финансов мы можем произвести такое перемещение. Но – в голове! А в реальной практике мы вроде бы должны считаться с тем, что это – люди незанятые. А, следовательно, есть контингент, по отношению к которому нужно принимать совершенно другую стратегию и политику. Поэтому сейчас делаются попытки (хотя и достаточно безуспешные) развернуть эти сферы, то есть сферы образования, рекреакции, досуга, сервиса, культурного обслуживания и т.д.

Но опять же, если мы посмотрим назад, на развитые страны, то должны сказать, что там необходимость снижения удельного веса производительного (или непосредственно производительного) населения в общем его количестве было понято еще до войны, во время Великого промышленного кризиса. И нам тоже уже тогда надо было развивать сферы, в которые сегодня мы бы перераспределяли трудовые ресурсы. По-моему, вы здесь рассуждаете нереалистично. То есть я, конечно, понимаю, что хочется, но одного желания мало. То, что раньше, когда надо было делать, не сделали, восполнить одними .желаниями нельзя. Может быть, там, у себя на БАМе, для своего 700-тысячного населения вы это и сможете сделать (Бог вам в помощь). Но сделать для всей страны, разом, – это теперь невозможно. Это правильное направление, но это должно быть подготовлено. И на это нужно 10-12 лет как минимум.

Реалистично нужно смотреть на вещи, на мой взгляд. Если не ответил, то возражайте.

Из зала: У меня альтернативное предложение, в дополнение к этому. В свое время Россия была поставщиком в Европу дешевого хлеба. Теперь мы в принципе могли бы быть поставщиками дешевых рабочих рук.

(Шум в зале. Смех)

Щедровицкий П.Г.: Уважаемые коллеги! Я, право, не знаю, чему вы смеетесь? Поскольку, по-моему, надо плакать.

Из зала: Смех сквозь слезы.

Щедровицкий П.Г.: А поэтому я ведь коллегу, предложившего это, понимаю. И, несмотря на удивительность данного проекта, он ведь тоже имеет свои резоны. И если сегодня в Польше квалифицированная рабочая сила уезжает, то это и есть эффект от попытки открытия границ. То есть эффекты получаются другие, нежели вы утверждаете. Не то, что "мы поставляем рабочую силу", а то, что эмигрируют квалифицированные кадры. Если вы этого хотите, то знайте...

Из зала: Речь была о низкоквалифицированных.

Щедровицкий П.Г.: Кому же они нужны?

Из зала: А если мы ликвидируем труд женщин?

Щедровицкий П.Г.: Уважаемые коллеги! У меня такое ощущение, что вы живете в мире бумажных переделок. Вы ликвидируете труд женщин! На бумаге. Вы представляете себе, что для этого нужно в плане организационно-практических действий? Ну, например, у нас есть 3 млн. домохозяек, которых мы называем почему-то учителями. А теперь отнеситесь к этому. И чем вы собираетесь заменить труд женщин в сфере образования?

Из зала: Нужно заменять труд женщин в тех отраслях, где он может быть заменен.

Щедровицкий П.Г.: Я очень рад, что вы начали это обсуждать. Поскольку все это теперь оборачивается и получается такая удивительная вещь, что мы попали в такую катастрофическую ситуацию, что мы не только не целеобразуем, но мы еще отказываемся от стратегического целеобразования ради попыток залатать дыры, которые накопились за счет инерции хозяйственного механизма. Но нужно ведь честно сказать: это – не цели и не целеобразование. Это есть реактивные действия, которые мы вынуждены предпринимать в силу того, что инерция хозяйственного механизма тащит и волочит по ее законам, а не по законам нашего сознательного проектирования и программирования будущего. Это очень важно подчеркнуть, поскольку для экологии тоже нужно задать тот же самый вопрос: где экологические цели являются стратегическими, а где – наши действия лишь реактивны. И, по-моему, сегодня группу развития сельского хозяйства спрашивали об этом, когда задавали вопрос: где мы возьмем финансовые ресурсы на реализацию экологических проектов? Группа рассматривала экологические цели как стратегические, а ее спрашивали по поводу экологической реабилитации, которая ничего нам не дает, а нужна нам (например, в сельском хозяйстве) только для того, чтобы земля просто начала родить. И это – совсем другое. Это – средства, выведенные из хозяйственного оборота и потраченные на реабилитацию территории. И во всяком деле – в развитии сферы услуг, в развитии туризма, в развитии экологии, в перераспределении женского труда и т.п. – каждый раз будут эти две стороны: будет что-то стратегическое, а что-то чисто реактивное, то есть вынужденное, и в этом плане – бесцельное.

Викулов В.Е.: Бесцельное, но совершенно необходимое.

Щедровицкий П.Г.: Согласен.

Кузнецова И.П.: Рынок нужно вводить. Хозрасчет.

Щедровицкий П.Г.: Рынок... Хозрасчет... Что касается меня, то я здесь глубокий скептик. Из теории я знаю, что рынок всегда закрепляет существующие системы разделения труда и существующие системы производства. И в этом плане экономический кризис и есть тот самый сигнал, который подается капиталистической экономике, построенной на этих рыночных механизмах, что структурная модель (на которой работала экономика) больше не работает и нужно начинать – заметьте: не рыночную организацию! – структурную перестройку хозяйственного механизма.

Кузнецова И.П.: Которую нужно осуществлять на базе того же рыночного механизма.

Щедровицкий П.Г.: Что вы! Что вы! Конечно же, нет. И я как раз эту иллюзию хотел вытащить на свет, поскольку мне показалось, что многие выступавшие находятся в этой удивительной позиции. Рынок закрепляет то, что есть! А, следовательно, если у нас есть повышенный спрос на ресурсную основу, то ресурсодобывающие отрасли будут выходить на рынок и продавать свою продукцию дороже (поскольку на нее есть спрос), а, следовательно, будут поддерживать свое существование и свои нормы организации. И здесь я рассматриваю рынок по понятию, а не мифический рынок.

Кстати, если вы обратитесь к опыту реорганизации экономики и хозяйства США на рубеже семидесятых годов, так называемый (заметьте: так называемый!) "диктат стран ОПЕК", который был вызван самими Соединенными Штатами Америки, искусственно, то вы вынуждены будете признать, что даже такая развитая в экономическом отношении страна, как США, вынуждена прибегать к внешним воздействиям (не к рыночным, а в внешним!), управляемым воздействиям, чтобы заставить переходить на энергосберегающие технологии.

Кузнецова И.П.: Вы меня извините, но Вы, как мне кажется, занимаетесь сейчас демагогией. Вы прекрасно знаете, что сейчас ни в одной стране нет чистого рыночного механизма.

Щедровицкий П.Г.: Конечно.

Кузнецова И.П.: В том числе нет его и в США. И если говорить о США семидесятых годов, то я вам скажу, как там дело происходило. Действительно, там в начале семидесятых произошел целый набор кризисов. Это были структурные, были циклические кризисы. Кризисы бывают разные. И вы правы, кризисы – это сигналы о неблагополучии. Но выход из кризиса (если говорить по теории; и я пока не вижу опровержения этой теории), механизм выхода из кризиса таков: во время кризиса происходит резкое падение цен на товары (ведь что такое кризис? Это, грубо говоря, резкое несоответствие спроса и предложения). Это и есть рыночный механизм выхода из кризиса.

Щедровицкий П.Г.: Уважаемая коллега! Я же вас понимаю. Поэтому давайте не будем бороться против ветряных мельниц... Итак, Вы сказали, что рыночный механизм, в его теоретической, конкурентной форме, не существует. Нигде в мире. С этим я согласен. Следовательно, этот тезис легко переносится на нашу ситуацию: никакие рыночные и квазирыночные отношения структурно реорганизовать наше хозяйство не помогут.

Кузнецова И.П.: Но и в Америке рынок является элементом структурной перестройки.

Щедровицкий П.Г.: О! И рынок! То есть с наличным и действующим уже механизмом свободного ценообразования. А когда вы этого не имеете, а имеете лишь фиктивный рынок...

Кузнецова И.П.: Рынок и предполагает свободное ценообразование.

Щедровицкий П.Г.: Ну, отлично! Значит, мы с вами и договорились. Итак, мало того, что у нас рынка никогда не будет (что Вы, вроде бы, сами сказали сейчас только)...

Кузнецова И.П.: Я не знаю. В такой свалке мне трудно ориентироваться. Что вы разбираете?

Щедровицкий П.Г.: Я понимаю. Я разбираю цели и целеобразование. И я утверждаю пока одну единственную вещь: структурная перестройка хозяйства предполагает специальную деятельность по планированию и программированию этой переорганизации. Специальную деятельность!.. Я вот и хочу, чтобы вы это сказали. Поскольку, скажем, инвестиционные циклы для энергосберегающих технологий должны занимать 12-15 лет и предполагают искусственное действие! А сам по себе рыночный механизм, без этой искусственной, организационной "добавки" этого не сделает.

Из зала: Объясните, я что-то не поняла: зачем Вам понадобился пример с США? Ведь все согласны, что нужны управляющие действия, чтобы перейти к новой структуре хозяйства.

Щедровицкий П.Г.: Нет. Что вы, что вы! Я потому это и говорю, что здесь несколько раз было сказано, что "условием выхода из сложившейся ситуации является введение хозрасчета и его форм". И вроде бы я сейчас утверждаю простую вещь: это введение – есть условие! Оно не может привести к структурной реорганизации. А для структурной реорганизации нужно другое: нужна целенаправленная деятельность научно-проектного корпуса и государства по изменению структуры хозяйственного механизма.

Из зала: Здесь я согласна.

Щедровицкий П.Г.: Отлично. Значит, по этому пункту мы договорились.

Из зала: Можно еще вопрос? Вы говорите, что затратный механизм будет закреплен введением рынка. Если добывающие отрасли будут ставить своими ценами на колени обрабатывающие отрасли, то это только заставит последних применять ресурсо- и энергосберегающие технологии. Отсюда уменьшится спрос на ресурсы. А это, в свою очередь, снизит цены на продукцию ресурсодобывающих отраслей.

Щедровицкий П.Г.: Уважаемая коллега Инесса Петровна, вот теперь Вы поняли, с чем я боролся?

Кузнецова И.П.: Я не слышала.

Щедровицкий П.Г.: Ну, это ведь... я про это и говорю. Смотрите. Что вроде бы утверждается? Что механизм выхода ресурсных отраслей с повышенными ценами на рынок заставит обрабатывающие отрасли внедрять новые технологии.

Из зала: Не заставит.

Щедровицкий П.Г.: Вот здесь мы с вами союзники. Не заставит! Смотрите. Я обращаю ваше внимание на этот пункт. Эта идеология ведь очень распространенная. Извините, но никто ничего не заставит! Вот в этом и состоит наша ситуация.

Из зала: А чем тогда объяснить экономическое чудо во многих развивающихся странах: в Бразилии, Южной Корее и других?

Щедровицкий П.Г.: У нас чудес не будет!

Из зала: У нас тоже экономическое "чудо".

(Смех в зале)

Из зала: Вопрос можно? Намечено с 1989 г. повышение цен на энергоресурсы для всех предприятий.

Щедровицкий П.Г.: Естественно, так и должно быть. И еще будут повышаться, поскольку мы вошли в инфляционную спираль и выхода из нее без структурной реорганизации не будет.

Выход из этой ситуации – я это особо подчеркиваю – будет только тогда, когда будут научно-проектные и исследовательские разработки, то есть если будет интеллектуальный корпус, который во многом на новых местах начнет строить другое.

Из зала: А будет ли механизм внедрения?

Щедровицкий П.Г.: И внедрять ничего не надо! Поскольку в умирающую кобылу ничего не внедришь!

И вот здесь мы переходим к самой тяжелой ситуации. Я возвращаюсь к докладу I группы и вас точно так же возвращаю к этому первому дню. Вчерашнему.

Что там было сказано? В существующих концепциях развития производительных сил и развития региона явно мал объем экологических целей. Этот объем нужно увеличивать и при этом нужно вытеснять из программ цели, которые противоречат, не совпадают с этими экологическими целями и ориентирами. А вот тут начинается самое интересное: игра.

Первый момент. Наверное, нужно разделить (если мы вводим экологические цели) неэкологические, с одной стороны, и антиэкологические, с другой. И это будут совершенно разные группы целей, по отношению к которым нужно принимать совершенно разные стратегии. Так как неэкологические цели могут органически соседствовать с экологическими и дополнять их, а антиэкологические должны вытесняться и выдавливаться. А вместе с ними – и те производства, которые являются... (и здесь я иду дальше I группы) антиэкологическими. Поскольку я исхожу из того, что большие массивы хозяйственного механизма, который сегодня сложен, являются антиэкологическими по сути, в прямом и точном смысле слова.

Викулов В.Е.: Мы тоже так же идем.

Щедровицкий П.Г.: Отлично! Значит, мы идем вместе.

Итак, они являются антиэкологическими. Но вот теперь давайте зададим вопрос. Ведь цели есть превращенная форма других социальных и хозяйственных образований либо ценностей и программ развития, которые сворачиваются в цели. И, следовательно, цели выступают как ориентиры для действий при достижении этих программ. Либо цели являются (наоборот, снизу вверх) превращенной формой интересов: определенных социальных групп, трудовых коллективов и т.д.

И вот теперь мы возвращаемся назад в ситуацию, которая здесь полтора дня обсуждается. А именно, если есть антиэкологические цели, втиснутые в программы за счет определенных действий, то за этими антиэкологическими целями стоят интересы определенных групп. Но было бы полбеды, если бы за этим стояли интересы групп хозяйственников и руководителей. В конце концов, можно было бы им головы открутить. А вот если за этим стоят интересы трудовых коллективов и больших масс трудового населения, то ничего вы тут не сделаете. Головы вы никому не открутите, выкинуть их никуда не выкинешь. Конечно, Шахназарян предлагает: всех их сажать на пособие. Но мне кажется, что если даже это и можно делать, то отнюдь не везде.

А теперь я делаю следующий важнейший шаг. То, что у нас в течение 50 или 60 лет развивается такого рода хозяйственная структура, привело к накоплению и консервации неквалифицированных (по сравнению с современными представлениями производства) трудовых масс населения. И постольку, поскольку эти неквалифицированные массы населения (хотим мы того или не хотим) существуют, воспроизводятся (кстати, достаточно эффективно воспроизводятся), поскольку вся система образования замкнута на них, то мы имеем дело вот с этими массами трудового населения, которые хотят жить так, как они живут. И которые требуют гигантских вложений (образовательных, культурных и организационных), чтобы здесь осуществить сдвиг. И давайте не будем на это закрывать глаза. Сергей Валентинович здесь спросил представителя БЦБК: "Если вся власть в решении вопроса будет передана местному Совету, а все жители города – есть работники данного предприятия, то кто вам сказал, что они сами пойдут на самоуничтожение, даже на этих льготных условиях: работать не будут, а будут получать заработную плату?" Вроде бы это ни из чего не вытекает. И социальные организмы живут по своей логике. Следовательно (и здесь я делаю теоретический шаг) хотим мы того или не хотим, но в результате такой хозяйственной структуры у нас сложилась определенная система синдикализма. Так, как это обсуждали теоретики в двадцатые годы. То есть что значит "синдикализм"? Это значит корпоративный, синдикальный социализм, который цели и ценности выживания и сохранения групп населения ставит выше всех целей развития, государственного строительства, а, следовательно, – и всех национальных программ, в т.ч. и экологических.

Я, конечно, понимаю, что когда жить станет уж совсем нехорошо, то произойдет обратная реакция. Но почему вы думаете, что это не приведет вообще к разрушению всей системы? Поскольку, как вы сами понимаете, рост культуры должен сопровождаться определенным ростом или эволюцией производственных (или социальных) отношений. Поэтому получается, что, кроме структурной перестройки хозяйственного механизма, мы еще имеем "врага". Я бы сказал, законсервированного внутри себя врага: профессиональный, гильдейский, корпоративный синдикализм! И вы понимаете, что когда достаточно высокие чиновники из Совмина говорят: "Нам не нужен Донбасс с 4,5 млн. работающих, но мы не можем его закрыть, так как некуда деть этих людей", – то здесь есть над чем подумать. А если мы теперь посмотрим, какие корни уже пустила существующая стратегия развития Сибири, то есть как она укоренена вот в этих внутренних ядрах – в трудовых коллективах, которые живут, и живут иногда в таких условиях, когда весь

город или вся область – есть одно производство, у которого нет никакой конкуренции (не в смысле конкуренции продуктов, а в смысле, вообще, – занятости и организации рабочего времени), то мы попадаем в "ножницы". А именно: без структурной перестройки мы будем только воспроизводить существующую систему инерции. Структурную же перестройку мы не можем осуществить, потому что держат трудовые массы. И консервируют эту структурную форму хозяйственной деятельности. А переделку этих трудовых масс нужно осуществлять совсем за счет других механизмов, в частности, за счет системы образования.

Сколько там у вас на БАМе ПТУ?

Шахназарян Г.К.: Два.

Щедровицкий П.Г.: А вузов сколько?

Шахназарян Г.К.: Ни одного.

Щедровицкий П.Г.: Ни одного! Вот вам и вся ситуация.

Гурман В.И.: Проблема поставлена очень правильно. Если встать на крайние точки зрения, обострить все, то проблема поставлена правильно. Но вот так ли уж безнадежно дело? Для меня это не совсем очевидно. На примере БЦБК или Усть-Илимского комбината можно посмотреть. Ситуация такая. Когда мы пытались провести обоснование перепрофилирования, то мы обращались к другим заводам с таким "игровым" вопросом: что если вам передадут БЦБК в качестве цеха? Например, радиозаводу или авиационному заводу? Можете ли вы использовать его мощности? Ответ: "Да, можем, но – только помещения". А как с людьми быть? Все-таки 20 тысяч человек и практически все – работники комбината. Говорят: "с инженерами нам не понятно, что делать (они специалисты и их 10 %), а все остальные – не проблема. Мы все время имеем дело с неподготовленным контингентом. Мы его переучим за 3 месяца". Примерно такой же ответ дает и радиозавод. С перепрофилированием БЦБК тоже нет особых проблем. Люди готовы изменить условия работы на комбинате, если будут при этом жить не хуже. Им, по существу, все равно: делать целлюлозу или мебель. То есть не так все безнадежно. Безнадежности проблемы переучивания я не вижу.

Щедровицкий П.Г.: Понимаете, я в душе, по-моему, больший оптимист, чем вы.

Гурман В.И.: Вы моложе. Конечно!

Щедровицкий П.Г.: Но при этом я хочу, чтобы жесткость этой ситуации мы здесь не смазывали, потому что, когда я слушал сегодня выступления по поводу БЦБК, я пришел к одному, меня сначала поразившему выводу. Вроде бы все, что рассказывают люди с БЦБК, в точности соответствует тому, что вчера рассказывала I группа, а именно: они меняют технологию, делают ее более экологичной, и в этом плане движутся в русле Концепции. В ее принципиальной структуре. Я не беру деталей, нюансов и элементов. Но дальше я задал себе вопрос: а почему тогда весь этот сыр-бор? Вроде бы, Концепция реализуется на конкретном случае. А насчет деталей ведь можно договориться. И я вынужден был для себя констатировать: все это технологическое перевооружение идет в рамках старой структуры.

И теперь я бы вернулся назад. Ведь тот факт, что экологические цели вытесняют цели неэкологические или антиэкологические, вообще нужно поставить под сомнение. Поскольку нужно сначала спросить: лежат ли цели хозяйственного развития и экологические цели в одном уровне? Или это – цели разных уровней? То есть хозяйственное развитие – хозяйственным развитием, а экологическая организация хозяйства – это как надстройка над любым хозяйством. И здесь ответ тому спрашивающему, который задавал вопрос: "Не должны ли все регионы развиваться экологично?" Получается тогда какой-то странный сдвиг. А именно: хозяйственные цели нужно определять в одном уровне как базовые. А по отношению к ним нужно в обязательном порядке вводить экологическую реализацию этих хозяйственных целей. Ну, грубо говоря, любое хозяйственное действие должно быть экологичным. Это что означает? Мы про "низ"-то ничего не говорим. Мы говорим: "должно быть экологичным..." А дальше, не заменяя одних хозяйственных целей другими, мы сохраняем старую структуру. А теперь смотрите: кто вам сказал, что радиозавод – это то, что вам нужно? Я ведь знаю одно: современное предприятие – это не то предприятие, которое работает на "современной технологии", слизнутой на западе.

Из зала: Да, оно работает на примитивной технологии.

Щедровицкий П.Г.: Да пусть оно даже работает на самой современной, но купленной технологии. Оно уже не современно! Поскольку оно уже повторяет зады. Хотим мы того или не хотим. А поэтому вопрос: "Что есть структурная реорганизация и каковы ее цели?" – нужно ставить как самостоятельный вопрос. А то, что экология должна пронизывать все хозяйство и что все цели должны достигаться экологично, это вроде бы никто не оспаривает! Спор ведь начинается в другом, а именно: мы все приняли на уровне речи, что "должно быть экологично", а потом мы опять вернулись в свою старую систему хозяйствования в регионе. А она – неэкологична. Ну, хоть вы тресните! Поскольку она так делалась.

Викулов В.Е.: А вы понимаете, что в масштабах страны все производство не может быть сейчас экологичным? У нас не хватит никаких ресурсов.

Щедровицкий П.Г.: Согласен! Согласен!

Викулов В.Е.: Но – в этом особенность Байкальского региона – здесь этот принцип должен соблюдаться.

Щедровицкий П.Г.: Я вас понимаю, но если бы

здесь было побольше латышей и эстонцев, они бы взяли табуретки, разломали бы их и спросили: "А почему мы хуже вас?"

Викулов В.Е.: Вы знаете – почему. Они не хуже нас. Это просто особенность нашего региона.

Щедровицкий П.Г.: Давайте не будем ударяться в местные стычки. Давайте поставим это как принципиальный вопрос. Мне пока важно разделить эти два уровня целей и зафиксировать свое отношение к ситуации: на мой взгляд, мы "низа" не касаемся. То есть структурной перестройки и вопросов: что надо оставлять? Чего убирать? Что вообще является современным? – всего этого мы не обсуждали. Мы вцепились в БЦБК. Утверждаем, что он должен быть экологичным! Но в принципе никто и не спорит на эту тему. А вот на вопрос: что является современным хозяйством? – мы не отвечаем.

Из зала: Можно ли привести пример страны, где экологические цели совпадают с целями хозяйствования? Это серьезный вопрос, поскольку нужно знать, за кем идти.

Щедровицкий П.Г.: Давайте сначала две вещи разделим. Вопрос принципиальный, философско-теоретический, а именно вопрос, который мы совсем еще не затрагивали и не обсуждали: есть ли какие-либо точки-конфликты и противоречия между современным развитием технологий производства, вообще и в принципе, на мировом уровне, и задачами экологии? Это один вопрос. Его нужно отставить в сторону и думать про него. А теперь нужно совсем другой вопрос поставить: где и как осуществляется технологическое развитие экологично? Кстати, знаете, совершенно удивительная вещь: например, в Китае. Но это – не единственный пример. Я специально его беру, потому что он здесь не очень далеко. А поэтому давайте мы так сделаем: вообще-то, я не специалист в зарубежных экологических движениях и проблемах экологичных технологий. Я думаю, здесь кто-нибудь найдется, кто расскажет об опыте. Но, в принципе, я считаю, что этот вопрос решается. Если мы уберем тот, первый вопрос, поскольку понимаем, что там могут быть накапливающиеся, кумулятивные эффекты. То есть экологические проблемы поверхностные – будут решать, а дисгармония вообще, между человеком и природой. может накапливаться. Это я пока снимаю.

Викулов В.Е.: Как понимать: "сейчас решаются?" или "решаемы в принципе"?

Щедровицкий П.Г.: "Решаются" в смысле – делаются усилия и находятся варианты.

Викулов В.Е.: Давайте на такой компромисс пойдем: могут быть в принципе решены.

Из зала: Это не принципиально.

Викулов В.Е.: Это очень принципиально!

Щедровицкий П.Г.: Я здесь за полтора дня еще не услышал жестких формулировок.

Гурман В.И.: На этот счет существует определенный документ.

Щедровицкий П.Г.: Вы напрасно думаете, что я не смотрел этих ваших документов.

Гурман В.И.: Наших – вы не смотрели. Вот этот документ!

Щедровицкий П.Г.: Этого я мог не смотреть.

Гурман В.И.: Проблема здесь ясна: нужно сохранить Байкал. И стратегия, что нужно было бы для этого делать – уже проглядывается. И даже просчитаны варианты. Не дожидаясь, пока будут выработаны философские основы соотношения целей.

Щедровицкий П.Г.: Обсуждать будем?

Викулов В.Е.: Завтра будем.

Щедровицкий П.Г.: Отлично!

Гурман В.И.: Но я хочу сказать другое: непонятно, в каком механизме это реализовать. Вот о чем идет речь.

(Шум, смех)

Гурман В.И.: Есть стратегия. Вопрос – как реализовать?

Викулов В.Е.: Подожди, подожди. Им весело стало. Ты их не перекричишь. Пусть успокоятся.

Щедровицкий П.Г.: Уважаемые коллеги! Я призываю вас всех к тому, чтобы вопросы все-таки задавались по очереди.

Из зала: Я хочу привести примеры, где решаются эти проблемы. В Токио, например. Буквально лет десять назад его считали одним из самых грязных городов в мире. Сейчас – один из самых чистых среди крупнейших городов.

Далее: Великие озера в Штатах. Давно ли их считали мертвыми озерами. А сейчас даже рыбу начинают ловить.

Щедровицкий П.Г.: Вы знаете: всего 210 миллиардов долларов!

Из зала: Тем не менее, они нашли эти 210 миллиардов долларов и затратили. Я еще хочу остановиться на рыночном механизме и сказать по поводу того, что вы сказали, "кризисы – закрепляют"...

Из зала: Не нужно об этом.

(Шум в зале)

Попов С.В.: Примеры к делу не имеют отношения. Я могу точно сказать: то, что делают в Токио, в Иркутске уж никак не сделаешь. А если сделаешь, то будет еще хуже. Обсуждая вопрос о целях, мы, на мой взгляд, в результате дискуссии потеряли суть проблемы. А смысл и суть состоит в следующем: первое, чтобы анализировать ситуацию в регионе, нужно иметь ориентиры, относительно которых можно было бы оценивать: плохо ли? хорошо ли? и в каком состоянии? Если я хочу куда-то пройти, то мне сначала нужно знать "куда?", а потом только смотреть "как?". В противном случае я куда-нибудь забреду. Поэтому для того, чтобы обсуждать ситуацию, сложившуюся на Байкале, и в первую очередь с теми хозяйственными и социальными структурами, кото-

рые сложились, необходимо понять какого рода и типа цели мы должны поставить? Это первое, что обсуждалось. Здесь вроде бы все согласны, но здесь возникает один вопрос. Когда вы говорите, что у вас в Концепции уже заложены экологические приоритеты или экологические цели и предусмотрена структурная переорганизация хозяйства, это нужно анализировать и смотреть. Но я бы для игры сказал: ничего подобного! То, что я смотрел, дает мне основания считать, что на словах провозглашается одно, а реализуется в старых структурах, которые имеют уже вживленными в себя те, старые цели: затратные, ресурсно-ориентированные и т.д. Во всяком случае, практически все рассуждения в Концепции ведутся относительно ресурсодобывающих отраслей промышленности. И полные циклы не строятся. Но это – предположение, и с этим надо разбираться подробно.

Теперь второй момент, который вроде бы начали обсуждать, а потом ушли в сторону. За эти два дня, что мы работаем, меня уже много раз упрекали, что я недостаточно жестко веду игру. Но ведь нам надо посмотреть друг на друга и увидеть: почему мы такие, какие мы есть? И вроде бы выясняется (с этого и начал Петр), что никто не обсуждает этих механизмов переструктуризации. Цели, например, здесь, на общем заседании не обсуждали. Я думаю, что вы и в группах не обсуждали. Поскольку, когда мы спускаемся на уровень реального состояния умов, дел и т.д., здесь и выясняется, что практически мы пока дезориентированы. Мы не можем прочертить системы целей и интересов разных деятельностных механизмов. И поэтому собственно и нужно было обсудить, что такое цели и как они ставятся. То есть какой техникой нужно обладать, чтобы их четко поставить? Иными словами, два такого рода вопросов. Первый – нужно смотреть на материале Концепции [1]. А второй – ситуация здесь, с собравшимися. Пока ощущение такое, что все высказывания говорят о дезориентированности участников игры. Цели практического действия появляются, когда против кого-то или за что-то. А так – вроде что все согласны: Байкал – это хорошо. Загрязнять – плохо и т.д. А что делать дальше? – держится пока в пустом пространстве.

Большаков А.Г.: У меня такой вопрос: вы проблему Байкала видите?

Попов С.В.: Я считаю, что она просто не поставлена. У меня же специфический взгляд. Я как считаю? Проблемы в огороде не растут. Это – не естественные образования типа горы, о которую можно стукнуться лбом. Проблема – ставится. Она строится, как дом. Объединенными усилиями науки, управленцев и других. Когда можно будет сказать: "Ага! Мы ухватили! Это самое главное!" И я считаю (судя по публикациям, по тому, как здесь идет обсуждение): проблема не поставлена. Здесь все время обсуждаются вторичные эффекты. Есть ли она вообще? Или можно ли ее построить? – я пока не знаю.

Проблема обсуждается, но не поставлена. А раз так, то все решения – частные и неизвестно, к чему они приведут. И пока проблема не очерчена, не может быть намечено ни стратегии, ни программы решения этой проблемы. Хуже всего, когда мы начинаем решать проблемы, которые до конца не понимаем.

Большаков А.Г.: Скажите, сохранение Байкала – является ли целью?

Попов С.В.: Для кого?

Из зала: Для всех.

Попов С.В.: Не знаю. Понимаете, я не знаю, что такое "цели для всех". Цель для всех – это всеобщее благосостояние. Цели (по понятию) должны соответствовать системам деятельности. Если за ними не стоят системы деятельности, это не цели, а благие пожелания. Воздух это! И вы прекрасно видели, как этим "воздухом" питаются: Байкал гадим, но, тем не менее, мы все заинтересованы, чтобы Байкал охранять. Вы хотите от меня такого же ответа? Конечно, если кинуть клич: "Кто против?" – никого не окажется. Но это все – слова. Понимаете, что я говорю? Чтобы проблему поставить, мне нужно увидеть эти системы деятельности, которые живут по своим законам и имеют свои цели. А не слова. Потому что мы можем сколько угодно провозглашать, что наша задача – охранять Байкал, но когда приходим на свое рабочее место, мы мерим определенные ПДК. А на все остальное нам либо наплевать, либо инструкции не позволяют, потому что информация засекречена. И живешь себе спокойно, позволяя безнаказанно уничтожать.

Из зала: Вы опять переходите на частности.

Попов С.В.: Нет, не на частности. Смотрите. Вот – Госкомприроды. Давно и много людей добивались его создания. "Создадим Госкомприроды – все будет хорошо!" – так говорили. А что получили, когда создали? Получается "громоотвод" и уничтожение всякого экологического содержания, поскольку создали контору, и теперь в эту контору стекаются все бумаги, а потом и штрафы будут туда перечисляться. А проблема как была, так и останется существовать, если Госкомприроды останется таким, как сейчас. А, кроме того, это – "козел отпущения": только создали, но уже Моргуна вызывают и бьют за то, что сделали другие. И все довольны, кстати: одни – новым назначением, а другие – тем, что есть, кого бить.

[1] Генеральная концепция развития производительных сил на территории бассейна озера Байкал (Предложения Сибирского отделения Академии наук СССР). – Улан-Удэ–Иркутск–Новосибирск, 1987.

Является ли целью Госкомприроды сохранение Байкала? Если мы спросим отдельных присутствующих, то получим ответ: "Ну, наверное. Мы все болеем". В реальном механизме деятельности все не так. Понимаете, системы деятельности сильнее отдельных людей. И цели вживлены в эти системы деятельности. А то, что, выйдя на простор, мы скажем, сотрясая воздух: "Ух, Байкал! Мы тебя сохраним!" – это все – слова. Поэтому нет такой силы, для которой "сохранение Байкала" было бы организующей систему ее деятельности. Нет! С моей точки зрения. Может быть, я ошибаюсь.

Из зала: Что вы вкладываете в понятие "система деятельности"?

Попов С.В.: Система деятельности – это набор средств и методов, которыми пользуются люди определенного рода квалификации, образования и способностей; определенный материал, с которым они имеют дело; система целей, которым они подчиняют свою деятельность; знания, в соответствии с которыми они организуют свою деятельность; и конечные продукты, которые они получают в процессе этой деятельности.

И когда говорят: "наши системы деятельности непригодны", то имеется в виду: либо средства неправильны (то есть проектирование идет по неправильным процедурам), либо цели неправильно ставятся, либо знаний не хватает, либо еще чего-то не хватает в системе деятельности. Потому что, если у вас есть проектировщик, который никогда не проектировал сложных систем, а осуществлял лишь привязку к местности домов одного типа, и его заставить проектировать, например, национальный парк, он вам спроектирует то, что вы сейчас и имеете. Поскольку специальных средств и методов и системы организации проектирования нет. Ну, нет как факта! У нас, по крайней мере. И это не прихоть отдельного человека. Если у вас нет соответствующего инструмента, то вы там хоть как извернитесь, ничего вы не сделаете.

Из зала: Значит, пока коренной перестройки экономики не сделать, проблему Байкала не решить?

Щедровицкий П.Г.: Если переводить то, что я сказал на язык теоретических выкладок, то вы, может быть, и правы. А если переводить на язык нашей практической деятельности, то я говорил более страшные вещи. Я говорил не о том, что нельзя решить проблему охраны Байкала вне перестройки экономики. Я говорил о том, что каждый из нас, сидящих здесь в зале, принадлежит к определенным машинам производственно-практической, организационной или научной деятельности. И эти машины построены так (и здесь мы сколько угодно можем кричать: черт бы их побрал!), что они заставляют нас там, там – на нашей работе, уничтожать и пожирать природу. Понимаете, какая страшная и удивительная вещь: мы в мыслях-то все за то, чтобы Байкал охранять, а в своей практической деятельности, на своем функциональном месте мы его, Байкал, уничтожаем. Когда мы здесь, мы все "за". А когда рабочий приходит к станку и начинает работать на этой устаревшей технологии, он уничтожает природу не потому, что он этого хочет, а потому, что так построена та производственная машина, элементом которой он является. А вот теперь смотрите. Это же страшная вещь! Слава богу, что это не все понимают. Потому что, если кто-то поймет и при этом не сможет задавить одну из этих ценностей – целей, он ведь попадет в ситуацию шизофреника. Поскольку он говорит, что надо сохранять Байкал, а делает другое – прямо обратное.

Из зала: Вот скоро Госкомприроды такой станет. (Смех в зале)

Попов С.В.: Правильно. Вы же поймите: в тот момент, когда это учреждение будет создано как министерство, то все люди с благими пожеланиями, которые туда попали, будут либо раздавлены, либо выкинуты, либо станут шизофрениками. Поскольку эта система как министерство будет работать по своим законам, а не по желанию отдельных людей на своих рабочих местах.

Щедровицкий П.Г.: Почему я благодарен Сергею Валентиновичу за этот текст, второй, как бы поверх того, что говорил я? Потому что вопрос, который задали: "Хотим ли мы охранять Байкал?" – он задан из этой же позиции. Ну, что от того, что я скажу: "хочу!". Ведь я же совру. Но смотрите: объективно совру. А поэтому смотрите, какая страшная вещь: мы люди-то все хорошие. Но мы объективно, все здесь собравшиеся, пока друг другу врем. Объективно врем! Не потому, что мы хотим это делать.

Из зала: А поэтому необходимо, чтобы мы были поставлены в такие условия, при которых мы этого не делали бы, а делали, что надо. И для этого...

Щедровицкий П.Г.: А для этого нужно сначала спроектировать совершенно другую организацию...

Из зала: ...Управления обществом?

Щедровицкий П.Г.: Смотрите. А вот дальше начинаются все вопросы. Ведь мне что говорят? "Ну, не будем мы менять всю систему социализма, поскольку это не в наших силах". Поэтому, – говорю я, – делать надо на региональном уровне. А вот теперь задачка: регион-то надо провести так, чтобы он был внутри себя самодостаточным. Хоть в какой-то степени! Потому что, если мы не сумеем так провести границы, чтобы это была самодостаточная, жизнеспособная единица, то другие системы и машины деятельности будут нас ломать.

Из зала: Мы считаем, что регион должен иметь границу.

Щедровицкий П.Г.: Смотрите. Границу, но не

административно-территориальную, а функциональную! То есть чтобы системы хозяйствования вокруг Байкала могли бы выживать...

Викулов В.Е.: ...И по этой вашей логике мы дойдем до масштабов государства.

Щедровицкий П.Г.: Дойдем! Но смотрите, как интересно. Дойдем! Но проводить действие в масштабах государства нельзя. Это бессмысленно. Надо проводить действие в масштабах региона. Поэтому, хотим мы того или не хотим, но мы все – люди расположенные. Потому что, чтобы охранять Байкал, нам нужно спроектировать новую хозяйственную систему на уровне региона. Но при этом эта система будет находиться, как Бухарин говорил, – в переходном периоде. В переходном! И еще сколько времени – неизвестно. И при этом та вторая половина (из старого состояния) будет Байкал уничтожать. Поэтому, знаете, академик Абалкин ведь очень хорошо говорил. Когда его спрашивают на большой аудитории, он говорит так: "Нам за 3 года удалось остановить сползание страны к кризису". Я, правда, в это не верю. Поскольку все эти приросты национального дохода – все в границах ошибок счета. Но когда его к стенке совсем припрут, он говорит: "Одно мы теперь почти понимаем – с какой хозяйственной системой мы имеем дело".

Гурман В.И.: Это уже хорошо.

Щедровицкий П.Г.: Хорошо! Но теперь ведь нужно реалистично оценивать и ситуацию в Байкальском регионе. Итак, сначала вам надо понять, с какой системой мы имеем дело. На это улетят 2-3 года, здесь у вас, в Иркутске! На это! Только чтобы понять, с чем мы дело имеем! Потом еще сколько – неизвестно, мы будем одной рукой уничтожать столько же, сколько будем восстанавливать другой рукой. И опять нужно реалистично оценить, как это будет происходить.

Гурман В.И.: Ну, Абалкин понял, с какой хозяйственной системой мы имеем дело. В Байкальском регионе это – та же самая хозяйственная система.

Из зала: И все-таки, если экономические проблемы можно решать на региональном уровне, то проблемы охраны природы – надрегиональные. Отрасль не может решить все свои проблемы в регионе. Нужны новые технологии. А технологии могут быть только применены к целым отраслям, а не отдельно где-то. Значит, опять нужна вся страна. Изменения нужны в целом по стране. Значит, вопрос должен быть разделен на две составляющие: что мы можем сделать здесь, в регионе? и как укрепить страну в целом? А вопросы экологии являются крупной составляющей экономики и без нее решены быть не могут. И скажу даже больше: экологические проблемы могут быть решены только при развитой экономике.

Щедровицкий П.Г.: Давайте я чуть по-другому скажу и разделю еще. Одно дело: что нам надо делать, чтобы приостановить сползание региона к экологическому кризису. Это – раз, программа-минимум. И второе: что нам нужно делать здесь такого, чтобы по линии экологической или хозяйственной менять ситуацию в стране в целом. Смотрите: я переворачиваю ваш тезис. Не что мы должны делать для страны в целом, а что мы здесь, в регионе, должны делать такого, чтобы можно было использовать на страну в целом. Понятно, да? И третий момент: что мы должны делать вне Иркутского региона, чтобы он жил более-менее нормально? То есть какие внешние системы мы обязательно должны учесть и на них воздействовать. Четвертый момент: что мы должны запускать здесь сегодня? Что должно быть пока в "колбочке" спроектировано и построено, а потом десантировано в какие-то точки. Ну, и еще, наверное, шестое, седьмое, восьмое и т.д.

Из зала: Почему именно здесь?

Попов С.В.: Почему именно здесь? Потому что в другом месте ваши проблемы никто за вас не решит. Потому что те люди, которые здесь живут, они здесь жить будут и здесь будут помирать. И вам там, в Харькове, может быть, это и не интересно, а людям, которые здесь живут, с этим будут иметь дело. С вашими, госкомприродовскими проектами. А поэтому они должны иметь систему ориентирования, чтобы знать, что они здесь делать будут. Здесь!

Из зала: В первую очередь...

Попов С.В.: Конечно, в первую очередь, и здесь. А дальше то, что вы обсуждаете (про страну и про мир), должно служить в качестве рамки. А знать, что делать, надо здесь. Мы даже игру по региону "Байкал" проводим.

Из зала: Вы предлагаете стратегию "заплат". А правильней – определить приоритеты.

Попов С.В.: Товарищ делает принципиальную логическую ошибку. Что значит, в первую очередь? Вы же мыслите последовательно: сначала один шаг, потом следующий. Так в сложных системах работать нельзя. Нужно запускать параллельно много процессов. Понимаете: много параллельных процессов!

Из зала: А деньги где взять?

Попов С.В.: Я же говорю про процессы, а не про деньги. Многие из них часто вообще запускаются без денег, например, процессы демократизации.

Из зала: А как отсюда запустить процессы на всю страну?

Попов С.В.: Очень даже запросто. Если общественные движения поймут, что такое демократизация, и будут кричать не "против" отдельных нарушений и "за" внедрение их членов куда-нибудь в ответственное учреждение или кресло, а будут действовать принципиально, то они могут здесь запустить процессы демократизации, которые станут об-

разцом для других регионов, где столь же сложная проблема с экологией.

Поэтому: много разных процессов одновременно! А когда вы говорите: “в первую очередь...” или “денег не хватит...”, вы мыслите как плохой бухгалтер, который даже двойной бухгалтерией не владеет. Хотя на Западе, например, если бухгалтер не владеет методами двойной бухгалтерии, то он просто на работу не принимается. Я уж не говорю о более сложных системах расчета. А вы говорите: “В первую очередь... вторую...”

Из зала: Все равно вы ничего не предложите, кроме: первое, второе, третье.

Попов С.В.: Для вас – конечно! А для управленцев более высокого класса, конечно, предложим.

Михайлов А.В.: Мы два дня проработали и уперлись в то, что мы ничего не сделали. Следствием этого послужило, Сергей Валентинович, это методологическое совещание. Да? Я правильно понимаю?

Попов С.В.: А это как смотреть. Я считаю, что мы сделали очень много. Но другого. Не того, что делали. Многое, что произошло, но не то, что делали. Это означает, что у нас цели в группах и в работе реально не совпадают с тем, что делаем и что происходит. Хотя того, что могли бы сделать, мы явно не доделали.

Михайлов А.В.: Я хочу высказать следующую мысль. Говоря о сложных системах, которые образуются сложными социально-экономическими процессами, в данном случае мы имеем такую сложнейшую социально-экономическую систему. Причем это – подсистема еще большей системы. И начинать анализировать с подсистемы большой системы, это, по-моему, чисто методически неправильная постановка вопроса. И наши обсуждения показали, что мы все время скатываемся с региональной системы к подсистемам более низкого уровня, вплоть до трубы. Любую систему можно представить как механизм часов. Причем она может быть в двух состояниях: часы собранные, которые ходят правильно или неправильно, и часы, которые разобраны и лежат в виде горки шестеренок. В данной ситуации мы начали разбирать систему, когда каждой группе раздали по блоку этого механизма и поставили задачу: определить, почему не ходит этот механизм? А разбирать этот механизм, по-моему, надо сверху. Наверху же стоит государственная политика в ее социальном аспекте, экономическом и т.д. И если каждая наша группа пойдет с самого верха, анализируя, в чем не права наша государственная политика в определенном срезе группы, то мы, пожалуй, будем двигаться гораздо быстрее к поставленным целям. После этого спустимся на региональный уровень и будем уже решать.

Попов С.В.: Спасибо, но мне кажется, что вы делаете здесь целый ряд методических упрощений, примерно, такого типа: представим, что человеческое тело – шар. Государственной политики нет. Нет! Скажем, это можно хорошо наблюдать на примере национальных отношений. Кстати, в той же Бурятской АССР. Вы знаете историю, как развивалась и разворачивалась вся эта политика в Бурятии?

Михайлов А.В.: Вы же говорите, что государственной политики нет?

Попов С.В.: Ну, нет! Нет! Политбюро своими делами занимается, никак не разберется. Совмин – своими. Госкомприроды образуется, а вовсе не политикой занимается.

Михайлов А.В.: Если мы вспомним постановление Политбюро, то оно было очень хорошим. У всех вызвало радость, и сразу возник вопрос, что нужен такой комитет. Когда же мы прочли совместное постановление ЦК и Совмина о перестройке природоохранного дела, то тут уже радость несколько поутихла. И когда мы теперь видим, как это постановление в Комитете реализуется, то радости уже никакой нет. Не оформлены еще функции большинства министерств; у нас нет никаких юридических прав. И какие права мы получим, мы тоже не знаем. Но, скорее всего, то, что получится в конце концов, не будет соответствовать даже тому постановлению, которое выпущено.

Попов С.В.: Это означает только одно: государственной политики нет.

Михайлов А.В.: Но политика и ее реализация – это совершенно разные вещи.

Щедровицкий П.Г.: Уважаемые коллеги! Давайте не будем жить в монологически организованном пространстве. Давайте разговаривать друг с другом и понимать, что за каждой точкой зрения стоят определенные основания. А потому давайте вернемся к заданному вопросу. Мне что важно здесь подчеркнуть? Когда вы описываете мир состоящим из подсистем одной большой системы, неважно – хозяйственный механизм или что-то другое – то вы закрываете себе дорогу для действий, для активности. Это ведь тот парадокс, который в свое время описывали последователи Маркса – немецкие социал-реформаторы. Они писали ему: “Если переход от капитализма к социализму есть закон натурального типа (то есть он произойдет при всех случаях), зачем тогда партия? Надо сидеть и ждать, пока история реализует свой закон”. Если мир состоит из подсистем и они взаимодействуют друг с другом, то человеку больше делать нечего. Проблема заключается в другом: в том, что мир, в котором мы живем, – это мир деятельности, а не природы. И мы действуем. А что это значит? Это значит, мы проводим каждый раз границу системы, которую мы начинаем преобразовывать. И вопрос, который мы обсуждали, состоит в этом. Преобразовывать весь хозяйственный механизм во

всей стране – невозможно. Можно это делать только на региональном уровне. Но для этого нужно произвести вот этот шаг: провести границу системы, сначала в мысли. Потом начать действовать и выяснить, что мы не там провели границу, то есть мы чего-то не учли или что-то включили лишнее. И потом начинать преобразовывать – смотрите! – но не те подсистемы, которые лежат в области натуральных представлений о мире, естественно-исторических, а преобразовывать системы, которые нам удалось захватить своей активностью. И в этом состоит замысел перестройки. Каждая группа, каждое организованное сообщество возьмет и начнет менять то, что оно может менять.

Михайлов А.В.: С этим трудно согласиться, пока рамки идеологии не сменены. В старых рамках мало что можно изменить.

Щедровицкий П.Г.: Ориентиры и рамки на уровне идеологии уже сменены. Рамки на уровне идеологии уже давно заменены, в 1985 г. А проблема заключается в том, что инерция этих хозяйственных машин выше, чем наше сознание. Ведь у нас же что происходит? У нас речь и смысл речи отслаиваются от действий. И мы говорим одно, а делаем другое, поскольку мы продолжаем жить по старым схемам, в которые мы включены. По старым! И для того, чтобы их начать перестраивать, нужно, между прочим, приложить усилия. Вот в этом и состоит проблема: где провести границу региональной системы, хозяйственной системы? И т.д.

Гурман В.И.: У меня такой вопрос. Может быть, достаточно примитивно, но я понял так, что вы видите выход из создавшейся ситуации в создании научно-проектных формирований для проведения структурных изменений. Дальше, следуя вашей же логике, можно сделать вывод, что сегодня у нас в стране не существует таких научно-проектных формирований. И, очевидно, в ближайшее время, видимо, их и не будет. Более того, мне, например, вообще непонятно, что это такое. И беру на себя смелость утверждать, что и для многих здесь сидящих это тоже непонятно. Не говоря уже о широких массах населения, для которых это – вообще темный лес. И, следовательно (по этой, может быть, примитивной логике), решаемо быть не может.

Щедровицкий П.Г.: И что Вы спрашиваете? Вы спрашиваете, что я имею в виду, или Вы говорите, что мои проекты нереалистичны?

Гурман В.И.: Я хотел бы для себя прояснить, насколько эта точка зрения могла бы быть воплощена в сегодняшнюю реальность?

Щедровицкий П.Г.: Вы опять хотите сохранить эту подыхающую кобылу?

Гурман В.И.: Нет, ни в коем случае. Хорошо, тогда – в завтрашнюю?

Щедровицкий П.Г.: Если в завтрашнюю, тогда смотрите. Мы собрались сюда на экспертизу. А что это значит? Это значит, что на первом шаге мы должны дать квалификацию тому, что есть.

Гурман В.И.: Дали.

Щедровицкий П.Г.: Заметьте: не дали! Потому что сегодня, когда вторая группа начала давать такую квалификацию, после этого все стали говорить: "Это они взбрендили. Что это они говорят, что у нас проектирования нет и еще чего-то нет?"

Из зала: Это у них нет.

Щедровицкий П.Г.: Да, наверное, это они про себя говорят или просто свихнулись тут, на игре. Или еще что. И никакой квалификации того, что мы имеем, нет. Пока никто этого не сделал. Причем заметьте: то, что пока говорю я, это все достаточно банально. И большинство из нас все это читало в газетах. Только выводов никаких из этого не делается. Вот и все. А после того, как такая квалификация проделана, можно делать шаг дальше и спрашивать: а что нужно? И, между прочим, вы думаете, здесь собрался потенциал не очень высокого уровня? Это лучшее, что мы имеем. И поэтому то, что мы здесь сделаем, то и ляжет в основу такого рода проекта.

Гурман В.И.: Вы меня провоцируете.

Щедровицкий П.Г.: Я не провоцирую. Я ведь утверждаю: оплата по векселям должна быть произведена. Если мы такую систему сложили общими усилиями, то мы должны четко ответить: что она может? Что она не может? И что с ней будет происходить? А меня во всех наших обсуждениях поражала вот эта утопическая структура нашего сознания. Понимаете? В прямом смысле слова "утопическая". Мы говорим: "хозрасчет". А дальше мы перестаем что-либо считать и оценивать, реалистично это или нереалистично. Поэтому я все время и веду разговор о целях. Ведь цели – это и есть те единицы, которые собирают утопию и идеальные проекты (с одной стороны) и видение ситуации (то есть того, какова инерция сложившегося положения дел) – с другой.

Гурман В.И.: Тогда я бы хотел уточнить: насколько реально создание в рамках этого сообщества такого научно-проектного формирования?

Щедровицкий П.Г.: Я это переинтерпретирую в игровом плане: вот мы тут и есть временное научно-проектное формирование. И мы здесь собирались, между прочим, на эти восемь дней, чтобы, во-первых, произвести квалификацию того, что есть. А значит – и самих себя, в меру того, насколько мы привыкли жить в этой системе. Да? И сделать проектный задел.

Из зала: Кому?

Щедровицкий П.Г.: Себе! Но ведь вы понимаете, я ведь иду к одному теоретическому тезису. Я ведь хотел дальше обсуждать, что у нас совершен-

но неверная концепция производительных сил. Мы забыли: что есть производительные силы? И я дальше хотел это обсуждать. Итак, мы квалификацию-то пытаемся производить, и даже проекты какие-то строим, но понятие производительных сил, которым мы пытаемся пользоваться, безвременно устарело. И когда мы говорим: "Развитие производительных сил Сибири", у нас за этим (заметьте!) никакого объекта и никакого представления не стоит. И я поясню, что я имею в виду. Смотрите, какая удивительная вещь.

Понятие "производительные силы" вводилось в немецкоязычной литературе в тридцатых-сороковых годах прошлого века в следующей ситуации: нужно было отказаться от старой, смитовской концепции "Богатства народов", когда богатство исчислялось количеством материальных благ, находившихся на национальном рынке или в национальном производстве. И нужно было придумать совершенно другое понятие, которое бы отвечало на вопрос: "в чем богатство народов?". Ответ был такой: "...не в материальных благах, которые производятся, а в производительных силах". Понимаете, какая сдвижка? А что значит – "производительные силы" в этом противопоставлении? Это значит – способность производить! Не производство как таковое этих материальных благ или еще чего-то, а способность в нужный момент произвести то, что нужно. При этом можно ничего не производить. Не надо ничего производить, чтобы иметь способность произвести. А мы все переинтерпретировали. У нас ведь все перевернулось в таком, вульгарном марксистском смысле. В смысле вульгарного марксизма, не понимающего основ этой марксистской методологии. И мы теперь производительные силы рассматриваем как функционирующее производство. А это ведь, заметьте, не производительные силы. Это, наоборот, уничтожение производительных сил, поскольку это есть растрата трудовых ресурсов, ресурсов земли и капитала. И поэтому, грубо говоря, мы сегодня не имеем ни одной концепции развития производительных сил. Поскольку все наши концепции – это концепции растраты производительных сил.

Гурман В.И.: Развития производственной системы...

Щедровицкий П.Г.: ...Развитие производства ради самого производства. И мы здесь имеем все эти родимые пятна синдикализма, производственного синдикализма...

Кузнецова И.П.: Определение производительных сил говорит: это – предмет труда, средства труда и человек. А причем здесь все это?

Щедровицкий П.Г.: Правильно. Вот я про это и говорю. Вот этот вульгарный марксизм надо выкинуть.

Кузнецова И.П.: А то, что вы дали, это вообще не определение.

Щедровицкий П.Г.: Во!

Попов С.В.: Погоди. Давай остановимся и разберемся. Определение, о котором вы говорите, это умершее понятие, которое нужно всунуть в голову студенту, чтобы он больше не думал.

Кузнецова И.П.: И вы в наши головы суете свои определения?

Попов С.В.: Нет! Наоборот, распредмечиваем. Как вы говорите: "Предмет труда, средства труда и человек?" А теперь смотрите: даже в этом вашем определении нет ответа на вопрос, что есть существующее производство. И даже если у нас есть квалифицированные люди, отдельно средства производства и отдельно ресурсы, и мы их можем произвольно в любой момент соединить или не соединять, производительные силы есть! Даже если мы ничего не производим! И вот этот поворот вы и не замечаете.

Кузнецова И.П.: Производительные силы включают в себя еще и структуру производства.

Попов С.В.: О! А это уже Вы сами выдумали. Вы только что сказали, что в определении этого не было. Вы не хотите обсуждать этот поворот.

Кузнецова И.П.: Я хочу понять ваше определение.

Щедровицкий П.Г.: Я не давал определений. Определение – это мертворожденная мысль.

Кузнецова И.П.: Тогда на каком языке вы говорите?

Щедровицкий П.Г.: Так вот, давайте искать язык, на котором можно говорить.

Кузнецова И.П.: Давайте. Но вы начали бороться с производительными силами.

Щедровицкий П.Г.: Нет. Заметьте: я борюсь не с производительными силами. Я борюсь с дурацкими теориями, которые наполняют наши головы.

Кузнецова И.П.: Но нельзя бороться, не давая определений.

Щедровицкий П.Г.: Можно. Поскольку критика – есть первая функция такой борьбы. Сначала надо отказаться от того, что мы имеем, а потом строить новенькое. Если вы не откажетесь от того, что вы имеете, вы, простите, новенького никогда не построите.

Кузнецова И.П.: Значит, вы "просто боретесь", а не с чем-то конкретным?

Щедровицкий П.Г.: Напротив, я отличаю, с чем я борюсь. Я борюсь с идеями, которые, согласно Марксу, материализуются в деятельности людей. А поэтому если мы взяли это зиберовское определение и перенесли его в нашу ситуацию, а теперь выдаем его за марксистское, и продолжаем учить так студентов всех профессий и специальностей, то в результате мы получаем растрату ресурсов труда и земли во всей нашей огромной стране.

Кузнецова И.П.: Надо обсуждать Маркса. Я говорю по Марксу.

Щедровицкий П.Г.: Мы Маркса можем с Вами обсудить специально.

Кузнецова И.П.: То, что Вы говорите, к Марксу не имеет отношения.

Щедровицкий П.Г.: Наша практика жизни к Марксу не имеет никакого отношения. Вы все это сами выдумали.

Левинтов А.Е.: Я хорошо знаком со схемами, концепциями и программами "развития производительных сил". И смею вас уверить, что там (и вы этого не будете отрицать) обсуждаются либо ресурсы, необходимые для тех или иных производств, либо конечные результаты труда: тонны нефти, кубометры леса и т.д., и т.д. И ничего – между ними. Производительные силы там не обсуждаются. Либо начала – бесчеловеческие, либо концы – также бесчеловеческие, бездеятельностные.

Кузнецова И.П.: Здесь я согласна. Это – недостаток.

Щедровицкий П.Г.: Это – не недостаток. Называйте это другими словами. Но дело – в другом. Я же почему все время перевожу разговор в теоретическую плоскость? Если говорить в такой редакции, то мы можем сказать: "Ай-яй-яй, разработчики! Как не стыдно!". Но разработчики здесь совершенно ни при чем, поскольку у нас в голове сидит совершенно неверная теоретическая модель. Модель неверная. Мы, кстати, думаем до сих пор, что Маркс развивал трудовую теорию стоимости. Мы боремся с теорией многих факторов производства...

Кузнецова И.П.: Давайте ближе к Байкалу. Не будет...

Щедровицкий П.Г.: А это и есть самая основа и суть. Потому что ситуация состоит в том, что эти машины деятельности, которые сжирают материал природы и перерабатывают все это, – есть результат нашего творчества. Мы их создали. И создали не просто так. Мы их создали в соответствии с теоретическими концепциями. А поэтому, если мы от теоретических догм и иллюзий не откажемся, то все будет продолжаться, то же самое. А поэтому я ведь стою на очень резкой точке зрения. Я считаю, что вульгарный марксизм в тех трактовках, которые были сделаны в двадцатые-тридцатые годы – есть основа практики сталинизма.

Кузнецова И.П.: Я не знаю, как себя другие чувствуют, но каждое сказанное Вами слово может быть предметом самостоятельной дискуссии.

Щедровицкий П.Г.: Конечно.

Кузнецова И.П.: А в связи с этим я хотела бы, чтобы разговор все-таки был ближе к проблеме.

Попов С.В.: Извините, а вы где работаете?

Кузнецова И.П.: Преподаватель политэкономии НГУ.

(Шум в зале, смех)

Попов С.В.: Вот! Видели! Теперь вся ситуация понятна.

Кузнецова И.П.: Я не только преподаватель. Я еще и научный работник.

(Смех в зале)

Попов С.В.: Смотрите, какой момент получается. Если Вы, тем более, научный работник, то Вы должны (тем более, должны) не только иметь знание, но и иметь возможность это знание отрицать и строить новое. Да?

Кузнецова И.П.: Согласна.

Попов С.В.: А почему Вы так реагируете? Вы ведь реагируете все время на то, что говоримое не соответствует вашим знаниям.

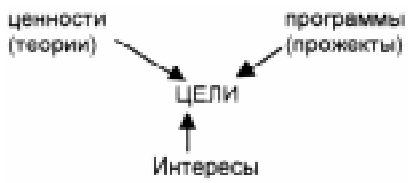


Рис. 1. Факторы целеобразования

Кузнецова И.П.: Но ведь не соответствует знаниям!

Попов С.В.: Ну и что? Тем хуже для знаний.

Щедровицкий П.Г.: Но я возвращаюсь к дискуссии по поводу идеи производительных сил. Конечно, конкретизацию этой идеи для Байкальского региона надо разворачивать всерьез и по каждой детали обсуждать. А я ведь к этому и призываю. Говорю: давайте это попробуем сделать и ответить на вопрос, что есть производительные силы, о которых мы все время говорим. И, может быть, надо отказаться от старых схем и построить новые схемы, и тогда, может быть, в их свете, выяснится: то, что мы делаем – это не развитие производительных сил. И поэтому мы вернулись назад, к этапу целеобразования.

Но я ввожу теперь важнейшее для меня усложнение. Процедура целеобразования схватывает, с одной стороны, деятельностный "низ" – интересы групп, социальных слоев, трудовых коллективов и т.д. И эти интересы выражаются в целях. А с другой стороны, цели всегда снимают в себе теорию и проекты будущего. И поэтому содержание целей и целеобразование, которое мы осуществляем – это вот такой "кентавр" (см. рис. 1). Теория и расчеты будущего, с одной стороны, и реальную ситуацию, которая заставляет нас двигаться по ее инерции и ограничивает возможности и способности нашего целеобразования, с другой стороны. Но поскольку мы здесь с вами находимся в стадии проектирования и критики, то нам надо обсуждать этот "верхний эшелон" (на схеме рис. 1), ставить новые горизонты, открывать новые ценности и идеалы, к которым мы хотим идти. А потом спрашивать, что нам будет мешать? И какие вторичные, третичные, четвертичные цели нужно ставить, чтобы демонти-

ровать существующую хозяйственную структуру и сделать ее способной стать носителем (способной реализовать) новых проектов и идеалов. И пока мы критики теоретических понятий не провели, ничего не будет. А конкретно, давайте обсуждать по понятиям производительные силы, труд, ресурсы и все остальное. Что нужно, то и будем обсуждать.

Из зала: А теорию социализма тоже будем обсуждать?

Из зала: Ее нет.

Щедровицкий П.Г.: Дело не в этом. Теория, может быть, и есть.

Из зала: Вы как считаете? Допустим, мы нашли проблему – сохранение Байкала. То в этом случае эта проблема – региональная, или сибирская, или общесоюзная, или же планетарная?

Щедровицкий П.Г.: Давайте двигаться иначе. Давайте двигаться от проектов и идеалов, а потом будем смотреть, какие из них могут быть реализованы на региональном уровне (и за счет чего), на общесоюзном и т.д. И не будет здесь "или", а всякий раз будет "и".

Из зала: Смотря перед кем ставить цели! Одно дело – перед союзными органами, а другое – перед региональными. А вы все время поворачиваете на регион.

Щедровицкий П.Г.: Смотрите. Дело не в том, перед кем ставить!

Из зала: Вы говорите: "Мы в этом регионе живем, и мы должны найти способ решения проблемы".

Щедровицкий П.Г.: Я вас понял. Но мы с вами работаем в разной идеологии. Я уверен: цели не ставятся другими. Если мне кто-то захочет поставить цели, то...

Из зала: Цель должна исходить изнутри?

Щедровицкий П.Г.: Во! Изнутри! Нам надо здесь всем вместе включиться в процесс целеобразования и проектирования. Нам! И каждому нужно обсуждать, какие цели он видит.

Из зала: А на следующем витке – уже перед регионом, перед Сибирью и т.д. Так?

Щедровицкий П.Г.: Если найдутся такие группы и силы, которые будут эти цели реализовывать.

Из зала: Эти группы могут быть вне региона? Ведь регион – незамкнутая система, как и вся экономика.

Щедровицкий П.Г.: Я понимаю. Но ведь вы это опять обсуждаете вне действия. А вопрос в том, будут ли люди, которые будут достигать целей Байкала на всемирном или ином уровне? Если будут люди и за ними будут определенные ресурсы, которые помогут им эти цели реализовывать, то будут цели. А если людей и групп не будет, то ничего не будет. Хотя поставить цели вы можете. Но если выполнять их никто не будет, это будут псевдоцели.

Кузнецова И.П.: Средства производства сегодня находятся не в руках народа. Народ отстранен от реализации продукта своего труда.

Щедровицкий П.Г.: Это хорошо или плохо?

Кузнецова И.П.: Плохо.

Щедровицкий П.Г.: Почему?

Кузнецова И.П.: Потому что он уже не хозяин.

Щедровицкий П.Г.: А, может быть, если он будет хозяин, он будет немобильным.

Кузнецова И.П.: Почему?

Щедровицкий П.Г.: А потому, что ему ведь нужно развивать средства производства. А если он ими владеет, то он накладывает ограничения на цикл сменности.

Кузнецова И.П.: Вот и пусть владеет ими.

Щедровицкий П.Г.: Ну, и все. Он будет владеть – и никакого развития не будет.

Кузнецова И.П.: Почему? Смотря, какой механизм там будет действовать.

Щедровицкий П.Г.: Я понимаю. Поэтому я просто начинаю разламывать эту вашу конструкцию. Вы говорите: "Средства производства не являются собственностью народа".

Кузнецова И.П.: Да.

Щедровицкий П.Г.: А я говорю: Ну и что? Это хорошо или плохо?

Кузнецова И.П.: Плохо.

Щедровицкий П.Г.: А я говорю: Неизвестно. Вполне может быть, что для определенных ситуаций это хорошо.

Кузнецова И.П.: То есть вы говорите: то, что есть сейчас – хорошо?

Щедровицкий П.Г.: Я говорю другое: отделенность средств производства от производителя есть для определенных сфер деятельности благо. Потому что это есть условие быстрой сменности систем деятельности.

Кузнецова И.П.: А распределение прибыли?

Щедровицкий П.Г.: Постойте. Какие прибыли? Что это мы все рубли какие-то сушеные считаем? На самом деле это сложный вопрос. Понимаете, если Вы считаете, что прибыль есть логическая категория хозяйствования, то я могу с Вами это дальше обсуждать на теоретическом уровне. Если же Вы считаете, что прибыль – это реальная категория, то я считаю, что у нас в стране прибыли нет и быть не может.

Кузнецова И.П.: Я имею в виду логическую.

Щедровицкий П.Г.: Но тогда Вам надо другое понятие вводить. Это – не прибыль, в смысле получения денег.

Кузнецова И.П.: Конечно. Но что-то надо делать.

Попов С.В.: Вот и прекрасно: подумайте и ре-

зультаты сообщите нам на следующих обсуждениях.

Федоров К.М.: Можно, конечно, обсуждать проблему прибыли, целеобразования – это очень важные проблемы. Можно о методологии много говорить – это чрезвычайно важный вид человеческой деятельности. А цели – это и начало и конец, результат, вроде даже, какой-то сущности, правда, в снятом виде. Деятельность уже начата. Деятельность по формированию... То есть вот экспертиза проводится и т.д. И приступив к этой деятельности, мы уже не можем обходиться без целеполагания, без какой-то методологии, чем мы сейчас занимаемся. То есть уже попытки постановки, если не всей цели в целом, то каких-то ориентиров для нашей деятельности, мы могли бы уже определить...

Попов С.В.: Минуточку. Вы, пожалуйста, держите этот план: Вы что хотите, чтобы мы Вам ваши цели поставили?

Федоров К.М.: Я как раз этого не хочу.

Попов С.В.: Вы хотите свои цели поставить, своего действия, границы его применения? Да?

Федоров К.М.: Да-да. Можно? Спасибо. Дело в том, что товарищи сказали, что мы не умеем работать, не умеем проектировать, не умеем выполнять принимаемые решения и еще что-то мы не умеем. Понимаете, когда мы говорим, что мы все умеем, то это глупо. И это вряд ли кто скажет. Но когда мы говорим, что мы ничего не умеем, то мы начинаем заниматься самоистязанием, мазохизмом. А любой мазохизм – это извращение. Извращения же ничего не вызывают, кроме отвращения. Понимаете? Где-то надо иметь меру. Где-то мы должны остановиться. Вот мы шли сюда с товарищем, он говорит: какие же японцы – молодцы! Какие молодцы! Как там здорово поставлены экологические вопросы! Какие там экологические системы! И он мне говорит: “Ты – дурак?” “Да, нет, – говорю, – а ты?”. “Тоже, вроде, не дурак”, – отвечает он мне. “А может быть, нас дураками считают? Может быть кому-то выгодно, чтобы нас дураками считали?” И вот мы заявляем: мы не можем проектировать, мы не можем выполнять. А они там, наверху, в министерствах, спускают нам свои показатели и говорят: “Вы не можете, вы – дураки!” И здесь мы не научимся этому.

И вы тоже нам говорите: вы не умеете планировать, вы не умеете проектировать, вы не умеете... Что же вы нам предлагаете? Ну, и все! То есть мы сами под себя подкладываем... Это не дело. Это вот тот осадок, который у меня и у Николая Павловича остался. Он никогда не спекулировал на науке. Он болеет душой. Я его очень уважаю. Кто-то, может быть, действительно не умеет. Но многие умеют. Большинство, все-таки, – добросовестные люди. А теперь – что касается целей. Понимаете, какая тут “петрушка”? Проблема все время так стоит: либо Байкал и экология, либо – экономика. И альтернативы так и двигаются. Этот регион никак нельзя отрывать в целом от нашей экономики, которая сейчас существует. Это следует из известной фразы Ленина об общих и частных вопросах. Это всем ясно. Что является целью нашего социалистического производства? Это – повышение благосостояния. А при капитализме – не повышение благосостояния трудящихся? А может быть, в большей степени, чем у нас повышение благосостояния? А разница есть? И разница все-таки есть. Мне представляется: в нашей системе цель производства – человек, а прибыль – средство. А там прибыль – цель, а человек – средство. И мне представляется, что вот через эту призму и нужно ставить ориентиры нашей деятельности: или человек, или прибыль. И вот, решая региональную проблему, иметь в виду проблему человека в этом регионе. И не просто чисто экономически – повышение благосостояния как средство, а именно человека – как цель. И через это производить и экспертизу, и работу в каждом нашем подразделении. А цели нам понятны. Понятны всем. Вот так, если коротко.

Попов С.В.: Отлично. Я только не пойму, что же вы этой цели столько лет достигнуть не можете? А делаете все наоборот.

Федоров К.М.: Понимаете, для министерств главное – не человек, а прибыль. И разницы никакой не было: и там, и у нас человек – средство. Поэтому науку не слушали. И мы холопы были. И это рабство хотят распространить на сегодня.

Попов С.В.: Здесь выступали ученые и производственники...

Федоров К.М.: Это – не совсем ученые... Я с ними работал. Это не их собственная мысль. Это мысль со стороны.

(Смех в зале)

Попов С.В.: Дело не в том, чтобы себя считать дураками. Уж, который понял, что летать не может, может и взлететь. А если он находится в самодовольстве, то точно будет всю жизнь пресмыкаться.

Федоров К.М.: Не нужно в крайности впадать. Крайности ни к чему.

Попов С.В.: Без крайностей мысли быть не может. Иначе – круглое: и то, и это, и третье, и четвертое. Вот такое “мышление” является обманом.

Федоров К.М.: Полярности – крыша гениальности. Но сущностные полярности. Вы же считаете, что истина там, где самоунижением и извращением занимаются?

Попов С.В.: Вы считаете, что Вы все знаете, как оно должно быть?

Федоров К.М.: Нет, не все знаю, но некоторые штуки знаю...

Из зала: Он считает, что это вы все знаете.

Попов С.В.: Нет. Я-то как раз считаю, что я очень мало знаю.

Из зала: Это только фраза. Действуете вы так, что как будто бы обладатель высшего знания, а мы должны только учиться.

(Шум в зале)

Попов С.В.: Отлично. Нужно отметить несколько моментов. Первый. Те, кто считают, что они знают, как на самом деле, чаще всего оказываются в такой ситуации побитыми. Но если кто-то действительно знает, как на самом деле, то надо не учить других, а попытаться сделать.

Теперь относительно идеи, что "мы не умеем и не знаем". Дело в том, что вы упорно отказываетесь понимать деятельностный смысл этого тезиса. Вот когда он идеологический, он работает так, как вы сказали. А когда деятельностный смысл в слова вкладываете, то все иначе. Ведь если мы себе сказали, что мы работаем неправильно, а по-другому не умеем, то какие здесь могут быть варианты? Либо мы говорим: разве нам научиться? – и работаем по-старому. Второе: начинаем учиться где-нибудь и как-нибудь. Думать, читать, работать и еще как-нибудь. И третий вариант – то, что вы обсуждаете – демагогический (когда нас начинают использовать за счет этого). Так вот, нам нужно перейти во второй вариант. И если мы сказали, что мы чего-то не умеем, нам нужно теперь нарисовать, чего мы не умеем? Ответить на этот вопрос точно. И, если хотите, – инженерно.

Федоров К.М.: У меня было мало времени и я упустил один важный момент. Если бы они сказали, что они проектировали, но ошиблись. А то они этого не сказали и мы полчаса (если не больше) выясняли, что они имели в виду. Они же чисто демагогически заявили, что проектирования у нас нет. Вместо того, чтобы указать, что не получается и нужно подумать. Тогда бы мне было понятно. И мы бы не тратили столько времени.

Попов С.В.: Прошу Вас, Сергей Александрович.

Тарноруцкий С.А.: Мне кажется, Вы совершенно правильно методологически ставите вопрос о поиске целей, но Вы делаете это усложненным путем. Вы из нас вытягиваете...

Попов С.В.: Сергей Александрович, почему же никто не сделал этого?

Тарноруцкий С.А.: Почему Вы, так искусно ведя игру, не сказали этого сразу, чтобы мы это сразу понимали? Вы и Ваш товарищ подводите нас к этому пониманию и эту идею сейчас излагаете – очень хорошо, логично и интересно. Но с этого можно было начать. И я вас уверяю, что мы достаточно самокритичны, чтобы видеть свои недостатки и понять, на чем нам нужно сосредоточиться. Без препирательств и без обвинений друг друга в незнании, самолюбовании и т.п.

Попов С.В.: Сергей Александрович, я Вам предлагаю проделать такой эксперимент...

Из зала: Сергей Валентинович, можно Вам помочь?

Попов С.В.: Не надо. Зачем мне помогать? Так вот, я предлагаю Вам проделать такой эксперимент: напишите мне на бумажке, что мне нужно сегодня сказать, чтобы завтра не говорить. Раз. Что нужно было бы завтра сказать, чтобы послезавтра не говорить. Ну, и так далее. Этого ведь никто не знает.

Тарноруцкий С.А.: Я говорю именно о сегодняшнем дне. Вчерашний день показал, что мы плохо ставили цели. И сегодня это можно было прямо и сказать сразу.

Викулов В.Е.: Но, Сергей Александрович, в программке прямо написано: сегодняшний день – постановка целей.

Попов С.В.: Сергей Александрович, давайте договоримся так: Вы все претензии...

Тарноруцкий С.А.: Это не претензия, а замечание.

Попов С.В.: Так вот, Вы все претензии и замечания к организаторам записываете на бумажку, и в последний день будет отведено 2-3 или сколько надо часов, и каждый сможет сказать про организаторов

ОБЩЕЕ ЗАСЕДАНИЕ
17 октября 1988 г.

(Обсуждение Генеральной Концепции Сибирского отделения АН СССР. Докладчики: Г.И. Галазий, М.А. Грачев, Г.Н. Константинов)

Попов С.В.: Одним из документов, определяющих дальнейшее развертывание событий на Байкале, является Концепция Сибирского отделения Академии наук СССР. Как вы помните, Михаил Александрович Грачев просил, чтобы эта Концепция была вынесена на специальное обсуждение. Я предоставляю слово М.А. Грачеву, о порядке обсуждения он скажет сам.

Грачев М.А.: Уважаемые товарищи. Я, во-первых, хотел бы сказать следующее: слова, которые только что произнес Сергей Валентинович Попов о том, что мы будем рассматривать Концепцию, предложенную Сибирским отделением, можно трактовать несколько шире. Концепция развития производительных сил региона, которая предложена СО АН, унифицирована и доработана Госпланом, но и это только часть того, что можно назвать Байкальской Концепцией. Речь идет о нашем отношении к экологическим проблемам в целом, и, в особенности, к проблемам, возникающим вокруг озера Байкал.

Это комплексные проблемы, которые уходят далеко за рамки экономики. И то, что сегодня будет обсуждаться, это общее отношение к Байкалу и к тем событиям, которые вокруг него происходят.

Второе. Мне кажется, что я немного усвоил правила игры. Одно из них состоит в том, что нужно вызвать тем или иным способом достаточно искреннюю реакцию участников, с тем, чтобы добиться какой-то истины.

Я позволю себе высказать некоторые предположения. Мне кажется, что вся эта команда очень симпатичных молодых людей, которых привез сюда Сергей Валентинович, заняты, на самом деле, вовсе не байкальской проблемой. Я думаю, эту команду интересует поведение людей в экстремальных ситуациях и социальный заказ, каким образом можно научиться управлять этой ситуацией. Социальный заказ правильный, дело, безусловно, нужное. Но мне немножко не нравится следующее.

Я думаю, что участники игры должны быть поставлены организаторами игры об этом в известность. Может, мы играть стали бы несколько иначе. Можно это сделать или нельзя? Для того, чтобы не испортить чистоту эксперимента.

Тем не менее, я эту чистоту эксперимента несколько испортил. Ну что же, я думаю, вы привыкли к неожиданностям.

Теперь о втором тезисе, который здесь прозвучал, что наша система нехорошая, что мы все должны к этому прийти. Я думаю, это не есть истинное убеждение Сергея Валентиновича, а есть способ свести проблему к абсурду, привести нас к какой-то “стенке”, в которую мы упремся лбом. А дальше смотреть, что же с нами произойдет. Найдем мы выход или не найдем. Это одна “стенка”. Вторая “стенка”, которая здесь поставлена, это тезисы о некомпетентности науки. Вообще, это странно. По-моему, участникам игры это тоже наука, правда? Ведь это же – научное исследование. Или какое? У нас есть разная структура общества. У нас есть система идеологии, система производства, система науки.

Из зала: Давайте конкретно Концепцию.

Грачев М.А.: Давайте голосовать. Если кто-то не хочет, чтобы я выступал, я замолчу. Минуточку. Не надо меня успокаивать. Я сам успокоюсь. Значит, науку обвинили в некомпетентности – это один из итогов совещания. Во-первых, странно. Ведь это не вся наука. Во-вторых, следует говорить о некомпетентности отдельных ученых, а не АН в целом. Такой вопрос можно ставить, и здесь у меня есть ответ. А то ведь посмотрите, что нам говорят: “Раз промышленность все равно оказалась на Байкале, значит, наука не могла правильно взаимодействовать с плановыми органами, с коллективами”. Видите, что получается. Но это не так. Наука в этом плане вместе с прессой, с писателями, вместе с общественностью, безусловно, в байкальской проблеме очень компетентна, если судить по результатам.

Попов С.В.: Более компетентна, чем в других регионах.

Грачев М.А.: В чем же эта компетентность выражена? В том, что если бы эти вопросы по Байкалу не были поставлены вовремя, 20-30 лет назад, сегодня мы бы имели на Байкале пятьдесят БЦБК. Мы имели бы здесь все, что угодно. И в этом есть наша победа. Сам факт, что вышло несколько постановлений правительства по Байкалу – это тоже наша победа. И наша игра сегодня – это тоже следствие компетентности науки. А теперь я бы хотел закончить это краткое введение и передать слово Григорию Ивановичу Галазию, с именем которого связана компетентность науки и общественности в решении байкальской проблемы.

(Аплодисменты в зале)

Галазий Г.И.: Продолжая разговор, начатый Михаилом Александровичем о компетентности науки, я хотел бы обратить внимание на одну деталь. Если

вы помните, когда была принята последняя Программа партии, то там предусматривалось к 1990 г. увеличить массу производительной силы в 6-7 раз по главным и отдельным направлениям. Так вот, тогда, при обсуждении этой Программы мы принимали активное участие. И обсуждали ситуацию, которая складывалась в нашей стране, и которая должна была привести к тому состоянию, которое в настоящее время мы видим. Что это значит – увеличить производительные силы нашей страны? Я имею в виду ответ на этот вопрос с экологической стороны. Самые современные очистные сооружения, которые действуют в нашей стране, обеспечивают удаление вредных примесей, причем только органической ее части, на 95 %. Большинство из них работает намного хуже – удаляют 2/3-3/4 вредных примесей. А теперь посмотрите, что значит, увеличить производительные силы в 6-7 раз. Остаточные загрязнения, которые выбрасываются в окружающую среду, составляют 1/5-1/6 того количества, которое поступает на очистку. То есть увеличение производительных сил способствует возрастанию, соответственно, выбросов тоже в 5-6 раз. Значит, ситуация 20-30 лет назад была запланирована так, что экологическая обстановка не должна была улучшиться. Но хуже – другое. Система, которая у нас работает, система борьбы с вредными выбросами, защиты природы, она не только не улучшается, но и во многом ухудшается.

Ухудшается по двум причинам: с одной стороны, не разрабатываются совершенно новые методы очистки, а с другой, – оборудование устаревает и работает все хуже. Значит, обстановка должна была ухудшаться. Мы это имеем в настоящее время, совершенно ясно.

Теперь вторая сторона этого вопроса. Поскольку наши очистные сооружения по обезвреживанию выбросов, в частности, в воду, работают, главным образом, на удаление органических примесей, постольку тяжелые металлы и всякие другие трудно разлагающиеся вещества практически остаются в этих стоках и поступают во внешнюю среду. Влияние этих промышленных выбросов на внешнюю среду контролируется нами на основе Правил охраны поверхностных вод или Правил охраны окружающей среды, которые узаконены как нормативный документ. В нашей стране они действуют и обязательны для исполнения повсеместно.

Основываются они на предельно допустимых концентрациях. Что это значит? Чем больше объект, чем больше водоем, тем больше в него можно сбрасывать вредных веществ. Отнесем это к Байкалу – объекту, который нас интересует. Ну, скажем, по ртути ПДК = 0,0005 мг/л. В Байкал, чтобы соблюсти концентрацию этого водоема, можно сбрасывать 11500 т ртути. Это будет узаконено, это будет нормативом. По нефтепродуктам ПДК = 0,1 мг/л. В Байкал можно сбрасывать 2,3 млн. т нефтепродуктов, и ничего страшного не случится. Если все это пересчитать, получатся разные цифры, но смысл будет один – действуя таким образом, как сейчас, сохранить природу нельзя!

Нельзя еще – по другой причине. В существующих правилах не учитываются процессы, которые происходят внутри водоема – внутри среды, где обитают организмы, которые мы собираемся защищать. Не учитываются процессы, называемые “трансформация и аккумуляция веществ по пищевым цепочкам”, которые существуют в любом водоеме и, в частности, в Байкале. Его система водной части пятиступенчата. Первичная продукция – это водоросли, вторичная – это пастбищный зоопланктон, мелкая рыба и рыба более крупная, которая питается мелкой рыбой и т.д.

В природе, по данным экологических исследований, в частности, по тем наблюдениям, которые мы ведем, разное количество аккумулирующихся веществ оказывается в организме. Но в среднем повышение концентрации на каждой ступени на порядок выше. Если первичная продукция, водоросли (которая синтезирует органические вещества из внешней среды и способна создать ту основу жизни, которая, вообще, обеспечивается организмами всех существ), функционирует в Байкале нормально, то в этих организмах происходит концентрация веществ внешней среды в 10-20 раз. Следующая ступенька, которая потребляет пастбищный зоопланктон, концентрируется в 10 раз, то есть в 100 раз по отношению к среде. Хищный зоопланктон – на три порядка, рыбы, которые идут в пищу человеку – на пять порядков. Следующее звено – либо человек, либо нерпа. Это шестой порядок. Концентрация ряда веществ (одни концентрируются, другие нет) происходит на шесть порядков, если их потребит человек.

Теперь посмотрите. Скажем, мы начнем контроль за состоянием среды. Одна миллионная доля самых ядовитых веществ, которые нам сейчас известны, никого не взволнует и не обеспокоит. Так спокойнее. Вместе с тем, сама эта среда окажется смертельной для высших ступеней в этой цепочке. В таком виде решать проблемы охраны природы сегодня невозможно. Считайте, что мы уже поставили крест на Байкале, если будем существовать так же и дальше. Почему и возник вопрос: нельзя оставлять на берегу Байкала предприятия, которые выбрасывают во внешнюю среду хотя бы какое-то количество вредных веществ, даже незначительное. Поэтому с самого начала вопрос стоял так остро – на Байкале нельзя развивать никакую промышленность! Те ПДК, которые в разное время вырабатывали, согласовав с министерствами Мелиорации, Здравоохранения, Рыбного хозяйства, базировались на том принципе,

что в Байкал можно сбрасывать то, что он может "переварить", что он может преобразовать в своей системе, которая формировалась в течение 20 миллионов лет.

Что можно сбрасывать в Байкал? Такие вещества, которые не отличаются от среднего химического состава притоков Байкала . Это и было положено в основу нашей позиции с самого начала, что было одобрено на уровне министерств: Мелиорации, Водного хозяйства, Здравоохранения, Рыбного хозяйства и с 1 января 1974 г. должно было войти как нормативный документ. Но этого не случилось. Сработали какие-то подспудные силы. Эти согласованные ПДК и правила были отброшены, и принят тот уровень очистки, который был технически достигнут на БЦБК, Селенгинском ЦКК на тот момент, когда об этом шла речь. И дальше цепочка развивается таким образом: идет спор об улучшении очистки от стоков более высокого уровня, чем был на БЦБК. Это совершенно беспринципная, неприемлемая система, которая сама приведет к гибели экосистемы.

О том, что экосистема Байкала уже сейчас изменена, мы много писали и говорили. Иркутянам это тем более хорошо известно. Но два слова хочу сказать. За последние 15-20 лет омуль стал в 2-3 раза меньше по размерам. Если раньше он шел по размерам на нерест весом 1 – 0,5 кг, то сейчас он на нерест идет весом 200-250 г. А последние данные говорят – и того меньше: весом до 100-180 г. Происходит изменение первичной продукции, вернее объектов, формирующих первичную продукцию, типичных эндемичных форм байкальских организмов на общесибирские. Происходит гибель наиболее активной части этой системы – пастбищного зоопланктона, эпишуры и ряда других, которые потребляют первичную продукцию, происходит гибель и хищного зоопланктона, рыб. Резко ухудшились условия нереста на естественных нерестилищах, понизилась тем самым и просто выживаемость рыб. Это как раз и говорит о том, что изменения в водоеме уже достигли того масштаба, что охватывают практически весь водоем. Не трудно все это подсчитать.

БЦБК сбрасывает в сутки 230-240 тыс. м^3 "очищенной" воды, то есть той воды, которая прошла систему очистки, существующую сегодня на БЦБК. Примерно 60 тыс. м^3 сбрасывает Селенгинский комбинат. Эти стоки, хотя и очищены на самых совершенных аппаратах, которые рекламируются везде и всюду, после разбавления даже в 50 и 100 раз обладают еще мутагенными свойствами, воздействующими на организм. Чтобы хоть как-то пригодны были эти воды для жизни организма, их нужно разбавлять не менее, чем в 10 тысяч раз. Разбавить в 10 тыс. раз 240-250 тыс. м^3 воды –надо расходовать 2,5 млрд. м^3 воды Байкала.

Для сравнения можно сказать, что вся наша страна потребляет около 150 млрд. м^3 воды. Это практически в 15 раз меньше. Вся страна должна поставлять воду, чтобы обеспечить безопасность одного комбината. Опять же идут споры вокруг цен на сырье. Они растут, и все-таки завод платит. С 1982 г. введена цена за воду Байкала две копейки за кубометр. Две! На чем основывался Госкомитет цен – это тема особого разговора, но цена введена, значит, она должна действовать. Если она действует, следовательно, чтобы оценить экономический вклад только БЦБК, нетрудно подсчитать расходы. 2,5 млрд. м^3 воды в сутки оценивается в 50 млн. рублей. Ежесуточно ущерб природе наносится в объеме 250 млн. рублей. Стоимость продукции завода, по тем ценам, что действуют у нас сейчас, 112 млн. рублей в год. То есть ущерб природе за двое с половиной суток превышает стоимость продукции этого завода за год. Это то, что касается экономики и производства.

Кроме того, на берегу Байкала живут люди, и Байкал окружает лес. Нет пока критерия в оценке стоимости здоровья людей. Страховые платежи в 1000 рублей (так оценивается здоровье человека, если он умирает от подобных отравлений), это, сами понимаете, смехотворная цена. И вообще, об этом говорить не следовало бы. Но она существует и действует. Пусть это будет на совести тех, кто оценивает здоровье, а оно здесь не процветает. Количество детей, родившихся с каким-то отклонением от нормы, достигает почти 50 %. В зоне влияния промышленных выбросов БЦБК 48,8 % имеют нарушения двигательной системы, нарушения здоровья по другим направлениям. Это каким образом можно оценить?

В лесах, окружающих Байкал, в котловине озера, по данным Института леса и древесины, на площади более четверти млн. га лес поврежден газовыми выбросами, усыхает. Из этого количества свыше 40000 га леса усохло уже до состояния необратимого. Значит, этот лес выпадет из экосистемы, как и все остальные площади. А они не только не сокращаются, но и растут. Каково будет состояние Байкала, экосистемы, если лес на склонах хребтов, окружающих озеро (в первую очередь Хамар-Дабан), исчезнет? Ну, посудите сами, что здесь будет: и селевые паводки, и размыв почвы, и все, что хотите, что отнюдь не способствует укреплению и улучшению состояния экосистемы. Вот ситуация, которая развивается на Байкале, и она навела на мысль о другом. Как же нам с вами дальше жить? можно ли существовать на основе тех нормативных документов, которые мы с вами сейчас имеем? А они повсеместно действуют. Мы сейчас смотрим и видим, что на природоохранные мероприятия тратится порядка 10-12 млрд. руб. каждую пятилетку. А вот и последнее сообщение: за последнюю пятилетку израсхо-

довано 15 млрд. руб. Ущерб природе, который наносим мы сейчас, оценивается цифрой 20-25 млрд. руб. Значит, у нас ущерб непрерывно нарастает, несмотря на то, что мы отвлекаем от нашего народного хозяйства огромные суммы, причем суммарные цены составляют уже астрономические цифры. Пора бы, наверное, задуматься, как же дальше нам жить, выбрасывая огромное количество денег и не получая никакого эффекта, кроме отрицательного. Я считаю, что надо, в первую очередь, увеличить внимание на то, чтобы усилить и направить усилия ученых, специалистов на разные разработки принципиально новых технологий.

Здесь я не разделяю точку зрения, которая у нас высказывается и принимается, что мы должны достичь уровня передовых капиталистических стран. Все это верно, мы должны это иметь в виду, но смотреть дальше и делать гораздо совершеннее, гораздо лучше. Пример тому нам подает сама природа. Мы сейчас дошли до такого состояния по своим воздействиям на природу, что сравнялись по масштабам воздействия с природными явлениями. Но, к сожалению, психологически мы остаемся в плену самых рабских своих преклонений, раз мы до сих пор боремся с природой, воюем с ней. Мы отвоевываем у природы жизненные пространства, мы даже песни поем про БАМ и все такое. Это песня реакционная, она призывает к тому, чтобы мы уничтожали природу.

Мы забыли простую элементарную вещь, что мы часть природы, часть биосферы, и противопоставлять эти понятия нельзя. И пока мы не научимся жить по законам природы, в гармонии с ней, нас ждет непременно экологический тупик, экологическая катастрофа. Ядерной войны, наверное, не будет. У человечества достаточно здравого смысла, чтобы отвратить это бедствие, так как всем ясно, что погибнут все в короткий срок. А экологическая катастрофа надвигается исподволь. Она незаметна, она не видна так масштабно и так рельефно, как ядерная катастрофа, но она неумолимо движется, она действует на нас. Посмотрите, что происходит на Земле. У нас сейчас масса различных заболеваний, причин которых мы не знаем: аллергические заболевания, раковые, язвенные. Причины – канцерогенные вещества. Аллергические заболевания – никто не знает их причин – самые разнообразные, могут проявляться необыкновенным образом. У нас деградация человеческого организма. Дошло до того, что мы не можем восполнить призыв в армию здоровыми людьми, потому что здоровых призывников нет, они уже потеряли природное здоровье, дарование. Об этом бы следовало нам задуматься и решать вопрос, как же нам дальше поступить. Вот единственный путь.

Дружинин В.Н.: Я бы хотел все-таки услышать ваш взгляд на опубликованную Концепцию. Мне кажется, она может снять часть вопросов, а в целом проблему нисколько не решит.

Галазий Г.И.: Да, с экологической точки зрения Концепция не разработана. Это совершенно ясно! В основу концепции положена экономика, что в настоящее время я считаю неудовлетворительным. В основу должна быть положена экология. И уже, исходя из этого, нужно развивать экономику. Только тогда можно будет решать вопросы в том плане, о котором я говорил: предотвратить дальнейшие углубления экологической катастрофы и следствия, которые сейчас охватывают все человечество.

Дружинин В.Н.: На что же нам тогда рассчитывать? Наука дает половинчатое решение. На что рассчитывать нам, практическим работникам, местному населению, что у нас впереди получается?

Галазий Г.И.: Наука, конечно, не может дать сразу таких решений. Что же делать сейчас в ситуации, которая у нас есть. Предприятия, которые у нас есть, все равно сразу не закроешь, поэтому нужно жить...

Из зала: Концепция имеет определенный срок выполнения?

Галазий Г.И.: Концепция – это временное явление. Но нужно сейчас уделить серьезное внимание разработке принципиально новых технологий для новых предприятий, которые будут строиться и тех, которые существуют. Если бы мы могли сразу разрешить все проблемы, ответить на вопросы, мы бы это сделали. Но, к сожалению, знаний у нас недостаточно.

Семенов В.Н.: Вот вы говорили, что какие-то силы заставили несколько лет назад науку подписать формальный документ. Какие?

Галазий Г.И.: Я думаю, с точки зрения гражданской, недостаток знаний. Может быть, и недооценка ситуации, которая развивалась.

Семенов В.Н.: Объяснить вы это можете? За счет чего могут выделяться деньги на это?

Галазий Г.И.: Этот вопрос надо адресовать экономистам, а не экологам. Я говорю вам то, что я знаю, со своих позиций. Надо организовать хозяйство так, чтобы найти необходимые средства решить такую трудную задачу, и это дело плановых органов. Наверное, нужно сократить программу по каким-то другим направлениям, например, на военное дело. Это в первую очередь надо делать. Я с вами согласен. Но над этим надо работать. Я не имею такого уровня компетенции.

Из зала: Вы сказали, что в Байкал можно сбрасывать только те вещества, загрязнения, которые за его счет очищаются, то есть Байкал их переработает. Какие отрасли народного хозяйства могут сбрасывать такие стоки?

Галазий Г.И.: Промышленных производств пока нет таких.

Из зала: Концепция, которую мы вчера обсуж-

дали, предлагает, что вся промышленная деятельность в районе Байкала должна быть закрыта?

Галазий Г.И.: Я считаю, что это самое правильное, что нужно сделать, потому что Байкал все-таки один, и мы, современники, должны гордиться тем, что на нашу долю выпала вот обязанность сохранить Байкал для человечества. 20 % мировых запасов воды – это не игрушка.

Из зала: Это приводит к тому, что Байкал на сегодняшний день действительно уникален, но у нас есть Ладога, много водоемов, которые необходимо сохранять. При таком подходе науки мы придем к тому, что промышленность развивать в районе водоемов нельзя. У нас отрасли народного хозяйства потребляют воду и, к сожалению, большинство – сбрасывают. Как вы смотрите на эту концепцию, что делается в стране в целом?

Галазий Г.И.: В стране в целом нужно изменить систему размещения промышленных предприятий. Принцип, если мы хотим жить в гармонии с природой, должен быть таким: предприятия должны быть безотходными. Так как это невозможно сделать на одном предприятии, необходимо разрабатывать промышленно-экономические комплексы, где бы отходы одного производства служили сырьем для другого и таким образом осуществляли полную утилизацию того, что мы берем у природы. Тогда все будет нормально. А мы сейчас этого не делаем.

Из зала: Как вы относитесь к развитию туризма на Байкале?

Галазий Г.И.: Туризм на Байкале нужно развивать, но нужно делать это организованно, не таким стихийным образом, как это делается сейчас, когда по следам малоквалифицированных, а может, недисциплинированных людей возникают десятки пожаров, самовольно рубится лес, уничтожается природа. Это не способ отдыха, это разбой, хулиганство.

Из зала: Женщине можно слово? Дело в том, что нас опять обманули. Мы пришли сюда для того, чтобы послушать, как товарищ Грачев будет защищать свою Концепцию. Он будет ее защищать?

Из зала: Будет еще.

Из зала: Два вопроса к Г.И. Галазию. Скажите, сколько стоит Байкал? Все говорят о защите Байкала. С кем и как мы должны бороться? Покажите врагов.

Галазий Г.И.: Оценить, сказать, сколько стоит Байкал теми экономическими мерками, которые существуют, можно. Но Байкал бесценный дар природы, как и жизнь, и поэтому не следует об этом говорить, потому что зайдем в тупик. А бороться надо с собой и с организаторами того промышленного развития производительных сил, которые здесь развиваются.

Мишин Ю.Ф.: Григорий Иванович, скажите, к каким водоемам относится Байкал? Рыбо-хозяйственного значения или культурного?

Галазий Г.И.: Байкал это резерв воды в первую очередь, затем культурный и хозяйственно-экономический объект.

Мишин Ю.Ф.: Когда вы сказали про нормы, то вы назвали 0,1 по нефтепродуктам. Но для рыбохозяйственных водоемов норма – 0,05. Поэтому я и задал свой вопрос.

Идрусов Р.Х.: Григорий Иванович, в 1988 г. в газете “Правда” была статья “По обе стороны Байкала”, и в этой статье меня поразил больше всего тот факт, что рачок эпишура, самый основной очиститель Байкала, занимающий 90 % биомассы планктона, гибнет в больших количествах, и с каждым годом эта цифра увеличивается. Задавалась ли целью наука, выяснить, с какой скоростью нарастает его гибель и на сколько лет в таком случае хватит Байкала?

Галазий Г.И.: Здесь – как сказать. Если рассматривать Байкал тот – первозданный, который обеспечивал функционирование всей экосистемы, всего биома живых организмов, которые в нем есть, то это изменение уже сейчас находится на грани необратимости. Погибнет Байкал или не погибнет? Байкал будет водоемом, но это уже будет не Байкал.

Краковский А.И.: Григорий Иванович, как вы считаете, достаточно ли у нас экологической информации, в частности мониторинга, о том, в каком состоянии сейчас находится водная система Байкала? Достаточно ли сведений по мониторингу, и какие там есть проблемы?

Галазий Г.И.: Из того, что мы имеем, сведений сегодня недостаточно, а принцип, на котором основан мониторинг, несовершенен. Так что это необъективный вопрос.

Бабученко А. Н.: 15 млрд. вкладывает государство в природоохрану Байкала, 25 млрд. руб. ежегодный ущерб от промышленных воздействий. 50 млн. руб. ущерба приносит ежедневно БЦБК. Элементарный подсчет показывает, что БЦБК приносит ежегодный ущерб 18 млрд. руб., а вся страна – остальные 7 млрд. руб. Как это соотнести?

Галазий Г.И.: Что я могу вам сказать? По Байкальскому комбинату мы имеем цифры, по которым можно подсчитать стоимость воды. А 25 млрд., о которых я вам сообщил, опубликованы в “Литературной газете” в статье “Экономика и экология”, и вот там такие цифры приведены. Не знаю, к сожалению, каким образом они получены, в этом надо разобраться. Но я думаю, что ущерба намного больше. Понимаете? Как можно оценить гибель Арала? Как можно оценить погибшее осетровое хозяйство Каспийского моря? Как можно оценить Азовское море, из которого мы брали миллионы центнеров рыбы, а сейчас там ничего нет? Так что цифра зна-

чительно больше, чем та, которая опубликована. Я думаю так.

Афанасьев П.Д.: Я хотел бы услышать ваше личное мнение в отношении Селенгинского комбината. Первый этап замкнутого цикла не закончен, второй еще будет продолжаться. Мы знаем, как сегодня загрязняет этот комбинат. Даже если и будет замкнутый цикл, по расчетам, он со стоками не справится. Если учитывать, что с 5 августа уже идет экспериментальная закачка стоков в подземные горизонты и то, что с 1981 г., с момента работы Селенгинского комбината, в устье реки Селенги накопилось порядочно отложений лигнина, то положение весьма сложное. Вот теперь конкретно скажите, на ваш взгляд, нужно ли перепрофилировать этот завод или нет?

Галазий Г.И.: Давно уже нужно это сделать. Замкнутый цикл на этом предприятии невозможен. Ведь было постановление, которое обязывало ввести замкнутый цикл еще в 1980 г. Уже прошло довольно много времени после этого, но ни первая, ни вторая, ни третья очереди здесь эффекта не дают, кроме тех случаев, может быть, если доведут до того, что ту остаточную часть загрязнений, которая там есть, после использования так называемого цикла, испарят или куда-нибудь удалят за пределы бассейна Байкала.

Из зала: А закачка в горизонты?

Галазий Г.И.: В принципе можно было бы хоронить отходы в глубокие горизонты, но надо их найти, такие горизонты, которые не имели бы выхода в Байкал. К сожалению, в том районе, в котором происходили изыскания, там все глубоководные слои и пласты имеют выход в Байкал. Там их захоронить нельзя.

Из зала: Может ли современная наука восстановить тот урон, который мы нанесли Байкалу, и если это возможно, то, сколько нужно на это денег?

Галазий Г.И.: Вопрос, конечно, сложный. Я на это ответить не берусь. Сколько нужно денег? Но пока что представляю так: если мы прекратим дальнейшее загрязнение, еще не все потеряно, еще могут быть восстановлены исходные позиции, хотя это будет очень долго. Вы знаете, обмен в Байкале происходит один раз в 400 лет, и все то, что заброшено в Байкал, будет оставаться в нем, по крайней мере, на этот срок. Через 400 лет он может восстановиться.

Из зала: Вопрос первый: известна ли тревога о судьбе Байкала и экологии вообще, в мире? Как они оценивают проблему? Вопрос второй: как на биосферу Байкала оказывают влияние колебания воды?

Галазий Г.И.: Я думаю, на первый вопрос будет отвечать М.А. Грачев по поводу ЮНЕП, ЮНЕСКО и других организаций, к которым он имеет отношение. Но я скажу только о том, что представители ЮНЕСКО относятся к этому доброжелательно.

Второе. Колебания воды находятся в пределах его естественных колебаний, и это было непременным условием согласования строительства Иркутской ГЭС. Тогда мы этот вопрос ставили очень жестко и категорично. Эго условие соблюдено. Колебания в Байкале уровня воды не превосходят его естественных колебаний в течение длительного времени – около 5 тысяч лет. Но больший масштаб колебаний не допустим, как вы понимаете. Вспомните, была дискуссия о стоке Ангары. Мы тогда очень остро противостояли этому, было поднято общественное мнение, и разум все же восторжествовал.

Вонсович О.В.: Вы сказали, что ущерб наносят промышленные стоки. Исследования, которые ведет гидрометслужба, а она ведет их давно, и есть опубликованные данные, показывают, что удельный вес веществ, которые поступают в Байкал со сточными водами Байкальского и Селенгинского комбинатов, составляет от 6 до 3 %. В то же время удельный вес веществ, которые поступают со сточными водами реки Селенги, составляет порядка 60 %, и все остальные вещества поступают с притоками озера Байкал. То есть подавляющая роль загрязнений попадает в Байкал вовсе не от комбинатов.

Вы изучаете Байкал уже в течение 50 лет. На сегодня вы своими исследованиями установили какой-то порог, на котором нужно остановиться? Ведь мы же сегодня собрались здесь, чтобы определить экологическую обстановку. На методологической консультации было сказано, что нужно поставить проблему и найти пути решения этой проблемы. А проблема состоит в том, чтобы узнать экологическую обстановку и найти экологический порог. Ведь, по-вашему, вынести всю жизнедеятельность с озера Байкал – это лучше всего. Я бы хотела услышать, как наметился этот экологический порог. Именно как научно обоснованный. Как Байкал сохранить в своем первозданном виде?

Галазий Г.И.: Мы добиваемся лучшего. Не получится лучше, сделаем хотя бы просто хорошо. Мы этого добиваемся. Что касается относительных величин, сбрасываемых Селенгинским и Байкальским комбинатами, об этом у нас было много разговоров и дискуссий. И ответ есть: БЦБК – более вреден, чем другие, потому что сбрасывает стоки непосредственно в Байкал. Поэтому здесь ущерб максимальный. Селенгинский комбинат и сама Селенга меньше оказывают вредного влияния, по сравнению с Байкальским комбинатом, потому что дельта Селенги является гигантским фильтром и преобразователем всех веществ, которые поступают туда. Я могу для примера вам привести цифры по Селенге относительно вопроса об обезвреживании стоков, поступающих в озеро. Две недели назад я вернулся из Венгрии. У них тоже есть свой Байкал – озеро Балатон. На нем отдыхает 15 млн. человек, практически

вся Европа, и там такая система была: Большой Балатон и Маленький. Сток между ними был "бельмом" для отдыхающих. Это был водоем метровой глубины, заросший водной растительностью. Там было много дичи и очень много гнуса. И это стало возмущать отдыхающих. Поэтому местные власти решили Малый Балатон засыпать и развести там огороды и всякие сельскохозяйственные угодья для того, чтобы успокоить отдыхающих. Что и сделали. Через 5-6 лет началось цветение Большого Балатона, загнивание воды, зловонные запахи, и отдыхающие стали убегать оттуда. Хорошо, что вовремя остановились. Пришлось перегородить приток из Малого Балатона в Большой, плотиной поднять уровень Б. Балатона на два метра и затопить все, что было засыпано, и восстановить его функции. Фильтр – природный очиститель – снова начал работать, по крайней мере, прекратилось сильное цветение Большого Балатона, и есть надежда, что через 1,5 десятка лет положение восстановится. Но там другая система. Ведь Балатон имеет глубину три метра всего, самая большая глубина 11 метров, а с Байкалом такие шутки не годятся, хотя функции дельты реки Селенги такие же.

Вонсович О.В.: Я прошу прощения, я задала конкретный вопрос. Как участник игры я не удовлетворена ответом. Меня интересует не озеро Балатон, а экологический порог на Байкале. Это точка отсчета, от чего мы должны идти и к чему мы должны идти.

Галазий Г.И.: Экологический порог – это его естественное состояние. Я об атом вам и сказал. Мы боремся за лучшее.

Вонсович О.В.: Это невозможно.

Галазий Г.И.: Что значит – невозможно? Возможно, если возобладает здравый смысл и то, к чему мы стремимся. Это вполне возможно. Если считать, что невозможно, то бессильна вся наша говорильня.

Из зала: Скажите, пожалуйста, располагаете ли вы данными о рассекречивании информации о состоянии на сегодняшний день.

Галазий Г.И.: К сожалению, нет.

Из зала: Значит, вы должны строить концепцию, не зная истинного положения дел?!

Галазий Г.И.: Во многом, именно этого и добиваются.

(Оживление в зале)

Из зала: Скажите, сегодня бурятские геологи проводят исследования по сбросу стоков в грунтовые водоносные горизонты. Причем, инициатива исходит от Сибирской Академии наук. Если принять, как мы сегодня считаем, этот способ самым радикальным средством, то зачем нужна переориентация комбината на другую продукцию? Для чего мы этим занимаемся?

Галазий Г.И.: Если бы мы могли все решить, то самым правильным было закрыть и тот, и другой комбинаты, и вопрос был бы решен. Но этого нельзя сделать. Значит, надо искать еще какие-то способы, хотя бы уменьшить нагрузку на Байкал. И может, найдутся какие-то районы, где это поможет на некоторое время снять опасность нагрузки на Байкал.

Из зала: Ваше собственное мнение: современный объем накопленных научных знаний достаточен ли для того, чтобы решить проблемы Байкала? Или нет?

Галазий Г.И.: Для того, чтобы сохранить Байкал, достаточно сохранить его естественное состояние. Надо рассмотреть все предложения.

Из зала: 15 лет, как я слышал, вы бьетесь над проблемой Байкала, а говорите: то "загрязнять нельзя", то "можно, но не до конечного результата". Зачем же тогда ваши досужие научные споры? Ведь сегодня нормальных технологий у нас нет, и все ваши очистные – это дерьмо собачье, все это знают. Так зачем думать о перепрофилировании, если это неосуществимо? Это раз. И второе. Если уровень технологии ухудшается или остается на каком-то уровне, то, простите, что делает тогда ваша наука? В чем смысл?

Галазий Г.И.: Я сразу не могу вам ответить, потому что академическая наука – это очень малая толика в масштабах страны. 4 % всего затрат идет на академическую науку в стране, 96 % – это отраслевая наука. Как раз та самая наука, которая должна заниматься проблемами, о которых мы говорим. Нужно разрабатывать новые технологии, принципы, иные подходы. А четырьмя процентами покрыть все потребности – это непростая задача.

Из зала: А почему нельзя закрыть Селенгинский комбинат?

Галазий Г.И.: Все закрыть нельзя. А БЦБК и СЦКК, я считаю, можно и нужно.

Из зала: Примерно 20 лет назад мы утверждали, что у нас самая безопасная ядерная энергетика. Не получилось ли у нас такой ситуации с Байкалом, какая получилась с Чернобылем? И есть ли какой-то предел? Может, еще лет 5-10 мы продержимся, а потом попадем в кризисную ситуацию?

Галазий Г.И.: Если бы мы знали этот предел, за который дальше шагать нельзя, мы бы сказали: хватит, надо браться за дело. Но это не так просто. Но по ситуации, которая сложилась сейчас, когда 2,5 млн. кубометров в сутки расходуется воды на нужды БЦБК, если все это разнести на срок существования комбината, то получается, что примерно половина воды в Байкале уже претерпела воздействие этих вредных стоков.

Из зала: Когда стало это заметно?

Галазий Г.И.: Это стало заметно с момента развития целлюлозно-бумажной промышленности, хотя изменения были заметны и раньше. Но они уклады-

вались в масштабы естественных колебаний, а сейчас они вышли за эти пределы и стали заметны.

Вонсович О.В.: Скажите, как повлиял подъем уровня воды на жизнь в озере?

Галазий Г.И.: Уровень воды в Байкале в настоящее время находится в пределах его естественных колебаний, высот. Он поднялся на 85 см, это не превышает его естественных колебаний. На первом этапе подъема уровня было заметно влияние на другие формы, было заметно размытие перемычки залива Сарма, ухудшение его состояния, но сейчас это все восстановилось и находится в пределах естественного состояния. Некоторые абразионные процессы протекают, но на Байкале они всегда имели место.

Из зала: А в этом году?

Галазий Г.И.: Средний уровень остался прежним, в пределах нормы, а высшая отметка подошла к пределу. Такая же, которая была в 1952-1955 и в 1962 гг.

Из зала: Но сейчас колебания идут частые. В 1986-1987 гг. колебания были значительно выше. Цикл-то стал сильным. Побережья все размыты, уничтожены. Их нет. Там сплошной бардак.

(Шум в зале)

Писарев С.В.: Вы сказали, что наука пришла к оптимальному решению: закрыть все предприятия на озере Байкал. Значит, более оптимального наука уже ничего не предложит? Может быть, тогда есть смысл закрыть Лимнологический институт, оставить только музей Байкала?

Галазий Г.И.: Давайте, давайте…

Из зала: "Букет" загрязнений Селенгинского ЦКК выявлен далеко неполный. Когда же наука нам скажет, на что обращать внимание? Ведь пока мы добьемся перепрофилирования, много лет пройдет. На что нужно конкретно контролерам обратить внимание, на какие компоненты в первую очередь? Как вы смотрите на то положение, что в Байкал сбрасываются компоненты, нормативы на которые не определены?

Галазий Г.И.: У нас есть указания, инструкции. Пока нет других, приходится пользоваться ими как правилами охраны. Пока они не отменены, – они действуют. Но они должны быть изменены, и этого надо добиваться. Об этом мы выступаем и говорим.

Из зала: Ведь там есть компоненты более и менее вредные. Почему наука нам не скажет до сих пор, на что все-таки обратить внимание, за что наказывать людей?

(Шум в зале)

Грачев М.А.: Товарищи, давайте наберемся терпения, не будем шуметь и не будем делать перерыва. Задача науки состоит в том, как я считаю, чтобы определить, чего нельзя или не стоит делать на Байкале. Это одна сторона вопроса. А вторая – что же можно делать. Можно то, что не запрещено законом. Это уже большой спектр получается того, что можно делать. Поскольку здесь уже инициатива людей, государственных органов, то я думаю, что экологическую проблему надо обсуждать уже в этом ключе. Дай Бог, чтобы наука сказала, чего делать нельзя. Поэтому на тему об экономическом развитии будут выступать В.Е. Викулов и Г.И. Фильшин, может быть, еще кто-то.

А сейчас эта часть собрания будет посвящена тому, чего нельзя делать на Байкале, и как этого добиться.

Вонсович О.В.: А Концепцию вы разве не будете обсуждать?

Из зала: Концепция-то где?

Грачев М.А.: Это – часть Концепции. Я думаю, нужно это изложить по-новому еще раз, потому что в зале много народа, который о Концепции не слышал ни разу.

Из зала: Мне кажется, начинать нужно с главного. Для Концепции главное – это экономические вопросы. Вот с них давайте и начнем.

Грачев М.А.: Байкал имеет ценности не только экономические. Вот у нас была экспертиза Туруханской ГЭС. Биологи нам подсчитали, что затопление одного муравейника стоит 500 руб. штрафа. Потом подсчитали, сколько мы всего муравейников зальем, сколько биомассы уничтожим. Выяснили, что затопление Туруханского ложа обойдется в 10 млрд. руб. Но они шли от штрафа, а проектировщики возразили им очень легко. Давайте, говорят, штраф не будем платить. Ведь штраф это – неэкономический критерий, а введем вместо этого порку, тогда затопление обойдется бесплатно. Я хочу сказать, что далеко не все человеческие ценности определяются экономикой. "Славное море – священный Байкал" тоже нужно иметь в виду, когда мы рассматриваем Концепцию. И, на мой взгляд, Байкал – проблема во многом гуманитарная, во многом это проблема того, что нельзя "плевать в колодец". Не нужно считать, сколько раз в него можно плюнуть. Но это гуманитариям, прессе, писателям виднее. Я думаю, что и этот аспект должен входить в концепцию. А вы хотите взять с конца. Давайте, определим, чего на Байкале делать нельзя.

Я начну с того, что затронул Григорий Иванович. Сейчас весь принцип охраны природы в СССР основан на предельно допустимых концентрациях. Это и охрана вод, и охрана воздушной среды. Специалисты мне могут сказать, что не только ПДК, но и предельно допустимые выбросы. Мы ответим на это так, что предельно допустимые выбросы рассчитываются обратным путем, исходя из разрешенных ПДК. Мнение и мое, и многих, что эта политика завела нас в тупик. Она никуда не годится, просто по определению. Почему?

Во-первых, ПДК – это величина, которая не действует. На что же она не действует? На здоровье че-

ловека не действует. У нас много таких критериев: гигиенический, рыбо-хозяйственный и т.д. и они подразделяются на токсические, органолептические. Представьте себе, что это сложное дело, и одни нормы могут противоречить другим. Я об этом уже много раз говорил. Вот, например, мы хотим сохранить здоровье человека, поэтому Минздрав СССР заставляет нас сточные воды хлорировать до 1,5 мг/л. Мы здоровье людей сохраняем, но наносим вред живой природе. Но нужно сказать, что этого можно избежать. В развитых странах так не делают.

Противоречия ПДК проистекают из того, что ПДК разрабатываются по разным критериям. Это не подход к охране природы. Только одна целлюлозно-бумажная промышленность, если я не ошибаюсь, выбрасывает десятки тысяч компонентов. Разработка ПДК только одного компонента составляет около 50 тыс. руб. и два года работы хороших специалистов. Перемножьте и узнайте, во что это обойдется. Кроме этого, некоторые вещества действуют антагонистически, а некоторые синергически. Если разбавить грамм одного и грамм другого, то получится во сто раз более сильное соединение или во сто раз более слабое. Теперь подсчитайте число комбинаций, если это сложные соединения. Понятно? Что здесь говорить про всю эту фантастику! Это реальная вещь, которая существует в природе. Подзаконный акт – Правила охраны поверхностных вод – запрещает сброс веществ, ПДК на которые не утверждены. Но это означает – закрыть сразу всю промышленность, если соблюдать закон. Потому что вся промышленность сбрасывает вещества, природа которых неизвестна, не говоря уже о том, что на них ПДК не установлены. Что же делать нам, только разводить руками в стороны?

Еще одна причина, по которой ПДК не пригодны для охраны природы. Они не учитывают региональных особенностей. Вот такой пример: ПДК по меди сейчас установлена 1/1000 мг/л. Это рыбо-хозяйственный критерий, выработанный на основании чувствительности некоторых водорослей, и т.п. Конечно, его должны соблюдать. Но, вот пример, в г. Улан-Удэ есть подземный водозабор, в котором берут природную воду с десятью ПДК по меди. Для человека она безвредна, это я сразу могу сказать, даже более высокие концентрации не вредны. Дальше, конечно, воду выпили, израсходовали, и она поступает на очистные сооружения. После этого контролирующая организация штрафует очистные сооружения за десятикратное превышение ПДК по меди.

Еще одна причина, по которой ПДК никуда не годятся. Наука не стоит на месте. Наша наука, которая разрабатывает ПДК, изменяется. И вот, недавно, около семи дет назад, ПДК по меди упала с 1/100 до 1/1000 мг/л. Ставим мысленный эксперимент. Вот, мы послушались науку и пьем в Байкале допустимое количество меди по ПДК 1/100 мг/л. Тут большая наука пришла “вся в белом” и сказала, что, товарищи, мы погорячились. Что нам нужно делать с Байкалом в этом случае? Выливать? Так мы воду будем набирать 400 лет. Я мог бы эти примеры продолжить, не говоря уже о том, что такая “охрана природы” на основе ПДК заводит экономику в тупик. Почему?

Допустим, на определенном водоеме расположены три предприятия. Каждый из них дает 1/3 часть ПДК. Они работают прекрасно. Их штрафовать не за что. Но ни одно новое предприятие мы не разместим и не заставим их улучшать технологию, потому что этот закон не позволяет двигаться вперед стране в охране природы.

И сейчас я буду говорить о том, какой же выход из этого положения есть. Выход предложен нам некоторыми развитыми странами. Действительно, представьте себе задачу экологии – задача очень сложная. И особенно в применении к Байкалу. Человек живет сто лет. В среднем озеро живет 10 тысяч лет. А Байкал живет 20 млн. лет. Вот представьте себе, что это такое по сравнению с масштабами человеческой жизни. Можете вы представить себе человека, который прожил 100 тысяч лет? По сравнению с Байкалом обычные озера – это все равно, что такой человек. Можем мы представить себе, что с нами будет, если мы будем жить 100 тысяч лет? В общем, и объект этот совершенно уникален, и риск здесь недопустим. И о каких-то “порогах” говорить в этой ситуации – это схоластика. Никакая честная наука не ответит вам, где этот порог. И пока мы ищем эти ответы, что же нам делать? Продолжать то, что есть сейчас? Вот эти все вещи в менее художественной форме изложены Валентином Афанасьевичем Коптюгом в статье в журнале “Коммунист”, которая была роздана вчера в количестве 19 экземпляров руководителям групп. Она называется “Экология: от обеспокоенности к действенной политике” (“Коммунист”, 1988. № 7).

Что же нам делать в реальной жизни? Нужно добиться того, чтобы все предприятия в период до 1995 г. попытались добиться наименьшего воздействия на природу, которая осуществляется лучшими, существующими в мире технологиями. Нам надо достичь наилучшего, известного мирового уровня. Не нужно только говорить, что это уровень западный. У нас тоже есть хорошие достижения, я пару слов скажу потом. Просто нужно добиться наилучшего, известного состояния. Что в этой концепции хорошо: то, что можно сразу продвинуться вперед. Сразу же. Но есть одно условие: нужно, конечно, этот мировой уровень знать. И вот, исходя из этой концепции, в первую очередь и были разработаны нормы допустимых воздействий на озеро Байкал на период с

1987 по 1995 гг. Я подчеркиваю временный характер этих норм. Мы сегодня можем предложить вот это, и если мы это выполним, то ситуация во многом улучшится.

Документ состоит из 11-ти страниц, не знаю, почему на нем стоит гриф "Для служебного пользования", видимо, это наша традиция. Ничего в нем такого, что нужно скрывать, я лично не вижу. В этом документе указано, что же призваны охранять эти нормы. Я прочитаю это вслух, потому что это важно: "Нормы обеспечивают охрану следующих четырех главных ценностей Байкала и прилегающих к нему территорий как Участка Мирового Наследия". Об участке Мирового Наследия я буду говорить позже, но сейчас приятно отметить, что этот вопрос утвержден пятью ведомствами.

Продолжаю:

1. Собственно экологическая система озера Байкал, обеспечивающая чистоту озера.

2. Природный ландшафт озера Байкал. Этот пункт менее понятен. Я его поясню: ни один из нормативов, которые существуют в СССР в области охраны природы, ландшафта не охраняет. А сам по себе этот принцип очень важен, он позволяет снять массу ненужных вопросов. БЦБК не удовлетворяет требованию сохранения ландшафта и уже по одному этому нормативу – не соответствует.

Далее:

3. Воздушная среда бассейна озера Байкал, а также – лесные, рыбные, охотничьи, промысловые, другие экологические ресурсы.

Вот комплекс вещей, которые мы должны охранять. Причем, главная ценность – в экологической системе озера и ландшафте. Конечно, мы Байкал не можем рассматривать как рыбо-хозяйственный водоем. Ведь Байкал это всего 0,1 % от всего лова рыбы в СССР. Если нам нужна рыба, то можно построить пруды, и разводить ее, как мы коров выращиваем.

Ценность Байкала не в его биологических ресурсах. Нужно эти нормы прочитать. Но я думаю, если читать подряд, то это будет скучно. Эти нормы содержит второй, главный раздел. Если можно, на ваш взгляд, в них что-нибудь добавить, то, пожалуйста, добавляйте. Но мы думали коллегиально, пожалуй, здесь ничего другого и не придумаешь.

Следующий вопрос, на котором я хотел бы остановиться, на какой район распространяется бедственное пятно? Байкал разбит на три типа районов. Первый, это весь водосборный бассейн озера Байкал и прилегающий участок. Здесь надо охранять природу на основе стремления к наилучшим известным технологиям. Вторая зона – более ценная. Это тот участок, который примыкает непосредственно к озеру до вершин и хребтов, где наряду с охраной природы нужно специально охранять и ландшафт. И третий участок – 200-километровая зона вокруг Байкала. В пределах этой зоны до 10 % некоторых загрязнений, выбрасываемых промышленными предприятиями, могут поступать в бассейн Байкала по воздуху. Вот такие три зоны. Третья зоны перекрывает две другие.

В нормативах дана классификация экологических токсикантов. Предложено 4 класса экологически опасных веществ. И вот на эту тему хотелось бы поговорить подробно и услышать, что об этом думают представители промышленности и общественности.

1 группа – экологически особо опасные вещества. Сюда включены ядовитые вещества, сбрасываемые в озеро. Сбрасывать их нельзя. В этой классификации присутствуют вещества, пускай не очень ядовитые, но такие, которые накапливаются в экосистеме Байкала, которые отсутствовали раньше в этой системе и про которые мы раньше не знали. И мы не знаем, что с ними произойдет дальше, спустя 10 лет, спустя 1000 лет. Мы не знаем, какой риск сопряжен с этими веществами. Мы считаем, что такие чужеродные вещества в Байкал поступать не должны. Это, прежде всего, хлорорганические продукты, которые образуются в ряде производств – при хлорировании сточных вод, при некоторых авариях, например, при пожаре трансформаторов. Одним из мощных источников хлорорганических веществ является производство беленой целлюлозы. Это, кстати, второй критерий, по которому БЦБК на берегу Байкала неуместен. Этот список веществ жестко не закреплен в названных нормах. Здесь требуются каждый раз экспертиза и анализ мировой литературы. А промышленность должна доказывать, что этих веществ у нее нет. А обеспокоенные экологи должны эти вещества анализировать, доказывать, что они где-то есть.

2-я группа веществ – это экологически высокоопасные вещества, которые содержатся в Байкале, в его природном состоянии, но которые не следует сбрасывать свыше той концентрации, которая уже в нем присутствует.

Например, ртуть, которая присутствует во всех водоемах и в Байкале в том числе. И здесь норма требует следующего: сбрасывать можно, но столько, сколько ты взял. Если, например, в р. Селенге в какой-то точке концентрация ртути повышена, то промышленность должна так исхитриться, чтобы не сбрасывать больше того количества, которое она забрала. Если же эта ртуть попадает по вине не предприятия, а по какой-то другой причине, нужно добиться того же самого состояния. Этот принцип вполне понятен. Экологически опасные – это чужеродные вещества с умеренной токсичностью, быстро разлагающиеся, летучие, быстрым образом удаляемые из воды. Таких веществ много: ацетон, метанол, фенол, углеводороды, смоляные кислоты,

целлюлоза и т.д. Мы считаем, что уровень достижения наилучших технологий должен распространяться на эту категорию веществ. Естественно, что они не должны сбрасываться в остро токсических концентрациях, не должны сбрасываться в концентрациях, которые вызывают хроническую токсичность. Но вместе с тем нужно требовать, чтобы их выброс не превышал возможностей наилучших из известных технологий.

3-я группа – опасные вещества.

И 4-я группа веществ – экологически умеренно опасные. Это вещества, которые присутствуют в Байкале в естественном состоянии, но которые обладают выраженной острой токсичностью. Сюда прежде всего, попадают соли и, в том числе, сульфаты – продукты целлюлозно-бумажной промышленности.

Что дает нам эта классификация? Очень многое. Ведь сегодня практика охраны природы базируется на том, что мы умеем мерить, а не на том, что нужно мерить. Мы беремся за это подобно пьяному, который под фонарем кошелек ищет. Его спрашивают:

– Ты что тут делаешь?

– Кошелек ищу.

– А где потерял?

– Там.

– А здесь почему ищешь?

– Здесь светло.

Вот так же у нас. Мы умеем мерить сульфат и мерим, и меры по отношению к нему принимаем, и делаем перепрофилирование очистных сооружений, и капиталы огромные вкладываем только для того, чтобы обезвредить померенный нами сульфат. А он относится к самой последний группе – 4-й группе.

Пора сказать, что эта классификация базируется на мировом опыте, и у нас нет жестких списков, так же, как нет их и у них. Здесь каждый пункт заставляет думать и проводить конкретные исследования.

Каким же образом достичь наилучших известных технологий. Задача очень сложная. Нужно эти технологии обозначить, и никакая Академия наук, никакой центральный орган с этим не справится за короткий период. Для того, чтобы с этим справиться, необходимо подключить саму промышленность. Я, например, глубоко убежден в том, что в промышленности нет негодяев, которые целенаправленно хотят загубить природу или уничтожить Байкал.

Так вот, согласно нашим нормам, сама промышленность составляет экологический паспорт предприятия и там указывает все общие сведения: где предприятие расположено, что оно производит, какое у него сырье (а, кстати, многие токсиканты попадают из сырья), какие есть средства аналитического контроля и т.д. и т.д. И если в паспорте экологическом была бы только эта часть, то этот паспорт превратился бы в бюрократическую отписку. В промышленности бы это выполнили и спокойно продолжали дальше делать.

Но этот паспорт содержит “сердце”, которым является обзор мировой литературы о воздействии аналогичных производств на окружающую среду. Я должен сказать, что мировая наука обогнала нашу, советскую по многим параметрам. В мире существует около 50 научных журналов, которые направленно публикуют материалы по вопросам экологии, экологической токсикологии и т.п. Может быть, это покажется кому-либо удивительным, но есть журнал, выходящий даже не один, а два раза в месяц, и посвященный специально одной единственной теме – защите береговой линии морей от воздействия рекреаций. Представляете, и это при том, что у нас, в СССР нет ни одного экологического журнала, вообще. Почему нет? Потому что до самого последнего времени это публиковать не разрешалось. Мы стеснялись, чтобы не вызвать паники у населения. Несколько месяцев назад этот запрет отменен. Конечно, сохраняется требование охраны государственных тайн, но в целом такие данные совершенно открыты.

Могу оказать по своему опыту – мы вместе с финнами анализируем сточные воды БЦБК и в международном журнале публикуем эти данные. И никаких тут проблем нет. К чему я говорю эту длинную речь про журналы? Потому что нам есть, где почерпнуть опыт. Мировой опыт очень большой. Там есть люди, которые защищают промышленность, и есть люди, которые необоснованно нападают на промышленность. Мы можем посмотреть там, как конкретное предприятие влияет на окружающую среду. Эти материалы публикуются совершенно открыто, и за рубежом можно найти аналоги.

Здесь товарищ из Улан-Удэ задавала нам вопрос, что же конкретно контролировать и мерить? Сегодня, к сожалению, вам нужно мерить то, что вы умеете мерить.

Еще с 1931 г. известно, что смоляные кислоты – молекулярные вещества экстрагированной древесины, и они являются приоритетным токсикантом для рыб. На их долю падает 90 % токсичности. До сего времени мы эти вещества не мерили, ну разве что-то очень похожее – это измерение так называемого таллового масла, хотя это очень тонкое дело. Конечно, не все талловое масло – это смоляные кислоты. Но, в целом, мы это не мерим. С 1950-1960 гг. известно, что хлорорганические вещества – это второй приоритетный токсикант в целлюлозно-бумажной промышленности. Я не буду называть химические формулы, вы и так знаете, что это – продукт производства беленой целлюлозы.

Наконец, с конца семидесятых – начала восьмидесятых годов технологи всего мира убедились, что продукты производства беленой целлюлозы очень

трудно удаляются из экологических систем, и поэтому считается, по законодательству Швеции, Финляндии, Канады, США, что нужно ввести лимит на поступление в водоемы общего органического уровня.

У нас же ни одно из перечисленных веществ не может быть проанализировано, потому что у нас нет утвержденных методик. Во всем мире сточные воды анализируются с помощью простого рыбного теста. Выдерживают рыбу 96 часов в неразбавленной сточной воде, если она достаточно чистая, или в разбавленной, и определяют, не умерло ли 50 % рыбы. Не нужно быть академиком, чтобы это сделать. Если не умерло, то вода мало токсична, а если умерло, надо принимать какие-то меры.

О том, что реально дают экологические паспорта, я могу говорить много.

Во-первых, с помощью экологических паспортов мы можем говорить на одном языке с промышленностью. Это очень важно. Пока мы разговариваем как глухие с немыми. Мы смотрим на них, как на негодяев, они на нас – как на чудаков. Паспорт позволяет нам говорить на одном языке. И потому, что в паспорте задан мировой уровень, а от него никуда не денешься, и потому, что в паспорте приводятся конкретные данные – что опасно, почему опасно; понятно становится, что нужно мерить и как достигнуть наилучших из известных технологий.

Академию наук обвиняют в некомпетентности. Но, товарищи, задача Академии наук – заниматься фундаментальными разработками. Если мы это делаем плохо, – нас надо ругать, но не наше дело изменять технологию. Если существует технология, где потребление или расход, или выброс вредных веществ в 10 раз меньше, то задача прикладной науки эту технологию перенести на нашу почву или сделать еще лучше, или лицензию выкупить. Но это не есть задача фундаментальной науки. Возьмем самую острую точку – БЦБК. Я знаю, что сейчас меня будут “бить” представители общественности, но скажу следующее, и прошу выслушать меня внимательно.

Сточные воды БЦБК, если говорить о концентрации, действительно самые чистые, по-моему, в мире. Как правило, на предприятиях за рубежом существует только биологическая очистка. На БЦБК существует дополнительно химическая очистка, и поэтому концентрация веществ в сточной воде БЦБК действительно низкая, по сравнению с мировым уровнем. Мы это ценим, и нужно внедрять это, только не на Байкале, а в других местах. Однако министерство для Усть-Илима химической очистки уже не планирует, потому что она якобы “ничего не дает”.

Из зала: Во втором варианте планировалось.

Грачев М.А.: Планировалось? Значит, это только неделю назад произошло. Спасибо. Но, товарищи, есть и другие аспекты. Это, например, водопотребление. На одну единицу продукции на БЦБК, если взять условно чистую воду, затрачивается более 400 м^3. 400 на тонну. Это при том, что в мире сегодня самый высокий показатель расхода воды на производство целлюлозы аналогичного качества – 150 м^3 на тонну. А есть предприятия, где 70 м^3 на тонну.

Минерализация. Выброс минеральных веществ у нас существенно выше, поэтому есть над чем работать у нас. Самое главное, что в мире нет технологии, которая удаляла бы органику из сточных вод суперцеллюлозы. Поэтому такое производство на Байкале недопустимо.

Воздух. На воздух, видимо, на БЦБК вообще не обращали внимания. Выброс пылевых частиц на тонну целлюлозы по сравнению с аналогичными производствами зарубежными в 80 раз выше, сернистого ангидрида – в 40 раз. А все экологи сосредоточились на воде и воздухом занимаются мало.

Вы знаете, что над БЦБК стоит такой тяжелый запах метилмеркаптана и других серосодержащих соединений. Все знают, что они мало вредны для человека. Но восторга у населения они не вызывают. Потому что человек знает, что если плохо пахнет, значит вредно. Кстати, это не вульгарная точка зрения, это закреплено в законодательстве -органолептический критерий при установке ПДК.

Так вот, оказывается, что в Швеции, например, цитирую по книге профессора О.М. Кожовой (1978 □г.) считалось нормальным в то время, если на расстоянии 5 км от завода на протяжении 30 минут в месяц человек ощущает запах меркаптана. Если не 30, а, например, 35-40 минут в месяц, то, значит, надо меры принимать. Кто был на БЦБК, знает, что там “топор можно вешать”. И здесь есть резервы. И когда мы смотрим обзор литературы, мы видим, что решение есть. Пускай оно дорогостоящее, но оно есть.

Какие резервы здесь имеются? сколько они стоят? в какое время это можно сделать? – мы этого не распределяли, потому что министерство с предприятиями само работает над планом достижения производством равного мирового уровня.

С помощью паспорта мы можем экономить большие средства, расходовать деньги на охрану природы оптимальным образом.

Уже много раз я приводил этот пример. Один только склад хлора в Улан-Удэ для хлорирования сточных вод (а это 200 тыс. м^3 в день) стоит 5 млн. руб. Ну, что же, мы будем хлорировать, нанесем реке Селенге еще больший ущерб тем, что выбросим в воду токсиканты особо опасной категории. А после этого мы потратим еще 5 млн. руб. на охрану природы.

Для справки скажу, что в Финляндии сточные воды почти не хлорируют, в ФРГ вообще не хлори-

руют. В США, где помешаны на стерильности, хлорируют в большем масштабе, но и они теперь от этой практики отказываются.

Вот паспорт нам говорит, что можно достигнуть экономии 5 млн. руб., ничего не делая.

Посудите сами, в Селенге 10-12 месяцев никто не купается, воду не пьют, она мутная, грязная. Пьют воду из подземных источников. Места для отдыха можно перенести выше Улан-Удэ, подсчитав, докуда могут дойти болезнетворные микробы. Эта работа сейчас делается на основе паспортов.

По Постановлению на БЦБК планируется сейчас ряд мероприятий. Люди над этим думали, исходя из того, что все токсиканты одинаковы, со всеми надо бороться. А бороться нужно с каждым по-разному. Например, отстойник, который запланирован к установлению, стоит, по меньшей мере, 5 млн. руб. А дело это совершенно ненужное, потому что удалит он лишь небольшую часть смешанных веществ, которые не представляют основной опасности. Поэтому не нужно опять тратить деньги, отвлекать рабочие силы строителей.

Но хватит говорить о БЦБК, теперь я бы сказал про Селенгинский целлюлозно-картонный комбинат. Здесь паспорт говорит следующее.

Этот комбинат не производит беленую целлюлозу, не использует воду, значит, он не выбрасывает веществ категории “экологически особо опасных”, тех, которые сбрасывать в бассейн Байкала нельзя. Следовательно, есть шанс привести его в надлежащее состояние. Когда мы Селенгинский комбинат рассматриваем, мы должны иметь в виду не только вредные влияния, но и его пользу. Этот комбинат обрабатывает древесные отходы всего нашего региона. Если их не обрабатывать на этом комбинате, их придется сжигать. А сжигание – это радости мало. Во время него выделяются хлорорганические вещества, всякие токсины и прочее. Комбинат перерабатывает древесину очень низкого качества в картон. Кроме того, это важное предприятие для Бурятии. 5 % всего производства дает СЦКК.

Нам стоит подумать, нельзя ли вместе с наукой, министерством привести этот комбинат в надлежащее состояние. Это возможно. Здесь как раз предлагается один из вариантов технологии.

Я, кстати, тоже не верю в замкнутый цикл, но я верю в экологически замкнутый цикл, то, о чем говорил Григорий Иванович. Здесь присутствует институт биохимии, который предлагает экологически замкнутую технологию – лигнин смешать с угольной золой, которая получается на комбинате, да еще плюс добавить туда навоз, получается прекрасный компост-удобрение, за которое садоводы готовы платить любые деньги. Но здесь предлагается на этом удобрении самому предприятию выращивать кормовую культуру – топинамбур. Таким образом, круг твердых и жидких отходов замкнуть друг на друга. Но для того, чтобы нам поверила общественность, нужно провести еще очень большие мероприятия по воздуху. Здесь многое зависит от министерства. На комбинате принципиально устаревшее оборудование, если его исправить, привести в современное состояние, то уже в десятки раз изменится поступление дурно пахнущих веществ. Предлагается применить и ряд новых технологий. Даже таких, которых в мире нет.

И еще один вопрос в связи с паспортами можно затронуть по поводу СЦКК и Усть-Илимской площадки. Министерством совершенно неправильно выбирается санитарная зона. 1000-метровая санитарная зона запаха в целлюлозно-бумажном производстве убрать не способна. Он будет раздражать общественность, несмотря на то, что вы будете убеждать ее, что это безвредно. И если вы хотите эту проблему решить разумно, то санитарную зону нужно резко расширить, сделать не менее 5 км. Тогда и не будет возникать проблем.

Я могу говорить о паспортах еще очень долго. Исследуя с Геннадием Иннокентьевичем [1] предприятие в Улан-Удэ, мы выяснили такую “трогательную” картину: из Австралии на Байкал везут шерсть, чтобы здесь ее промыть, выбросить сточные воды в Байкал, а потом везти в Ленинград, чтобы там из нее что-то спрясть. Бывает и такое в промышленности. Причина этого ясна: когда большие транспортные расходы, то на них и большие накладные расходы. Поэтому валовой план выполнять легче.

Мы сейчас вместе с промышленностью должны провести большую работу по составлению паспортов. Эта работа должна быть выполнена к концу 1989 г., и не нужно уходить от нее “в кусты”. Как, например, это попыталось сделать Баргузинское торфопредприятие. Они прислали нам паспорт, в котором написано: “Данные по аналогам в мире отсутствуют”. Вот какое у нас есть – единственное в мире предприятие!

(Смех в зале)

В целом на основе паспортов у нас выработался очень хороший язык с промышленностью. Скажу в защиту БЦБК. Они нам ни разу не помешали брать у них воду для пробы. Я чувствую, что они вместе с нами хотят делать хорошее дело.

И еще одно. Сейчас рассматривается вариант перепрофилирования БЦБК, который предлагает сам комбинат. По-моему, это очень важно, нужно рас-

[1] Фильшин Г.И.

[2] Байкальский филиал экологической токсикологии Всесоюзного научно-исследовательского института охраны вод Госкомприроды СССР.

смотреть этот вопрос. Это означает, что БЦБК поверил, наконец, что его все-таки будут перепрофилировать. Важно потому, что лучше самого комбината никто не знает своих дел, и он будет предлагать такой вариант, за который его общественность бить не станет.

Они предлагают выпускать разного рода деловую продукцию и стерильные изделия: разовые халаты для медсестер, разовую одежду, специальную медицинскую обувь – все из привозной целлюлозы. Предлагают выпускать обои, немного картона. Вот такую продукцию.

Почему это важно? Когда мы рассматриваем вопросы перевода, перемещения крупных комбинатов, это не просто вопрос людей, а вопрос их квалификации. Очень трудно в промышленности накапливается кадровый потенциал. Вот, БЦБК лишь очень недавно стал хорошо работать по очистке стоков, и, прежде всего, потому, что подобрались кадры. Это очень ценный экономический потенциал – обученные кадры, это ресурсы экономики. Так вот, БЦБК предлагает свои кадры использовать так, чтобы их квалификация нашла применение на перепрофилированном производстве. И они предлагают еще один важный момент, чтобы на 3 млн. руб. они выпускали оборудование для контроля за вредными веществами. А то ведь сегодня большинство процессов, выбрасывающих вредные вещества, анализируются на глазок. Это необходимо поддержать.

Я повторяю, – нужен экологический паспорт, нужна информация общественности, все виды экспертиз. Я думаю, после этого введения стоит сделать перерыв, а потом я буду готов ответить на ваши вопросы.

Из зала: Расскажите о взаимодействии отраслевой и академической науки на Байкале. Ведь на БЦБК тоже есть институт?

Грачев М.А.: Там есть институт, а у нас есть Академия наук. Взаимодействовать с нами не так-то легко, потому что мы рассматриваем вопрос в комплексе, коллегиально. По Байкалу у нас выработана не только общая философия подхода к охране природы, но и конкретный план. Требовать этого от института экологической токсикологии [2] нельзя. Этот институт работает профессионально, хотите верьте, хотите проверьте, но мы этот институт проверяли и им доверяем. В частности, этот институт работает над определением ртути в области некоторых водохранилищ, и методика, которую они используют, прекрасная. Но если говорить об их философии, на мой взгляд, она неправильная. Насколько они ее сейчас изменили, мне судить трудно.

Из зала: В вашем выступлении очень часто звучали такие слова: “паспорт даст”, “паспорт сделает” и в таком духе. Но, по-моему, ни один документ, который выходил до этого времени, сам по себе ничего не давал?

Грачев М.А.: Паспорт, конечно, не живой. Он сам по себе ничего не может. Но первый этап, который должны сделать люди, это составить паспорт, а второй этап – его предъявить. В паспорте есть план мероприятий по достижению лучшего известного мирового уровня. Этот план будут осуществлять люди.

Из зала: Какие люди?

Грачев М.А.: Промышленность.

Из зала: Вы снова предлагаете, то, что и было раньше – все должна сделать сама промышленность. А она не делает.

Из зала: Значит, вы правой рукой за охрану природы, а левой – за формальный документ?

Грачев М.А.: Вы меня невнимательно слушали.

Из зала: Я хочу спросить, какой механизм обеспечивает выполнение этого паспорта? У нас на этот счет сомнения.

Грачев М.А.: Вопрос очень хороший. Я на него отвечу. Эти нормы должны быть введены на территории, на их основе должны быть разработаны соответственные правила, которые должны дойти до природоохранных органов. Вот этого на сегодня еще не сделано. Правила разработаны, но окончательно они еще не утверждены. Но я не сторонник того, чтобы мы сидели и чего-то ждали. Если мы в эпоху перестройки каждый раз будем ждать, что кто-то что-то там решит, то мы ничего не сделаем. Совет министров Бурятской АССР своим решением заставил предприятия ввести нормы и разработать их экологический статус. Иркутский ОК КПСС и облисполком тоже дали задание своим производственным органам. Так что, никто не сидит.

Из зала: До сих пор, мы так поняли, охрана природы себя не оправдывала.

Грачев М.А.: Охрана природы началась у нас всего пару месяцев назад, и здесь еще очень трудно говорить об этом. Наши нормы еще не дошли до органов охраны природы. Они могут дойти тогда, когда будут готовы экологические паспорта. А это планируется на конец 1989 г., но в порядке эксперимента некоторые экологические паспорта сделаны раньше – для БЦБК, СЦКК.

Бабич Р.Б.: Во-первых, вы сказали, что ПДК есть тупик.

Грачев М.А.: Да.

Бабич Р.Б.: Но вы предлагаете вместо одних норм ПДК ввести другие, а именно “мировые нормы”, “передовые технологии” и т.п.

Грачев М.А.: Это ошибка, видимо, я плохо рассказывал. Придется повторить. Как легче всего достичь ПДК? Взять побольше воды и разбавить! Так

[1] Из Госплана РСФСР в экспертизе участие принимал Н.С. Хромов.

промышленность и делает. Мы категорически против этого. Мы выступаем за то, чтобы уровень загрязнения, в удельном выражении на тонну продукции, на рубль прибыли, соответствовал наилучшему известному мировому опыту.

Бабич Р.Б.: Все равно загрязнение будет, хоть мы и будем регулировать сброс на мировом уровне. От ПДК мы не отказываемся. Мы просто эти загрязнения заведомо увеличиваем. Все ваши ПДК – они сохраняются.

Грачев М.А.: Почему они сохраняются? Мы от них отказываемся. Это позволяет промышленности двигаться вперед.

(Шум в зале)

Бабич Р.Б.: Вы предлагаете использовать мировой уровень. А что будете делать с собственной наукой? Вы уготовили ей роль "письмоноши" – она будет доносить данные о мировом уровне до читателя.

Грачев М.А.: Об использовании мирового опыта я скажу во второй части своего выступления.

Бабич Р.Б.: Используя мировой опыт, к сожалению, невозможно решить попутную проблему в конкретной ситуации. Проблему Байкала вы не решаете.

Грачев М.А.: Я могу сказать: "От такого же и слышу". Проблему Байкала вы тоже не решаете.

(Смех в зале)

Труфанова Н.Я.: Основное, что вы сказали, это создание экологических паспортов. Сердцевина этого паспорта – обобщение мирового опыта. С другой стороны, вы отмечаете, что технология – не дело фундаментальной науки. Так что же получается, что предложение использовать мировой уровень, это – задача фундаментальной науки?

Грачев М.А.: Раз эту идею раньше не выдвинули, то пришлось ее выдвинуть фундаментальной науке. Но здесь, конечно, ученые выступали не как профессионалы. Это вполне понятно.

Труфанова Н.Я.: Вы тем самым не расписываетесь ли в собственной некомпетентности?

Грачев М.А.: Я в своей компетентности всегда готов расписаться. Конечно, я чего-то не знаю.

Из зала: Вот вы отвергаете критерий ПДК. Какой инструмент вы предлагаете для определения качества источника, качества состояния Байкала? Академик Галазий Г.И. говорил, что необходимо определять какое-то содержание, в свою очередь, определяющее жизнеспособность этого водоема. Как теперь мы будем определять?

Грачев М.А.: А когда вы говорите: "мы будем определять", то "мы" это кто? Если не секрет.

Из зала: Я из Госплана России [1].

Грачев М.А.: С Госпланом РСФСР и с Госпланом СССР мы работаем давно. Подход у них очень простой. Он связан с понятием "ресурсы". В соответствии с ним Байкал являет собой ресурс – в него можно сбросить определенное количество стоков. Вот Госплан и определяет, сколько в Байкал будет сбрасывать местная промышленность, сколько целлюлозно-бумажная и т.д.

Хромов Н.С.: Вы не о том, не о том.

Грачев М.А.: Нет, я именно о том. Главная задача Госплана – раздать "всем сестрам по серьгам". Если бы можно было в Байкал лить хоть сколько, тогда Госплану можно было бы жить просто замечательно.

Ведь понятие "качества воды" у нас схоластическое. Нельзя на нем базироваться. Например, минеральная вода – сульфатов в ней сколько угодно. Это хорошо и вкусно. Другое дело, что эпишура в ней помрет. Вы ведь не на качество ориентируетесь, а ставите вопрос так: "Скажите, сколько в Байкал можно вылить, а остальное не ваше дело".

Поляк В.С.: Михаил Александрович, вы, конечно, знаете, что у нас в промышленности применяются паспорта анализа хозяйственной деятельности. Они есть на предприятиях, и так и называются "Паспорт по анализу хозяйственной деятельности".

Грачев М.А.: Знаю.

Поляк В.С.: Тогда вы должны знать, как они реально выполняются, и насколько с их помощью можно проанализировать хозяйственную деятельность. Это бессмысленный документ!

То же самое, с моей точки зрения, произойдет и с экологическими паспортами. Потому что я не вижу никакого механизма, который мог бы заставить людей, заполняющих эти паспорта, еще и действовать в соответствии с ними. Все уже дают отписки, о которых вы сами и рассказывали – "аналогов нет"!

Грачев М.А.: Я вам отвечу как в школе: "На то и щука, чтобы карась не дремал". Если наука у нас такая, если не может проследить за тем, чтобы паспорт выполнялся – это плохая наука. Не нужно смешивать экологический паспорт и тот, о котором вы говорите. Наш паспорт проходит экспертизу. А тот, о котором вы говорили, есть лишь бюрократическая отписка.

Функция экономистов, с моей точки зрения, состоит не в том, чтобы наказывать, а в том, чтобы поощрять предприятия, достигшие мирового уровня.

Поляк В.С.: А кто или что их может заставить?

Грачев М.А.: Есть стимул для предприятий достигнуть мирового уровня даже сейчас, когда экономика их это делать не заставляет – на них очень давит общественность, им нужно выйти из-под этого пресса. Если они докажут науке, что у них достигнут мировой уровень, им легче будет жить.

Поляк В.С.: Сколько лет уже мы пытаемся выйти на мировой уровень в машиностроении, в сельском хозяйстве. Даже покупаем технологии, а они у нас все равно не работают. Вы предлагаете то же самое. И еще утверждаете, что задача отраслевой

науки – приспосабливать передовые технологии. Не работает этот подход и работать не будет.

Из зала: А вы-то что предлагаете? Что предлагаете?

(Шум в зале)

Грачев М.А.: Где такой подход не работает?

Поляк В.С.: У нас в народном хозяйстве.

Грачев М.А.: Я не знаю, что там и где это у вас не работает, а у нас в народном хозяйстве это прекрасно работает и подтверждением тому является то, что народ ездит на "Жигулях", сделанных по итальянской технологии. Импортная технология и прекрасно работает.

(Шум в зале)

Чебаненко Б.Б.: Михаил Александрович, меня интересует принципиальная суть и смысл экологического паспорта. Нужно отметить, что он дает возможность предприятию оценить, насколько оно современно работает по сравнению с мировым уровнем. Ну, например, промышленное предприятие по своей технологии работает так, что сбрасывает килограмм вредного вещества на одну тонну продукции. А мировой стандарт 0,1 кг. Предприятие видит, что оно очень отстало, ему нужно как-то приближаться к этому мировому стандарту. В этом плане такой подход мне представляется прогрессивным.

Но меня как специалиста интересует следующее: допустим, два предприятия имеют разную мощность, первое имеет отличные экологические показатели, другое похуже. Но второе предприятие имеет большую мощность, и выпускать вредные вещества в окружающую среду будет гораздо больше. Вот здесь у вас имеются какие-либо выкладки или нет?

Грачев М.А.: Не нужно думать, что в эпоху перестройки кто-то придет и даст вам от всех бед панацею. Если на берегу стоит баня на 50 человек, добившаяся, пусть, прекрасных показателей, и БЦБК, то сравнение их деятельности мне кажется очевидным. В конце концов есть экологические экспертизы Байкальской комиссии. Они могут дать заключение.

Из зала: Чем вы объясняете, что ваши временные нормы по некоторым показателям жестче, чем государственные стандарты на дистиллированную воду? И как можно такие показатели вообще предлагать? Выходит, что если воду из стакана выпить, то остатки уже вылить нельзя?

Грачев М.А.: Прочитайте внимательно, что в нормах написано. Там речь идет о том, что рыбо-хозяйственные ПДК по определенным водоемам, действительно, чище по некоторым аспектам дистиллированной воды. Эти цифры все относятся к категории токсикантов, экологически наименее опасных. И для каждого предприятия экспертиза проводится отдельно. Никто вас не будет заставлять дистиллировать воду.

Осенькина В.А.: Михаил Александрович, я хотела бы высказать ряд замечаний по вашему выступлению.

Грачев М.А.: Пожалуйста, после моего выступления. А сейчас я хочу рассказать о тех вещах, которые разработаны Сибирским отделением АН СССР и о которых, хоть они еще и не приняты, вам нужно знать. В марте этого года Советский Союз подписал конвенцию об Участке Мирового (природного и культурного) Наследия. Эта конвенция была ООН принята еще в 1972 г. Согласно этой конвенции, государства определяют у себя территории, являющиеся кандидатами на включение в списки Объектов Мирового Наследия. Если ООН приняла такую кандидатуру в свой список, то тем самым она дает государству обещание сделать все возможное, чтобы данный объект дошел до наших потомков неповрежденным. Сразу нужно добавить, что это не нарушает никаким образом суверенитет нашей страны. Если участок, выделенный для включения в список Объектов Мирового Наследия, не отвечает предъявляемым требованиям, то вы должны разработать план по приведению его в порядок. Если мы этот план не выполним и тем самым нанесем необратимый ущерб, нас исключат из этого списка. Конечно, в моральном отношении это очень неприятно. Лично мне кажется, что все проблемы Байкала в том виде, как мы их пытаемся решить, они нашли бы некий свой финиш тогда, когда бы мы объявили Байкал (и все прилегающие к нему территории) Участком Мирового Наследия. Мы много говорим о том, что Байкал принадлежит всему человечеству, что это пятая часть всех запасов воды. Все это у всех на языке, и повторять я не буду. Но в юридическом смысле единый статус Байкала никакими документами не выражен, а такой международный политический акт имеет силу даже большую, чем наши собственные законы, и тем самым создает единый юридический статус Байкала.

Включая Байкал в список Объектов Мирового Наследия, мы хотим сказать, что это объект, который мы считаем необходимым сохранить для наших потомков, т. е. для всего мира.

Байкал и прилегающие к нему территории отвечают всем четырем критериям, необходимым для Участка Мирового Наследия. Поэтому, я думаю, за то, чтобы включить Байкал в Участок Мирового Наследия, нам нужно бороться вместе с общественностью.

Но это непростой процесс. И границы участка очень трудно определить, зонирование этих участков очень трудно сделать.

Все это нужно разбить на биотопы, на области разной ценности, разной поврежденности, возможностей рекреации. Нам всем предстоит такая большая работа. Да и случай такой – беспрецедентен,

потому что Участка Мирового Наследия размером 50 тыс. км^2 в мире пока нет. Есть все основания думать, что к такому объекту отнесутся предрасположенно.

У нас есть бумаги, собраны все необходимые документы – и от Сибирского филиала, и от Бурятского, и филиалов АН СССР – для заявки Байкала в качестве Участка Мирового Наследия. Пожалуйста, вносите свои предложения, хотелось бы узнать общее мнение.

И еще один аспект, относящийся к науке, я хотел бы затронуть. Мы на словах все признаем, что экология у нас сегодня это – первейший приоритет после ядерного разоружения. Мы требуем от экологии очень многого: чтобы она определяла "пороги", чтобы она определяла допустимые коэффициенты и т.д.

Но границы экологии расплылись. Есть "экология человека", но что это такое? Медицина, наверное. Есть "политическая экология", потому что есть целый ряд групп, которые экологию используют в своей борьбе. Но вместе с тем реальное внимание, которое экологии уделяется в науке, и особенно в Иркутске, оно, по сути, ничему не соответствует.

Могу вам сказать, что у Лимнологического института в г. Иркутске, от которого вы так много требуете, до сего времени нет своего здания. Я не считаю здания в Листвянке, этот маленький домик лимнологической станции, который наполовину сейчас принадлежит Байкальскому лимнологическому музею, который тоже живет в ужасных условиях.

И вот нам строители в прошлом году освоили 300 тыс. руб., в этом году еще сколько-то тысяч освоят, но у них этот объект на последнем месте после всего, даже после бань. Вот такое отношение к объектам науки.

Бюджет института за последние годы – 1, 6 млн. руб. в год. Прикиньте, что это за деньги, если одна печь на БЦБК стоит 10, 5 млн. руб. в валюте. А у нас валюты и вовсе нет. То есть об этом и речи быть не может. Нам приходится все время как-то изворачиваться, чтобы как-то ее зарабатывать. Но это, вроде бы, мелочи.

Я предлагаю решить проблемы Байкала в рамках мировой значимости. Мы предлагаем создать на Байкале международный экологический исследовательский центр. Вот, здесь на планшете представлен проект этого центра. Вот так мы видим этот центр, как он расположен в Листвянке. Здесь показан его общий вид: конференц-зал, гостиница, чтобы люди, которые будут приезжать со всего мира, могли здесь жить. В пристрое разместим английскую школу, английский детский сад, потому что сейчас вся мировая наука работает на международном языке.

Этот международный центр должен бы управляться международным советом директоров. То есть это не часть лимнологического института и в некотором роде даже не часть советской науки, а часть мировой науки. Этот международный совет директоров должен бы отбирать на конкурсной основе проекты исследований и разрешать их проведение на Байкале.

Часть расходов внесла бы советская сторона, а часть сторона, которая присылала бы своих представителей. Это обеспечило бы "утечку мозгов" в нашу сторону, дало бы нам возможность решить экологические проблемы, и не только байкальские.

Должен сказать, что интерес мировой науки к Байкалу очень велик. Только в этом году мы приняли три советско-американские экспедиции, провели один крупный международный симпозиум с экологическим взаимовыраженным оттенком. Это польза для Байкала. И мне хотелось бы на этом собрании об этом рассказать.

Здесь, однако, есть своя огромная трудность. Сложность здесь в том, что местные строительные организации не смогут справиться с таким объектом. Я считаю, здесь нужно привлечь международные строительные компании, а для этого нужна валюта. И для того, чтобы ее получить, нужно рассматривать проблемы Листвянки в комплексе. Это было бы первым шагом решения проблем Байкала в том направлении, которое называется рекреация, хотя мне лично это слово не нравится. Рекреация – это отдых. А люди должны ехать на Байкал, чтобы научно с ним познакомиться как с уникальным объектом природы.

Из зала: Но в некоторые точки Байкала местные жители едут, чтобы поправить здоровье.

Грачев М.А.: Предлагается в рамках рекреации вот такое конструктивное предложение: допустим, мы здесь построим музей в широком смысле слова: и аквариум, и гербарий, и другие места развлечений, отдыха, занятий спортом, кино. Я думаю, что если мы возьмем в целом взаимодействие науки с общественностью, с туризмом и рекреацией, то найдем решение проблемы. Я считаю необходимым уведомить об этом общественность и на этом кончить. И, думаю, меня не нужно мучить вопросами.

Осенькина В.А.: Вы все время уходите от вопроса. Не даете его задать. Весной этого года на собрании нашего института П.В. Малых сказал, что если наша страна подготовит все документы, то Байкал будет включен в список объектов Мирового Наследия. Ставили ли вы такой вопрос в ЦК КПСС, на совещании в августе месяце и какой получили на него ответ?

Грачев М.А.: Этот вопрос мы ставили, но времени не было, чтобы поставить его как положено, и нам сказали, что решаться он будет потом. Но это не поражение. Эти документы пришли сейчас в Президиум Академии наук, пришли в Восточно-Сибирский филиал. Следующий этап – мы вместе с обще-

ственностью будем обсуждать и решать этот вопрос в своих инстанциях.

Осенькина В.А.: Документы оформлены или нет?

Грачев М.А.: Вот здесь заявка, она "ходит" по инстанциям.

(Шум в зале)

Из зала: Вы будете говорить об экологическом аспекте вашей концепции?

Грачев М.А.: Я сдаюсь. Предоставляю слово следующему оратору.

Акулов В.Е.: Сегодня мы знаем, что есть Генеральная Концепция, которая является официальным документом, утвержденным Советом Министров РСФСР. Альтернатива этому есть – Генеральная концепция того же названия – вариант Сибирского отделения АН и его предложения. Они существенно расходятся, и первая часть этого выступления будет посвящена предложениям СО АН СССР. Тех предложений, за которые отвечает временный научный коллектив, в составе которого 11 заведений СО АН СССР, Иркутский университет, Институт народного хозяйства, 76 ученых разных специальностей. Здесь присутствует 3 научных руководителя этого документа.

Поскольку два руководителя уже выступали, то сейчас доклад сделает третий руководитель – Геннадий Николаевич Константинов, кандидат физико-математических наук, а я буду ему ассистировать.

И в конце отвечу на ваши вопросы.

Константинов Г.Н.: У меня достаточно сложная задача. Мне нужно рассказать о документе, который по объему составляет 130 стр. Это основной текст Генеральной Концепции, разработанной временным коллективом. К нему было представлено более 400 стр. приложений. Вот об этом материале в течение 20 минут мне и нужно рассказать.

Краткое содержание этого документа: а) история Байкальской проблемы, в ее современном состоянии; б) основные цели развития, принципы и средства их достижения; в) системный анализ функционального развития; г) рекомендации по развитию отдельных отраслевых ресурсных комплексов и другие рекомендации по реализации их развития.

Вот по этим пунктам я дальше буду рассказывать. Но прежде я хотел бы сказать следующее. В процессе обсуждения первых двух докладов выяснилось, на мой взгляд, что, решая проблему, о которой мы сегодня здесь говорим, даже с позиции экологии, которая стоит на первом месте, мы приходим к решению, что загрязнять нельзя. И это совершенно правильно. Но при этом все дальнейшие решения – они простые. Все это связано с экономикой. Здесь тогда будет погибающая местность, здесь останется население, а мы пока управлять им не научились. Мы прошли тот период в развитии капитализма, когда переселяли народы, создавали резервации. Сейчас это невозможно.

Следующий шаг: очень много вопросов по методике восстановления. Но предложение по созданию Экологического центра – это существенный шаг вперед. Я полностью согласен с тем, что собственно экологический паспорт не решит проблемы. Паспорт нужен, но это первый шаг, который затем должен позволить грамотно решать проблему дальше. А грамотность должна быть, и нужно в большей мере привлекать экономику. Потому что не просто перейти на мировой уровень, для этого нужны деньги, нужны люди и время и еще много-много разных вещей. А одной декларацией мы, конечно, к делу не перейдем.

Так вот, я буду гораздо больше говорить об экономике, то есть сделаю третий шаг в этом направлении. Но должен быть и четвертый шаг – сама концепция в нашем варианте лишь только констатирует глобальные постулаты, но ничего не даст, если не будет технического проекта ее реализации на Байкале.

Теперь конкретно по тем материалам, о которых я буду рассказывать. Общая цель этой работы формулируется следующим образом: "Создание режима особого природопользования, который имеет конечной цепью развитие народного хозяйства региона с одновременно гарантированным сохранением уникальной системы Байкала и его природных комплексов".

Для достижения этой цели в регионе требуется решение следующей задачи: стабилизация экологической обстановки и введение нормированного уровня, обеспечивающего сохранение природного комплекса Байкала. Здесь я хочу подчеркнуть, что на сегодня регион нормирован по нормам и по соблюдению ПДК. Я имею в виду и те, и другие нормы, которые сегодня практически действуют.

Положение системы с использованием экономического потенциала исходного в регионе производственного аппарата, ускоренное доведение технологии всех действующих, строящихся и проектируемых объектов до уровня, соответствующего лучшему мировому стандарту. Рациональное использование основных минеральных ресурсов общесоюзного значения, экология и правильное развитие агропромышленного комплекса, рациональное использование уникальных экологических ресурсов, создание современной технологии безотходного комплекса, обеспечение выравнивания уровня жизни населения с учетом промышленных общесоюзных и республиканских показателей программы "Сырье".

Я не буду комментировать свои цели, в тексте комментарии даны, они связаны с экологическим состоянием дел сегодня в регионе.

Следующий пункт – пути и средства достижения цели, которые здесь также подробно обсуждались. Я их кратко перечислю с самыми минимальными комментариями.

Первый – это переориентация капитальных вложений производственного значения на реконструкцию и техническое перевооружение действующих предприятий с введением сберегающих, безотходных и малоотходных технологий.

Второй путь – перепрофилирование отдельных производств. То есть фактически это констатация политики активных структурных сдвигов в экономике.

Третье – совершенствование структурной и инвестиционной политики. Имеется в виду – в направлении приоритетного развития базовых отраслей.

Четвертый путь – проведение активной эталонной политики. Пятый – совершенствование механизма реализации стратегии развития региона. Здесь речь идет и в том числе о создании экономических механизмов, которые стимулируют природоохранную деятельность.

Шестой пункт – системный анализ сценариев развития региона. В проводимой работе в качестве методического аппарата используется комплекс эколого-экономических моделей вместе с развернутым программных обеспечением. Технология анализа сценария развития определяется как раз вот этим модельным комплексом и состоит в том, что можно создать, начиная со словесного сценария развития региона, переводя это затем в ряд конкретных цифр, сформулировать целый ряд вариантов развития, которые бы мы хотели посмотреть на модели.

Дальше на моделях получается тот облик, который мы получаем в системе, имея довольно большой набор показателей. Мы можем различные сценарии сравнивать между собой в комплексе по каким-либо критериям, то есть мы получаем материал для сравнительного анализа. И эта работа была проделана.

Было выдвинуто несколько групп сценариев развития:

Первая группа – тактические, это продолжение накопившихся тенденций в экономке на ближайшие 20 лет. За ними стояли отдельные предложения министерств, которые были до известного правительственного постановления. Здесь же был сценарий развития, разработанный в рамках Территориальной комплектной системы охраны природы. Вторая группа сценариев ориентирована на активный научно-технический прогресс в регионе, но без структурных сдвигов. То есть были введены факторы научно-технического прогресса, но структурных сдвигов в экономике не делалось.

Третья группа связана была с анализом проработок приоритетного направления в развитии добывающего комплекса.

Еще одна группа связана с отдельными локальными проблемами. И последняя группа – это сценарий, полученный с помощью математических методов, которые можно назвать оптимизационными. То есть ставилась некоторая цель, ставились ограничения по состоянию природной среды и находилась соответствующая реализация, стратегия перехода в такое состояние.

Из всех этих сценариев для окончательного анализа было выбрано 10 сценариев. Общая характеристика этих сценариев в Концепции приведена. Она содержит несколько страниц конкретных цифр, и я не буду называть их достаточно подробно. Но назову сценарий по загрязнению воздуха, который предусматривал перепрофилирование БЦБК. В соответствии с ним в 1993 г. в соответствующем районе загрязнение воздуха снижалось до 12 % от уровня 1985 г. Если взять сценарий, основанный на сложившихся тенденциях, то там цифры достаточно высокие. Это около 150-180 % загрязнений от уровня 1985 г. По нормативам выбросы загрязнения на единицу продукции к 2005 г. составляют только лишь десятую часть. Тем не менее, сценарий учитывает и выходы на предельно допустимую концентрацию, и даже “тупиковые” концентрации, как их называет Михаил Александрович Грачев.

Дана оценка и затратам соответствующих природоохранных сценариев. Я должен сразу сказать, что сценарий, который мы в конце концов реализовали, характеризуется большими затратами природоохраны. То есть развивать экономику сложно. Валовой выпуск растет очень существенно в регионе. При этом требуется 5 млн. руб. капитальных вложений в природоохрану.

С точки зрения территории регион остается рентабельным, но с тем условием, если действительно будут реализованы требования научно-технического прогресса, который мы закладываем в Концепцию.

В частности, по производительности труда там спрогнозировано, что в 2005 г. то, что делают сегодня 4 человека, будет делать 1. Если этого не будет, тогда картина будет не та. Далее, результаты анализа сценария. Здесь не следует понимать, что мы получили окончательные результаты, это совсем не так. Мы просто имели сравнительно обширный материал для того, чтобы можно было сделать какие-либо заключения. Они были сделаны в виде рекомендации по отдельным отраслевым комплексам, но в целом вариант, который имеется, выделен следующим образом: выделены три базовые отрасли: а) машиностроение, б) агропромышленный комплекс и в) рекреация. Все остальные подчинены развитию этих трех. Нельзя считать так, что все остальные не надо развивать. Все здесь завязано в клубок, все остальные развиваются по мере необходимости, по мере преимущественного развития этих трех.

Если говорить конкретно о каждой из них, то я скажу очень кратко о машиностроении. Речь идет о достаточно высококвалифицированных технологиях, и, в значительной мере, это, конечно, не то машиностроение, которое связано с первичными переделами. Развитие машиностроения, которое сейчас существует, связано с перенесением соответствующих объектов за пределы района. Хотя мы предлагали развитие более перспективных направлений в машиностроении, в частности, приборостроение, создание вычислительных комплексов и т.д.

Теперь о рекреации. Это достаточно спорный вопрос всегда. В предлагаемом варианте предусматривается десятикратное увеличение рекреационной функции, по сравнению с нынешним. Из чего мы исходим при этом? Речь идет о том, что это десятикратное предоставление услуг фактически означает не что иное, как более-менее реальный спрос, который мы можем оценить по планируемым перспективам. Мы исходим из того, что всякие попытки ограничить предоставление этих услуг приведут к всевозможным искажениям природопользования. То есть, мы исходим из того, что рекреация должна организованным путем удовлетворить тот спрос на Байкал, который у населения имеется.

Какие принципы закладываются в организацию рекреации?

Естественно, это, прежде всего, создание обширных "зон покоя", которые вообще не должны посещаться – организация отдыха на Байкале все это предусматривает. Отдыхающие должны посещать Байкал, а не жить на Байкале. Из всего тура, связанного с Байкалом, не больше четверти непосредственно должны находиться на Байкале. Все остальные должны находиться либо в отдалении, либо за пределами региона.

Возможности на Байкале колоссальные. Взять близлежащие очень хорошие минеральные воды, источники которых сплошь и рядом неблагоустроенны. Сотни человек там каждое лето живут в палатках. Бассейн Байкала всем очень хорошо известен. Много писалось о туристских комплексах, которые связаны с посещением Кругобайкальской железной дороги. Можно создать музейный комплекс, который можно посетить в течение одного дня, увидеть Байкал, много чего другого интересного, и уехать.

Предусматривается создание круизного флота, в том числе парусного, который вполне реален на Байкале. Также такая необычная форма отдыха для нашего туризма, как, например, отдых в деревне, когда место для отдыха предоставляют жители деревни.

Теперь то, что касается агропромышленного комплекса из нашей концепции. Здесь ситуация следующая. Предлагается сократить поголовье овец на 60 % от нынешнего уровня. Официально принятая концепция определила 30 %, естественно, без уменьшения продукции сельского хозяйства. Предлагается восполнить это за счет увеличения поголовья крупного рогатого скота, лошадей, других типов животных.

Следующее предложение – сокращение пашни на 60 % и кормовых угодий. В официально принятой концепции – 20 %. При этом мы предлагаем сократить пашню, но увеличить объем продукции на 15-20 % от нынешнего уровня. Но я уже знаю, что Агропром подготовил и подал "наверх" материалы, где сокращения пашни вообще нет, и планируется увеличение урожайности зерновых, пшеницы до 15-18 ц/га, что вообще вызывает ужас. Такого допускать нельзя.

Из зала: Учитывали ли вы ограничение промышленной деятельности на Байкале с развитием водного транспорта? За эти два дня работы я пришел к выводу, что ограничение деятельности промышленности ставит речной транспорт на Байкале в такое сложное положение. Мы его должны закрыть. И тогда все планы, связанные с туризмом и отдыхом окажутся построенными на песке. Увязывали вы это или нет?

Константинов Г.Н.: Байкал – идеальное место для современного парусного флота. Лучшего на Земле, видимо, не существует. Надо развивать старые способы передвижения по Байкалу. Есть конкретное предложение. При формировании концепции на 20 лет вперед от отсталого нынешнего уровня мы ничего не получим. Нужно прогнозировать реальные дела.

Из зала: Ваше отношение к проблеме СЦКК?

Константинов Г.Н.: Что касается Селенгинского ЦКК, это спорный вопрос, и он должен быть обсужден. Но мы предлагает перевести его на макулатурное производство. Это удобно для создания замкнутого цикла. Здесь очень многие вопросы снимаются. Наши запасы макулатурных ресурсов в регионе просто огромны.

Грачев М.А.: Поскольку Сергей Валентинович Попов сказал, что это заседание проводит СО АН, то я предлагаю "вопрос на засыпку" экономистам. Как они соотносят развитие этой концепции, какая здесь заложена "пружина"? Как относятся люди, живущие на Байкале, к этим предложениям? Я вчера слышал, что они никакой рекреации не хотят. Что им тогда делать? Где здесь концепция саморазвития?

(Перерыв на обед)

Попов С.В.: Обсудим план дальнейшей работы. В течение часа предоставим всем представителям науки возможность выступить. После этого, если будет желание, сделать и обсуждение по докладу. Один организационный момент. С моей точки зрения концепция, которую разрабатывает СО АН СССР, вне зависимости от того, хороша она или плоха, чрезвычайно важна. Она есть одна из характеристик

ситуации вокруг Байкала. Поэтому она должна быть изложена и обсуждена, даже если у нас произойдет потеря времени. И я очень прошу присутствующих избегать личных выпадов.

Фильшин Г.И.: Были три доклада. Они посвящены экологическим вопросам. В мою задачу входит следующее: выяснить, а что из всех этих подходов получилось. Что Концепция отражает, а что не отражает и не должна отражать. Я думаю, что Концепция вообще не должна содержать развернутой программы действий, хотя это положение представляет из себя известное правило разработки концепций. Ждать, что концепция ответит на все вопросы – неправильно. Она представляет лишь наиболее общие направления экономического и социального развития в условиях приоритета экологических целей. Но опыта у нас в этой стороне совершенно нет.

Возможности фундаментальной науки, в том числе экономической, невелики. Возможно, в этом виноваты условия – не было заказчика на такую разработку, что не снимает ответственности с академической науки.

К сожалению, все наши разработки до сих пор имеют, прежде всего, экономическую и социальную направленность, а экологические цели выступают лишь в качестве ограничения. Это и в обычных построениях предложений, и в модулях комплексов, которые разрабатываются для определенных территории, и в целом, для развития народного хозяйства.

Вот это была первая сложность. На наш взгляд, она в какой-то степени переведена на тот уровень, за который ее можно преодолеть в установленный срок.

Теперь второе положение, которое мне хотелось бы отметить. Не надо представлять себе, что кто-то сознательно ввел в Концепцию такие предложения, которые полностью расходятся с основными направлениями экономического и социального развития Байкальского региона на перспективный период. Речь идеи совершенно о другом.

Чтобы не было разночтений и разногласий во всяких ситуациях, я могу сказать так. Что повлияло на тот факт, что в Концепцию будут включены отраслевые предложения и заранее разработанные программы развития Дальнего Востока, Читинской области и Бурятской АССР. Дело в том, что у нас сохранился некий стереотип подхода к подготовке документов. Ситуация просто банальная, но и страшная, к сожалению. Приехал Михаил Сергеевич Горбачев на Дальний Восток, дал оценку состояния хозяйства как не отвечающего современным задачам. И мгновенно появилась инициатива подготовить за два-три месяца программу, которая все бы меняла.

Естественно, за такой короткий промежуток времени такого рода программу разработать невозможно. Поэтому применили обычный наш способ – взяли старые разработки, довели их до уровня требований, спущенных сверху, и подали как предложения.

Поскольку и там не было возможностей ввести какие-то коренные изменения, то все это было сформировано, в конечном счете, с учетом здравого смысла, с учетом других требований. И все это было подготовлено в качестве программного развития Дальнего Востока и Забайкалья. Я думаю, вы все читали критику такого подхода в нашей прессе, но сохраняется еще и второй элемент, который также перешел из прошлого.

Если даже было принято совершенное решение, оно должно в последующем уточняться. То есть должен учитываться какой-то срок действий, принятый постановлением директивных органов. Поэтому когда разрабатывалась Концепция, предложение СО АН состояло не в том, чтобы их исключить, но в том, чтобы сформулировать таким образом, чтобы они реализовали экологические цели, отражали нестандартную ситуацию на Байкале.

Может, нужно было не так, но что Байкалу нужны были изменения, в этом у нас сомнений не было. Поэтому наряду с этими предложениями возникли те, которые можно было поддерживать с точки зрения экологических позиций.

О чем здесь идет речь? Ну, например, об усилении мощности Гусиноозерской ГРЭС. Совершенно ясно сегодня, что с точки зрения экологических позиций этот вопрос нужно рассматривать в Бурятии очень внимательно и еще не раз. Ведь, кроме Байкала, есть еще Гусиное озеро, которое тоже надо сохранить. И есть альтернативные варианты решения этой проблемы, притом более эффективные. Например, передавать электроэнергию из Иркутска. Здесь, в частности, уголь дешевле. Или решить это предложение каким-либо другим способом. Наше предложение по этому поводу не прошло, потому что в Дальне-Восточном постановлении указаны не только задачи, но и пути их решения. Это пример того, как это сложно – разработать концепцию, такова реальность. Таких примеров много.

Сегодня существует позиция, что ведущий комплекс народного хозяйства Бурятии просто не соответствует сырьевым данным. Мы в нашей группе этот момент рассматривали. Но если в дальнейшем развивать сырьевую базу, мы будем входить в противоречия с экологическими связями. Однако и эти параметры отражены в нашей Концепции. Мы говорили о том, что параметры сокращения пашни урезаны. К этому вопросу Агропром подошел, по-видимому, с учетом своих реальных возможностей и принципиальных требований к продовольственной программе. Но хотел бы, чтобы вы поняли, в чем собственно были расхождения. Мы постоянно ставили вопрос перед Госпланом, перед министерствами о том, что Концепция должна содержать альтернативные предложения. Она должна понуждать к

поиску и сопоставлению различных путей в решении одних и тех же проблем. Только в этом случае возможно нахождение правильных решений. Другой вопрос – каким образом это делать.

Точно так же обстояло дело с интенсификацией горнорудного комплекса. Вот такие моменты имели место. Мне представляется, сказать об этом очень важно, чтобы у вас не осталось впечатления, что Концепция содержит только неправильные положения в области экономики, и потому она не годится.

С точки зрения экологии я могу назвать 5-6 позиций из примерно 50-ти, по которым гораздо лучше было найти другие альтернативы. С нашей точки зрения, сформулировать эти альтернативы обязательно нужно было по тем пунктам, по которым имеются экологически несостоятельные предложения. Здесь во время игры промышленный комплекс или отдельные предприятия имеют достаточно сил и возможностей, чтобы сформулировать предложения и передать их для экологической экспертизы.

Следующее. Концепция утвердила режим хозяйствования трех зон и при этом поставила очень жесткое условие всем хозяйственникам. Надо прямо сказать, что это предложение, по существу, подчеркивает этапность развития хозяйственного комплекса в прибрежной зоне Байкальского региона. Речь идет о том, что многие горнорудные предприятия предполагается ликвидировать, по крайней мере, к концу века. Промышленные предприятия прибрежной зоны, которые оказывают воздействие на экологическую систему Байкала, должны быть перепрофилированы на экологически чистую продукцию, или их деятельность должна быть прекращена. В связи с этим хотелось бы сказать, что мы вообще не умеем прекращать деятельность. Но на самом деле это такое же обычное явление, как жизнь и смерть, люди живут и должны умирать. Так же и предприятия. И это такой же закон, как, скажем, закон биологической активности.

Я хочу вам напомнить, что еще В.И. Ленин говорил, что если мы не научимся закрывать предприятия, то мы безнадежно отстанем. Это очень правильное положение, и с этой точки зрения мне представляется, что не надо сейчас панику взводить, что вот, мол, все закроют, хозяйственная деятельность прекратится. На самом деле не все. Речь идет о предприятиях, которые, так или иначе, вторгаются в экологически ценную территорию региона. Это горнодобывающие предприятия или те, которые относятся к категориям выбросов, о которых говорил Михаил Александрович Грачев.

Нет сегодня технологий, которые позволили бы добиться того, что особо опасные или опасные в экологическом отношении выбросы ликвидировать. И здесь ситуация заставляет нас разобраться: а как появились многие предприятия на Байкале и как они развиваются?

Такой критический взгляд показал, что по многим вредным предприятиям, собственно, и жалеть-то нечего. Они либо экономически несостоятельны, либо появились случайно. Если даже не случайно появились, за время их функционирования уже возникли факторы, которые сегодня действуют иначе.

Такое действие оказывает рыбоконсервная промышленность на территории Байкальского региона. Рыбу везем океанскую, жесть из Одессы, делаем консервы на Байкале и отправляем их в европейскую часть. Такие предприятия существуют на Байкале.

Очень острая дискуссия была в Улан-Удэ о концентрации производства в Улан-Удэнском промышленном узле в связи с тем, что р. Селенга сильно насыщена выбросами. И вот пока мы дискутируем, пока обсуждаем байкальскую проблему, ведомства не дремлют, развивают предприятия по принципам, которые очень трудно в нашу Концепцию вписать.

Например, промывка шерсти. Сейчас перерабатывается 22 тыс. т шерсти. Изначально же предполагалось, что будет перерабатываться 6-8 тыс. т местной шерсти в год. Больше половины шерсти везут из Австралии, из Аргентины, Уругвая, через Ленинград на Байкал. Моют 12 тыс. т (плюс половина грязи, итог – 24 тыс. т), после чего спускают воду в Селенгу, а шерсть увозят.

Скажите, такие предприятия имеют право на жизнь? Несомненно, что надо говорить о том, чтобы такое производство было запрещено.

Или возьмем предприятие по переработке скота из Монголии. Зачем его развивать? Сегодня в Монголии построены мясокомбинаты, и нет необходимости повышать мощность нашего. А сбрасывает оно больше, чем любое другое предприятие.

Анализ показывает, что многие предприятия имеют весьма относительное право на существование, и по ним можно и нужно вести перепрофилирование и осуществлять вынос за пределы водосборной площади Байкала. И больше того, когда речь идет о техническом перевооружении предприятий, то надо смотреть не только с точки зрения их соответствия экологическим и экономическим требованиям, но и здравого смысла, потому что многие предприятия этого соответствия не выдерживают.

Сегодня очень много вопросов решается без обсуждения, вне всяких требований. Я хорошо знаю, что отдельные машиностроительные предприятия Улан-Удэ потихоньку предлагают увеличить свои мощности в 5 раз. Когда мы узнали об этом, то выяснилось, что эти планы согласуются по иным каналам, нежели наши предложения по развитию народного хозяйства.

На Байкале не должно быть такого порядка, ког-

да расширение производства в водосборной его площади осуществляется по ранее заведенным механизмам, в которых ученые, имеющие отношение к развитию региона, не участвуют.

Вот эти три положения нужно иметь в виду. Первое, надо отказаться, по крайней мере, для Байкала, от такого принципа подготовки решений и постановлений, когда старое постановление довлеет над всеми новыми и невозможно как-то продвинуться в этом отношении. Второе, надо очень внимательно разобраться, какое право на существование имеет каждое конкретное постановление. И третье, надо установить порядок рассмотрения вопросов развития производительных сил на территории Байкальского региона гласно, с участием ученых, общественности.

Эти принципы должны быть отражены в Концепции, и, главное, они должны проводиться в жизнь.

О второй части Концепции. Если грубо сказать, то она отвечает на вопрос: кто будет платить за экологию на Байкале? Здесь, когда говорили о методологии расчетов и проведении расчетов временным научным коллективом, совершенно правильно указали, что минимальная величина этих затрат должна измеряться в миллиардах рублей. Можно сейчас спорить 5 или 4, можно до 5 довести, но от этого масштаб проблемы не уменьшится.

Возникает вопрос: по какому пути здесь пойти? Есть предложения об особом хозяйственном режиме на Байкале. Действительно, должны ли мы вот так, как нас сейчас ориентируют игротехники, считать, что Байкальские проблемы – это региональные проблемы, и поэтому решать их надо на основе самодеятельности региона. Такую постановку наши игротехники совершенно правильно предлагают, потому что, действительно, уровень, где реализуются любые концепции – это регион. Но ведь речь идет не о региональном хозрасчете.

Байкал – это не региональные проблемы, сохранение Байкала – это международная проблема. Во всем мире в решении таких проблем, как сохранение экологически уникальных объектов, государство принимает участие. Нет в мире такой практики, чтобы региональных органов и ресурсов хватало бы для решения глобальных мировых проблем. Это международная, общечеловеческая проблема, и к ней должно быть соответствующее отношение. Другой вопрос, каким образом государство может аккумулировать эти ресурсы и реализовать их для решения экологических задач на Байкале?

На мой взгляд, региональный хозрасчет имеет три целевых установки. Первая установка, прямо связанная с хозяйствованием на Байкале, – увязать степень использования ресурсов (материальных, природных, трудовых) с региональными бюджетами на всех уровнях, начиная с районов и кончая областью и республикой. То есть уровень использования ресурсов должен быть непосредственно связан с бюджетами отдельных частей и региона в целом. Это позволило бы привлечь все население к улучшению использования ресурсов, а тем самым к экологическим проблемам.

Вторая установка – это эквивалентность межрегиональных обменов. Длительное время по этому поводу существовало табу. Возьмите экономическую стратегию Минлесбумпрома. Я не хочу никого друг другу противопоставлять, но рассмотрим Иркутскую область. Нет лучше условий для заготовок леса, и поэтому она заготавливает больше, чем любой регион страны. 35 млн. м^3, а в Бурятии – 4-5 млн. м^3. Лучшего леса в стране нет. И при этом министерство ухитрилось такую хозяйственную политику установить на территории Иркутской области, что сейчас территориальное объединение по заготовке и производству древесины имеет долги – 70 млрд. руб. Мы проследили путь нашей древесины: здесь она стоит от 16 до 25 руб. по себестоимости (оптовая цена), а пошла она в Среднюю Азию, там уже 200-250 руб. А дыни мы оттуда получаем по 2,5 руб. за килограмм. Мы же помогаем узбекской мафии!

Очень тесно с этим связан и другой вопрос экономической политики министерств. До сих пор планы лесозаготовительных и деревообрабатывающих предприятий не увязаны с лесосырьевой базой, и такая политика, когда региональные условия не учитываются, касается всех отраслей.

Последнее, о чем хотелось бы сказать. Формы управления сегодня определены ведомственным принципом управления многими отраслями промышленности, и они не совместимы ни с экологическими, ни с экономическими целями регионального хозрасчета. Они ведут в тупики. Почему мы за них до сих пор цепляемся – никто не знает.

Надо такие формы отработать, чтобы реализовать идеологию регионального хозрасчета. Прообразом таких форм управления мог быть (в рамках региона, включая и монгольских товарищей, если они захотят участвовать) Координационный Совет. Такая практика в свое время была. Установить порядок предоставления информации Координационному Совету, его права, обязанности, состав. В рамках Иркутской области и Бурятской АССР можно было бы использовать плановые управления при облисполкомах.

Викулов В.Е.: Предваряя вопросы, я хотел бы сказать три замечания. Первое: чувствуется, что у людей огромная заинтересованность и может быть масса предложений, ведь документы не безупречны. Но замечу, после того, как проект Генеральной концепции был опубликован в “Восточно-Сибирской правде” и в “Правде Бурятии” – в Бурятии, например, не было ни одного отклика, ни одного письма, ни одного предложения. Бурятский ОК КПСС

предложил Бурятскому филиалу Академии наук разработать план на XII пятилетку и до 1995 г. Собрали совещание, пришло 40 организаций, непосредственно связанных с Байкальской проблемой. Поставили задачу: нужны предложения. Предложения же получили всего от одной организации и от трех человек.

Второе. Вопрос о том, какой экологический эффект мы получим от реализации этой Концепции. Мы считаем, что ее реализация в полном ее объеме снимет все острые Байкальские проблемы или же резко уменьшит их актуальность. Но полностью задача, поставленная концепцией, а именно, "гарантированная безопасность Байкала", все же выполнена не будет и работа в этом направлении будет продолжена.

Последнее. Я подчеркиваю: надо смотреть на Концепцию развития производительных сил в Байкальском регионе шире, чем на конкретный текст, поскольку это сумма четырех документов. Во-первых, сама Генеральная концепция, утвержденная Совмином РСФСР. Второй оригинальный документ – "Нормы допустимых воздействий на экологическую систему бассейна озера Байкал". В том документе говорится об особых требованиях для Байкала, он утвержден 5 министерствами. И еще два, которые будут утверждены в будущем году. Это "ТерКСОП-Байкал" (Территориальная комплексная схема охраны природы в бассейне оз. Байкал. – ред.). Четвертый – "Правила охраны вод оз. Байкал и естественных ресурсов бассейна озера" – это документ, нормирующий все сферы деятельности в Байкальском регионе. В его рамках находятся правила рубок главного пользования. Эти документы гарантируют ослабление экологической напряженности. Теперь перед наукой стоит следующий этап – то, что мы будем иметь за 1995 г.

Фильшин Г.И.: Сейчас, после того, как Концепция разработана, начинается новый этап разработки предложений на перспективу. Начинается разработка проекта основных направлений экономического и социального развития на период 13-й пятилетки и более отдаленный перспективный период.

Я должен сказать, что эта Концепция должна получить отражение во всех материалах, которые будут входить в документы. Здесь особенно важен фактор времени, поскольку с июня будущего года Госплан СССР "спустит" контрольные цифры, нормативы, которые будут определять нашу жизнь на перспективный период времени. Начнется новый этап. Поэтому, я считаю, мы находимся в очень жестких рамках, мы должны до середины будущего года сделать все документы, которые будут использованы центральными плановыми органами и должны войти в жизнь.

Грачев М.А.: И я себе позволю еще добавить, уже не как профессионал и представитель АН СССР, а просто мое частное мнение. К счастью, не все вопросы решаются в плановом порядке.

Если те запреты, которые накладывают на развитие хозяйственной деятельности региона наука и общественность, будут выдержаны, то не так уж и страшно, что это у нас мала общественная активность в выполнении территориальной комплексной схемы или Концепции. Это объясняется, я думаю, тем, что люди перестали верить в план.

Я возлагаю очень большую надежду на то, что здесь будет развиваться инициатива индивидуальная: кооперативов, организаций. И здесь одна наука не может что-то дать, не бывает такого, чтобы наука решила хозяйственную проблему. Поэтому если все согласны с тем, что АН СССР предложила стратегически верную задачу – создание Международного экологического центра на Байкале, то каждому нужно думать о том, что он может сделать. Вот мы, от СО АН СССР, предложили, а что могут предложить хозяйственные деятели, отдельные люди. Вот об этом надо думать.

Из зала: Михаил Александрович, в Вашем выступлении до обеда Вы дважды повторили выражение "движение души". Вот мне хотелось бы задать вопрос: какую роль Вы отводите гуманистическим и нравственным началам проблемы охраны Байкала?

Грачев М.А.: Я уже сказал, что нравственный аспект проблемы – это основа решения Байкальской проблемы. Но я не думаю, что здесь я скажу больше, чем говорят наши писатели. И мы должны быть только признательны им, но не на словах, а на деле.

Из зала: Вам как крупному ученому нужно об этом думать.

Грачев М.А.: Я полностью с этим согласен. Но если промышленность будет от этого отступать, если она будет надеяться, что можно и так сохранить природу, народ ей не поверит. Это не хозяйственный вопрос, а вопрос надэкономический.

Викулов В.Е.: Это вопрос и воспитания, и образования, и развития науки.

Дружинин В.Н.: В процессе проектирования этой самой Концепции нас, представителей Ольхонского района, ни райком, ни Совет, ни общественность, никто ни о чем не спросил. И нам до сих пор ничего не известно. Второе. Сегодня я познакомился с Концепцией национального парка. Там получается, что в результате образования национального парка Ольхонский район вообще исчезнет как территориальная единица. Третье. В Концепции по реорганизации сельского хозяйства и сокращению поголовья предусматривается, что район экономически развивается. Ведь 56 % прибыли мы получали от овцеводства, а Концепция предусматривает

перепрофилирование структуры стада на гладкошерстное.

Спрашивается, если это результат подготовки Концепции по Байкалу, то почему же он не учитывает интересов местного населения и игнорирует нас в рассмотрении этого вопроса? Эти вопросы и наши предложения я выдвигал в ОК партии, но они не прошли.

Грачев М.А.: Вопрос очень хороший. Нельзя не учитывать мнения людей, которые живут на Байкале. Если мы этим интересам не соответствуем, мы никогда Байкал не сохраним. Как профессионал на это ответит Г.И. Фильшин.

Фильшин Г.И.: Я хочу сказать, что по Ольхонскому и Слюдянскому районам мы собираемся специально подготовить программу их развития. Сегодня этот вопрос проработан недостаточно. Концепция предусматривает разработку конкретных предложений по всем прибрежным административным территориям.

Седов Э.П.: Как вы собираетесь это делать? Тем более, что мы сегодня только об этом узнаем.

Фильшин Г.И.: Облисполком выделил средства, мы организуем экспедицию в Слюдянский и Ольхонский районы, сейчас мы заключаем договора и на их основе разрабатываем предложения для проекта. Затем они будут обсуждены с населением, общественностью.

Седов Э.П.: Нужно, чтобы сначала послушали наши предложения, а потом уже на основе этого строили проект.

Фильшин Г.И.: Мы пока учли ваши предложения: было совещание, и мы вас внимательно послушали. И Слюдянский, и Ольхонский районы внесли свои замечания.

Из зала: А концепция национального парка?

Фильшин Г.И.: Я знаю, что концепция образования национального парка не находится в такой стадии, что ее можно уже принимать. Но об этом подробно могут ответить представители Института географии, они разрабатывали этот вопрос специально.

Викулов В.Е.: Понятна ваша озабоченность концепцией национального парка. Она должна увязывать и интересы населения, и местного хозяйства.

Из зала: Давайте концепцию прочитаем и посмотрим, что в ней реально есть.

Викулов В.Е.: Нет, наше время кончилось. Вопросы, которые вы поднимаете, они решаемы.

Из зала: Но без производства какая может быть жизнь?

Викулов В.Е.: Национальный парк – это не отсутствие производства. Отсутствие производства предполагается в заповеднике или на участке, где принят статус памятника природы. Национальный парк не препятствует развитию промышленности.

Мартынов А.В.: Я представитель Института географии, работаю по национальному парку, который захватывает Ольхонский район. Дело в том, что организация национального парка, определение границ вначале никаким образом с наукой связаны не были. Мы были подключены на промежуточном этапе. Сейчас поэтому стоит вопрос о взаимоотношении с местным населением, о вписании или невписании его в национальный парк. Это серьезный вопрос. Но, в принципе, функциональное зонирование национального парка еще не принято, поэтому еще есть возможность внести свои предложения.

Викулов В.Е.: Я подтверждаю это. Об отсутствии науки в создании национального парка свидетельствует и то, что сегодня принято решение об организации на Байкале двух национальных парков.

Из зала: Я согласен и с предыдущим оратором, и с товарищем Дружининым. Были выдвинуты только предложения проекта концепции. Мы обсудим это. Завтра утром мы соберемся с руководителями национальных парков, с руководителями проектных организаций и рассмотрим все эти вопросы. И пригласим представителей этих районов.

Грачев М.А.: Позвольте высказать замечания по этому поводу. Существующий ритуал взаимоотношений плановых органов и науки с общественностью недостаточен. И экология, и самоуправление это новые проблемы. Давайте взаимодействовать все вместе, с двух сторон. Если какая-то политика не будет опираться на желание народа, она будет недееспособна.

Ладейщиков Н.П.: Вы сказали, что финансирование экологических мероприятий на будущую пятилетку будет составлять сумму 15 млн. руб. Но цифра, которая предусматривается на экологические мероприятия, очень мала. Может быть, материальное обеспечение планируется по этапам, не сразу?

Фильшин Г.И.: Там пока планируется таким образом. Для того, чтобы установить щадящий режим с точки зрения экологических требований, нам нужны конкретные предложения предприятий, организаций, хозяйствующих на этих территориях, которые означали бы новые взаимодействия с центральными органами в смысле сокращения централизованных отчислений или каким-то иным образом получения специальных государственных капиталовложений на решение каких-то вопросов. Нужно, чтобы фраза: “государство готово оказать экологическую помощь”, обрела плоть. А “плоть” эта должна состоять из предложений самих предприятий и организаций, которые хозяйствуют на этой территории.

Миленин О.Б.: В концепции СОПСа предусматривается увеличение трудовых ресурсов в зоне Байкала на 1/3. Это означает миграцию населения, что представляется мне не очень удачным решением. В вашей Концепции в различных вариантах предлагается нечто противоположное, а именно, сокращение объема трудовых ресурсов от 45 до 61 %. Что под этим подразумевается: отселение людей из зоны Бай-

кала или предоставление права на самостоятельное творчество и “подножный корм”?

Фильшин Г.И.: Нет, здесь имеется в виду другое. Нами были уточнены естественные приросты, возможности миграции и т.п. Наша точка зрения состоит в том, что надо придерживаться исключительно естественного прироста, никаких дополнительных мер по заселению этого региона не следует предпринимать в связи с тем, что, с одной стороны, здесь экологические и экономические условия не позволяют этого делать, а с другой, – это создает дополнительные сложности в решении и экологических, и экономических вопросов. Поэтому наша позиция в том, чтобы не стимулировать миграцию сюда, которую предполагает концепция СОПСа, планируя рост трудовых ресурсов на 1/3.

Миленин О.Б.: Вопрос-то заключается в том, что вы будете делать, если будет меньше трудовых ресурсов в 2005 г., по сравнению с сегодняшним днем, что будете делать?

Фильшин Г.И.: Я отвечаю на Ваш вопрос. Вы знаете, что в качестве базовых отраслей названо машиностроение. Оно позволит регулировать занятость. Если понадобится, будем разворачивать большее количество трудоемких мест в машиностроении. Если меньше будет в перерабатывающих отраслях и при этом, если люди будут приезжать, не выгонять же их, будем формировать рабочие места.

Из зала: Экологические средства программы обсуждались при ее разработке применительно к конкретным предприятиям, к их возможностям?

Фильшин Г.И.: Здесь я возвращаюсь к первому докладу. Все экологические положения наши нашли свое отражение относительно каждого предприятия. Каждое предприятие рассмотрено отдельно, и по нему принято решение.

Из зала: Вот, вы сделали значительную работу. Тем не менее, полностью проблема не решена. У меня вопрос о возможных ошибках: несут ли какую-либо юридическую ответственность ведомства за применение вредных научных методов? несет ли юридическую ответственность наука за то, что их методы применяются во вред людям?

Фильшин Г.И.: Что касается ведомств, то они ответственности не несут за наши ошибки. Что касается науки, она несет моральную ответственность. А вот тот, кто выпустил непосредственно эту концепцию, он несет официальную ответственность.

Из зала: Вы сказали, что с появлением дополнительных рабочих сил будем развивать тяжелую промышленность?

Фильшин Г.И.: Не тяжелую. Машиностроение – экологически одно из чистых производств.

Из зала: Увеличение производительности труда сокращает человеческий фактор. Почему в концепции не предусматривается это?

Фильшин Г.И.: Это предусмотрено. Но ограничение экономической миграции есть. Суть проблемы состоит в том, что два трудных пункта в рекреации. Первый пункт: при отсутствии комфорта люди сегодня нас не поддержат. А что значит комфорт на Байкале? Это здоровье. Такое противоречие имеет место. С одной стороны, мы требуем комфортность, с другой – возможность использовать ее имеют только руководители.

Мы предлагаем в комплексе все связать: профилактории, дома отдыха, спортивный комплекс, туристский. Чтобы это было не слишком дорого и комфортно.

Грачев М.А.: Подходит конец нашему сегодняшнему заседанию. Я должен сказать большое спасибо Сергею Валентиновичу, что нам дали возможность высказаться. Я очень признателен за реплики на выступления. Спасибо вам за внимание.

Попов С.В.: Я надеюсь, что теперь Михаил Александрович не будет в претензии, что СО АН СССР не дали возможности высказаться.

Прежде, чем начнем обсуждение, я бы хотел несколько слов сказать. Во-первых, насчет научной гипотезы М.А. Грачева, что “здесь происходит эксперимент”. Эксперимент проходит над людьми лишь тогда, когда они сами себя кроликами считают. Это, во-первых. А во-вторых, нас интересует совершенно другое. Это ни от кого не скрывается. Нас интересует, прежде всего, логика и метод, с помощью которых можно было бы, в том числе, разрабатывать концепцию. Здесь я подхожу к тому, что сейчас докладывало СО АН СССР.

Моя точка зрения достаточно двойственна в отношении к этой Концепции. С одной стороны, мы достаточно давно и тщательно работаем над методами программирования, разработки концепций и сценариев. И мировой уровень знаем, и, может быть, даже кое-что сделали сами. Поэтому если вы ищете наши научные работы, то можете обратиться в библиотеку. С другой стороны, я отлично понимаю, что тот интеллектуальный потенциал, который здесь собрался вокруг Байкала и, в частности, в Сибирской АН, это есть та интеллектуальная сила, которая, с одной стороны, должна, а, с другой стороны, и будет разрабатывать идеи, методы и прочее.

Общественная энергия еще не настолько выросла, чтобы составлять интеллектуальную конкуренцию. Она может составлять общественную, полити-

ческую или какую-то другую оппозицию, но пока не интеллектуальную. Министерство со своими ведомствами и институтами вряд ли вообще соответствует интеллектуальным нормативам. Других, вроде, и вовсе нет. Я это говорю не в качестве комплимента, это констатация того факта, что по уровню программирования, уровню разработки концепции, то, что здесь у нас делается, есть, если не лучшее, то одно из самых лучших в стране.

Действительно, экологические ориентации начинают превалировать и постепенно ломать производственные, хозяйственные и меркантильные интересы. И в этом плане то, что сделано в работе над Концепцией, есть одно из самых лучших достижений. Но, с другой стороны, на мой взгляд, ориентации и способ работы этой интеллектуальной группы, тем не менее, все-таки недостаточны для того, чтобы решать проблемы. Это уже было сказано в выступлении ученых Сибирского отделения АН СССР, но я бы хотел, чтобы за этим была поставлена и решалась действительная проблема. Если судить не с точки зрения того, что у нас в стране есть, а с принципиальной точки зрения, то у меня есть целый ряд замечаний на недоработки. Некоторые из них я хотел бы назвать, а дальше предоставить слово участникам, чтобы они могли свои соображения высказать.

Ну, во-первых, это касается назначения самой Концепции. Целый ряд вопросов, которые здесь задавали, на мой взгляд, проистекают из неверного понимания назначения самой Концепции.

Эта Концепция чрезвычайно любопытна, прежде всего, тем, что это не чисто научная концепция. Этим она и привлекает. Это есть, прежде всего, организационно-политическое или просто организационное средство. Я в этом плане должен признать, что СО АН СССР пытается вступить действительно в политическую и социальную игру, чтобы ситуацию снять.

И поэтому здесь есть две рамки (рис. 2).

Первая – это организационно-политическая. Нужно рассматривать Концепцию под углом зрения того, какого рода проблему она решает и каких результатов достигает. Ясно, что если это организационное средство, то абсолютных результатов нет. Поэтому вопросы о том, решит ли она окончательно все проблемы, – бессмысленны. Но, к примеру, скажем, мы пытались решить проблемы ПДК и ПДВ. В принципе понятно, но ПДВ и вся его структура проблемы не решат. Это есть некоторый компромисс. Но в политическом плане он достигает нескольких целей: во-первых, начинает смещаться идеология материального труда на технологию, а не на конечный продукт. С помощью экологических критериев, подчеркну это, осуществляется перенос экологических требований на технологию, а не на конечный продукт. Поэтому надо смотреть, насколько эта попытка эффективна и т.д.

Рис.2. Рамки концепции

Еще одна из интересных вещей. Когда обсуждаются сельскохозяйственные концепции, то нужно отчетливо представлять, что ход переориентации пастбищного животноводства, мелиорации и прочее обсуждать достаточно бессмысленно. Это проблемы, которые возникли начиная с тридцатых годов этого столетия, поскольку именно тогда начали распахивать земли и переориентировать бурят с пастбищ на земледелие. Это и привело к целому ряду негативных последствий. Подобное сложное организационно-политическое действие надо обсуждать через его становление.

Мне хотелось бы, чтобы при обсуждении вы точно определяли и учитывали, какие цели в Концепции преследуются.

Если вы это различаете, то так и говорите, что цели неверны, они, например, неэкологичны или еще что-то. Пытайтесь излагать позицию, а не просто альтернативную точку зрения на содержание Концепции.

При анализе Концепции, как я уже сказал, нужно различать две рамки – политическую и рамку собственно науки. В этой рамке нужно анализировать, какие собственно научные методы были использованы. В отличие от организационно-политической рамки, в которой нужно ответить на вопрос о целях, которые хотели достигнуть благодаря этой Концепции и как их достигать. Эти рамки надо различить и каждый раз отдавать себе отчет и нам говорить: что вы анализируете? и в какой рамке?

Второй момент. Я считаю, что основная сложность этой Концепции в том, что ее фундаментальный теоретический недостаток состоит в том, что собственно "экологическое" или, иными словами, философия экологии здесь, образно говоря, дрейфует.

У меня такая точка зрения, что у разработчиков разных частей этой концепции представления об "экологичности" и "экологии" разные. В результате этого происходит сдвиг, смещение проблем, и это надо четко выделить и специально обсуждать. Но это не главное, это – тема для семинара.

Главное – другая проблема и ее надо внимательно рассматривать. Идея экологии воспринимается как идея натурального состояния. С моей точки зрения (и мы готовы обсуждать это на методологической консультации), идеи экологии должны рассматриваться на сложных деятельностно-природных системах, где натуралистические методы уже не работают. И именно с этим связана та жесткая борьба вокруг Байкала, о которой я слышал и знаю. Поскольку, например, ряд научных программ основан

на точных методах, они начинают агрессивно противостоять программам естественно-натуралистического типа. Хотя, на мой взгляд, программы, использующие точные методы, тоже недостаточно рефлексируют проблему экологии как проблему построения нового объекта деятельностно-природных систем, сложных региональных систем. И в этом заключена мировоззренческая недоработка Концепции. Если грубо говорить, ошибка состоит в том, что все ученые до сих пор рассматривают проблему экологии как проблему природы. До сих пор не построен такой предмет как "деятельностно-природная система". По этим системам природа живет по-другому. А мы до сих пор привыкли видеть ее как независящую от нашей деятельности.

Грачев М.А.: Это недоразумение!

Попов С.В.: Я очень рад, что Вы считаете, что это недоразумение. На методологической консультации я готов обсуждать это более подробно. Сейчас я говорю лишь о том, что здесь – действительно проблема.

Отсюда, кстати, одна вещь следует, насчет мониторинга и контроля. Дело в том, что исходя из предыдущего тезиса, контроль за состоянием природы как таковой всегда окажется частичным и недостаточным, сколько бы мы его ни развивали. И более того, он оказывается недостаточным в принципе, поскольку то, что можно мерить, нужно соотносить с тем, чего еще нет в технологии, которая еще только проектируется.

И вот здесь возникает один момент. Я внимательно просмотрел и прослушал Концепцию и, на мой взгляд, те основания, которые закладываются в Концепцию, не дают возможности работать в проектном режиме. Концепция есть лишь констатация ситуации. А в проектном режиме, причем, для проектирования не заводов и фабрик, а социальной структуры, вообще, хозяйства в регионе, эта Концепция работать не может.

Если проектирование такого рода не обсуждается и, соответственно, ему не строится система анализа, то здесь образуется "дырка".

Грачев М.А.: Это тоже недоразумение!

Попов С.В.: Мы разберемся с массой недоразумений на консультации. Теперь о том, что имеет отношение к Концепции как к средству. Анализ Концепции показывает одну любопытную вещь, касающуюся системного сценирования будущего. Здесь, на мой взгляд, есть целый ряд серьезных сомнений. Во-первых, в попытке отойти от "показательного" планирования, или, иначе говоря, планирования по показателям и параметрам. Этот метод разработан Леонтьевым, он касается глобальных процессов и, фактически, не работает на региональном уровне – он фиксирует лишь прогнозную часть эволюционного развития. Здесь возникает сложная проблема, поскольку современные методы должны предполагать, кроме естественного разворачивания процесса, еще и систему действий.

Константинов Г.Н.: В Концепции предполагается самостоятельная комплексная модель, которая никакого отношения к Леонтьеву не имеет.

Попов С.В.: Вы меня, кажется, неправильно поняли. Чтобы не путаться дальше, выбросим Леонтьева, Бог с ним.

Константинов Г.Н.: Зачем выбросим?

Попов С.В.: Тогда я говорю грубее и точнее. Ваш метод оценивания есть фактически скрытое прогнозирование, а не сценирование, которое предполагает целую систему последовательных искусственно-технических действий.

Викулов В.Е.: Там есть то и другое: и прогнозирование, и система действий.

Попов С.В.: Тогда давайте с этим детально разбираться. Мой анализ показывает, что здесь очень сложная проблема. И она связана с целым рядом таких вопросов, которые здесь обсуждались: инвестиционная политика, вклады и т.д. Здесь вообще сам черт не разберет, что у нас значат сейчас деньги: макулатура это или что-то еще. Поэтому оценить в условиях, когда цены образуются совершенно произвольно, что произойдет при комплексовании, вообще невозможно.

Викулов В.Е.: Это не недостаток Концепции, эта чехарда происходит помимо нее.

Попов С.В.: Но если такая чехарда происходит и просчитать ее очень трудно, почти невозможно, то на что нам рассчитывать? Какого рода действия мы будем предпринимать, чтобы все разворачивать? Вот самая первая серия вопросов, которые, на мой взгляд, возникают в плане анализа Концепции. Мы готовы обсуждать их на консультации.

Грачев М.А.: Когда?

Попов С.В.: Консультации каждый день по вечерам. А теперь перерыв на 15 минут.

(Перерыв на 15 мин.)

Попов С.В.: Выступления по 5 минут.

Ойзерман М.Г.: Я был свидетелем разных подходов к обсуждению этой Концепции. Один из них демонстрировал Валерьян Евгеньевич [1], другой – Михаил Александрович [2] и Геннадий Иннокентьевич [3], третий – Сергей Валентинович [4]. Я бы хотел обсудить Концепцию несколько с иного захода.

Я бы хотел ее обсудить с точки зрения тех по-

[1] Викулов В.Е.
[2] Грачев М.А.
[3] Фильшин Г.И.
[4] Попов С.В.

следствий этой разработки ученых СО АН СССР, которые мы, к сожалению, можем пронаблюдать уже сегодня.

Концепция поступила на рассмотрение в СОПС, из Госплана России, будучи уже в десять раз в уменьшенном размере (что вполне естественно), но совершенно с другим наполнением. Она вышла с цифрами, которые свидетельствуют о том, что планируется широкое развитие лесохимической промышленности, топливно-энергетической, металлургической и других отраслей промышленности. Эти цифры были любезно предоставлены ведомствами, которые, как вы понимаете, не заинтересованы охраной региона Байкала и окружающей среды, а заинтересованы, прежде всего, в сохранении своих прав.

Как же это могло случиться, представляет для меня, да и для всех, большой интерес.

Геннадий Иннокентьевич сказал, что наши экономические работники обслуживают эту существующую "мафию". Я скажу больше. Наша научная работа выполняет ту же функцию. Она помогает мафиозным ведомственным группам благодаря подобным Концепциям и за счет них провести в планы развития того или иного региона свои намерения, не имеющие ничего общего с собственными тенденциями развития региона.

А потому я хотел бы вместе с вами посмотреть, какую роль мы невольно сыграли, выполнив обоснование этой новой Концепции, утвержденной Госпланом, которая, по существу, и будет на ближайшие десять лет контролировать и регламентировать развитие Байкальского региона.

Поэтому, на мой взгляд, одной из важнейших причин такого обращения с научными материалами, поставляемыми в СОПС и Госплан, является полное отсутствие реализационно-деятельностных проработок, связанных с Концепцией и с ее последующей реализацией.

Это связано с нашим неумением, и неумением нашей науки работать в проектной манере. По существу, в Концепции нет никаких форм проектных мероприятий, нет даже следа и намека на это.

С завершением нашей научной работы наша научная деятельность не заканчивается! Мы должны осуществлять, если так можно выразиться, авторский контроль за нашими разработками. А вот этого, к сожалению, нет в представленной на наш суд научной работе Сибирского отделения АН СССР. К сожалению, это не только их вина, а наша всеобщая беда. С отсутствием проектного подхода связана проблема, о которой тоже говорил Геннадий Иннокентьевич – как медленно умирают наши предприятия, как предприятия не хотят быть ликвидированными. И это тоже наша беда, потому что при проектировании этих предприятий мы никогда не продумывали и не закладывали планы их ликвидации. А без этого, как вы понимаете, ни одно предприятие не может быть ликвидировано. А поэтому для того, чтобы успешно ликвидировать эти предприятия, мы должны заниматься специальным проектированием их ликвидации.

И последний вопрос, на который я хотел бы обратить ваше внимание. Программы развития регионов существуют не только в нашей стране. Накоплен большой и очень продуктивный опыт в направлении развития регионов на Западе. Одна из таких программ, которая существует уже 55 лет, Теннессийская программа, о которой вы наверняка все знаете. В Управлении программой Теннессии был создан специальный отдел развития региона Теннесси, который просуществовал три года и потом он был продолжен еще на три года. Этот Совет директоров получил на первом этапе очень крупное финансирование. Конкретное выполнение программы осуществлялось органами местного развития, оно не спускалось "сверху". И конкретные проекты региона формировались в муниципальных органах развития, таких органах, которых у нас пока еще не существует. Все это было сделано так разумно и осмысленно, что позволило через определенный срок им перейти на полное самофинансирование.

Я не призываю вас использовать опыт теннессийцев, но мне кажется, что, прежде чем назначать какой-либо Совет по управлению регионом Байкала, надо тщательно проработать весь существующий в разных странах опыт по созданию подобных органов управления и использовать его уже здесь, на Байкале.

Тарноруцкий С.А.: Я хочу сказать о той отрасли, которую сегодня меньше всего затрагивали, в частности, о земельных ресурсах в регионе Байкала. Дело в том, что земельные ресурсы – это основа сельскохозяйственного производства, это одно из решений агроэкологической программы и это та отрасль, которая территориально занимает наибольшую часть данного региона. Что сейчас происходит с земельными ресурсами? Территории пахотные в большинстве эродированы, есть развивающиеся пески, эродированы пастбища. Это произошло в результате того, что в течение многих лет, не только с тридцатых годов, но и раньше, они использовались в сельском хозяйстве довольно интенсивно. А в последние десятилетия они использовались сверх меры – и целинные земли распахивались, и поголовье увеличилось. Это привело к деградации природной среды. Тут очень много говорилось о техногенном загрязнении, но это вопрос особый.

А тут речь идет о том, что естественные экологические системы вообще разрушены, и при неправильной эксплуатации приводят к полной деградации. Природный климатический потенциал в Забайкалье, в Бурятии, который определяет потенциальные возможности сельскохозяйственного про-

изводства, очень низок. Он не позволяет достигать высокой урожайности сельскохозяйственных культур. Фактически, на протяжении многих лет (по статистическому сборнику) урожайность зерновых составляет в среднем порядка 8 ц/га. Сибирское отделение АН СССР предлагает сократить площади за счет исключения земель, которые уже "замучены", которые уже нет смысла использовать.

В частности, подсказывают, что эти территории не эксплуатируются, они только на бумаге "висят". Этот шаг сделан, предлагается сокращение территории пашни и поголовья скота. Но когда это трансформируется на более высоком уровне, в частности, через отраслевые органы, Агропром, то мы приходим к показателю самообеспечения региона продовольствием. И отсюда появляются плановые цифры, рассчитанные по санитарным нормам потребления, и нужно выйти на эту цифру, кровь из носа. А делается это очень просто. Берется контрольная цифра, делится на площадь, которая есть, и дальше пишется, что это плановая урожайность с га, которая будет достигнута за счет применения интенсивных, прогрессивных технологий. Что под этим подразумевается: сорта, удобрения, технология, мелиорация, весь набор наших терминов. Фактически мы сейчас говорим, что применение химии нужно исключить или довести до минимума, но за счет чего мы получим главный результат?

У нас сейчас две тенденции: сокращение пахотных земель и увеличение продовольствия. И если брать во внимание прирост населения, то тем более. Кроме того, в некоторых положениях не учитывается, что некоторые регионы вообще не могут себя обеспечить, а записано, что полностью должны обеспечить овощами и увеличить производство овощей в 2,4 раза. Картошку, капусту, корнеплоды – это еще можно, а помидоры и огурцы?

Здесь возникают два организационных момента: экономический и социальный. Экономический – во что это обойдется, насколько конкурентоспособна сельскохозяйственная продукция, которая получена в таких климатических условиях. Социальный – это переход на аренду. Любой арендатор, заплатив деньги, скажет: я возьму то, что получше, а плохое мне не надо. Поэтому при переходе на аренду мы все равно придем к сокращению пашни, но той, которая негодна. И пастбища тоже нужно уменьшать. Ведь мы имеем около 1,5 млн. га пастбищ, и улучшить их путем посева или внесения удобрения практически невозможно. Единственный путь – это исключение из пользования 25 % пастбищ на срок в 5 лет. Поэтому на каком-то начальном периоде производство продукции должно уменьшаться. Мы должны это учитывать. Конечно, я не хочу сказать, что я беру на себя все расчеты, здесь должен работать большой коллектив – и аграрников, и экономистов. Тут нет представителей сельских жителей, работников агропромышленного комплекса.

Теперь в отношении шагов, которые должны применяться в технологии. Совершенно очевидно, что земля должна перейти в руки тех, кто ее обрабатывает. Но мы к этому не подготовлены, у нас нет никаких стратегических концепций, как перейти к безвозмездному землепользованию. Во-первых, самый простой вопрос: хватит ли земли на всех желающих, какие должны быть нормы, на каких основаниях будет оцениваться качество земли? Юридически такой оценки еще не существует, а она должна быть. Вот моменты, которые требуют обсуждения.

Дальше, при организации территории для арендаторов тоже должна быть какая-то система, должны быть организационные планы этих наделов. Этот вопрос очень важен для нормального состояния земельных ресурсов. То, как делается у нас, это безобразие. Нельзя ждать "у моря погоды". Во всем мире от такого подхода уже отказались. Все давно перешли на форму организации территорий, которые вписывают все земельные угодья, транспортную сеть, поселки, прежде всего, в ландшафт. У нас этого нет, а это грозит ухудшением земель. Нужно переводить их на новую форму организации. Вот такие проблемы здесь возникают.

Бондарев А.С.: Я хотел бы сказать свое мнение о Концепции. От себя и от лица той группы, которую я представляю. Концепция, если ее рассматривать с точки зрения той схемы, которую нам вчера дали на методологической консультации, не выдерживает никакой критики. Вот теория, проекты, здесь мы имеем генеральную цель. В конечном итоге эти цели должны превратиться в интересы конкретных субъектов реализации этой концепции. Так вот, если посмотреть с точки зрения этой схемы, она не выдерживает никакой критики.

Теперь о теории. В.И. Ленин, как вы знаете, говорил: "Нельзя решить ни один частный вопрос, не решив общий". Что является в разработке научной концепции общими вопросами? Первое – это Большая Логика, которая является методологией всех естественных наук. Второе – теория мирового исторического процесса, включающая теорию исторической формации, представленную "Капиталом" Маркса. Третье – теория социализма, а дальше теория саморазвивающихся регионов.

Теперь можно было приступить к разработке научной концепции, и, в частности, к построению ее цели.

Решив общие вопросы, можно было приступать к единой цели. Сергей Валентинович сказал, что мы вынуждены согласиться с этой концепцией, потому что не было альтернативных научных подходов. Такой подход в принципе есть, он разрабатывается в нашей группе, которую я представляю. Имея науч-

ный задел, мы уже приступили к разработке концепции и дерева целей. Если есть желающие познакомиться с нашей концепцией, мы приглашаем к работе в нашей группе.

Пуртова Л.Я.: Я хочу оказать, что я Концепцию оцениваю положительно прежде всего с той точки зрения, что это на современном этапе солидное научное обобщение имеющихся материалов, попытка спланировать развитие региона в будущем. Но я хочу отметить слабые отправные точки Концепции.

Во-первых, уже справедливо критиковавшийся здесь факт, что основа охранной деятельности Прибайкалья планируется на основе понятий ПДК, ПДВ и еще ПДС сюда добавилось. Но вот та альтернатива, которую называет Концепция, на мой взгляд, не является панацеей защиты природы. На основании ПДК и ПДС мы хоть как-то обеспечиваем сохранение природной системы.

Широко разрекламированная экологическая паспортизация предприятий тоже не является панацеей. Почему? Потому что список вредных веществ, состоящий из четырех групп, это далеко не полный перечень веществ, оказывающих вредное влияние. Есть разделы экологического паспорта, которые неизвестно, на основании каких данных нужно заполнять.

Здесь товарищ говорил, что те предприятия, которые заполняют технические паспорта, научились очень лихо с ними справляться. Я думаю, что и эти экологические паспорта постигнет та же участь. Там должны быть заложены сведения о выбросах, о нарушении установленных норм по ним, о концентрациях и т.д. Где для каждого предприятия взять эту информацию? Эту информацию будут готовить сами предприятия на основе тех норм, которые давно устарели. Хотя, конечно, те паспорта, которые готовил БЦБК или СЦКК, будут, может быть, качественнее, чем те, которые подготовит предприятие рангом пониже.

И еще хочу обратить внимание на то, о чем здесь говорилось, что у нас система мониторинга, как и все другие системы хозяйственной жизни, имеет очень много недостатков. Этот вопрос сложный, он связан с множеством негативных фактов планирования, поэтому давайте этот вопрос обсудим отдельно. Все присутствующие заинтересованы, чтобы эта система была усовершенствована.

Я хочу сказать, для того, чтобы сделать высококачественные научные обобщения, нужно иметь хорошую нормативную базу. А чем пользуются академические учреждения как основами своих разработок? В основном малодостоверной информацией.

Все беды наших производств основаны на технической отсталости.

Шарыгына Л.И.: Михаил Александрович выдвинул идею создания Экологического центра на озере Байкал в поселке Листвянка.

Я бы хотела высказаться по этому поводу, не обсуждая его архитектурных качеств. Мне показалось выступление это очень странным. Вроде бы мы очень долго обсуждали, что такое экология, как нам относиться к ПДК и т.д. И после этого Объекты Мирового Наследия мы вдруг помещаем в обыкновенное наше строительство. При этом плохо отдаем себе отчет, что поселок Листвянка (я знакома с его генеральным планом) имеет очень тяжелое положение с очистными сооружениями.

При той системе проектирования, которая у нас сейчас существует, при полном отсутствии экологического проектирования вообще странно говорить о проекте такого масштаба. Нашей фундаментальной науке нужно, прежде всего, ставить вопрос о создании экологической лаборатории и учиться проектировать в экологических подходах. Подобного рода пример демонстрирует положение архитектурно-строительного комплекса, в т.ч. и практику его работы.

Если вы думаете, что наши проектировщики, а я являюсь одним из их представителей, работают над экологическими проблемами и дают решения с этой точки зрения приемлемые, те, которые должны быть, то вы заблуждаетесь.

Наше проектирование так же, как и наука, работает “как горничная”, по системе: “что вы хотите, то мы и сделаем”. Причем, из-за этого полностью рушится поселок Листвянка, страдает культура, традиции и порождается очень много других проблем.

Полторак Г.И.: Я хочу отметить, что это очень правильно, что мы обсуждаем две концепции: ту, которая есть, и ту, которая легла в ее основу. Здесь правомерно поставить вопрос, надо ли обсуждать Концепцию, которая, на мой взгляд, далеко не идеал. Поэтому надо рассматривать ту концепцию, которая сегодня была доложена, и пытаться решить, насколько можно ее продвинуть. Я бы хотел остановиться на двух аспектах: экологическом и социальном.

Социальный аспект здесь представлен достаточно спорно, а та программа, которая предлагается непосредственно Концепцией, требует огромного напряжения сил. И если сделана какая-то проработка научная, она должна иметь результаты, реализацию. А для того, чтобы реализовать такой крупный объект, нужна крупная идея, которая объединила бы данную территорию и которая позволила бы сделать все воз-

[1] Полторак Г.И.

[2] Лимнологический институт СО АН СССР и Байкальский филиал экологической токсикологии Всесоюзного научно-исследовательского института охраны вод Госкомприроды СССР.

можное. Например, таковой могла бы быть идея национального самосознания.

Теперь о социальном аспекте. В обеих концепциях говорится о том, что мы имеем очень низкий уровень жизни. Но это старый уровень представлений. Технологии требуют высокой культуры производства и образования, высокой экологичности. Речь идет о том, что этот уровень должен работать в плане повышения образования, повышения культуры, повышения низкого жизненного уровня. И последняя позиция: в какую систему управления будет вписываться данная концепция. Получается очень сложный управленческий клубок. И если это не будет рассматриваться, то нет никакой гарантии, что эта идея будет иметь место.

У нас недавно была разработана концепция социально-экономического развития Латвии. И она была остановлена в связи с тем, что в социальном аспекте не дала гарантий, что что-то изменится. У нас было совещание трех Балтийских республик, на котором была разработана программа перехода республик на хозрасчет.

Попов С.В.: По-моему, то, что происходит в Латвии, там, где работает уважаемый Григорий Иванович [1], характеризуется очень высоким уровнем регионального программирования. Это происходит в результате столкновения Народного Фронта, партийных органов, хозяйственных, в том числе и союзных. Это действительно впечатляет. Я бы хотел обратить на это внимание, поскольку я этот момент несколько раз обсуждал в кулуарах, ко мне подходили люди, спрашивали... Поэтому имеет смысл обсудить это специально.

Для того, чтобы региональные структуры складывались и создавались, необходимы не только административные и хозяйственные решения. Нужна такая идея, которая бы заставила людей проснуться, пробудить самосознание и целый ряд еще других целей, необходимых для того, чтобы регион создавался. И это не дело одного решения или одного действия. Поэтому нам, на мой взгляд, даже если говорить про чисто технические идеи хозрасчета, необходимо обсуждать условия регионализации. Просто так одними лишь административными или хозяйственными решениями мы ничего не добьемся.

Краковский А.И.: Я думаю, вы согласитесь со мной, что в принятии различных действий, в том числе и управленческих, необходима надежная информация. С этой точки зрения я и буду говорить о самой Концепции: как мне представляется ее будущее, ее недостатки, ее достоинства?

С одной стороны, мы знаем, что происходит в регионе, как происходит давление экономической деятельности на природу в регионе Байкала. Мы знаем, что ежегодно выбрасывается 100 млн. $м^3$ загрязненных сточных вод. Мы знаем, что в течение ряда лет выбрасывается 1,5 млн. т загрязнений в атмосферу. Казалось бы, что-то ясно, мы видим динамику, но мы не видим, что же происходит, в конце концов. Что происходит в организмах, во всем комплексе Байкала и его экологии. Мы знаем печальные сведения о гибели рыбы, о накапливании различных веществ. Но это обрывочные сведения, причем мы очень разноречиво их понимаем. Два института занимаются одним и тем же □[2], но мы мало что знаем, нет четкой и ясной картины. Скажите, как можно лечить больного, если не знать, чем он болен? Мы должны знать, что мы лечим. Или насморк, или крупозное воспалений легких.

Я скажу, да, Байкал болен! Но какова степень болезни? Когда произойдет вымирание водоема – завтра или лет через 10, через 100 лет? Мы этого не знаем. Мы не можем рассчитывать на свои людские, денежные силы, чтобы привести в порядок экономику, социальные вопросы в связи со всей экологией в регионе.

Поэтому мне кажется, что экономическая часть Концепции убедительна, насколько я могу об этом судить из разговора с ее автором – Геннадием Иннокентьевичем Фильшиным. Есть Байкал или нет Байкала? – экономическое недомыслие недопустимо. Поэтому связать экономические и социальные подходы с реальной возможностью и экологической способностью самого Байкала (его экологической системы) – крайне необходимо.

Оба варианта предлагаемой и утвержденной Концепции, на мой взгляд, не являются концепциями. В концепции все должно быть завязано, все должно вытекать одно из другого. Модель должна быть динамичной, с учетом нашего развития. Я очень удивился, когда услышал от такого крупного ученого, как Г.И. Галазий, вещи, которые просто непонятны. Как можно вообще рассчитывать на то, что если мы всю промышленность уберем, Байкал будет естественно развиваться. Нельзя так подходить с современных позиций, мы развиваемся, мы не можем стоять на месте.

Поэтому я считаю, что Концепция эта условна. Это меры, которые нужно предпринимать, воплощать в действительность, чтобы нам не вредить дальше. Концепцией она может стать только тогда, когда мы можем измерить степень деградации всего этого региона. Без настоящего мониторинга мы этой проблемы не сможем решить.

Причем, повсеместно, не только здесь. В ряде регионов такой мониторинг все-таки есть, но когда я наталкиваюсь на Байкал, то вижу – мониторинга нет, есть совершенно противоречивые и поэтому неприменимые данные. Мы изучаем заболеваемость населения от атмосферы, воды, над этим работает целый институт. Конечно, там есть данные, которые еще нужно увязать, но не в том плане, кому из загрязни-

телей отрубить голову, а в том, что один человек крепкий, другой нет, разный климат, разные условия. Но как только я начинаю изучать регион Байкала, здесь нет почти никаких данных. В чем здесь дело?

Работая в данном регионе, мы должны изучать проблемы и в других регионах. И информация эта есть. Здесь прозвучало, что нет информации в партийных органах. Как это может такое быть?! Значит, не интересуются проблемой. Есть и экономическая, и экологическая информация, она доходит до населения, выпускаются соответствующие бюллетени, сборники, многое чего сделано, и эта работа будет усиливаться. Но здесь еще большие проблемы, так как мы даем мало информации для населения.

Грачев М.А.: Скажите, пожалуйста, сколько Госплан отпускает на развитие науки, академической в том числе? Если вы не знаете, я подскажу – нисколько.

Краковский А.И.: Я думаю, Вы ищете причины. Нужно ставить вопрос не так. Что значит, не отпускают? Вы должны требовать эти средства.

(Смех в зале)

Бочкарева Т.В.: О международном значении Байкала прозвучало достаточно много. В частности, о внесении Байкала как первого в СССР объекта в список Мирового Наследия ЮНЕСКО. Говорилось о создании мирового научного центра. Все прекрасно, но у меня есть целый ряд вопросов. Меня удивило, что ученые так много времени потратили, чтобы нам рассказать о вопросах финансирования, о социальном аспекте международного научного центра, но никто нам не рассказал о назначении центра, для чего он создается. Ученые будут приезжать для того, чтобы отдохнуть или участвовать в исследовании по Байкалу, или у центра какое-то другое назначение?

Здесь звучали идеи компромиссной, охранительной экологии, слова о том, что жители этого региона хотят видеть его реликтовым и отказываются от создания в нем научного центра, который мог бы разворачивать работу на совершенно иных, деятельностных основаниях. Проводить активные исследования такого типа, каких нет еще в мире – по комплексному анализу деятельностно-природных систем, по отработке методов мониторинга.

Почему-то в выступлении ученых СО АН не прозвучала информация о том, что в ближайшие два-три десятилетия развитие всей мировой науки в области экологии будет определять международная суперпрограмма “Геосфера-биосфера”. И одной из нерешенных проблемы подготовки этой программы является нерешенный пока вопрос мониторинга. Центр мог бы продвинуть решение этой проблемы.

Тахтеев В.В.: Мне бы хотелось возразить в отношении того, что было сказано о ПДК, ПДС, и всего прочего, где было сказано, что закономерная тенденция должна идти к предельно допустимой нагрузке на экологическую систему. Кто только ни ждет, когда товарищи ученые скажут, сколько загрязняющих веществ можно сбрасывать. Ждут, чтобы этим воспользоваться.

В Концепции изложен принципиально новый подход. Дело в том, что у нас нет механизма, который заставил бы сокращать и сводить к минимуму те загрязнения, которые наиболее опасны. А без механизма все это будет лежать мертвым грузом. Но это отдельный разговор. Можно благодаря этой разработке, которую представил нам Михаил Александрович Грачев, фиксировать сточные воды по токсичности. Вот в чем может заключаться значение этой классификации веществ. А ПДК можно оставить на санитарно-техническом уровне. Для чего? Для экологической гласности. Населению будет более понятна степень загрязнения вредными веществами, если она будет выражена в процентах от нормы, а не в величинах концентрации. Будет более понятно, грозит ли это опасностью для их здоровья.

Хромов Н.С.: Товарищи, я должен выступить, потому что здесь сказали, что Концепция утверждена Госпланом РСФСР.

Основным разработчиком Генеральной концепции развития производительных сил региона является, естественно, СО АН, которым проделана большая и трудная работа. Эти предложения соединены с предложениями Госстроя и другими и поступили в СОПС при Госплане СССР, где были рассмотрены совместно с СО АН СССР. Материал был рассмотрен в СОПСе с участием Госплана СССР. Были некоторые разногласия, но все-таки пришли к единому решению. Из этого большого материала была сделана выжимка – короткое изложение Концепции. Почему это было сделано? Потому, что основная задача, которая стоит перед Концепцией, это задача определения основных направлений развития производительных сил данного региона. В данном случае, на фоне нашего озера Байкал и, прежде всего, охраны его природной среды.

После выхода этого “короткого” документа он был направлен в Совет Министров РСФСР для согласования. Он был рассмотрен рядом заинтересованных министерств – Госагропромом, Госстроем, Минводхозом, Минздравом. Министерства направили свои замечания, и они были учтены в этой Концепции. После чего она была рассмотрена Комиссией по охране природы Совета Министров СССР и направлена в Совмин РСФСР для утверждения, после широкого обсуждения общественности. Для этого эта Концепция была направлена в Бурятский Совет Министров, в Читу и Иркутск. Все вопросы были учтены, и с учетом замечаний и пожеланий Концепция была ут-

верждена для того, чтобы ее использовать в разрабатываемой в настоящее время схеме охраны природы. Вот теперь у нас и схема охраны природы будет, и Концепция. В Концепции – общие направления, в схеме – конкретные мероприятия.

Что касается расхождений в указанных вариантах по поводу земельных площадей, я больших расхождений не вижу. Если рассматривать полный вариант СО АН – это один вопрос. А если рассматривать вариант, укороченный СО АН совместно с Госпланом, – это другой вопрос.

Теперь по поводу сокращения пастбищ до 30 %. Не знаю, была ли первоначально цифра 60 %, я видел документы, в которых уже была указана цифра 30 %. Может быть, она появилась в процессе согласования с Госпланом РСФСР, не знаю, но знаю, что СО АН СССР в обсуждениях и согласовании принимало непосредственное участие.

Мы ведь привыкли давать сельскому хозяйству много научных рекомендаций и указаний – "сократить", "увеличить", "довести поголовье"... Агропром рассмотрел, проконсультировался с местными органами, прежде всего с Бурятским Советом Министров, так как его это касается в первую очередь. И все согласились с общей записью этого вопроса: "сократить поголовье скота в соответствии с допустимыми нормами нагрузки на пастбища". Мне кажется, что здесь важна именно общая запись, ведь в концепции мы должны дать прежде всего генеральное направление, а не конкретные цифры.

Мы получили предложения от Бурятии, Иркутской область и Читы о широком обсуждении, опубликовании в печати документа Концепции. И тот вариант, которых мы утвердим, пойдет уже непосредственно в документы пятилетнего плана развития.

Теперь я бы хотел сказать как член Комиссии Госкомитета. Я считаю, что в Генеральной концепции, прежде всего, нужно исходить из следующего. Во-первых, из развития производительных сил, направленных на решение социальных вопросов. Эта проблема усугубляется здесь тем, что у нас есть озеро Байкал. Поэтому накладываются еще местные рычаги. Ставится вопрос, можно ли вообще охранять озеро Байкал без развития экономики. Может быть, если все закрыть, а население оставить на уровне деревни, все будет хорошо? Но экономика должна развиваться! Конечно, так, чтобы давать экономический эффект. Такая, какая есть сейчас, она не может осуществлять обеспечение природоохранных мероприятий. Нужно создавать такую экономику, чтобы была отдача от ее деятельности, был экономический эффект, тогда будет выполняться и природоохранная деятельность.

Шаргаев М.А.: Товарищи, я считаю, что ни у кого из нас не должно быть иллюзий в том отношении, что защита Байкала и его бассейна – это проблема сохранения естественноисторического, экономического, экологического существования общества на его территории. И в связи с этим, Концепция, которую мы сегодня обсуждаем, это тот документ, который в высшей степени есть наше завтра. Я не случайно задал вопрос о возможности ликвидации диктата со стороны ведомств. Диктат ведомств налицо: прекрасный документ, разработанный СО АН, выхолостили. Я совершенно согласен с товарищем из Латвии, что на этом останавливаться ни в коем случае нельзя. Надо поставить вопрос со всей ответственностью.

Далее. Вы прекрасно знаете, что озеро Байкал и его бассейн сейчас находятся в очень опасном экологическом положении, потому что мы с вами нарушили указания классиков марксизма-ленинизма. Они писали, что если человечество не считается с законами природы, то это приносит только несчастье. Это действительно так, товарищи. Я это хочу проиллюстрировать на одном только примере. Идет полная ликвидация Баргузинской долины, которая 30 лет назад была исключительным материальным благом. Возьмите реку Баргузин, которая протянулась на 400 км. На сегодня эта река потеряна на протяжении 115 км. Эта река потеряла свою способность.

Поэтому я хочу сказать, что у Концепции СО АН СССР, которую мы сегодня обсуждаем, есть большие достоинства, но есть и недостатки. Об этом должны высказаться все. У меня есть конкретное предложение ввести в эту концепцию еще один раздел – "Природовосстановление". Это не имеет отношения к природоохране, это совершенно разные вещи. Мы сначала должны вылечить наш регион.

И последнее. Нельзя так утрировать претензии к Госплану РСФСР. Я совершенно солидарен с Г.И. Галазием. Вопрос стоит так, что все производства на территории бассейна озера Байкал должны быть экологизированы в полной мере, а те, которые не могут быть экологизированы, они должны быть вынесены за территорию озера Байкал. Спасибо за внимание.

Из зала: Вы все, наверное, обратили внимание на выступление представителя Госплана, в частности, на фразу, что они сделали "выжимку" из материалов СО АН СССР, и второе, что у них "не хватило времени".

Самое страшное то, что, практически, любой наш проект превращается в "выжимку", потому что им наплевать на все это дело, а поэтому и времени для принятия настоящих, а не фиктивных решений, никогда не будет. А вывод из этого простой – все эти вопросы должны решаться на местах. Власть должна принадлежать представителям региона. Только тогда можно решить эти вопросы.

Предыдущий оратор сказал о том плачевном со-

стоянии, в котором находится река Баргузин. Дело в том, что до сегодняшнего дня освоение наших территорий шло самым варварским образом. И до сего дня это продолжается. Мы сейчас боремся за экологию Байкала, и параллельно строим три завода-гиганта. Только в Улан-Удэ два завода, причем, на них все трудовые ресурсы будут завозиться.

Из зала: А что ваш Совет Министров?

Из зала: Да при чем тут Совет Министров Бурятской АССР, если все решается "наверху"? Вы это прекрасно знаете. От Совета Министров республики в любом случае можно получить согласие, до тех пор, пока не будет изменена система власти.

Еще один завод – радиоламповый завод в Гусиноозерске. И в Северобайкальске завод хочет поставить свои цеха, но пока об этом замолчали. Мы с вами здесь сидим, а дело делается.

Большаков А.Г.: У меня только два коротких замечания. Я внимательно изучал опубликованную Концепцию и слушал доклад представителей СО АН СССР. В части постановки цели и определения приоритетных областей никаких различий я не обнаружил. Формулируется цель – ускоренный рост существующего производства и в то же время сохранение уникальной экосистемы озера Байкал. И приоритеты: а) машиностроение, б) агропром, в) рекреация. Как раз к этим двум моментам у меня замечания.

Цель, сформулированная таким образом, является довольно противоречивой, поскольку то же машиностроение и сохранение уникальной экосистемы озера Байкал взаимно исключают друг друга. Мне кажется, что в плане того, что здесь развивать, нужно исходить из специфики региона. И в первую очередь брать во внимание особые качества байкальской воды. На этом должны основываться предложения по развертыванию искусственно-естественных систем. Ландшафты водосборного бассейна должны быть ухожены и оборудованы.

Борисенко И.М.: Я хочу высказать свое мнение, как я представляю себе концепцию по сохранению водных ресурсов в бассейне озера Байкал.

Во-первых, в литературе сейчас довольно часто встречаются два термина: "охрана природы" и "охрана окружающей среды". Это два разных понятия. Природа – это первозданное, а окружающая среда – то, что сейчас нас окружает.

Если говорить об охране природы, тогда это неправильно, потому что сюда входит и окружающая среда. Хотя бассейн Байкала можно разделить на части – районировать, где сохранились природные условия, и где уже имеется окружающая среда.

Говоря о водных ресурсах, здесь надо понимать две стороны: количественная сторона охраны водных ресурсов и качественная.

Попов С.В.: Извините, ради Бога. Сейчас мы обсуждаем Концепцию, про которую нам доложили. Если у вас самостоятельное сообщение, то мы перенесем его на завтра.

Борисенко И.М.: Хорошо, перенесем на завтра.

Афанасьев П.Д.: Я хочу выступить по гигиеническим и санитарным аспектам, экологическим правилам, которые здесь не совсем даны. Если рассматривать с точки зрения правила охраны поверхностных вод и экологические правила, то они сами себе противоречат, работать по ним невозможно. Что такое экологические правила? Они дезинфекцию сточных вод жидким хлором или хлорной известью на сегодня исключают. Хозяйственные предприятия могут, ссылаясь на эти правила, сбрасывать любые сточные воды без всякой очистки в любые водоемы.

Если взять правила охраны поверхностных вод, то в местах отдыха населения регламентировано – "полииндекс не более 10 тысяч", то есть не более десяти кишечных палочек в одном литре воды. Сейчас только Улан-Удэ сбрасывает порядка 180 тысяч. В сточных водах до прохода очистных сооружений полииндекс составляет 240 тысяч, а в "пятисотом слое" уже доходит до 2400 и далее на протяжении 80 км до Селенгинского ЦКК падает до 1000, даже меньше. Проходя мимо Селенгинского ЦКК, восстанавливаются до 240 тысяч. А потом, проходя до Байкала, уменьшается. В устье Байкала полииндекс составляет практически 1500. Что же будет, если эти воды не хлорировать? Значит, на протяжении от Улан-Удэ до Байкала это будет сточная канава. И в реке Селенге тогда невозможно будет не то что купаться, – к ней невозможно будет подойти.

И это нужно учесть в Концепции. В нее должен войти огромный раздел "Водоснабжение".

Как быть с Гусиноозерском, с его ГРЭС? Ведь там сбрасываются теплые воды, и озеро скоро будет цвести. А из него осуществляется водоснабжение: и города, и курортов, которые там есть. Там нет подземных вод, которые можно было бы использовать для населения. Но можно же, наверное, избавить эту

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ
17 октября 1988 г.

(Понятие об “экологии” и обо всем “экологическом”)

Попов С.В.: Если экологические движения не имеют свою научную базу и не разговаривают с учеными на языке экспериментов и проверок, то это практически безнадежно. И надо думать, и развивать движение, чтобы оно было осмысленным. Потому что, если иначе, то такие диалоги всегда кончаются одинаково: стороны расходятся, неудовлетворенные друг другом. И если вы начнете в этом плане работать и какие-то эксперименты ставить, то я не думаю, что кто-то, например, М.А. Грачев, будет этому препятствовать. Наоборот, было бы и для него интересным получить какие-то новые данные, если это – действительно данные.

Теперь – к теме, которую нам представляется важным обсудить. Она касается того, что мы понимаем под “экологией” и под “экологическим”.

Так, для игры можно было бы сказать (в плане замечаний, появившихся после анализа Концепции): в плане фундаментальных разработок по экологии мы очень и очень отстаем. Нам их часто заменяют фундаментальные разработки по физике, химии и другим дисциплинам, которые уже сложились. Я попробую сейчас, в первой части показать нашу точку зрения на экологию (чтобы ее подвергнуть публикации и соответственно – критике), а дальше Петр Георгиевич Щедровицкий поможет в этом и свою часть тоже доложит.

Но я начну не с теоретических вещей, а с одной конкретной ситуации, с которой мы столкнулись летом 1985 г. Эта ситуация сама по себе очень любопытна и, на мой взгляд, имеет большое значение для аудитории.

Летом 1985 г., как вы знаете, проводился XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Мы до этого, работая в области методологии и анализа способов мышления и деятельности, особо экологией и не интересовались. В каком-то смысле экологические страсти за рубежом для нас были в стороне, а внутри страны ситуации практически не было, потому что закрыто все было. Особо это и не обсуждалось, кроме общих, часто бессмысленных статей про человека, про мир и вообще, – про все на свете. Хотя кое-где и мы с этим работали. Например, мы обсуждали проблемы экологического воспитания школьников, но нас там интересовала больше методология педагогической работы, а экология была интересна лишь тем, что давала неоднозначный материал.

Но вот 1985 г. У нас свои дела намечены. Мы уже собирались уезжать. И тут нас отловили комсомольцы. Причем отловили очень жестким образом. Сначала мне позвонили из оргкомитета по подготовке фестиваля. И говорят: “Нам нужно подготовить советскую делегацию. У нас есть центр охраны окружающей среды, он первый раз на фестивале; мы не знаем, что с ним делать. Мы слышали о том, что Вы проводите интенсивные формы обучения и нельзя ли помочь нам?”

Я сказал, что, может быть, и рад был бы помочь, но не могу. И сказал, что меня такого рода политические формы не интересовали и особо не интересуют. Но они оказались очень шустрыми. На следующий день меня вызвали в партком нашего института. И секретарь парткома сказал: “Хочешь – не хочешь, а помогай”. Улизнуть так и не удалось. И вот буквально за 1,5 месяца до начала фестиваля приезжаем мы в Советский комитет и человек, который нас так удачно выловил, объясняет ситуацию. Сначала организационную часть. Она стандартная для нашей страны. За 2 года до фестиваля был создан советский оргкомитет. Он сделал очень многое: снял гостиницу “Юность”, бассейны и др. Но вот за несколько месяцев до начала фестиваля нагрянула комиссия ЦК и тут выяснилось, что неизвестно, за что хвататься: в оставшееся время дел оказалось невпроворот.

А в то время на Западе, как вы знаете, экологические движения приобрели большую силу, проблемы экологии стали очень важными, центральными. И когда нас привели к нашему научному консультанту по экологии (а на фестивале было около 50 консультантов – все профессора и кандидаты) и он нам объяснил, что ситуация проста, как орех, но решить они ее не могут. Приезжают, мол, “зеленые” из всех стран мира. Они настроены очень активно и агрессивно. У них есть целый ряд данных, которые мы тщательно скрываем, о том, как мы загрязняем Арктику, воздействуем на Балтику, и как у нас вообще плохо обстоит дело с экологической проблемой. А наша делегация, которая состоит, как вы сами понимаете, из секретаря ОК комсомола, доярки, студента, рабочего и т.п. И к ней должен быть приставлен научный консультант. То есть с одной стороны, молодые ребята, а с другой – вот такие профессора. И он нам объясняет, что в нашей делегации никто даже понятия не имеет, что такое экология. Как же мы с ними работать будем? А нам нельзя провалить этот фестиваль.

Мы его спрашиваем: “В чем же состоят цели Советской делегации и Советского Союза на фестива-

ле? На кой черт этот центр-то создали?" А он говорит: "Весь мир создает, и мы не можем не создать".

Подготовительный комитет фестиваля решил, что такое – нужно. Но наша делегация – ни в зуб ногой. "Ну, ладно, – говорю, – цели не ясны, следовательно, достичь вы их не можете. Тогда проблема в чем?" Тут он чуть сообразительней оказался и действительно первую проблемку назвал. "Проблема, – говорит, – в следующем: с экологией – все не понятно. Мы набрали консультантов. То есть всех, кто занимается "околоприродоохранной деятельностью". Перечисляет: "У нас есть географы, биологи и т.д. Из всех-всех организаций. И в чем же проблема? А проблема в том, что из этого ничего экологического-то в общем не складывается. Специалистов по собственно экологии (не по биологической экологии, то есть жизни популяций), которые могли бы на равных разговаривать с этими движениями – нет. Докладов написали много. Отправили их в ЦК, они опять вернулись. Экологов нет!"

И поскольку нам бежать некуда было, мы попали в достаточно сложную ситуацию. Либо мы вырабатываем понятие экологии, такое, чтобы оно схватывало ситуацию, хотя бы на уровне понимания: что такое развитые экологические движения, программы и т.п. Либо мы должны отказаться от этой подготовки. Понятна ситуация?

И когда мы с этим начали разбираться (поскольку бежать некуда было), здесь выяснилось, что ученые, работающие в традиционных парадигмах (это понятие из логики науки, то есть в определенных образцах науки: естественнонаучных, кибернетических и т.д.) ситуацию с экологией целиком не ухватывают.

Это стало достаточно быстро ясно. Ни географы, ни биологи – в целом экологическую ситуацию не ухватывают. Все какими-то кусками оперируют. А как она выглядит в целом? – никак собрать не удается. И, на мой взгляд, это действительно принципиальная ситуация. Один из выводов, который мы для себя сделали и с тех пор достаточно плотно занялись экологией, поскольку оказалось, что это все весьма интересно, состоит в том, что существующие системы знаний и методы их получения по отношению к экологической ситуации оказываются частичными.

Частичными! А это что означает? В это до сих пор никто из ученых не может ни поверить, ни сознаться. Это означает, что ни одна конкретная наука не может схватить ситуацию в целом. Пришлось с этой сложной ситуацией разбираться. И вот тогда мы сделали своеобразный ход и стали обсуждать основания, на которых можно было бы строить это, если хотите, экологическое знание.

А сейчас П.Г. Щедровицкий продолжит дальше, а я буду помогать. Но я прошу обратить на это внимание. Поскольку до сих пор бытует представление, что кто-то из ученых ее может уловить.

Щедровицкий П.Г.: Итак, для того, чтобы подойти к обсуждению названного круга вопросов, а вместе с тем, для того, чтобы приблизиться к анализу предложенной концепции, но не с точки зрения обсуждения ее разнообразных теоретических оснований, а с точки зрения ее претензий на то, чтобы быть концепцией экологически ориентированного развития, для того, чтобы подойти к обсуждению этого круга вопросов, нам понадобилось сначала на уровне некоторых простых схем ввести контуры экологической ситуации. Или, я бы сказал чуть иначе (и это было бы правильно, поскольку дальше нужно к этому двигаться), а именно: ситуацию с экологией и экологическими вопросами. Потому что, в каком плане мы ситуацию в Байкальском регионе должны назвать экологической, а в каком – экономической, а в каком – социальной? – это ведь всегда вопрос. И как провести границу и отделить одно от другого? – это ведь всегда непонятно. И мне симпатичны те вопросы, которые здесь задавались.

То, что у нас так устроен хозяйственный механизм и то, что сюда, на Байкал, шерсть не надо возить мыть, это мы понимаем. Но какое это имеет отношение к экологии? И вот здесь, чтобы отделить экологический аспект ситуации от других аспектов любой социокультурной ситуации, нужно выделить специфику "экологического" и ввести первое предварительное понятие об "экологии" и "экологическом". Но чтобы к этому приблизиться, нам понадобилось сначала ввести некоторую абстрактную схему, в которой были бы зафиксированы основные предметы социально-хозяйственной деятельности, с которыми мы сталкиваемся (я бы так сказал) на уровне здравого смысла.

Что вроде бы фиксирует самый предварительный и первый анализ ситуации?

Мы имеем сегодня определенные системы деятельности, определенные предприятия, заводы, фабрики, которые воздействуют на тот или иной природный материал, на тот или иной природный ареал, захватывают и используют его в процессах деятельности (например, производственной или какой-то другой). А, следовательно (хотят они этого или нет), они, используя и перерабатывая этот природный материал, воздействуют на него. И изменяют его в том или ином направлении. При этом можно сказать, что каждое такое действие на природный материал, каждый факт его использования в дальнейшем вызывают некие последствия, которые отпечатываются на этом природном материале, деструктурируя и переорганизуя его собственные характеристики. Эти последствия как бы проникают в толщу этого природного материала и оставляют там, на этом природном материале, расходящиеся следы. В принципе, если

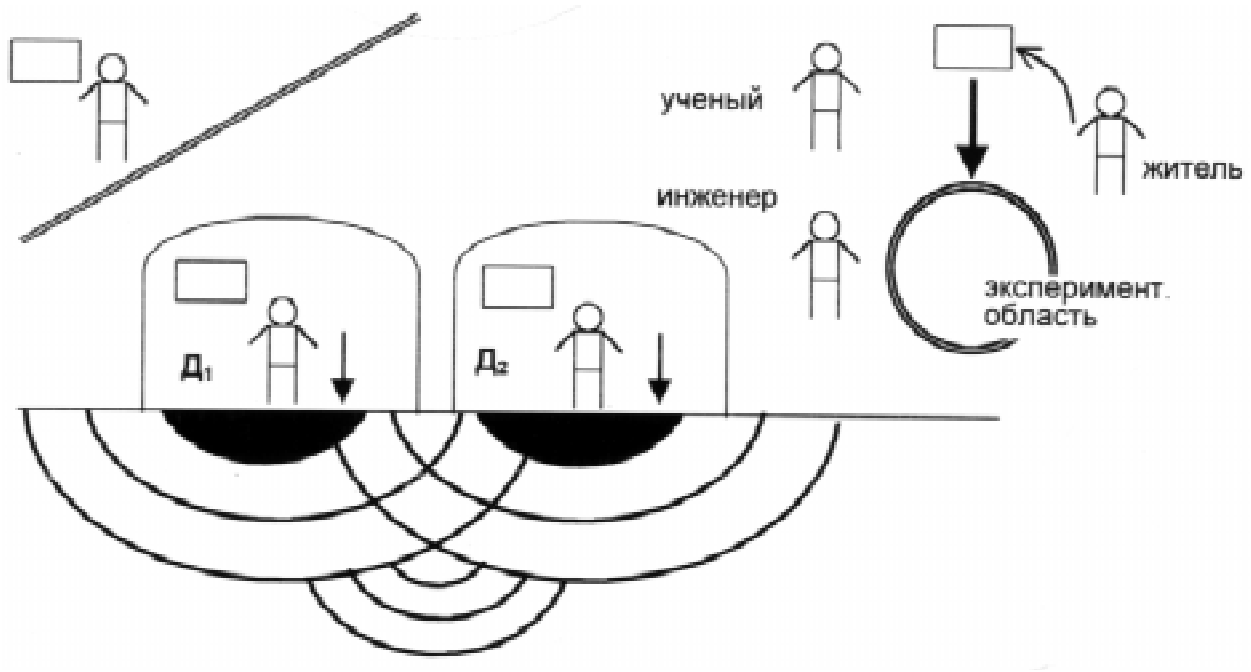


Рис. 3

бы я теперь вышел из этой позиции деятеля, который захватывает этот природный материал, и попробовал бы оценить эту ситуацию как бы со стороны, то я должен был бы сказать: всякий деятель, всякое производство, всякая форма жизни, осуществляя такой захват природного материала и его переработку для нужд своего существования, в принципе и в целом, оценивает то, что оно создает. И, наверное, важно выделить зону учитываемых и контролируемых последствий, которые с самого начала известны этому деятелю, и которые он, в каком-то смысле, прогнозирует. Если уж мы начинаем производственную деятельность и берем что-то из Байкала, что-то там изменяя, то мы, в общем, оцениваем эти изменения. И вот эту зону контролируемых и учитываемых последствий нашего действия мы как-то удерживаем (на рис. 3 заштрихованная область).

Но если я стою во внешней позиции ученого, то я должен признаться и очень четко понимать, что кроме этой, контролируемой и учитываемой зоны последствий, есть еще, по крайней мере, две зоны последствий. А именно, это последствия, учитываемые на уровне сознания, но не контролируемые данным деятелем. То есть, конечно, он знает, что какие-то последствия выходят за границы его деятельности и начинают трансформировать природное окружение. Но он уже над ними не властен. И если здесь (в первой зоне) он еще как-то может справляться с последствиями своих действий, то во второй зоне он уже справляться не может, хотя он и знает, что что-то такое он творит. Но нужно обязательно ввести еще третью зону последствий: а именно зону не только неконтролируемых, но и неучитываемых последствий. То есть такие последствия, о которых мы сегодня ничего не знаем в силу ограниченности наших знаний и ограниченности наших представлений о том, на что мы воздействуем, с одной стороны, и как и за счет чего мы воздействуем, с другой. Я хочу обратить ваше внимание на то, что пока здесь никакой экологической ситуации нет. Что в принципе такого рода последствия воздействия человека на окружающую среду были всегда. Но для того, чтобы начать обсуждать эту ситуацию, надо ввести абстрактную фигуру еще одного деятеля, который точно также начинает действовать на этот природный ареал, его охватывает и преобразует. И я должен для этого второго действия выделить такие же зоны последствий и еще начать обсуждать интенференцию (наложение) этих последствий и еще целый слой дополнительных последствий, которые возникают, когда одно действие накладывается на другое и вызывает уже вторичные, третичные последствия и т.д. Но вы опять должны признаться, что никакой экологической ситуации тут нет. И то, что мы собраны на одном природном ареале, и то, что, например, как вы здесь рассказываете, этот самый комбинат мешает людям жить, работа целлюлозной промышленности мешает рыбному хозяйству, и вообще между всеми этими системами деятельности начинаются какие-то столкновения и противоречия по поводу материала природы, все это еще никакой экологической ситуации не создает. Хотя, конечно, мы все понимаем, что XX в. связан с тем, что мы все более плотно живем, и наши способы воздействия на окружающую природу – все более и более деградируют этот природный материал. В этом плане наши воздействия на природу вызывают все более и более сложные и долговременные последствия. И в каком-то смысле мы попадаем в удиви-

тельную ситуацию, когда на каждом шагу мы начинаем сталкиваться с последствиями своей собственной деятельности или деятельности наших соседей. Но заметьте, я опять повторяю: никакой экологической ситуации здесь нет! Здесь просто есть столкновение и взаимодействие разных систем деятельности на природном материале. На том материале, без которого мы не можем ни жить, ни производить. Тем более – сегодня. Вот теперь по отношению к тому, что я здесь ввел, я хочу обсудить несколько вспомогательных вопросов, как бы отстранившись от этой схемы, и по поводу нее.

Здесь несколько раз высказывалась такая точка зрения, что человек – есть часть природы. И вроде бы, за этим стоят какие-то рациональные основания. Мы прекрасно понимаем, что наш биоидный материал есть и он к природе какое-то отношение имеет. Но ведь, кроме всего прочего, каждый человек еще принадлежит к определенным системам общественной и социальной деятельности. И как принадлежащий общественной и социальной деятельности он не принадлежит природе. Он принадлежит машинам человеческой культуры, организованной, исторически развивающейся деятельности. И в этом плане нельзя сказать, что машины, которые мы придумали и с помощью которых мы производим товары народного потребления или еще что-то, это – природные образования. Это есть результат нашего творчества и есть результат деятельности разума, который опирается на науку, инженерию и другое. Но, во всяком случае, это – вещь не принадлежащая природе. Мы одной своей половинкой принадлежим природе, а другой своей половинкой принадлежим миру истории, культуры, инженерии, техники и создаем, таким образом, машины деятельности, которые потом природный материал перерабатывают. Ну, а опосредованно еще и на нас начинают влиять в той части, в какой мы есть природные существа. Из этого я должен сделать один удивительный вывод: вообще, этот тезис, что "человек – это часть природы", – есть своего рода обман. Такой неосознанный, но обман. Потому что мы забываем про эту вторую половинку человека. И мы забываем о том, что современный мир – это мир неприродный. Или как бы я сказал: не только природный. Или не столько природный, но еще обязательно и мир нашей деятельности, которую человек построил, вырастил в рамках европейской цивилизации и которую он теперь накладывает на природную, биологическую и даже в каком-то плане космическую материю и начинает эту материю перерабатывать и трансформировать в соответствии со своими целями. Если я теперь (опять же из этой внешней позиции) смотрю на то, что я нарисовал на схеме, то должен с удивлением констатировать, что современные технологические, региональные и любые другие социальные и общественные системы всегда состоят из этих двух разных инфраструктур: одной – деятельностной, а другой – природной. И при этом природная часть втягивается внутрь деятельности и перерабатывается ею. Но вы ведь можете сказать: человек со всей своей деятельностью, которая перерабатывает природу, принадлежит космосу. А космос суть не что иное, как природа. И в этом смысле мы со всей своей деятельностью включены внутрь. Но я вот здесь, ей Богу, не знаю, как говорить правильно: то ли мы включены в природу, то ли природа включена в нашу деятельность? И вообще, что происходит в тот момент, когда мы вылетаем за границы Земли и начинаем осваивать космическое пространство, а Землю начинаем рассматривать как объект своей преобразовательной деятельности? Знаете, сейчас самые перспективные научные исследования в военно-промышленном комплексе – это по геофизическим войнам. То есть здесь что-нибудь взорвать, а там чтобы тоже что-нибудь обвалилось. Вот так вот с Землей поиграть в какие-нибудь игры. Игры, которые проектируются нашим сознанием и производятся нашей деятельностью. А поэтому можно вообще все перевернуть и с таким же успехом сказать: точно так же, как человек в своей биоидной части – есть часть природы, так и природа есть часть человеческой деятельности. А именно – материал, который нами перерабатывается для поддержания нашей цивилизации и нашей жизни. И при этом я не знаю, как к этому относиться. То есть я не очень понимаю, почему мы с большим удовольствием обсуждаем себя как часть природы и не обсуждаем природу как делаемую нами. Я бы вернулся к вашему различению и сказал бы: ну да, как интересно! Натуральная природа, Мать Природа, которая когда-то, говорят, была, а теперь ее уже практически нет. Мы живем в мире созданной нами окружающей среды. И эта среда в гораздо большей степени техногенна и антропогенна, чем натуральна.

Из зала: Становится такой.

Щедровицкий П.Г.: Что значит "становится"? Здесь несколько человек в перерывах подходили ко мне и все намеками спрашивали: так как я отношусь к проблеме Байкала? Болею ли я душой за Байкал?

Понимаете, у меня очень двойственное отношение. Потому что, с одной стороны, я ведь что понимаю? Деградация природы во многих и многих областях дошла до такой степени, что болей за нее, не болей – толка никакого не будет. Надо переходить на ту политику, о которой вы здесь сказали, то есть на политику восстановления природы, рекультивацию, реабилитацию природных ареалов. А где там инженерная деятельность, где там натуральная деятельность, где там эволюция природных организмов, а где наше биотехнологическое или космотехнологическое творение, сказать уже невозможно. А поэтому получается такая странная вещь: спасать-то спасать, но только не то, что было. А то, что мы сможем

спасти за счет своей искусственно-технической деятельности. И все "охранительные" лозунги уже сегодня никуда нас не пропустят, поскольку с ними далеко не шагнешь. Но если это – природа, которую мы конструируем и создаем, то возникает вопрос: на основе чего? На основе какой специальной системы деятельности?

Но я бы вернулся назад и пока бы ввел это первое утверждение, чрезвычайно важное для меня. Итак, хотим мы этого или не хотим, но мы имеем дело с деятельностно-природными единицами или целостностями.

А вот теперь мы возвращаемся к той дискуссии по системному анализу, которая была здесь вчера. Я ведь исхожу из того допущения, что деятельностно-природная система не делится на такие подсистемы: природную и деятельностную. Нельзя целостность, которая суть деятельностно-природная целостность, разделить на две подцелостности, которые жили бы по своим "натуральным" законам: природная составляющая – по природным законам, а деятельностная составляющая – по деятельностным законам. Ничего подобного! Вы имеете деятельностно-природную целостность, а живет она (заметьте!) по третьим законам. То есть не по законам натуры (природы) и не по законам деятельности. А она живет по законам третьего типа, которые, утверждаю я, пока нам не даны. Грубо говоря, мы сегодня ответа на вопрос: по каким правилам, закономерностям, в соответствии с какими принципами живут деятельностно-природные целостности? – не имеем. Мы кое-что знаем про природу – то, что мы получили в науке (я дальше об этом еще буду говорить); кое-что знаем про деятельность – как она живет по нашим искусственно-техническим законам (то есть как надо создавать, проектировать технологии и все остальное). Но мы очень мало знаем, как живет деятельность на материале природы. И как живет природа, включенная в деятельность. В этом состоит первый тезис.

Итак, имеем дело с деятельностно-природными целостностями. А при этом закономерности, в соответствии с которыми они живут, – не знаем. Поскольку все время пытаемся разделить и выделить отдельно – природные закономерности и отдельно – технические правила создания этих деятельностно-природных систем. А это все не делится!

Я бы здесь остановился. Может быть, будут какие-то вопросы?

Мартынов А.В.: Скажите, вы все это сами придумали?

Щедровицкий П.Г.: А что именно? Что вас интересует?

Мартынов А.В.: Или у вас есть какие-то ссылки? Тогда почему вы их не делаете?

Щедровицкий П.Г.: Я что-то не очень пойму основания вашего вопроса.

Мартынов А.В.: Дело в том, что все, что вы говорили, изложено в трудах Ферсмана, Вернадского и Сочавы. Только все гораздо проще.

Викулов В.Е.: И у советских философов Жданова и Шолохова. А гениальный Р. Рождественский в своей известной фразе все ваше многословие вообще сосредоточил в четыре слова. Нет – в шесть слов: "Все меньше окружающей природы, все больше окружающей среды".

Поэтому, как я понимаю, вопрос товарища Мартынова сформулирован в такой форме. А мне хотелось бы пойти еще дальше и узнать, в чем оригинальность дальнейшего.

Щедровицкий П.Г.: Хороший вопрос. Но я пока говорю то, что говорю. А именно я утверждаю следующее. Мы сегодня находимся в такой ситуации, когда традиционные научные и проектные подходы, которые описывают отдельно мир природы и мир деятельности, не работают в условиях складывающейся экологической ситуации.

Викулов В.Е.: Это декларация.

Попов С.В.: Давай игровым образом ответим. Вопрос же жестко задан и прямо. На него прямо и нужно отвечать.

Понимаете, еще до Галилея всё, что он знал, тоже знали. Спрашивается: что сделал Галилей? В отличие от Леонардо да Винчи и других естествоиспытателей он сделал одну такую вещь. До него все говорили, как поэты: вмещая весь мир в два слова. Галилей же построил модели: падения тел и другие.

Викулов В.Е.: Вы считаете, что это модели Галилея?

Попов С.В.: Нет. Нет, конечно. И в этом плане это еще пока совсем не предметная и не научная модель. Далеко нет. Но если мы не хотим в старых предметных моделях работать – разные предметные представления не схватывают целостность, если мы теперь в этой проблемной ситуации хотим построить модель, то нам нужны некоторые категориальные основания. Или такого вот рода простые схемы, которые позволяли бы строить научные модели, а не поэтические рассуждения.

Викулов В.Е.: Мы назвали вам географов, геологов, философов и поэтов!

Попов С.В.: А почему вы думаете, что я плохо слышу?

(Шум в зале)

Щедровицкий П.Г.: Подождите-подождите! Давайте разбираться. Куда вы спешите?

Попов С.В.: Вопрос задан жестко и точно. И нужно отвечать по векселям. С моей точки зрения, когда Ферсман, Вернадский и другие писали о целом, они это писали в философском ключе. А что это значит? То же самое, что до Галилея писали Николай Кузанский и другие – в философском ключе. То есть в форме понятий, а не предметных моделей, кото-

рые можно было бы нарисовать, схематизировать и начинать специальное теоретическое исчисление. Так, как работают математики, физики, химики и все остальные. которые работают не на общефилософских понятиях, что что-то там из много состоит, а потом оно в единое собирается. Химики, например, работают с молекулами, которые собираются по законам конструирования цепочек. Ни у Вернадского, ни у Ферсмана такого рода моделей нет. А общие рассуждения о необходимости такого рода сферических представлений, как у Вернадского или других, остаются общими рассуждениями, не более того.

Викулов В.Е.: Постойте, Вернадский работал не только как философ, но и как естествоиспытатель. Он не работал, конечно, как системщик.

Попов С.В.: Да. Но здесь все это разделяется. Одно дело рассуждения о целостности, а потом – работа на предметных представлениях одного типа (геохимического). И совсем другое дело – исходя из этих общих рассуждений построить хотя бы нечто, которое уже можно было бы рисовать и смотреть. И где бы была логика и анализ. И поэтому, в этом плане, что мы здесь попытались сделать? Мы попытались сделать вот такие предпредметные представления. Где бы эти деятельностные и природные части целого сочленялись бы не на уровне слов, а на уровне определенных понятий и способов их сочленения.

Викулов В.Е.: Но мы пошли дальше.

Попов С.В.: Подождите. Куда дальше?

Викулов В.Е.: Мы сидели, молчали и не задавали вопросов. Но была сделана пауза... Теперь относительно ноосферы. Простите, но этот вопрос у Вернадского поднят.

Грачев М.А.: Мне скоро надо будет уезжать, потому что все не бросишь. У вас это где-нибудь опубликовано?

Щедровицкий П.Г.: Кое-что у меня опубликовано.

Грачев М.А.: Ну, тогда дайте нам оттиск, изложение или препринт. Понимаете, так разговаривать тяжело.

Щедровицкий П.Г.: Мне это все нравится. Поэтому, если у вас есть в библиотеке журнал "Человек и природа", то можете посмотреть № 12 за прошлый год [1]. Там опубликована одна такая статейка. Популярная, как вы говорите.

Из зала: А непопулярная?

Щедровицкий П.Г.: А это надо еще обсуждать и разрабатывать. Но давайте вернемся назад к ситуации и будем ее обсуждать. Я ведь пока утверждаю одну элементарно простую вещь, что идея выхода к деятельностно-природным целостностям была зафиксирована давно. Давно! И никто не претендует на Нобелевские открытия в этом вопросе. Но теперь давайте обсуждать, что сделано в этом направлении. И я пока говорю лишь одно: ничего по моделированию деятельностно-природных систем не сделано! Потому что (вот смотрите: я теперь все это возвращаю назад уважаемым коллегам) экологическая ситуация, с моей точки зрения, это и есть "лакмусовая бумажка", которая показывает нам, что строить нашу деятельность на разделении природы и технических систем больше нельзя. Но при этом экологическая ситуация показывает нам и еще одну вещь. Что если мы начинаем строить такие технические системы, которые перерабатывают как можно меньше материала природы (о чем здесь, вроде бы, говорили: а именно построить такие технологии, которые максимально мало потребляют природный материал, у них максимально мало отходов и т.д.), – вот это все есть путь компромиссный. Потому что, оттого, что деятельностные системы потребляют мало природного материала, по сути ситуации – ничего не меняется. Потому что они ведь все равно потребляют этот природный материал. Это то, о чем вас сегодня безуспешно спрашивал Бабич. Ну, перейдете вы от ПДК к ПДВ, – говорил он, – то есть введете параметры на ограничения воздействия на природу. Но воздействие-то ведь останется. И вроде бы вы вынуждены были отвечать: "Да, воздействие останется. Оно будет минимизировано". Но от этого схемы взаимодействия деятельностно-природных систем не появятся. И я пока говорю только эту банальную вещь и не претендую на Нобелевскую премию. А именно: я утверждаю, что нужно перейти в другую плоскость, плоскость, внешнюю по отношению к этой рационализации и нормализации деятельности экономических, производственных систем и начать строить модели деятельностно-природных целостностей. Модели! И только если такие модели будут, можно будет говорить о теоретических основаниях концепции экологического развития, или экологизированного развития. А если таких моделей не будет, то можно будет только говорить о нормализации положения, о рационализации деятельности хозяйственных организаций и т.д. Но это другой разговор: это есть концепция рационализации и нормализации хозяйственного механизма.

Вот пока и все, что я утверждаю. Больше я ничего не сказал.

Из зала: Как назвать уголки природы, куда не ступала нога человека? Это природа или неприрода, окружающая среда?

Щедровицкий П.Г.: Таких уголков нет. Вы же понимаете, вы все время пытаетесь, на мой взгляд,

[1] Человек и природа. 1987, № 12. См. также: Рац М. Что такое экология, или Как спасти природу. Человек и природа. 1990. № 7. С.17-62.

закрыть глаза на происходящее. Мне очень понравилась фраза одного географа, который занимается глобальной такой географией. Он сказал: "Да не беспокойтесь. Ну что вы все обсуждаете эти экологические трудности. Ну, человеческий род вымрет, но жизнь-то ведь останется. И не такие пертурбации переживали".

Викулов В.Е.: А ведь он правильно сказал.

Щедровицкий П.Г.: Правильно. Но ведь я же что утверждаю? Экологическая проблема – это не проблема сохранения жизни вообще. Экологическая проблема – это проблема, которая возникает у человека. И в человеческом обществе. И в этом смысле экологическая проблема – это проблема сохранения деятельности, а не природы. Заметьте! Понимаете? Я ведь все переворачиваю. И когда вы кричите о сохранении природы, вы к экологической проблеме не выйдете никогда. Поскольку жизнь останется! Мы помрем! А вот чтобы сохранить деятельность, нужно начать совершенно другую работу. Нужно отвечать на вопрос о деятельностно-природных целостностях, о возможностях их со-функционирования или со-развития.

Из зала: Тогда термин "охрана природы" – неправильный?

Щедровицкий П.Г.: Ну, что значит "неправильный"? Ну, будет такой термин. И что?

Из зала: Но ведь, когда человек охраняет природу, он охраняет самого себя.

Щедровицкий П.Г.: Извините! Извините! Я не видел никого, кто охраняет природу, не знаю, кто охраняет природу. Я знаю, что некоторые люди находят свою экологическую нишу в обществе, делая вид, что они охраняют природу.

Из зала: Правильнее так говорить: минимизируя последствия своего воздействия на природу.

Щедровицкий П.Г.: Это – пожалуйста. Это – сколько угодно.

Якобсон А.Я.: Я, может быть, сформулирую некоторое утверждение, а не вопрос. Мы сейчас услышали несколько тезисов. Первый тезис: человека не следует рассматривать как часть природы. Полностью с этим согласен. Человек, хотя он и часть природы, он себя выделяет из природы. Так же, как я – часть общества, но в данный момент себя противопоставляю всем. Я не могу иначе. Так и человек себя противопоставляет природе. Это неизбежно.

Второй тезис, что общество и природу нельзя изучать отдельно; что можно их изучать только во взаимодействии. Только слово "общество" было заменено словом "деятельность". Это тоже тезис, с которым невозможно не согласиться. Я с ним полностью согласен.

Третий тезис: если мы кое-что знаем об обществе (или о деятельности) и кое-что о природе, то о деятельностно-природных целостностях мы не знаем практически ничего. Об их взаимодействии. Вот с этим тезисом я решительно не согласен. Почему? Здесь были упомянуты Вернадский, Ферсман. Их можно упрекнуть в том, что это только философия, которая еще не дает моделей. Здесь Петр Георгиевич тоже любопытные вещи нарисовал. Может быть, мы в этом направлении продвинемся.

Попов С.В.: Дело не в том, чтобы продвинуться. Дело в том, чтобы понять друг друга и начать разговаривать.

Якобсон А.Я.: Я это и пытаюсь делать. Но я – в трудном положении. Вот здесь упомянули ноосферу Вернадского. На что ответили, что это – не то. Я тоже что-то могу сказать. И на это опять могут ответить, что "это – не то". Мысль о том, что нет на земле ландшафтов, не затронутых человеком, я впервые услышал, будучи студентом первого курса МГУ, из уст академика Маркова, читавшего курс "Общее землеведение". Марков этот тезис отстаивал и развивал. Этого же придерживались и многие другие ученые школы МГУ. Возможно, они не построили моделей взаимодействия общества и природы, но закономерности этого взаимодействия они изучали и, смею полагать, многих полезных результатов достигли. Далее. Есть уже упомянутые здесь модели Сочавы – модели геосистем. Есть неупомянутые здесь модели Комова – модели ресурсных циклов. И я на этом умолкаю. Но хочу только сказать: можно, конечно, утверждать, что модели Комова – "это – не то", поскольку он изучает всего лишь ресурсные циклы. Но это – ни что иное, как циклы взаимодействия деятельности с природой. Если вы будете утверждать, что ничего не сделано, то вы рискуете...

Щедровицкий П.Г.: Рискую. А я вообще рисковый человек.

Якобсон А.Я.: Вряд ли здесь стоит рисковать.

Щедровицкий П.Г.: Но почему же? Давайте только с моей мыслью разбираться. Я ведь не хочу, чтобы вы со мной соглашались. Я ведь утверждаю простую вещь: взаимодействия между природой и деятельностью нет никакого, поскольку категория "взаимодействие" здесь неприменима.

Викулов В.Е.: Это спорно.

Щедровицкий П.Г.: Постойте. Я вообще говорю с самого начала спорные вещи. Во всяком случае, стараюсь. То, что это банализуется, – то моя вина. Но я ведь утверждаю следующее: природа и деятельность – есть результаты абстракций и идеализаций. Вообще-то нет ни природы, ни деятельности. Это есть идеализации и конструкции нашей мысли. А есть деятельностно-природные целостности! А теперь, смотрите, я переворачиваю.

Но мы, люди – слабы головкой. Поэтому в свое время, столкнувшись с этим феноменом (а с этим столкнулись еще Пифагор, Платон, Аристотель) мы начали двигаться в сторону отделения друг от друга

природы и деятельности. Для чего? Чтобы суметь сформулировать для них – для одного и для другого, гомогенные законы. Поскольку с гетерогенными, гетерохронными единицами деятельностно-природными – неимоверно трудно работать. Они ведь живут по удивительным закономерностям, которые, практически, не описываются.

Из зала: Что значит "гомогенный"?

Щедровицкий П.Г.: Гомогенный – значит однородный.

Якобсон А.Я.: Вы хотите сказать, что те модели, которые я упомянул, они связаны с взаимодействием. Собственно, я употребил термин "взаимодействие". Это слово, видимо, не очень удачно. Оно основано на старом, традиционном представлении.

Щедровицкий П.Г.: Нам нужно разбираться на содержательном уровне, а не на уровне отдельных людей. Нам ведь в проблемной ситуации разбираться надо. Поэтому я употреблял вот такие слова: "деятельность захватывает природу". И не говорил: "взаимодействие". Поскольку пытался уберечься от этих привычных идеализаций. Но теперь я ввел одно усложнение, на которое я хотел бы, чтобы вы обратили внимание. Я утверждаю простую вещь: сама идея "природы" была сформирована в научно-философском естествознании для того, чтобы не заниматься деятельностно-природными целостностями.

Константинов Г.Н.: Я бы слова докладчика перефразировал следующим образом. По сути дела, первые два тезиса – это почти половина гамлетовского вопроса. В чем дело? Хочется ощущать природу частью самого себя. То есть, если другими словами говорить, хочется быть Богом. С другой стороны, хочется есть колбасу. И тогда природу нужно ощущать не как часть самого себя, а как нечто внешне данное. И возникает этот гамлетовский вопрос: быть или не быть человеку Богом. Но мы – марксисты. И поэтому возникает...

Из зала: Это вы – марксисты?

(Шум в зале)

Константинов Г.Н.: При решении тех вопросов, которые мы обсуждаем, нужна содержательная критика. И Сергей Валентинович обещал покритиковать те модели, которые мы используем, с этих позиций. Вот я и предлагаю перейти к содержательной критике наших моделей с точки зрения ваших. Но я хотел бы услышать критику конструктивную, а не с точки зрения гамлетовских вопросов.

Попов С.В.: Отлично! Давайте говорить теперь серьезно. Вы, наверное, хороший профессионал. Во всяком случае, в своей области вы, видимо, работаете хорошо. И меня удивляет (заметьте: это уже факт дисквалификации), меня удивляет, что методологические вопросы Вы обсуждаете либо в абстрактно-философской, либо в поэтической манере. Поскольку здесь вопрос – методологический. И если вы хотите содержательно, конструктивно обсуждать и критику проводить, то Вы должны это делать методологически правильно. Не на образах с колбасой и Гамлетом, а правильно!

Чтобы правильно критику произвести, нужно построить по отношению к этой вашей модели (предметной, которая оформлена, имеет традицию, вы в ней выучились и в ней живете) рамку, в которой начать ее систематически и последовательно критиковать.

Константинов Г.Н.: У нее есть рамка, в которой она и построена. Методологическая рамка.

Попов С.В.: Вот! Смотрите. Она-то построена. Методология вся уже в ней умерла. Правильно? Поскольку методы уже скрепились с объектом. Вас этому научили. Вы живете. Для того, чтобы ее критиковать, нужно построить другие основания, возможные. И уже тогда, как Вы говорите, содержательно критиковать.

Константинов Г.Н.: То есть которые могли бы дать эквивалентный результат.

Попов С.В.: Что вы, что вы! Извините, но методологией науки Вы, видимо, просто не интересовались.

Уже с начала века показано, что наука делает не то, что нужно, а то, что может, исходя из своих представлений.

Константинов Г.Н.: Это относится и к вам.

Попов С.В.: Конечно! Вне сомнений. Но отсюда ведь вывод один очень любопытный. Вы говорите: "...чтобы получить тот же результат". В истории науки показано, что когда вы начинаете строить альтернативную модель, первое, что вы должны зафиксировать, что она всегда сначала работает хуже, чем та, которая уже вошла в научное сообщество. Хуже! Между прочим, то же было с Галилеем и со всеми остальными. Поэтому ваш критерий, что "должна давать такие же результаты" – абсолютно бессмыслен.

Константинов Г.Н.: Такие же по значимости.

Попов С.В.: Нет. Она должна давать другое. Если мы сможем, то мы должны построить проблемную ситуацию, по отношению к которой можно будет зафиксировать ряд тезисов о неудовлетворительности этой старой модели. Но это не значит, что старая модель будет сразу тем самым отвергнута, поскольку первое, что делает в таких случаях научное сообщество и наука (как пишется в классических работах), – строят "оборонительный пояс" по анализу и уничтожению контрпримера. Это нормальное состояние науки. И она в этой ситуации может быть сколько угодно. Тысячелетия, как показывает опыт. Или сотни лет, уж точно. Объясняя и объясняя. А то, что не объясняется – выкидывать в область шарлатанства, мистики и т.п. Нормальная совершенно ситуация для науки.

Для того, чтобы новая модель строилась, долж-

на быть кем-то построена новая рамка. Потом должно начинаться построение этой новой модели, которая бы эти несоответствия разрешала. Типа того, как серию парадоксов разрешил Кантор, введя новое понятие "множество" (новую модельку).

Викулов В.Е.: И создав серию других парадоксов.

Попов С.В.: Конечно. И дальше так будет продолжаться все время. Поэтому практический результат появляется здесь совсем в другом месте и по другому поводу. А поэтому вопрос построения другой модели – это не вопрос решения "переносить туда трубу или сюда". Это вопрос развития науки. Это, видимо, ясно?

И теперь, если вы ставите перед собой такую задачу… Вот старая модель худо-бедно работает. Какие-то знания получаем. Фурычим-фурычим. И не думаю, что вам на вашем веку грозит не стать доктором, а потом и членом-корреспондентом АН СССР в рамках старой науки. Поэтому – это не проблема отдельного человека. Но если вы зафиксировали целый ряд несоответствий (на мой взгляд, мы их здесь даже в скрытой форме разыграли). И если вы посмотрите объективно (со стороны) на эту систему несоответствий наших старых представлений существующему положению дел, и выскажете такую крамольную мысль. Вы скажете: "Батюшки! столько лет эту экологическую проблематику обсуждаем, столько исследований (особенно на Западе) понаделали, а сдвижки принципиальной не происходит. Может быть, это связано не с тем, что имеются еще пока недостаточно мощные машины, которые все на свете подсчитают? Может быть, это заложено в самой логике модели?" И тогда вы должны (если, конечно, скажете, и за это вас выгонят, конечно, с работы) – просто по логике разработки – заняться анализом оснований, на которых строилась предыдущая модель, например, анализировать кибернетические модели. Или старые экономические модели. Биологические модели типа "организм-среда" и т.д. – анализировать весь этот набор моделей и смотреть, на какого рода принципиальных категориях они построены. И можно ли построить на других.

И что вроде бы утверждается (именно в методологическом плане, а не в общефилософском и не конкретно научном)? Утверждается такая вещь, что категория "взаимодействие" не помогает этого делать. Нужно вводить другую категориальную схему. Например, вводить категорию "ситуация" (смотрите: новые понятия начинают работать). Вводить категорию "деятельность" и категорию "деятельность как захватывающую природный материал". И нет здесь "взаимодействия". Ведь, что значит "взаимодействие"? Есть два тела, они влияют друг на друга и как-то взаимодействуют через свои характеристики. Здесь категория "взаимодействия" не используется, а используется другая.

Якобсон А.Я.: Можно назвать "коэволюция"?

Попов С.В.: Нет. А зачем вам лишнее? Вы ведь, смотрите, что делаете: Вы берете из своего запасника уже сложившихся представлений что-либо и пытаетесь приклеить к новому. Так, кстати, Вы делали и тогда, когда говорили, что понимаете, о чем идет речь. А Вы попытайтесь старых понятий не привлекать. И тогда начнется систематическая работа по построению моделей другого типа. Не по построению модели природы, не по построению модели деятельности и не по построению этих взаимных характеристик, про которые Вы говорили.

Якобсон А.Я.: Я неудачно выразился.

Попов С.В.: Но ведь именно так построено то, что Вы обсуждали: берутся два типа моделей и строится целая серия исследований, где выясняется их взаимодействие.

Якобсон А.Я.: Я так выразился, но выразился неудачно.

Попов С.В.: Ну, ладно, тогда не будем продолжать. Но надо учитывать, в какой модели то или иное строится. Все это – никакой не абсолют. А это есть определенная техническая работа по решению определенной технической задачи. Утверждается (и это надо хорошо понимать), что нам для решения экологической ситуации нужны научные модели другого типа, которые бы фиксировали другую целостность. Скажем, не целостность природы так, как она Бэконом сначала философски, а потом методологически обоснована. И не другие целостности. А целостности деятельностно-природных систем.

Константинов Г.Н.: С точки зрения методологии науки, согласен.

Попов С.В.: ...И в этом направлении для разворачивания экологических исследований нужно систематически работать. Хотя можно и не работать. С нашей точки зрения, именно туда и надо идти. Но вы можете не разделять эту точку зрения. То есть вы двигаете в одну сторону, а мы двигаем в другую. Наука тем и хороша.

Из зала: Тут много говорили о сохранении озера Байкал. Какая тут должна быть исходная модальность? Как это философски понимать?

Попов С.В.: Не надо философски. Надо очень жизненно. Нам надо различать несколько позиций. Смотрите. Одно дело – это эмоциональное отношение. И оно должно разворачиваться и развиваться вплоть до идеи. Я, например, очень хорошо отношусь к общественным движениям, сочувствую им и у меня самого очень болит, когда я вижу все эти безобразия. Поэтому тезис "защитим Байкал!" – есть тезис идеологический. Понятно? И пусть он будет и процветает. И чем больше людей на этой точке зре-

ния будут твердо стоять, тем лучше для нас всех с вами. Это первое.

Но если мы начнем анализировать ситуацию с Байкалом, уже пытаясь применить те или иные научные средства, тогда мы должны уметь другое. Научные средства всегда предполагают наличие идеальных объектов (или предметов) и методов работы с ними. Если у вас этого нет, у вас есть сплошная поэзия. Понятно? Поэтому это – совсем другое, нежели эмоциональное отношение. То есть если с систематической точки зрения начнем обсуждать охрану природы и другое, то выясняется одна любопытная вещь: что природы в чистом виде уже давно не существует, даже в Гималаях. Уже и туда нанесло. И, следовательно, уже и там есть наши следы. И откуда эта глобальная проблематика? Потому что уже на всю планету оказываем воздействие.

Из зала: Это известно: человек появился – природа исчезал: начал жечь костры и прочее.

Попов С.В.: Конечно. Ее и не было (в научном плане). Смотрите. Не в таком, что вы можете постучать по дереву и услышать стук обратно. А в научном плане: природа есть определенная идеальная конструкция. И она предполагает определенную логику и систему понятий, с которыми работают ученые и исследователи. И без этого – никакой природы нет. Остальное все живет в объединенной жизни и наших чувствах.

Но это – не наука, поскольку исследования на эмоциях не проведешь. От того, что вы стукнетесь лбом о косяк, совсем не значит, что это – дерево и его можно жечь. Ну, стукнулись. Шишку набили. Лбом почувствовали. А для того, чтобы работать в науке, нужно работать с другой системой понятий. И эти вещи надо принципиально разделять. А то мы начинаем все валить в кучу, как в мусорную корзину. Одновременно и кричим "Даешь Байкал", и проводим научные исследования. Провозглашаем, что тезис – "все на свете связано" – есть научный тезис. Это и кухарка сказать может. Понимаете?

Смысл того, что мы говорим, вовсе не в том, чтобы сделать новые научные открытия. А заставить задуматься над привычными нашими стереотипами. Оказывается: можно так, а можно и эдак.

Викулов В.Е.: Вы убедили. Больше не будем терять время. Давайте пойдем дальше. Есть частные вопросы, есть частные возражения, но в принципе вы убедили.

Федоров К.М.: Вы предлагаете нам прозреть? А что же наши ученые? С чем они работают? Они говорят, что работают с чистой природой.

Попов С.В.: Вы опять впадаете в область поэзии. Смотрите, Мольер же наврал, когда его герой вдруг сделал открытие, что он, оказывается, всю жизнь прозой говорил. Проза – это определенный стиль и жанр в литературоведении. В жизни его нет. Человек говорит так, как ему свезло. А говорить прозой – это, значит, говорить грамматически правильно, при определенных литературных законах и еще уметь писать это. Точно так же и здесь. На уровне слов мы можем составить словосочетаний разных – огромное количество. А вот для того, чтобы перейти к структурным моделям, здесь нужна совершенно другая систематичность и работа. И не нужно употреблять эти склейки мольеровские. Это поэзия! Поймите: разные жанры человеческого понимания.

Федоров К.М.: Да причем здесь склейки! Многие из нас работали в этой области, только не знали того, что вы говорите.

Щедровицкий П.Г.: Поймите, чтобы обсуждать Ваш вопрос, нужно сделать дополнительный шаг, поскольку теперь по отношению к этим...

Попов С.В.: Петя, подожди. Нужно грубо. Дай я скажу. Извините, на схоластических диспутах в средние века, где обсуждались сложные проблемы теологии, Вас бы шпагой закололи сразу за то, что Вы систему рассуждений и доказательств подменяете вот этими шарообразными образами. Вы, между прочим, научно правильно не работаете.

Федоров К.М.: Вы повторяетесь. Это уже не интересно.

Попов С.В.: А вы поймите это и подумайте.

Федоров К.М.: Можно работать по-разному.

Щедровицкий П.Г.: Каждый говорит, что может. Поэтому давайте спокойнее. Итак, для того, чтобы начать обсуждать Ваш вопрос: "где ученые и с чем они работают?" – для этого нужно вот сюда, в верхний этаж внести фигурку, дополнительную. И написать, что это "ученый", а не "деятель". Не деятель, который осуществляет захват природного материала и воздействует на него ученый! И нужно ответить на вопрос: какие позиции задают современную науку? Там может оказаться, что для экспериментов нужно будет что-то делать и в системе деятельности. Но это будет потом. А сейчас пока нужно внести на схемку эту фигурку и задать ей не "стрелочку" (как у деятеля), а "досточку". Поскольку ученый работает сначала на бумаге. Строит там соответствующие модели и вычисляет.

Из зала: Он вообще не в этой схеме.

Щедровицкий П.Г.: Нет, он сидит в этой системе деятельности. Принадлежит, заметьте, ей и еще должен занять в ней определенное место. Поэтому, кроме того, что он здесь, на доске, рисует, он еще включен в определенную систему деятельности и иногда выходит из нее, иногда входит в нее. И вообще, у него здесь жизнь сложная. Теперь смотрите: я делаю следующий шаг, который уже начал обсуждать с коллегой. Ведь теперь нужно ответить на вопрос: а откуда у нас получились нарисованные вот тут внизу последствия? Что это такое?

Викулов В.Е.: Вот это я и хотел выяснить.

Щедровицкий П.Г.: Вот. Это самый интересный вопрос. Ну, не самый, наверное. Но тот, который нужно. Значит, откуда последствия и что это вообще за образование такое, которое мы врисовали сюда, вниз?

Из зала: Это то, что мы не знаем.

Щедровицкий П.Г.: Мне очень нравится ваш ответ, но давайте я его чуть-чуть разверну. Когда этот деятель осуществляет свое действие, у него еще последствий нет. Он просто осуществляет действие, и для него последствий не существует. Но вот когда прошел какой-то исторический этап или время какое-то прошло, то другой человек – наблюдатель, может сказать: "Ага, он осуществил некоторое действие и спустя три года (пять лет или один месяц) получились вот такие последствия".

Из зала: Не так.

Щедровицкий П.Г.: Подождите. Вы скажете, что неверно. Я пока свою мысль доведу. Итак, некто, кто находится на временном отдалении от деятеля, может сказать, что его действия вызвали на природном материале определенные последствия. А потом он может прийти к этому деятелю и сказать: "Слушай, ты, когда следующий раз будешь такую гадость вытворять, помни, что твои действия обязательно вызовут последствия".

И вот теперь я возвращаюсь к тому, что сказали Вы. Получается одна удивительная вещь. Последствия – это есть результат нашего незнания.

Федоров К.М.: Но ведь мы-то думаем, что мы знаем. Вот в чем наша логическая ошибка.

Щедровицкий П.Г.: Но смотрите. Теперь ведь возникает вопрос: как их, эти последствия, анализировать и исследовать?

Федоров К.М.: Но мы до сих пор думали, что мы имели дело с чистой природой. Это основная логическая ошибка.

Щедровицкий П.Г.: Подождите. Что значит "логическая"? Давайте теперь вернемся к этой фигурке и спросим: а зачем, собственно, Бэкон, Декарт и Галилей вводили идею "природы"? Но заметьте: идею "природы" не в том ее старом, древнегреческом смысле, а в новом, европейском смысле. Как писал Кеплер: "Природа устроена как часы. И мы можем разбирать и собирать ее по соответствующим правилам". Ведь один очень интересный момент: идея "природы" возникает сначала у этих самых ученых. То, что вокруг нас есть вода, земля и другое, знали давно и все люди. И это мы называем "природой" по недоразумению. Это потому что у нас язык так устроен. А, например, какие-нибудь племена в Африке не называют это природой. У них для этого другие слова есть. А в европейской традиции в XVII в. была проведена определенного рода идеализация, идеальное представление. Галилей, Декарт, Бэкон сначала заложили основания философии природы и определенные правила работы с ней. Кстати, эти основания работают до сих пор.

Что делал Леонардо? Он залезал на башню. Бросал оттуда тела. И убеждался в том, что Аристотель был прав: все тела падают с разной скоростью. Да? И вы можете выйти и бросить. И убедитесь, что тела падают с разной скоростью. Согласны?

Из зала: Имеются в виду тела наших участников?

Щедровицкий П.Г.: Любые тела! Если мы будем их бросать в натуральном окружении. И Аристотель это знал. И Леонардо это знал. А Галилей сделал шаг в сторону. Он сказал: "Для того, чтобы переходить к инженерной деятельности, нужно отказаться от этих натурных экспериментов. Нужно построить идеальную конструкцию и в этой идеальной конструкции нужно утверждать, что все тела падают с равным ускорением". Но для этого он должен был ввести понятие "ускорение" и ввести идею "пустоты". Понимаете, как интересно: падают они с равным ускорением в пустоте! В том, чего нет. И наука возникает в тот момент, когда ученый отказывается от описания натуры и натурных процессов (так, как они происходят вокруг нас). И переходят к идеализации, то есть начинают строить идеальные модели пустоты. А дальше Торричелли выкачивает из трубки воздух и получает вакуум. И дальше строят закономерности, опирающиеся на понятие "ускорение".

И тогда получают закон! Закон, который, заметьте, в жизни не реализуется вне специально созданных искусственных условий. Вот так возникла наука XVII в. и так мы, человечество, шагнули далеко вперед (по сравнению с натурными описаниями Леонардо да Винчи и Аристотеля). Поскольку мы получили возможность искусственно создавать особые анклавы, или такие искусственные, технические сооружения и в них добиваться выполнения тех законов, которые мы провозглашаем. Но это все происходит вот здесь (на "доске" ученого). А дальше еще возникает инженерная, или инженерно-экспериментальная позиция, которая создает искусственную структуру. Она может захватывать природный материал, может быть чисто технической, но она создает искусственную структуру, в которой идеальные законы, выработанные на доске (на бумаге) реализуются.

Федоров К.М.: Ну, в этом случае мы можем узнать только те последствия, которые обращены назад. А те, что вперед – мы не узнаем.

Щедровицкий П.Г.: Подождите секундочку, конечно. В этом ведь и есть основания возражений. Поскольку получается одна удивительная вещь: если мы строим здесь, на доске, идеальные модели, закономерности, а потом создаем эти искусственные сооружения, то единственное, что мы можем, – это описывать последствия наших искусственных дей-

ствий. Но, заметьте, это все хорошо, когда мы имеем синхрофазотрон или вакуумную трубку. А когда мы свою инженерную деятельность выносим на натурный материал, то все усложняется. Потому что теперь слово "природа" употребляется дважды: с одной стороны, "природа" – это вот та самая философская конструкция, а с другой стороны, "природой" мы называем то, что нас окружает: землю, воздух, море, Байкал. То есть мы слово "природа" употребляем дважды и в разных смыслах: один раз как онтологию естественных наук (то есть это природа, созданная в области натурфилософии), а другой раз мы природой называем то, что нас окружает.

Федоров К.М.: Природой всегда называли то, что нас окружает. А эти надстройки мы придумали только для того, чтобы усложнить свое понимание.

Щедровицкий П.Г.: Может быть. Но при этом не было бы науки. А ведь наука – это такое образование, которое история человечества сотворила, а, следовательно, она (наука) имеет ценность. И ее ни в коем случае не надо выбрасывать. Ведь вы понимаете, здесь ведь тоже крайности не нужны. Наука может делать то, что она может делать. И нужно понимать, что она делает.

Викулов В.Е.: Науку не надо выбрасывать. Она пригодится, чтобы было кого критиковать.

Щедровицкий П.Г.: Конечно. Науку не надо выбрасывать. Но не для того, чтобы ее критиковать. Дело не в этом. Наука пригодится, потому что без нее не может быть инженерии. А без инженерии вы, между прочим, не вытащите себя из той ситуации, в которую попали. И мы не вытащим себя у себя в регионе. Поэтому нам нужны научные и инженерные разработки. И нам нужна инженерная экология. Но нужно при этом четко понимать, что есть еще этот, другой вопрос: есть философия природы, где природа – особое порождение человеческой культуры и разума. И в соответствии с этой философией природы были созданы естественные науки. Слава Богу, что они были созданы. Но эти естественные науки работают в строго определенных условиях.

И я вернулся к тому, что я говорил коллеге. А именно: я ведь исхожу из следующего. Идея "природы" была построена для того, чтобы не разбираться с деятельностно-природными целостностями, поскольку они неимоверно сложны для анализа и для разума. Точно так же, как идея "инженерно-технической деятельности" была построена для того, чтобы не разбираться с деятельностно-природными целостностями. Ведь мы что долгое время думали? Что мы что хотим, то и сделаем. Любую техническую систему построим и любых целей достигнем. И можем переделать то, что нас окружает в любом направлении, как захотим. Это ведь другой полюс! Одно – описывать природу как чисто натурную. А другое – описывать деятельность как не имеющую границ. И в обоих случаях: и когда мы имеем дело с технократизмом, и когда мы имеем дело со сциентизмом, – не наукой, заметьте, поскольку любое культурное образование хорошо на своем месте, а со сциентизмом – то есть с переводом научной идеологии в ранг общего, тотального мировоззрения. В обоих этих случаях мы получаем развал. И нужно вернуться к деятельностно-природным целостностям и попробовать ответить на вопрос: в какой логике можно их описывать как таковые? Не разделяя на природу и деятельность. И я утверждаю, что **в этом парадоксе, в том, что мы этого не умеем, состоит фундамент экологической ситуации**. Фундамент, который мы пока перескочить не можем. Потому что наши способы мышления не схватывают этого мира: деятельностно-природного или природно-деятельностного. Неважно, в каком порядке это называть.

Тарноруцкий С.А.: Все эти методологические рассуждения я не буду критиковать. Я хочу сказать о другом. Нам предлагают перейти к совершенно новой системе моделей. Возможно, эта система моделей и хороша. Но я возьму на себя смелость утверждать, что большинство здесь сидящих привыкли работать в старых моделях. Они нас на этом этапе в какой-то мере устраивают, несмотря на то, что вы там видите массу неразрешимых противоречий. И если мы хотим решать реальные вопросы (а я все-таки считаю, что мы здесь собрались для разрешения конкретной ситуации), то нам, видимо, нужно решать их в рамках старой модели. Не отвергая и новых моделей.

(Шум в зале)

Викулов В.Е.: Более того, я хотел бы сказать, что модели Гурмана находятся полностью в рамках ваших, Сергей Валентинович и Петр Георгиевич, рассуждений. Единственное, чем они сейчас не удовлетворяют, это...

Из зала: То, что они не работают.

Викулов В.Е.: Не надо! Я обойдусь без подсказок. Я хочу обратиться к Геннадию Николаевичу Константинову. Геннадий, я прошу подтверждения или опровержения. Я утверждаю, что ваши с Гурманом модели находятся в русле этой методологии. Единственный, может быть, их недостаток – это то, что количество параметров, в них заложенных, недостаточно. Может быть, малое их количество. И в этом отношении модели надо совершенствовать. Вы можете с этим не согласиться. Это дело ваше. Но я все-таки провожу одну мысль. У вас, ребята, я тоже вижу рациональное зерно. Не знаю, у вас или нет сначала появилась эта идея. Но у Михаила Михайловича Шолохова, философа, кандидата философских наук (Ростовский государственный университет) эта идея прошла на философском уровне, прошла

еще в 1967-1968 гг. Речь идет об идее единого целого.

Константинов Г.Н.: Валериан Евгеньевич, дайте мне ответить. С вашим высказыванием я полностью, конечно, не соглашусь. Но если говорить о схеме, то наша модель затрагивает ту область, которая заштрихована. Верхняя же, методологическая часть схемы, думаю, тоже не находится в антагонизме с нашими моделями. И общих точек здесь достаточно много. Поэтому я так быстро согласился со всеми доводами, которые здесь приводились.

Попов С.В.: Смысл дела состоит вовсе не в том, чтобы конфетку достать, а чтобы подумать, как ее достать. Тогда уж точно достанем. Сергей Александрович, я понимаю, что мы здесь с вами...

Тарноруцкий С.А.: ... на разных уровнях и разные задачи решаем. Это все еще нужно доказать. Ввести систему терминов. Пока же этого ничего здесь нет. И я еще могу долго распространяться по поводу корректив этой теории. Но это – не место для этого. Эту теорию еще нужно сделать работающим механизмом.

Попов С.В.: Сергей Александрович, значит, мы с вами "классовые враги". Я не в плане, что мы с вами начнем сейчас драться. А в плане, что мы идеологические противники. Я сейчас поясню свою точку зрения. Во-первых, на методологических консультациях – только желающие. Я это объявлял. Поэтому, если вам это не нужно, то здесь нет проблем. яяТо есть организационно этот вопрос решен. А вот теперь смотрите. Извините, повторяю ситуацию, поскольку вы в нее не хотите вдуматься. Проблема выхода из эксплуатации атомного реактора. Белоярская атомная электростанция. 1980 г. Начинаем разбираться и выясняем (помимо ряда технических решений, которые были найдены и которые здесь неинтересны) следующее. Был зафиксирован вывод: система и методы проектирования – негодны. И что вы думаете? Там своего Сергея Александровича не было? 99 % сотрудников станции и физиков сказали: идете со своими рассуждения в зад. Мы построим телероботов, залезем, посмотрим и устраним неисправность. То есть сделаем практические решения. Понимаете? Они тоже люди практические и такие же, как вы, крепкие. Они спрашивают: "У вас есть другая, альтернативная система проектирования? Нет? Ну и катитесь!"

И две части раскатились. Естественно, большая – стала продолжать строить атомные станции. Кстати, те люди и построили Чернобыльскую. Она же новая! Другие – стали заниматься совсем другим. И вывод отсюда следует такой. Я же не против, чтобы вы работали в привычных методах. Я же хочу указать на действительно проблемную ситуацию, которая принимает даже характер такого идеологического столкновения. Три дня мы работаем. Слушаем Концепцию. Очень внимательно. Много времени на это потратили. Были распространены материалы. Те, кто хотел разобраться, могли разобраться. И выясняется одна такая вещь. Проблема – как научно правильно поставленная проблема – возникает вот в этой ситуации, когда нам удается показать, что старые методы и способы (старые модели) – не работают! Частично они работают. Для нормализации, наверное, достаточно. А в принципе – не работают. И нужно начинать обсуждать: почему? И, следовательно, получается такая парадоксальная ситуация: все обсуждают вот этот материальный низ и "конфетки", которые можно подпрыгнуть и достать. И никто не пытается, даже из ученых (я пока – про ученых, сейчас и про остальных скажу), не пытается поставить проблему. Может быть, у них в Академии это все есть? Может быть, у них где-то группы альтернативные работают, разрабатывают разные новые модели, чтобы старые разломать. Но они никому об этом не говорят. И никто не говорит, почему старые научные представления нехороши для решения экологической ситуации, в принципе? Хотя именно здесь, в Иркутске и вокруг Байкала, собрались лучшие экологические силы страны. И отсюда следует один организационный вывод. Не надо одних отстреливать, а других убивать. Но нужно совершенно точно понимать (и в этом состоит одна из основных и коренных экологических проблем), что необходимо разворачивать системы новых знаний, даже тех, которые, может быть, нам сейчас ну никак не пригодны. Это и есть один из пунктов критики Концепции. Поскольку там, в Концепции (а это общие, самые принципиальные направления) не обсужден один принципиальный вопрос: чем же старые методы нехороши? Не просто сказать, что они там плохо работают, а именно чем нехороши в принципе. И какого рода исследования нужно разворачивать, например, по системе проектирования: технического, организационного, экономического или хозяйственного и другие, которые позволяли бы решать ситуацию в тот момент, когда время Постановления или Концепции закончится. К тому времени мы должны иметь не просто новую ситуацию. Мы должны иметь новый задел принципиально других решений, которые бы сдвигали ситуацию уже на более принципиальном уровне.

Викулов В.Е.: Об этом сегодня говорилось, между прочим.

Попов С.В.: Если и говорилось, то говорилось вскользь. Сами эти новые модели вообще не обсуждались в противовес старым. Больше того, из этой схемы следует ряд прямых критических замечаний к Концепции. Но опять же: не к ее воплощению и действию, которое она осуществляет.

Мы здесь договорились, что этого не касаемся. Но действие должно быть доведено до конца, до его

как бы теоретического ядра. Из сказанного следует такая вещь: сейчас уже, задолго до того, как Концепция либо будет реализована, либо нет (если мы понимаем, что нужны новые типы моделей, что нужно, кроме научных исследований биологического мира, разворачивать исследования и разработки по проектированию, по методам проектирования, по анализу деятельностных систем, природно-деятельностных систем и т.д.), мы попадаем в достаточно глупую ситуацию. Поскольку не только в Госплане постановления из одного в другое перетекают, но и в науке у нас будет то же самое: мы все время будем пользоваться "объедками" старого. Если специально организационно не разворачивать конфликтную структуру. Конфликтную! Непримиримую!

Тарноруцкий С.А.: Тогда я скажу Вам так: пользуясь своим правом ведущего, Вы все время навязываете свою линию.

Попов С.В.: Извините, все общие заседания я молчу, как рыба. А Вы, наоборот, навязываете всем нам свое мнение.

Тарноруцкий С.А.: Я выражаю свое мнение и говорю, что поиск новых концепций, или парадигм, или моделей никому не запрещен и даже интересен. Но он интересен только тогда, как справедливо отметил Грачев, когда это оформлено документально, когда можно взять в руки и поработать. Когда имеется система терминов, система основных положений и система выводов. А вы пытаетесь сейчас за полчаса сагатировать нас на этот новый взгляд. Это все очень интересно. Но сейчас такой подход бесполезен.

Попов С.В.: Сергей Александрович, не надо же так, настолько прямолинейно все понимать. Вы же поймите одну простую вещь. Ни меня, ни Петра Георгиевича, ну, ни в малейшей степени не интересует пропаганда этой или другой модели. Действительно не интересует, поскольку предположить, что вы будете заниматься этим, я никак не могу.

Тарноруцкий С.А.: Я думаю, что это – не то место.

Попов С.В.: О! Нет. Это как раз то место, если мы обсуждаем ситуацию на Байкале – сложную и тяжелую. И открыто себе признаемся (и это, кстати, сегодня было несколько раз заявлено), что наши концепции в принципе ситуацию не решают (хотя устраняют много вопиющих безобразий, или мы думаем, что устраняют), то это означает, что нам нужно вводить систему фундаментальных экологических исследований, но не природного типа, которые уже существуют.

Викулов В.Е.: А! А вот здесь я не убежден, что вы правы. Простите. Может быть, нам совсем другое надо.

Попов С.В.: Отлично. Здесь же я соглашусь. Может быть, нам совсем другое надо. Но тогда нам нужно хотя бы эннумерацию этого другого, чего нам надо, составить и уже начинать на этом растить аспирантов.

Викулов В.Е.: Это была последняя часть моего выступления. Я говорил: дальше мы не знаем, что нам надо. И я не убежден, что вы говорите именно то, что нам надо.

Попов С.В.: Я тоже не убежден. Но имею право на риск. Возьму протараню десять лет. Потом выяснится, что "не то".

Викулов В.Е.: Это – риск в науке типичный. Тут ничего особенного нет.

Щедровицкий П.Г.: Но я бы вернулся к той схеме, которую я нарисовал.

Из зала: Мы не готовы воспринимать эту схему.

Щедровицкий П.Г.: Ну, ладно, не готовы. Конечно, здесь многое еще не оформлено. Но для меня вопрос стоит очень грубо. Вот я смотрю на эту простую схему и начинаю анализировать те тезисы, которые здесь провозглашались. Ну, скажем, нужно производить описание Байкала, популяций Байкала, поведение животных и т.д. Я по этой схеме, естественно, сразу задаю себе вопрос: зависит это поведение от деятельностных систем, или не зависит? И по этой логике модели я должен ответить, что поведение животных и изменения в Байкале как в природном организме будет во многом зависеть от изменения систем деятельности. А поскольку эти изменения постоянно происходят, то все попытки описать целостное...

Из зала: ... бессмысленны.

Щедровицкий П.Г.: Бессмысленны! И это я вроде бы сразу понимаю.

Попов С.В.: Отлично. А теперь смотрю я после этого нормы ПДВ и методики расчета вылова омуля. И прихожу в тихий ужас, потому что первое, что считают, – считают по головам. Скажите, пожалуйста, уважаемые биологи, омуль живет стаями или в одиночку? Ну, естественно, вы мне скажете, стаями он живет. И я спрашиваю теперь: где и как учтено в методике, что будут загрязнения Байкала сказываться на разрушении популяции? А там идет речь лишь о количественных расчетах. Смотрю я дальше и вижу: омуль, оказывается, живет популяциями и пульсирует (как всякая популяция). А в методике это никак не закладывается. Закладывается даже обратное. И элементарные расчеты мне показывают...

Из зала: Все это закладывается.

---

[1] Галазий Г.И.

[2] Тарноруцкий С.А.

Попов С.В.: Да я же эту методику прочитал всю: ничего там не закладывается.

Из зала: Это все учитывается.

Попов С.В.: Популятивная жизнь омуля?

Из зала: Да. Вы все упрощаете. Пока Вы вчера говорили и я не имел к этому отношения, я молчал. Это на меня производило впечатление. Когда же Вы коснулись области, которая мне близка, я могу утверждать, что Вы путаете понятия. Путаете целую серию понятий. Это – не дело.

Попов С.В.: Отлично. Вы почитайте эти методики, и мы с Вами поговорим, где там учтена популяционная жизнь омуля и другой сиговой рыбы. И Вы сюда выйдете и скажете, где и как это учтено.

Щедровицкий П.Г.: Кстати, это все время у нас развертывается. Посмотрите, например, на дискуссию между Г.И. Галазием и коллегами, которые его спрашивают простую вещь: колебания уровня Байкала, которые находятся в пределах естественных колебаний, но с другой частотой, это то же самое или нет? И ответ, вроде, очевиден: модели естественных и искусственных колебаний несопоставимы, поскольку одно дело – что происходит на протяжении двух тысяч лет, и совсем другое – что происходит за счет электростанции. И я говорю: пока мы не вышли сюда в деятельностно-природную систему, мы не можем сказать, приложимы ли естественные модели к этой ситуации.

Викулов В.Е.: Я думаю, что Ваше утверждение относительно Григория Ивановича [1] неправильно.

Щедровицкий П.Г.: Я же не Григория Ивановича обсуждаю. Я обсуждаю сопоставление чисто естественных моделей и моделей деятельностно-природных.

Викулов В.Е.: Я понимаю, что идет качественно новый уровень знаний. Может быть, сейчас вы его и даете аудитории. Вы сами-то поймите это.

(Смех в зале)

Попов С.В.: Итак, Сергей Александрович [2], давайте теперь все-таки зафиксируем несколько важных точек, уже не ввязываясь в предметный спор.

Первое суждение, которое из этого следует. На наш взгляд, понятие экологического, экологической проблемы, экологического кризиса еще не настолько оформлены, чтобы можно было однозначно и точно утверждать, что в этой концепции или в других наших концепциях сформированы именно экологические, а не хозяйственные цели или, например, не цели нормализации жизни.

Викулов В.Е.: Да, это правильно.

Попов С.В.: Следовательно, это вопрос для специального обсуждения. И если уж работать программно, то это нужно закладывать если и не в концепцию производительных сил, то уж в концепцию научных исследований обязательно. Хотя я -то считаю (мы до этого вчера не дошли), что в современное понятие производительных сил развитие научных представлений должно включаться как одна из основных частей. Это первый пункт. Второй пункт. Для чего, собственно, была введена схема? Для того, чтобы развеять эти наши стандартные предрассудки. Ведь при молчаливом согласии аудитории все время предполагалось, что мы все знаем, что такое экологическая проблема. Выясняется, что это все не очень просто и понятно. А, следовательно, эти наши молчаливые соглашения нужно вскрывать и анализировать. И здесь все не так просто.

И следующий вывод. Я его только скажу, чтобы дальше можно было думать. Если я вернусь к нарисованной схеме и чуть-чуть ее перерисую, но в ее же логике, то получим следующее. Я возьму одного деятеля с его системой деятельности и кругами – последствиями и другого – там же. То возникает вопрос, прямой и практический. Если мы поняли, что нам не хватает знаний, чтобы схватить экологическую ситуацию в целом и начинать ее решать, то оказывается, что мы можем построить целую серию компенсирующих деятельностных механизмов. О чем идет речь? Вот есть у одного деятеля своя система знаний (свой ведомственный институт), у другого – свой ведомственный институт или Академия наук. Но этих знаний не хватает. Тогда мы, тем не менее, можем фиксировать нарушение или дисбаланс этой системы за счет вторичных эффектов. Например, за счет того, что житель, включенный в систему, вдруг выходит в определенный момент из системы и начинает вопить. Он может даже не знать, отчего он вопит. Ему, может быть, просто противно, что приходится дохлую нерпу закапывать. Он не знает, отчего она сдохла – от вируса или еще от чего – ученые сами разобраться пока не могут.

Из зала: Это называется биосенсор.

Попов С.В.: Да. Экологические движения Запада и возникали как такой механизм. И вместо того, чтобы эти экологические движения, или вопли, загонять обратно, в систему (как мы делаем), и говорить: подождите – наука решит, нужно их специально разворачивать. Ибо и для науки, и для управленцев – это есть система диагностики, что здесь – непорядок. Что жизнь устроена не так, несмотря на то, что концепции разрабатываем, работаем и т.д. И это – вывод чисто практический. Следовательно, в экологических ситуациях для их фиксации и разворачивания, оказывается, экологические движения нужно поощрять. Но только поставив их (для себя и для них) в правильную рамку. Не превращая их в прямую политическую конфронтацию, а используя их как своеобразные группы давления или сигнализации.

Из зала: Экстремальные условия создать.

Попов С.В.: Нет. Я же другое хочу сказать. Я хочу сказать, что в экологической ситуации – это не

экстремальная ситуация, а нормальная. До тех пор, пока вы эту ситуацию не решите в принципе.

Из зала: Это говорит об имеющемся дисбалансе.

Попов С.В.: Да. Дисбаланс здесь. Что-то не то. Может быть, вы еще и понять-то как следует этого не можете. А поэтому все, о чем кричат люди, должно подвергаться тщательному анализу и выявлению экономических, социальных, экологических и других причин недовольства населения. Это первый вывод.

Следующее. Чем разнообразнее общественные движения и чем лучше они оснащены пониманием и научными представлениями, тем выгоднее для науки. И не надо с ними пикироваться. Надо их разворачивать и поднимать так, чтобы они были не научно-альтернативной, а организационно-политической альтернативной силой. И это касается и управленцев, но с другой стороны. Поскольку практический вывод для управленцев такой: они теперь должны пытаться использовать возникающую альтернативную силу для того, чтобы пытаться проанализировать ситуацию не в тех кабинетных представлениях, которые у нас имеются, а в тех реалиях, на которые реагирует данное движение или данная группа крикунов. Они, кстати, просто так – от глупости или недомыслия – не появляются. Из-за зловредности – тоже. Они имеют свои социальные, экономические, экологические корни. Всякое движение. И всякая кричащая группа. И если вы против них выступаете, следовательно, вы не способны выделить основную причину и начать с ними конструктивно сотрудничать. В этом плане, даже если брать историю западных движений, то там получалась такая ситуация. Стало ясно: то, что возникает конфликт – это не вина общественности, поскольку она не обязана быть такой же умной, как вы. И не обязана быть такой же компетентной. Ведь как говорят? У!.. Некомпетентны! А это – вина ученых и управленцев, которые не могут разобраться в ситуации. И понять, почему же они так судорожно кричат?

И еще один вывод, который отсюда следует. Одна из возможных стратегий в условиях, когда у нас знаний не хватает, и мы чувствуем это несоответствие несогласных, состоит в том, чтобы вводить на схему еще одну фигурку или позицию экологического проектирования. И строить систему мониторинга, но не только природной ситуации, а систему мониторинга деятельностно-природной системы. И смотреть: например, сделали один проектный шаг. Начали разворачивать… Смотрим: не то. Нужно делать следующий шаг. И смотреть на всю эту ситуацию в целом, а не только по природным ее характеристикам. Поскольку мы же не знаем, что если сейчас у нас все нормально, то по мере разворачивания деятельностной системы мы вдруг не столкнемся через 10 лет с неожиданной ситуацией. Ведь мы же живем сейчас в таком, остановившемся мире.

Викулов В.Е.: Мы за 10 лет ничего не почувствуем.

Попов С.В.: А какая в принципе разница: через 10 или через 50 лет?

Викулов В.Е.: Прогнозировать надо.

Попов С.В.: А если не можем прогнозировать?

Из зала: В чем возражение?

Попов С.В.: Возражение в том, что мы не можем это последствие узнать, не можем спрогнозировать.

Викулов В.Е.: Наших знаний не хватает.

Попов С.В.: Да. Но тогда мы должны, смотрите, какую вещь организовать: организовать не чисто природный, а деятельностно-экологический мониторинг с просчетом не только того, что у вас с природой уже произошло, но и с просчетом того, что еще может произойти при таких системах проектирования и научного исследования. То есть то, что у нас уж точно никто никогда не делал.

Ладейщиков Н.П.: После этого мы еще не будем знать о настоящих причинах.

Попов С.В.: Конечно, не будем. Но ведь мы чем дальше, тем больше стараемся думать вперед, а не назад. В этом смысле разрешение экологической ситуации – это развитие способности все больше и больше думать вперед, а не назад.

И последнее, что я хотел бы сказать, но это уже – для любознательных. Если эту схему разворачивать дальше (а она уже имеет свою логику), то там может получиться много частных моделей, с помощью которых экологические ситуации можно фиксировать и изучать. Но это уже работа конструктивная. И нужно разворачивать систему моделей, смотреть, как схема работает. И формировать частные модели. А принцип состоит в том, что нужно специально разрабатывать новые знания. А старые – хотя вы в них

ОБЩЕЕ ЗАСЕДАНИЕ
18 октября 1988 г.

(Доклады рабочих групп.
Докладчики: А.К. Тулохонов, В.Е. Викулов)

Попов С.В.: Я так понял, что расслоение участников начало происходить активно. Выделилась целая серия разных групп: от групп, активно настроенных и собирающихся осуществить переворот, или "ущучить" кого-то и, в первую очередь, организаторов, до тех, которые твердо решили, что им здесь делать нечего, и их профессиональные интересы не позволяют им обсуждать проблему Байкала. Кроме того, целый ряд специалистов определился примерно так: "Я специалист охотничьего хозяйства, мне за это зарплату платят и помимо этого я ни в чем разбираться не хочу", ну и так далее. Кроме того, приехал ряд людей из министерств и др. организаций, которых нам необходимо включить в работу. Этот процесс закономерный и, в принципе, если вы обратили внимание, та экспертиза, первый акт которой мы начнем проводить завтра, она и должна осуществить квалификацию ситуации в том виде, в котором она есть. И если часть министерств или организаций для себя решила, что ей не нужно ни увидеть ситуацию в целом, ни сформировать свою новую позицию, отличную от существующей позиции, то это так и должно быть зафиксировано, как фактор ситуации. И если вы вспомните первые 3 дня, вы заметите, что 1-й рамкой, в которую всех собрали, была воля обкомов партии, которые решили собрать участников механически, то есть по всем позициям, которые формально имеют отношение к Байкалу. Но это не значит, что эти позиции действительно влияют на ситуацию и могут ее изменять. Поэтому самоопределение и последующий отсев – это есть фактор ситуации, за какими бы мотивами он ни скрывался. А мотивов сокрытия очень много. Например, мне вчера сообщили очень интересную новость. Оказывается, здесь есть группа "мошенников" (в нашем лице), каждый из которых получает по 5000 за эту игру. Так, во всяком случае, считают некоторые участники. Но на самом деле никто из нас никогда таких денег не видел. Подобного рода слухи есть для игры нормальная ситуация, в которой люди компенсируют свое недостаточное участие в игре. В аналогичных играх в Англии это называется "фундаментальными допущениями", то есть люди, когда возникает для них незнакомая ситуация, пытаются что-то придумать. Это легче, чем разобраться в новой ситуации. Но другой момент более интересен, так как ряд групп попытался определить для себя стратегию захвата плацдарма и провозглашение своей точки зрения как "правильной". Это хорошо. Иногда, правда, это принимает странные формы, но это тоже нормально. Например, звонки в Москву, что здесь идет какая-то "подрывная работа". Хотя эта практика пришла к нам из тридцатых годов, но мы с ней часто сталкиваемся. Так было и на БАМе, где меня пытались "исключить из партии", в которой я не состою, и на других играх. Но хотите вы или не хотите, но экспертиза пройдет, оценки тех позиций и организаций, которые здесь представлены, будут вынесены. Но кроме оценок о ситуации на Байкале, нам нужны еще и взаимодействия сил вокруг этого, и поэтому отсев участников есть вещь нормальная. Завтра мы проведем первую фиксацию сложившейся ситуации по тому, что стоит за лицами и персоналиями, а не по ним самим. А с послезавтрашнего дня мы попробуем работать уже в проектно-программном режиме, то есть посмотреть какие, кроме тех, которые намечены, существуют варианты развития региона и ситуации на Байкале и какие могут существовать. И попробовать построить серию альтернатив и их соответственно оценить, насколько они пригодны. Поэтому ряд возражений, которые здесь выдвигались, что, вот, мол, ничего пока не сделано и проч., во-первых, должен относиться говорящим к самому себе, поскольку я не понимаю, почему именно они ничего нового не сделали. Либо они не способны, либо здесь какая-то другая, скрытая вещь. А, с другой стороны, это у нас отнесено на 2-й этап. Там мы должны это сделать и оценку произвести.

Это относительно тех разговоров, которые должны быть разъяснены, чтобы не было недоразумений. Но позиции могут и должны заявляться жестко, принципиально. Достаточно того, что мы долго скрывали и боялись.

У нас сегодня выступят 2 категории групп: группы промышленности, министерств – с одной стороны; общественность – с другой стороны. И те, кто тоже сочтет необходимым выступить.

Еще на один момент я прошу обратить внимание. Вчера и сегодня только подъезжают ряд представителей министерств. А для многих уже начало меняться видение либо ситуации, либо проблемы, поэтому я прошу вводить новых участников в курс дела. Вопросы есть? Нет.

Тулохонов А.К. (Группа партийных и советских работников): По итогам трех дней многие неудовлетворены, то есть нет той цели, не решается та задача, которая обсуждалась с С.В. Поповым еще в Иркутском обкоме партии. Я хотел бы вернуться к

целям, указанным в программке, то есть как сохранить Байкал. Прежде всего, мне хотелось бы определить объект исследования. По прошествии трех дней у нас еще нет точки зрения на объект. Что это такое? Есть, на мой взгляд, версии, которые реальны. Это территория бассейна оз. Байкал, это то, что влияет на Байкал, начиная аж от КАТЭКа. Но в том и другом случае основным объектом остается бассейн озера Байкал и все люди, которые заинтересованы в решении поставленных задач. Мы рассматриваем эту территорию как наш дом. Рассматривая Байкал, у нас возникает цель – сохранить наш дом. Иначе, как вести домашнее хозяйство, чтобы в этом доме было чисто, уютно.

При решении любой ситуации мы должны иметь несколько примечаний: 1) Байкал как составная часть природно-хозяйственного комплекса страны. 2) Надо рассматривать Байкал как природно-деятельностную целостность. 3) Приоритеты, то есть что же важнее: либо Байкал, Арал, либо Москва, Бурятия и т.д. Если мы не определим приоритеты либо в целом, либо в каждом конкретном случае по уровням нашей деятельности, мы задачу не решим. 4) Время. Любые выводы корректны для определенного участка времени.

Решение задачи – как сохранить наш дом. Я вижу 3 решения. Первое. Это заповедник. Второе – спонтанное развитие, то есть то, что мы сегодня видим. Несмотря на ряд ограничений, стихийное развитие, то есть хозяйство живет и развивается по каким-то законам. Третье. Рациональное природопользование.

Любая задача должна решаться при граничных условиях, то есть мы должны определить пределы наших действий для того, чтобы перейти из методологических сфер на решения практических задач. Эти граничные условия: первое – количество жителей. Позволю я себе сказать, что вы разрешаете нам здесь жить. Это первое условие. Количественная сторона не принципиальна. Какое объект возьмет, такое количество будет жителей. Если люди живут здесь, то они должны кушать. А за счет чего кушать, мы поговорим потом. Второе – мы все должны иметь жилье. Не суть важно, какое оно.

Тут (на этой территории) есть промышленность. Существует и, вероятно, должна быть. Какая? – это особый разговор. Третье – финансовое ограничение и ограничение строительных мощностей. Даже если нам дадут 5 млрд., у нас нет строительных мощностей, с помощью которых мы могли бы построить все очистные сооружения. Эти ограничения делятся на 2 вида: постоянные, то есть если вы позволили нам жить, то мы должны жить. А все остальное (промышленность, финансы, строительство) – дрейфующие ограничения, так как если нам дадут средства, привезут строителей, то эти ограничения можно снять. Дальше. Как мы представляем житие в этом доме? Или функционирование вот этой системы. Цель ее – повышение уровня жизни. Из 78 регионов России мы занимаем 70-е место по жилью, по молоку – 71-е, по сахару, потреблению сахара – 70-е, по телефонизации – 72 и т.д. Нам хочется жить хорошо, и тут первое противоречие – чтобы жить хорошо, нам нужны деньги.

А эти деньги приносят нам сюда министерства и ведомства, которые мы любим ругать. Вот ради чего мы сюда тащим заводы и т.д. Они, соответственно, позволяют строить нам школы, жилье и т.д. Именно поэтому появились два наших крупнейших комбината, суконный завод и авиационный завод. Я не буду говорить, какая тут промышленность. Вам понятно. Там живут лучше всех. Относительно, конечно. Потому что живут люди в разных условиях. И это первое противоречие нам не позволяет решить многие вопросы.

Опять функционирует цель – улучшение уровня жизни. И она разделяется на много функций: жилье, инфраструктура и т.д. В каждом конкретном случае для нас – партийных и советских органов, стоит вопрос приоритетов. Сейчас идет по стране программа продовольствия. Надо народ накормить. Иногда по этой причине многие другие задачи уходят в тень. Это наша беда и наша вина. Решение этих задач складывается из многих показателей: местный, союзный бюджет.

Продовольствие разделим на 2 части: это животноводство и растениеводство (я говорю пока про республику). В ответ возникает противоречие. Этот путь у нас бесперспективный, так как мы должны наращивать объемы промышленности. Поэтому мне бы хотелось услышать ответ управленцев, науки, общественности, методологов: как нам из этого круга выйти? Развитие союзных министерств и ведомств неизменно порождает проблему загрязнения, развитие сельского хозяйства, проблему дорог. То и другое в нашей ситуации неприемлемо. Что надо делать? Я пытаюсь обобщить то, что мы на сегодня имеем по итогам трех дней. Это сооружение очистных сооружений, международный экологический центр, перепрофилирование производств и т.д. Все это требует денег. Источники у нас ограниченные. Если мы договариваемся, что не можем жить на территориальном хозрасчете, что бесспорно. Это первый территориальный хозрасчет или самофинансирование, исходя из тех средств, которые у нас есть.

Второе – это союзные дотации. И если мы не будем стесняться, то и международные дотации на строительство международного экологического центра. И четвертый источник – это общественные фонды. Но они неравноценны и их не следует обсуждать.

Из этих противоречий позволю я себе остановиться на сельском хозяйстве, потому что нам это надо экологизировать. В области промышленности это сложнее. Как мы сегодня договаривались, экологизация промышленности – это то, что нам нужно в первую очередь для республики, для региона, для объекта, для Байкала и, производя это, торговать с

какими-то внешними объектами, чтобы получить. Мы можем здесь делать, грубо говоря, все подряд, что-то иметь, чем-то торговать. Экологизация промышленности, конечно, нужна. В области сельского хозяйства ситуация интересная. Вчера Сергей Александрович немножко этот вопрос затронул. Я как автор той части, которая имеет отношение к агрокомплексу, позволю сказать, что такое экологизация. По доступным для нас источникам выяснили: на рубеже XIX-XX вв. этот регион полностью себя обеспечивал продукцией сельского хозяйства. Это было потому, что Забайкалье было строго специализировано или экологизировано по природным условиям региона. Забайкалье специализировалось только на животноводстве. И здесь было большее поголовье, по сравнению с пятью другими сибирскими губерниями: Тобольской, Енисейской, Томской, Иркутской, Забайкальской. В то же время здесь было меньше всего пшеницы, по сравнению с этими губерниями. Причем, если двигаться с Запада на Восток, то площади посевные пшеницы падают, а посевы ржи возрастают. То есть мы видим, что сельское хозяйство было максимально приспособлено. Были наиболее продуктивные урожаи.

Сейчас же по всей Сибири одни и те же проценты посева пшеницы, зерна и т.д., то есть это произвольное вмешательство в природные ресурсы. Если рассматривать животноводство, то мы видим, что с середины пятидесятых годов количество овец возрастает резко, а продуктивность биосферы или возможности (так как у нас привозных кормов нет) резко падают, и мы с конца пятидесятых вступили в область безнадежного земледелия. И сегодняшние сдвиги всевозможных видов продуктов сельского хозяйства, они полностью определяются погодой. В принципе можно поднять эту продуктивность до какого-то уровня. Но этот интервал потребует гигантских капвложений, что, в принципе, нецелесообразно. Поэтому мы должны здесь решиться на то, что республика обеспечивает и поставляет в союзный республиканский фонд всего 3000 т мяса при дотации по сахару 100 %, так как сахарного тростника у нас нет. Мы должны определиться, в какой степени мы обеспечиваем себя продовольствием, насколько, соответственно, мы вмешиваемся в природные процессы бассейна озера Байкал с точки зрения негативного отношения. А сколько к нам пойдет из союзного и др. фондов. Вот эта задача требует сегодня обсуждения.

Ситуация такова, что по постановлениям № 948 и № 434 нам надо строить очистные сооружения. Сегодня республика тратит на них 16 млн. руб. Тратит из одного нашего кармана, из фондов жилья, медицины и т.д. И наступает противоречие – охраняя Байкал, мы затрагиваем интересы местных жителей. Часть товарищей из нашей группы предлагает выход в территориальном самоуправлении, с целью повышения уровня жизни, который должен подразумевать и улучшение условий жизни в нашем доме. У меня – все.

Полторак Г.И. (Группа экспертов): Насколько я понял, в плане промышленности Вы предлагаете те же традиционные вещи на сегодняшний день, как затратный принцип “от достигнутого”, потребительский подход, надежда на бюджет и все, что с этим связано. Я понимаю Вашу позицию. Вы нам предлагаете свое выступление, мы слушаем, но я не понял одного, что же Вы нам предлагаете. Предлагаете ту ситуацию, которая имеет место, это уже поняли, а что Вы нам предлагаете отличного от того, что имеется на сегодняшний день?

Тулохонов А.К.: Вы меня не поняли. Нарисован союзный бюджет. Та система, которая на сегодня есть и она зачеркнута и написан предмет обсуждения. Я все, что мог на сегодня, сделал. Вчера была выложена позиция нашей науки, Генеральная Концепция. Ее отвергли. А мы приехали сюда в надежде, что вы, методологи, дадите какие-то конструктивные предложения. В противном случае мы могли бы обойтись без вас. Что на сегодня и получается.

Кулиш В.П.: Вы нарисовали еще одно постановление – будущее, по перестройке нашего региона. Я не услышал, сколько постановлений по Байкалу было, ведь они не выполнялись до конца. Значит, мы еще одно постановление получим, мертворожденное. Я не услышал анализа, причин, почему они были мертворожденные! И почему вы предлагаете эту схему?

Тулохонов А.К.: Неужели я плохо объяснял? Второй человек уже задает этот вопрос. Я обрисовал ситуацию и безвыходность положения. Схема элементарно проста. Другого пути у нас не отработано. Вчера наука предложила выход, но этот выход позволяет растянуть проблему сохранения Байкала на более длинный период. Выход не полный, но есть. Я приехал к вам посоветоваться, и вы не должны задавать мне вопросов. Я нарисовал ситуацию, чтобы

[1] Вызвавшее большой протест общественности и населения Иркутской области решение построить в целях улучшения экологической обстановки на Байкале водовод для сброса сточных вод БЦБК в реку Иркут. Начавшееся строительство трубопровода (“Трубы”) затем в результате массовых митингов, писем протеста, собравших более 100 тыс. подписей жителей области, было приостановлено и отменено. См. об этом: “Ведомственное соло на сточной трубе” (Социалистическая индустрия, 21.06.87), “Байкалу быть чистым” (Социалистическая индустрия, 14.08.87), “Обещание в трубу” (Комсомольская правда, 28.10.87), “После митинга” (Восточно-Сибирская правда, 13.12.87), “Байкал. Ведомственное соло и общественный резонанс” (Социалистическая индустрия, 10.01.88), “Иркутская история” (Литературная газета, 20.01.88), “Люди на площади” (Комсомольская правда, 01.03.88).

было вам понятно. Теперь вопрос о Байкале и Трубе [1].

Кулиш В.П.: А постановления? Вы, наверное, знаете, сколько их выпускалось, они выполнялись?

Тулохонов А.К.: Они не выполняются, потому что проблема повышения уровня жизни тесно связана с развитием промышленности. Если мы этот узел не разрубим сообща, то эти постановления обречены на провал. Понятно? Решение любого вопроса должно замыкаться. В голове должно быть 4 условия на каждый этап. Вопрос о приоритетах, то есть что важнее. Кстати, вы представитель "Движения в защиту Байкала". Вопрос о Трубе. А вы уверены в том, что, закрыв Трубу, вы решили проблему Байкала? А может, вы решили свои, коммунальные вопросы? Вы решили проблему за счет Байкала. Опираясь на ученых, я могу сказать, что Байкал в этом случае пострадал.

Кулиш В.П.: Я не уверен, что мы сделали хуже Байкалу с закрытием трубы, ведь если б мы ее построили, то мы бы сбрасывали в Иркут стоки, и проблему мы этим не решили. А надо решить, для того мы здесь и собраны. Но от Вас я услышал только то, что приоритет – важнее, и зовете Вы нас к тому, чтобы начать повышать жизненный уровень. Это мы слышали давно. Но мы ведь этого не делали. Не будет ли Ваша схема повторением этого положения дел?

Викулов В.Е.: Вы сказали, что многие положения 434-го Постановления отменены. Какие? Какие, кроме Трубы? Давайте более ответственно относиться к делу.

Тулохонов А.К.: Кроме Трубы, других нет.

Попов С.В.: Вопрос не в этом. Трубу отменили. Проблема не решена. Владимир Павлович [1], мне непонятна Ваша позиция, Вы в своем выступлении говорите, что партийные и советские органы виноваты в том, что Байкал не сохранен. Можно, наверное, так сказать и это дело историков. Вы можете у себя в Байкальском движении выдать такую историческую справку. А теперь вернемся к нашей ситуации. Вот перед вами Арнольд Кириллович [2]. Он такой, какой он есть. Партийные и советские органы такие, какие они есть. Вы тоже такой, какой есть. Обсуждать и приписывать друг другу ошибки предыдущих поколений можно, но это дело историков. От этого ситуация не движется. Поэтому, в чем ваше выступление, Вы чего хотите от Арнольда Кирилловича?

Кулиш В.П.: Хочу анализа предыдущих невыполнений. Чтобы он мог увидеть в своей схеме недостатки.

Попов С.В.: Вы хотите посоветовать, что другим делать?

Кулиш В.П.: Нет.

Попов С.В.: Проведите анализ сами. И покажите, в чем ситуация партийных и правительственных органов, в ее первом виде она зафиксирована такой, какой, с точки зрения представителя этих органов, она является. Они с ней справиться не могут. Тезис у них такой. Если вот этот пункт не будет разрешен (то есть взаимодействия союзных министерств, финансирования и республиканских органов), то ничего не будет. С точки зрения этой группы.

Кулиш В.П.: Но все постановления и заключались в согласовании всех ведомств.

Попов С.В.: И что? Партийные органы Бурятии признали, вот в этом месте все ломается. Им что, новое постановление готовить?

Кулиш В.П.: Я лишь предлагаю новую систему разработать, которую мы все и должны здесь искать.

Попов С.В.: Но Вы обратите внимание на один момент. Мы 4-й день друг друга призываем. А Вы что хотите?

Кулиш В.П.: Я хотел бы для себя выяснить причину, почему мы пришли к такому состоянию с Байкалом?

Попов С.В.: У Вас есть сообщение на тему?

Кулиш В.П.: Нет.

Попов С.В.: Если это риторический вопрос, то на него группа уже ответила. Не срабатывает хозяйственный, административный механизм.

Кулиш В.П.: Да, но почему он не срабатывает?

Из зала: Так, может, мы полезем в тридцатые годы?

Кулиш В.П.: А, может быть, мы сегодня "расхлебываем" те годы?

Из зала: Ну, разве нам легче от этого? Надо смотреть, что нужно сделать!

Кулиш В.П.: Дело-то в том, я думаю, что надо проанализировать эту систему.

Попов С.В.: Одно из бесценных достижений тридцатых и всех остальных годов – это сваливание работы на других. Посмотрите на собравшихся и на себя. Вопрос заключается в следующем: почему я не могу сделать? Если Вас не удовлетворяет уровень анализа, – сделайте более глубокий. Показать это и соучаствовать в программировании. Завтра Вы партийные органы не отмените, и Арнольд Кириллович будет работать. И либо Вы покажите им, в чем они не правы и продемонстрируйте другой способ, либо Вы будете все время пикироваться, а от этого ничего не изменяется. Но, в общем, Вы правы, надо проанализировать. Но кто за это возьмется? Если Вы не можете, скажите, почему не можете, что нужно сделать, чтобы это решение вырабатывалось.

---

[1] Кулиш В.П.

[2] Тулохонов А.К.

Кулиш В.П.: Я не могу сейчас, так как мне не ясна ситуация. Давайте скажем, что мы знаем о Байкале.

Попов С.В.: Во-первых, то, что могли, уже сказали. Чем вы занимаетесь в байкальском движении, если не уяснили для себя ситуации? Может быть, там, действительно, в чем-то проблемы? Тогда скажите, почему такой анализ не может быть проделан. Я так понимаю, что Арнольд Кириллович эту цель и имел – показать, что все идет по-старому. Если Вы считаете, что этот анализ плохой, Вы должны выйти и объяснить, почему плохой. И сделать другой.

Кулиш В.П.: Но как согласиться с обсуждаемой здесь Арнольдом Кирилловичем функциональной системой? Общественности не видно за этой системой.

Попов С.В.: Я вам объясню, почему здесь нет общественности, и не может быть. Потому что механизм работает вне ее. И общественность не нашла способов включения туда. И не ищет пока.

Кулиш В.П.: Но он говорит, что цель – сохранить наш дом, а кто в этот дом входит? Обком, райком, люди, живущие на Байкале?

Тулохонов А.К.: Первое граничное условие – вы в нем живете, хотя от партийных и советских органов было предложение ограничить рождаемость в бассейне оз. Байкал.

Попов С.В.: А с другой стороны, проблема повышения уровня и качества жизни принципиальна, так как пока люди будут жить плохо, это определяет их культурный уровень и определяет то, как они относятся к экологии. Если человеку нечего есть, то он согласен работать на любом предприятии, в том числе – на самом грязном.

Из зала: Посадите его [1] на место.

Викулов В.Е.: Действительно, ведь представители общественности еще будут выступать, вот тогда и выступите.

Попов С.В.: А кто это такой может найтись, который скажет: “А может быть, они правду говорят?” А может, в этом ситуация, что сказать нечего. Тогда нужно отношение вырабатывать. Очень просто сказать: “Сядь!” и все. Они этому будут рады и на вас в газете писать, что их “сажают”. Либо мы с человеком или общественным движением разбираемся, и находим способ работы, либо мы их сажаем, но даем им повод, чтобы сказать, что у нас нет никакой демократии. И это так. Демократия должна быть в диалоге, даже если он вам неприятен.

Шахназарян Г.К.: Вы, как партийный работник, указали на негибкость госбюджета и на то, что выделить необходимые средства нет возможности. А такую форму как общественное движение, Вы собираетесь задействовать?

Тулохонов А.К.: Нет.

Шахназарян Г.К.: Но всякого рода экологические движения по всей стране уже существуют. Для решения проблем надо привлекать творческие коллективы ученых и специалистов, которые надо финансировать. Можно было бы собрать в эти движения от 30 до 80 млн. человек, а, собрав по рублю в месяц, выйти на сумму 200-600 млн. руб. в год. Кинуть на решение экологических проблем общепартийные силы, поскольку экологическая политика провозглашена однозначно сегодня в партии: надо решать этот вопрос. Может быть, такой путь избрать для решения экологических проблем – 600 млн. руб. в год выделить на те приоритеты, о которых Вы говорили, например, проблема охраны озера Байкал. Я думаю, это достаточная сумма, чтобы пригласить ученых, независимых от министерств и ведомств и получить оптимальный вариант, с которым можно было бы выходить на правительство.

Тулохонов А.К.: Я думаю, что это конструктивное предложение. Но опять вопрос о приоритетах. Отрешитесь от своих должностей, все люди, рабочий класс. Но когда я приду посоветоваться с народом, что нам сейчас важнее: “Вот у меня 600 млн., на что мы их истратим?” Они скажут: на жилье и продовольствие! Как быть в этой ситуации?

Шахназарян Г.К.: Почему мы должны сомневаться, что вся эта сумма придет на Байкал? Простите, нам больше решать нечего. Из этой суммы можно получать по несколько десятков миллионов на разработки каждый год.

Попов С.В.: Но дело в том, что решение экологических проблем требует не миллионов – миллиардов.

Ожигин А.В.: Мне кажется, это одна из первых сдвижек ситуации. Первое начало анализа действительно ситуации. Арнольд Кириллович, Вы рассматривали какую-нибудь область промышленности, народного хозяйства, которая бы разрешала это противоречие? Деньги вносило вам, а экологию не нарушало?

Тулохонов А.К.: Я не понял вопроса.

Попов С.В.: Можете ли вы со своим республиканским правительством принимать решения и у себя строить предприятия такие, которые удовлетворяли бы вас с экологической точки зрения и которые были бы много прибыльней, чем существующие?

Тулохонов А.К.: Безусловно.

Попов С.В.: Почему вы проблемы за счет этого не можете решить?

Тулохонов А.К.: Во-первых, я рисую сегодняшнюю ситуацию, на время. Если хотите, я нарисую динамическую модель, которая будет еще более оптимизирована к сегодняшним условиям, но для этого

[1] Кулиша В.П.

я должен посоветоваться с Госпланом, с нашим Байкалрыбводом и т.д. Я повторяю, я не специалист и предлагаю обсудить выход из этого положения.

Попов С.В.: Но проблему не решим, поскольку эти предприятия будут все равно союзного значения, и отчислять это будут туда, и опять возникнет проблема.

Даржаев И.Д.: О каких деньгах может идти речь, если то, что выделяется государством на сегодняшний день на экологию, мы выполняем максимум на 70 %? А БАМ на 75 %. Надо осваивать то, что дает государство и выполнять Постановление № 434.

Викулов В.Е.: Совершенно правильно. Вы ставите проблему, которая до сих пор не поднималась. Мы все говорили о капиталовложениях, а вторая проблема – это освоение капиталовложений. У нас были годы в республике, когда на охрану воздушной среды осваивались 13-18 %. У нас только одно министерство – лесного хозяйства, которое осваивает капиталовложения на 100 %. Остальные все отрасли "буксуют".

Из зала: В этой схеме все есть, кроме управляющих структур, которые мы просмотрели. Вы являетесь партийным работником. Так вот, хотелось бы посмотреть, каково состояние в этой схеме партийной структуры управления и ее роль.

Тулохонов А.К.: Я и партийный, и научный работник. Вы хотите получить ответ, как партийные и советские органы охраняют Байкал, или решают вот эту задачу? Я считаю, что задача партийных органов, в соответствии с решениями XIX партийной конференции, обеспечить идеологическую работу по реализации задач повышения уровня организации.

Из зала: Справляетесь вы с этой задачей?

Из зала: Цель – "рациональное природопользование", но никто не ставил задач "нерационального природопользования". Правительство просто декларировало этот вопрос.

Тулохонов А.К.: У вас вопросы однотипные.

Попов С.В.: А в чем причина однотипных вопросов?

Тулохонов А.К.: Как я могу ответить еще на вопросы, о которых мы полчаса рассуждали?

Из зала: Свою роль покажите.

Тулохонов А.К.: Мою роль? Моя роль заключается в том, что я был соавтором той Концепции, которая была представлена вчера, в области агропромышленного комплекса. Кстати, агропромышленный комплекс по экологизации существующей обстановки является наиболее решаемой частью. Но есть противоречие. Мы выдвинули тезис о сокращении поголовья овец, при этом высокопоставленные лица сказали: "Никаких сокращений, стране нужна шерсть!". Поставили приоритет сразу! Что важнее в данном случае? А может быть, действительно, шерсть важнее?

Из зала: Может быть, важнее сегодня наесться мяса, а завтра – сдохнуть?

Тулохонов А.К.: Тоже верно. Я и говорю, это беспредметный спор.

Из зала: Ваша гражданская позиция в этом случае?

Тулохонов А.К.: Я приехал сюда и пытаюсь найти ответ на тот вопрос, который поставлен. В этом моя гражданская позиция.

Попов С.В.: Скажите, а может партийное руководство, например, систему финансирования республики изменить и как-то противостоять этому произволу?

Тулохонов А.К.: Нет! Но вот еще один момент, который сейчас активно предлагается и внедряется – хозрасчет и госпредприятие со всеми правами. Есть такая ситуация сегодня. Перед моим отъездом наш стеклозавод, перейдя на хозрасчет, выкинул из общежития, вернее из яслей, детей медсестер. Или, сказал директор, платите по 60 руб. Ситуация? Ситуация! Что же, тогда мы и врачей переведем на хозрасчет, и будем с вас "драть" по 80 руб.

Мужелевский П.М.: Во-первых, хотел бы предложить лозунг: штурмовать проблему, а не человека! А вопрос мой такой: я разделяю вашу точку зрения, но мне кажется, этот анализ неполный, потому что мы говорим о промышленности, но забываем, что промышленность может меняться. Средств к тому много. Во-первых, новые формы хозяйствования – хозрасчет. Можно с меньшим количеством людей получать больше продукции.

И второе: принято считать деньги. Всем известно, что в Якутии много алмазов, а места, где много алмазов, создают себе высокое благополучие. Есть страны, которые переработкой алмазов создают себе высокое благополучие, например, Израиль. Есть страны, которые выращивают цветы и за это получают миллиарды долларов прибыли. Поэтому, если вы подумаете, ведь вы же свои природные условия знаете, то вы сможете хотя бы предложить Совету Министров, в каком направлении развиваться?

Тулохонов А.К.: Все эти предложения есть в Концепции. Но вопрос опять встает о приоритетах. Авиационная промышленность к экологизации в республике, ну, вроде бы, прямого отношения не имеет. Но стране самолеты нужны?

Теперь вопрос о хозрасчете. Хозрасчет республики может быть полезен для региона, а может быть и вреден. И это кольцевое соотношение, оно может быть любым. И это зависит от конкретной ситуации, от конкретных исполнителей. А то, что мы пытаемся решить эту проблему, говорит о том, что я все время говорил об экологизации промышленности.

Мишин Ю.Ф. (Группа госкомитетов): Сколько в республике сельхозхозяйств? Сколько из них рентабельных и как решаются экологические вопросы?

Тулохонов А.К.: Я боюсь вас обмануть, но ситуация такова: в республике приблизительно 180 совхозов и колхозов. Из них половина прибыльных... за счет дотаций.

(Смех в зале)

Экологические вопросы никак не решаются.

Вербицкий А.А.: Позвольте сделать вам такое предложение относительно экологизации сельского хозяйства. А что если пойти по пути аренды и передачи земли на вечное пользование в вашей республике фермерам. Тогда, если человек будет иметь свой участок земли, он будет относиться к ней по-хозяйски. И будет связывать вопросы рентабельности хозяйств и уровня рационального природопользования неконфликтно. Тогда можно резко поднять сельскохозяйственное производство.

Тулохонов А.К.: Согласен с Вами. Поэтому я нарисовал одно из противоречий – централизованное планирование. У нас в республике, как и в других, есть понятие – госпоставки. И что бы мы ни делали, мы должны выполнить план по продаже зерна стране. Хотя мы потом это зерно в 10-кратном размере опять получаем. Таково наше планирование.

Полторак Г.И. (Группа экспертов): Я хочу попытаться оценить обстановку, которая сложилась в республике и, может быть, эта оценка позволит нам даже продвинуться. Я эту ситуацию оцениваю как "искусственный дефицит". Причем, он касается многих позиций. Следствия, которые имеет в данном случае данная территория, – данное население исходит именно из этого дефицита. Почему данная республика постоянно в долгу? До революции было все нормально, был баланс, а теперь? И Совет Министров ничего не может сделать. Кстати, раз ничего не может сделать, то и хозрасчет провалится. А вам нужно сейчас "прикинуть" баланс, что вы можете на данном этапе.

Тулохонов А.К.: Согласен.

Попов С.В.: Но отсюда, если вы согласны, следует один момент: либо вы найдете основание для этого (а я так понимаю, вы это основание хотите найти в приоритетах, но собираетесь обратиться наверх, чтобы там определили приоритет), либо вы найдете действительное основание, когда будете противостоять централизованным органам, и в борьбе найдете это основание. Либо с вами произойдет то же самое, что происходит в других регионах страны. Главное сейчас: есть поиск таких оснований (а они могут быть экологическими или другими), по которым можно проводить борьбу по многим направлениям. Потому что министерства всегда будут вам говорить: "Стране нужна шерсть!". И все.

Тулохонов А.К.: Эта работа идет понемногу.

Попов С.В.: Но заметьте, когда вас спросили, что же вы здесь делаете и можете ли изменить ситуацию, вы сказали: "Не можем!".

Тулохонов А.К.: Эта модель статичная. Но давайте нарисуем динамичную, что мы делаем, что мы хотим. Это раз. Во-вторых, спускаемая на конкретный пример. Три дня ведутся разговоры с Грачевым о том, как нам создать международный экологический центр. Если центр здесь, то все объекты культурного и другого значения находятся на Бурятской стороне. И это – совместные усилия по привлечению международного капитала.

Из зала: Ради чего?

Тулохонов А.К.: Вчера Михаил Александрович оценки сделал, что здесь идет туризм необычный. А мы противники. Вот мы беседовали с американцами, они нас предупредили о том, что, товарищи, упаси бог вас пойти по пути привлечения американского туризма. Они построят здесь отели, и станут они здесь филиалами Штатов. Этого нельзя допускать. Поэтому Грачев говорит о научно-культурном туризме, исследовательском туризме. А сегодня один лишь туризм, в смысле рекреации идей.

Попов С.В.: Это, между прочим, другой вид туризма, на котором вы можете делать политику туризма. Потому что индустрия туризма в мире построена по американскому образцу: отели, музыка, дансинги и т.п. Между прочим, японцы нам предлагают другое: оздоровительный туризм, тихий – спорт, природа, наука, культура.

Из зала: Вы говорили, для экологизации района необходимы привлечения средств промышленности. Но какие средства? Вы оценили сумму средств, необходимых для экологизации всего района? Это первое.

Второе. Видимо у вас есть определенная прибыль. И вы, как партийные власти, можете выйти с предложением о перераспределении прибыли. И пустить прибыль не в государственный бюджет, а на экологические проблемы. И нам надо было бы рассмотреть вопрос создания высокорентабельных отраслей, которые могли бы вам принести прибыль. И решить эти вопросы. Этот путь вы прорабатывали или нет?

Тулохонов А.К.: Я не специалист в этой области.

Викулов В.Е.: Таких оценок нет. Сегодня Бурятия в состоянии освоить 10-15 млн. Мы не зря подняли вопрос об освоении. Если нам "вывалите" сегодня 200 млн., то они будут пропащими деньгами.

Из зала: Но надо развивать или хозяйственный способ, или строительные мощности.

Викулов В.Е.: Мы отошли уже от Концепции.

Из зала: Ваше предложение сводится к тому, что если регион должен дать отчисления, тогда будут решаться вопросы. Теперь Вы говорите, если нам кто-то дает отчисления, то мы их не освоим. Значит, надо решать в комплексе проблему.

Попов С.В.: На мой взгляд, в этой полемике как министерства, так и партийные органы лукавят, по-

тому что, на мой взгляд, у партийных и советских органов не хватает решимости сказать: "Мы решили, что приоритет – экологический. И идите, катитесь отсюда!". Нужно искать резервы и варианты, при которых они вам могут отказать. Получается интересная ситуация. И у нас, практически, в каждом регионе так. Между прочим, в Якутии, с ее алмазами, еще хуже, так как в каждом из регионов с 1929 г. реализуется эта долговременная политика – сделать так, чтобы ни один регион не имел самостоятельности. Это политика была. И она есть. Поэтому и происходит так, как рассказывал Арнольд Кириллович – берут зерно, в маленьких количествах, но берут, даже если потом приходится дать больше. Все централизовано – вся система распределения. Построено государство всеобщего распределения. Это первое.

Второе. Когда вы разговариваете с партийными и советскими органами, вы должны понимать, что у Совмина и советских органов Бурятии не хватает решимости пойти "против". Вы вот говорите: "динамическую модель мы пока не построили", а вы попробуйте построить ее в нескольких вариантах и увидите, что это делается просто. Если вы этот механизм не сломаете, обнищание Бурятии относительно других регионов будет все более и более катастрофическим. Разрыв увеличивается, так как происходит концентрация ресурсов в других регионах. А если Прибалтика и другие начнут переходить на полный территориальный хозрасчет, то вы будете все ниже и ниже, поскольку там будет происходить концентрация ресурсов.

И в этой ситуации партийные органы, центр оказываются в тяжелом состоянии, и будут давать независимость только тем, кто добивается этого со страшной силой. Расползается "лоскут". И этот механизм вы приоритетами из центра не остановите! Поэтому, когда вы спрашиваете: "Что делать?", я думаю, надо переориентировать сам механизм. Либо вы выйдите с этим требованием, используя игру, либо вам придется ждать, а обнищание будет происходить. И Минлеспрому вы должны жестко отвечать: "Эти предложения мы национализируем, возьмем на свой баланс и будем вам целлюлозу продавать в 10 раз дороже!". Это как пример, либо мы ничего не сделаем.

Из зала: Вам предлагается реальный и конкретный путь. До тех пор, пока не будет решительных действий, ничего вы не получите.

Тулохонов А.К.: Я рисовал. Как источник, один из источников решения программы – региональный хозрасчет. Это всей программы. Но мы с вами или со специалистами должны обсудить, какова роль каждого из этих источников.

Попов С.В.: Если это действительно вас интересует, то с послезавтрашнего дня мы выделим одно из таких направлений. Но должен вас сразу предупредить, что внедрение территориального хозрасчета – вещь чрезвычайно сложная. Не финансовая, а скорее политическая и социальная. Требует момента решительности, когда, может быть, в каких-то областях пойти на спад, вообще структурно переорганизоваться. Формально его не введешь. Поэтому, может быть, какую-нибудь группу по этому направлению запустить, чтобы возможные решения и варианты она прорабатывала. Но, может быть, есть и другие варианты.

Дронин В.С.: Я согласен с оценкой группы, в которой я принимаю участие ("Региональные проекты"). В принципе, проблема эта видится в том, как вводить хозрасчет территории. Но здесь надо четко понимать, что наша промышленность – она сырьевого направления. Но мы имеем из сырьевого направления, примерно, уровень рентабельности 7 %. Значит, переводя 68 % промышленности на хозрасчет, мы имеем 3 % прироста в нашем бюджете. Я привожу эти цифры для того, чтоб понять тот потенциал, на который мы можем опереться. Должны быть, вне сомнения, нетрадиционные подходы, вплоть до аренды и т.п. Но вопрос не простой, мы обсуждали уже 2 месяца, и надо сказать, мы только подошли к каким-то подходам.

Второй вопрос. Придется идти на такие формы решения экологических проблем, как привлечение средств трудящихся не только в виде пожертвований, но и в виде, видимо, акционерных обществ. Я поддерживаю то, что хозрасчет – он не понятен и нам. Это не выход из положения, но надо найти принципы и подходы применительно к нашей промышленности. Сегодня легко говорить о Латвии и Литве. Мы изучаем их опыт и их проблемы.

Попов С.В.: Но, посмотрите, ведь они в Литве и Латвии работу по анализу ситуации, самоопределению и разработке стратегий собственных действий – проделали.

Дронин В.С.: Я говорю, что мы внимательно изучали их опыт, но он имеет уровень рентабельности до 20 % и выше. В основном сосредоточена перерабатывающая промышленность. Также и Москва. Почему мы не развивали? Я говорю, что политику технического развития и сегодня, и в прошлом проводят министерства. По графику развития, "однобокого" развития было столько разговоров, что и не счесть. У нас действительно уникальная природно-сырьевая база, особенно если рассматривать с союзной специализации. Тут надо четко понимать, что все мы находимся в едином народно-хозяйственном комплексе. Хотим, не хотим, надо идти и на какие-то конфронтации, что-то забирать, но при этом остается союзная специализация, и выйти со своими "местническими" интересами, наверное, не сможем.

Попов С.В.: Тут нужен небольшой комментарий к тому, что вы сказали. Один момент здесь надо четко

понимать. Та система специализации, которую мы сейчас имеем в Союзе, она не работоспособна. И хотим мы этого или нет, нам придется переспециализировать это.

Дронин В.С.: Я не говорю о том, что мы сегодня имеем программу специализации химических отраслей. У нас один из ненасыщенных регионов пластмасс. Эти подходы есть. Конечно, нам нужна продукция. Потом Минлеспром, тут столько вопросов специализации, когда мы, имея перерабатывающие отрасли, имея мебельное практическое производство, испытываем дефицит и т.д. То есть хозрасчет как дополнение к схеме.

Второй момент, это, конечно, привлечение средств трудящихся, предприятий, акционерных обществ, но какими же еще нетрадиционными методами можно подойти, или использовать традиционные методы для того, чтобы увидеть решение еще каких-то проблем? Я не беру технику, технологию, она есть. И в Концепции отдельные моменты уже "надерганы". То есть уже можно что-то обсуждать. А может быть, еще есть какие-то подходы?

Викулов В.Е.: Есть такая просьба. Рассматривать по Бурятской АССР, если такие предложения будут, как переход республики на территориальный хозрасчет, то насколько он обозрим в перспективе. Сегодня республика поставляет сырье, и все говорят об этом. И только 2/3 предприятий, которые перерабатывают что-то, так об одном из них уже сегодня здесь шел разговор, о целесообразности его закрытия. Я думаю, что с заседания суда мы перейдем на заседание Академии наук СССР. Вопросы регионального хозрасчета там широко поднимались. От нашей республики работает там наш товарищ, который был членом комиссии института Абалкина. Да, там же выступал академик Казахской АССР. Он сказал, что ЦК Казахской ССР сейчас "выкручивают руки" с тем, чтобы перевести Казахстан на региональный хозрасчет.

Даже для такой республики и то – хозрасчет нереален. А вы, иркутяне, намного ниже стоите. У вас другая структура промышленности. Если реально говорить о хозрасчете, а не как о желании, надо всю структуру промышленности переделать. Поэтому, если мы будем склоняться в сторону этой рекомендации, то здесь надо стоять на путях реальности.

И последнее. Кто-то говорил об аренде в сельском хозяйстве. Если стоять на реальных позициях, то нужно отметить, что в силу тех земель, которые есть у нас, в Забайкалье, высев у нас очень тяжело идет. Почему? Потому что наши земли такие по природным условиям, что сегодня любой здравомыслящий арендатор уедет куда-нибудь, даже недалеко, в Иркутскую область, но наши земли в аренду не возьмет. И это процесс, который "палкой" не ускоришь.

Попов С.В.: Спасибо.

Труфанова Н.Я. (Группа "Регион"): У меня вопрос к Арнольду Кирилловичу. Повышение уровня жизни у вас складывается из трех блоков: "жилье", "социальная инфраструктура" и "продовольствие". Но, может быть, вы имеет еще что-то в виду?

Тулохонов А.К.: И экология, и образование и т.д. Этот процесс бесконечный. Все, что угодно, сюда можно.

Попов С.В.: Тут, скорее, идея и она очень любопытна тем, что проблемы экологии можно решать только при достаточно высоком уровне жизни населения. Причем, уровень жизни – это не только жилье и еда, это и культура.

Проблема экологии может быть поднята в Бурятии как действительная проблема, только при условии, когда Улан-Удэ и другие города по уровню культуры и наличию свободного и научного населения будут достаточно продвинутыми. Это касается и Иркутска, и других городов.

Тулохонов А.К.: По уровню образования республика стоит на втором месте в стране, после Грузии.

Попов С.В.: Это хорошо. Но это количественный показатель, а не качественный. Здесь, кстати, этот поворот не обсуждался технически и перспективы не строились.

Викулов В.Е.: Не рано ли, в таком случае, мы собрались?

Попов С.В.: Думаю, уже поздно. Но из дискуссии возникает интересная мысль. Группам надо ее продумать. Для того, чтобы начинать эту проблему решать, нужно, хотя бы на схемах, собрать ряд процессов, которые рассчитаны на разное время. Нужно процесс введения хозрасчета последовательно прорисовать. Какие условия необходимы? Как его вводить? Но должны быть другие направления, серия параллельных процессов, когда можно будет хозрасчет республиканский, или региональный, как-то внедрить. Должен быть ряд условий, и другие процессы должны быть.

Когда же вы говорите, что земли настолько истощены, что туда арендный подряд не внедрить, то в этом случае тоже должен быть прорисован процесс восстановления сельского хозяйства. Это требует соответствующего уровня благосостояния. Здесь должны быть прорисованы возможные варианты с повышением уровня культуры и т.д. И одна из проблем – это переструктурация населения, демографическая. Вы говорили, что была такая затея, а процесс не прорисован. В чем затея, мысль-то в чем состоит? Одним решением эту штуку не разрешишь. Нужно сложное решение по многим направлениям. Но его никто не прорисовал. Разные люди занимаются разным.

Якобсон А.Я. (Группа "Регион"): И А.К. Тулохонов, и В.С. Дронин, и С.В. Попов ходят на одном месте, но никак не подойдут. Прозвучало слово "са-

моуправление". Я надеялся, что развернется это слово, но нет, Арнольд Кириллович на этом и закончил. Далее, сказано было: "хозрасчет предприятия – это нереально; далеко Бурятии до Иркутской области, в этом смысле". Товарищи, а почему надо рассматривать Бурятию в отрыве от Иркутска? Кто сказал, что существующие административно-территориальные структуры должны сохраняться? В смысле хозрасчета Бурятия, получается, в одиночку не выдерживает. Экологические проблемы Байкала невозможно решать в отрыве – отдельно в Иркутской области, отдельно – в Бурятской АССР.

Я хочу сказать еще о национальном факторе, хотя именно благодаря ему Бурятия существует обособленно. Разве национальные проблемы Бурятии можно решать в рамках Бурятской АССР, без Иркутской и Читинской областей? Не напрашивается ли здесь другая территориальная структура: сильная, крепкая, могущая себе позволить и хозрасчет, и самоуправление?

Викулов В.Е.: Отвечаю. Как экономическая структура – эта структура давно просматривается. Даже есть статьи в печати о создании единого байкальского экономического региона. Что же касается политической области, тут надо спросить специалистов.

Попов С.В.: А где вы у нас видели специалистов по национальному вопросу? Даже из тех разговоров, которые здесь ведутся, можно пририсовать несколько вариантов: развитие Бурятской АССР в разных факторах, Иркутска, попытка регионального экономического хозрасчета при сохранении старых территориальных структур. И то, о чем вы сейчас говорите – еще один вариант. Но это все на уровне идей. Надо посмотреть по разным схемам и представлениях, где бы было детально видно каждый из вариантов, и можно было бы их сопоставлять.

Из зала: В истории был вариант – Восточно-Сибирский экономический район, регион.

Попов С.В.: Так нужно и их просмотреть и определить: какие варианты и как будут влиять на ситуацию на Байкале? И таких вариантов может быть много. Вот и четвертый предлагают. Прошу Вас.

Из зала: Хозрасчет как таковой никогда не даст того эффекта, которого мы ожидаем. Мы ожидаем, что появятся деньги, которые пойдут у нас на природу. Но на самом деле даже те деньги, что мы имеем, не используются. Если же предприятия будут на полном хозрасчете, при товарно-денежных отношениях, так на каком основании Вы думаете, что предприятия станут выделять деньги на охрану природы? Едва ли они будут способны на первых порах.

Второе. Мы говорим, что арендный подряд – спасение земли. Навряд ли. Арендаторы на первых порах будут выжимать из земли последние соки. Получать максимум прибыли. Поэтому то, что предлагается – аренда, хозрасчет, – это не то, с чьей помощью можно спасти Байкал. И нужно еще учесть – проблема Байкала – это не региональная проблема. Это общесоюзная задача. Иркутская, Бурятская области не вытащат ее. Поэтому в этих регионах должен быть разработан особый режим природопользования, реализация которого поможет решить эти проблемы.

Попов С.В.: Прошу обратить ваше внимание на систему аргументации, которую мы употребляем. Случалось мне быть на партактивах. Обсуждается вопрос: "Внедрять арендный подряд или не внедрять?". Сидят несколько человек. Один: "Я думаю, что можно внедрить, вот у нас в деревне есть такой мужик, который бы взялся..." Отсюда делается вывод, что можно внедрить. Другой: "Нет. Я езжу по совхозам, колхозам, хорошо знаю сельского труженика. Аренда не пойдет!" Такое обсуждение – это низкокультурная работа. Поэтому когда вы говорите: "Мы эти варианты не имеем нарисованными, и не можем их сопоставлять, но у нас есть мнение..." Я вам отвечаю: "Ничего хорошего из вашей работы при такой аргументации не выйдет!"

Проблема в том, что, в лучшем случае, если есть экономисты, то они цифры представят, но что в одном варианте, что в другом – откуда взялись эти цифры и верны ли они? – никто проверить не сможет. Для решения этих проблем нам нужны другие схемы и средства. Чтобы экономические проблемы решать, вам нужны схемы демографических процессов, квалификационных процессов и проч. У нас их никто не считает и даже не умеет считать. Мы как рассуждаем? Так же, как в рассказе про авиазавод. Мы, говорит, привыкли работать с безграмотным населением: три месяца и переучка. Но они будут низкого качества продукцию выпускать. Даже на уровне ПТУ не знают, как будет меняться квалификационная структура. Им прислали заявки, а через 2 года 70 % работают по другим специальностям, на заводе переучиваются.

Если вы хотите сказать, что какой-то вариант не пройдет, вы должны этот вариант определенным образом схематизировать и показать, где и как не пройдет. Но когда вы говорите: "Это дело союзное!", но не отвечаете при этом, кто на себя возьмет труд делать ваш регион экологическим, тогда все разговоры нереальны.

Никто этим не займется. Вам нужны реалистические решения, а не писать очередную бумагу в ЦК КПСС.

Мы несколько раз рассматривали траектории движения подобных бумаг. В лучшем случае отошлют в Совмин Бурятской АССР, потребуют предложения. Там напишут предложения в Госплан, Госплан разошлет по министерствам на согласование. Прекрасно знаете, что это бессмысленно, но все равно так и сделаете. Минлеспром, которому попадет такая бу-

мага, скажет: у нас там БЦБК, лес рубим. Если на них надавят, они там цифры подправят. Но они ведь не за экологию, в конце концов, отвечают. Им лес "гнать" надо, рубить, перемешивать и пускать немножко в продукты. Так кто и что реально должен делать?

Из зала: Реально должен Совет Министров СССР...

Попов С.В.: Вот, давайте у него и спросим. Представитель Совмина РСФСР, Вы можете дать оценку: возьмет ли Совмин СССР это на себя?

Швецов Н.М.: О чем идет речь? Есть программа по экологии СССР, серьезный документ, рассчитанный на большую перспективу.

Из зала: Программа не решает проблему.

Швецов Н.М.: Это на ваш взгляд не решает, на наш – решает. Что мы еще можем сделать?

Попов С.В.: Вот видите, даже бумаги не понадобилось посылать. Считайте, что на вашей бумаге – фига. Сколько можно? Уже лет 70 с лишним мы это все повторяем, но никак научиться не можем. Проблему надо решать, вроде бы, не так. Но если вы считаете это необходимым – действуйте.

Попов С.В.: Тема, которую поднял Арнольд Кириллович, должна быть отфиксирована и проанализирована в экспертных оценках. Это проблема образования или, иными словами, формирования региональности. Но ситуация будет неполной, если мы точку зрения министерств о развитии региона не услышим. А у нас пока этот пункт просто выпадает. Прошу министерства представить, что вы думаете по поводу предыдущей дискуссии и перспектив развития региона. Каким образом вы представляете его развитие?

Мужелевский П.М.: Если вы хотите знать мое мнение, не министерства, а мое личное, то я вам скажу. Во-первых, я сегодня слышал замечания в адрес министерств о том, что министерства не заинтересованы в сохранении экологии любого края. Я не согласен с этим. Я так же, как и аппарат, переживаю, возмущаюсь многими делами партийных органов, и в министерствах, и в правительстве. Но на нашу деятельность накладывает отпечаток то, что мы не можем предлагать закрыть промышленную деятельность в районе Байкала и сделать его туристским центром. Мне кажется, что такие предложения просто вредили бы, потому что, чтобы закрыть всю промышленность, нужен комплекс сил. Мы должны понимать, что такое предложение неосуществимо, потому что никто его не профинансирует. И, кроме того, неизвестно что здесь будет за туризм. Я знаю туристов-москвичей, которые ездят в лес. Думаю, этот лес хуже, чем иркутский. Это ужас – "турист", и к этому не надо стремиться.

Поскольку я представляю газовую промышленность, то я вижу желание своего министерства как-то участвовать в улучшении экологической обстановки в байкальском бассейне. Дело в том, что везде, кроме нас, я себе представляю так, экологическая обстановка улучшается. Ну, есть случаи: Ямал, Тюмень, но, очевидно, не всякая деятельность человека с этим связана. Но я знаю другое, что Томск, Омск, Новосибирск и др. – везде, где добывают газ, там ситуация воздушного бассейна значительно улучшается. Потому что, во-первых, в результате сгорания газа в атмосферу не попадают те вещества, которые являются продуктами сгорания иных видов топлива. Во-вторых, переход транспорта на сжатый газ исключает попадание в атмосферу соединений свинца, бензопелена, окислов азота и СО и других веществ.

Я думаю, что министерство газовой промышленности может внести какую-то лепту, если не вообще в экологию, так в воздушный бассейн, в частности, Иркутского района. Но для этого надо сделать следующее: на территории Иркутской области есть несколько месторождений газа, они недоразведаны. Мне кажется, одно из направлений, по которому мы можем пойти, это – интенсифицировать разведку этой области. Если запасы газа будут исследованы и смогут составить сырьевую базу, мы сможем обустроить промыслы и дать в промышленные центры и промышленным предприятиям газ. И для химических предприятий, и для других это бы без лишних напряжений могло , по-моему, во многом улучшить состояние атмосферы. Кроме того, газификация – это величайшее социальное благо. На Западе многие специалисты считают основной социальной проблемой села топливо. Даже несмотря на то, что у вас есть уголь и лес, но без газа вам не обойтись никак.

Поэтому, как видите, представитель министерства не такой уж бюрократ, но все проблемы, которые я изложил, должны рассматриваться в тесной увязке с экономикой. Прошу любящих Байкал и природу людей помнить: все, что мы делаем для экологии, все стоит денег, народных денег. И необоснованно они тратиться не могут. Кроме того, поверьте мне, похожих ситуаций в стране очень много. Спасибо.

Из зала: Мы сегодня – лесосырьевой, углесырьевой район, вы хотите нас сделать еще и газосырьевой районом?

Мужелевский П.М.: Вы подумайте, что вы говорите! Мы хотим дать населению газ. Мы хотим химическое производство перевести на газ. Это чистое топливо. Мы хотим уменьшить в вашей атмосфере бензопелен, окислы азота и т.д. Мы хотим, чтобы ваш автотранспорт работал не на бензине, а на газе и в разы уменьшил количество выхлопов.

Дружинин В.Н.: Насколько ваше министерство увеличивает капиталовложения в разведку, разра-

ботку и организацию на новом технологическом уровне в Иркутской области?

Мужелевский П.М.: Если будет сделана эта разведка, министерство даст предложения по использованию, а разведку ведет Министерство геологии.

(Шум в зале)

Из зала: Мы подобных обещаний и рассказов о "светлом будущем" наслушались вдоволь.

Мужелевский П.М.: Да вы не слушаете, что я вам говорю!

Из зала: Вы деньги не вкладываете в то, чтобы прогресс был в технологиях, культуре добычи, в хозяйствовании. Ни в этой пятилетке, ни в будущей. А нам сказки рассказываете.

Мужелевский П.М.: Нужно сначала разведать запасы, а потом вкладывать деньги.

(Шум в зале)

Вы требуете, сами не зная, чего хотите.

Попов С.В.: Министерство газовой промышленности разведку не производит. Им месторождения передают для эксплуатации.

Дронин В.С.: Да, конечно, экологическая проблема вокруг Байкала очень сложная. В этой ситуации почему министерство не может пойти на риск?

Мужелевский П.М.: Тратить десятки миллионов рублей на неподкрепленные разведкой запасы?! Этого делать нельзя.

Дронин В.С.: С 1989 г., как определено Постановлением № 434, вы должны приступить...

Мужелевский П.М.: Вы говорите на другом языке. Постановление партии у меня тоже есть. А вот заключение экспертизы о том, что надо сделать доразведку, подтвердить запасы, разворачивать отрасль.

Дронин В.С.: Да, действительно, те запасы, которые были подтверждены на 1988, 1989 гг. и т.д. Они в определенной степени долю риска для министерства представляют. Конечно в конце концов будет дано обоснование, но время уходит.

Мужелевский П.М.: Эти запасы не позволяют рисковать. Поймите, обустроить районы, построить заводы – это десятки миллионов рублей. Здесь рисковать нельзя.

Худяков А.Е.: Как заведующий отделом химической промышленности я владею необходимыми данными и могу утверждать, что запасы газа в районе Жигалово составляют 120 млрд. м^3. Речь о том, что если сейчас разработать план обустройства, сэкономить 2-3 года, то это даст и Иркутской области, и стране в целом огромные запасы. Конечно, нужно для этого несколько десятков миллионов рублей добавить. Речь идет не о прокладке трубопровода, речь идет о разработке документации. Это позволило бы, я еще раз говорю, выиграть 2-3 года.

Мужелевский П.М.: По нашему распоряжению документация будет разработана за 6 месяцев. Нам нечего бежать впереди оленей.

Попов С.В.: Вам говорят о подготовке и разработке документации до того, как решение о разработке месторождения будет принято.

Мужелевский П.М.: Есть положение, что пока нет утвержденных запасов никакую документацию разрабатывать нельзя.

Борисенко И.М.: Геологами Бурятии вместе с вашим институтом разработан проект освоения источника экологически чистой тепловой энергии термальных вод. Когда вы будете его реализовывать?

Мужелевский П.М.: Я мог бы сказать – "завтра". Я, во-первых, не знаю, что это за проект. У нас есть очень много источников термальных вод, но опыт показал, что термальные воды – это такая "заноза", от которой нельзя отделаться. Все термальные воды сильно минерализованы, кроме этого, чтобы выкачать наверх эту воду, надо затратить в 2 раза энергии больше, чем мы получим потом, из этих термальных вод.

Борисенко И.М.: А такие источники, как солнечная энергия, могут использоваться как-то?

Мужелевский П.М.: Вы обращаетесь в министерство газовой промышленности, чтобы оно использовало солнечную энергию?!

Из зала: В 434-м Постановлении записано: "Министерству газовой промышленности разработать в 1987-1988 гг. технику намеченных обоснований модификации предприятий, расположенных в Иркутске, Шелехове, Ангарске, Усолье-Сибирском. В 1989 г. приступить к строительству объектов, связанных с добычей, переработкой природного газа".

(Шум в зале. Ответ не ясен)

Из зала: А причем здесь запасы? Вы должны газифицировать. И не волнует никого, здесь ли вы возьмете газ или купите где-нибудь в другом месте.

(Шум в зале. Ответ не ясен)

Шайхутдинов Р.Г: Здесь было утверждение, что газ является "чистым топливом" и поэтому его можно эффективно использовать. Но сейчас уже Набережно-Челнинская санэпидемстанция по заказу Минавтопрома начала исследования газа на экологичность. Почему она начала это делать? Поскольку ситуация в Афганистане с перевалом Саланг – первая ситуация, которая показала, что газодизели и газовое топливо не поймешь почему приводят к гибели людей. С другой стороны, Боливия отказывается от газодизельных КАМАЗов и говорит о том, что у нас нет приборов, которые могли бы регистрировать экологическую нечистоту газотоплива. Надо задуматься, является ли газ "экологически чистым" топливом!

Из зала: Добавлю, у меня такие данные: по выбросу азота, CO_2, нет разницы между углем, нефтью и газовым топливом.

Второе. Газовые месторождения в районе Каспия привели к критической ситуации в связи с тем,

что там много сероводорода. С нашим газом – были отравления в квартирах.

Мужелевский П.М.: Я же вам не говорю о сероводороде. Я говорю о газе. И я официально говорю: природный газ в 3 раза менее токсичен, чем любые другие жидкие топлива. Если вы возражаете против того, чтобы Иркутская область получала газ, тогда я это передаю в министерство.

Чебаненко Б.Б.: Любые сжигания способствуют увеличению в атмосфере загрязняющих примесей. На примере Иркутской области нами была просчитана возможность загрязнения атмосферы при 3 вариантах: а) при использовании и развитии теплоэнергетики, б) при использовании угля, частично – газа, на некоторых тепловых электростанциях и в) полной замене газом. Выяснилось: загрязнение пылью, содержащей токсичные тяжелые металлы, возрастет до 7-8 ПДК в городах в случае, если выработка электричества на угле увеличится. При переходе на газ проблема с пылевыми выбросами исчезает полностью. То же самое – с окисью серы, азота – они понижаются. Планируется переход предприятий энергетики на газ, либо на электроснабжение.

Из зала: Будущее иркутской энергетики все же в угле. В Иркутской области колоссальные запасы угля. Построим очень хорошие очистные сооружения, и все будет в порядке.

Щедровицкий П.Г.: Мне кажется, что здесь произошло явное смещение предмета разговора. На первом заседании мы обсуждали вопрос о децентрализации и регионализации. При этом основание позиции группы состояло в том, что Бурятская АССР не имеет ресурсов, прежде всего начального капитала, необходимого для того, чтобы отказаться от некоторых министерств и изменить структурное основание своей экономики.

Обсуждение, которое веется здесь сейчас, подтверждает эту ситуацию, ибо если делать газификацию региональной, то нужно отобрать все разработки у министерства и делать вклады, поскольку министерству вклады в региональные структуры невыгодны, так как те же средства могут быть вложены в другие регионы, выгодные для министерства. Это не значит, что те же капиталы не могут быть вложены в региональные уровни, более выгодные для региона, но именно на региональном, а не на отраслевом уровне. Поэтому здесь все время происходит перескок и смена проблемы. И вопрос об отношении министерств к проблемам регионализации все равно должен быть поставлен, поскольку пока Бурятская АССР не будет иметь своих собственных ресурсов: капитальных, трудовых, земельных и прочих, весь этот разговор будет крутиться по тому же самому "заколдованному кругу". И никуда вы из него не выйдите.

Поэтому ключевой вопрос в том, чтобы наращивать свой собственный капитал, обеспечивать этот капитал внутренними трудовыми ресурсами, поскольку без них никакой капитал не может быть эффективно использован. И в этой связи необходимо отвечать на вопрос, за счет каких мобильных трудовых контингентов этот капитал и эта земля могут быть использованы.

Мужелевский П.М.: Я хочу сказать, что министерство создает для вас промышленность. Если это не надо, и вы хотите все делать своими силами, то – пожалуйста.

Из зала: Вы знаете, создается такое впечатление, что мы разговариваем с Остапом Бендером.

Попов С.В.: Да, нет. Вы разговариваете с Министерством. И Министерство хочет выразить свое отношение к проблеме регионализации. Министерства хотят работать в старом механизме. Если это не так, то скажите.

Кузнецов В.И.: Я работаю в институте "Мосгипротранс", представляю Министерство транспортного строительства. Трудно говорить от группы министерств. Их всего 4. Есть сложности в выработке позиции. Но вот одно из отношений. Все, что мы сегодня заслушали по Бурятской АССР, упирается в финансирование работ по природоохранным мероприятиям (по региону) и защите озера Байкал. У министерств, представленных здесь, позиция однозначна: требования, определенные сегодня, должны быть выполнены. Думаю, все новые предприятия, которые будут здесь размещены отраслевыми промышленными министерствами на основе комплексной концепции, разрабатываемой сегодня Сибирским отделением АН СССР, уверен, в своих решениях учтут требования и сегодняшнего дня, и завтрашнего.

У меня складывается представление о том, что существует предвзятое отношение местных о том, что министерства не решают этих вопросов. Неправильно. Приведу пример: в 1987 г. переутверждены проекты БАМа. Природоохранительные расходы только по Северу БАМа – это 75 млн. руб. на срок до 1989 г. Я за то, что один из путей реализации этой программы – с участием министерств, потому что за счет одной какой-то отрасли строится и жилье, и соцкультбыт. Плохо, бедно? Может быть, но это уже другое дело. С помощью разработанных сегодня рекомендаций можно будет на все природоохранные мероприятия в районе БАМа увеличить денежные средства.

Один из моментов, сегодня подчеркнутый: да, мы не будем иметь денег, все равно не реализуем появившиеся решения. И не реализуем потому, что нет базы. А у министерства транспортного строительства, в данном случае, база есть. Реализуем эти возможности в районе БАМ. Я думаю, мы будем сдавать БАМ на проектную мощность, с учетом

требований всех этих положений. Отраслевые министерства каким-то образом и, может быть, в большей или меньшей степени обязательно реализуют природоохранные мероприятия.

Может быть, наметить такой путь: из отдельных отраслевых министерств проекты забрать и Иркутску передать. А тогда, когда они будут у Иркутска, давайте разрабатывать проект, не ожидая решений правительства, на осуществление природоохранных мероприятий. То есть из отраслевых лимитов забрать и передать все Иркутскому и Бурятскому регионам. Тогда будет больше возможности их использовать по наиболее наболевшим местам.

Еще. Согласны с комплексным развитием региона Байкала. Это реальный путь, а вот в отношении формирования лимитов, денег на это дело – один из путей вижу в том, чтобы все, что предусмотрено в отдельных проектах, передать Иркутскому исполкому.

Из зала: Я хотел бы от имени министерства высказать другое мнение. Стоит сейчас вопрос о регионе в Саратове. Может ли министерство отдать сегодня свои прибыли на развитие региона? Основной вопрос в этом сейчас будет заключаться. Вопрос, видимо, стоит о том, что надо отчисления давать на развитие региона?

Попов С.В.: Не в отчислениях дело. Когда представитель Мингазпрома говорит: "Ну, если хотите, мы вам отдадим, стройте сами", то при этом вы же понимаете, кто имеет монополию на строительство газопровода. Поэтому сказать: "Берите – стройте!" это все равно, что ничего не сказать. Меня интересует один вопрос: есть ли какие-то реалистичные, с вашей точки зрения, решения, когда министерства могли бы взаимодействовать с регионами?

Ведь министерствам же дается все – и лимиты на стройматериалы, и деньги. Даже если министерства будут отчислять бумажные деньги региону, он ведь ничего не сможет построить. Есть здесь какие-то решения или это все – несерьезный разговор?

Из зала: Наверное, приемлемо. Но я сразу не могу сказать, в каком виде. Да, это один из путей взаимодействия. Ведь у нас разработаны программы, и по целлюлозно-бумажной промышленности разработаны программы решения экологических аспектов. Для того, чтобы решить эту проблему в рамках отрасли, нам понадобится 2,4 млрд. руб. Мы сами "входим в правительство", с тем, чтобы нам дали дополнительное финансирование. Сейчас я даже не могу сказать, можно ли выделить технику. Но то, что предусмотрено программой (она сейчас на утверждении находится), мы выполним, но этого, видимо, для региона будет недостаточно.

Попов С.В.: Дело не в том, чтобы выделить дополнительно технику и ресурсы. Дело в том, чтобы новые отношения каким-то образом построить, чтобы не было антогонизма.

Из зала: Я даже не могу сейчас сказать, что мы какие-то пути видим.

Из зала: Но все пути, мне кажется, отрезаны к тому, чтобы учитывать уникальность озера Байкал. Можно пересмотреть еще стоимость природопользования, той же воды. Тут уже говорили, что стоимость выше, чем в других районах, а может быть, ее еще выше сделать? И тогда все сбросы "обойдутся в копеечку". Вот тогда, может, и подумают: а не лучше ли меньше потреблять воды? Пускать ее в оборот?

Викулов В.Е.: Это ничего не даст.

Из зала: Замкнутый цикл без сброса и только 10 % спускать в Байкал.

(Шум в зале)

Викулов В.Е.: Скажите, я правильно понял, вся сумма, которую вы предполагаете пустить на завершение БАМа – 75 млн. руб.? То есть на всю трассу.

Кузнецов В.И.: Это только на 2 участка: Байкальск–Нижнеангарск, Нижнеангарск–Чара.

Викулов В.Е.: И еще. Насколько у вас серьезно предложение о передаче этих сумм Иркутскому облисполкому, где мощная строительная база – она осваивает намного больше. А на всю бедную Бурятию только 60 млн. годовых освоений? Ведь это не считается. Так насколько серьезно ваше предложение?

Кузнецов В.И.: Да дело в том, что ни в Иркутске, ни в Бурятии нет базы.

Викулов В.Е.: А что же вы тогда предлагаете?

Кузнецов В.И.: Ну, если вы заинтересованы в лимитах, вы тогда и будете организовывать эту базу.

Из зала: Я хочу сказать уважаемым министерствам, что мы на БАМе уже двенадцать лет видим, как вы строите дома, дороги и т.д. Но не осваиваете ни рубля на природоохранную деятельность. Ваша цифра – 75 млн. руб. – фикция! Взята "с потолка". Недавно мы сделали экологический рейд в составе СЭС, Гидромета и т.д. по всему БАМу. Это организовал штаб ЦК ВЛКСМ на БАМе. Мы ужаснулись, что сделали строители. Во-первых, вы испоганили все реки, вы испоганили все поселки, которые существуют сейчас на БАМе, потому что вы спроектировали котельные так, что поселок, например, Рабочий, стоит "задницей" по розе ветров. И на сегодня это гиблый поселок. И он такой не один. Котельная стоит в центре Тынды. На город падает 500 тонн сажи! У меня 5 детей, все они болеют. Ваши просеки – это преступление в экологическом смысле, и вы их проектировали. АЯМ [1] показывает: все, что вы делаете, вы делаете все хуже и хуже, а затрат на организацию нормальной жизни нет. Почему?

[1] Амуро-Якутская магистраль.

У нас существует страшная опасность – это корейская аннексия – согласованность Минтрансстроя и Госстроя в том, чтобы допустить их в зону БАМ. Эти люди приехали к нам брать сырье. Причем, лучшее. А оставляют нам даже не пни – пустыню. Мы многое о деятельности министерств на БАМе знаем и еще расскажем.

Из зала: Я тоже на БАМе с первых его дней. Я из Северобайкальска. Я хочу сказать, что деньги, выделенные на защиту Байкала, не осваиваются. В погоне за выполнением плана строительства, за орденами и медалями про дом совершенно забыли. 1989 г. – год окончания строительства БАМа, но до сих пор в Северобайкальске не построен полигон для утилизации бытовых отходов и многое другое. Множество людей живет в вагончиках и хибарках. Что будет с ними дальше? Уезжать они не хотят.

Попов С.В.: Дело не в том, что не хотят, им некуда ехать.

Из зала: Минтрансстрой, Министерство путей сообщения ведут дело архиплохо. Если раньше жителям обещали жилье, чистоту (и ничего не выполнили), то сейчас и не обещают ничего. А сейчас 1988 г., октябрь месяц. Сдадут все-таки БАМ, подпишут к постоянной эксплуатации, но объектов недостроенных – "навалом". В Северобайкальске сейчас 50-60 тысяч людей и из них 20 тысяч работают в системе Минтрансстроя. Куда их собираются переместить после окончания работ? А если не будет продолжаться строительство БАМа, что же им там делать? По проекту эксплуатации этой линии всего лишь 14 тысяч населения должно быть только для обслуживания узла Нижнеангарского. Так зачем же людей столько созвали? Надо было делать меньшими силами, но создав им условия.

Из зала: Там еще сотни миллионов освоения лимита.

Из зала: У Минтрансстроя на 1990 г. нет даже на 100 млн. заказа. А он может делать вместе с субподрядчиками 250 млн.

Из зала: Это подчеркивает, что местные организации не следят за своими возможностями.

(Шум в зале)

Из зала: Хорошо. Я с населением переговорю, и мы закроем тогда финансирование в Стройбанке, пока не сделаете охранные объекты по Байкалу.

(Шум в зале)

Попов С.В.: Но вопрос-то серьезный. И можно сделать любопытный вывод: вы настолько плохо строите, что эти 75 млн., даже если они действительно чем-то обеспечены, вам не помогут. Вы и дальше будете так же плохо проектировать, потом так же плохо строить.

Из зала: Львиная доля из этих 75 млн. идет на благоустройство.

Попов С.В.: Вам говорят о том, что у вас проектирование и строительство никуда не годные и неэкологичные. И чем больше вы разворачиваться будете, тем больше вам миллионов на природоохранные мероприятия понадобится. Одним желанием министерство ничего не изменит, и проекты, и качество строительства такое будет, что вокруг всякой стройки, как вокруг БАМа, на многие километры все будет изничтожено.

Из зала: У нас и проекты есть. Министерство реализовывать их будет. В соответствии с проектом строительство будут принимать общественные контролирующие организации. У вас есть рычаг воздействия на нас – не принять. В районе БАМа одна из наиболее экологически чистых транспортных систем – это электрифицированная железная дорога.

Из зала: А вокруг дороги?!

Попов С.В.: Ну, вот. Мы одну вещь уже выявили: оказывается, надо следить еще и за качеством строительства, если мы хотим экологически обезопасить регион.

Из зала: Многие министерства сейчас перешли на хозрасчет, который в области экологии не дает нам никаких положительных результатов. Для примера: в пятилетнем сегодняшнем плане развития народного хозяйства на охрану природы, те предприятия, которые сейчас перешли на хозрасчет, снизили капиталовложения на 40 %, то есть сам коллектив в этих вопросах не заинтересован. Но в директивных органах у нас заложено положение, когда промышленные предприятия и соответствующие промышленные министерства должны платить за используемые ресурсы, будь то лес или вода, или даже рабочая сила. Тогда в республике будет реальная возможность ликвидировать противоречия между министерствами, когда прекратится перекачка средств в союзный бюджет. Этот вопрос сам собой отпадет после того, как будут изменены экономические рычаги.

И последнее. Только штрафные санкции могут изменить положение дел. Мы должны решить, будем ли мы это вводить и в том числе – в Иркутской области. Будем ли мы вводить штрафы за каждый выброс загрязняющих веществ в воздух, воду и т.д. Эти отчисления пойдут в местный бюджет. Поэтому я считаю, что обком партии и облисполком должны серьезно прорабатывать эти вопросы, входить в контакт с союзными органами для того, чтобы решать эти вопросы.

Викулов В.Е.: А Бурятию почему вы не переводите?

Из зала: Мы переводим только 2-3 области в порядке эксперимента.

---

[1] Щедровицкий П.Г.

Писарев С.В.: У меня практический вопрос. Возле Нижнеангарска есть коса, которая называется Ирки. Она отделяет устье реки Верхняя Ангара от озера Байкал. Сейчас эта коса исчезает постепенно и скоро Байкал соединится с огромным болотом. Для того, чтобы эту косу спасти, нужны средства. Минтрансстрой, вы сможете выделить 100 тыс. руб. ЛенБАМстрою, который бы согласился бы эту косу спасти, из тех даже, о которых вы говорили?

Из зала: Трудно на этот вопрос ответить.

Щедровицкий П.Г.: Уважаемые коллеги, я хочу обратить ваше внимание на то, что опять произошло смещение. Давайте разберемся в этой ситуации: почему министерство должно платить региону за ресурсы? Может быть, это регион должен платить министерству за выполнение некоторых работ? Если министерство может выполнять работы на современном уровне, то регион оплачивает эти работы, направленные на повышение качества жизни в регионе. А такая постановка вопроса, когда Министерство платит региону за ресурсы, когда все эти оплаты не приближаются даже к рентной плате и, вообще, есть ни что иное, как скрытое восстановление квазиренты, и ничего больше: все эти оплаты – чистая фикция. Эти оплаты есть ни что иное, как перепродажа, "региональная проституция".

Викулов В.Е.: Вы глубоко заблуждаетесь. Вопрос о платности ресурсов стоит давно. Вопрос принципиальный, фундаментальный и сейчас поднимается на большую высоту. Вы, видимо, не в курсе проблемы.

Щедровицкий П.Г.: Я как раз в курсе проблемы.

Викулов В.Е.: В таком случае, как вы объясните переход на оплату всеми предприятиями воды, забираемой из поверхностных источников.

Щедровицкий П.Г.: Я про это и говорю. Оплата этих ресурсов есть восстановление нормальной ренты. И все.

Викулов В.Е.: Неважно, что это такое.

Из зала: Вы против оплаты?

Щедровицкий П.Г.: Это никак не решает проблемы регионального развития. Ресурсы регионом продаются министерствам, и при этом вы исходите из предположения, что министерства выражают национальные или государственные интересы. Ничего подобного!

Викулов В.Е.: Я в другой плоскости веду разговор. Ясно, что переход...

Из зала: Вы что, министерства защищаете?

Викулов В.Е.: Я не защищаю. Говорят же вам, при переходе на самофинансирование предприятия уменьшают расходы на охрану природы на 40 %! Почему? Потому что они предприятию не выгодны.

Щедровицкий П.Г.: Я этого не обсуждаю.

Викулов В.Е.: Плата за природопользование ликвидирует этот парадокс.

Попов С.В.: Петр Георгиевич [1] не сказал одной вещи, из-за чего и возникло недоразумение. Первое – плата за ресурсы должна быть больше, чем та, которая есть. Это не обсуждается. Это есть во всем мире и у нас в России до 1917 г. тоже было. Обсуждается другой вопрос: откуда регион может брать деньги, а для этого необходимо изменить всю систему финансирования и организовать региональное финансирование.

Щедровицкий П.Г.: Сначала надо изменить идеологию, потому что идеология распродажи региональных ресурсов министерствам за сносную плату – это не идеология регионального развития. Это идеология – "как бы продать себя подороже". А для этого надо лишь найти приличного "сутенера" и продавать себя подороже.

Попов С.В.: Но ты, Петр, абстрактно это обсуждаешь. Надо весь механизм финансирования менять, поскольку финансируются министерства, а не регионы и не территории, а уже потом говорить про то, что ты обсуждаешь – про идеологию. Хорошо, конечно, сменить идеологию, но для начала надо инвестиционный механизм – весь, сверху донизу – поломать. И тогда можно платить министерствам за работу, и они будут на действительном хозрасчете, а не на том, на котором они сейчас.

Каменская Ю.Ю.: Дискуссия сейчас очень ярко выявила противоречия между интересами министерств и территорий. А экологические проблемы – прежде всего, проблемы территориальные. И поэтому монополия министерств является одним из основных препятствий на пути решения природоохранных проблем. Я думаю, что Госкомитет по охране природы СССР, который я представляю, своей деятельностью должен опираться на свои территориальные органы, а также на местные Советы. Это закреплено, кстати, в Постановлении № 434, где местным Советам предоставляется власть и самостоятельность. Другое дело, насколько Советы могут воспользоваться этим. Я считаю, что Госкомитет по охране природы не сможет существовать, если на местах не будет действенных органов. В противном случае его деятельность будет неэффективной, будет очередной бюрократической игрой.

Попов С.В.: По отношению к вашему выступлению возникает ряд вопросов. Первый. А почему бы не начать осуществлять перемены "сверху". Организовали бы региональные комитеты, а центральный, может быть, и вообще – окажется ненужным.

Второй вопрос. А Госкомитет по охране природы каким-то образом собирается влиять на смену отношений производственных министерств и региональных структур? Если да, то каким? А если нет, то конфликт "министерства – территория" вы будете фиксировать бесконечное количество лет.

Из зала: Следует выбирать между демократическими и экологическими рычагами.

Попов С.В.: Каким образом? Вы что же, штрафовать будете? Но штрафами отношение министерств к территории не изменить. Госкомприроды нужно не штрафами заниматься, а иметь активную политику трансформации обсуждаемых сейчас отношений, в том числе и хозяйственного механизма.

Каменская Ю.Ю.: Это ложное представление, что Госкомприроды занимается штрафами. Там есть контрольное управление, есть управление по экономике и организации и т.д. Не надо упрощать.

Попов С.В.: Но вы подтверждаете то, что я говорю. Вы не разрабатываете программ изменения хозяйственных механизмов.

Каменская Ю.Ю.: Основная задача управления экономики и организации – это разработка концепции совершенствования хозяйственного механизма в области природопользования. Во-первых, я знаю отношение к нашему комитету. Раз государственный комитет, это значит – плохой комитет. По охране окружающей среды должен быть независимый орган. Я объясню, почему комитет организуется "сверху", а не "снизу". Я работаю в комитете – в государственной экологической экспертизе, то есть в том управлении, которое будет смотреть генеральные проекты, в данном случае будут смотреть республиканские комитеты и ниже. А уровень союзный смотрит генеральные схемы размещения производительных сил, генеральные схемы промышленных узлов, а также проекты атомных электростанций и т.д. Но я хочу сказать, какой дефект в нашем управлении, разделенном на отделы. Помимо отделов методологического характера существуют отделы, которые носят отраслевой характер. Почему? Потому что наш комитет вынужден подстраиваться под отраслевую структуру, вместо того, чтобы сформировать структуры экологической экспертизы по региональному признаку. То есть уже в структуре комитета заложено подчинение.

Викулов В.Е.: А какое отношение вашей экспертной группы к грандиозным проектам Госплана РСФСР? Или опять будет пересечение функций?

Каменская Ю.Ю.: Считается, что Госплан будет заниматься как бы социально-экономической экспертизой, а функция оценки воздействия тех или иных проектов на среду передается в наше ведомство.

Шахназарян Г.К.: Я дам справку о том, как мы обратились в Госкомприроды. Мы создали социально-экологический центр из своих средств, профинансировали, так сказать, его существование на первое время. Затем мы написали в руководство Госкомприроды письмо о том, что создана такого рода структура, и мы просим ее "подтянуть" туда, в вашу структуру.

Написали, чем занимается центр, а он занимается проведением экологических обследований и оценкой экологической ситуации на Байкале. Мы уже работаем в плане утилизации золы и других отходов. Мы написали т. Марчуку, что внимательно слушали его выступление на XIX партконференции. Нам ответили, что центральный аппарат еще не сформирован, потому что нет помещения. Это говорит о многом: на месте существует группа, которая существует на жалкие гроши, которые мы выделили, и скоро она, видимо, распадется. Не легче ли пойти таким путем: хотя бы уж с нами поработать на месте, в районе БАМа.

Попов С.В.: Вам же ответили – помещений у них нет!

Каменская Ю.Ю.: Смешно говорить о том, что центральный аппарат не сформирован. В нем уже работает 220 человек. Все они сидят на одном этаже. Но помещение – это внутренние проблемы нашего комитета. А по поводу выделения средств, к сожалению, комитет сам испытывает трудности. Я думаю, что комитет будет действенным лишь тогда, когда он будет задействован в финансовом механизме.

Тахтеев В.В.: Я хочу, чтобы на мой вопрос ответил кто-нибудь из представителей министерств. Хороши были рассуждения о плате за ресурсы и загрязнения. Но не окажется ли так, что эта плата будет погашаться из нашего кармана? Попросту поднятием цен за продукцию и использование монопольного права?

Миленин Б.О.: Сейчас предлагается два вида платежей. Первый – плата за выбросы в пределах установленных для предприятий нормативов. Эта плата действительно будет включаться в себестоимость продукции, а то, что будет сверх норматива – это платится из хозрасчетного дохода коллектива.

Тахтеев В.В.: А что такое "установление норматив"?

Миленин Б.О.: Это разговор длинный. Можно начинать с ПДВ, ПДС, но это должно быть в той схеме, прогрессивной и гибкой, которую должен создать Госкомприроды.

Тахтеев В.В.: А как связаны нормативы и то, что это должно из нашего кармана погашаться?

Миленин Б.О.: Товарищи, ну, нельзя же быть такими идеалистами. Мы живем в период научно-технического прогресса и нашего экономического и другого развития. Поэтому думать, чтобы без выбросов можно было бы что-то изготовить – это нереально. И на то, что укладывается в минимум объективно, наверное, надо согласиться.

Из зала: Плата за ресурсы в местный бюджет будет идти. Или еще куда-то?

Миленин Б.О.: Товарищи, но у нас нет сегодня принятого территориального хозрасчета. Наивно ду-

мать, что в союзный бюджет ничего не будет отчисляться.

Попов С.В.: Мы работаем уже достаточно долго, у меня пока один вопрос: группа общественности, вы сформировали свое мнение?

Чебаненко Б.Б.: Не до конца, в связи с тем, что наш председатель был увезен на телевидение.

Попов С.В.: Я считаю, что общественное движение – великая сила, но ваша организация и самоопределение оставляют желать лучшего. Вы могли бы достичь существенно больших результатов при правильной организации работы именно здесь, поскольку основной проблемой эффективности общественных движений является понимание и знание того механизма, с которым вы имеете дело. Будь я на вашем месте, я бы считал, что, прежде всего, мне нужно было бы нарисовать такую схему, в которой была бы показана вся система отношений, системы проблем и, соответственно, я мог бы выбрать правильный и точный удар, чтобы эта система, с которой я борюсь, не срабатывала. И вы бы могли уже это сделать. Времени для этого было достаточно. А, кроме того, практически все стороны выступили и проявили свои позиции. Чего вы хотели, когда сюда ехали?

Осенькина В.А.: В своей группе мы подошли к позитивному направлению, к решениям...

Попов С.В.: Вы постарайтесь понять, вы напрягитесь и понимайте. Я знаю, что вы люди – общественные и с пониманием у вас туго, но вы напрягитесь и понимайте. Общественное движение может и не иметь позитивной программы, в отличие от министерств, ученых и т.д., которые по своей социальной функции обязаны их иметь. Они могут быть альтернативные, то есть реагировать на любые рассогласования, о которых я уже говорил. Но проблема не в том, чтобы сделать позитивную программу, а в том, что общественное движение может эффективно работать только тогда, когда оно лучше, чем отдельные представители, понимают общую ситуацию. Общую. Ведь обком партии понимает свое, Академия наук – свое, министерства – свое. И кроме партийных органов, да и то – не всегда, никто не обязан видеть ситуацию в целом. Не обязан! Если такие люди, которые видят ситуацию в целом, иногда и появляются, то это их личная заслуга. А вы, вроде бы, как раз и обязаны понимать всю ситуацию и всю систему рассогласования частных интересов и точек зрений. Если вы этого не понимаете, то вами всегда будут манипулировать.

Осенькина В.А.: Так вот, я без нашего председателя постараюсь все же коротенько выразить позицию Байкальского движения. Я говорю от себя.

Попов С.В.: Оказывается, без председателя даже общественным организациям трудно.

Осенькина В.А.: Общественное движение в Иркутске возникло как индикатор большого неблагополучия, очень большого рассогласования в действии самых различных систем. Чашу терпения Иркутска переполнило последнее Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР по Байкалу, где в качестве кардинального решения было принято решение сделать “знаменитую” Трубу и с помощью этой Трубы, в принципе, не решив проблемы Байкала, загубить еще и реки Иркут и Ангару. Первое, что мы сделали, это Трубу отменили. Отмена строительства Трубы не решила проблемы Байкала. Но Труба была нужна для отвода глаз, чтобы показать, что что-то делается для Байкала. В составе нашего Движения – много ученых разных направлений.

Попов С.В.: Извините. Вы историю рассказываете или позицию выдвигаете?

Осенькина В.А.: И позицию тоже.

Попов С.В.: А в чем позиция?

Осенькина В.А.: Не перебивайте. Все наши попытки оканчиваются неудачей. Мы обращались и в партийные, и в советские органы. Было бесполезно. Потому наше Движение развивалось спонтанно. Мы поняли, что при существующей административно-хозяйственной системе мы вопрос Байкала не решим. Тогда байкальское движение ввязалось, по определению В.Г. Распутина, в “политиканство”. Но “политиканство” было вынужденным. Мы ввязались в систему выборов делегатов на XIX партконференцию, потому что мы видели: без изменения системы Байкал спасен не будет. Пытались провести своих делегатов, проверяя, как система реагирует на все наши действия. Результатом был и арест наших товарищей, и другие притеснения, например, по работе и т.д. Попытались мы и выдвинуть своего представителя на пост председателя областного комитета Госкомприроды, чтобы вместо выдвигаемых аппаратом людей, которые никогда не отличались как защитники природы, попал человек, болеющий за природу. Это повлияло бы и на активность людей. Люди, начиная разбираться в механизме выборов на пост председателя областного комитета Госкомприроды, поймут, что этот областной комитет – никому из нас ненужная организация, которая ничего не дает Байкалу.

На играх мы решили участвовать потому, что мы уже наметили пути, по которым нам уже нужно идти, чтобы решить эту проблему. Мы поняли, что проблему надо решать на региональном уровне. Мы не совсем представляли себе политический механизм, который бы нам помог все это организовать. Но мы уже предложили в программе нашего кандидата в

[1] Тулохонов А.К.

председатели создание хозрасчетных центров, с помощью которых наш товарищ в Госкомприроды смог бы иметь какую-то позицию к существующему аппарату, который, как мы понимали, не поможет в ситуации с Байкалом. Но этого недостаточно. В играх мы приняли участие потому, что мы надеялись увидеть единомышленников, тех, кто борется с этим раньше нас и тех, кто ушел дальше нас, и учесть их мнения. Таких единомышленников мы нашли и начинаем приходить к пониманию, как нужно составить собственную концепцию преобразования экологической ситуации в нашем регионе. И для того, чтобы всем это стало ясно, я бы попросила, чтобы Сергей Валентинович предоставил слово председателю кооператива "Оркон", который расскажет об этой ситуации.

Попов С.В.: Расскажет про вашу программу? Он пускай про свою расскажет.

Осенькина В.А.: Нет. Мы просто увидели, мы нашли свои цели, мы нашли средства у него, но для достижения своих целей.

Попов С.В.: Оно и видно, что у вас целей нет. У меня вопрос к присутствующим: есть ли желающие обсудить общественное движение? Нужна ведь позиция (а не история), чтобы участвовать в игре. Члены общественного движения, вам может не нравиться позиция министерств, вы можете ругать Госплан, можете противопоставляться партийным органам, но позиция у вас должна быть. Вам могут они не нравиться, но в определенности позиции им не откажешь. Проблема состоит в том, чтобы у вас была определенность. Тогда договариваться или разговаривать можно будет.

Осенькина В.А.: Когда Арнольд Кириллович [1] рассказывал о системе, действующей сейчас, он показал порочный и замкнутый круг, и мы тоже увидели этот круг и поняли: наши интересы, интересы населения не вписываются в этот круг, и нужно создавать что-то другое. В этом наша позиция. А что конкретно? Об этом может сказать руководитель научно-методологического центра кооператива "Оркон", который является автором этой концепции.

Попов С.В.: Хорошо. Спасибо.

Ознобихин Ф.И.: Я хотел бы от общественного движения сказать несколько слов на счет более близких целей. У нас Труба была отменена не для того, чтобы стало лучше Байкалу. Все понимают, что стало только хуже. Вопрос состоял в том, чтобы вернуть решение проблемы Байкала к самому Байкалу, а не к тому, как спасти и сохранить министерство на Байкале. Так стоял вопрос. Дискуссия об этом 2-3 года назад началась. И вдруг "пролезла" Труба. Ясно, что это оттяжка решения о БЦБК, а он – основная "красная тряпка" для всей общественности на протяжении 30 лет. БЦБК остался неприкосновенным пока.

Для нас здесь позиция была четкая в том, чтобы запретить Трубу и вернуться к вопросу о БЦБК. Я уважаю товарищей, которые работают на БЦБК и делают, как они считают, все, что могут, для того, чтобы Байкал был чистым. 30 лет этот вопрос оттягивается. Ясно одно. Здесь надо решать вопрос в целом. Для этого требуется программа.

Попов С.В.: Нужно, прежде всего, понимание того, что происходит, и потом, в соответствии с этим, программа.

Ознобихин Ф.И.: Мы на своем уровне понимаем таким образом: сейчас самое важное то, что в нашем обществе возникает структура – общественность. Вот мы хотим, чтобы Госкомприроды в будущем был независимым, а общественность – это единственное, что уже сейчас независимо, и она может даже противостоять вопросам, спущенным "сверху". Мы ставим вопросы, но нас втягивают в свои отрасли и показывают, как все будет хорошо. Мы вынуждены приглашать специалистов, консультироваться с ними, но не на формальном уровне. Послали письмо – дайте нам ответ. Ответ приходит очень порядочный. Так т. Ковальчук из Госкомприроды ответил на наш запрос о БВК, что это все хорошо – белково-витаминные концентраты (БВК) очень нужны стране. И мы должны через неформальные, через "черные ходы" это делать.

А ситуация с партийными и советскими органами? То же самое.

Попов С.В.: Ну, что вы общественные организации обсуждаете? Весь вопрос-то в том, чтобы продвинуться дальше и сказать, какими именно должны быть общественные движения. Как должны работать, а если противостоять кому-то, то ответьте, кому и как?

Ознобихин Ф.И.: Сейчас вопрос уже не всегда заключается в противостоянии, а, допустим, есть местные вопросы, которые обком не может решить, он может перевести акцент на общественность или, сославшись на то, что общественность возмущена, решить свои вопросы. Как, например, решение о переносе мощностей с БЦБК на Усть-Илимский ЛПК. И здесь начинается политическая игра с центральными властями, с тем же Минлесбумпромом. И вопрос экономической базы. У нас дополнительное движение возникает, параллельно Байкальскому движению – это народный фронт и взаимоотношения с кооперативами, с некоторой экономической базой.

Викулов В.Е.: Откуда у вас информация? Вы сказали, что у вас есть ученые в Движении. Это хорошо. Но странны две вещи: вы не знаете, куда направить свои усилия и направляете на все, без исключения, подряд. Второе. Вы не имеете никакой четкой программы. У вас получается, извините, базар. Кто те у вас "ученые", если они не понимают этой вещи? Дол-

[1] Викулов В.Е.

УСТАНОВКА РУКОВОДИТЕЛЯ ОДИ С.В. ПОПОВА НА ЭКСПЕРТИЗУ

Попов С.В.: Итак, завтра нам предстоит осуществить первый этап экспертизы. Программка у нас немного сдвинулась, и фактически завтра будет не тематический день, а специально организованный экспертный день. Мы 4 дня отработали, теперь нам нужно остановиться и осмыслить, что же мы делали, что же мы получили и как мы теперь видим ситуацию. Прежде чем я перейду к процедуре, объяснению того, как она будет осуществляться, скажу несколько общих замечаний по поводу проведения экспертизы.

Первое, что мы обязаны иметь в виду, что на следующем такте мы должны перейти к проектным разработкам (или к программным) и к их альтернативам. И на этом такте по поводу тех проблем, что мы нащупали, должны быть найдены варианты решений, которые, в свою очередь, тоже должны быть подвергнуты экспертизе. Второе, сама процедура экспертизы будет достаточно непривычна и нестандартна. Связано это вот с чем: обычно мы привыкли проводить экспертизы уже созданных проектов. Вот, проект создан, он представляется на экспертизу. Специалисты собираются и рассчитывают: экологи – последствия, технологи рассчитывают варианты других технологий и т.д. Но есть один порок такого рода экспертизы. Поскольку проект уже создан, постольку часто оказывается очень трудно от него отказаться, а изменять, практически, даже дороже, чем проектировать новый.

Следовательно, экспертиза должна проводиться на более ранних этапах. Например, экологическая экспертиза в Госкомприроды должна предусматривать процедуру оценки не проекта, а замысла. Иначе вы будете постоянно оказываться в достаточно плохом положении. Но еще до того, как оценивать замыслы, должна быть оценка ситуации, с которой мы имеем дело. Фактически, у нас получается три возможных системы оценок. Это система проекта, то, что обычно делается, оценка ситуации, с которой мы имеем дело и которую мы хотим каким-то образом решить или сдвинуть, или в которой рождается

замысел, и третье – оценка деятельности (см. рис. 4).

Рис. 4. "Фокусы" экспертизы

Это один из сложных моментов, поскольку экспертизы деятельности у нас не проводятся. Фактически, ведь если проект сделан плохо, то экспертиза должна была бы вынести своего рода частное определение относительно того, что система проектирования не годится. И если оценивать, скажем, то, что сегодня обсуждалось по Минтрансстрою, то по отношению к людям, которые проектировали БАМ, к системе проектирования, к исследовательским институтам и Госплану должна была быть вынесена соответствующая оценка: "Так проектировать нельзя". Но, как мы знаем, АЯМ точно так же спланирован и спроектирован, и ошибки повторяются, поскольку не было вынесено оценки той деятельности, в которой эти проекты рождались.

Мы с вами при анализе ситуации с Байкалом оказываемся в очень трудном положении, поскольку для нас все три "фокуса" в определенности отсутствуют. У нас у всех разное видение ситуации. Нет проектов, которые мы будем оценивать, есть лишь серия решений: а) постановления, б) Концепция, в) будущая ТерКСОП и т.д. – ряд общих документов. И нам пока не ясно, какого рода деятельность оценивать.

А теперь давайте посмотрим на ту ситуацию, которая у нас сложилась. За 4 дня у нас сложился целый ряд конфликтных точек, например, наука, или система знаний и отношение ее к общественности, к министерствам, к советским и партийным органам и к перспективам развития науки. Это как бы один "фокус", следовательно, по этому фокусу мы можем вынести серию разных оценок.

Второе, это министерства, их деятельность, конфликт с территориальными органами, система финансирования, результаты деятельности министерства и т.д.

Третье, это общественность и ее непростые отношения со всеми предыдущими группами. Вы можете еще выделить ряд конфликтных точек, которые пока, может быть, не разыгрались полностью. Но ситуация, вроде бы, достаточно сложилась, и мы имеем двойную структуру, двойную ситуацию: с одной стороны, то, что мы говорили про разного рода объекты и состояния природы (БЦБК, Селенгинский комбинат, гибнущее озеро, загрязнения и т.д.) и, с другой стороны, то, что мы имеем как своеобразную картинку. Картинку пока еще в нашем сознании, где зафиксированы конфликты, позиции, деятельности, решения и т.п. Вот теперь эту картинку нужно, фактически, оформить и закрепить, чтобы она была закреплена, с тем, чтобы мы могли от нее отказаться и попытаться сделать следующий шаг.

Теперь, как и каким образом это сделать? Пока, если вы посмотрите на процессы, которые происходят у нас в игре, первое, что нужно отметить, что у нас вся игра происходит в коммуникации между

людьми. Не в действии, а в коммуникации. И экспертиза – это, как правило, вот такая коммуникационная процедура (см. рис. 5).

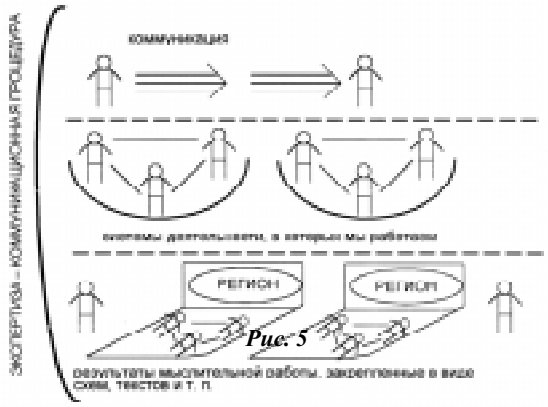


Рис. 5

Но мы в этой коммуникации оцениваем те структуры деятельности (вот, я нарисую ситуации деятельности), в которые мы завязаны определенными отношениями, у нас там определенные конфликты, там наша работа и, вообще, деятельность. Но это – там, в мире, а здесь мы работаем в коммуникации (вот я нарисую человечка и текст, который он говорит) по поводу той деятельности, которую мы однажды осуществили, то ли составляя концепцию, то ли имея научные труды, то ли работая в министерстве. И мы пока работаем вот в этом слое (здесь я нарисую другого человечка, у которого своя система деятельности, в которой он работает). Но эти все слова, хотя они и записываются на магнитофон, порождают в сознании людей лишь определенные смыслы, и мы, благодаря им, можем, более или менее, друг друга понимать (хотя и не очень хорошо) и, в общем, примерно знаем кто и что имеет в виду, когда о чем-то говорит.

Теперь нам нужно осуществить следующую процедуру – осуществить фиксацию. Нам нужно выйти в следующий уровень и в мышлении (я вот рисую человечка с доской, на которой у него изображаются результаты его мыслительной работы, причем не в виде слов, а в виде определенных текстов, схем и т.д.). Мы должны, фактически, осуществить скачок в эту область и зафиксировать вот это, двойное отношение. Я рисую две ортогональные доски, на одной доске состояние того объекта, с которым мы имеем дело, в данном случае регион озера Байкал, причем регион выделяется каждый по-разному, в зависимости от специфики его деятельности, и, на другой – то, как мы видим вот эти механизмы деятельности. И, таким образом, вот этот переход из той деятельности, в которой мы работали, в план коммуникации, а затем в план закрепления этого в мыслительных формах, и есть такой элементарный такт экспертизы. Поскольку на следующем такте мы можем, это закрепив, оставить и делать следующие шаги, например, уже проектные.

Так организована наша экспертиза. И завтра нам предстоит ее осуществить, а это значит, что разговоров должно быть мало, а должны быть произведены целые серии фиксаций. Вот здесь возникает первый достаточно сложный вопрос: относительно чего каждый из участников будет производить фиксацию? Ведь мы должны оценить ситуацию, а она достаточно расплывчата. И первое, что должен сделать каждый из экспертов, это определить ту область, по отношению к которой он может произвести оценку.

Для того, чтобы эту процедуру достаточно формализовать, с одной стороны, и облегчить, с другой, мы сделаем серию формальных шагов. Я думаю, тем, кто работает в министерствах, в Госплане, Совмине, такая процедура даже понравится. Она будет заключаться в следующем: я нарисую, очень неопределенно, ту игровую ситуацию, в которой мы находились; у каждого что-то накопилось – либо из старой работы, либо из общения здесь с людьми. Возникли новые соображения или новые понимания. Каждый из участников завтра с утра пишет короткий текст о том, как он оценивает ситуацию в обоих планах: и байкальскую, и систем деятельности вокруг него, и что он по этому поводу думает. Писать следует в свободной форме. Что участник считает главным и что он увидел во взаимодействии с другими группами, – вот то он и пишет.

Далее, очень важный момент, я прошу обратить на него внимание. Игротехник – фигура внешняя в этой ситуации, он не специалист в вашей области, но он, как человек внешний, может попытаться сделать некоторые выводы относительно тех систем деятельности, которые представляет его группа – как они работают и в чем, с его точки зрения, трудности. В 12.00 игротехник приходит в группу со своим текстом. Вы встречаетесь, игротехник дает группе свои тексты, группа свои – игротехнику, и вы их читаете. Дальше вы должны осуществить разбор этих текстов. Если вы считаете, что игротехник ошибся в оценке вашей деятельности, то вы, соответственно, прочитав его текст, пишете свое заключение или точнее комментарий.

Этот второй, написанный вами, текст пойдет в архив экспертизы, а вам теперь необходимо понять, что же вы такое написали и насколько оно значимо. По этому поводу (прочитав тексты и уяснив недоразумения или противостояния) вы начинаете разговор с игротехником, но приглашаете в этот разговор методолога. Зачем он нужен? Методолог должен осуществить две работы: он должен оценить ситуацию вашего взаимодействия и фактически сделать две вещи: а) попробовать схематизировать ту область, которую вы обсуждаете; б) вы вместе с методоло-

гом должны определить, какого рода экспертов вам необходимо пригласить для оценки той ситуации, которую вы обсуждали.

Следующий этап процедуры: вы приглашаете специалистов, показываете им свои бумаги, если возникают вопросы, вы с ними их выясняете, и они пишут свои заключения. На этом первая элементарная процедура закончена. И мы получаем, таким образом, серию текстов, которые будут являться основанием и материалом уже для более систематической процедуры на следующем этапе, с 25-го октября. У вас вопрос? Пожалуйста.

Из зала: Вы говорили все время об одной ситуации, ну а если в результате своего самоопределения в игре их две, по двум писать, что ли?

Попов С.В.: Я сказал, что это элементарный такт. Ваш вопрос может быть задан и в той форме, в какой вы его задаете, что у вас не складывается одна ситуация, так как для вас актуальными являются два поля. Или другой поворот вопроса: оказывается, что то поле ситуации, которое вы зафиксировали, еще зависит от кого-то другого, кого у вас в группе нет, но вы точно знаете, что нужно еще одну связь (одну, две или три связи) прорисовать, чтобы ситуация, с вашей точки зрения, была более или менее полной. Вы эти связи намечаете, а также намечаете, с кем вы эту ситуацию могли бы обсудить. И если вы завтра этого сделать не успеете, то с послезавтрашнего дня будет отведено специальное время для того, чтобы группы могли встретиться (например, местные территориальные органы с министерствами) и провести такую же процедуру по конфликтным и спорным точкам. И при этом опять же обменяться текстами, обсудить и решить, в чем ваши оппоненты не правы, зафиксировать это и попытаться выделить, в чем же состоят глубинные основания конфликта.

Поэтому, если у вас возникло две ситуации, то вы должны по этим двумя ситуациям и сделать заключение. И если вы считаете, что игротехник или ваши товарищи чего-то не увидели, скажем, во второй ситуации, то вы обязательно пишите отдельное заключение – у нас не должно потеряться ни одно видение. Таким образом, мы должны создать своеобразное смысловое поле, в котором "гнездятся" все обсужденные здесь проблемы. Кто-то выделит более глубокие проблемы, кто-то более мелкие, кто-то более профессионализированные. Во всяком случае, считайте каждый себя экспертом и то, что вы можете оценить, вы оцените и опишете. Есть ли здесь вопросы?

Из зала: Какова объективность экспертизы?

Попов С.В.: Это уже теоретический вопрос. И знаете, почему? Мы привыкли с объективностью обращаться очень вольно, примерно в духе примитивного натурализма: вот есть стул и его можно потрогать, следовательно, он "существует объективно". При этом мы очень часто говорим, и здесь это неоднократно звучало, что мы должны "исходить из объективных обстоятельств дела", а на проверку часто оказывается, что объективных характеристик дела нет, а есть лишь наши решения. Или, мы говорим, что "объективные обстоятельства" жизни и социализма нас заставляют что-либо делать. Хотя если мы над этим подумаем, то окажется, что объективность – это всегда чья-то бывшая материализованная субъективность. Например, завод – это есть лишь субъективная точка зрения проектировщиков, затем материализованная. Наш финансовый механизм для живущих в нем составляет объективность, для политиков и финансистов, которые стремятся его изменить и практически меняют, является их искусственным созданием и в этом плане строимым и изменяемым.

В свое время эта проблема ("что объективно, а что субъективно") как техническая проблема, а не как философская, возникла, когда возник суд, точнее, когда в римском праве стал обсуждаться суд. А что значит – создать суд? Вот представьте себе, что произошла некоторая ситуация, теперь нужно придумать механизм разбора ее с тем, чтобы дойти до истины. Но, как правило, в сложном деле оказывается столько разных запутанных обстоятельств, что даже сами свидетели, как говорится, врут как очевидцы. И была придумана специальная процедура разбора ситуаций – судебная процедура. Она состояла в следующем: вот есть истец, вот есть ответчик, есть защита, есть обвинение, есть следователь, то есть строится формальная машина, которая обеспечивает разбирательство. Именно разбирательство, а не обнаружение истины, как обычно думают. В юриспруденции даже существует специальное обозначение этого парадокса – чтобы не приумножать сложности истца, мы должны в какой-то момент остановиться. В какой? В тот, когда анализ ситуации достигнет такой глубины, которая удовлетворит участников судебной процедуры.

А то ведь могут быть самые невероятные обстоятельства. И даже если у обвиняемого все улики налицо, может оказаться, что это он лишь жертва в сложной системе договоров, и его просто подставили, а если копать дальше, то и еще что-то может выплыть. Поэтому есть некоторый предел, условная "глубина объективности", на которой мы останавливаемся и говорим: на сегодняшний день мы дошли до этого. Таким образом, "объективность" есть особым образом организованное субъективное видение.

Поэтому мы и собрали здесь большое количество людей. Господа Бога, который бы мог нам сказать, какова ситуация на самом деле, среди нас, к сожалению, нет. Поэтому нам придется рассчитывать лишь на свои субъективные силы. Мы можем исходить всю Иркутскую область и всю Бурятию, потрогать, что там есть. Но вот увидеть деятельностные про-

цессы мы не сможем. Мы можем увидеть стада овец, которые гонит пастух, но мы не можем увидеть и потрогать производственные, финансовые отношения, отношения управления и влияния и другие, которые существуют, то есть деятельностные процессы мы не сможем, ибо они так же натурально, как стулья, не даны. Мы их можем только на себе ощущать и сами, с той или иной степенью объективности, рисовать.

В этом плане часто проистекают заблуждения, когда обсуждают, как устроена организация, рисуя при этом схему из квадратиков: вот есть директор – он главный, есть замы – они менее главные и т.д. Но если вы посмотрите, как устроено фактическое положение дел, то выяснится, например, что этот женат на той-то племяннице и в результате какой-нибудь начальник цеха имеет влияние на производство, совершенно не сопоставимое с этими квадратиками. Поэтому вот эта, видимая структура, она не всегда отражает реальное положение дел.

А поэтому мы должны построить процедуру экспертизы таким образом, чтобы раз за разом все углубляться. От чего это зависит? Это зависит от компетентности собравшихся людей и, в первую очередь, от набора участников; чтобы были представлены все позиции, потому что мы не можем заранее сказать, кто ошибается и с какой степенью "объективности" говорит. Поэтому нам нужно собрать всех и попытаться все эти проблемы расшатать, но так, чтобы не было заранее сформированных догм. И вот, сняв этот первый слой (посмотрите на схему), мы получаем как бы "объективность-1". Теперь дело за "второй объективностью". После того, как мы положение дел прорисовали, нам нужно произвести некоторые эксперименты. Как Петр [1] рассказывал про Абалкина: мы, говорит, лишь теперь, через 3 года перестройки, и то лишь примерно, представляем, с какой системой имеем дело. Но, обратите внимание, пока он и другие интеллектуалы сидели на своих местах и думали про то, как возьмут объявят и проведут экономическую реформу, неясно было, насколько система мобильна. А выяснилось, что система – очень инерционна, только тогда, когда ее попробовали подвигать. Так вот, второй этап экспертизы, после того, как на первом мы зафиксировали свое понимание ситуации, будет разработкой вариантов, может быть, даже немного сумасшедших, и прокатка этих вариантов на собравшихся здесь людях. Ну вот, скажем, А.Я.Якобсон предлагает идею объединения Бурятии, Читинской и Иркутской областей в один регион. Он эту идею вынашивает, просчитывает, начинает предлагать и выясняется, что Бурятия, вообще-то, этого не очень хочет. Начинаем разговаривать и выяснять, почему? Или, как с хозрасчетом: начинаем предлагать и смотреть, что это такое, и выясняется, что для его внедрения нужна целая серия условий.

Таким образом, на II этапе мы формируем как бы второй слой объективности. И, в принципе, так можно было бы делать несколько раз. Ну, к примеру, возникнет у кого-нибудь идея создания новых экономических зон, и вдруг выяснится, что партийные органы вообще не понимают, что это такое, и не хотят никаких зон. Кстати, не субъективный, а объективный факт жизни – не понимают и не хотят. Попробовали убедить – не хотят. И теперь нужно обсуждать, что необходимо сделать, чтобы это внедрить.

Объективное положение дел определяется еще мощностью группировки, которая осуществляет те или иные действия. Вот, скажем, в 1965 г., помните, как наши лидеры потом обсуждали: нам не хватило политической воли для осуществления экономической реформы. И мы на втором этапе экспертизы должны не только систему попробовать раскачать и посмотреть, насколько это сложно, но и фактически из собравшихся здесь людей оценить насколько те или иные силы могут осуществлять преобразования, насколько сильны они и насколько их воля и понимание достаточны. Например, если общественные движения включатся в игру и начнут ее раскачивать, и у них окажется достаточно много понимания и силы, то мы вынуждены будем зафиксировать, что объективной характеристикой ситуации является наличие такого рода общественных движений, которые то-то и то-то понимают. И если СО АН СССР выдвинет какую-либо идею и начнет ее проталкивать, то мы сможем оценить, насколько остальные могут либо сопротивляться, либо увлекаться ею. И это создает как бы второе поле объективного положения дел, но уже в деятельностном плане.

И третий момент. При переходе от первого этапа экспертизы ко второму, где нужны будут не просто разговоры, фиксации и советы друг другу, а попытки, если хотите, взять власть и свое решение навязать, ряд людей превратится в зрителей, либо отсеются, поскольку для них это неприемлемо, поскольку они заняты другим. Мы должны будем так и зафиксировать – они заняты другим и вся эта ситуация с Байкалом для них проходит стороной. Хотя формально они могут быть к этому привязаны: либо тема дана в институте, либо Госкомприроды обязали этим заниматься, но реально он не занимается, либо еще что-нибудь. И мы вот эти характеристики ситуации тоже должны оценить.

После этого 23 октября мы заканчиваем игру, группы делают заключительные доклады по своим направлениям и рассказывают, кто что понял. Остаются экспертные группы. Экспертные группы будут набираться таким образом: с одной стороны, в них

[1] Щедровицкий П.Г.

войдут те, кто сам этими проблемами занимается и те, кто считает, что без его участия что-то важное выпадет. Второе, здесь сохранится некоторый формальный принцип, поскольку основные действующие лица должны быть в составе экспертов.

(дефект магнитофонной записи – 3 мин.)

…модель процессов и их взаимодействия вот эти тексты – вторые тексты, которые потом будет нужно отнести к этой модели, и на них ее проверить. И это будет как бы "третий шаг объективности". Я не думаю, что он нам удастся в полной мере, поскольку, если говорить честно, тут нужны усилия многих лет, а у нас такой работой не привыкли заниматься. Но если мы сумеем прописать все эти деятельностные процессы, протекающие в регионе, хотя бы на простых моделях, и посмотреть их соотношения, а потом еще и построить разные варианты развития, то это будет уже третий "уровень объективности".

Первоначальный уровень объективности задается нашими сегодняшними знаниями. Вы нечто знаете как твердо существующее, так как вы специалист в определенной области и этим занимаетесь. Это и есть "кусочек объективности". Кто-то знает еще, кто-то еще, вот мы всех собрали на I-м этапе и попытались немножко поглубже пройти на II-м, а на III-м попытаемся еще и как-то систематизировать. И вот таким образом мы должны попытаться выйти за тот уровень объективности, который сегодня для нас составляет предел. Какие еще вопросы?

Из зала: У меня формальный вопрос. Вот эти обсуждения "на троих", они как будут происходить? Втроем или группа будет присутствовать?

Попов С.В.: Если ваша группа достаточно однородна, то этот разговор "на троих" проходит со всей группой. Если у вас группа достаточно разнородна, то вы разбиваетесь на подгруппы, либо по отдельным людям, и пишите свои заключения, а затем устраиваете эти обсуждения в три этапа.

И еще одно замечание: те участники, которые в группах не состоят, тоже должны написать свое заключение, несмотря на то, что они не каждый день работали. Свое заключение должны написать все! Если вы не напишите свое заключение, то это тоже будет факт ситуации, означающий, что данное учреждение не имеет своей точки зрения и вообще не заинтересовано в ситуации на Байкале. Причем, вы можете просто написать: "Мне не нравится вся эта затея с экспертизой!", но точка зрения должна быть выражена.

Еще один момент очень важный, который я прошу учесть. После первого такта экспертизы, завтра к вечеру мы переорганизуем группы и выделим ряд основных направлений проектирования ("расшатывания", о котором я говорил). Мы должны будем сконцентрироваться в следующем такте экспертизы на этих направлениях, пока же мы "размазанно" шатались по всем возможным направлениям. Теперь же я прошу вас выделить наиболее важные, с вашей точки зрения, направления. При этом я допускаю, что часть участников с послезавтрашнего вечера официально заявит, что во II-м такте игры они принимать участие не хотят, это не криминал. Единственная просьба сообщить об этом публично и заранее, чтоб мы знали и могли определить примерный состав участников. Но при этом вы должны понимать, что на этом этапе точки зрения вашего министерства или учреждения не будет. И, соответственно, в экспертизе будет указано, что такая-то сила отсутствовала по таким-то причинам: либо она считает это для себя ненужным, либо это не входит в ее профессиональные обязанности, либо какое-то другое разумное основание должно быть.

Из зала: Вопрос такой: когда мы станем оценивать ситуацию, мы это должны делать только в рамках своей узкой специальности?

Попов С.В.: Вы, как человек взрослый и самостоятельный, сами определяете, что нужно. При этом вы можете сделать пометку, что вот эту область я знаю хорошо, вот здесь я разбираюсь хуже, но считаю так-то и так-то. То есть должна быть некоторая элементарная культура оценки, но область вы определяете сами. В принципе, вы можете обсуждать все, что угодно: и партийные органы, и политическую систему и т.д. и никакими догмами не должны себя ограничивать. Вы должны высказать точку зрения по тому, что считаете нужным.

Из зала: Где эти анкеты будут храниться?

Попов С.В.: Все материалы, и анкеты в том числе, будут храниться в обкоме партии. Но здесь есть одна вещь, и я прошу иметь ее в виду. Я понимаю, почему здесь возникла серия смешков. Жизнь штука сложная и могут быть самые разные неожиданные обстоятельства, и если вы считаете для себя необходимым, чтобы вот этот первоначальный акт, который вы напишете с предельной искренностью, не должен попасть туда, в конец, так как по нему могут быть сделаны заключения, то вы можете с игротехником договориться, что он к третьему этапу должен быть уничтожен. И он будет уничтожен, либо вам его отдадут обратно.

Из зала: А если там будут ценные предложения, глубокие идеи?

Попов С.В.: Когда пойдет третий этап, они будут входить туда с той степенью объективированности, которую мы сможем достигнуть, и в заключительный акт, таким образом, будут внесены.

УСТАНОВКА НА 2 ЭТАП ИГРЫ

(Перед вторым этапом ОДИ С.В. Попов дал установку участникам – как им строить на себе новое мышление)

Попов С.В.: Основная задача методологов состояла в том, чтобы оценить границы, прежде всего, нашего мышления и сознания, в которых мы находимся, и эти границы каким-то образом отфиксировать. И вроде бы получается очень любопытная вещь, которую я сейчас хочу сообщить, и которая будет определять наше дальнейшее движение. Целый ряд участников в ответ на прямые вопросы в разной форме заявили практически следующее: "Вот здесь мы компетентны". А дальше начинается такой разговор: "А вот про это мы говорить не будем". И дальше: либо "это вопросы большой политики", либо "выходит за границы нашей компетентности", либо это "выходит за границы нашего действия", либо это "выходит за границы наших возможностей". И тем самым определили фактически на своем теле ту границу ситуации, в которой мы до сих пор находились.

И вот вторая часть экспертизы будет весьма тяжелой, трудной и будет направлена как раз на работу за границами нашей профессиональной, привычной компетентности. То есть за той границей, в рамках которой мы привыкли работать, поскольку в основание всей работы экспертизы заложена, если хотите, гипотеза (которую я на установке несколько раз говорил), состоящая в следующем: в границах нашей привычной, существующей деятельности, в границах существующих механизмов, кардинальным образом ситуация на Байкале (или вокруг Байкала) не решается. Нужно искать какой-то принципиально новый ход. Но здесь возникает момент, который отфиксировал товарищ, сказав, что "это вопрос большой политики", по которому он лично не собирается давать никакого заключения, никакой личной точки зрения.

Теперь, после сегодняшней установки, каждый из участников должен для себя решить: берется ли он за то, что никем никогда и ни при каких условиях не обсуждалось (разве что в частных спорах)? И берется ли он за попытку изменения себя, в первую очередь, и своих способов мышления, чтобы попробовать подойти совершенно иначе? Поэтому второй этап игры у нас будет совершенно другой. Основанием этой гипотезы, той ситуации, которую я обсуждаю, составляет тезис, о котором я также говорил на установке, но который, по-видимому, для многих участников проскочил. Ситуация вокруг озера Байкал – это не ситуация с природой. Это ситуация наша с вами: нашего образа жизни, нашего действия и нашего поведения. А поэтому, чтобы ее менять, нужно менять нас самих. Но тут возникает еще одно возражение, которое здесь сегодня опять же прозвучало. Когда говорят: "Нужно каждому заниматься своим делом хорошо, а не обсуждать всякие вопросы, лежащие за границами нашей работы. И вот если кто-то другой – министерство, там, или Советская власть – будут хорошо работать, то и не будет таких проблем". А Советская власть, в свою очередь, говорит: "Если вы будете хорошо работать, то..., а они сами ничего не могут". И так далее. Дальше разворачивается вся серия известных конфликтов, которые на самом деле являются псевдоконфликтами. Но отсюда вот этот тезис, что каждому надо хорошо заниматься своим делом: министерствам надо хорошо строить и делать хорошие технологии, экологичные; местным Советам – ... и так далее.

Этот тезис, с моей точки зрения, неверен в принципе, потому что на самом деле (и это хорошо видно всегда, когда мы занимаемся хозяйственными и всеми остальными системами) все очень и очень хорошо приспособлены друг к другу. Просто предельно! И Советская власть делает то, что хорошо министерствам, а министерства делают то, что хорошо Советской власти. СЭС меряет то, что нужно. Гидромет меряет то, что нужно. И все делают то, что нужно. И вся эта система очень хорошо спаяна. Причем спаяна на очень глубоком уровне, фактически неподвластном действиям одного человека. И она спаяна и работает. А поэтому это лишь предрассудок: "Если бы каждый на своем месте хорошо работал..." Да мы все отлично работаем на своем месте. Только результат все время почему-то получается обратный.

Отсюда следует один очень важный вывод. Он такого, теоретического характера, но очень важен практически. Фактически вот это разделение на "свое место" и "общую ситуацию", которое мы все время каждый для себя проводим, должно быть пересмотрено и организовано иначе, по сравнению с тем, как мы это делаем. Для того, чтобы это пояснить, мне придется ввести, собственно, основной тезис, который будет определять движение нашей работы. Все дело в том, что давным-давно произошла одна очень любопытная вещь: мышление людей было низведено до размеров его места. И мы сейчас не имеем мышления как такового. А что значит "мышления как такового"? Это значит – способа работы, при котором человек может увидеть целое, так, как оно есть и в таких характеристиках, которые бы показывали ему ситуацию. У нас есть масса предрас-

судков, у нас есть масса догм, у нас есть масса знаний, а вот с мышлением очень плохо. И основная работа на следующем этапе будет состоять в том, что мы будем – вместе с оставшимися участниками, теми, которые выдержат – пытаться на себе строить новое мышление, которое должно, по идее, дать это решение.

А по отношению к этому мышлению что мы видим? За эти прошедшие четыре дня экспертизы что можно зафиксировать с профессиональной точки зрения? В сфере производства и хозяйствования мышления просто нет. Как медицинский факт! Люди работают на своих местах, люди отправляют обязанности, получают зарплату, и ни в ПТУ, ни в вузах их мышлению не учили, оно не поставлено. И если хотите, можно сделать очень грубую формулировку: сфера промышленности так устроена, что там мышление не требуется, а люди – это "пушечное мясо". И люди, работающие в производстве и в промышленных системах, не рассуждают, не думают и, вообще, такой профессиональной привычки не имеют.

А поэтому, когда с ними начинаешь разговаривать, пытаться их вытащить на обсуждение действительных проблем, являющихся прерогативой мышления и понимания, чаще всего они воспроизводят либо схему своих административных отношений (говорят: "там у меня начальник этим занимается, а этот этим занимается, а я занимаюсь этим..." – это не мышление), либо воспроизводят целую серию предрассудков типа таких: "вот придет хозрасчет – он нам все решит". Нас очень поразил здесь один любопытный факт как показатель того, что нет мышления. За счет того, что политическая ситуация все время сдвигается, появляется, как это назвал Власов [1], "эффект массового прозрения". Сказали с высокой трибуны, что "аренда нужна". Все! Заклинило! Сказали "акционерные общества" – все, заклинило! Хотя, между прочим, если взять тех же экономистов двадцатых годов, которые НЭП строили, и их почитать, то выясняется, что только одних видов акционерных обществ была сотня, а кроме того, были синдикаты, тресты, другие формы кооперации... огромное количество. Но никто даже не пошевелит "мозгой", чтобы придумать какой-то вариант. Сказали "аренда", значит, аренда все исправит. Сказали "кооператив", значит, кооперативы все исправят. Это еще одна, на мой взгляд, характеристика того, что в производстве мышления нет.

Если мы возьмем сферу управления производством, промышленностью, хозяйством, то там ситуация, казалось бы, чуть получше, а с другой стороны, еще печальнее. Кое-какие навыки оперативно-управленческого мышления, безусловно, есть (обстоятельства выталкивают человека на это, чтобы он хоть как-то видел ситуацию и видел последствия). Но никакого стратегического, специально поставленного мышления просто нет. Факт этот меня лично давно потрясает. Я вообще не понимаю, как эта система до сих пор еще живет. По идее, она должна уже очень скоро развалиться. Но когда мы, например, в Минавтопроме это пытались обсуждать с ведомственными учеными и руководителями всех рангов, выяснялось: они работают по принципу... Знаете, как министр морского флота как-то сказал. Его спросили: "Что вы делаете?" Он говорит: "Грузы перевожу". Мы наводящий вопрос: "Может быть, вы управляете своими замами, им даете задания, распределяете работу?" "Нет, – говорит, – я грузы вожу!" И действительно: у него такая карта, и он следит, и всем капитанам говорит по селектору, кому, куда и как прибыть. Ну, и катастрофа, которая у нас произошла с внешнеторговыми перевозками, она закономерна, потому что посчитать на два шага для министра, перевозящего грузы, оказалось невозможным. И в тот момент, когда мировая ситуация изменилась, вдруг выяснилось, что у нас на приколе громадный флот, который никто не берет для перевозок. И все! Экономическая катастрофа.

И в Минавтопроме выяснилось, что никакой стратегии, и вообще промысливания, хотя бы на 5-10 лет, нет. Нет, как факта! Причем, показательные цифры, что "дадим в таком-то году столько-то автомобилей" – это не стратегия. Это натуральный показатель количества.

Если взять другие сферы, скажем, науку, которую мы здесь обсуждали, то там мышление есть, безусловно. Но то, которое есть, а не то, которое нужно. Понимаете, возникает очень странная ситуация: сложные комплексные исследования наука проводить на самом деле не может. Нет методологического основания, по которому могли бы трансформироваться существующие предметные представления и организовываться сложные комплексные исследования. Дело даже не в том, что нет организационных форм и способов соорганизации, сколько в том, что наука не занимается и не обсуждает проблему комплексного синтеза знаний. Не людей, которые соорганизуются (что обычно считают проблемой междисциплинарных исследований), не финансирования, а именно синтеза знаний, поскольку чаще всего потом эти исследования оказываются (так же, как и в начале) разбитыми на рубрики: биологи исследовали это, эти делали это, эти – это и т.д. И отчет такой...

Самое печальное в этой ситуации (и на ряде групп я это сегодня проверил) – у нас совершенно отсутствует проектное мышление. То, что делает Госплан, согласуя цифры и все остальное – это вообще не

[1] Ю. Власов – олимпийский чемпион по тяжелой атлетике, депутат Верховного Совета СССР.

проектный и не программный подход. То есть подход, который идет от состояния существующего положения дел, никогда не может осуществить поворот или прорыв куда бы то ни было. Он всегда завязан на существующую систему министерств, ведомств и способы, или как здесь говорилось, "на порядок прохождения и согласования". Они мертво связаны. Поэтому я и говорил уже несколько раз, что Госплан, на мой взгляд, решений не принимает, так же, как, кстати, и Совмин, и все остальные органы. И вся эта большая система очень хорошо спаяна и на самом-то деле практически все довольны. А небольшие группы недовольных, которые из этого вываливаются, объявляются некомпетентными, такими и сякими и т.д. И все хорошо.

Из зала: И правильно объявляют.

Попов С.В.: Вот, говорят: "И правильно объявляют". Следовательно, один из основных вопросов теперь для нас должен состоять в следующем. Сможем ли мы за эти несколько последующих дней (фактически три дня) на себе хотя бы попытаться чуть-чуть построить проектное мышление?

Я немножко объясню. Конечно, в полной его мере мы построить его не сможем, но обнадеживает один момент: за счет коллективных усилий и правильного распределения работ кое-что мы здесь сделать можем. Но нам нужно понять принцип. А принцип состоит в следующем. Вот смотрите, все проектирование, которое у нас есть (а проектированием мы занимаемся давно) – это проектирование по прототипам. То есть для того, чтобы начать работу, проектировщик должен взять тот или иной прототип. Даже, если мы начинаем трансформировать политическую систему, мы берем прототипы. Даже когда мы начинаем проводить экономическую реформу, мы берем прототипы либо у китайцев, либо у венгров, либо еще у кого-то. Прототипы! А потом осуществляем (как это называют проектировщики) "привязку к месту". Понятно, да? И это всеобщий подход. И в концепции Сибирского отделения (АН СССР – ред.), кстати, он столь же заложен, поскольку берется серия известных (я еще раз подчеркиваю – известных) прототипов и происходит их "привязка", только трансформируя тем или иным образом. Если же мы столкнулись с действительной проблемой, то это означает, что ни один из прототипов не подходит. Поскольку, если мы можем "заткнуть" эту проблему тем или иным прототипом, то, в общем, проблемы как таковой нет: надо только правильно осуществить эту самую "привязку".

Спрашивается, как же проектировать без прототипов? И здесь возникает первая функция проектирования: проектирование должно правильно решить проблемную ситуацию. Поэтому начинать надо не с привлечения и анализа прототипов, а с анализа ситуации, ее каких-то специальных характеристик и постановки специальных целей.

Ну, для разрядки могу рассказать несколько исторических анекдотов, которые относятся именно к проектированию.

Фирма "Оливетти" в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов решила завоевать рынок печатных машинок, который был целиком заполнен. Но так сложились обстоятельства, что выход туда был необходим для "Оливетти". Проводились исследования. Все пытались сделать, но пробиться было очень сложно. И одним из решений явилось то, что фирма "Оливетти" пригласила одного известного дизайнера, проектировщика, причем не специализирующего на какого-то вида конкретных предметах. Это – проектировщик такого, высокого класса. Как это говорят: "Проектирует все, вплоть до президентов". И попросили его в этой ситуации разобраться. Через некоторое время он пришел в фирму и сказал: "Я придумал решение". Ситуация действительно неразрешима в старых способах. Решение состояло в том, что он сказал: "Вы делайте такие же машинки, как все (по качеству и т.д.), но корпус делайте не такой, как у всех, а вот с такой линией" (рис. 6).

Рис. 6. Линия Ницолли

Это так и называется с тех пор – линией Ницолли. Если вы теперь посмотрите на "Жигули", на все предметы обихода, даже на эти магнитофоны, то ее везде увидите. Поскольку до этого либо строились округлые формы, либо квадратные. И вы можете по старым фильмам это восстановить: там все предметы либо квадратные, либо округлые. И действительно, за счет этой линии фирма "Оливетти" завоевала мировой рынок своими машинками и всем остальным. Решение искалось не там, где обычно искали – улучшение технологий, уменьшение цены и т.п.

Другой пример. Он уже такой, хрестоматийный. В одном из учреждений возникла очень сложная ситуация, потому что каждое утро работники опаздывали. Здание было высотное, лифтов мало. Работники толпились в вестибюле, и лифты не пропускали. Строить новые системы лифтов – страшно дорого. И ситуация была долгое время неразрешимой, а перенести время начала работы было тоже сложно. Решение было спроектировано и оно заключалось вот в чем. Из кабины лифта были убраны зеркала, перенесены в вестибюль. Выяснилось, что поскольку здание высотное, практически все женщины, входящие туда, начинали прихорашиваться перед зер-

калами и задерживали кабину на каждом этаже на секунды: пока она прихорошится и выйдет. Поставив зеркала в вестибюле – решили задачу: скорость лифтов увеличилась.

Это все я к тому рассказываю, чтобы вы поняли, что проект – это не есть привязка прототипа к ситуации. Это есть разрешение ситуации. Вот нам теперь нужно построить такую методологическую процедуру организации нашего мышления, которая позволила бы нам найти, хотя бы в наметках каких-то, решение ситуации. Но для этого нам надо на себе это проектное мышление поставить. И предрассудки типа, что если мы напряжемся и будем атаковать проблему "мозговой атакой" и из наших мозгов что-то выскочит, какое-то решение, неверны. Поскольку из наших мозгов может выскочить только то, что в них заложено. Все, что из нас могло выскочить, оно уже выскочило. И больше, чем мы придумали, придумать невозможно. А раз так, то я и говорю: проблема-то по сути не решается. Говорим, говорим, говорим, а она не решается. Сегодня я в одной из групп провел такое собеседование, когда я стал выяснять… (и здесь это говорилось тоже, в концепции записано: "...нужны структурные изменения хозяйства, в том числе и сельского...") я стал спрашивать, каким образом это можно делать? Есть ли такого рода схема, где были бы во всех связках показаны все процессы, которые будут при этом происходить? И какого рода варианты здесь могут осуществляться? Ясно, что, скажем, (если брать пример с сельским хозяйством) если мы начинаем уменьшать количество пашни, то у нас показатели по зерну падают. С другой стороны, необходимо некоторое время на реабилитацию бывших пашен и превращения их в пастбища. На следующую же весну туда никого не загонишь. Земли крайне истощены. Здесь нужно, наверное, несколько лет. Никто, правда, не считал. С другой стороны, нужно опять же иметь способ рекультивации земель, их восстановления, реабилитации. Опыта такого, кстати, тоже нет.

Это падение показателей нужно спланировать и ответить на вопрос: когда (если эти земли станут пастбищами) и на каком этапе начнется повышение продукции, но другой? Как это будет завязано в общую экономическую систему и какого рода прибыль принесет (или не принесет)? И все это нужно рассчитывать на многие годы как такие, естественные процессы.

Выяснилось, что у нас есть лишь серия показателей и цифр, а такого рода схем и картин нет. Исследований научных много. А вот как это все связано? – таких картин нет. И более того, мне в ряде групп "по секрету" сообщили, что если такие картинки будут разрабатываться (схемы, графики), то это будет очень невыгодно практически всем, в том числе Академии наук. В том числе и Госплану. Поскольку все это – лишние хлопоты в этой хорошо налаженной системе. Поскольку ее придется сдвигать и начинать ломать. И делать другое, нежели то, к чему мы привыкли. Это самое неприятное из того, что нам предстоит. Мы всегда в новой ситуации стараемся делать то, что мы и так уже делаем. Причем, все: и ученые, и специалисты, и работники хозяйства. Поэтому из того, что я говорил, следует одна такая вещь. Вот если я нарисую нынешнее состояние или нынешнюю ситуацию (рис. 7), то первым условием начала работы без прототипов является выход за границы своего места. То есть фактически потеря компетентности, к которой мы привыкли, за которую зарплату получаем и которой мы дорожим.

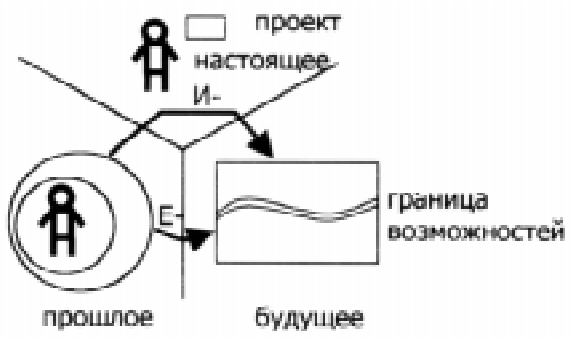


Рис. 7

Выход совсем в другое пространство и разделение всего пространства своей работы, как минимум, на три подпространства. Пространство "Прошлое", которое теперь остановилось и осталось вне. Пространство "Будущее", которого еще нет. И то пространство работы, которое еще каким-то образом должно быть правильно организовано ("Настоящее"). И если мы попытались выскочить сюда со своими старыми представлениями, это означает, что мы никуда не выскочили. Мы остались там, в старом, в старой ситуации. Это следует просто по логике схемы, чисто формально. В принципе, этот человечек и этот – означают разное. Здесь (в пространстве "Прошлое") его способы работы. А здесь (в "Настоящем") он еще пока что голый. Но это пространство еще сложным образом членится. Поскольку для того, чтобы ему выскочить во внешнюю позицию, первое, что нужно, это старую ситуацию каким-то образом схематизировать и отделить от себя.

Очень интересный вопрос был задан Арнольду Кирилловичу. Его спросили: "Вот это – схема старого состояния; где здесь вы?" С точки зрения этой схемы понятно: нужно нарисовать и себя старого. Или: как моя старая система работала? Этого практически никто не делает, и все обсуждают других. Кто обсуждает финансовую систему. Кто обсуждает

"плохие" советские органы. И никто себя и свое место в этой старой системе не рисует и не объявляет, что вот я там был и тоже в этом виноват и соответственно – так и работал. Это – первое условие.

Поливанова С.Б.: Ну, насколько я поняла, Арнольд Кириллович сказал, что у него несколько ролей. В одной роли он – партийный работник, в другой – еще кто-то. Из какой роли он должен "выскакивать"?

Попов С.В.: Из всех. И каждую из этих "ролей", как вы говорите, или – если в деятельностном плане – "позиций" (то есть с указанием не просто социальной роли, а средств, способов работы и т.д.). Он должен нарисовать их все в этой схеме, которая фиксирует его старые состояния. А сюда он должен выскочить на отрицании этих средств. И сказать себе: "Все старое не работает". Если вы допускаете хотя бы какую-то слабинку, например, говорите: "Нельзя так экстремистски, что все старое не работает, надо что-то оставить родное", – то это "родное" возвратит вас опять в старое. Никуда вы от этого не денетесь.

Второй момент, опять же по логике схемы. Теперь, когда вы начинаете строить проект, то первое, что мы должны отфиксировать вот к этому, еще не ставшему, будущему состоянию, это то, что оно складывается из нескольких принципиально разных вещей. Прототипа у вас нет, поэтому вы даже представить его себе пока не можете. У нас у всех, когда мы обсуждали будущее региона, оно всегда представлялось примерно таким же, как сейчас есть. Причем это крепилось на натуральный материал. В конце концов, Байкал останется, Ольхон останется, овцы будут ходить... Нам нужно не это. Поэтому надо это будущее членить достаточно сложным образом. То, что мы проектируем, соотносить с тем, что мы можем и будем делать. Опять же: кто, мы? Что значит "мы"? Это значит построение механизма реализации и, фактически, расписывание участия. Это будущее создается (если говорить реально, а не по документам) следующим образом. Из того, что реально будут делать, например, общественные движения, партийные органы, наука и т.д. Изменения могут происходить на этом соотнесении: кто за что берется в рамках этой структуры, насколько они это менять собираются и насколько это будет продвигаться. У меня был сегодня любопытный разговор с представителями Госкомприроды. Я надеюсь, что этот разговор продолжится. Я им задал вопрос: "Создается новый орган – Госкомприроды РСФСР; собирается ли он менять хозяйственный механизм?" Они говорят: "Собираемся, у нас отдел такой есть". Дальше разбираемся: "Как и каким образом вы собираетесь менять хозяйственный механизм?" Здесь возникло непонимание. Почему? Потому, что хозяйственный механизм меняют другие. Совмин и т.д. А они что будут делать? А они будут соучаствовать в этом, вводить экологические критерии и оценивать технологии и т.д. Спрашиваю: "А вы сами можете участвовать? К примеру, таким образом: создать свои государственные предприятия, на которых будут отрабатываться эти новые технологии, где будет показываться, как оно должно быть. Или, например, возьмете какой-нибудь регион и будете делать его другим". Выяснилось, что, конечно, нет. Госкомприрода не держит даже мыслей такого рода. Я спрашиваю еще более каверзно: "А собирается ли Госкомприрода участвовать в изменении политического или советского механизма?" Тут ответ сами знаете, какой: "Конечно, нет". Хотя практически все считают, в том числе в Госкомприроде (это показывает экспертиза), что современный механизм неэкологичен (я имею в виду в широком смысле "механизм", то есть и соотношения советских органов, союзных и т.д.), не работает. Неэкологичен! Что его, по идее, надо менять, используя для этого форму комитета, но они этого делать не собираются. Потом последовала фактически экспертная фиксация: "Ну, мы же находимся в той же системе". Все! Граница проведена. То же самое можно задавать советским органам и т.д. И все ответили практически однозначно: на своих местах они этого делать не будут! Поймите, какая это жесткая и тяжелая фиксация. Не будут! Все включены в этот механизм, уже согласованный. Я даже спрашивал: "Видите ли вы реальные силы, которые могут начинать ломать этот механизм?" Практически все ответили, что не видят.

Из зала: Наверное, вы должны ломать.

Попов С.В.: Увы! Мы находимся вне этого механизма. Мы же живем в Москве. Так? Теперь же нужно ответить на вопрос: кто собирается ломать этот механизм и каким образом? И начинать его перестраивать. Дело же не в том, чтобы взять сломать его и выбросить. Я такой еще вопрос задавал: "Если мы начнем это все ломать, то нам нужно иметь нечто другое: то, что мы будем строить. Без этого нового, образцов нового, разрушение старого приведет к катастрофе. И мы это уже испытали. Следовательно: собираетесь ли вы создавать другие механизмы на свободных площадках? Их у нас в стране огромное количество. Кое-кто это делает: в зоне БАМа пытаются новые структуры построить. В других местах. Ну, а вы, по отношению к Байкалу? Партийным и советским органам, им же – тяжело. Они люди земные, практические. Например, если идет речь о работе с общественными организациями, о перестройке советского механизма, они берут командировку и едут, например, в ту же Латвию. Они так и говорят: "Мы посмотрели, срисовали, привезли, что-нибудь попытаемся сделать". А в методологическом плане? Где у нас в стране такое место, куда можно было бы работника обкома командировать и

сказать: “Съезди, посмотри, привези, скажи, как нам делать”. Нет такого. Есть прямо обратные примеры, в огромное количестве. И Байкал таким местом не является, куда бы можно было съездить и посмотреть, как там все устроено по-другому. Следовательно, их надо создавать. И мы попадаем в такую ситуацию. С одной стороны, отказ от старой ситуации, с другой – нахождение и создание сил, которые эту старую ситуацию будут ломать, с третьей – это проблема образцов того, что нам нужно сделать, в любой форме: в натуральной форме или в форме проектов. И это – первая часть. А кроме того, если мы работаем в проектной манере, мы должны для себя четко определять следующее.

Скажем, мы организовали несколько сил каких-то, которые собираются что-то менять. Теперь мы должны прочертить границу своих возможностей разрушения, уничтожения и создания нового. Потому что, чтобы схема была полной, нам нужно учитывать этот нижний процесс (на рис. 7): естественное перетекание материала. Поскольку, с чем мы столкнемся? Люди старые и работают они по-старому. И это составляет определенную инерцию. Оргструктуры старые, в какой-то части, в которой мы не можем их поменять. И т.д. Все это при проектировании должно быть учтено и мы должны иметь картину, если хотите, инерции тенденций, которые от нас не зависят и которые проистекают. И такого рода схемы (или большой набор схем) должны давать нам возможность осуществлять уже конкретное проектирование.

Это абстрактная, или базовая, схема процедуры проектирования без прототипов. И мы, по идее, если хотим создать серию проектов (или вариантов) должны такого рода схемой воспользоваться. Есть здесь вопросы и замечания?

Якобсон А.Я.: Поскольку мы договорились, что глупых вопросов не бывает, у меня такой вопрос. Насколько реально посмотреть на себя со стороны, “выйти из себя”, как вы говорите? От своей психики не уйти. Вам известны такие случаи?

Попов С.В.: Выход из себя психического или социального мы все осуществляем, даже на этой игре, когда начинаем кричать: “Сам такой!” Речь, конечно, идет о другом, не о психике человека и его состоянии. Человека можно пинками довести до состояния, когда он будет кричать: “Я – слон”. Но слоном от этого не станет. Дело тут не в психическом состоянии. Дело вот в чем: вы должны те схемы, в которые вы свято верите и которые являются для вас объективными, и даже те, о которых вы даже не подозреваете, что они в вас впечатаны, нарисовать и начинать работать по-другому.

Конечно, это процедура сложная. Мы ее будем осуществлять в массовом масштабе. И тут могут быть разные выходы и эффекты, в том числе болезненные. А случаи такие известны. На нашей оргрефлексии такой случай (“выхода из себя”) можно было наблюдать, но в другом плане, о котором я говорю. Мы работаем как раз на технике “выхода из себя”. У нас есть достаточно отработанные схемы способов работы в игре. Они описаны, опубликованы. Но замыслив экспертизу, первое, что мы должны сделать – это ее спроектировать. Но что мы зафиксировали? Что игротехники и мы, методологи, не можем работать по-другому. Если бы была просто игра, то знали бы, что делать. Мне как говорят игротехники? “Реалий за этим не видим”. Идет сложная процедура – экспертиза, и как здесь действовать – совершенно не ясно. Может быть, участники всего даже и не видят. Но устройство экспертизы действительно очень сложное. Бывают такие, например, случаи (и мы так игры специально строим для этого), когда, скажем, проектирование нужно перевести на другой уровень. Случаи бывают. А вот как это технически делать – давайте пробовать. Одним из технических приемов, который должен здесь жестко проводиться – это критика оснований. Вот, смотрите. Вы выходите и говорите, что видите такие-то и такие-то направления в развитии региона, такие-то концепции и т.д. И тут мы должны вместо того, чтобы обсуждать реализуемость вашей теории или их соответствие экономическим и географическим представлениям, мы должны осуществить следующую процедуру. Мы теперь должны идти к основанию и обсуждать такие вещи, которые часто считают просто схоластическими. Например, на каких принципах строится география? И почему на таких, а не на других? Для чего и как строилась? Каково там понятие региона и почему оно не работает? И выходить к самым-самым основаниям (рис. 8), пока не упремся в предельные основания, которые были выработаны еще, может быть, Аристотелем, Платоном или еще кем-то другим. И когда мы до них дошли, рисуем этот предел, до которого дошли, и надо сформировать другую, исходную точку и начинать двигаться от нее.

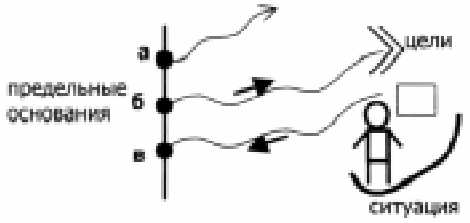


Рис. 8

Якобсон А.Я.: Как у Лобачевского? Отказаться от одного из постулатов?

Попов С.В.: Нет, отказаться фактически от всех постулатов. От всех. Вот у некоторых при этом возникает ощущение: “Как же так? Это же подрыв всех

и всяческих оснований!" Но, между прочим, должен сказать, что вот такое недохождение до конца есть для людей мыслящих возможность манипулировать немыслящими. Хотя мы при перестройке провозгласили принцип, что "нет зон закрытых для критики", но у нас такие остались. И не только в практической сфере, но самое интересное, что они остались и в идеологической, и в теоретической сферах. Например, провозглашается: "Мы все стоим на принципах социализма". Но дальше начинается трюк такой: стоим. Но потом, правда, выясняется, что все стоят на разных местах. Но это не обсуждается. Это дает возможность тому, кто находится выше вас, в тот момент когда вы осуществили некоторое действие, сказать: "Это – не социализм". И начинают вами манипулировать, поскольку, что такое социализм и в чем критерии социалистичности и социалистического образа – остается неясным. С одной стороны, мы подвергли жестокой критике сталинский социализм, начинаем обсуждать нэповский социализм как образец. А дальше не идет. Хотя даже чисто здравосмысленно совершенно очевидно, что стоять на позициях социализма можно, если ты знаешь, что это такое, и знаешь, что ему противостоит. А мы все это забыли. Капитализм мы представляем по схемам, сформированным в 1848-1855 гг. А те, кто ездит с такими представлениями на Запад, приезжают и говорят: "Ну, ни фига себе!" Была даже история такая. Один из зам. редакторов журнала "Вопросы философии", когда стал приоткрываться "железный занавес", в 1956-м, где-то, году, поехал в Австрию. Пробыл там 7 или 10 дней, приехал, заперся в кабинете и не показывается. Не хочет разговаривать с коллегами. Потом они все-таки вызвали его на партсобрание и спрашивают: "Что ты там делал-то, в Австрии?" Он говорит: "Я, ребята, сделал одно великое открытие – там капитализма нет!" Его потом, правда, быстро с этого поста убрали и велели никому не говорить.

Эту байку я вам рассказываю, чтобы вы поняли: там уже – совсем другое. И это очень хитро обходят. Приезжают партийные работники оттуда и говорят: "Вот по некоторым вопросам в Швеции больше социализма, чем у нас". То есть вводится какая-то такая, риторическая фигура, чтобы обойти этот жесткий вопрос. Нам же нужно и на этот вопрос иметь ответ.

Но дальше, как вы понимаете, начинается совсем "жуткое и страшное". Начиная обсуждать вопрос, что такое социализм, мы приходим к тому, что нам необходимо анализировать марксизм. Ведь со времен Маркса весь мир многое чего понастроил. И нам нужно отвечать, насколько марксизм выдерживает конкуренцию с новыми философскими, теоретическими, политэкономическими и методологическими разработками. И почему это оказывается, что всего того, что было так красиво написано (про победу мировой революции и т.п.), нет? Это я все говорю как пример. Но в принципе нам нужно доходить до самых оснований, на которых мы стоим, начинать формировать другого рода основания и предположения и из них снова возвращаться к нашей ситуации (см. рис. 8). Вот в чем состоит технический прием. Этих оснований человеческая культура выработала достаточно ограниченный набор, то есть в принципе каждый нормальный человек способен этот базис прощупать, если он хочет размышлять и двигаться. И нам, фактически, нужно просчитать это все и выйти к разного рода решениям.

Кузнецова И.П.: Может быть, я что-то не поняла. Все мы здесь сидим – специалисты частные. Человеку предлагают "выйти из себя, дойти до самих основ". Что мне предлагают? Неважно, какой я специальностью занимаюсь. Ну, я – специалист в какой-то области. Мне предлагается раскрепоститься, так сказать, вот в данной моей узкой профессии, раскрепоститься во всем: в социализме, так сказать, в основах науки. Но решаемо ли это? Вы понимаете же, что это бесконечный процесс...

Попов С.В.: Да.

Кузнецова И.П.: Решаема ли эта задача? Или есть какой-то алгоритм у вас, как можно...

Попов С.В.: Нет. Вот смотрите. Я вам нарисую два ограничения, тогда, может быть, понятнее станет. Ну, во-первых, смотрите, вот здесь в конце (см. рис. 8), там, где лежат наши цели, или ориентиры, вот здесь, в конце (не там, в начале, а вот здесь, в конце) у нас есть совершенно конкретная ситуация. Ну, может быть, мы ее неправильно видим или еще что-то. Но первое ограничение на вот эту бесконечность, которую вы нам нарисовали, это есть наши целевые ориентиры. И если мы начнем понимать, что вот это движение ("в") ведет в другую ситуацию, то мы его будем отстреливать еще раньше. Понятно, да? То есть, одна система ограничений у нас имеется. И она состоит в том, что нам нужно решать задачу на конкретном материале и в определенной ситуации.

И ограничения накладываются как этой ситуацией, так и нашими возможностями в плане воли к ее решению. Не знанием пока, а волей к ее решению. Это первый такой аспект. И второе, когда вы говорите: "...совсем раскрепоститься и отказаться"... Вот здесь мы оказываемся...

Кузнецова Н.В.: Нет, просто, технически...

Попов С.В.: А я технически обсуждаю. Здесь мы оказываемся в достаточно трудной ситуации. Она опять расщепляется на несколько. Во-первых, необходимо вот это разделение целого на частное. Позицию нужно еще расслоить. Понимаете? Задача состоит в том, чтобы остаться профессионалом в деятельности. Все мы прекрасно понимаем, что придя завтра на работу, мы попадем в определенную систему деятельности. Отказываться от докторских степеней и

кресел бессмысленно. Поэтому вот здесь, в этой ситуации, у нас накладывается система ограничений на сохранение профессионализма или хотя бы профессиональных ориентаций. Но вот здесь, в мышлении, вот на этой схеме (рис. 8) обратите внимание, здесь в мышлении, мы должны видеть целое. И фактически картинка, другая картинка, которая накладывает на нас ограничения, она может рисоваться примерно так, смотрите. Вот человек в определенной ситуации. Он должен выйти из нее и фактически иметь две картинки (см. рис. 9).

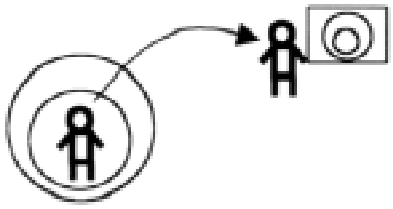


Рис. 9

Мы сейчас, как правило, имеем одну. А надо иметь две картинки. Одну картинку целого, там, где нарисован и он, в частности. И он – частный, который может делать то-то и то-то. К примеру, я, скажем, являюсь специалистом и профессионализируюсь в области анализа мышления и деятельности. Я не могу, например, быть большим специалистом в биологии растений, чем Сергей Александрович. Но теперь для того, чтобы нам работать вместе, нам необходимо иметь представление о том, что каждый может, и иметь представление о целом. В мышлении. А профессионально работать в той области, в которой мы работаем. Это еще один как бы поворот. И следующий поворот уже, собственно, методологический. И вы меня на него выводите.

В начале века, когда развернулись очень интенсивные исследования в логике и методологии науки (а потом они распространились на другие сферы) уже была показана одна такая любопытная вещь (в общем, это достаточно быстро поняли), что те или иные науки, научные представления и, вообще, представления, они в одну картину мира не укладываются. Они просто, если хотите, разнокачественные и разноплоскостные. И их вот так просто не сведешь. Была такая иллюзия, что, если мы все на свете как следует изучим, то мы будем иметь картину мира. Там психологию можно будет соединить с физикой... Как один физик, теперь ректор Ярославского университета, когда к нему пришли психологи, он сказал: “Да чего вы там все изучаете?! Ведь ясно же, что все ваше поведение определяется комбинацией атомов, а вы, там, психологию какую-то изучаете”. Вот у него была такая картина мира. Но в методологии и логике было показано, что картинка здесь должна быть другая:

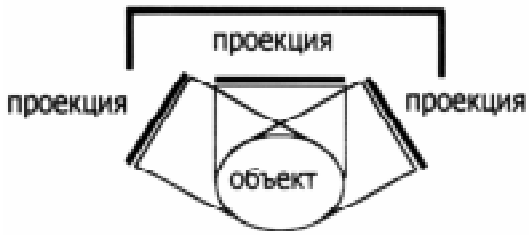


Рис. 10

Смотрите, ее можно нарисовать следующим образом. Вот, если мы имеем некий объект, с которым мы занимаемся, то картинка другая. Мы имеем представления разных профессиональных позиций, и они являются как бы проекциями, которые в одну картинку не укладываются. И, следовательно, рассуждать надо, вроде бы, в такого рода логике. Вот появились проекции, которые вырезают часть этого объекта (здесь возникает, собственно, первая задача, которой нам придется заниматься, я думаю, уже послезавтра).

Первое, имеют ли наши представления общий объект или мы думаем про разное? Понятно, да? Первый вопрос, который возникает. Он возник, кстати, сразу же на первой моей установке. Но я тогда не стал его обсуждать в методологическом и логическом плане. Товарищ спросил: “Мы должны условиться, что такое регион? И что такое Байкал?”

Вот здесь и начинается та самая ситуация. Поскольку для одного Байкал – это резервуар чистой воды. Он может при этом все что угодно говорить, кричать и бить себя в грудь, но для него это – это. Реально, по действию. Да? Для другого Байкал – это высокая идея. Для третьего – это способ жизни или существования. И так далее. И вполне вероятно, что тот, для кого это – резервуар чистой воды, он вообще имеет в виду не Байкал и не регион. Если ему рядом построить такой резервуар, то будет то же самое. Но это как бы на обыденном уровне. А вот дальше начинается очень странная вещь, особенно с регионом. Поскольку регион – это не та вещь, в которую окунуть руки можно. И начинается: проводим границу одним образом (по водосбору) – одно; проводим другим образом (по загрязнениям) – другое. А если мы начинаем смотреть социальные процессы, то выясняется, что Байкал – это совершенно другой регион, поскольку он захватывает будущих мигрантов. Понятно, да? То есть, если вы здесь строите завод и у вас предусмотрен приезд мигрантов, то вы должны включить и этих, еще не приехавших людей. Ну и т.д. И таких как бы проекций может быть очень много. А дальше каждый раз начинается такое сильное раздражение людей. Говорят: “Ну ни

фига себе! Это все ерунда. Понятно, что регион – это вот там, на 200 километров... Иначе как с этим работать?"

Ну, действительно, если все это в сознании держать, то становится невозможным. Один обсуждает этот регион, другой – этот, Бурятская делегация – один, Читинская – другой, Иркутская – третий. И вообще, все на свете плывет. И поэтому как технический прием (чтобы вот все это не разрушилось и мы в пространствах не потонули) нам придется рисовать не только схему объектов или представления об объектах, с которыми мы имеем дело, а нам придется рисовать оргдеятельностные схемы, на которых возможна прорисовка этих всех проекций в их возможных сочетаниях. Такая сложная систематическая процедура. Не просто, чтобы знания об объекте наслаивались друг на друга и в кучу сваливались. А строить совершенно другого рода систематизацию, к которой наука не привыкла и практически не осуществляет. Пока. Я думаю, что эта проблема синтеза знаний и комплексирования будет разворачиваться и станет когда-нибудь для науки освоенным методом. Пока же он не освоен. Тогда мы сможем везде и всегда строить.

Кузнецова И.П.: Еще раз можно повторить, что с чем нужно сочетать? Объект с чем будет сочетаться?

Попов С.В.: Нет. Разные проекции мы должны рисовать не как "сплющенные" на один материал, а рисовать их на других схемах. На так называемых организационно-деятельностных схемах, где мы должны нарисовать вас, ваши проекции, другого с его проекциями, третьего с его проекциями, а на другой доске рисовать сами эти проекции, уже как бы развернутые. Нарисовать одну схему – там один процесс, например, промышленный, другую схему – здесь другой. И на сочетании этих двух схем появляется возможность удерживания всего этого безграничного материала. Но, как вы понимаете, процедура достаточно сложная и в общей сумятице еще более осложняется. Поскольку люди чаще всего говорят не систематично, а так, как могут. И нам придется все время останавливаться, пытаясь все это расслаивать и отвечать на вопрос: про что говорит докладчик? Мы его понимаем или нет? Я думаю, что опыт предыдущей игры вас убедил, что мы часто просто не понимаем, что говорит докладчик. А он часто потом возмущается, что он говорил, а мы его не поняли. И наоборот: встает и говорит, что у вас того-то и того-то нет.

Кузнецова И.П.: Вот я скажу, как я поняла. Требуется понятие целого. Но целое все время меняется, если мы разрушаем эти позиции. А вы дали очень общее определение целого. "Смотреть на целое". Куда? Дальше ведь потребуется еще выше подниматься. Еще, еще...

Попов С.В.: Действительно. Но я понятие целого вводил не объективно, не как онтологическое понятие, а как логическое. А что это означает? Это очень интересно. Целое – это будет то, что мы за счет вот этой процедуры построения целого получим. Я не знаю, какое оно. Если мы заранее его определим, то есть вероятность того, что мы не туда попадем. Поэтому целое будем строить, но это не означает, что это – натуральное целое. Вот мы его построим и в рамках нашего действия выяснится лет через 15, что оно начинает разваливаться и уже не соответствует нашим представлениям. Тогда мы должны строить новое целое. Целое в логическом плане это то, что группа людей (или люди, или определенная система действий) захватывает и удерживает. Вот если там, в Мингазпроме собралась хорошая компания, и они всю свою отрасль видят и держат, чувствуют, видят, что, куда, где делается, то отрасль представляет из себя некоторое целое. То есть есть цели, ориентиры, перспективы и т.д. А в тот момент, когда эта компания управляющих разваливается, то отрасль перестает существовать как целое, хотя вся оргструктура остается старой: и должности заняты, и газ дают, и трубопроводы строятся и т.д. Целое я употребляю как понятие логической деятельности, это то, что мы построим и сумеем удержать его в искусственном плане и в понимании как бы вне нас движущегося. Сумеем это удержать – будет целое.

Кузнецова И.П.: Это неоднозначно.

Попов С.В.: Да, неоднозначно, я этого и хочу, чтобы каждый мог внести свой вклад. И в это понятие тоже.

Ладейщиков Н.П.: Может быть, немножко неожиданный вопрос я задам. Скажите, пожалуйста, кто-нибудь из вашей команды методологов побывал на Байкале за это время?

Попов С.В.: Побывали. За это время нет, а раньше побывали.

Ладейщиков Н.П.: А за это время, пока мы здесь?

Попов С.В.: Нет.

Ладейщиков Н.П.: Вопрос вот почему задан. Для того, чтобы выйти на такую абстракцию, которой мы сейчас пытаемся овладевать (причем – это интересный процесс и с каждым днем становится интересней), нам нужно установить соотношения конкретного и абстрактного в подходе к проблеме Байкала. Собственно, нам надо уточнить цель, которую мы сейчас ставим перед собой в прохождении этой игры, которая нас в будущем может сделать более дееспособными. Чтобы выйти из того привычного состояния, о котором вы говорите, и которое лишает нас инициативы, нам надо иметь какую-то животворную цель, которая нас настраивала бы на такой уровень. Где найти стимулы для того, чтобы выйти из этого маленького кружка и попробовать посмотреть на проблему нестандартно, со стороны, не зная, что это

такое, как и что? И к этому бы я добавил: мне думается, что нужно договориться об основных понятиях. Ибо под Байкалом каждый понимает свое: для одного – это собственно озеро; другой считает, что регион Байкала – это котловина Байкала; для третьего – это еще и Забайкалье. Причем, если это – котловина Байкала, то она четко очерчена рельефом, а если и Забайкалье, то он практически не имеет границ как будто бы. Как вы думаете, все эти вопросы надо как-то ставить и правильно решать их, или можно обойтись абстракцией, на уровне которой сейчас ведется разговор?

Попов С.В.: Очень интересная целая серия вопросов. Буду отвечать по порядку. Первое, насчет "побывать на Байкале". Понимаете, какая любопытная вещь, я побывал, хотя это, может быть, мало, но полторы недели здесь был, проехал туда и обратно и кое-что посмотрел. И людей, которые вокруг живут, и как они живут. Но у меня ничего не произошло. Хотя я был восхищен, потрясен и т.д., но в плане мысли у меня ничего не произошло! Я это говорю вот почему. Я говорю: в плане эмоций произошло много, в плане мысли – ничего. И это вопрос принципиальный. Мышление строится по-другому. Есть такая иллюзия, например, у некоторых натуралистов, что обязательно надо пощупать. Но до того, как вы пощупаете, и геолог, биолог или другой натуралист отправится куда-нибудь щупать, ему нужны некоторые теоретические схемы, которые определят, например, что Земля устроена слоисто и есть напластования (это теория осадконакопления). Но ведь Земля так не устроена. Это он теперь свои процедуры анализа и отнесения строит в соответствии с этой теорией, которая 150 или 200 лет назад возникла, очень интересным образом. До этого были уверены, что Земля не так устроена. И, кстати, результаты экспериментов, поскольку они определенным образом всегда строятся, это доказывали. И поэтому, чтобы начинать работать с Байкалом, нам нужны некоторые самые общие схемы, чтобы мы могли систематизировать увиденное и вообще к чему-то его относить. Они нам, как правило, даются образованием: одному на одном факультете, другому – на другом. А здесь мы попадаем в ситуацию, когда общие эти схемы нам не даны, а от старых мы должны отказаться. Это первое. Но, конечно, вы понимаете, что вы можете не соглашаться и обсуждать мою и свою точки зрения как равноправные.

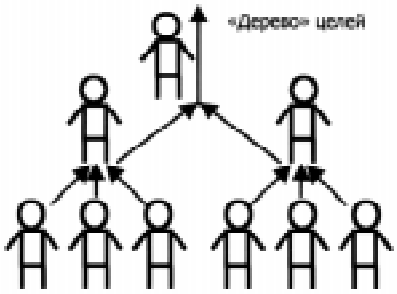


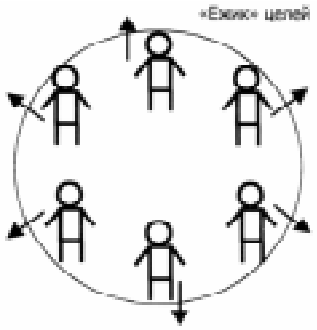
Рис. 11

Теперь второй вопрос, который вы мне задавали, насчет "общей, вдохновляющей цели". Понимаете, я в это не верю, в общую вдохновляющую цель.

Ладейщиков Н.П.: Но определить ее, видимо, надо, все-таки?

Попов С.В.: Николай Павлович! Давайте так: не "определить" ее, как будто она где-то там, в натуре лежит. Нам надо ее поставить. Может быть, нужна общая цель, а может быть, не нужна. Пока мы имеем следующий факт, что для одних, как нам это ни противно, но это озеро – яма с водой. Их цели лежат в другом плане – в плане производства. А дальше, если вы на них очень насядете, они скажут: "Я – тоже человек, я понимаю, но я на своем производстве что-нибудь такое, но в рамках уголовного кодекса и КЗОТа, сделаю". Понимаете? Но реальная цель (не та – выдуманная цель, а реальная) все-таки состоит в производстве. Иначе ему надо увольняться с завода. Поэтому этот ваш вопрос, конечно, очень глубокий. Но теперь нам предстоит такая, очень сложная процедура. Кое-какую работу по выявлению подлинных целей мы проделали (кое-какую, но недостаточную). Теперь нужно постановкой не "дерева целей" (как у нас любят рисовать консультанты) (рис. 11), а вот, если хотите, "ежика целей" (где цели как бы в разные стороны направлены) (рис. 12), четко эти цели определить. И не строить иллюзий, а понимать, что у всех будут разные цели. И они определены уровнем образования, местом работы и многими другими факторами. Разные!

Рис. 12



И задача-то методологическая должна состоять не в том, чтобы их силой (или чем-то еще собрать в одну), а в том, чтобы найти такой механизм, когда бы

все эти цели достигались, но при этом и некоторое общее движение происходило. Очень неверно, но образно это можно было нарисовать вот так (см. рис. 13): одна цель идет в одну сторону, другая – в другую, третья – в третью, четвертая – в четвертую и т.д. Но общее движение должно быть построено так, чтобы проекция всегда была и добавки производились к общему движению. И если вот здесь, скажем, отрицательный вектор (I), то в другом месте должна происходить компенсация.

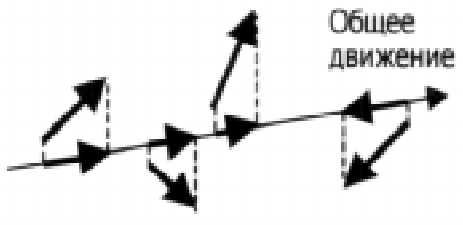


Рис. 13

Вот такого рода процедуры мы должны построить и при этом, если окажется, что у нас сумма всех целей дает ноль (то есть движения нет, а это вроде пока и получается), то мы должны теперь разбираться с целями, и вот этот механизм начинать ломать. Ломать начинать надо с себя. И тем не менее строить такую "машинку", чтобы она постепенно, постепенно, но начинала двигаться. Это вопрос о целях. Поэтому, может быть, тут вопрос терминологии, но нужно четко себе сказать, что одной общей цели нету и не будет. Прошел тот период, когда все мы дружно шагали в одну сторону. По-моему, уже дошагались. Смысл дела состоит в том, чтобы четко себе отдавать отчет и знать, что у нас разные цели. Разные!

Следующий момент, который вы спрашивали: относительно терминов и языка, на котором мы будем говорить. Нужно с самого начала для себя твердо и жестко ответить, что говорить мы будем на разных языках. На разных. И обучение всех одному языку – дело вообще бессмысленное. Как писал в свое время В.Гумбольдт. Он писал так: "Разнообразие языков – есть золотой фонд человечества". Так же, как и разнообразие генофонда. А поэтому, смотрите, какая парадоксальная ситуация получается: чем больше здесь представлено языков (то есть разных способов видения и оценивания), тем лучше. Если мы договоримся о терминах, мы тем самым введем эсперанто, на котором разговаривать будет невозможно, а уж тем более влюбляться и так далее.

Ладейщиков Н.П.: Вы помните неприятный инцидент с Вавилонской башней?

Попов С.В.: Конечно! Но человечество с тех пор живет в этих условиях. А поэтому, смотрите, нам нужен фактически не один язык эсперанто, а нам нужна (и вот здесь на этой схеме символически нарисовано) специальная процедура понимания. Нам нужно научиться понимать другие языки так, как они есть. Процедура очень сложная и я могу вас уверить, что мы пока живем в мире, где предпочитают не понимать другой язык. Это не значит, что соглашаться, но понимать, как другой.

И последний ваш вопрос: насчет стимулов, которые "заставят" вдруг осознать себя. Знаете, это не происходит за счет стимулов. Это происходит за счет удара. Вот если вы ухаживали-ухаживали за девушкой, а она вас бросила и стала гулять с другим. И вам гулять стало не с кем. Вас фактически ударили и выбросили, как тряпку. Вы сели дома и начали думать о том, "какой же я есть?" А до этого считали себя красавцем и вообще... Понимаете? Вот примерно та же процедура должна быть здесь произведена. И это происходит искусственным путем. Никаких таких специальных стимулов нет! Так, еще есть вопросы?

Хренов П.М.: Сергей Валентинович, поскольку мы так далеко ушли от Байкала и пришли к психоанализу...

(Смех в зале)

Я так говорю, поскольку запомнил, вы сказали: "Ситуация на Байкале – это ситуация нашего мышления". Поскольку, вы прекрасно понимаете, существуют методы психоанализа, которые позволяют прогнозировать поведение больших масс людей в различных условиях, я бы хотел вас спросить, так как вы очень известный специалист: можно ли прогнозировать поведение людей, живущих в регионе озера Байкал? Как они себя поведут, если мы в ближайшее время не решим проблему экологии озера Байкал? А местные жители ведь связывают с экологией и свои социальные проблемы. Я думаю, что мой вопрос закономерный и прогнозировать это дело надо. Мы просто обязаны!

Попов С.В.: Вопрос вполне закономерный, только давайте его разделим на несколько частей, чтобы я мог отвечать. Первое, это – не психоанализ. Это – совсем другое. Это – теория мышления и деятельности. Логика!

Хренов П.М.: Пусть это – не психоанализ.

Попов С.В.: Петр Михайлович, я не в качестве претензии говорю, а чтобы у нас понимание было. Психоанализ занимается психикой отдельного человека. Здесь нам надо другое. Здесь нам надо построить, ну, если хотите, такую "машину". Вот, смотрите, физики при всех своих психических разностях во всем мире интеграл пишут и считают одинаково. Правильно? Процедура есть. Вот нам надо найти процедуру мышления. Это первое. Это то, чем мы будем заниматься. И вторая часть вашего вопроса, насчет проблем экологии и населения Байкала. Здесь, чтобы точно отвечать, нужно проводить большие социальные и другие исследования. Но я бы высказал свою точку зрения. Знаете, они поведут себя спо-

койно. И я могу пояснить почему. Проблема экологии Байкала возникает как способ и средство, во-первых, улучшить свою жизнь. Вот если мы не улучшим жизнь людей, то произойдет большой социальный взрыв: министерства и другие руководящие органы начнут бить палками. При этом неважно, что они будут говорить: за экологию, за мертвых детей или за плохую пищу. Я понятно сказал? Поэтому я думаю, что они поведут себя спокойно. Они неспокойно будут вести себя в другом плане, поскольку не решаются проблемы жизни, инфляции и всего остального.

Хренов П.М.: Но одно с другим связано.

Попов С.В.: О! И мы должны, если опять технически рассуждать, вот эти системы связей выяснить: прорисовать и дать точный ответ, куда и каким образом двигаться. Большинству людей, живущих вокруг Байкала, эти проблемы им... Вот так, на словах... А на деле – другое. Здесь вот представители БЦБК говорили, что их коллектив "за перепрофилирование". И даже псевдосоциологические обследования проводили. Рассказывают, что, мол, 60 % – за перепрофилирование. Но, на мой взгляд, это – определенные иллюзии: в тот момент, когда конкретного человека начнут увольнять и он на себе начнет ощущать, что устроиться-то он никуда не может, вот здесь все благие пожелания начнут испаряться. Он скажет: "А почему не его?"

Из зала: Все эти мероприятия должны сопровождаться переучиванием.

Попов С.В.: Может быть. Но ничего этого пока нет. Понимаете, в этом плане социальные условия имеют очень сложные особенности. И пока местные жители играют в эту игру с рыбоохраной, то ситуация вроде бы ничего. Но если бы, между прочим, сюда посадить рыбоохрану, которая перестала бы брать взятки, то началась бы война. Понимаете? Поскольку жить-то им надо. И они привыкли на этом жить. А зарплаты им не хватает. Поэтому все эти вещи очень сложно связаны. И вы точно указываете на проблему. Здесь клубок! И одним решением не обойтись. Многолетнее должно быть видение программы. А для этого нужно видеть целое, с теми поворотами, о которых вы и говорите. Потому что, если инфляция будет расти (а она будет расти, вы это знаете), цены будут повышаться, условия – ухудшаться, работать придется больше, а получать фактически меньше, то это все раньше "выплывет", еще до того, как Байкал погибнет. Но это все нужно специально анализировать. Я пока говорю в очень общих словах. Это все нужно анализировать на примере данного региона в том виде, в каком он есть.

Из зала: Я хочу высказать один технический прием и прошу его прокомментировать. Предположим, что я – проектировщик, имеющий цель изменить ситуацию в регионе. Я владею документами, представляющими собой проекции с некоторого объекта – Байкальского региона, построенные в разных логиках: социологии, географии и других дисциплинах. Я знаю основания, на которых строятся эти предметы. У меня есть средство, которое я могу передать организации, которая будет реализовывать мой проект. Предположим, что эта форма – математическая. Я в математическую модель закладываю данные и устанавливаю абстрактные отношения между данными, имея целью, чтобы этот документ послужил, скажем, организационным средством: распределения инвестиций, разработки процедур каких-то и т.д. В принципе, осуществить это возможно. Процедуры такие есть. Прокомментируйте, пожалуйста.

Попов С.В.: Первое, что я должен сказать: математические средства (во всяком случае, существующие) для этого не годны. И вот почему. Во-первых, математические средства всегда имеют одну проблему – это содержательные интерпретации. В грубом виде это можно сказать так, как это делал Лебег: вы знаете, что 2 + 2 = 4, но если вы посадите в одну клетку двух лисиц и двух зайчиков, у вас четырех не получится. То есть первое, с чем вы сталкиваетесь при попытке такого математического синтеза, это то, что в содержательном плане многие процессы друг друга аннигилируют. И вообще, нужно иметь другого рода картину еще до того, как мы будем заниматься формализацией. Таких картин пока нет.

Из зала: Совершенно верно. Я же оговорился, что я знаю основания, на которых построены предметы.

Попов С.В.: Мало знать основания. Надо еще построить конфигуратор, то есть другую картину этого объекта, на которой все эти многочисленные процессы связывались бы системно, полипроцессуально или еще как-то. До построения такой картины вы систему математических формализмов применять не сможете.

Из зала: Но это может осуществляться без специально выделенной технической процедуры, на уровне, так сказать, здравого смысла.

Попов С.В.: Понимаете, это специально разбиралось: здравый смысл нам врет. Вы никогда над этим не задумывались? Вспомните свой "здравый смысл" три года назад, пять лет назад, в детстве. Придете к выводу, что даже у вас "здравый смысл" – разный. А вот если спросить американцев, которые сюда приехали и на все это смотрели два дня, то у них это в рамках "здравого смысла" просто не вмещается. Целый ряд вещей. Они меня, например, спрашивают: "Зачем производить то, что никому не нужно? У вас, – говорят, – здравый смысл есть или вся страна потеряла его?"

(Смех в зале)

Понимаете, с чего вы взяли, что ваш здравый

смысл – действительно суть дела выявляет? Для того, чтобы эту суть дела выявить, нужно построить особую картину – конфигуратор.

Из зала: Вот этот конфигуратор, он без здравого смысла строится?

Попов С.В.: Конечно без. Здравый смысл (этот пример вчера Петр приводил) всегда говорит людям, что Земля плоская. Это вас уже научили, что Земля круглая. И тела падают с разным ускорением. Попробуйте сами. И до Галилея все так и считали. Ведь заслуга Галилея состояла в том, что он сказал: "Если факты не соответствуют моим теориям, тем хуже для фактов". А поэтому это должно строиться за счет серии систематических процедур. Работа чрезвычайно сложная. Я могу сказать, что мы уже года полтора строим понятие региона. Это такая, предконфигураторная форма. Но и она очень сложна.

Из зала: Если вы хотите в результате получить картину мира, некую абсолютную истину, то это, конечно, сложно. А если иметь в виду конкретную цель, то искать абсолютную истину не надо.

Попов С.В.: Нам не нужна картина всего мира. Нам нужно совсем другое. У нас есть целая система ограничений. Во-первых, это ситуация, с другой стороны, набор специалистов и специализаций. Он ограничен. И т.д. Но это не означает, что тут нужно применить здравый смысл. Он, конечно, должен быть. Но если мы хотим построить конфигуратор, то здесь здравым смыслом не обойдешься. В противном случае происходит следующая вещь: вы как математик обсчитываете данные всех и с точки зрения своего здравого смысла сформулируете результат. Но это будет математически и научно оформленный ваш личный предрассудок, никакого объективного значения не имеющий. Даже если им будут пользоваться тысячи людей. Я могу на методологической консультации это обсуждать подробнее.

Гурман В.И.: Есть понятие "система". Общепринятое не с точки здравого смысла. И система не сводится к сумме ее частей. То есть есть некоторое свойство эмерджентности. Если мы будем пытаться без специального инструментария делать интеграционные схемы, то мы придем к тому, что попытаемся сложить систему как сумму частей. У людей разные знания, они работают каждый в своей области, видят предмет со своей точки зрения. То есть это соответствует тому, что наука устроена дисциплинарным образом. Нам кажется, что когда мы соберем все сведения, мы придем к целому. На этом принципе построены все координационные планы. Но на самом деле получается вот что: чтобы представить себе систему, этой информации недостаточно. Нужна информация взаимодействия различных процессов, которые в системе протекают и отдельно изучаются отдельными людьми. А этой информации на порядок больше, чем сумма сведений. Как преодолеть эту трудность?

Попов С.В.: Первое, насчет системного анализа, достаточно сформированного. Тот системный анализ, который традиционно наукой представляется, он не годится. Есть несколько понятий. Мы готовы на консультации их обсуждать. Одна из интерпретаций, которой мы пользуемся – системно-деятельностный подход системного анализа – он предполагает использование системы как логической процедуры, то есть как некоторого инструментария построения систем, а не как построения систем, вне нас связанных друг с другом. Теперь по поводу инструментария. Вы безусловно правы, что если мы знания и разнопредметные сведения начнем механически сочленять, без специальной процедуры, то мы все это свалим в такого же рода кучи, какими являются наши концепции. Здесь я уже этот инструментарий по первому разу начал выкладывать. А инструментарий заключается в следующем. Первое. Эта схема (рис. 10), если вы ее прочитаете и будете над ней размышлять, обозначает, что эти знания разнокачественны и складывать их нельзя. И для того, чтобы строить конфигуратор (или "интегральную схему", как вы назвали), необходима система процедур построения, нарисованная в другом месте. Это мы будем специально еще обсуждать. Нам необходимо эту процедуру системного анализа проводить. И то, что вы говорите, что целое не состоит из частей, верно. Эффект системного анализа в том и состоит, что нам нужно это строить как сложную структурную схему. Может быть, даже полипроцессуальную. И не один процесс выделять как главный, а остальные к нему пришнурованные как мы вечно делаем, а строить их как много разных главных. И искать еще процедуру, как мы можем сочленить, соединить это и т.д. Ваш вопрос – самый важный, но я бы его все-таки отнес к консультации, согласившись с его проблемностью. И готов это обсуждать.

Из зала: Вы не допускаете возможность, что эта новая конструкция будет предметной?

Попов С.В.: Подождите. Другого вида знаний, кроме предметных, человечество не построило. Но мы здесь должны "петлю" осуществить. Примерно так, как я обсуждал с моделями, когда схему ситуации обсуждали. В тот момент, когда мы новое знание получим, оно оторвется, по нему начнут проводиться исследования и оно станет предметным. Теперь, когда оно перестает нас удовлетворять, мы должны будем выходить и строить следующий конфигуратор. Потому что, если мы построим конфигуратор, который сочленяет все, мы получим новую обобщенную систему, в которой все данные сочленены.

Из зала: Мы его можем вокруг цели строить?

Попов С.В.: Конечно. Я же исхожу из той точки зрения, что всякое знание есть средство и строится как средство. Оно в этом плане не абсолютно. Это иллюзия, что можно иметь абсолютную истину и абсолютное знание. Знание – особое средство организации жизни и деятельности людей, в соответствии с которым они действуют. И поэтому через некоторое время оно перестает удовлетворять. Ну, как всякое средство. И нам фактически надо построить новое средство, которое вот этими людьми может эффективно использоваться. А всю эту фактуру переорганизовывать уже относительно этого нового знания.

Федоров К.М.: Мне представляется, что в вашей схеме есть изначальный методологический порок, который не сказать, чтобы совсем отменяет все эти построения, но достаточно сильно их деформирует. И вот на этой схеме сказывается, видимо, эффект сильного удара по голове со стороны. То есть когда человек выскакивает и оказывается чуть ли ни совсем другим и совершенно "голым". Здесь это наблюдается уже второй раз. Я уже делал вам замечание. И вот сейчас... Может быть, я, конечно, не прав. А может, вы не правы. Но вот есть противоположности. Они есть каждое свое, иное, и вместе с тем они до того едины, что это – противоположности единой сущности. А вот когда вы говорите: "...выскакивать голым", это – экстремизм, который нарушает саму сущность. И нарушается жизнь самих противоположностей. Вот когда вы прошлый раз обсуждали эти противоположности, вы это в конце затронули. Понимаете, есть противоположности нормальные, а есть аномальные. То есть те, которые лежат за пределами нормальных. Вот когда товарищи говорили, что они не умеют ни проектировать, ни работать, у них была мания, комплекс неполноценности.

Попов С.В.: Вы из плана логики переходите в план психоанализа. У них – наоборот, комплекс полноценности.

Федоров К.М.: Нет, нет! Это – стоящие ученые, очень солидные и уважаемые. Но это у них в заявлениях о том, что ничего не могут: ни работать, ни проектировать, ни делать. Это конечно же аномалия, то есть комплекс неполноценности. Но на другой стороне – комплекс или мания величия: "Вы не можете, а мы вам поможем". А из этого может получиться только то, что получилось... То есть ничего доброго из этих противоположностей не вытекает. Мне представляется, что есть два пути выхода. Для любого нормального, думающего человека праздник наступает тогда, когда он начинает понимать, что он дурак. Он встречает это с радостью. Это не эффект удара со стороны, а когда он созрел внутри себя. Когда знания, которые он накопил, вдруг прорываются каким-то образом...

Попов С.В.: Константин Михайлович, если теперь отойти от теоретической формы обсуждения к чисто практической...

Федоров К.М.: Я об этом же.

Попов С.В.: Понимаете, я – человек игровой, а потому – рисковый и считаю, что в игре каждый должен отвечать за свои слова полностью. Либо вы беретесь и по другой методологии начинаете решать этот вопрос, собирая вокруг себя компанию. И показываете, что это – неправильно.

Федоров К.М.: Нет, нет...

Попов С.В.: Либо нечего об этом говорить. А если вы считаете, что человек должен созреть, ну и отлично: созреете – скажете.

Федоров К.М.: Это только одна сторона. Это гипотеза...

Попов С.В.: Меня же практическая сторона интересует.

Федоров К.М.: Вы же говорите так, как будто здесь сидят одни невежды и решают проблемы. А кто-то пришел и все решил.

Попов С.В.: Ничего подобного. Я этого не обсуждал.

Федоров К.М.: Я считаю, что может быть два варианта: когда внутри что-то созревает, и когда извне привносится.

Попов С.В.: Но вы же это обсуждаете не в рабочем порядке, а так, в абстрактном: "Кто-то подошел со стороны..."

Федоров К.М.: Ну почему же?

Попов С.В.: Можете – подойдите со стороны. Можете – работайте изнутри. Можете созреть – созрейте. Можете по другой методологии работать – работайте. Кто Вам мешает? Наоборот, поможем.

Федоров К.М.: Когда вы говорите, что "мы сейчас будем выходить за пределы самого себя, в область некомпетентности", вот это и срабатывает: человек приходит со стороны к специалисту и начинает отрицать его результат. И второе. Николай Павлович сегодня обсуждал такой вопрос: необходим стимул, чтобы "выскочить". Это опять же не как удар по голове, а такой стимул, чтобы сумма частей составила органичное, живое целое. Вот вы подняли вопрос насчет целей и стали рисовать разные схемы. Но понимаете, когда вы говорите, что "не может быть единой цели", то это заранее нас обрекает на безрезультатность. И здесь я хочу рассказать один пример.

Есть у меня одна приятельница. Она в свои 45 схоронила мужа, а затем женилась, то есть вышла замуж за тракториста. И недовольна! Понимаете?

(Смех в зале)

Нет, послушайте, зачем раньше времени смеяться? "Дело в том, – говорит, – что жизнь есть, а радости нет".

(Смех в зале)

Так вот, мы живем, но не радуемся. И когда мы

перестали радоваться, то жизнь теряет смысл. И вот та единственная цель, которая нам нужна, состоит в том, чтобы человеку, живущему на Байкале, было радостно. Понимаете? И это есть синтетическое начало.

Попов С.В.: Спасибо. Но я еще раз повторяю, что я не против радостей жизни и всех на свете синтетических начал. Единственное, что требуется в игре – за свои слова отвечать. Причем, по полной мере. И если у тех, кто начнет работать по этой схеме, потом никакой сдвижки не произойдет, то вы потом меня и всех методологов можете изничтожить с большим удовольствием. Но то же самое вы фактически должны применять и к себе. И если вы говорите, что "синтетические начала", "радости" и "общие цели" работают, милости прошу: работайте, собирайте группу, направление, все, что угодно, и продемонстрируйте.

Федоров К.М.: То есть "метода": раз предлагаешь – делай сам. Так, что ли?

Попов С.В.: А она в игровом плане, между прочим, единственно рабочая. Потому что это же не административная система: служащий предложил начальнику чего сам сделать не может, а он ему обратно. Инициатива – наказуема!

Здесь у нас другая ситуация и принципы разработки. Может быть, мы не правы, но давайте друг дружке показывать, кто как работает и какого рода сдвижка. Поэтому, ежели уж вы сказали, то через 4 дня я вас спрошу, куда делись ваши "синтетическое начало" и "радости".

Федоров К.М.: Здесь этого не сделаешь.

Попов С.В.: Нет, вы не накладывайте таких ограничений. Вы соберите группу и покажите, что вы сделали. И если окажется, что вы сделали больше, то... Фактически игра же построена на принципе дуэли. И либо вы владеете шпагой, либо вы ею не владеете. Поэтому давайте играть серьезно. Вы же и ваши товарищи хотите получить результат до того, как его сделаете. Давайте работать и посмотрим. Но нужно полностью отвечать за свои слова. Те, кто считают, что что-то здесь неверно, строят свои схемы и вкалывают. И показывают другие возможности.

Федоров К.М.: А почему бы вам не учесть замечание?

Попов С.В.: Постойте, это я могу на теоретическом семинаре учесть замечание и совет. У нас же "страна советов". Да? Знаете этот анекдот? Так вот, здесь советы кончились. Начинается игра серьезная. Либо вы отвечаете, либо лучше тогда не ввязываться.

Федоров К.М.: Это – не совет?

Попов С.В.: Себе, себе советуйте. Я же вам советов не даю, как вам жить. И здесь запрещены советы, потому что здесь идут не советы друг другу, а показ и демонстрация стилей и способов работы. Поэтому, если вы считаете, что возможен другой способ работы, вы его показываете, демонстрируете... А потом на семинаре где-нибудь соберемся и там мы друг дружке посоветуем: я – вам, вы – мне, и будем очень довольны.

Белов А.В.: Меня интересует, как здесь присутствует время? Мы его задаем сразу как интервал или мы его рассматриваем как период, когда мы достигнем желаемого результата? И тогда с точки зрения того будущего как мы будем определять понятие "экологичности"?

Попов С.В.: Этот вопрос очень интересный и нам его придется разбирать и анализировать. Для того, чтобы строить практические схемы, нам придется учитывать разные промежутки времени. И на этом (рис. 9) как бы логическом плане учтено: мы должны естественные процессы (то есть те, которые лежат вне нашего действия) определенным образом оценивать. При этом отдавать себе отчет, насколько и как мы можем ошибиться? А также оценивать то, что мы можем сделать. Это другой интервал времени. И вполне возможно, что когда мы, например, работали в Артеке и разворачивали такую схему системы контроля, там у нас получалось 8 или 10 промежутков, в которых должен был определяться тот, кто работает с этими схемами. Это надо специально обсуждать. И дефекты нашей схемы будут обусловлены тем, насколько мы сможем с этим временем работать. И в том числе – это действительно важный вопрос – как будет на каждом этапе определяться "экологичность"? И чем дальше, тем больше нам придется вводить поправку на незнание. Когда мы на подготовке к игре специально анализировали, что же сделано в Канаде, Штатах и Европе в плане экспертиз такого рода, то выяснили, что там вводится один принцип. Когда консультант консультирует проектировщика, который делает проект (фактически первоначальную экспертизу производит), то он закладывает промежуток времени, через который он проводит новую экспертизу. И тем самым закладывает ограничение на свое знание. То есть когда его выводы по экспертизе могут оказаться неправильными, и надо делать все по следующему разу. Поэтому вы, безусловно, правы, когда говорите, что нужно вводить несколько разных временных промежутков для разных групп процессов. Но не абстрактно разных, а нужно смотреть конкретно, что и почему разные? А у нас чаще всего либо сиюминутные цели, либо глобальные, типа: "Будет экологическая катастрофа или нет?", "Исчезнет цивилизация или сохранится?" Ну, будет экологическая катастрофа! Жизнь не исчезнет. Нам нужно не это. Нам нужно в пределах своей работы и деятельности определить, насколько мы сможем осуществить то, что наметили.

В одном из журналов недавно была такая едкая

заметка. Журналист привел цитату Энгельса, который когда-то Марксу писал, что “мы, конечно, не построили модель того общества, которое будет после социальной революции. Но мы считаем, что люди тогда будут не глупее нас, и они будут знать, прежде чем делать революцию, какие шаги будут следующие”. Редкая цитата. Но нам ведь ничего другого тоже не остается. Схема та же: чтобы делать перестройку, надо знать, что будешь делать потом. То есть я это к тому, что схема должна быть очень сложной.

Из зала: Вы правы, мы не научились мыслить по-новому, стереотип довлеет над нами. Мы многое прослушали, но ни одна из концепций нас не может удовлетворить. И я хотел спросить вот что. В начале игры у нас было 16 групп, а сейчас осталась только половина. И, к сожалению, у нас нет обобщающей группы, которую можно было бы назвать группой стратегии и тактики защиты Байкала. Кто-то говорил здесь, приводя цитату из Ленина, что не надо браться за частные вопросы, прежде чем не решишь общие. А наши группы решают частные вопросы. И поэтому нет ни одной концепции, которая выдерживала бы ваши требования. Это раз. Второе. То, что вы говорите, воспринимается очень трудно. Но очевидно, что это все верно, все хорошо.

(Смех в зале)

Действительно, товарищи, очень трудно, чисто по-человечески. Вопрос у меня такой: возможно ли решение проблемы, вокруг которой мы столько дней работаем, без перестройки экологического мышления, вернее, без создания такового?

Попов С.В.: Действительно, групп такого рода – стратегических и прочих – не было. На втором этапе у нас намечена перегруппировка. Группы распускаются и будет проходить их переорганизация. У нас должно быть выделено несколько стратегических направлений, их последующее обсуждение. Потому что то, что мы могли, мы уже сказали или написали.

Теперь насчет трудности восприятия. Ну, конечно, трудно. Но вы же люди разумные и должны понимать: если трудно, постройте себе свои схемы. Вам совсем не обязательно воспринимать мои и работать по моим. Я уже, вроде, это говорил. Если вы можете свои строить, мы потом будем анализировать, соотносить и обсуждать.

Из зала: Ну, с нашими схемами далеко не уйдешь.

Попов С.В.: Это вы зря так. Теперь надо сказать себе... Знаете, есть такое выражение: “Бревном себя помыслишь – бревном и будешь”. Ведь человек, который выйдет во внешнюю позицию, должен сказать себе: “Я теперь все могу!” А если он будет говорить так, как некоторые: “Это вне моей компетенции и меня это не касается”, – то ничего не сделает. Нужно сказать: “Я все могу, я буду это делать”. Другое дело – здесь ждут большие ошибки, неудачи и падения. Но на то она и игра: здесь за неудачи и падения не убьют, а поднимут и опять можно будет пробовать сделать следующий шаг. Единственное, чего не надо делать – пытаться прыгать на 2,50, если вы прыгали на 1,50. Надо ставить планку на 1,55. И вот здесь должен быть действительно здравосмысленный подход. Не там, когда схемы строим, а здесь, когда свои возможности определяем. А кроме того, нас же здесь достаточно много, и вместе сможем работать и друг другу помогать. Не знаю, ответил ли я на ваш вопрос?

Из зала: Вы не ответили на последний вопрос, касающийся создания экологического мышления.

Попов С.В.: Вопрос, конечно, интересный. Но ведь мышление, новый тип мышления создается исторически, десятками лет...

Из зала: У нас за три года “новое мышление”...

Попов С.В.: Для меня это смешно. Тезис “о новом мышлении” носит идеологический и политический характер. Дело в том, что мышление либо есть, либо его нет. И этот лозунг насчет “нового мышления” был выдвинут, чтобы “забугорных” околпачить и отделить себя старых от новых, а содержательного смысла он, на мой взгляд, не имеет. Мышление нужно создавать, то есть начинать систематически его строить. Я сегодня в одной из групп задавал вопрос: “Кто может?” Выясняется: никто! Ну, никто такого рода работу не делал. Поэтому либо мы начинаем (и с нас начинается сдвижка), либо мы не начинаем. Так

ОБЩЕЕ ЗАСЕДАНИЕ
20 октября 1988 г.

(Доклады рабочих групп.
Докладчики: В.З. Хамарханов, А.С. Бондарев, В.С. Зубков)

Попов С.В.: Начинаем нашу работу. Первый доклад у нас заявлен еще 2 дня назад. Остальных прошу подавать заявки, сконцентрироваться и работать по содержанию. Вопросов лучше не задавать. Выдвигать предложения, выражать несогласие и делать замечания в виде фиксированных выступлений или как вы сочтете нужным. Прошу вас.

Хамарханов В.З.: Я представитель творческой группы "Социалистическая модель саморазвивающегося региона", член научно-методологического центра кооператива "Оркон". Наша группа сейчас переименована и называется "Территориально-экологический регион". В состав нашей группы входит Ленинградский научный кооператив по организационно-экономическому и управленческому консультированию "Оркон", творческая группа института "Ленгипрогор", консультативное агентство "Генезис" при Свердловском райкоме КПСС г. Иркутска, иркутский кооператив "Сигма", оргкомитет молодежного жилищного комплекса при горкоме ВЛКСМ г. Улан-Удэ, иркутская инициативная группа "Байкальское движение", улан-удэнская инициативная группа "Байкальское движение", а также группа ученых и специалистов гг. Иркутска и Улан-Удэ, вошедших в состав творческой группы в процессе работы.

В ходе обсуждения и анализа ситуации, сложившейся вокруг оз. Байкал, наша творческая группа пришла к следующему решению: как объективная реальность существует необходимость в проектировании и создании нового структурного образования, новой организационной системы в рамках народнохозяйственного комплекса страны, способного решить весь комплекс проблем, связанных с защитой оз. Байкал и интересов населения прилегающих к нему территорий. Таким образом, речь идет о проектировании и создании региона нового типа, который мы назвали "территориально-экологический комплекс "Байкал". Основные задачи, которые должны быть решены при создании этого комплекса, сводятся к следующему:

1) обеспечение сохранности уникальной экосистемы оз. Байкал как объекта планетарного значения на основе создания тройного пояса защиты (правового, экологического и экономического);

2) повышение к 2000 г. количественных и качественных показателей уровня жизни населения территориально-экологического комплекса "Байкал" до уровня не ниже мирового.

Причем обе эти задачи должны решаться одновременно. Такая постановка проблемы сложилась в процессе игры и начата проработка проекта новой системы. Необходимо определиться в нашем понимании проблемы, то есть необходимо ответить на вопрос: что мы понимаем под тройным поясом защиты. Ответ на этот вопрос включает четыре основных элемента: 1) граница территориально-экологического комплекса, 2) реализация правовой защиты, 3) организация экологической защиты, 4) организация экономической защиты.

Теперь более детально. О границах комплекса. Этот вопрос остается пока открытым. Однако предварительные проектные решения на уровне наших представлений сводятся к следующему. В состав территориально-экологического комплекса входит Иркутская область, Бурятская АССР и собственно бассейн оз. Байкал с прилегающими к нему территориями, который должен рассматриваться как особая экономическая зона. Предполагается наличие 3-х экономических зон. Первая – это бассейн оз. Байкал и прилегающие к нему территории – особая экономическая зона, имеющая правовой статус, особый режим хозяйствования, обеспечивающий полную защиту уникальности экосистемы оз. Байкал. Границы этой экономической зоны будут уточнены в процессе разработки проекта.

Далее. Об организации правовой защиты. Пересматриваются все действующие правовые нормы, акты, положения, регулирующие все виды деятельности в особой экономической зоне. Должны быть созданы новые правовые нормы с учетом всех требований, диктуемых экологической ситуацией на оз. Байкал.

Об организации экологической защиты. Проектируется и создается непрерывный мониторинг по всему спектру экологических параметров на основе новейших достижений науки и техники и создается система независимого и полного контроля за их уровнем. Все экологические параметры имеют нормативный характер. Их нарушения влекут за собой экономическую ответственность и экономические санкции.

Об организации экономической защиты. При наличии правовых норм и систем экологических параметров, заданных шкалой размеров экологических санкций, исключается существование предприятий, невыгодных с точки зрения экологических параметров и экологических ограничений.

Нерентабельные предприятия будут обречены на неизбежное исчезновение в условиях полного хозрасчета. Предполагается, что все предприятия особой экономической зоны, а также Иркутская область, Бурятская АССР функционируют в условиях полного регионального хозрасчета как саморазвивающиеся системы или саморазвивающийся регион.

Что такое саморазвивающийся регион, каковы наши понимания регионального хозрасчета и как будет обеспечен рост количественных и качественных показателей и образа жизни жителей территориально-экологического комплекса "Байкал"? Ответы на эти вопросы будут сейчас изложены в докладе А.С. Бондарева, руководителя научно-методологического центра кооператива "Оркон".

Попов С.В.: Может быть, есть вопросы и замечания?

Грачев М.А.: Как вы предполагаете организовать экологический мониторинг и сколько это стоит?

Хамарханов В.З.: Ответ на этот вопрос мы дадим в процессе разработки проекта, назовем и цифры, и сроки.

Грачев М.А.: С трудом в это верится. Если я правильно понял вас, то на основе экологического всестороннего мониторинга вы хотите применять экономические санкции?

Хамарханов В.З.: Да.

Грачев М.А.: Я боюсь, что такого вам не удастся организовать и осуществить минимум в ближайшие двадцать лет, могу эту мысль развить.

Из зала: Не нужно. Потом.

Из зала: Скажите, как вы представляете себе "регион озера Байкал"? А водосборные бассейны Читинской области, Монголии входят в него или нет?

Хамарханов В.З.: Я уже говорил, что вопрос о границах региона пока открыт. В ходе разработки проекта мы его уточним.

Труфанова Н.Я.: У вас прозвучало слово "защита". Защита от кого?

Гурман В.И.: От самих себя.

Хамарханов В.З.: Может быть, действительно от самих себя. Казалось бы, все мы хотим только хорошего. Но та ситуация, которая сложилась, она сложилась из того, как мы работаем.

Абраменок П.П.: Какие будут взаимодействия с бюджетом?

Хамарханов В.З.: Вы задаете конкретный вопрос. На него можно дать такой же ответ, но он будет долгим и сложным. На все ваши вопросы мы дадим ответ в проекте. Ведь наша идея родилась в ходе игры, на втором заседании и пока что идет проработка проекта. Я думаю, что ответы на многие ваши вопросы вы найдете также в докладе А.С. Бондарева.

Попов С.В.: Я думаю, основания всех вопросов таковы: кому предназначается и кто будет реализовывать этот проект? Можно изложить идеи, можно представить весь расчет, но кто и как будет это делать? Для кого все это говорится?

Руснак П.С.: Несколько раз прозвучало слово "особый". Что вы вкладываете в это понятие?

Хамарханов В.З.: Особый правовой режим этого района. Аналогия: свободные экономические зоны в Китае и то, что проектируется у нас на Дальнем Востоке.

Попов С.В.: Там "свободные экономические зоны", а здесь – свободная "экологическая" зона.

Чебаненко Б.Б.: Вы говорили, что контроль будет осуществляться на основе экологических нормативов. На предыдущих заседаниях мы уже выяснили, что существующая система нормативов – недостаточна. Предполагается ли у вас свой подход к выработке этих нормативов. Ведь это очень непростой вопрос.

Хамарханов В.З.: Мы предполагаем использование всего спектра экологических параметров, которые на сегодняшний день можно фиксировать с помощью новейших достижений науки и техники.

Чебаненко Б.Б.: А критерии как вы будете выделять?

Попов С.В.: Постойте. Для дальнейшего обсуждения нужно обращать внимание на следующий момент: кроме формальных структур (мало сказать, что все параметры нужно использовать), нужно ответить и про содержательную часть – кем и как она будет вырабатываться? Думаю, это будет основной вопрос к вашему докладу.

Ладейщиков Н.П.: Как вы будете противостоять таким внешним воздействиям на экосистему Байкала, как дальние атмосферные переносы?

Хамарханов В.З.: Мы предполагаем, что наши зоны будут работать в условиях полного регионального хозрасчета. Если вы, ученые, доказываете, что выбросы тех, далеких, в другом регионе расположенных, заводов, переносимые атмосферой, непосредственно влияют на экологию Байкала, то мы определяем соответствующие нормативы, и на их основе определяем экономические санкции за размер этих выбросов. Ответственность за объем этих выбросов будет нести непосредственный загрязнитель, где бы он ни находился.

Хромов Н.С.: Предполагаете ли вы систему управления этим регионом?

Хамарханов В.З.: Да, предполагаем.

Хромов Н.С.: Предполагаете ли вы с созданием этой системы управления ликвидацию существующей системы?

Хамарханов В.З.: Нет, не предполагаем. Мы думали над этим вопросом. Все органы остаются. Предполагается создание новых органов, которые будут нести ответственность за состояние региона оз. Байкал.

Труфанова Н.Я.: Если вы говорите об особой форме организованности и при этом определяете особые акты, особые нормы, вплоть до конституции, как вы предполагаете сделать границу? Из колючей проволоки? И пограничников расставить?

Хамарханов В.З.: В условиях хозрасчета определяются границы хозяйственной деятельности. Предприятие, находящееся на данной территории, попадает под влияние ее законов, новых правил и положений.

Попов С.В.: Я прошу вас относиться к этим вопросам серьезно, поскольку за ними кроются весьма глубокие возражения. Как вы думаете, почему Прибалтийские республики, собираясь переходить на полный территориальный хозрасчет, требуют ввести свою валюту, гражданство и все остальное? Потому что это является необходимыми условиями.

Если вы будете рассчитываться бумажными деньгами, никакого территориального хозрасчета не будет. В этом и состоят возражения Н.Я. Труфановой. Если вы с этим не согласны, то вы будете еще про это говорить и объяснять, но так просто не отделаетесь.

Абраменок П.П.: Я не понимаю такую вещь: если не происходит структурных изменений, то чем ваш проект будут отличаться от Концепции, представленной Академией наук [1]? Нам проще взять эту Концепцию, перевести на хозрасчет, и она будет отвечать тем же требованиям, что и ваш проект.

Хамарханов В.З.: Я не понял, о каких структурных изменениях вы говорите?

Абраменок П.П.: Вы говорили, что структура управления не изменяется, все остаются на местах.

Из зала: Давайте послушаем следующий доклад. А то мы не видим целой картины.

Попов С.В.: Постойте. Надо зафиксировать понимание и непонимание, а то потом будет сложнее – придется продираться сквозь три доклада к самому началу. Есть еще вопросы? Анатолий Сергеевич, прошу вас.

Бондарев А.С.: Концепция самоуправляемого региона. Введение. Ленин, говоря о решении частных вопросов, писал, что тот, кто берется за решение частных вопросов без предварительного решения общих, все равно будет натыкаться на эти общие вопросы. Вследствие этого для разработки данной концепции предварительно были решены такие, например, вопросы, как "теория социалистического способа производства".

В свою очередь, тема социалистического способа производства была использована для начала разработки программы "Культура 2000". Цель программы в создании комплексно-целевого территориально-отраслевого долгосрочного проекта, реализация которого позволит без каких-либо дополнительных ресурсных затрат к 2000 г. вывести население СССР на качественно новый уровень. Даже по таким фундаментальным показателям, как детская смертность, продолжительность жизни, рост национального дохода, отставание в которых наиболее заметно, вывести на уровень не ниже мирового. В рамках этой программы была разработана модель саморазвивающегося административно-хозяйственного района, работающего в условиях самостоятельности, самоокупаемости, самофинансирования и самоуправления, ставящая перед собой такую же задачу, как и "культура 2000", только в масштабе района.

Разработка концепции развития малых и средних городов проводилась кооперативом "Оркон" по договору с "Ленгипрогором". Первый этап ее уже принят заказчиком. Таким образом, концепция полностью отвечает важнейшим методологическим указаниям, поскольку в ее основание заложено решение общих вопросов и все другие перечисленные разработки.

Часть вторая – исходная и защищаемая модель региона, цели, структура, задачи, функции. Цель защищаемой модели: вывести регион на уровень жизни к 2000 г. не ниже мирового. Для представления наиболее общей модели региона воспользуемся данными, полученными одним из авторов теории социалистического способа производства (см.: Диалектика познания сложных систем. – М.: Мысль, 1988). Любая административная единица (пункт, город), представляет собой неразрывное единство 4-х необходимых и достаточных сфер общественного производства и жизни. Отсутствие хотя бы одной из этих сфер делает невозможным существование какого-либо региона, района, города и т.д. Назовем эти сферы: а) сфера материального производства, б) сфера организационного производства, в) сфера духовно-информационного производства, г) сфера гуманитарного производства самого человека, продуктом которой являются люди. Каждая из этих сфер производит свой продукт и свои услуги для всех сфер, используя продукты всех сфер в качестве необходимых предпосылок.

Принципиальное отличие нашей модели от существующей командно-административной модели социализма заключается в направлении вектора. В старой модели, если отбросить в сторону лозунги типа "все для человека" и рассмотреть реальные цели, задачи, функции и структуру, соответствующее направление вектора ориентировано на производство вещей. В нашей – на производство человека. Действительно, все законы, инструкции, нормативы, системы планирования и управления, отчетные пока-

[1] См.: Общее заседание 17.10.88.

затели, за которые несет ответственность руководство района, направлены на производство вещей. Глубокая порочность такого рода схемы, приведшей к кризисному состоянию во всех сферах деятельности: экономика, экология, образование, здоровье, информатика и управление – очевидно. Человеческий фактор приносится в жертву развитию экономики. Формирование социальной сферы по остаточному принципу, который через бурный рост антисоциальных явлений: снижение здоровья, текучесть рабочих кадров, равнодушие к социалистической собственности и т.д., является мощнейшим тормозом для экономического роста.

Если изобразить деятельность региона в виде некоторого преобразователя, на входе и выходе которого вещи, материальное производство, производство информации, производство человека, то для старой модели социализма, в виду ее глубокой порочности, коэффициент усиления этого специфического преобразователя является величиной меньше 1, что определяет деградацию системы, распад и гибель. Смысл кардинальной перестройки основ нашего общества заключается в том, чтобы сделать этот коэффициент много больше 1. В этом случае как отдельный регион, так и вся страна в целом станут саморазвивающимися, способными успешно достичь мирового уровня по всем показателям качества и уровня жизни.

В соответствии с выводом теории и тезисом, который должна защитить наша концепция, требуется единственное условие – поменять вектор, определяющий направление деятельности региона. Конкретизируем наши модели "Культура 88" и "Культура 2000" в виде схем, а также представим старые модели региона. Конкретизируем тот порочный круг, в котором находится старая модель с ее конкретными свойствами и направленностью на производство вещей. Они подробно раскрыты в последних партийных документах и публицистических материалах. Нам достаточно их перечислить с акцентом на специфику региона. Административно-командные методы управления – все централизовано, планирование от достигнутого – утверждают уравниловку и иждивенчество, формирование социальной сферы по остаточному принципу, рассмотрение населения как серого, безликого, послушного винтика командно-административной системы, формирование плана социально-экономического развития по раздутым валовым показателям, монополизм министерств и ведомств, получивших у нас, в силу отсутствия правового государства, право господства над территориями с последующими экологическими катастрофами, господство ничейной собственности, отсутствие хозяина и творческого отношения к труду во всех 4-х сферах деятельности – вот основные моменты сегодняшней системы.

Корабль "Культура 88" неизбежно плывет к своей гибели – в 2030 г. Этот срок рассчитан при условии сохранения существующих тенденций. Для получения саморазвивающего района необходимо сменить направление вектора с производства вещей на производство человека, на улучшение уровня и качества жизни. И одновременно своего рода поиск той системы, которая способна сделать регион саморазвивающейся системой с коэффициентом усиления во много раз больше 1, способной благодаря этому вывести район без каких-либо ресурсных затрат по качеству и уровню жизни к 2000 г. на уровень не ниже мирового.

Цель эксперимента: что получается с регионом, если все законы, инструкции, нормативы, методология будут ориентированы на интересы всех жителей не только экономические, к тому же многократно усиленные стремлением к коллективному доходу, распределением по КТУ (коэффициент трудового участия – ред.), но и на интересы интеллектуального, эмоционального и физического развития. В этом случае "Корабль" будет двигаться, во-первых, не в сторону своей гибели, а в сторону прямо противоположную и, во-вторых, со скоростью более высокой, так как его паруса наполнены напором интересов каждого жителя региона, сориентированных в одном поле качественных показателей уровня жизни. И поэтому с величиной большей, чем сумма целей каждого отдельного жителя. Получено первое подтверждение, выяснено первое преимущество – возможность гармонизации интересов всех жителей. Эта же схема дает алгоритм поиска конечной системы, ее цели, структуру, задачи и функции.

Четырехсферная модель сориентирована на производство человека и сразу же дает нам структуру будущей системы: производство информации, производство вещей, педагогическое производство человека, объединение, производство организации, работающее по конечному результату – количественному показателю качества и уровня жизни. Для того, чтобы превратиться в такого рода НПО, жители региона должны взять свою территорию в аренду на выполнение госзаказа на производство вещей, информации, управления и человека, с заранее оговоренными условиями аренды, суммой отчислений в госбюджет и с правом полностью распоряжаться своим коллективным доходом, внебюджетной частью местного бюджета, полученного сверх плана за счет извлечения внутренних резервов. Именно в этом случае включится механизм гармонизации интересов всех жителей региона и Корабль "Культура" с мощным ускорением повернет в противоположную от гибели сторону.

Теперь о конкретной схеме, которая была использована для изменения полной структуры конкретного района, который мы сейчас собираемся перево-

дить на эксперимент по полному хозрасчету. Прежде всего, формирование местного бюджета. Оно идет не сверху вниз, а снизу вверх, с обратной связью на каждый рубль коллективного дохода. Тем самым все хозрасчетные коллективы, действующие по вертикальной цепочке, действуют в арендных отношениях. Эта арендная цепочка позволит полностью искоренить уравниловку и иждивенчество, недостатки чисто государственной сферы собственности и чисто кооперативной, при получении максимальной прибыли независимо от выбора средств. Функционируют только те ассоциации кооперативов, которые дают прибыль с одновременным увеличением количественных показателей. Кооперативы, работающие вне рамки ассоциации, облагаются дополнительным налогом и ставятся в неблагоприятные экономические условия. Так, центры проводят такую инвестиционную политику, которая позволит на каждый рубль затрат извлечь максимальную прибыль с одновременным улучшением количественных показателей.

Одним из свойств данной модели является демонополизация всех видов деятельности. Каждому государственному предприятию, работающему в любой сфере деятельности, противопоставлена деятельность арендного или кооперативного предприятия, работающего эффективнее. Тем самым мы искореним один из пороков старой модели – диктат производителя над потребителем. Так, к примеру, в Севастополе была быстро решена проблема транспорта за счет конкуренции государственных и кооперативных такси. Дело дошло до того, что кооперативные такси в борьбе за клиента установили таксу 15 коп. Теперь возможна, благодаря Советам микрорайонов, интеграция всех социально-экономических фондов предприятий через создание акционерных фирм, кооперативов с целью наиболее эффективного вкладывания каждого рубля для получения прибыли с одновременным улучшением количественных показателей, что послужит для каждого предприятия целью увеличения работоспособности каждого работника. Благодаря этой интеграции появляется возможность строительства оптимального для каждого микрорайона набора культурно-спортивных, оздоровительных учреждений, с оптимальной отдачей с каждого квадратного метра их площади, превращение отходов в доходы, обмен фондами и т.д.

Пример. Принимается решение строить в микрорайоне культурно-спортивное оздоровительное учреждение. Деньги на его строительство будут частично получены от Совета микрорайона. Строительство возьмет на себя хозрасчетный центр по строительству…

Константинов Г.Н.: Я поддерживаю эту концепцию, только при одном уточнении – не особенно понравилось то место, где сказано, что затрат никаких не требуется, нужно всего лишь повернуть вектор. Скажите, где он находится, – я схожу и поверну.

Бондарев А.С.: Вектор поворачивается в сторону производства человека тогда, когда коллектив берет в аренду свое предприятие. Сразу же резко меняется система отношений. Когда у вас предприятие было убыточным, все пороки налицо, стоило взять в аренду предприятие, и коллектив в 400 человек в 2-3 раза увеличил свою прибыль. Появилось чувство хозяина, совпадение интересов, возможность активизации человеческого фактора.

При переходе на аренду разрабатываются технико-экономические обоснования, и в соответствии с условием аренды министерство не отнимает всю заработную плату предприятия, а только четко фиксирует размер платежа. Благодаря этому вся экономика работает по кооперативной системе, при которой получение сверхнормативной прибавочной стоимости остается в рамках коллектива и используется им для повышения количественных показателей качества уровня жизни.

Из зала: При смене этого вектора вы хотите сменить производство материальных благ на производство людей. Прокомментируйте, пожалуйста.

Бондарев А.С.: Речь идет о создании модели, которая отработана в колонии Макаренко. Он не занимался специально производством вещей. Его главная цель была – производство человека. Но для этого ему был нужен экономический хозрасчет. И задача экономическая им была решена на таком уровне, который сейчас никому не доступен: за 1-2 года перейти от предприятия по металлообработке к производству ФЭДов, получить 5 млн. прибыли. А работали по 4 часа подростки 18 лет. Американцы подсчитали, что резкая активизация человеческого фактора дает 8 долларов прибыли с одного доллара. Занимаясь производством человека и вкладывая деньги в человеческий фактор, вы тем самым экономические задачи решаете на более высоком уровне.

Для перевода на аренду никаких инвестиций не требуется. Фактически мы имеем просто этот вектор. Но это не значит, что коллектив просто занимается производством вещей и не занимается экономикой. Он занимается экономикой, но на более высоком уровне, одновременно улучшая качество жизни. При переходе на арендные отношения, при появлении чувства хозяина, при совпадении интересов всех – у вас экономические отношения, таким образом, гармонизируются, в результате чего экономические задачи решаются на совершенно другом уровне и эффективность производства возрастает в 2-10 раз.

Из зала: Раз уж американцы все так точно под-

считали, так и предложить им, пусть перейдут на арендные отношения.

Бондарев А.С.: Американцы не могут все передать в руки предприятия или региона, там есть частная собственность, а у нас – государственная, мы можем арендные отношения передать в руки предприятия или региона.

Конкретно для Байкала нужно установить особую экономическую и правовую зону, где бы у нас был аппарат "обеспечения" вместо аппарата "управления", чтобы в каждом микрорайоне были советы микрорайона, где бы были строительные кооперативы, работающие "под ключ" и т.д. И из известных материалов мы производили бы такие материалы, что не нужно было бы фонды искать. Деньги были бы конвертируемые. Мы организовали бы кооперативы, которые по субботам и воскресеньям через Советы микрорайонов давали бы те товары народного потребления, которые нужны.

Из зала: Что это за произвольные цифры, 8 рублей?

Бондарев А.С.: Они не произвольные. Я же говорил, что американцы при активизации человеческого фактора дают рубль, а получают восемь.

Попов С.В.: Не очень понятно, на что направлены вопросы. Суть, мне кажется, лежит в другом, а мы своими вопросами все ходим вокруг да около.

Музыка Ю.В.: Конкретно, где то производство, которое даже капиталист не заметил, чтобы на рубль затрат получить 64 рубля чистой прибыли?

Бондарев А.С.: Это осуществляется в два этапа. По условию нашего эксперимента, советы микрорайона, работающие в условиях хозрасчета, объединяют все фонды социального развития в виде акционерной фирмы и рассматривают, куда их оптимально вложить. Допустим, предполагается создание культурно-оздоровительного учреждения, которое дает прибыль, потому что туда вход равен 5 руб. за час. Но зато мы получаем громадный эффект для здоровья человека. Люди вкладывают деньги, кооперативы строят под ключ, под будущую прибыль. С одной стороны, можно же так построить это учреждение, что пайщиками оно будет эксплуатироваться бесплатно (тем самым мы "привяжем" людей к этому предприятию), но, с другой стороны, именно культурно-спортивное оздоровительное учреждение даст на рекреацию, восстановление сил и т.д. По этой схеме один рубль дает два рубля прибыли. Как за рубежом, где все культурно-спортивные оздоровительные учреждения дают прибыль. Но одновременно через резкую активизацию человеческого фактора, снижение текучести кадров, увеличение дисциплины, они дают чувство хозяина, дают 8 руб. прибыли. Эти 8 руб. опять вкладываются на следующем этапе. Куда вложить, определяется коллективно, обсуждается на совете микрорайона. Мы смотрим, что нам не хватает. Так мы будем улучшать количественный показатель.

Хромов Н.С.: Вопрос от группы "Байкальский регион". Вы эту модель экономического процветания с учетом экологии делали впервые или для какого-то другого региона уже делали? Если в вашу модель внедрить "корабли", бурятский отдельно, иркутский отдельно, то они принесут эффект, о котором вы говорите?

Бондарев А.С.: Они пойдут в одном направлении. Их легко соединить в одно целое.

Хромов Н.С.: А как здесь задействовать интересы самого Байкала, самого байкальского региона.

Бондарев А.С.: Необходимо создать единый экологический территориальный комплекс, чтобы любая деятельность, не соответствующая экологическим требованиям, подвергалась штрафным санкциям. Таким образом, к решению экологических проблем будут подключены экономические интересы.

Попов С.В.: Много, много вопросов. Вы чего хотите понять?

Из зала: Первый вопрос: вы хотите получить прибыль за конечный вид продукции, но где вы хотите ее реализовывать: в своем регионе или в других? Ведь ваша единица продукции будет превышать в несколько раз стоимость ее в другом регионе. Второе: как и в каких пропорциях будет распределяться ваша прибыль на экологические цели? Куда они будут направляться и кем?

Бондарев А.С.: Будет специальный экологический центр, который станет решать эти вопросы. Уже сейчас за рубежом жители согласны платить большой подоходный налог, если эти деньги будут идти на защиту окружающей среды. Через экологический центр все деньги будут центрироваться. Вся прибыль остается в районе, он ею распоряжается и через механизм самоуправления распоряжается оптимальным образом. В первую очередь смотрит на экологические параметры, потому что есть санкции, потом на количественные показатели качества уровня жизни. Деньги не пойдут на поворот северных рек, а пойдут на решение экологических, социальных, продовольственных проблем. Кооперативы, имея лишнюю продукцию, имеют право где угодно ее сбывать, и в том числе за рубежом.

Гурман В.И.: Здесь все говорилось о рублях, но они еще не определяют качества жизни. Для того, чтобы регион превратить в хозрасчетный и достигнуть тех целей, о которых здесь говорили, не достаточно получить рубли. Нужно обеспечить благосостояние. Можно ли сделать это в рамках замкнутого региона – это проблема, которую нужно решать. Но как решать вопрос о том, что можно на рубли купить? Сейчас в стране идет серьезная работа в отношении аренды, семейного подряда и т.д. Появляются соответствующие законы. Появился закон о госпредприятии, где многие вещи, про которые здесь говорили, зафиксированы. При чем здесь особая

зона? Байкал может даже оказаться (по этой схеме) консервативной областью по сравнению с теми преобразованиями, которые рекомендуются для страны в целом. Когда мы вели работу над Концепцией, выдвигался тезис: давайте особое отношение на селе установим, в это время появляется закон о кооперации, который далеко вперед ушел по сравнению с нашими жалкими попытками что-то декларировать. Не ждет ли ваше предложение такая же судьба: в стране появятся серьезные законодательные документы, которые сделают бесполезным объявлять Байкал особой экономической зоной?

Березкин Ю.М.: Я хочу зафиксировать два замечания. Во-первых, очень много эмоциональных и метафорических сравнений и очень мало понятийно оформленных процедур. Все эти "векторы", которые надо "повернуть", "корабли", которые неизвестно куда плывут, "сферы", которые неизвестно что такое, загадочные "производства человека" – все это понятийно не оформлено. Поэтому требует дальнейшей проработки авторов, если они хотят чего-то добиваться.

Попов С.В.: Организационные эффекты перестройки у нас будут распространяться. Они захватывают все большие регионы (они уже захватили Ленгипрогор). И для того, чтобы разговаривать, вам недостаточно сказать, что это все туфта. Либо вы все это сумеете показать, либо они так и будут проектировать. В чем проблема, в чем недостаточность подхода?

Березкин Ю.М.: Недостаточность подхода в том, что схемы, которые предлагаются, мыслительно и понятийно не оформлены. Кроме эмоций, ничего нет и ничего это не доказывает.

Второе: все эти сравнения с западными странами, где какие-то механизмы работают и, якобы, у нас это можно просто так взять и скопировать – ничего не доказывает, потому что у нас это не сработает. Нам нужно вырабатывать механизмы свои собственные. А те предложения и расчеты, о которых нам говорили, – на сто процентов "липовые".

Левинтов А.Е.: Мне приходилось общаться с представителями разных регионов, разного типа и класса, от насыщенных ресурсами (типа Иркутского) до насыщенного интеллектуальным потенциалом (типа Московского) и до совершенно безлюдно пустынных (типа дельты Дуная). Все они представляют собой совокупность планово (или беспланово) убыточных производств. Мне не понятно, как совокупность убыточных производств и привязанные к ним социальные институты, которые никогда прибыли не давали и давать не могут...

Попов С.В.: Это замечание не по существу. Какие цены сделаете, такая прибыль и будет.

Левинтов А.Е.: Если мы пойдем по пути наращивания цен, то возбудим в стране ценовую межрегиональную гражданскую войну и не только межотраслевую. Победит в ней тот, кто других ограбит.

А еще я хочу сделать одно предложение. Я знаю одно верное дело, которое дает 64 рубля чистой прибыли на 1 рубль затрат, а кроме того, очень точно учитывает человеческий фактор. И вы это знаете. Это игра в наперстки. Может быть, надо его активно внедрить, кстати, безо всяких прочих хлопот.

(Смех в зале)

Попов С.В.: Превращение и наращивание рублей – дело очень простое. Организуется оно очень просто – вы договариваетесь с Совмином, чтобы вашей конторе разрешили безналичные расчеты превращать в наличные. Подобные посреднические фирмы получают гигантское количество этих рублей. Там не 1 к 64-м, а гораздо больше. А происходит все так. Я выполняю работу для вас, у вас фонд безналичный, но вам эта работа нужна. Поэтому вы обращаетесь в посредническую контору. Вы им отдаете 10000 безналичными, они вам выплачивают 200 руб. наличными. В результате ничего, кроме наращивания бумажной массы, не происходит.

Из зала: Здесь у нас пока никак не фиксировалась мысль о деньгах, в том понятии, в котором она может воплощаться в структурах хозрасчета. Встал вопрос, как эту бумажную массу оформить и подтвердить массой товарной. Один из принципов – это превращение рубля из бумажного в конвертируемый. Этот механизм следующий: в зачет идут только те деньги, которые реализованы населению. Это деньги реальные, подтвержденные реальной массой товара. Принцип таков – деньги "разноцветные", а нам нужны только такие, которые отоварены. Развиваясь дальше, эти деньги могут вытеснять бумажные, которые мы перебрасываем со счета на счет.

Попов С.В.: Давно пора понять: у нас товарной и денежной экономики нет. Реально все происходит в другом слое. И поэтому кто-нибудь из производственников постоянно говорит, что ему нужны кредиты и финансирование. Не те бумажки, которые ему могут подписать, а обеспеченные фондами и т.д. Фактически все то, что мы называем "деньгами", есть бумажная система перерасчета. А те деньги, которые выдаются населению, товаром не обеспечены, и чем дальше, тем больше. Если бы сейчас население предъявило деньги к обмену на то, что там пишется в бумажках, им бы не смогли выплатить.

Щедровицкий П.Г.: Я хотел бы разделить два разных момента: политический смысл и хозяйственно-экономический смысл кооперативного движения. Первый момент состоит в том, что развитие кооперативов нужно стране для того, чтобы получить некоторую мобильную структуру, независимую от существующего хозяйственного механизма, со своим достаточно мобильным населением и со своими специфическими формами организации. Условия пере-

стройки хозяйственного механизма предполагают, что такое высвобождение трудовых, интеллектуальных ресурсов, определенного рода микрокапитализация будет происходить. Очевидно, что вне сферы кооперативов это сделать трудно. Но на первом шаге возникают те эксцессы, что и на первом шаге в развитии НЭПа и многих других ситуациях, а именно: появляется карликовая торговля, которая работает на использование ситуации дефицита и которая не является показательной с точки зрения хозяйственно-экономических преобразований. Поэтому все, что здесь рассказывается про хозяйственно-экономические эффекты в расчет приниматься не может.

Попов С.В.: Может в локальных ситуациях. А если рассматривать региональные системы, то уже нет.

Щедровицкий П.Г.: То, что было сказано докладчиком, предложено весной 1987 г. Давайте туда мысленно перенесемся и оценим сказанное с точки зрения того момента (когда еще не было летнего пленума и т.д.). То, что говорится здесь, может нам показать уровень нашего продвижения за эти 1,5 года. Мы можем четко оценить: что идеологически работало весной 1987 г., сегодня уже нами осознается совершенно в других тонах. И мы начинаем понимать, что такого рода эффекты мало что дают для преобразования всей хозяйственной структуры (или региональной хозяйственной структуры). Необходимо оттенить то, что было в плане идеологии от того, что мы сегодня понимаем под некоторыми глубинными процессами.

На этой основе может быть сформулирован первый контур проблемной ситуации. Он состоит в следующем: экономические методы регулирования являются надстройкой и относятся, прежде всего, к характеристикам надстройки, а не к тому, что происходит в хозяйственном базисе, если пользоваться марксистской терминологией. А что нужно делать в хозяйственном базисе на уровне региона – это еще вопрос, так как все рубли, которые там пересчитываются – это эффекты в семиотической системе, то есть системе перерасчета и анализа. Причем с учетом того, что в условиях инфляции деньги не являются эквивалентом, а являются товаром. А поэтому кооперативы начинают использовать ситуацию дефицита для того, чтобы эффект прироста денежной массы был бы выше тех 10-12 % ежегодной инфляции, которые мы имеем. Причем удается это сделать только в масштабах карликовой торговли, там эти эффекты и приросты как-то работают. А если мы начинаем смотреть хозяйственный базис, то нужно на первом шаге забыть про все эти фиктивные прибыли и фиктивные перерасчеты фиктивных денег и начать обсуждать вопрос о том, как строить устойчивые и жизнеспособные хозяйственные организмы на региональном уровне.

Разделение этих двух моментов: экономической системы перерасчета и хозяйственной организации крайне необходимо. Без такого разделения мы вообще не сможем обсуждать хозяйственный перерасчет, так как нас все время будет выносить в эти фиктивные рубли и суммы.

Константинов Г.Н.: Передача в аренду произведет дифференциацию доходов с общим понижением среднего уровня жизни. Почему это отвергается – мне совершенно непонятно в этой концепции.

Ладейщиков Н.П.: Я хотел бы сказать об организационных трудностях, связанных с арендой. Появляются трудности преодоления внешнего воздействия на систему Байкал. Во всех вариантах не учитывается необходимость очень крупных вложений, предварительных затрат. Кооперативы должны учитывать одно условие – совершенствование наших научных знаний в экологии и экономике этого региона. На это тоже нужны средства и, главное, большие научные потенциалы.

Попов С.В.: Михаил Александрович [1], ваше замечание по докладу Анатолия Сергеевича [2], последнее. Остальные перенесем на методологическую консультацию.

Грачев М.А.: Я не специалист в вопросах экономики, а, кроме того, я не хотел бы обсуждать доклад, который и без того неоднократно прерывался смехом аудитории, но одно замечание хочу сделать.

Здесь прозвучала мысль, которая может сбить с толку массы народа. Речь шла о том, что на основе мониторинга экосистемы Байкал можно построить систему экономических санкций. Так вот, сегодня это невозможно по целому ряду причин. Во-первых, если взять Байкал как экосистему, то она должна меняться и по естественным причинам, а не только по антропогенным, и различить эти два аспекта не так-то легко. Во-вторых, Байкал крайне неравномерен, и уже в силу этого в разных точках будем получать разные цифры. В-третьих, если мы задумаемся, то поймем, что в Байкале нас интересуют не только те ценности, которые можно измерить рублем.

Я не вижу, как на основе мониторинга может быть построена система экономических санкций. То, что предлагается нашей Концепцией – это мониторинг стоков, анализ конкретных источников загрязнения, следовательно, общего уменьшения неблагоприятного воздействия на оз. Байкал.

Попов С.В.: Хочу обратить внимание аудитории на то, что в дискуссии между представителями груп-

[1] Грачев М.А.
[2] Бондарев А.С.

пы и остальными игроками фиксируется ряд проблем. Я хочу поставить их на обдумывание и обсуждение.

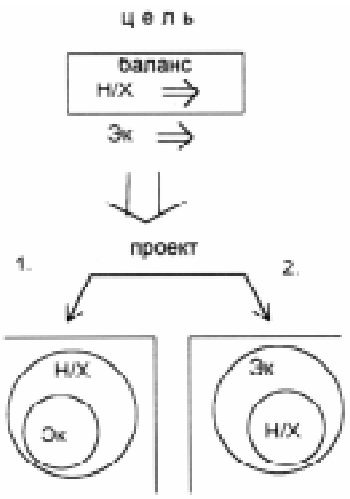
Все участники обсуждения указывают на то, что когда нам предлагают организационную форму (и вообще идею), то первое, с чем мы сталкиваемся – это отнесение этой формы, то есть слов, словосочетаний, схем и т.д. к содержанию. Конечно, жить было бы здорово, если бы все было устроено так – что подумали, то и происходит. Но если мы строим реалистические предложения и, вообще, работаем реалистически и практически, то первое предположение, которое мы должны в наше заключение заложить, что мир устроен не так, как мы думаем. Нужно искать рассогласования, а не соответствия. Так как соответствие в схеме всегда можно найти и даже ряд примеров привести, но осуществлять обратную процедуру гораздо сложнее.

По мере расширения демократизации мы все чаще будем попадать в ту ситуацию, в которой оказалась Концепция Академии наук. Когда ученые предлагают свои представления, то к ним должны выработать свое отношение люди некомпетентные, никогда не занимавшиеся такого рода работами. Проблема демократизации в следующем: если переход от знания (научного или другого) к формам публичным и даже бытовым специально не производится, то единственное, что могут заработать ученые, – это недоверие, даже если их теоретические схемы очень хороши. Шаг необходимости – перевод знания в совершенно другие формы. Все ваши высокотеоретические экологические рассуждения до тех пор, пока они не будут переведены на уровень бытовой информации о здоровье, качестве пищи, воздуха и т.д., действия не возымеют. И наоборот, если общественность не научится анализировать и проблематизировать предлагаемое наукой (проблематизация – выделение мест, с одной стороны, где предлагаемое будет работать, и с другой, где – нет, а также – выделение ядра рассуждения), то соответственно, работать не сможет.

Мы здесь моделируем один из важных моментов, присущий ситуации на Байкале. Это проблема взаимоотношения разных групп населения. Если мы не научимся понимать друг друга, когда говорим на разных языках (а это один из ключевых пунктов, одна из главных причин того, что система взаимодействия не может быть построена), то либо мы будем одурманены чьими-то красивыми схемами, а потом будем жестоко разочаровываться, либо мы с самого начала сумеем установить контакт с этими носителями знаний, но на деловой основе, и будем эти схемы воспринимать критически. Вообще-то, теорию серьезно воспринимать нельзя, ее следует воспринимать с юмором.

Из зала: Наша группа “Структурная политика размещения производительных сил в регионе”, с целью экономии времени исходила из данных некоторых других групп. Мою задачу очень облегчает только что прошедшее обсуждение первого доклада. В результате знакомства с проблемой и дебатов, которые возникли при обсуждении, мы пришли к следующему: развитие производительных сил в регионе должно происходить с условием сбалансированного развития региона на основе соблюдения экологических требований. Уровень экологических требований мы считаем известным. Таким образом, цель – это баланс развития народного хозяйства при удовлетворении экологических требований. В данном случае к размещению производительных сил у нас выработалось два подхода и, соответственно, два механизма проектирования размещения производительных сил. Единство этих двух проектов в том, что они, так или иначе, хотят подойти к сбалансированности, учитывая, что остается задача повышения благосостояния населения данного региона.

По мнению некоторых, желание непрерывного повышения благосостояния может привести к тому, что наступит момент, когда станет нужно пожертвовать экологическими требованиями в угоду увеличения производительных сил в регионе, так как другого пути повышения благосостояния не будет. В первом варианте приоритет в подходе к проектированию размещения производительных сил – это народнохозяйственный комплекс (см. рис. 14). Второй вариант: с тем, чтобы обеспечить неуклонное соблюдение экологических требований при размещении производительных сил. Здесь приоритет сознательно отдается экологическим требованиям. Может возникнуть вопрос: как с этим быть? Нужно будет размещать производства, которые нужны (может, даже и не региону) народному хозяйству, и возможность их размещения есть только в районе оз. Байкал.



В этом случае, зная экологический уровень, мы должны либо решать вопрос за счет совершенствования технологий существующих производств, снижать их влияние на экологический уровень, либо за счет вывода некоторых производств за пределы зоны в этом же регионе, либо выводить их в другие регионы, а взамен отдавать народнохозяйственному комплексу то, что требуется, но при этом постоянно сохраняя условия экологического уровня. У меня все.

Из зала: Я считаю, что выводить в другой район – это значит загрязнять там.

Из зала: Я вас понимаю. Нельзя выносить это производство, например, в Башкирию, где обстановка и так во много раз хуже, чем на Байкале. Но большинство склоняется не просто к выводу, а к уменьшению влияния на экологию.

Попов С.В.: По отношению к вашему тезису возникнет целый ряд возражений, ибо вы даете идеологическую уловку отсталой промышленности. Решение же лежит не в размещении, а в другом, в частности, в том, что нужно строить альтернативные программы. Но для этого, прежде всего, нужно поменять систему приоритетов.

Щедровицкий П.Г.: Я хочу отнестись к вашему тезису о том, что некоторые производства нужны не региону, а народному хозяйству. Что это за такое "народное хозяйство", которое не сводится к интересам тех или иных регионов? Если есть какой-нибудь регион, которому это производство нужнее, чем вашему, то пусть они и размещают его у себя. Вы говорите о каком-то мифическом "народном хозяйстве", которого в помине никогда не было и нет.

Попов С.В.: Которое выдумали и которым по голове лупят доверчивых людей.

Щедровицкий П.Г.: До тех пор, пока вы не ответите на вопрос, что это за интересы "народного хозяйства", не сводимые к интересам отдельных регионов, вы имейте ввиду, никакого продвижения в вашей группе не будет, так как за интересы "народного хозяйства" будут выдаваться удивительные проекты и программы, не имеющие никакого значения.

Из зала: Могу привести пример такого народнохозяйственного интереса, не сводимого к интересу отдельного региона – Транссибирская магистраль.

Щедровицкий П.Г.: Извините, любой регион заинтересован в том, чтобы в нем осуществлялось развитие инфраструктур. Просто делать это надо нормально. Проблема размещения производительных сил должна решаться так, что регионы должны драться за право их размещения на своей территории, и друг у друга вырывать проекты. А если они отпихивают, значит, проекты поганые.

Попов С.В.: История Транссиба свидетельствует о том, что купцы Томска откупились, чтобы через них не шла дорога. После этого они оказались на обочине прогресса. Но это выяснилось потом. Кстати, Транссиб, когда он проектировался, то проектировался в системе освоения. То есть планировалось развитие регионов, а не просто дорога.

Из зала: Речь идет о том, как это сделать.

Попов С.В.: Но при этом не стоит прикрываться тезисом, что это какие-то мифические государственные интересы.

Щедровицкий П.Г.: Вы, обсуждая проблему размещения и переразмещения производства, исходите из идеи концентрации производства, которая была выработана в двадцатые годы и предполагала создание единых энергетических комплексов. Эта идеология сегодня заведомо устарела. Нужна деконцентрация, децентрализация, разукрупнение производства, тогда вопрос о размещении производительных сил будет стоять иначе. Если же вы будете продолжать опираться на заведомо ложную концепцию эффективности больших производств и концентрированных производств, то ничего кроме экологической разрухи не будет. Третье замечание: ваша группа не подошла к ответу на вопрос – чем производительные силы и понятие производительных сил отличаются от простого производства и что нужно, кроме производства, чтобы появились производительные силы.

Из зала: С третьим замечанием я согласен. А по первому и второму я могут дать разъяснения. Простой пример: месторождение асбеста. Для республики сегодня разработка этого месторождения ничего не дает. Район, где оно расположено, не нуждается в этом виде разработки. Но для государства очень нужно было бы эту разработку провести.

Попов С.В.: В соответствии с вашей логикой мы

[1] Щедровицкий П.Г.

берем и начинаем осваивать месторождения Тынгиз и др. в Астрахани, в Прикаспийской впадине. Именно основываясь на вашей идеологии – кушать надо сегодня. Что мы с этого имеем? Мы имеем уничтожение посевных площадей и животноводства в Оренбургской области, Казахстане.

Из зала: Не потому, что осваиваем, а потому что плохо осваиваем.

Попов С.В.: Мы стараемся освоить, как умеем, но при этом заранее знаем: 70 % того, что там находится, вследствие нашей технологии там навсегда останется. Добыть это будет невозможно: газовый конденсат превращается в смоляные вещества и осаждается. Так, может, и не осваивать, пока не выработаем новую технологию?

Из зала: Нет настоящих потребностей, ненадуманных.

Попов С.В.: Конечно, ведь там, в Оренбурге, на газовом комплексе, лежат горы чистейшей серы, которую мы никому не продаем, так как это стратегическое сырье, но зато у Польши покупаем, потому что отношения с братской социалистической страной нужно поддерживать. Вот и надо поставить вопрос: может, мы изначально неправильно подходим к этому "кушать сейчас надо"? Но ведь асбест же мы не кушаем, мы его тратим бездарно. Подлинный государственный интерес не в том, чтобы хапнуть, что ближе лежит.

Фильшин Г.И.: Сейчас мы ведем неквалифицированный, некомпетентный разговор, который нас никуда не приведет. Первое, вопрос о размещении производительных сил решается всегда конкретно по каждому предприятию, и по каждому региону. Там такое множество вариантов и сочетаний, которые мы таким составом и громкими словами не решим. Мы занимаемся абсолютно бездарным и ненужным делом, пытаясь на абстрактных примерах определить закономерности размещения, которые сложны настолько в каждом конкретном случае, что это нельзя обсуждать абстрактно, как, кстати, и любовь.

Теперь конкретно по трем возражениям, которые здесь выдвигались. Проблема есть, но не там, где ее ищут. Проблема в том, как нам сейчас развиваться. Лучше использовать то, что сейчас добываем и производим или вовлекать в хозяйственный оборот новые ресурсы? И это решить не так просто. Речь идет не о том, чтобы отказаться от концентрации производства или отказаться от территориального разделения труда. Первый тезис Петра Георгиевича [1] сориентирован на то, чтобы отказаться от территориального разделения труда. Это нонсенс для любого, кто когда-то занимался этим вопросом.

Щедровицкий П.Г.: Если оно вообще есть.

Фильшин Г.И.: Территориальное разделение труда так же объективно существует, как существует отраслевое разделение труда. И имеет ту же самую эффективность для народного хозяйства, что и отраслевое. Последнее время мы этой проблеме стали уделять меньше внимания и отсюда у нас 20 % транспортных затрат. Это проблема, что мы везем куда угодно и что угодно.

Второй вопрос. Народнохозяйственные и региональные интересы всегда присутствуют и их надо согласовывать. Да, Иркутской области невыгодно производить 100 % кордной целлюлозы страны, но лучшего места нет в стране для того, чтобы произвести эту кордную целлюлозу. Половину вискозной целлюлозы производит Иркутская область, потому что здесь вода, лес определенного качества. Я понимаю ваше настроение: а нельзя ли это выгнать? Но тогда где же это производить? Ведь туда же надо будет везти лес.

Вопрос о концентрации производства. Нельзя это все выплескивать – лишь бы оригинально было, не задумываясь, имеется ли в нем здравый смысл. На идее концентрации базируется экономика всех стран. Другой вопрос, что концентрация производства, по Ленину, имеет ограничения. Сегодня в Братском промышленном комплексе транспортные затраты стали превышать эффект от концентрации. И экологические проблемы встали в противоречие с уровнем концентрации. Но не потому, что излишняя концентрация, а из-за технологий. На самом деле концентрация как раз и позволяет выйти на экономичные технологии, так как следующее предприятие утилизирует отходы предыдущего производства. Концентрация имеет ограничения, но ничто не может ее заменить (пока). Если мы распылим производства, то эффекта не получим. Только на крупном предприятии можно внедрять современную технологию. Другой вопрос, что нам нужны минизаводы, мы это знаем. Но это нужно рассматривать конкретно.

Теперь третье положение. Вопрос можно было бы обсуждать о согласовании экономических, производственных, социальных и экологических подходов. Единство этих подходов и обеспечивает развитие производительных сил. А просто играть словами "производительные силы" нельзя. Я не хотел бы вступать в дискуссию непрофессионалов, а если она все-таки нужна, ее нужно вести на достаточно высоком профессиональном уровне.

Попов С.В.: Некомпетентностью нас пугать нечего. Вы ссылаетесь на то, что такого рода производства сегодня есть и, таким образом, это решается. Но это не навечно. Не надо этим как объективным обстоятельством замораживать мысль. Но вы абсолютно правы в том, что обсуждать надо тщательно и квалифицированно. Но это не значит, что это надо делать только с избранным кругом специалистов. Если вы хотите, чтобы ваши концепции были задействованы, если вы не хотите жить в командно-адми-

нистративной атмосфере, вы обязаны переводить их в формы, понятные всем, даже неспециалистам. Это должны быть такие формы, которые люди могут проверять своими некомпетентными суждениями.

Щедровицкий П.Г.: Первый момент. Вы утверждаете, что есть территориальное разделение труда. Это глубокая ошибка. Начинать надо с того, что СССР сегодня выключен из мировой системы разделения труда, а, следовательно, из мировой системы торговли. Традиционные предметы нашего экспорта: нефть, лес, газ, оружие – сегодня практически никому не нужны. Мы потеряли 13 млрд. в прошлом году, потеряем столько же в этом и будем терять дальше. Если ресурсная специализация может еще проводиться сегодня Австралией, то нами уже нет.

В связи с выключением из мировой системы разделения труда мы имеем сложную ситуацию внутри. Если вы рассматриваете структуру нашего хозяйства как автаркную, тогда вы должны этот тезис показать и доказать. Либо вы должны признать, что традиционная система разделения, но не труда, а ресурсной организации, продолжает работать в условиях, когда страна стремится выходить на мировой рынок и включаться в мировую систему разделения именно труда. Что касается разделения труда и специализации, то его у нас не может быть, так как большинство регионов вообще не имеет массива квалифицированной рабочей силы. А поэтому так называемое "разделение труда" есть привязка к ресурсной базе и ничего больше.

Второй момент – транспорт, который "затрачивает 20 %". Не надо было в 1927 г. изменять характер тарифных платежей, поскольку идеология превращения страны в большую фабрику, которая начала развертываться с 1924-1925 гг, делает экономичными большие транспортные линии. Поэтому очень экономично везти за 3000 км в соответствии с этой специфической концепцией индустриализации. Сегодня эта концепция индустриализации не работает.

Сегодня нам не нужна индустриализация. Нам нужна рациональная деиндустриализация. А в связи с этим нужно возвращать назад систему тарифных платежей, которые обеспечивают политику, а не учитываются как издержки. И вводить систему тарифных платежей для того, чтобы строить региональные системы, чего вы вообще не обсуждаете.

Третий момент. Вы сказали: "лучшие земли". Извините, кадастра земель у нас вообще нет. Рента у нас отменена. Вы мне не расскажете, как специалист, каким образом Вы собираетесь восстанавливать рентные платежи?! Этого сегодня не знает никто! А что касается попыток построить некоторые "кадастры" по отдельным аспектам, то пока это ровным счетом ничего не дает для продвижения этой темы.

Последний момент: то, что Вы сводите все проблемы размещения производительных сил к аспектам технологии, показывает, что политики размещения производительных сил сегодня у нас нет. Я повторяю – политики! Дело не в том, что у вас нет методик перерасчета и обоснования, а в том, что нет политики. И поэтому Вы готовы обосновать любое решение.

Михайлов А.В.: Замечание относительно экологических требований, которые закладываются в основу предложенных схем развития и первым, и вторым докладчиками. Я занимался проблемой экологического мониторинга. В нашей стране такой мониторинг в ближайшие 5-7 лет невозможен.

Здесь присутствует Н.К. Гасилина. Нина Константиновна, если я вам завтра положу такие требования, вы подпишите?

Гасилина Н.К.: Госкомгидромет не осуществляет экологического мониторинга. Это глубокое заблуждение. Мы еще не имеем экологической модели, под которую мы можем строить мониторинг. Мы выполняем работы в рамках одного "кирпичика", из которых состоит этот мониторинг – осуществляем наблюдение за загрязнением природной среды.

Михайлов А.В.: Как можно закладывать в одном случае, что экологические требования известны, а в другом, что они будут разработаны в ходе проекта (как говорил один и второй докладчики)? Это изначально нерабочие предпосылки, а как будут работать ваши проекты в дальнейшем?

Из зала: Сегодня мы размещаем производство на уровне тех требований, которые нам известны.

Михайлов А.В.: Нет экологических требований. Не надо путать экологические требования к проекту и экологические требования к мониторингу.

Из зала: А я о мониторинге не упоминал.

Гасилина Н.К.: "Экологические требования" и "экологический мониторинг" – разные вещи. И у нас нет пока ни того, ни другого. Существуют нормативы, а это не экологические требования. Нормативами сейчас руководствуются при размещении производительных сил. И когда мы согласовываем эти все требования на выбросы, на сбросы – это предельно-допустимые концентрации, но это не экологические требования. Пока у нас такого нет.

Из зала: Сегодня в вашем понимании это ПДК и ПДВ, а завтра вы выработаете и дадите в наш механизм другие уровни ограничений (или как вы там назовете).

Чебаненко Б.Б.: Я хотела бы вернуться к вопросу о централизации и децентрализации промышленности. С экономических позиций централизация возможна и целесообразна, но с экологических позиций это абсолютно нецелесообразно. Другие страны это поняли.

Если в районе расположено мощное предприятие, то та антропогенная нагрузка, которую оно дает на среду, оказывается больше, чем та, которую рай-

он с его особенностями может переварить. От мощных предприятий возникает изменение микроклимата, приток ультрафиолета и т.д. Если мы хотим улучшить экологическую обстановку, то мы должны думать также и о децентрализации промышленности.

Из зала: Это впрямую не относится к моему вопросу. Но не соглашусь с вами, я считаю, что снижение уровня вредного воздействия на более концентрированном производстве легче произвести, чем на рассредоточенном производстве, за счет совершенствования технологии.

Мрост А.Ю.: Вы связываете благосостояние с развитием производительных сил. Я живу в Москве, но особого благосостояния развитые производительные силы не принесли. Где гарантия, что это будет здесь? Вероятно, дело не в развитии и размещении производительных сил, а в производственных отношениях, которые вообще не обсуждались.

Теперь об экологизации производства. При нынешних производственных отношениях производитель не может быть заинтересован в экологизации производства. Нигде в мире вы не найдете подрядчика, который был бы заинтересован в экологизации производства. Поэтому из предлагаемой модели получится, что производство, обернутое якобы в бумажку экологизации, проскочит в Байкальский регион. Получится эффект, обратный тому, на который вы рассчитываете.

Из зала: У нас получилось два проектных решения. Мы действительно не рассматривали производственные отношения. Может быть, потому, что мы еще не подошли к этому, но мы имели в виду, что эти вопросы будут рассмотрены другими группами.

Большаков А.Г.: Первое замечание – по поводу изложенной концепции. Мне кажется, что ставить экологические цели в виде ограничений развития экономики – неправомерно. Экологические вопросы должны решаться не вопреки развитию экономики и повышению благосостояния, а так, чтобы в развитие должно было включаться состояние окружающей среды. Таким производством является благоустройство городов, культивирование биологических ресурсов. Применительно к Байкалу это должна быть такая система производств, которая способствовала бы наполнению водосборного бассейна Байкала чистой водой. “Байкал – фабрика чистой воды” – так можно было бы обозначить эту мысль.

Второе замечание – о вопросе централизации и децентрализации производства. Приведу пример. Когда обсуждался вопрос о строительстве Дальневосточного металлургического комбината, то решали, строить ли единое предприятие на одной площадке, либо пятнадцать маленьких заводов, разбросанных по всему Дальнему Востоку.

В случае, если строить пятнадцать маленьких заводов, нужно устраивать большую сеть коммуникаций (инженерных, транспортных и др.), затраты на которую (энергии, территории и пр.) оборачиваются в пользу экологии.

В теории градостроительства существовали предложения о том, чтобы раздать жителям Америки по одному акру земли и застроить коттеджами с густой сетью автомобильных дорог. Но сегодня понятно, что это так иссечет территорию, что нанесет непоправимый вред экологии.

Дружинин В.Н.: Мне кажется, что данный проект – это попытка разработчиков вложить в него свой сегодняшний интерес и вынести его в будущее. В этом плане он переплетается с предлагаемой наукой Концепцией, которая, вообще, служит для латания дыр. Поэтому он тоже ничего не дает в плане продвижения в игре.

Бочкарева Т.В.: Здесь уже много говорили о концентрации и деконцентрации. Но произошла путаница, когда говорили о формах размещения и политике размещения. Нужно переходить в план политики и рассматривать, в каких условиях нужно проводить концентрацию, а в каких – деконцентрацию.

Шайхутдинов Р.Г: Два тезиса. Когда мы обсуждаем размещение производительных сил, мы исходим из того, что производительные силы уже есть и нам их нужно только разместить. Такая идеология сложилась в условиях, когда нужно осваивать новые земли и размещать там производительные силы, или в условиях строительства нового производства и размещения его в условиях, когда определенные производства на территории уже есть. Когда же мы ставим вопрос о региональном развитии производительных сил, то нужно смещать эту точку зрения и обсуждать накопление производительных сил, ставить вопрос о ресурсообеспечении производительных сил.

При этом нам приходится усомневать наличествующее у нас понятие “производительных сил” и обсуждать более сложное понятие производительных сил как возможности и способности производить. Например, обсуждать: является ли национальное самосознание ресурсом производительных сил. Нужно, на мой взгляд, усложнять понятие производительных сил.

Михайлов А.В.: Теперь, с учетом всех выступавших, вы можете сказать, что в этой схеме заложено нового?

Из зала: Это безусловное обеспечение развития народного хозяйства в регионе с соблюдением экологических возможностей. Конкретно я могу сказать, что, проработав 30 с лишним лет в регионе, я не встречал приоритетной модели, чтобы при согласовании размещения производительных сил и производств резко ставили вопрос о выполнении экологических требований.

Михайлов А.В.: Ну, нет таких требований, а что

нового? Что нового в вашей модели без этих требований?

Из зала: Если нет требований, будем считать, что нет и модели.

Бочкарева Т.В.: Нужно поставить под сомнение все ваши рассуждения изначально, так как вы говорили о развитии структуры производительных сил, используя схему, которая позволяет выходить на проектирование, в то время, как все ваше рассуждение строится на идее баланса. А идеи развития и баланса противоречат друг другу.

Из зала: Почему?

Попов С.В.: Потому что баланс можно рассчитывать лишь при наличии чего-то. И именно поэтому идея баланса противоречит идее развития, так как если вы стоите на идее развития, то вам приходится сбалансировать то, чего еще нет.

Из зала: Почему нет? Это неверно. Мы сегодня можем определить (по тем нормативам, которые есть) влияние существующего производства на природу.

Попов С.В.: А влияние несуществующего производства? Оно, кстати, чем дальше, тем быстрее появляется.

Из зала: Несуществующее, значит, его еще нет, но прежде чем оно появится, мы должны определить: посадить его здесь или в другом месте. Мы же рассматриваем структуру, определяя возможность управления этим процессом.

Попов С.В.: Но тогда вы экологических требований (которые от вас просят) никогда не выработаете. Вы всегда будете реагировать на разработанные другими технологии производства.

Из зала: В свой группе мы их, конечно, не выработаем, но мы считаем, что они должны быть.

Якобсон А.Я.: Я хочу развить мысль о том, что тут нужно говорить не о производительных силах, а о производственных отношениях. Дело в том, что из этой схемы получается, что у нас как бы два контрагента: экология и народное хозяйство (см. рис. 14). Есть промышленность, которая несет загрязнения и есть регион, который желает быть экологически чистым. Но при существующей сегодня сложной системе хозяйственных механизмов даже самое грязное производство все же несет благосостояние.

Возьмем Иркутскую область: Ангарск – самый благополучный во многих отношениях город. Да, он самый неблагополучный экологически, но зато с самыми хорошими магазинами, жилищным строительством и т.д. Далее, Байкальск. Поднимался вопрос о том, как поведет себя байкальский рабочий, даже самый сознательный, если ему скажут не увольняться, а здесь же работать, на производстве, которое выпускает мебель, и в котором не заинтересована оборонная промышленность? Что будет с благосостоянием в г. Байкальске, жилищным строительством, со снабжением?

Сравним Иркутск и Красноярск. Г.И. Фильшин сравнивал, приводя Красноярск как пример крайне неразумной концентрации производительных сил. Да, но если сравнить социальный уровень Красноярска и Иркутска...

Попов С.В.: Это понятно, но также понято и то, что сравнивать лишь по аспектам производства и экологии явно нельзя. Необходимо анализировать еще по целому ряду параметров. Хотя, вероятно, кое-кто из ученых об этом не догадывается.

Из зала: Когда мы говорим о развитии производительных сил, то должны иметь в виду ресурсную базу, а в сельском хозяйстве положение обстоит очень сложно: земельные ресурсы настолько подорваны, что стоит вопрос о сокращении этой базы. Ресурсная база уже сейчас в ужасном состоянии, а развивать уровень производства надо. Этого сложного вопроса промышленность не касается.

Зубков В.С.: Я представляю неформальное движение “В защиту Байкала”. Хочу сказать о том, что существующую схему мы представляем как взаимодействие общества и окружающей среды. И будем говорить об обществе, которое для дальнейших рассуждений представляется в виде небольших блоков, инфраструктур. Следующий уровень: производство, наука, органы контроля. Самый верхний уровень – это политико-административная система (см. рис. 15).

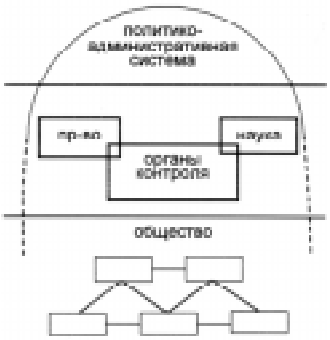


Рис. 15

В области очень сложная экологическая ситуация. Возникают экологические конфликты. Существующая система не справляется с выводом из кризиса, и для этого, чтобы выйти из ситуации, возникает необходимость неформальных движений.

[1] Имеется в виду борьба неформальных движений по защите Байкала против строительства трубопровода для сброса стоков БЦБК в реку Иркут – одного из пунктов Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 13.04.87 № 434 “О мерах по обеспечению охраны и рационального использования природных ресурсов озера Байкал в 1987-1995 гг.”. Впоследствии этот пункт постановления был отменен.

Наиболее яркий пример – история с Трубой [1]. Жители всей области, узнав о проекте, расценили это как попытку сохранить БЦБК. Ряд специалистов нашего города собрали информацию, сделали экспертизу. Выяснили, что из 30 мутагенных и канцерогенных токсичных веществ контролируется всего 2. Конфликт разрастался – от сбора подписей до уровня обкома. Были конфликты и с облисполкомом, горсоветом. Были конфликты и с представителями науки, когда вызывали в обком, и сам М.А. Грачев отстаивал позицию, что эти стоки – не мутагенные, не канцерогенные. Это я рассказываю, чтобы вы поняли, что это не какая-нибудь искусственная схема, а реальная. Мы видим смысл движения в выявлении болевых точек и организации альтернативной позиции по какой-либо конкретной экологической проблеме (см. рис. 16).

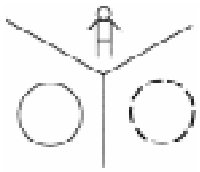


Рис. 16

Сейчас мы находимся во второй позиции, пытаемся осмыслить. Движение находится еще в стадии формирования. Для нас из основных подходов к разработке программы или модели неформальных движений два аспекта наиболее важны: социальный аспект (первый план) и то, что конфликты нужно предупреждать (изучая ситуацию, стремиться к их предупреждению).

Шайхутдинов Р.Г: Два замечания. Массовость Движения и разбор Движением мелких конфликтов является выгодным тем, кому Движение противопоставляется, потому что тогда у Движения не остается времени, чтобы заниматься принципиальными, основными вопросами и выделением проблем. Второе. Может быть, более выгодная стратегия: параллельно с развитием массовости Движения осуществлять подготовку мелких групп, которые бы являлись сверхподготовленными, так как возможности у таких групп много шире, чем у самого Движения.

Попов С.В.: В Движении нужно создавать комплексные группы специалистов, которые по своей квалификации превышали бы ученых.

Зубков В.С.: Собирая материалы по Трубе, мы именно так и поступали. Собирали материалы в институтах, которые эти материалы придерживали, так как была установка на сохранение БЦБК. Собирали эти разноаспектные материалы и пытались свести эту информацию воедино.

К тому Движению, которое сейчас существует, кандидаты наук, доктора пока не присоединяются. В этом направлении мы и работаем. Мы стремимся гасить конфликты и привлекать ученых, специалистов к проведению экспертиз.

Тарноруцкий С.А.: Если вы привлекаете в свои ряды профессионалов, то вы попадаете в замкнутый круг. Ведь они имеют корпоративные интересы и их отстаивают. Почему они должны эти интересы менять, придя к вам?

Зубков В.С.: Проблема настолько остра, что ряд ученых, имея информацию, встают на этот путь.

Тарноруцкий С.А.: Что им мешает встать на этот путь, находясь на своей должности?

Ознобихин Ф.И.: У него есть данные, он их дает, но система – “шляпа”, которая сидит на нем и по своей схеме работает – эту информацию топит, либо делает ее выгодной, либо вообще уничтожает. А здесь через общественность он несет ее напрямую.

Чебаненко Б.Б.: Это Движение возникло стихийно, как протест против одного из пунктов Постановления. Когда эта проблема была закрыта, Байкальское Движение задумалось, что же делать дальше: либо бросаться на амбразуры других критических ситуаций, либо принимать меры для того, чтобы деятельность была более целенаправленной. Мы обнаружили, что в создании байкальской ситуации много факторов и участвует много систем: а) партийная, б) хозяйственная, в) научная и т.п.

Мы считаем, что путь выделения региона позволит сформировать, назначить, выбрать (если хотите) в этом регионе хозяина, который будет ответственен за состояние оз. Байкал и будет контролироваться общественностью. Что касается науки, то не нужно думать, что кто-то сидит и боится давать данные, так как не защитит докторскую. Все не так. Дело в разрозненности. Один ученый сказал: “Экология – очень просто: надо всего лишь знать около 100 научных дисциплин. Только тогда мы можем взглянуть на целое”. У нас такого нет. Когда был конфликт с Трубой, мы взялись собрать информацию о Байкале, стоках и т.д. Выяснилось, что у различных институтов разные аспекты этого вопроса имеются, осталось только сдвинуть их в одно целое.

Из зала: Какое ваше отношение к Байкальскому фонду и какую вы хотите занять позицию в будущем?

Зубков В.С.: Нас настораживает, что он может оказаться заформализован. Но сотрудничать мы, конечно, собираемся.

Бочкарева Т.В.: Начиная любое дело, надо знать, что делалось до тебя. Но не похоже, что вы знакомы с опытом как зарубежным, так и нашим. Это уже пройденный этап. Движение “зеленых” вывело свое движение в политический план. В США создаются

объединения, которые участвуют в проведении экологической экспертизы. Они считают, что они перешли на другую ступеньку по сравнению с "зелеными" в странах Западной Европы. Они считают, что они отошли от стратегии "стоп-экологии" и перешли к стратегии "конструктивной экологии". Нужно представлять это и понимать свое место в этом движении, с одной стороны, а с другой стороны, иметь более четкую свою позицию, свою программу. Иначе вас никто не поймет и в контакт с вами не вступит.

Зубков В.С.: Я сказал, что одна из наших установок – предупреждение конфликтов, а не ждать, когда они вспыхнут. Относительно контактов с другими движениями. Мы контактируем с многими городами СССР.

Тергоев В.И.: Бочкарева Т.В. сказала, что прежде чем начинать, надо проанализировать, что было до этого. Но когда дом горит, трудно анализировать ситуацию, из-за чего он загорелся – надо сначала потушить. То, что он горит, подтверждается тем, что мы здесь собрались.

Я хочу остановиться на том, что и какими методами нам нужно делать. Мы согласны, что основой для поддержания экономики является социальное положение местного населения. Через отношение местного населения к производству возникает отношение к местному хозяйству и к Байкалу. Никто не заставил бы ни одного браконьера браконьерничать, если бы он был хозяином на своем озере. И никто не заставил бы людей, работающих на заводе, интересоваться только своей зарплатой, а не состоянием озера, если бы они были его хозяевами. Отсюда вывод: необходимо в ближайшее время решить проблему изменения формы собственности и передачи местных ресурсов в руки непосредственным хозяевам. Это можно сделать даже конституционным путем. Видно, что экологическое движение может перейти на политические платформы. Это неизбежно. При решении конкретных экологических вопросов выход идет даже не на ведомства, сколько на административно-хозяйственную и партийную систему.

Тахтеев В.В.: Белла Борисовна, эта практика, о которой вы сказали: бегать, собирать информацию и там, и здесь – она ни к чему не приведет. Вообще, неверный ход – собирать информацию об умирающей природе. Нужна другая информация. Важнее даже то, что наука держит монополию на истину и отдавать ее никому не собирается, в этом ее интерес. Если движение собирается развиваться дальше, а не затухать и не быть игрушкой в руках заинтересованных сил, то почему бы ему при себе не создавать (по аналогии с профессиональными революционерами) профессиональные группы специалистов, которые работали и отнимали бы у науки монополию на истину.

Лошаков В.И.: Была проведена аналогия с горящим домом. Но вы же не бросаетесь в горящий дом сломя головы, а оцениваете ситуацию. А Байкальское Движение слабо тем, что оно не оценило общей ситуации в стране (а не только в регионе) и не нашло свое место в этой ситуации. Поэтому Байкальское Движение попало в условия, когда любой нечестный, но умный человек, преследуя свои цели, интересы, может вести его за собой.

Попов С.В.: Несмотря на это, они существуют, и в этом их сила. А другие предпочитают сидеть на своих местах и "объективно отражать ситуацию". Это хорошо советовать из своего кабинета. Предохранение от демагогии, фальсификации и политики спрятано не там, где вы ищете. Единственный способ избежать всего этого – все время бежать вперед (особенно в условиях массовой культуры к демократизации).

Из зала: Но надо знать: в каком направлении бежать. А иначе можно повредить Движению.

Попов С.В.: Вы работаете в структурах тоталитарного сознания. Как вы собираетесь пресечь политическое манипулирование? Единственное, что можно, это запретить другим организовывать движение.

Лошаков В.И.: Нужно держать в поле зрения общую ситуацию, а для этого нужно обладать достаточной информацией. Строить стратегии...

Попов С.В.: Но гарантий, что вы нигде не ошибетесь, никто дать не может.

Лошаков В.И.: Конечно, от этого никто не застрахован.

Попов С.В.: Но в чем же тогда вывод из всего того, что вы говорили? Вывод-то напрашивается совершенно банальный: раз никто не застрахован от фальсификаций и политической демагогии, то нужно, не обращая внимания на подобные последствия, все равно действовать и работать.

Зубков В.С.: Мы работали и в области политики. На XIX партконференцию мы выдвинули ряд кандидатур. И удивительно, что рядовые коммунисты поддерживали кандидатуры Широбокова, Мадонова, и только манипуляции в нашем Кировском райисполкоме затормозили их выдвижение. Мы на митингах критиковали позицию Лигачева. Мы понимаем, куда мы идем и с кем имеем дело.

Попов С.В.: Здесь обратная сторона. Манипулирование, как вы говорите, тоже вещь нормальная в условиях политической борьбы, так как защищаются теми средствами, которые есть. И было бы наивно предполагать, что аппарат возьмет и все вам отдаст.

Масленникова А.А.: Группа "Экологический маразм". У меня три вопроса. В чем заключается конфликт? Кто является конфликтующими сторонами? Какие интересы отстаивают конфликтующие стороны?

Зубков В.С.: В той ситуации, про которую я рас-

сказывал – ситуация с Трубой, конфликтующими сторонами являлись жители Приангарья, с одной стороны, и ЦК КПСС и Совмин, которые утвердили этот проект, с другой, а также все те люди, которые готовили проект.

Попов С.В.: В этом вопросе скрыт подвох, и к нему, как и к каждому вопросу (даже Группы "Экологический маразм") нужно относиться серьезно. Далеко не все столкновения лбами являются конфликтами. Второе, далеко не за всяким конфликтом есть действительная проблема. Может, это недоразумение или просто непонимание. Поэтому, когда вы анализируете конфликт, вы должны для себя отвечать: кроется ли за ним проблема и действительное столкновение интересов и каких? В данной ситуации сталкивались не те силы, которые вы назвали. Как это население может с ЦК КПСС столкнуться?

Максимов В.П.: Я хочу возразить Шайхутдинову Р.Г. о том, что Байкальскому Движению нужны суперспециалисты. Они, конечно, нужны, но в данной ситуации вопрос состоит (я руководствуюсь тезисом В.М. Шукшина: "Народ знает правду") в том, что нас упрекают в некомпетенции. В массе своей мы – суперспециалисты, так как мы знаем правду. Байкальское Движение показало это своей живучестью. Ему затыкали рот, выкручивали руки, ублажали розовыми письмами из Госкомгидромета и т.д. Чиновники дважды за неделю меняли свои решения на противоположные, а Байкальское Движение шло, и люди к нему присоединялись.

Байкальское движение высветило несколько болевых точек в регионе: а) показало, что у нас не действует Конституция, в частности, статья 2-я, о том, что вся власть принадлежит Советам, – она принадлежит ведомствам, у нас даже часть власти не принадлежит Советам! Приведу пример, когда Байкальский горсовет и Утуликский поссовет приняли решение о нестроительстве на их территории Трубы – их никто не послушал и просеку начали рубить; б) не работает 11-я статья Конституции, по которой недра, земля принадлежат народу. Ничего нам не принадлежит. Мы наемные рабочие. Можно сказать – рабы. Мы держимся за кусок хлеба, который в любой момент у нас могут отобрать; в) статья 50-я Конституции у нас не действует: свобода митингов, собраний и демонстраций. Людей брали и арестовывали ни за что; г) не действует статья 67-я Конституции о том, что каждый человек должен охранять и беречь природу. Как это может быть, если ведомство сказало, то вырубит миллионы гектаров леса, и вырубит, и никто от ведомства не защитит.

Байкальское Движение показало всю проституциирующую сущность ведомственной науки, которая выдвигает ведомственный интерес за истину. А ведомственная истина – это нелепо. Байкальское движение показало свою живучесть. Легко давать ему советы. Труднее – сказать себе, что я – гражданин, и выйти на площадь, зная, что могут выгнать с работы.

Из зала: Каковы ваши стратегические цели?

Зубков В.С.: Снизить темпы экологического кризиса, развивающегося в нашем регионе. А по пути: экологическое просвещение, конкретная борьба в конкретной ситуации и т.д.

Осенькина В.А.: Один член нашего Движения сказал, что мы образовались спонтанно. Но в течение своей работы, более года, мы убедились, что без внедрения в политику нам не обойтись. При существующей административно-хозяйственной, партийной системе, системе советских органов мы ничего не можем решить, как нужно. Мне кажется, что напрасно осмеяли новую систему социализма, которую выдвинул кооператив "Оркон". Главный подход к экологической проблеме – это сделать человека хозяином. Когда человек будет сам хозяин земли, сам будет способствовать развитию экономики, при платном пользовании ресурсами, человеку будет невыгодно отравлять природу. Этот вопрос решится автоматически.

Тарноруцкий С.А.: Я хочу отнестись к выступлению В.П. Максимова. Мне совершенно непонятен его тезис: народ знает правду.

Максимов В.П.: Это не мой тезис, это тезис В.М. Шукшина. Я считаю, что в массе народ представляет собой суперспециалиста. Один знает одно, другой – другое, а в совокупности – все.

Тарноруцкий С.А.: Это заблуждение. Если было бы так, то не надо создавать научные организации, а путем всенародного опроса решить любую проблему. Конечно, народ как-то реагирует на обстановку, но то, что он знает истину в последней инстанции, – это сомнительно, неверно и вредно.

Попов С.В.: Давайте разделим два слова и все станет ясно. Народ знает правду! И если вы занимаетесь своими частными исследованиями, и народу от этого не легче, то он это знает. Нужно отделить частные истины: сельскохозяйственную, экономическую, которые по-разному вырабатываются, от правды. Никакими этими истинами вы народ не убедите в том, что он правды не знает.

Хромов Н.С.: Такое явление, как неформальное объединение, – это продукт демократизации нашего общества. Это проявление народной точки зрения на те или иные вопросы. Я хочу уточнить ваше представление по части этой Трубы. Народ оказался прав. Трубу отменили, и это так. Но это не простой вопрос и это не конфликт между народом и ЦК КПСС. Во-первых, когда принималось решение о строительстве Трубы, при подготовке постановления шли споры между учеными, специалистами, чиновниками. Побороло мнение, что сбрасывать в Байкал – это наносить вред, а сбрасывать очищенную воду в Иркут –

меньший вред, так как сплошь у нас очищенные воды сбрасываются в реки, и ничего страшного в этом нет.

Решение по отказу от строительства Трубы принималось после письма академика Логачева, письма ученых Иркутской области. Не ЦК КПСС принимал решение, а ученые, которые пришли к мнению: от Трубы отказаться. Академик Коптюг выступал, так как ЦК КПСС поручил разобраться с этим вопросом АН СССР. Ученые пришли к выводу, что нужно отказаться от этого пункта постановления. И ЦК КПСС на основе этого мнения принял решение об отмене этого пункта. А источником, толчком, да, явилось неформальное объединение.

Деятельность неформальных объединений характеризуется протестами против тех или иных решений. Это правильно. Плохие решения должны опротестовываться. Но эти объединения должны и в другом свою деятельность активизировать. Загрязнение окружающей среды происходит при нарушении технологии руководителями, исполнителями. В этом направлении тоже надо направить работу неформалов.

Из зала: Вот и канализировали деятельность общественных движений. Ура!

Горлов С.Ю.: Байкальское движение в данный момент является местом объединения интересов тех лиц, которые не реализуют свои интересы в традиционной структуре. Выход на научных работников – это пока единственное, чем может похвастаться это движение. Движение действует по последствиям и поэтому не задает политическую ситуацию, а уничтожает ее. Нужно разобраться, в чем должна состоять сущность политики общественных движений.

Пуртова Л.Я.: Возникновение неформального движения – это индикатор общественного мнения. Они возникают потому, что не согласны с тем или иным решением, состоянием общества. Но на данном этапе это движение мне напоминает селевый поток – сильную неуправляемую стихию, которая все сметает на своем пути. Но селевые потоки – это и рельефоформирующий фактор. В первую очередь надо обращать внимание на организацию этого движения. Отработанной программы у них нет. Это можно объяснить тем, что они находятся на стадии формирования. Для того, чтобы войти в контакт с формальными организациями (хотя бы для получения информации), для того, чтобы действовать совместно с советскими органами для предотвращения различных негативных явлений, это движение должно иметь, если не стратегию, то тактику взаимодействия.

При том положении как сейчас, когда объективные факты передергиваются, когда они имеют доступ на страницы газет, захотят ли в будущем оплеванные вами советские и др. формальные организации иметь с вами дело? Пригласите их представителей к себе и обсудите с ними вопросы взаимодействия. У многих сложилось мнение, что вы критикуете для того, чтобы себя показать, проводите скандальную политику. И пока в вашем активе, кроме полезного дела с Трубой, ничего нет.

Попов С.В.: Ну и что? Ну, проводят скандальную политику. Устраивают скандалы там, где остальные молчат.

Пуртова Л.Я.: А это отвлекающий маневр. Есть более важные вопросы. Например, сколько можно спорить о введении лабораторной установки в Академгородке, которая имеет полезную мощность 1 литр кубический, а они ее сравнивают с мощностью БВК. Это – пустить пыль людям в глаза.

Попов С.В.: А может быть, вы не понимаете суть конфликта? Почему, несмотря на всю вашу информацию, скандал все же происходит. Может, за этим скрывается недоверие. И нужно совсем другое объяснить. Вы попробуйте в суть конфликта вникнуть, и выяснится, что это лишь повод. Пока официальные органы не будут вдумываться в суть конфликта лучше, чем общественное движение, конфликт будет разрастаться. Вы же все время требуете от них уровня работы, как у вас. Они этого делать не обязаны. Здесь с вашей стороны происходит сдвижка и подмена. Когда в США проектируют пылесосы, то там собирается такая компания, которая регулярно участвует в проектировании и в которую входят обязательно добровольцы из домохозяек. И никакой ученый с любой степенью компетентности домохозяйке не объяснит, что ей удобно пользоваться неудобным пылесосом. И до тех пор, пока она не согласится, что вот именно это ей удобно, никакая проектная разработка не принимается.

А пример этот означает, что важный поворот в сознании, прежде всего, своем, а не чьем-то другом, официальные органы у нас не хотят произвести. Движения будут выполнять функции скандалистов до тех пор, пока вы не смените отношение к себе. К себе, прежде всего! Если человек выходит на улицу и протестует, то вы теперь ему ничего не докажете.

Якобсон А.Я.: Был упрек Движению, что, кроме как отмены Трубы, оно ничего не добилось. В этом году Движение сделало две важнейшие вещи: 1) выдвинуло своих кандидатов на партийную конференцию, тем самым подтолкнуло другие силы города выдвинуть еще несколько кандидатов; 2) прошли выборы (а многим ли за свою жизнь приходилось выбирать своего депутата в областной Совет?), Байкальское Движение выдвинуло своего депутата и он вошел в Совет.

Мачкалова С.А.: Мы имеем коридор, по которому все бегут, но в разные стороны. Я думаю, существуют силы, которые не хотят нормализовать эко-

логическую обстановку в силу своих интересов. Байкальское движение, слабая сила, но единственная, которая это делает. Я хочу прочитать документ, который выдали участникам игры: "При правильной организации экологической экспертизы, она должна снять или частично заменить крайние способы борьбы – административное давление, незаконные митинги и демонстрации". Это кто писал? И что он имел в виду?

Попов С.В.: Это я писал. Я имел в виду, что крайние меры, на которые принуждает, с одной стороны, административная система, а с другой стороны, экстремизм общественных организаций, часто вызывают обратное. Теряется содержание. Начинают обсуждать не экологическую ситуацию, а тот факт, что кто-то кому-то там по шее дал.

Из зала: Где границы между экстремистским и неэкстремистским?

Попов С.В.: Она пролегает не там, где мы ее сейчас ищем. Она пролегает на том уровне, где теряется содержание. В тот момент, когда "политическое" и "конфликтное" превышает уровень проблемы и превращается в самоцель, то здесь появляется экстремизм. Я не хочу проводить границу в идеологической рамке. Это возникает в ситуации, когда люди отрываются от нее и замыкаются в себе, а вовсе не тогда, когда они выступают до конца.

Мачкалова С.А.: Желание закрыть БЦБК – это экстремистское или правильное желание?

Попов С.В.: Не в том плане решается. Это совсем не экстремистское желание. И оценивать его с этой точки рения можно только по одному принципу: либо стороны приводят содержательные аргументы в пользу закрытия или незакрытия, либо они утеряли систему аргументации и не могут строить осмысленные рамки для людей, для которых это проводится. Как только они эти рамки теряют, они требуют закрытия, несмотря ни на что, и не приводят своих аргументов. Вот в этом появляется экстремизм. Это относится к области философии политических движений, а практика обвинений в экстремизме свидетельствует лишь об одном, что тот, кто обвиняет в экстремизме, в ситуации не разобрался. Если бы он разобрался в ситуации, то он должен найти действительные основания недовольства и их исправлять.

Если вы ответственны за дело, а конфликт у вас возник на национальной или другой почве, то вы должны смотреть глубже тех людей, которые конфликтуют. Обвинение одним другого в экстремизме – это осознание собственной политической некомпетентности. Вы с этого момента отказываетесь разговаривать и действовать, и вводите лишь систему репрессий. Терроризм тоже имеет свои социальные корни и т.д. Перестать бороться с ними только на основании, что это экстремизм, или бороться такими же экстремистскими способами – это бесполезно. Нужно менять социальные, экономические и др. основания.

Фильшин Г.И.: Я приехал с заседания Постоянной комиссии по охране природы, которая рассматривала кандидатов на пост председателя комитета по охране среды Иркутской области. Я хочу показать на этом примере, насколько, с одной стороны, необходимо, а с другой – слабо это Движение. Не надо замазывать тот факт, что это Движение существовало, оно приняло неожиданные формы и заставило пойти ему навстречу. Позиция науки по Трубе не менялась, она всегда была принципиальной. Но она не влияла на решение. А повлияло все-таки Движение. Не надо скрывать и говорить, что Движение ничего не дало. А наука своими обычными путями не смогла этого добиться. Давайте посмотрим, как появилась такая форма, как обсуждение кандидатов на пост председателя. Она появилась не по инициативе официальных органов. Она появилась вследствие письма. Мы написали открытое письмо в обком и облисполком, в котором попросили, поскольку пост председателя имеет огромное значение для населения, разрешить участвовать в обсуждении кандидатов на .этот пост. Мы предложили процедуру избрания: публикация программ кандидатов на пост в газете, обсуждение по телевидению, анкеты в газетах. И с учетом мнения общественности – вынести решение. Мы хотели активизировать население, имея в виду, что это прообраз занятия всех постов, связанных с населением.

Я хочу проинформировать, как проходило это обсуждение. В.С. Зубков был сегодня отклонен на заседании этой комиссии, якобы он не имеет опыта руководящей работы. Но мы, инициативная группа, протестовали. Но решалось все голосованием. Комиссия с нашим участием выдвинула двух кандидатов: В.В. Булыгина и П.И. Мирошникова.

Выдвижение П.И. Мирошникова – это чистой воды бюрократические игры по передвижке номенклатурных работников. Он с поста зам. председателя исполкома, потеряв в зарплате и обретя стрессовую ситуацию, вынужден был, скрепя сердце, сказать, что готов выполнять эту работу. Его просто жалко. Но какие аргументы он выдвигал?! Он строил очистные сооружения, поэтому имеет отношение к защите окружающей среды. На самом деле это аргумент против него. Два года в Иркутске не можем строить жилье, так как очистные сооружения не построены. Далее, он говорил, что занимался коммунальным хозяйством и поэтому имеет опыт в защите окружающей среды. Но тот, кто живет в Иркутске, знает, что нет большей развалюхи, чем коммунальное хозяйство. Он говорил: я – не специа-

[1] Пуртова Л.Я.

лист в том-то, я – не специалист в другом, но у меня будут помощники, а мое дело – это вести административно.

Облисполком упорно продвигает этого делегата (а завтра его все-таки изберут) и копает ров между собой и народом. Нас пять человек присутствовало на этом заседании, высказывали свою точку зрения и даже, казалось, убедили всех, но... Нам, общественности, дают бой по каждому мелкому поводу. Во время выборов делегатов на XIX партконференцию показали нам: что бы вы ни говорили, будет так, как считаем мы. И сегодня то же самое состоялось, а вы говорите: не нужно это Движение. Если этого Движения не будет и других активных акций, никакой демократизации не будет. Все будет по-старому. Нам нужно это Движение, и ни у кого в этом нет сомнения!

Из зала: Впервые за 70 лет советской власти у нас появляются всплески движения и т.п. Мы только пробуем в этом деле свои шаги. Если бы таких движений не было, это означало бы или а) сознание народа рабское, или б) государство наше тоталитарное, подавляющее любые всплески и т.д. И если появляются движения, то это показывает оздоровление. А сейчас предпринимаются попытки это оздоровление прекратить.

Попов С.В.: Лидия Яковлевна [1], вы говорили, что эти движения напоминают сель. Если так, то это заслуга официальных органов, а не народа.

Каминская Ю.Ю.: Наша группа называется “Группа экологического маразма”.

Из зала: А почему именно так?

Михайлов А.В.: Я отвечу на ваш вопрос. Экология переводится как “наука о доме”. Что может быть более маразматичней ситуации, когда человек начинает рушить свой дом? Отсюда и название нашей группы.

Каминская Ю.Ю.: Наша группа поставила перед собой такую задачу. Мы решили пойти своим путем. Перед другими группами были поставлены задачи, направленные на позитивное проектирование, на создание чего-то якобы нового. Мы решили исходить из происходящего на игре. Мы решили применить специфический подход: посмотреть в целом на складывающуюся ситуацию и избрали средством – абсурд. Мы решили выйти за рамки своих структур и посмотреть на все это со стороны (см. рис. 17).

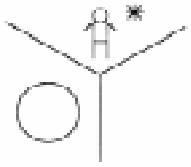


Рис. 17

Ситуация, складывающаяся на игре, отражает ситуацию в реальной жизни. Если мы возьмем две определенные сферы деятельности, например, один человек воздействует на природный объект и другой человек, независимо от него, тоже воздействует на объект, то зоны последствия одной сферы деятельности перекрываются зонами воздействия другой сферы деятельности (см. рис. 18).

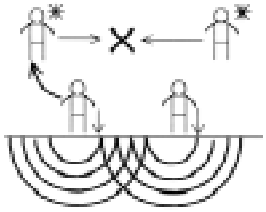


Рис. 18

Там же возникают последствия 2, 3-го и т.д. порядка, то есть происходят непредсказуемые вещи. На этом уровне возможно возникновение экологической катастрофы. Одно предприятие загрязняет речку – плохо другому предприятию, которое вынуждено потреблять грязную воду. И это “взаимомешание” идет дальше. Они должны выйти на другой уровень и путем рефлексии у них должны возникнуть разные интересы, должен возникнуть конфликт. Но конфликта не возникает по двум причинам. Существует противоречие между мышлением и действием. Поэтому не происходит даже выхода на этот уровень. Поэтому конфликта возникнуть не может, а конфликты, о которых все говорят, – мнимые.

Тут есть комитет по охране природы, который встроен в ту же самую систему и в ее рамках функционирует. И предположение “увеличить коэффициент” и “повернуть вектор”, реального выхода все равно не даст, так как система замкнута. И даже мнимый конфликт не разрешается. Звучало, что его надо сглаживать, его нужно гасить. А вот на создание конфликта наше общество не ориентировано, а когда нет конфликта, не вырабатываются и альтернативные варианты и, в конечном счете, общество не может развиваться. Получается эпоха застоя.

Попов С.В.: Мораль такова: если нет скандала – жизни нет. Если вы друг с другом согласны, единственное, к чему вы скатитесь, – к экологическому маразму.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ
20 октября 1988 г.

(Методологическая консультация П.Г. Щедровицкого о принципах деятельностного подхода)

Попов С.В.: Анализируя работу групп (утреннюю и во время общего заседания), мы пришли к такому выводу, что для выхода на проектный режим не хватает ряда условий. Первое условие, которое должно быть выполнено, чтобы мы могли проектировать, это отказ от морфологического видения (то есть видения чего-то в материале) и выход на проектирование процессов и функциональных структур, которые потом должны будут заполняться материалом. Это, может быть, не очень понятно, кроме тех, кто занимается системным анализом. Можно проще сказать: у нас не достает принципиально новых моделей и конструктивных элементов, из которых можно было бы собирать это новое будущее. И мы сейчас сделаем следующим образом. Петр Георгиевич попробует ввести ряд представлений, которые могли бы помочь, или, во всяком случае, отталкиваясь от которых, на оппозиции строить какие-то свои модели. А в конце консультации мы бы ответили на разные другие вопросы, которые, может быть, с этим впрямую не связаны.

Гурман В.И.: Я хотел бы несколько слов сказать. У нас на группе что выявилось? Вчерашняя Ваша установка была понятна. Надо идти на отказ от старых концепций – это все понятно. Но понимаете, в чем дело? Это может сделать один человек. Он это может сделать для себя. Потому что человек держит все как нечто целое. А когда есть группа – там нечто другое. Когда каждый делает какой-то отказ и начинается обсуждение, то те люди, которые не знакомы с концепцией другого, начинают повторять зады другого, кто мыслил быстрее. В этом смысле они его держат и не дают ему вырваться в это пространство. И, таким образом, получается некоторый замкнутый круг.

Попов С.В.: Это означает только одно: вы все вместе вырваться не можете.

Гурман В.И.: Все вместе – не можем. Надо вырываться как бы по одиночке.

Попов С.В.: Наоборот. Ведь из того, что вы говорите, обратный вывод следует: если бы вы вырывались без группы, то у вас бы создалась иллюзия, что вы вырвались, а на самом деле нет. Для этого и организуется коллективная работа: чтобы вырвались из всех возможных оснований. А не только тех частных, которые у вас есть.

Гурман В.И.: Как быть в условиях дефицита времени? Это – серьезное дело. Я понимаю. Но попробуйте вырваться за полчаса или за два часа, в оставшиеся дни, которые у нас есть. Здесь что-то еще нужно добавить в методику игры.

Попов С.В.: Ну, будем пробовать. А если будет недостаточно, вы задавайте вопросы. Будем пробовать, Владимир Иосифович. Мы тоже кое из чего еще не вырвались. Так что вырывайте и нас тоже.

Гурман В.И.: Ладно.

Попов С.В.: Порядок вы помните: как только у вас возникают вопросы, вы можете их сразу задавать. Прошу Вас, Петр Георгиевич.

Щедровицкий П.Г.: Я попробую сейчас обсудить тему, которую наметил Сергей Валентинович. А именно тему методов и методологии анализа и процессов сложных систем деятельности. Но для того, чтобы вводить эту тему, которую нам придется обсуждать и весь завтрашний день, я сначала остановлюсь, в общих чертах, на идее деятельности и на основных принципах деятельностного подхода.

Первый момент, который здесь нужно отметить, состоит в том, что уже на самых первых шагах развития древнегреческой философии были достаточно жестко противопоставлены друг другу, по крайней мере, два мира: мир, который описывался и анализировался в рамках ионийской натурфилософии и получил дальше – у Пифагора – название “космос”, и мир человеческих действий, поведения, человеческой субъективности, который описывался и анализировался в философии совершенно в других понятиях и терминах. И уже тогда, на самых первых шагах развития греческой мысли, был поставлен вопрос о том, как описывать, например, такие сложные проявления человеческой субъективности, как целеобразование и постановку целей, реализацию замыслов в тех или иных сооружениях и машинах, или – в тех или иных формах искусства. Как и каким образом описывать мир ценностей и человеческого поведения, подчиняющегося логике этих ценностей. И уже тогда был понят и осознан тот факт, что материя человеческого поведения и человеческой субъективности и действия оказывается очень трудно уловимой для нашей мысли, для нашей интеллектуальной способности. Скажем, с самого начала было понятно, что такая единица человеческого поведения и действия как “средства”, которые необходимы для достижения тех или иных целей, могут принимать совершенно разную форму в разных ситуациях. Например, мы не можем, посмотрев на этот стояк для микрофона, сказать, что он – суть средство, поскольку неизвестно, в какой деятельностной структуре он будет употреб-

ляться. Если мы его возьмем и попробуем кого-нибудь ударить, то потом можно будет сказать, что это было орудием, или средством, преступления. Но пока мы имеем дело с некоторыми материальными предметами и вещами, то бывает очень трудно схватить и описать их возможное употребление, а, следовательно, их место, их роль, их функции в деятельности. Подчеркиваю: в действиях, в поведении, в ситуациях человеческого взаимодействия. И, более того, оказывается, что одна и та же вещь, один и тот же материальный предмет может использоваться поразному; в зависимости от этого мы будем называть его разным! Один раз эта вещь может использоваться как средство. Другой раз эта же вещь может использоваться как результат нашей деятельности, а, следовательно, как косвенное указание на цели, которые мы преследовали. И в этом плане каждое такое образование в поведении и действиях постоянно как бы меняет свою природу. И хотя материальные, вещные характеристики, как будто, сохраняются, но вот эта природа использования, употребления всякий раз может быть разной. И зафиксировав этот тезис о многообразии форм использования и употребления различных вещей и предметов в человеческом поведении и действии, был поставлен вопрос: как, в каких категориях, в каких понятиях, за счет каких схем можно описывать эту материю человеческого поведения и действия, в которых те или иные предметы и вещи движутся, живут, становятся на разные места, приобретают разные функции и все время меняют свою природу? За счет каких понятий и категорий можно самые разные образования, такие как "знаки", "знания", "понятия", "средства", "цели" – описывать и схватывать? Причем описывать и схватывать еще вот в этих постоянных процессах перетекания одного в другое.

Значит, вопрос о функциональной природе деятельностных, поведенческих образований был поставлен. И был поставлен более широкий вопрос о том, в чем же, в каком пространстве (если пользоваться такой абстрактной категорией) эти единицы и образования движутся и живут? И за счет чего и как мы можем назвать нечто "знаком", другое – "средством" (и использовать как средство); назвать нечто "знанием", независимо от того, с какой конкретно материей мы при этом сталкиваемся.

И вот этот вопрос, который был поставлен на самых ранних периодах развития нашей мысли, нашел свое разрешение достаточно поздно. И мы обычно говорим, что в рамках немецкой классической философии, то есть в работах Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и дальше – Маркса, появилась такая новая категория, новое понятие, которые позволили связать друг с другом эти разные деятельностные единички, поведенческие единички, объединить как бы в одно целое. Обсуждать при этом логику изменения этих единиц и перетекания друг в друга. И связать между собой тем самым совершенно разнородные образования. Я уже их перечислял: знаки нашего языка или какие-нибудь другие графические формы; знания и понятия, которыми мы пользуемся; средства, операции и процедуры деятельности и целый ряд других таких же деятельностных единичек, которые все по сути своей разнородны.

Но вот это понятие (и категория), которое вводилось в немецкой классической философии, понятие (и категория) деятельности, строилось и разрабатывалось так и таким образом, чтобы можно было такого рода связывание разнородных вещей в поведении и действии совершить. Поэтому тут действует такой принцип: идея и понятие деятельности вводилась в немецкой классической философии именно для того, чтобы ответить на вопрос, как сосуществуют, по какой логике живут и перетекают друг в друга эти образования (которые я перечислил и целый ряд других). А с другой стороны, эта идея деятельности вводилась и разворачивалась для того, чтобы задать такие, достаточно широкие структуры употребления и использования различных вещей, различных материальных образований, в которых они приобретают специфический деятельностный смысл и специфически деятельностное значение.

Итак, я подвожу итог и делаю здесь точку. Уже на самых ранних периодах развития мысли описания космоса и природы были противопоставлены описанию человеческой субъективности, человеческого поведения и действия. И философы отмечали тот факт, что эти два мира – мир природы (космоса) и мир человеческой субъективности должны описываться по-разному. При этом они фиксировали следующий момент, что если мир природы может (при определенных обстоятельствах) фиксироваться как некоторые вещи, как некоторые материальные образования, то мир человеческой субъективности живет по другим законам. Там все зависит от структур более широких, структур употребления, в которых та или иная вещь приобретает специфическое назначения и становится то целью, то средством, то знаком, то орудием, процедурой, операцией, знанием или еще чем-то. И вот это перетекание зависит от таких, более широких ситуаций употребления. И нужно иметь логику, чтобы их описывать. А с другой стороны, фиксировалась разнородность самих этих образований. Негомогенность всех тех единиц поведения и действия, которые необходимо описывать. Вот эти два момента и их фиксация довольно долгое время питали философскую мысль, и они нашли свое разрешение в идее "деятельности", которая вводилась в немецкой классической философии. Специально вводилась и разрабатывалась для того, чтобы суметь работать с такого рода сложными и, я бы сказал, неуловимыми образованиями.

Здесь я бы поставил точку. Какие тут будут вопросы понимания, непонимания, замечания?

Из зала: Я прошу прощения. Но нельзя ли начать с конца и сказать, что вы хотите доказать? А потом излагать систему взглядов. Нельзя? Если нельзя, то...

Щедровицкий П.Г.: Дело не в этом. Давайте разбираться. Смотрите. Ведь что, вроде бы, мы имеем в нашей ситуации, в нашей работе?

Итак, нам нужно спроектировать регион. А значит, вместе с тем нужно спроектировать целый ряд процессов общественной, социальной жизни, ухватить их логику, их динамику и описать в каких-то терминах и единицах. Но при этом, когда мы начинаем описывать регион и региональные процессы (социальные, демографические и какие-то еще), мы, прежде всего, сталкиваемся с тем, что нам не хватает понятий и представлений, которые бы описывали это как деятельность. Понимаете, если вас кто-то наймет в качестве шпионов, чтобы поехать на какое-то предприятие и украсть у них технологию, то ничего не выйдет. Чтобы украсть технологию и чтобы вообще увидеть, приехав на предприятие не машины, а именно технологию (а это значит – увидеть всю систему деятельности, в которой данные технические средства, машины и механизмы определенным образом используются), вам нужно иметь специальное деятельностное зрение. Вам нужно видеть не машины и механизмы, а видеть систему деятельности. Систему деятельности! А ее просто так, руками не потрогаешь. Ее нужно в специальных терминах, специальных понятиях и в специальных схемах ухватить.

Очень занятный пример нам рассказывали на КамАЗе. Приехали эти самые…, продающие машины и механизмы. И когда подписывали контракт, они спросили: “Под какую систему управления будем технологию делать?” Им, соответственно, тот, кто покупал, говорит: “Чего-чего?” Они повторяют: “Понимаете, – говорят, – мы вам продаем машины и механизмы. А под какую систему управления?” Им опять: “Чего-чего?” Они тогда говорят: “Ладно, вы напишите на бумаге, что этим вы сами будете заниматься, а мы за это не отвечаем”. Они и написали.

Из зала: И до сих пор отвечают...

Щедровицкий П.Г.: Итак, что вроде бы происходит? Машины и механизмы переносятся на нашу почву, но под них нет системы деятельности. Нет систем управления. Нет систем организации работ. И поэтому эти машины и механизмы оказываются мертвыми, поскольку они не оживлены человеческой деятельностью.

Или другой знаменитый пример. Во Франции по конкурсу набирали строительных бригадиров, чтобы в Москве строить гостиницу “Космос”. И один из кандидатов на заключение контракта проиграл конкурс только потому, что он не учел, что один из членов его бригады – левша. Поскольку вся система строительных работ была расписана так, что это влияет на качество работы бригады и, следовательно, включается в технологию. Он этого не учел и проиграл.

Итак, теперь я возвращаюсь назад и говорю: для того, чтобы нам описать региональные структуры, региональные процессы, нам надо иметь специальное деятельностное зрение. А значит, нам нужно уметь описывать деятельность как таковую. И здесь я возвращаюсь назад.

Уже умные древние греки понимали удивительную вещь, что в деятельности существуют свои специальные закономерности. В деятельности! Грубо говоря, все может быть всем! Я могу взять этот микрофон и использовать его в качестве орудия убийства. Следовательно, нужны какие-то другие принципы описания. Это я и начал обсуждать: идея и категория деятельности вводились в философии для того, чтобы связать и зашнуровать друг с другом такие разнородные образования.

Гурман В.И.: Можно вопрос?

Щедровицкий П.Г.: Нужно.

Гурман В.И.: Годится ли для такого описания такое известное в математике средство, как алгоритм?

Щедровицкий П.Г.: Смотрите. Вроде бы алгоритм предполагает, что вам удалось разделить деятельность на отдельные операции и процедуры и поставить их встык друг другу, то есть по принципу: делай так, потом так и т.д.

Гурман В.И.: Ну, да, и получается программа для вычислительной машины. Модель деятельности.

Щедровицкий П.Г.: Подождите. Давайте, сначала отделим. Итак, должна сначала быть некоторая система операций и процедур, которые могут быть поставлены встык. Но при этом получается такая удивительная вещь: очень немногие процессы деятельности могут быть алгоритмизированы, то есть описаны и представлены как алгоритмически осуществляемые. Есть масса процессов деятельности, которые в таких методах, схемах и единицах не описываются. Скажем, оргуправленческая деятельность. Не алгоритмизируется!

Гурман В.И.: Правильно. Есть имитация.

Щедровицкий П.Г.: Подождите секундочку. Это уже будут вопросы содержательности процедуры моделирования. Я их пока не затрагиваю, поскольку это ведь требует обсуждения вопросов: что есть модели? Что есть моделирование? Я пока утверждаю простую вещь: есть такие типы деятельности, которые не могут быть алгоритмизированы.

Гурман В.И.: Здесь я согласен.

Щедровицкий П.Г.: А теперь я все переворачиваю. Как бы углубляю. При этом получается одна интересная вещь: даже там, где нам удается описать деятельность алгоритмически, – это есть редукция. То

есть это есть такое сознательное, целенаправленное упрощение сложных деятельностей, которое помогает нам их организовать, но, с другой стороны, лишает (или может нас лишить) некоторых существенных моментов. Вот – типичный пример: введение алгоритмических методов в процесс обучения. Что нам показала эта длительная практика – сначала немецкая, потом американская, потом наша, собственная? Алгоритмическое представление процесса обучения приводит к утере процесса обучения. Понятно?

Гурман В.И.: Это понятно.

Щедровицкий П.Г.: Следовательно, возникает еще очень сложный вопрос: при каких условиях описания и анализа деятельности можно пользоваться определенными средствами, скажем, алгоритмическими, не теряя содержания этой деятельности, и не редуцируя ее более простым вариантом? Нужно поставить его себе и каждый раз держать в уме, чтобы, описывая деятельность, мы не теряли ее существенные моменты. Если мы имеем дело с управленческой деятельностью – одно. Если с инженерной – другое. Если с научной – третье. С проектной – четвертое и т.д.

Гурман В.И.: Хорошо, что предлагается?

Щедровицкий П.Г.: Смотрите. Пока предлагается следующее. Если мы принципиально исходим из того, что деятельность включает в себя массу разнородных, негомогенных элементов то нужно найти...

Гурман В.И.: Не обязательно предметов? Просто элементов?

Щедровицкий П.Г.: Элементов, которые иногда могут заполняться вещами, иногда нет, а должны заполняться чем-то другим. Если мы это понимаем, то мы должны найти такую рамку, такую категорию (или понятие), которая должна позволять нам работать с разнородным как с однородным. Смотрите: я усложняю, да? Нужно уметь работать с разнородными единицами как с однородными! У вас, к примеру, есть люди, у вас есть машины, у вас есть коллективы людей (которые не есть люди и не есть машины), у вас есть еще что-то, а вам надо произвести организационную работу. Спрашивается: как вам работать с этими разнородными образованиями, живущими по разной логике, как с неким единым, что вам нужно организовать как одно? Это ведь проблема для любого организатора производства. Вот вы, например, какой деятельностью занимаетесь?

Из зала: Инженерной.

Щедровицкий П.Г.: Возьмем инженерную. Всякий инженер имеет дело со знаниями, с одной стороны, с техническими элементами, конструктивными механизмами машин, с другой, с моделями этих конструктивных элементов, с третьей. У него есть несколько таких разнородных образований. И он должен осуществить инженерную работу, связав это друг с другом, и перейти от знаний к моделям, а дальше – к конструируемым машинам. И вот этот переход связан с тем, что вам каждый раз нужно менять логику работы и связывать это все за счет своей деятельности и своего мышления. И организатор с этим имеет дело. И ученый с этим имеет дело. И любой представитель любой профессии, который сталкивается с явлением деятельности, должен решать эту проблемную ситуацию. То есть он должен разнородные деятельностные элементы деятельности как-то объединять и связывать. А теперь я утверждаю простую вещь: для этого и вводится идея деятельности. Точно так же, как идея физического пространства вводилась как идея вместилища для всех предметов. Точно так же и идея деятельности вводится как пространство, куда погружаются разнородные деятельностные единицы, а потом начинают состыковываться друг с другом.

Большаков А.Г.: Я хочу спросить, не было ли у греков такой рамки (или средства), которая позволяла бы разнородные элементы деятельности приводить к общему знаменателю?

Щедровицкий П.Г.: Не было.

Большаков А.Г.: Как же они действовали?

Гурман В.И.: А вот так же, как и мы действуем.

Щедровицкий П.Г.: По-простому.

Из зала: И неплохо действовали, хотя и по-простому.

Щедровицкий П.Г.: Это понятно: ойкумена же была обозрима. И проблем, вроде бы, не было. Когда в греческом полисе количество сумасшедших и представителей общественных движений превышало норму, то собирались люди на площади и применяли процедуру остракизма. И он шел гулять. Ему говорили: “Ты хочешь, чтобы мир был иначе устроен? Вот иди и делай его, но в другом месте”. И он шел. И если не погибал в пути, то основывал город и строил его. Там, правда, потом выяснялось, что он в точности воспроизводил на новом месте все то, против чего выступал в том городе.

Но вопрос о связи космоса и деятельности ими не был решен.

Попов С.В.: Кстати, мы все живем тоже без решения этого вопроса. Ученый исследует мир вещей и этим живет... Кстати, ряд философов так и фиксируют экологическую проблему: технологии и производство вещей вырвались из-под контроля человека. Что значит – вырвались? Это значит, что эти гигантские системы деятельности живут теперь по своим законам и ни одному человеку теперь уже не подчиняются. То есть один отдельный человек вообще с ними ничего сделать не может. Есть такая линия в философском обсуждении экологии. Это как раз фиксирует тот факт, что мы не научились управлять деятельностью или системами деятельности. А мы только фиксируем мир вещей, конструируем технологии, системы производства вещей, все осталь-

ное делаем. А вот эту вторую часть – деятельностную – мы организовывать ее и управлять ею не научились, и живем в таком, разорванном мире.

Гурман В.И.: Можно понять так, что никто не научился управлять.

Щедровицкий П.Г.: Нет. Подождите секундочку насчет "никто". Были другие вопросы, и все решалось просто, как в Египте. А именно: там была идея космоса, космологии. Утверждалось, что каждый человек – космический человек. В нем, в зависимости от того, в каком доме, то есть под какой звездой родился, собирается определенный космический сгусток энергии. А на деятельность накладывались запреты, то есть всяким инженерам, изобретателям и ученым еще в детстве скручивали головы. И, между прочим, достаточно долго эта ситуация существовала, поскольку высшие знания, то есть знания о космических процессах и жизни общества, были доступны лишь узкой касте. Они там были люди последовательные. Поэтому пользовались принципом реинкарнации, то есть когда кто-то из их духовенства умирал, они определяли, в кого переселилась душа. И этого ребеночка из семьи брали и никого к нему не пускали. А на деятельность был наложен запрет.

Но я не думаю, что это Большакова устроит, и что это есть принцип сборки космоса, природы и деятельности. Это есть принцип уничтожения деятельности! А жизнь шла в зависимости от разливов реки Нил. И все было так, более или менее нормально.

Из зала: Что же такое деятельность?

Щедровицкий П.Г.: Вот этот вопрос поставили себе немецкие классики и на него лет двести отвечали.

Большаков А.Г.: В языке, в котором присутствует такая рамка, не могут быть описаны, скажем, природные процессы. Или, по крайней мере, сегодня наличествующие знания об экосистемах и т.п. перевести в такой язык принципиально невозможно. Тем не менее, ими нужно пользоваться.

Попов С.В.: Постойте. А у Вас основания этого утверждения в чем? Почему Вы именно так считаете?

Большаков А.Г.: А потому что это все построено из другого основания. Потому что это все объективно существует.

Щедровицкий П.Г.: Что "это"?

Большаков А.Г.: Экосистема, озеро Байкал и т.д.

Щедровицкий П.Г.: Подождите секундочку. Куда Вы к озеру Байкал? Куда вас понесло?

(Смех в зале)

Вы же делаете одну простую вещь, из-за которой мы и горим все время. А именно: вы производите конкретизацию слишком рано. Осуществляете покушение на проблему с негодными средствами. Вы имеете дело с проблемной ситуацией. А что значит "с проблемной ситуацией"? Значит, решить вы ее в имеющихся средствах не можете. И теперь вместо того, чтобы обсуждать свои средства и их работу, вы туда впериваетесь, внутрь. И попав туда, вы единственное, что можете сделать, это шею себе сломать. Поэтому давайте вернемся назад.

Итак, вы задали очень важный и существенный вопрос: найдены ли способы и средства (то есть методология), чтобы описывать природу и деятельность в одном языке, в одной системе понятий? Я говорю: нет, не найдены.

Большаков А.Г.: У меня просто создается впечатление, что в языке деятельности умирает природа.

Щедровицкий П.Г.: Может быть, у вас и создается такое впечатление, что в языке деятельности умирает природа, а в языке природы умирает деятельность. А теперь вы должны принимать решение: либо вы идете по пути египетской цивилизации (но тогда вы всех инженеров и ученых должны уничтожить как класс, поскольку они есть источники инноваций, а, следовательно, – развития; следовательно, – источники нарушения стабильности систем типа египетской), либо вы принимаете другую точку зрения: что деятельность развивается, захватывает природу, перемалывает ее и строит то, что Демокрит называл "вторая природа", а потом Маркс это повторил. Понимаете? Древние греки все это получше нас понимали.

Из зала: У них забот меньше было.

Щедровицкий П.Г.: Меньше.

Большаков А.Г.: Мне очень непонятно, зачем вам вчера понадобилось вводить понятие о деятельностно-природной системе? Если, по-вашему, вторая часть этого кентавра может умереть, зачем же все-таки вы его вводите?

Щедровицкий П.Г.: Я это ввожу для того, чтобы показать, что для решения экологической проблематики как таковой нам необходимо вводить идею и идеологию деятельностно-природных схем. То есть гетерогенную, разнородную систему делать однородной. И с ней работать. Но для того, чтобы решать хозяйственные задачи, нам не нужна идея деятельностно-природных систем. Нам нужно восстанавливать и пользоваться деятельностными понятиями и понимать, что каждый деятельностный процесс имеет свою логику и может описываться в особых средствах, в особых методах, в особых подходах.

Большаков А.Г.: Но ведь именно в хозяйственных ситуациях возникают экологические ситуации.

Щедровицкий П.Г.: Нет! Вот здесь я с вами не согласен. Экологическая ситуация (и это я пытался показать) не возникает в хозяйственных ситуациях. Хозяйство должно быть рациональным. И все! И не надо ломать себе вот так вот голову. Если мы имеем

нерациональное хозяйство, это значит, надо брать марксизм и смотреть, что они туда заложили и что мы реализуем и подвергать это критике. И производить рационализацию хозяйства. Но оттого, что вы хозяйство рационализируете, вы экологическую проблему не решите. С моей точки зрения. Я это, вроде бы, заявлял еще тогда. Теперь я обсуждаю другое: я обсуждаю идею деятельности и деятельностный подход как условие для проектирования систем деятельности. Нам ведь надо региональные системы деятельности увидеть в их целостности. И спроектировать их. Или хотя бы ответить на вопрос, как они должны развиваться? Хотя бы спрогнозировать какие-то вещи, имея модели, теоретические схемы развертывания деятельности.

Большаков А.Г.: И для вас безразлично, проектируете ли вы хозяйственную ситуацию, в которой, как вы говорите, природа не имеет никакой роли (никакого значения), или вы проектируете экологическую ситуацию?

Щедровицкий П.Г.: Я же ваш вопрос прекрасно понимаю. Вы спрашиваете меня: надо ли с самого начала в эту категорию закладывать, надо ли учитывать эту гетерогенность природного фактора? Вот что вы меня спрашиваете, по сути. Я вам отвечаю: не надо делать третьего шага раньше, чем вы сделали первый. Штаны могут порваться. Вот и все. Но вместе с тем основания вашего вопроса я понимаю. Поэтому давайте его поставим как вопрос. И не будем думать, что у меня на все вопросы есть ответы. Вопрос понятный, но как из этого выбираться – неизвестно.

Попов С.В.: На мой взгляд, вы здесь действительно спешите и можно пояснить это немного по-другому.

Если вы собирались произвести какую-то работу, и вы не знаете, как ее производить, то первое, что вы начинаете делать, вы начинаете перебирать инструментарий. В том виде, в котором он есть.

А что мы имеем в исследованиях экологической ситуации? Гигантское количество исследований натурального материала, природного материала, о котором сейчас шла речь. И полное отсутствие анализа деятельностных, социальных ситуаций. Поэтому для того, чтобы подойти к этой проблеме, нам надо ревизовать весь наличный или возможный набор инструментов. И если его окажется недостаточно (всего набора, который выработало человечество), тогда мы должны ответственно сказать себе: не хватает нам инструментов и средств деятельности, или средств мышления, чтобы мы могли эту ситуацию схватить в разных поворотах. И тогда мы будем обсуждать эту проблему как принципиальную. Понимаете? Отработано это. И здесь сидит много заслуженных ученых, которые потратили много времени на изучение природы. И не сидит практически ни одного, который бы потратил столько же много времени и сил на изучение систем деятельности. В лучшем случае изучаются узкие спектры деятельности, например, экономические. Хотя экономика есть уже одна из возможных снятых форм хозяйственной деятельности, поскольку хозяйственная деятельность может быть и неэкономически организована. Понятно, да? И проблема, которая здесь, при попытках проектирования, возникает, – это то, что мы и к деятельностным "вещам" подходим натурально. Вот, ко мне в перерыве подошли представители обкома партии и спрашивают: "Что значит "спроектировать человека"? Он же и так есть: две руки, две ноги. Или вы хотите какие-то дополнительные показатели ввести?" И мне пришлось начать долго объяснять, что надо спроектировать огромное количество систем деятельности, в которых этот человек одновременно существует: и в системе здравоохранения, и в системе обучения, и в системе производства и т.д. и т.п. И все эти процессы на него накладывают те или иные отпечатки, или составляющие признаки. Они говорят: "А мы понимаем "население" как "количество голов".

Из зала: К сожалению.

Попов С.В.: Да. Демографию мы понимаем как "количество голов, распределенных по возрасту". Ну, и так далее. Социальные процессы мы понимаем как количество голов, только со специфическими признаками: одни с дипломами, другие – без оных. Понимаете? И что, вроде бы, утверждается? Утверждается, что это все есть разнородные предметы в процессах деятельности. И чтобы проектировать системы деятельности, нужно этот деятельностный подход задать как один из возможных инструментов. И только тогда, когда он будет задан и обсужден как инструмент, можно будет ставить следующую задачку и обсуждать, что есть еще натуралистический подход и как они друг с дружкой соотносятся. Вы же не можете обсуждать симбиоз отвертки с молотком. Для этого надо сначала их разделить, чтобы знать, что это – симбиоз. А уж потом каким-то образом их сочленять.

Щедровицкий П.Г.: И при этом основной смысл и пафос обсуждаемого только в одном: мы не имеем специфически деятельностного зрения. Вот Сергей Валентинович приводил пример с министром морского транспорта, помните? Так вот, в ответ на вопрос: "Чем вы управляете?", – он начинал тыкать рукой в карту и показывать, как корабли двигаются. И при этом по селектору обкладывал капитанов матюгами, кричал, что они медленно двигаются. Это просто означает, что у него деятельностного зрения (то есть видения процессов деятельности – транспортных и других) – нет! Он при этом видит пароходы, капитанов и тому подобное. И это есть его объект.

Или, когда управленцы соберутся для повышения квалификации, то обычно спрашиваешь их: чем

вы управляете? Что они отвечают? Они отвечают: людьми! И им практически невозможно передать (без специальной проблематизации) ту мысль, что управляют они не людьми, а процессами и системами деятельности, в которые люди включены и занимают там определенные функциональные места. И ведут себя там люди в соответствии с логикой этих мест. Если вы человека поставите в определенное место, то он там начинает функционировать. И хотя его субъективные качества и накладывают какую-то стилистику на это функционирование, все равно его поведение подчинено логике и требованиям функционального места. Скажем, если сидит человек в определенной организационной машине, например, в кабинете с табличкой "механик", то он должен удовлетворять этому месту деятельности. А если начинают управлять людьми, то это называется "сталинскими методами": когда человека вызывают и говорят: "Либо сделаешь, либо поедешь в телячьем вагоне". И все! И теперь вопрос о том, может ли он двигаться и организовывать деятельность? – не ставится вообще. Все переводится в план персональной, личной ответственности. И дальше он либо делает, либо нет (с вытекающими отсюда выводами).

Левинтов А.Е.: Меня ваши рассуждения навели на следующую мысль. Мне кажется, надо различать "употребление" и "назначение". Например, если речь о техническом средстве, то у него может быть "назначение". У магнитофона назначение – записывать и воспроизводить звук. И, стало быть...

Щедровицкий П.Г.: Подождите-подождите. На нем же, между прочим, это не написано. И если попадет сюда инопланетянин, и он не будет знать, что такое магнитофон, то...

Левинтов А.Е.: Я примерно об этом и хочу сказать. То есть магнитофон можно использовать по назначению, в рамках назначения, либо нет.

Щедровицкий П.Г.: Подождите, Александр Евгеньевич. Давайте двигаться последовательно.

Итак, если вы не имеете специфически деятельностного зрения, то у вас, как у Стругацких, – "Музей предметов неопознанного назначения". И вы, не видя структур деятельности, в которые эти предметы были включены, можете делать только одно: засовывать их в музей и ждать, когда появится тот, кто знает, для чего они применялись. Это первый момент. Второй очень важный момент: когда мы сегодня проектируем системы деятельности и проектируем вещный мир (например, в дизайне), то мы особым образом маркируем, или обозначаем, те предметы, которые мы производим. То есть мы на этот предмет наносим целую серию знаков, которые для того, кто пользуется, обозначают, как им можно пользоваться и как нельзя пользоваться. Например, значки на панели магнитофона: это – туда мотает, это – сюда. И если вы умеете считывать эти знаковые средства, то вы можете разобраться, как пользоваться этим предметом. Если же вы не умеете считывать, то вы никогда и не разберетесь.

Левинтов А.Е.: Поэтому надо вводить критерий: правильно употребляется или неправильно.

Попов С.В.: Постойте, Александр Евгеньевич. Вы вперед бежите еще быстрее Андрея Большакова. Сядьте, пожалуйста.

Ладейщиков Н.П.: Скажите, пожалуйста, рассматриваете ли вы деятельность как совершенно абстрактное понятие? Может ли деятельность осуществляться только человеком или она может осуществляться и природой? Как вы рассматриваете деятельность? И можно ли с этой позиции ее учитывать при решении экологической ситуации на Байкале?

Щедровицкий П.Г.: Вроде бы, что касается меня, то я провожу ту мысль, что понятие и категория деятельности вводилась для того, чтобы появилась возможность описывать человека и его субъективность. Но вот тут будут сложности дальше, которые я буду специально обсуждать. А именно: принадлежит ли деятельность человеку? Ну, грубо говоря, является ли она нашим отправлением? Или деятельность нас самих захватывает и подчиняет себе?

Ладейщиков Н.П.: Вот это важно.

Щедровицкий П.Г.: Это важно. Но я с самой первой консультации провожу ту мысль, что системы деятельности захватывают человека. Как говорил В. Гумбольдт? Он говорил: "Не мы владеем языком, а язык овладевает нами".

Ладейщиков Н.П.: Совершенно верно.

Щедровицкий П.Г.: То же самое можно сказать и про деятельность: она овладевает нами, захватывает нас и через нас говорит, проявляется…

Ладейщиков Н.П.: Следовательно, когда вы рисовали ваши схемы с деятелем-человеком, который оказывает влияние на природу, то можно предположить, что человеческая деятельность как-то отражается на собственной деятельности природы.

Щедровицкий П.Г.: Смотрите. Если брать ту схему, которую мы вводили, то нужно сказать, что за каждый фигурой (это же знак, да?), за каждой такой фигурой-знаком стоит определенный тип деятельности. И вот теперь, если вспомнить вопрос Владимира Иосифовича, можно сказать: одни из этих типов деятельности могут быть описаны алгоритмически, другие – не могут. Одни состоят из одних единиц, другие – из других. Давайте я сейчас будут двигаться дальше и попытаюсь на этот вопрос ответить шире.

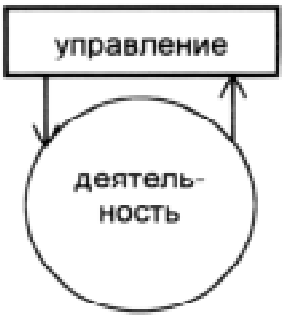
Якобсон А.Я.: Я хочу "глупый" вопрос задать. Я все пытаюсь выяснить для себя это понятие деятельности. И хочу объяснить это на примере Древнего Египта. Я понял так, что там деятельность как таковая исключалась, была запрещена. Людей, способных заниматься деятельностью, убирали. А сам про-

цесс убирания этих людей или процесс отбора в жрецы, или, в конце концов, процесс управления рабами – это не являлось деятельностью?

Щедровицкий П.Г.: Мне же этот пример был важен для того, чтобы объяснить соотношение между деятельностью и природой. Теперь, если возвращаться к Вашему вопросу, то можно сказать, что египетская система деятельности находилась в стационарном или воспроизводящемся состоянии. И поэтому нужно было максимально убрать все источники развития, инноваций. Почему? Потому что, как только система деятельности начинает меняться и изменяться, нужно контролировать этот процесс изменения и развития. С чем мы сталкиваемся и сегодня. А вот если мы имеем воспроизводящуюся и функционирующую однообразно систему, то ее можно один раз построить, соотнеся, скажем, с природными циклами в долине Нила, и можно было двенадцать или сколько-то там тысяч лет ничего в ней не перестраивать и не менять.

Якобсон А.Я.: Но происходит ли при этом деятельность?

Щедровицкий П.Г.: Здесь еще один важный момент нужно подчеркнуть. Я ведь не случайно обращаю внимание на те понятия, которые вводились в



немецкой классической философии. Сказать, была ли там деятельность или нет, можно было только после того, как Гегель и Маркс разработали структуру этого понятия. И теперь, имея это понятие, мы можем посмотреть назад и сказать, что там была деятельность, хозяйство или еще что-то. То есть мы проецируем свои представления вглубь истории. Но

только теперь, поскольку у нас есть такая система представлений.

Тахтеев В.В.: Скажите, существующие системы деятельности управляются как-то? Или же они замкнуты сами на себя, и управление является таким же формальным звеном, как и все прочее?

Щедровицкий П.Г.: Смотрите, здесь один момент действует. Все зависит от того, в какой логике вы это будете описывать. Если мы кружочком обозначим некоторую систему деятельности (пока не отвечая на вопрос, из чего она там состоит), то дальше возникает один из ключевых для XX в. вопросов: как представлять процессы управления в деятельности?

Рис. 19

Социологический ответ заключался бы в следующем: есть управляющая структурка, которая особым образом организует все остальное целое и на него действует (рис. 20).

Рис. 20

А мы, например, пользуемся другой графикой и другой моделькой. Мы говорим: управление системой деятельности предполагает, что будет построен обвод: и возникает еще одна система деятельности – деятельность по управлению, которая захватит управляемую систему деятельности и включит в себя как свой функциональный элемент.

Это очень нетрадиционная графика и категория. Она, по сути, говорит, что разные системы деятельности являются лишь элементами управляющих систем, или систем управления.

А теперь, если вернуться к Вашему вопросу (сталкиваемся ли мы сегодня с управляемой деятельностью или с неуправляемой?), то здесь возникает масса тонкостей. Если, к примеру, обсуждать наш хозяйственный механизм, то я считаю, что он совершенно неуправляем. И в этом, кстати, основания моих возражений, которые я делал на общем заседании. Поскольку, с моей точки зрения, все, кто выступал, исходили из того, что кто-то управляет нашим хозяйством, просчитывает его, размещает и т.д. Я при этом исхожу из следующего представления: никто ничем давно не управляет.

Гурман В.И.: Делают вид, просто.

Щедровицкий П.Г.: Но что значит: “никто не управляет”? Это значит, что нет такой более широкой системы деятельности, которая контролирует, организует, реорганизует хозяйственные системы.

А если вы вообще спрашиваете про мир, о принципиальной возможности управления процессами деятельности, то можно сказать, что это есть один из кардинальных вопросов XX в., поскольку систе-

мы деятельности стали настолько сложными, настолько разнородными, настолько инерционными, что без управления мы вообще не можем нормально существовать. Поэтому деятельность управления выдвинулась в XX в. на первый план. И если в XVIII или XIX вв. она лишь чуть-чуть обсуждалась в теории государства и права, то сегодня она описывается и анализируется целым спектром наук. И ее статус существенно изменился.

Бондарев А.С.: У меня такой вопрос. Вы сказали, что необходим деятельностно-природный подход для разработки концепции. Но ведь именно такой подход у нас разработан в четырехсферной модели. Есть четыре сферы – это четыре вида деятельности. Вы добавить сюда ничего не можете. И в то же время, если что-то убрать, у вас не будет человеческого общества как такового. Мы заложили туда глубокую диалектику человеческой деятельности. На первом этапе – это производство человека. На втором этапе – это производство вещей…

Щедровицкий П.Г.: Вы же – гегельянец.

Бондарев А.С.: Это закон отрицания отрицания.

Щедровицкий П.Г.: Ну, я же говорю – гегельянец.

Бондарев А.С.: И было бы интересно послушать ваше мнение об этом.

Щедровицкий П.Г.: Ответ же здесь простой: у вас же здесь только один тип деятельности – производство! Просто производство разного.

Бондарев А.С.: А вы можете назвать еще какой-нибудь тип деятельности?

Щедровицкий П.Г.: Конечно. Ну, например, есть такой тип деятельности, как развитие. Или другой тип – управление. Или – функционирование.

Бондарев А.С.: У нас это все заложено в блок управленческой деятельности.

Щедровицкий П.Г.: Коллега! Смотрите, в чем мы с вами расходимся. У вас есть производство. Но при этом вы прикладываете идею производства к разным сущностям: у вас есть производство вещей, знаний, управленческих структур и человека. Поэтому вы берете человека, знания, управленческие структуры и вещи как материальные единички. А рассматриваете только процессы производства.

Бондарев А.С.: Я рассматриваю процессы производства более сложно: как процессы простого и как расширенного производства. Как расширенного производства человека, формации и общества как такового.

Щедровицкий П.Г.: Я ведь все понимаю. Но пока я утверждаю одну простую вещь.

Гурман В.И.: Мы пока не слышали, что он хочет сказать, в конечном счете?

Щедровицкий П.Г.: Подождите-подождите. Сосчитаться же надо... Я утверждаю одну вещь: у вас по типу один процесс – производство. Хотя, поскольку вы же – гегельянец, вы никуда не можете убрать идею воспроизводства. Но с этим будем отдельно разбираться. А, вообще говоря, у вас есть производство, которое прилагается к разным единичкам. А я утверждаю другую вещь. Я утверждаю, что те единички, которые вы назвали – знания, люди, оргуправленческие структуры и вещи – есть ни что иное, как – смотрите, я ввожу новую категорию – организованности самой деятельности.

Бондарев А.С.: Вот это производство – и есть организационная деятельность разных типов.

Щедровицкий П.Г.: Вот и вводите разные типы. Какие у вас там типы?

Бондарев А.С.: Первый тип деятельности – по производству человека...

Щедровицкий П.Г.: Вот! А я что говорил? “По производству”! А, следовательно...

Бондарев А.С.: Это деятельность по производству человека. Сюда входят здравоохранение, народное образование... Это деятельность или нет?

Щедровицкий П.Г.: Подождите. Деятельность. Но – не производственная деятельность!

Бондарев А.С.: А кто же говорит о производственной деятельности? Производство вещей – это производственная деятельность. А здравоохранение – просто деятельность? Или вы считаете, что это не деятельность?

Гурман В.И.: Вполне возможно, что ваша концепция не противоречит тому, что он скажет. Дайте ему сказать.

Щедровицкий П.Г.: Подождите. Что это значит: “вполне возможно”? Это вам “вполне возможно”. А мне это небезразлично, поскольку ведь гегельянцы – они страшные вещи делают. Смотрите, какая происходит штука: утверждается, что мы должны отказаться от идеологии производства вещей (и тут я двумя руками “за”: ну, конечно, не надо думать, что весь мир – это производство вещей). Но дальше делается трюк, поскольку кроме идеи производства ничего нет, и эта идея производства просто переносится на другие типы единичек: говорится “производство человека”. А для меня это нонсенс. Не может быть “производства человека”!

Бондарев А.С.: Здесь речь идет о народном образовании и производстве личности.

Из зала: Да нет “народного образования”.

Щедровицкий П.Г.: Уже загубили народное образование.

Бондарев А.С.: Это не мы загубили. Потому и нет, что делали не так, как мы предлагали. Человека загубили, потому что он ради производства вещей приносится в жертву.

Щедровицкий П.Г.: Вроде все понятно, да? Я считаю, что мы позиции обозначили. Я на ваш вопрос ответил. Итак, вы сводите все к одному типу: производству. На мой взгляд.

Бондарев А.С.: Это на ваш взгляд.

Щедровицкий П.Г.: Есть еще вопросы? Нет. Отлично. Тогда пойдем дальше.

Из зала: С нетерпением ждем.

Щедровицкий П.Г.: Теперь возникает следующий чрезвычайно важный вопрос. Когда в философию была введена и впервые начала описываться и анализироваться идея деятельности, то практически сразу было понято, что научный, модельный подход к описанию деятельности невозможен без выделения типов.

Из зала: Правильно.

Щедровицкий П.Г.: И для того, чтобы перейти от философского, абстрактного понятия деятельности к научно-теоретическому, а дальше – к конструктивно-проектному, нужно разбить деятельность на разные типы, и для каждого типа ввести свою модельку, которая бы задавала тот набор единиц и те способы конфигурации, которые вводятся. И где-то в десятые-двадцатые годы этого века в разных философских и социологических школах начались попытки введения такого рода единиц для описания деятельности. Ну, скажем, из известных нам, Тадеуш Катарбиньский развивал праксиологию (теорию практики), где он пытался описывать некоторые единички деятельности и фиксировать их.

Я сейчас сделаю один небольшой шажочек и введу такую простейшую единичку описания деятельности (одну из ..!), которая была получена при такого рода исследовательских процедурах.

Что входит в эту простейшую единичку? Прежде всего "позиция деятеля", который имеет некоторые "средства". И эти средства деятель применяет за счет некоторой "процедуры" для преобразования некоего "исходного материала" в некоторый "продукт". При этом, чтобы производить преобразование исходного материала в продукт, он имеет "цели", которые в снятой форме указывают ему на тот продукт, который ему надо получить. Он имеет соответствующие "ценности" (которые я рисую чуть вылезающими за рамки акта деятельности). Ценности регулируют приложение средств для достижения тех или иных целей, и указывают на допустимые цели и возможные средства. Кроме того, у него должны быть "интериоризированные средства" (то есть внутри него находящиеся), а также "способности" деятеля, которые позволяют ему осуществить этот шаг преобразования исходного материала в продукт (рис. 21).

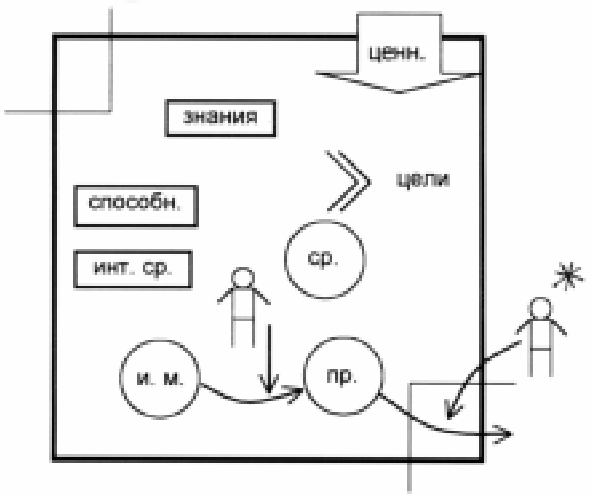


Рис. 21. Схема "Акта деятельности"

И на такой простой модели мы можем схематизировать и задать такой набор единиц, которые в своей полноте и схеме состава фиксируют один возможный тип деятельности. Спрашивается: какой?

Из зала: Производственный.

Щедровицкий П.Г.: Вот! Тут начинается самый интересный вопрос. Мы, конечно, понимаем, что за этим стоят привычные нам процессы производственной деятельности, то есть превращение исходного материала в продукты – вещи. Но пока мы ввели только абстрактную единичку деятельности. И мы еще не можем сказать: какой деятельности? Когда я здесь написал "продукт", то я на самом деле вас обманул немножко. Правильнее было бы написать: "результат". Некоторый исходный материал переводится в результат за счет приложения средств. А вот станет ли этот результат продуктом или не станет, зависит от того, попадет ли этот результат в другую такую же ячейку, в которой он займет то или иное функциональное место. Ну, например, станет "средством", то есть то, что здесь было на месте "результата" деятельности, перейдет в другой акт деятельности и станет в нем "средством" будущей деятельности. И только тогда, когда это случится (то есть когда "результат" станет "средством"), мы можем сказать, что этот результат являлся продуктом. Но когда это можно сказать? Только когда стоишь во внешней позиции (на рис. 21 – позиция со звездочкой) и фиксируешь связку двух актов деятельности.

А если мы что-то в качестве "результата" получили, но это никуда не попало, мы не можем сказать, что мы произвели продукт. Мы материал извели, средства истратили, амортизацию человеческого материала имеем, способности он применил, а продукта никакого нет.

Из зала: Слово “производство” здесь не очень подходит.

Щедровицкий П.Г.: Вот, смотрите. Мы взяли не один такой акт, а, по крайней мере, два и сочленили друг с другом. И можем сказать, что одна из этих организованностей перевалилась в другой “актик” и заняла там свое функциональное место. И стала либо средством, либо исходным материалом, либо заняла какое-то другое место. Но, во всяком случае, такую первую схематическую единичку, объединяющую разные деятельностные организованности, я нарисовал. А то, что он интерпретироваться будет как “производство” – это шаг чуть дальше.

Здесь я опять поставил бы точку. Какие будут вопросы?

Из зала: Что такое “интериоризированные средства”? И то, что рядом нарисовано?

Щедровицкий П.Г.: Это внутренние средства. Не овнешненные, а те, которые внутри человека, освоенные человеком. И “способности”, которые необходимы для того, чтобы перевести этот исходный материал в результат.

Из зала: Нужны еще знания.

Щедровицкий П.Г.: Давайте нарисуем еще и “знания”.

Из зала: Знания о чем?

Щедровицкий П.Г.: А что значит: “знания о чем”? Просто – знания. Потому что когда вы говорите “знания о чем”, тут нужно два момента делить. Это же схема абстрактная. Вы же не спрашиваете: “какой исходный материал?” А я вам не отвечаю: шерсть. Да?

Из зала: Я понимаю. Но я ведь могу те знания, которые взял, не связать с остальными.

Щедровицкий П.Г.: Можете. Но смотрите, как интересно. Значит, мы должны нарисовать такой блок, написать на нем “знания”. Так же как пишем “цели”. А потом отдельно обсуждать: что в этот блок кладется? Если “знание”, то какое содержание будет у этого знания? Точно так же мы должны сказать: что используется в качестве исходного материала? Какие средства? И т.д. Каждый раз нужно конкретно решать вопрос наполнения этого блока. То есть начинает действовать тот принцип, который обсуждал Сергей Валентинович в самом начале. При анализе деятельности надо жестко делить места в функциональных структурах деятельности (то есть в схемах состава) и наполнение этих мест. Когда я пишу “цели”, я имею в виду только одно: то, что в этом блоке лежит, выполняет функцию целей в этой структуре. А теперь: если вы меня спросите: “Что там лежит?” и “Какие цели имеет этот деятель?”, я должен буду обсуждать не место, о наполнение этих мест. То есть конкретно то содержание, тот смысл, который сюда входит и здесь закрепляется. То же самое – про исходный материал. У меня есть место для исходного материала. Если вы теперь спросите: “Какой исходный материал?”, я должен выйти вовне и начинать обсуждать наполнение конкретным материалом.

Итак, для анализа структур и систем деятельности необходимо использовать принцип разделения места и наполнения. А, следовательно, применять особую, системную и системно-структурную логику, которая делит функциональные места (или места в функциональных структурах) и наполнение (конкретное) этих мест, которое может меняться.

Ладейщиков Н.П.: Можно ли определить цель игры как обучение на абстрактном уровне новой методологии? Это очень интересно, но далеко от проблем Байкала. Мы себя ощущаем учениками. Если же цель – обучение, тогда нужно точнее давать определения. Например, что такое ресурсы Байкала? Определено очень нечетко.

Щедровицкий П.Г.: Понимаете, я совсем в другой плоскости начну отвечать на ваш вопрос. Но для меня это неимоверно важно. Смотрите, какая сложная вещь. Если вы теперь меня спросите про эту схему, я вам скажу: я ведь не могут дать определение цели в аристотелевской родо-видовой системе. Ведь Аристотель придумал эти самые определения, придумав предварительно родо-видовую картину мира. То есть рассматривая картину мира как родо-видовую, он мог дать определение каждой вещи, подведя ее под соответствующий род и вид. А у меня ведь совершенно другая логика. Неаристотелевская. Если вы меня спрашиваете, что такое цели я отвечаю: цели – это то, что находится вот здесь, в этой структуре, в этом блоке.

А теперь я прохожу чуть дальше. Парадокс и сложность работы с системами деятельности состоит в том, что там все пульсирует и содержание перетекает из одного блока в другой. А поэтому все “определения” в этой логике (если пользоваться словом “определение”) – функциональные. То есть зависят от того места, которое занимает данное функциональное образование в более широкой структуре деятельности. Но что это означает? Я ведь не могу сказать: “Что есть ресурс?” Потому что ресурс – это то, что находится в функциональном блоке ресурсов, но в другом типе деятельности, состоящем из других единичек и имеющем другую, более сложную структуру. Здесь, на схеме, как видите, ресурсов нет. Нет соответствующего блока. А мне не нужно было это понятие. Я им не пользовался. А если мы будем обсуждать другие типы деятельности, скажем, связанные с деятельностно-природными системами, я вынужден буду там ввести такой блок – “ресурсы”. Но что будет ресурсом? Понимаете, какая удивительная вещь. Ресурсом будет то, что будет использоваться как ресурс. Я, например, не могу сказать: человек, который сидит здесь – это ресурс или нересурс?

Коллектив, который живет на этой территории, – это ресурс или нересурс? Средства, скажем, финансы – это ресурс или нересурс? Все может быть ресурсом, если мы это вставили в соответствующую систему координат.

А теперь я вернусь к вашему первому вопросу. Я бы очень не хотел, чтобы все это приобретало такой, псевдоучебный характер. Потому что сделать нам надо совершенно другое. Нам надо понять две достаточно сложные для понимания, но продвигающие вещи.

Первое, мы можем эту схему (рис. 21) использовать для описания сложных деятельностей, например, производственной. И интерпретировать эту производственную деятельность как состоящую из таких актиков. Мы можем, например, технологию расписать как такую систему актов, где элементы переходят в другие и идет все время движение материала по этим функциональным структурам и по определенной логике и правилам.

Но есть и совершенно другая логика: использовать эти схемы не для описания противостоящих вам систем деятельности, находящихся там, в мире вне нас. А мы можем использовать эти схемы по другому назначению: для организации своей собственной деятельности. Например, я себе говорю: "Я нахожусь вот в этом месте". И я себя как бы засунул внутрь схемы. А теперь я говорю: "Что есть мой исходный материал? Какие результаты я хочу получить? Какие у меня цели? Какие способности? Средства?" И так далее.

И я эту схему использую не для описания технологии, не для описания производства, а для организации самого себя и своей деятельности. И это – я подчеркиваю – две совершенно разные логики.

Смотрите, какой интересный момент. Мы очень часто описываем управленческую деятельность вне нас. Например, эту кибернетическую схему с обратными связями мы сначала можем нарисовать на доске, а потом – на гигантских матрицах. Но мы чрезвычайно редко спрашиваем, а можно ли эту схему употреблять для самоорганизации? И если мы себе этот вопрос зададим, то быстро выяснится, что кибернетические схемы не годятся для этого. Потому что, если я рисую эту схему и говорю: "Это управляющий блок, а это – управляемый", – то почему не наоборот? (см. рис. 22).

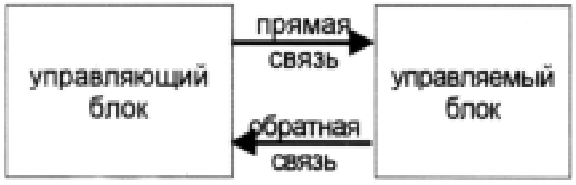


Рис. 22. Схема "Кибернетической модели"

Ведь все зависит от того, как я обозначил блоки. Если их переименовать, то все останется то же самое. А поэтому Ст. Бир это доводил даже до смешных вещей. Он говорил: "Водитель управляет машиной, а дорога управляет и водителем и машиной". Или: "Ситечко, через которое просеивают камешки, управляет движением камешков".

То есть понятие управления раздувается до охвата всех явлений мира, а, следовательно, его содержание стремится к нулю, хотя объем растет. Поэтому получается такая сложная вещь: для описания деятельности нужно использовать такие схемы и такие единички конструктивные, которые позволили бы потом эту деятельность реализовать. Не описывать, как она там течет вне нас, а самим сделать. Поэтому, скажем, оргуправленческую деятельность нужно описывать не так, чтобы она схватывала лежащие вне нас явления, а так, чтобы мы сами по этой схеме могли работать и осуществлять управление. А если эта схема как оргуправленческая и как оргмыслительная не употребляется, то, между прочим, грош ей цена как описанию того, что лежит вне нас. Именно отсюда и разрыв между словом и делом, который у нас часто наблюдается. Мы описываем явления по одним схемам, а сами работаем совершенно по другим.

Теперь я опять возвращаюсь назад. Вы меня спрашиваете: "Есть ли тут элементы обучения?" Я говорю: мне бы хотелось это убрать на самые задворки. Потому что мне более важно другое: чтобы наше описание процессов региональной деятельности было таким, чтобы, с одной стороны, мы бы могли описывать и представлять их как лежащие вне нас и живущие по определенным правилам. Но, с другой стороны, так описать, чтобы мы могли войти в эти схемы и стать агентами регионального развития (или регионального производства, или регионального воспроизводства). И эти схемы должны позволять употреблять себя в этих двух функциях: в организационно-деятельностной и в теоретической, описательной функции.

Ладейщиков Н.П.: И последний вопрос. Скажите, пожалуйста, в процессе познания вы что считаете первичным: опыт или абстракцию?

Щедровицкий П.Г.: Понимаете, как я вам отвечу? Хитро. Что касается меня, то я считаю, что процесс познания есть один, очень узкий, локальный тип деятельности, который имеет, в частности, такую форму своей организации, как научные исследования. Значит, я утверждаю: познание – один из многих, причем очень узкий тип деятельности. А научные исследования – одна из форм организации познания. То есть вы видите, какую я роль (очень скромную) отвожу научным исследованиям.

Что касается меня, то я предпочитаю работать не как познающий субъект, а как организатор и конструктор. И эти типы деятельности мне ближе. Хотя я

в свое время там чего-то исследовал, говорят. А поэтому этот тип деятельности – познание – от меня далек. И я бы пока на ваш вопрос (что играет в познании большую роль – опыт или абстракция?) не отвечал. Хотя ваш вопрос, безусловно, важный.

Ладейщиков Н.П.: Я спрашивал про первичность.

Щедровицкий П.Г.: Давайте вернемся к нарисованной схемочке акта деятельности. Вот здесь что первично?

Ладейщиков Н.П.: Я считаю, что первичным был ваш опыт, который дал вам возможность изобразить эту схему. Но вы уже находитесь на таком уровне мышления и владеете таким аппаратом, который позволяет вам выяснять категории истины, не привлекая экспериментальный материал.

Щедровицкий П.Г.: Вы мой вопрос не принимаете. Я ведь вопрос с подковыркой задал. Я спросил: что первично в этой схеме?

Ладейщиков Н.П.: В этой схеме первична та система представлений, которая вытекает из вашего жизненного опыта.

Щедровицкий П.Г.: Вот! Я ведь направление своего вопроса вижу совсем иначе. На этот вопрос – что первично в этой схеме? – ответить нельзя. Нельзя сказать, что здесь все начинается со средств или с цели. Но та же логика действует и для познания, или исследования. Если мы нарисуем схему познания или научного исследования, то в ней будет такая структура, где будет написано "эмпирический материал", "эксперимент", "идеальные объекты (модели)", "проблемы", "факты" и т.д. Будут вот такие блоки. И на вопрос, что первично – нельзя ответить. Все первично и все вторично!

Ладейщиков Н.П.: Ну, тут кроется опасность в идеализм впасть.

Щедровицкий П.Г.: Подождите секундочку. Тоже мне, опасность – "впасть в идеализм". Мы на семьдесят лет уже впали в идеализм. И – ничего!

(Смех в зале)

Поэтому опасности нет. Уже впали. Надо теперь выбираться. А для этого, между прочим, надо произвести следующий шаг. Надо четко отделять свои знания о мире от мира. И использовать принцип материализма. А в чем он состоит? Объективная реальность существует, но нам она дана в субъективных формах! А, следовательно, мы никогда не можем сквозь свои субъективные формы схватить объективную реальность как таковую. Поэтому мне вторая часть вашего вопроса, или вашего замечания, очень не понравилась. Я здесь не схватываю объективную реальность. Я, конечно, могу иметь амбиции и претендовать на то, что я ухватил черта за хвост. Но на самом деле я ничего не ухватил. Я положил формы знания, то есть свои модельки и картинки. Но я должен четко понимать, что мир устроен иначе, чем в моей картинке. Мир – другой! И это есть принцип материализма. А вот когда мы рисуем какую-либо схему знаний, а потом говорим: "на самом деле мир устроен так!" – вот тогда мы – субъективные или объективные идеалисты.

Поэтому совсем, как бы, в другом лежит ситуация. Совсем не в том, чтобы что-то назвать первичным, а что-то вторичным. А в том, чтобы соблюдать некую систему принципов. И для этих функциональных схем – и это очень важно! – идея первичности и вторичности не работает, поскольку вся структура кладется разом. А обходить мы ее можем в любом порядке. Нам ведь надо иметь целостность. Функциональную целостность деятельности! Грубо говоря, мы должны исходить из того, что если хотя бы один элемент не заполнен, то деятельность не может реализоваться. Хотя бы один элемент! И нам придется, если хотя бы один элемент не заполнен, выходить в более широкое пространство деятельности и строить другую деятельность по разработке и созданию этих недостающих элементов. Поэтому деятельностные структуры еще подчиняются принципу "матрешечного вкладывания" друг в друга. Если у нас что-то внутри деятельности не хватает, например, мы не имеем трудовых ресурсов для запуска хозяйственных процессов, или не имеем экологических технологий, мы должны выйти в более широкую систему (и здесь замечание у меня к группам и вообще – к участникам) и создавать то, чего у нас нет. Но создавать не в той, не в нашей системе деятельности (поскольку в ней ничего нового не создашь), а в более широкой. А ведь мы как себя ведем? Нам говорят: "Этого нет, этого нет, этого нет. Надо выходить в более широкую систему". А мы на это отвечаем: "Нет! Ни за что! Мы тут посидим и дождемся, пока свалится с неба или кто-нибудь сделает".

И в этом состоит один из принципов системной, деятельностной логики. Если мы теперь такую функциональную структуру задали, мы можем теперь соотнести ее с имеющимися у нас материальными образованиями. И ответить на вопрос: какие единички являются незаполненными? А потом выйти в более широкую систему и попробовать за счет другой деятельности – подчеркиваю: за счет другой! – создать то, чего у нас нет в нижележащей. А потом мы можем опять вернуться в свою систему и работать уже в полной системе деятельности.

Я считаю, что я на ваш вопрос ответил.

Ладейщиков Н.П.: Да. Более или менее. Очень интересно, поэтому у меня еще один, самый последний вопрос. Мы часто используем (особенно экономисты) термин "Байкальский регион". Но что под ним понимать? Это непростой вопрос. Терминологический вопрос здесь имеет совершенно конкретное выражение. Если иметь в виду собственно Байкальский регион, то это будет котловина Байкала.

Байкальская котловина, четко ограниченная. Но должны ли мы иметь в виду бассейн Байкала? Бассейн Байкала дает только воду. Но основные процессы, которые формируют экосистему Байкала (а это сейчас для нас важно) – это процессы, идущие с запада. Оттуда все циклоны, осадки и т.д. Бассейн же дает только воду. Тем не менее, его нельзя исключать из понимания Байкальского региона.

Щедровицкий П.Г.: Я ведь этого не обсуждаю.

Ладейщиков Н.П.: Но ведь это тоже надо рассматривать.

Щедровицкий П.Г.: Обязательно. Но для этого надо рассматривать понятие региона. А потом производить анализ ситуации на Байкале.

Ладейщиков Н.П.: То есть начинать с абстракций? С понятия региона?

Щедровицкий П.Г.: Подождите секундочку. Опять вы все переводите в план процессуальный: сначала – это сделать, потом – то.

Ладейщиков Н.П.: Но ведь деятельность есть процесс.

Щедровицкий П.Г.: Нет! И тут мы с вами начинаем очень интересный момент обсуждать. Потому что смотрите, что получается: деятельность есть и процесс, и функциональная структура, и (тут я добавляю новое) морфологическая структура, и сгустки материала (или материал, ткань).

Ладейщиков Н.П.: Это очень важно.

Щедровицкий П.Г.: И каждый раз нам надо представлять это по-разному. Смотрите, вы говорите: "Деятельность – процесс". Но ведь я с таким же успехом могу сказать, что деятельность – это вот изображенная мной структура, а процесс – это только обход.

Знаете, Лурье в свое время проводил опыты с детьми четырех-пяти лет. Он давал бумажку и просил нарисовать прыгающего мальчика. Ребенок рисовал мальчика. А он ему говорил: "Я же просил прыгающего". И дальше дети начинали делиться на два класса: одни начинали водить листком бумаги вверх-вниз, а другие начинали прыгать сами.

(Смех в зале)

А поэтому, смотрите, как интересно, если я нарисовал функциональную структуру, то я теперь буду водить по ней пальцем и говорить: зашнуровываю эти блоки в таком-то порядке, в такой-то последовательности. И я как бы примысливаю сюда процесс. Но это уже способы моей работы. А если я не могу это сделать и если на моей схеме могут течь разные процессы, то возникает проблема (то есть необходимых знаний, как организовать – не хватает).

А регион я пока не обсуждал.

Ладейщиков Н.П.: Спасибо.

Из зала: Прежде всего, извините за возможную одиозность моего вопроса. Все наши концепции буксуют. Согласны? У нас за эти шесть дней, по-моему, одни только вывихи. Видимо, мы не сумели еще войти в схему обсуждения в тех аспектах, которые вы показали. Так или нет?

Щедровицкий П.Г.: Да. Но смотрите: и это – проблема! А не задача. Что значит "проблема"? Это значит, что такого рода схем, которые бы схватывали разные типы деятельностно-природных систем и разные типы деятельности с деятельностно-природными системами, нет. И поэтому, говорю я, это – проблема. И сколько мы ни будем пытаться решить ее старыми средствами, мы ее не решим. А что это означает? Ну, не решим. Разъедемся. Но она ведь так и останется нерешенной.

Из зала: А надо решить.

Щедровицкий П.Г.: А надо решить. Так, все попростому.

(Смех в зале)

Большаков А.Г.: Скажите, сохраняется ли логика употребления этой схемы, когда мы ее берем для теоретического описания, ну, например, региональных систем? То есть вы там вменяете субъективность...

Щедровицкий П.Г.: Понимаете, вы задаете очень сложный вопрос. Почему? Потому что я еще не сделал одного нужного мне шага: не обсудил процесс воспроизводства. Потому что – ведь смотрите, какой интересный момент, – регион и региональные системы деятельности не только и не столько производственные. Это понятно? Более того, добавим сюда следующее: если мы сводим регион к производственным процессам, то мы уничтожаем регион. Мы получаем так называемую социально-производственную систему. И социально-производственная система это – не регион и не региональная система. В ней течет один процесс производства, а все остальное пришнуровывается к нему.

Поэтому, что меня спросили и что я ответил? Для описания региональных систем и региональных процессов, для описания деятельностно-природных систем этой схемы (а следовательно – одного процесса производства) недостаточно. Но что нужно сделать? Нужно иметь в качестве первого абстрактного приближения какое-то понятие (или предпонятие) региона, чтобы понимать, с какого рода объектом мы сталкиваемся, с каким образованием по типу имеем дело? А затем надо произвести, как говорил Декарт, эннумерацию процессов. То есть выписать их все по порядочку и сказать: регион обязательно включает в себя следующие типы процессов: первый, второй, третий, ...девятнадцатый, ...тридцатый... И дальше каждый из этих процессов развернуть в свою структуру.

Вон там, видите, представитель "Оркона" тычет пальцем в свою схему? А у него там, на схеме, что нарисовано? Много-много одинаковых блоков и на каждом блоке написано разное. Что я, вроде бы, го-

ворю: ну, конечно, мы имеем много типов деятельности и каждый из них должен иметь свою (по логике, а не по наполнению) структуру. И пока мы каждый тип деятельности в свою структурку не выписали, мы не можем отвечать на вопрос: как их состыковывать? Поскольку есть типы деятельности, которые можно зашнуровывать (ставить в отношение друг к другу), а есть типы деятельности, которые нельзя зашнуровывать. И дальше нужно обсуждать вопросы:

1. Сколько таких процессов in abstractum (то есть на уровне перечисления и эннумерации)?

2. Какую функциональную структуру деятельности мы держим за каждым?

3. Как их теперь начать собирать и зашнуровывать друг на друга?

А потому, смотрите: задачка неимоверной сложности. Нам ведь нужно – как программа минимум – решить ее хотя бы на уровне принципа. Не произвести детальное расчленение и задание детальных структур, а, скажем, выделить два-три основных процесса для региона. Я подчеркиваю: основных процессов для региона! А затем ответить на вопрос: как они должны зашнуровываться друг на друга? А дальше мы разъедемся и будем кое-что делать практически, а кое-что будем делать на уровне исследований, имеющих другой шаг времени. И пока мы на уровне принципа не ответили, ничего не будет.

Поэтому вопрос-то про регион правильный и очень важный вопрос. Без ответа на него мы дальше не двинемся. Но, в принципе, мы должны понимать, что регион – есть сложная зашнуровка многих процессов. И производственный процесс там далеко не самый главный.

Из зала: Меня интересует вот какой вопрос. Можно ли идентифицировать деятельность с процессом развития? И если нельзя, то как эти два понятия соотносятся друг с другом.

Щедровицкий П.Г.: Понял. Давайте, сначала разделим два момента. Первый раз я могу сказать так: развитие – есть особый тип деятельности. Понятно, да? То есть процесс развития, как и процесс производства, процесс воспроизводства, процесс функционирования, процесс управления, может быть представлен своей особой схемой. Это первый ответ.

Из зала: Это абстрактно.

Щедровицкий П.Г.: Конечно, абстрактно. Но подождите секундочку. Теперь я чуть по-другому скажу. Я могу сказать: развитие есть ценность конца XX и XXI вв. А что это значит? Это значит, что современные общественные, социальные системы должны быть развивающимися. И независимо от того, сколько разных процессов задают систему, эта система деятельности должна отвечать логике и принципам развития. А если мы про развитие забываем, то начинается стагнация и умирание.

Гурман В.И.: А почему это соответствует только XX в.?

Щедровицкий П.Г.: Дело в том, что сама идея развития является неимоверно сложной. Я этого сейчас не хочу специально обсуждать. Но она кристаллизовалась, в частности, в эволюционной биологии, затем – в геологии, а дальше была перенесена в философию и там осмыслялась. И на это ушло лет двести. Мы и до сих пор с трудом отвечаем на вопрос: что есть развитие?

Гурман В.И.: Это я понимаю. Но почему вы сказали: XX-XXI вв.? А не дальше?

Щедровицкий П.Г.: Может быть, и дальше. Но это будет два разных ответа. Потому что я утверждаю, что один раз – это один из процессов, рядоположенный с другими; это также процесс со своей структурой. В другой раз я утверждаю, что все современные системы, чтобы быть жизнеспособными, должны развиваться. Но это будут разные плоскости ответов. Вот так бы я пока сказал. А что касается схем процессов развития, то это бы мы пока сдвинули.

Гурман В.И.: Скажите, этот абстрактный модуль, который вы изобразили, должен отвечать за все виды деятельности? Или вы еще нарисуете?

Щедровицкий П.Г.: Нет. Подождите, все по порядку. Это только один тип деятельности. Одна единичка. Другие типы деятельности могут быть изображены по-другому. А это – только одна единичка. Есть еще вопросы?

Ознобихин Ф.И.: А если эти единички или деятельности мы хотим связать между собой, нужна более широкая рамочка?

Щедровицкий П.Г.: Да.

Попов С.В.: Но дальше вы ведь можете конструктивно разворачивать...

Ознобихин Ф.И.: Я могу и дальше задать вопрос. Но я потом хочу...

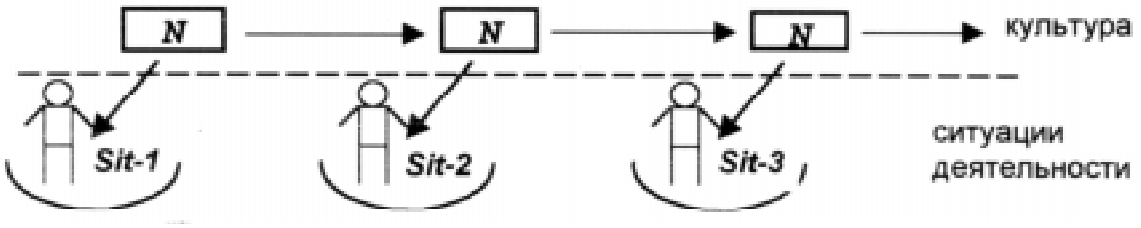


Рис. 23. Схема "Трансляции культуры и воспроизводства деятельности"

Щедровицкий П.Г.: Хорошо. Тогда я делаю следующий шаг. Но вот теперь здесь возникает интересный вопрос. Если мы утверждаем, что есть много различных типов деятельности и каждый из них имеет свою особую структурную схему, или особый состав единичек, то значит ли это, что деятельность как таковая не может быть никак схвачена и представлена? Ну, или чуть иначе я бы сформулировал: имеем ли мы что-то в плане сущностного определения деятельности как таковой, вне зависимости от многих различных разделений на эти разные типы? Что, собственно, задает деятельность как таковую? По вот этому абстрактному, сущностному понятию?

Тут я даю один из возможных ответов (который в свое время давался...). Я бы сказал: сущностным процессом для деятельности является процесс воспроизводства. И процесс воспроизводства должен быть представлен вот в такого рода сложной схеме, в которой, с одной стороны, есть процесс трансляции культуры (я рисую верхний слой на рис. 23). А с другой стороны, – есть процесс реализации культуры в тех или иных ситуациях деятельности. Или, скажем, в социальных ситуациях. И вот эти два процесса в их отношении друг к другу – процесс трансляции культуры и процесс реализации культуры в социальных, деятельностных ситуациях – и задает сущностные характеристики процесса деятельности как таковой.

То есть что можно сказать? Основной процесс, который задает деятельность, есть процесс воспроизводства ее. Деятельность воспроизводится! И это есть ее сущностная характеристика. А воспроизводится она за счет того, что есть культура, в которой отпечатываются нормы, эталоны и образцы организации деятельности. Эти нормы транслируются по своим особым правилам и в своем особом мире.

Гурман В.И.: Куда?

Щедровицкий П.Г.: Нет. Смотрите: ниоткуда и никуда. Они просто транслируются и реализуются в различного рода ситуациях на материале. При этом смотрите, как я рисую: ситуации не связаны между собой. Культура задает в этом плане целостность деятельности. И процесс трансляции культурных норм обеспечивает воспроизводство деятельности в первой ситуации, во второй, в третьей и т.д.

Гурман В.И.: Расшифруйте слово “трансляция”. Ведь транслятор – это переводчик.

Щедровицкий П.Г.: Итак, я могу чуть иначе сказать: есть поток, движение культуры, культурных норм...

Гурман В.И.: Откуда и куда?

Щедровицкий П.Г.: Ниоткуда и никуда. В истории.

Гурман В.И.: Понятно. Во времени.

Щедровицкий П.Г.: Со временем в истории туговато.

Гурман В.И.: Но ведь в истории – значит, от поколения к поколению. От одних людей к другим.

Щедровицкий П.Г.: Нет. Я ведь про это и говорю. Люди – они в нижнем слое. Если, например, я теперь произведу такую конструктивную процедуру: я возьму схему акта деятельности и посажу в блок с нормами культуры.

Гурман В.И.: И тогда это наложится на деятельностные ситуации.

Щедровицкий П.Г.: Вот. Что я тогда должен сказать? Я доложен сказать: для того, чтобы у меня во второй ситуации воспроизвелся тот акт деятельности, который был в первой, я должен все элементы акта деятельности отобразить в нормы и образцы культуры. Там, в культуре это будет транслироваться. И тогда здесь (в новой ситуации деятельности) это может собраться. И я должен сказать: чтобы у меня воспроизвелся такой акт деятельности, нужно, чтобы у меня была норма организации человеческого материала, его способностей; норма применения средств в определенной ситуации; норма целеобразования и т.д. В культуре! Если у меня чего-то из этого в культуре нет, то у меня происходит – прокол: этот акт деятельности не воспроизводится, поскольку нет матрицы или эталона, с которого отпечатывает.

Ну вот, в свое время, когда Ян Коменский обсуждал вопросы педагогики и обучения, он ввел такой термин. Он сказал: “Обучение – есть дидахография”. Дидахография – то есть духовная типография. Вот стоит этот самый “печатный станок” (учитель) и на каждом человеческом материале отпечатывает тот или иной образ и образец.

И вот этот типографический принцип здесь точно так же действует: транслируются нормы и образцы. Они реализуются в ситуациях. И за счет этого можно сказать, что деятельность воспроизводится. Если культурные единицы потеряются, то деятельность перестает воспроизводиться.

И мы вернулись ко всем нашим обсуждениям: почему мы всякий раз, проделав цикл критики существующего положения дел, возвращаемся к упадку культуры? Потому что мы всякий раз наталкиваемся на факт: нормы реализации человеческой деятельности на региональном уровне утеряны. И как здесь сказал один из игроков – что меня сильно потрясло – он сказал: “Это неожиданное, новое дело – аренда...”

(Смех в зале)

Вот так, посмотришь назад и видишь что еще 150 лет назад она была ни “неожиданной”, ни “новой”. А теперь стала “новой”. Поскольку культурные образцы, которые отвечали за этот тип хозяйственной деятельности, потерялись. Люди, которые несли на себе эти образцы деятельности, вымерли. Воспроизвести

эту деятельность мы не можем. Нам все приходится восстанавливать заново.

Но теперь смотрите: я могу в квадратик норм подставить схему нашего акта деятельности и сказать, что у меня будет воспроизводиться данная деятельностная структура. Но я ведь теперь могу сделать и совершенно другое. Я могу сказать: основным процессом деятельности является воспроизводство. А процесс производства, – смотрите, как я буду говорить, – есть форма организации воспроизводства. То есть это особый подвид, или подтип процесса воспроизводства, значимый только для производящих формаций! Только для капиталистической формации, если пользоваться хрестоматийным языком. То есть процесс производства как таковой, или такая связка актов деятельности, где результат одного акта становится элементом другого и превращается в продукт, – есть специфический способ организации воспроизводства, который сложился, начиная с XII в., и получил дальше экономическую форму организации. Но это есть "один из" и очень узкий тип, или способ организации процесса воспроизводства. Один из! И очень узкий! И в этом плане, когда мы все сводим к процессам производства, это просто означает, что мы не можем произвести разоформление этого исторически сложившегося способа воспроизводства. И помыслить себе другие способы, другие формы организации воспроизводства, не замкнутые на процессы производства, не можем. Мы все время бегаем по кругу, поскольку всякий раз говорим: "А деньги откуда возьмутся, если производить не будем?"

(Смех в зале)

А, кстати, деньги-то к производству не имеют никакого отношения. Поскольку деньги (если по Марксу) есть то, что возникает в торговле и торговых системах, которые захватывают процессы производства и подчиняют их своей логике. А само производство никаких денег не дает!

Из зала: А производство самих денег?

Щедровицкий П.Г.: Производство самих денег тоже деньги не дает. Оно дает лишь знаковый материал. А превратится ли этот знаковый материал в деньги или нет, зависит от той системы, куда этот знаковый материал попадет. Поэтому – вернулись опять назад – нельзя заранее сказать, деньги это или не деньги. Это может быть и деньгами. Поэтому тут все это не действует.

Итак, мы возвращаемся назад, и я произношу основной тезис: процесс производства есть особая форма организации воспроизводства. А воспроизводство – главный процесс, сущностный для деятельности. А поэтому, смотрите, что получается: хозрасчета никакого у нас нет, поскольку хозрасчет возникает только тогда, когда мы можем на вырученные эффекты воспроизвести ту деятельность, которая дает нам эти продукты. А если мы не можем воспроизвести ее, то это не хозрасчет. То есть если мы вырубили лиственницу в Бурятии и продали ее за валюту через кооперативы, то еще никакого хозрасчета нет, поскольку непонятно, воспроизвели ли мы на вырученные средства эту лиственницу. Будет ли их достаточно? И будет ли осуществлен процесс воспроизводства? Все это остается неясным.

Поэтому первый шаг, который надо сделать, это нужно отставить в сторону чисто производственную идеологию. Вернуться назад, к анализу процессов воспроизводства и начать оценивать их. То есть смотреть: осуществляется ли у нас в стране воспроизводство деятельности? А дальше, смотрите: (...) деятельностно-природных систем? И если это воспроизводство не осуществляется, то надо поставить большой вопрос: можно ли применять сюда какие-то специальные категории – экономические или еще какие? И вполне может так оказаться, что воспроизводство есть один из ключевых для региона процессов. А будет ли регион воспроизводиться за счет производства или за счет каких-то других типов деятельности, это уже вопрос следующий. Поскольку сначала надо решать вопрос о том, чтобы регион воспроизводился, а потом только решать вопрос: за счет чего это воспроизводство обеспечивается? И одного производства для этого недостаточно. В конце концов, нужно помнить, что говорил Маркс. А он говорил: "Производство есть лишь потребление сущностных сил человека".

Попов С.В.: А возникают они в другом месте.

Щедровицкий П.Г.: А возникают они в другом месте, добавляет Сергей Валентинович.

Теперь чуть назад сдвинемся. Нужно ответить на вопрос: что же нам создает эту систему воспроизводства? И как нам строить производство, которое, как теперь выясняется, потребляет не только сущностные силы человека, но и любые другие ресурсы? В том числе – и природные.

Попов С.В.: Но вот здесь, при введении схемы воспроизводства, сразу можно сказать: то, что сейчас происходит (а сейчас это осознается, и мы говорим о затратной экономике и т.п.), показывает одну такую вещь. Процессы воспроизводства у нас не налажены. У нас налажены процессы растраты. И то, что мы за счет Тюмени 20 лет жили, мы растрачивали, ничего не воспроизводя. А отсюда возникает любопытный вопрос: о развитии каких производительных сил вы говорите? Поскольку развитие производительных сил обозначает не просто процесс воспроизводства, а воспроизводство с избыточным накоплением и развитием потенциала, который может еще больше производить и еще больше воспроизводить.

А у нас, между прочим, один процесс производства. Даже воспроизводство еще не налажено. А вы

уже говорите о развитии. Это – следующего уровня процесс.

Гурман В.И.: Следующего этапа?

Попов С.В.: Нет. Следующего уровня организации деятельностных процессов. А у нас еще воспроизводство не налажено. И когда вы пишете в Концепции о расширении ресурсодобывающей промышленности – это есть продолжение этой самой растраты.

Гурман В.И.: Согласен.

Попов С.В.: Знаете, как говорил один из видных экономистов? Он говорил: "Если бы цены на нефть на мировом рынке упали бы на десять лет раньше..."

Щедровицкий П.Г.: "Да в три раза, да до трех долларов за баррель".

Попов С.В.: "...То они там, может быть, задумались бы раньше". А теперь смотрите: о развитии каких производительных сил вы говорите? Вы наращиваете процесс производства!

Щедровицкий П.Г.: ...Никому не нужных вещей.

Попов С.В.: Еще не обеспечивая даже систему воспроизводства деятельности.

Гурман В.И.: Если вы обращаетесь ко мне как к одному из разработчиков этой глупой системы, то я хочу сказать, что это неверно. Я все это понимаю. И в нашей Концепции как раз заложены принципы иные. И они очень хорошо стыкуются с вашими представлениями. Мы об этом еще можем говорить. Но я хочу сказать о другом: как быть с тем, что население-то у нас растет, развивается, так сказать? Количество голов увеличивается. Хотя бы расширять производство-то надо затем, чтобы успеть за этим ростом. Это и есть воспроизводство.

Попов С.В.: Нет. Постойте. Нет! Необходимо налаживать процессы воспроизводства, поскольку население-то у нас количественно растет, а профессионально, между прочим, деградирует.

Гурман В.И.: С этим я согласен. Но кормить-то надо? Это самое страшное.

Щедровицкий П.Г.: Кормили! И всю Европу еще кормили. И не было проблемы.

Попов С.В.: Постойте. Вы поймите простую вещь. Какая-то "мелкая" Швеция производит сельскохозяйственной продукции...

Гурман В.И.: Знаем. У них тоже "продовольственная проблема": как меньше производить продукции? Я это знаю.

Попов С.В.: Вот! А это просто означает одну такую вещь: все наши системы производства – никуда не годны. А вы говорите: "Расширять их надо, чтобы кормить".

Гурман В.И.: Я согласен с вами полностью. Я не говорю расширять. Я согласен с вами полностью! Не надо придираться к словам "развитие производительных сил". Этот дурацкий термин придуман не нами.

(Смех в зале)

Но мы вынуждены им пользоваться. Нас же интересует организация вот этого механизма. Вот то, о чем вы как раз и говорите. Но, между прочим, раз уж я вырвался на арену, я хочу сказать: у вас есть слабина в организации игры. Вот игротехников взять. Как у нас было в группе? Игротехник говорит: "Давайте быстро делить группу, потому что группа большая". Поделились. Теперь он говорит: "Давайте придумаем какой-нибудь термин вместо слова "наука". Быстро-быстро. Научное обеспечение. Годится? Годится".

Ладно, разделились, расселись. А после этого вокруг слов "научное обеспечение" – целая философия: "Вы должны заниматься только и только научным обеспечением!" Это – игротехник.

(Смех в зале)

Так и с этим термином "производительные силы". Здесь тоже поклонение термину. Он был записан в массе документов: в Госплане, в Совмине... И пошел гулять ниже. А мы писали совсем не такую форму: "Разработать программу, некоторый проект замкнутой, безотходной, экологизированной социально-экономической системы". Все это потом было заменено словами: "Разработать Генеральную концепцию развития производительных сил в бассейне озера Байкал". Мы с этим смирились, поскольку этот термин привычен плановикам. Но мы под этим понимали то, что мы понимали. А вы говорите, что если записано "развитие производительных сил", то все будет делаться на уничтожение ресурсов. Да не так это все!

Попов С.В.: Я вам очень благодарен, Владимир Иосифович. Я думаю, что когда вы на следующую игру поедете, вы внимательным образом будете слушать слова организатора во время установочного доклада. А я вам специально еще вчера говорил: "Подумайте, по каким направлениям?"

Гурман В.И.: Я сейчас поясню. Ситуация такая. Направления были сформулированы. Но группа оказалась слишком большая и невозможно было что-то сделать с такими игротехниками.

Попов С.В.: Я все знаю.

Щедровицкий П.Г.: Ну, что делать? Производственный вирус проникает и в игротехников.

Попов С.В.: А теперь второй момент. Если вы сознались, что производительные силы тут вообще ни при чем...

Гурман В.И.: Ни при чем! Если вы прочитаете Концепцию, там эти слова только в заголовке. Больше нигде их нет.

(Смех в зале)

Попов С.В.: Ну и нечего тогда мозги пудрить. Но тогда возникает вопрос такого рода...

Гурман В.И.: ...Развитие? Его нет. Но возможность для этого есть.

Попов С.В.: Вот! Но про нее никто не рассказывал.

Гурман В.И.: Возможность есть, и я вижу, как это можно соединить.

Попов С.В.: Отлично, значит, вы уже кое-что поняли. Но, с моей точки зрения, единственное, что там есть, – это переразмещение и ограничения на систему производства. Создает ли это условия для воспроизводства, а тем более – для развития – огромный вопрос. Я думаю, что не создает. Поскольку для того, чтобы проектировать систему воспроизводства, нужно другое. А именно: нужно проектировать воспроизводство целостной жизни. И там у вас этого нет. Не проектируется! Вдумайтесь: не проектируется система воспроизводства целостной жизни!

Вот пример с Транссибом. Он элементарный, но на нем можно понять. Когда строился этот Транссиб и была провозглашена программа освоения, то, между прочим, там с самого начала проектировалось, что туда едет определенное количество переселенцев. Им дают гектар или сколько-то там земли на каждого, дают ссуды и все необходимое для жизни. И при этом туда посылается губернатор, поп и учитель.

Щедровицкий П.Г.: И железнодорожный инженер.

Попов С.В.: Да, и железнодорожный инженер. И за счет этого там с самого начала элементарная ячейка жизни проектировалась и сажалась.

А теперь, когда мы смотрим на проектирование БАМа, мы ничего этого не замечаем.

Щедровицкий П.Г.: Но зато замечаем большие мраморные вокзалы.

Попов С.В.: Да. И теперь, когда мы смотрим на Концепцию развития производительных сил Байкальского региона, то мы видим (при всей ее прогрессивности и моем большом уважении к ее авторам), мы видим там – пусть с переразмещением, с ограничениями, с экологическими приоритетами – но только посадку систем производства. И совсем не видим проектирования систем воспроизводства. А для этого надо не только производство иметь, для этого нужна вся целостная жизнь. Я таких картинок не видел.

Гурман В.И.: Я с вами совершенно согласен. Целостной жизни не нарисовано, но возможность для нее предусмотрена. Есть открытая система. Это надо рассказать. Понимаете?

Попов С.В.: Но смотрите, какая ситуация. Вы только вдумайтесь. Если я еще пару шагов сделаю, то вы уже ничего не покажете.

(Смех в зале)

Смотрите, это – система воспроизводства. Но мы ведь можем еще проектировать и региональную структуру. И если мы начнем проектировать региональную структуру и ее независимость, то нам там придется ответить на один такой вопрос (его почему-то при региональном хозрасчете пока напрочь упускают). Речь о специфической форме перераспределения ресурсов и концентрации одного или нескольких видов ресурсов в регионе, в результате чего он приобретает региональную организацию хозяйства. Накопление в регионе одного типа ресурса, которое идет уже поверх систем воспроизводства. То есть системы воспроизводства работают с избытком в определенном регионе. За счет этого регион получает возможность удерживать этот ресурс, торговать и прочее. Разделение происходит. Это уже следующая сдвижка.

А поэтому мы не только не проектируем систем воспроизводства, но мы не проектируем и избыточного ресурсного накопления. Не тех материальных ресурсов, которые в земле зарыты, а, например, избыточного накопления определенного вида интеллектуального ресурса.

Гурман В.И.: Я не знаю, какой вариант Концепции вы смотрели, но вы не смотрели нашего варианта Концепции.

Попов С.В.: Я смотрел два варианта.

Гурман В.И.: В нашем варианте вы могли бы увидеть то, что вас интересует. А именно: замкнутые схемы ресурсонакопления. Кроме того...

Попов С.В.: Замкнутые схемы – это замкнутые схемы. При этом накопления ресурса не происходит. Происходит его циркуляция. А так...

Гурман В.И.: Надо смотреть яснее.

Попов С.В.: Хорошо. Я даже согласен, что это у вас в Концепции есть. Но там дальше еще один шаг скверный, который нужно проектировать.

(Смех в зале)

Смотрите: нужно проектировать производство, потом воспроизводство, потом региональную систему, а после этого нужно проектировать развитие этой системы! А здесь уже совсем скверно. Потому что теперь нам нужно иметь эти несколько сочлененных процессов – производство, воспроизводство, ресурсонакопление и региональное перераспределение ресурсов, а затем еще нужно поставить задачку развития. А что это значит: “задача развития”? Это значит, мы должны иметь избыточную систему мышления и проектирования по отношению к существующей системе. Избыточную! И иметь механизм постоянного структурного или другого качественного изменения. При этом иметь открытый горизонт целей. И строить специфическую систему программирования. То есть проектировать вот такую систему, или проектировать еще один процесс поверх. Да еще проектировать такой процесс, который отрицает все предыдущие.

Гурман В.И.: У меня только один вопрос к вам: то, что вы сказали, мы сейчас, во время этой критики, должны сделать?

Попов С.В.: Но я же вам обещал в конце ответить.

Гурман В.И.: Ну, хорошо. Тогда давайте не будем критиковать.

Попов С.В.: Нет, смотрите...

Гурман В.И.: То, что вы сказали, это не вмещается в Концепцию. Это в проекте должно делаться, то есть в более детальной проработке. В Концепцию все это вместить нельзя.

Попов С.В.: Нет. Не более детально, а на совершенно других основаниях.

Гурман В.И.: Пусть на других основаниях. Но посмотрим, что это за основания. Речь идет о том, что во время такой мозговой атаки это сделать нельзя.

Попов С.В.: Конечно. Но можно сделать другое.

Гурман В.И.: Я хочу понять, что можно сделать?

Попов С.В.: А теперь возникает вопрос: если мы должны проектировать такую сложную связку процессов, причем так, чтобы они друг дружку не разрушали, то мы должны прекрасно понимать, что, например, развитие разрушает функционирование. Как говорят: лучшее – враг хорошего. Поскольку, если у вас есть функционирующая система, а вы на нее начинаете накладывать дополнительные нагрузки, то она начинает рушиться.

А мы ведь до сих пор стояли на позициях функционирования производства. Поэтому, между прочим, мы до сих пор сохраняем станки тридцатых годов: "Чего их менять? Они же работают. Пущай производят!" Хотя во всем мире давно идут процессы технологической революции и развития. И вполне пригодные станки выбрасывают и переплавляют, поскольку качественно новые ставят.

Гурман В.И.: Учтено это.

Попов С.В.: Постойте. Итак, мы зафиксировали, что эти процессы – производства, воспроизводства, региональной организации и развития – находятся в очень сложных отношениях. И их еще надо системно прорисовать и посмотреть: они друг друга разрушают или не разрушают? Но это – как говорят ваши коллеги, – как бы, макропроцессы. Это базовые процессы. Но теперь внутри этих процессов есть еще масса микропроцессов. Правильно? И они тоже должны быть все прорисованы.

Такая задачка здесь, конечно, в полном виде решена быть не может. Но вот теперь – вопрос Владимира Иосифовича, который он задал мне перед этим обсуждением…

Гурман В.И.: Давайте-давайте!

Попов С.В.: Поскольку он человек вредный, игровой и настырный – что мне чрезвычайно нравится, так как я сам такой же, – он задал такой вопрос: "Нам непонятно, чего же мы должны достигнуть на этой игре? Поскольку уровень задачки все более и более повышается и становится ясным, что задача начинает превышать возможности такого замечательного коллектива, который здесь собрался. И по времени, и по силам. А главное – по квалификации".

Гурман В.И.: По времени прежде всего.

Попов С.В.: И по квалификации.

(Смех в зале)

Гурман В.И.: Может быть. Я не всех знаю, кто здесь присутствует.

(Опять смех)

Попов С.В.: Ну, мы это проверяли много раз. Но давайте зафиксируем задачку. Такого типа картины для региона должны быть прорисованы. Вы можете мне верить, можете не верить, но мой опыт работы и чтение всяческой литературы (в т.ч. и вашей) убеждает только в одном: такого типа задачи не решались вообще. Нет методов такого типа решения задачи. Есть попытки разного рода. А, следовательно, задача превышает квалификацию, поскольку вы, может быть, один из самых квалифицированных региональщиков у нас в стране. Во всяком случае, то, что делают экономгеографы – хуже, поскольку у вас есть хотя бы несколько своеобразных поворотов.

Ну, вот теперь давайте вернемся к тому, что мы здесь должны сделать. У меня такое ощущение, что мы читать иногда не умеем. Давайте возьмем программку игры и посмотрим, что там написано? Социально-экологическая экспертиза, да? Во-вторых, тема игры: "Анализ перспектив хозяйственной деятельности в регионе и разработка подходов"... Следовательно, результатом игры должны быть, по крайней мере, не решения, не проект. А должны быть намечены подходы. И теперь ведь структура двойная получается (я про это уже рассказывал). Я еще раз нарисую: вот – игра с ее процессом. И три уровня экспертизы (рис. 24). А теперь вопрос: что же мы делаем и что мы должны на каждом из этих этапов получить? И вы, вроде, можете всю эту структуру восстановить.

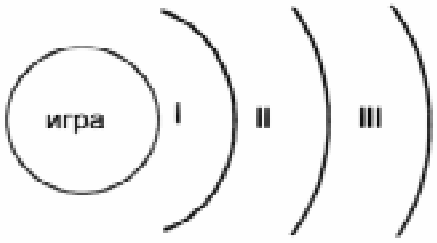


Рис. 24. Схема игры

Вот на первом этапе у нас шла такая медленная и мучительная раскачка. И при этом мы зафиксировали то состояние мышления и деятельности и наших представлений, которые есть на данный момент. В тех текстах, которые мы все написали, это все в той или иной форме зафиксировано. И теперь можно по этому поводу проводить один круг анализа. Но оцен-

ку этому состоянию мы дать не можем. Поскольку, чтобы давать оценку, нужно иметь другой уровень, в сравнении с которым будет производиться оценка. Понятно, да? И чтобы дать эту оценку, мы должны пройти второй этап.

Дело в том, что оценка систем деятельности должна даваться не по вторичным эффектам, а по оценке тех оснований, которые в нас заложены, в наше мышление и деятельность. И вот теперь, на втором этапе, мы должны напрячься и попытаться начать проектировать. Настолько, насколько мы можем. Во всяком случае, выделить принципиальные направления работы и т.д. И когда мы наберем некоторое количество проектных схем, мы с их точки зрения можем дать оценку тому, что было сделано. И фактически, по отношению к тому, что сделано, выделить целую серию направлений возможной работы. Поскольку, в противном случае, у нас получится оценка "от достигнутого". То есть мы сможем только сказать: "Ну, надо улучшать Концепцию". И при этом нового направления работ или хотя бы их обозначения – не возникнет. Это понятно? Или не очень?

Гурман В.И.: Не очень, поскольку, если Концепцию понимать как готовый продукт, тогда можно говорить "об улучшении концепции". Но Концепция – открыта. Она допускает альтернативы. Понимаете, в чем дело? Можно этим механизмом достичь цели. А можно лучший механизм придумать.

Попов С.В.: Я же понимаю, что вы – люди хитрые. А поэтому мы пошли в обратную сторону. Не туда, куда "открывает дверь" Концепция, а обратно, чтобы посмотреть другие возможности. Вот если нарисовать "воронку" развития, то вы говорите, что ваша Концепция допускает и первый, и второй, и третий путь. А нужно подойти к основаниям и посмотреть: может быть, есть и другие "воронки" развития (рис. 25)?

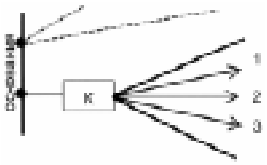


Рис. 25. "Воронки" развития

Гурман В.И.: Ну, дай Бог. Я себе немножко не так представляю. У вас одна модель сидит. А у меня другая. И ее еще никто не выслушал.

Попов С.В.: А почему вы ее не рассказываете?

Гурман В.И.: Я с удовольствием расскажу, когда мне слово будет дано.

Попов С.В.: Вам целый день был предоставлен.

Гурман В.И.: Целый день был совсем не в том духе. Было четыре человека. Они рассказывали самые насущные вещи. О методологии не могли же рассказывать.

Попов С.В.: Ну, отлично.

Гурман В.И.: А на таких консультациях можно и рассказать. Я готов завтра, например, посвятить этому полчасика или час на то, чтобы рассказать, какой принцип заложен. И станет ясно.

Попов С.В.: Отлично. Вот мы и договорились. Давайте только все это переведем в принципиальный план. У нас – одни схемы, у вас – другие.

Гурман В.И.: Да, да.

Попов С.В.: Теперь второй этап экспертизы должен этот набор возможных базовых схем выделить и их соответственно оценить. То есть произвести систему оснований, на которых мы вообще свою деятельность строим: вы, мы и еще кто-то.

Гурман В.И.: Правильно.

Попов С.В.: Вот что мы должны сделать. И это совсем не означает, что одна система схем должна победить другую.

Гурман В.И.: Нет, конечно. Я это понимаю. Они должны дополнять друг друга.

Попов С.В.: Постойте пока "дополнять". Я считаю, что они должны конкурировать, а не дополнять. Чтобы каждый имел возможность работать на своем типе схем и показывать, насколько они лучше или хуже. А не то, чтобы их сразу в один комок слепить. Понимаете? И, следовательно, если это вызвало вас выделять свои основания, на которых вы строите свою работу, и других – тоже, то, как бы, первая часть достигнута.

Но теперь нам надо напрячься и построить шаг проектирования настолько, насколько мы сможем. И оценить (я это говорил на установке, но, возможно, это не воспринималось) предпроектную ситуацию и возможные направления проектирования. Я-то считаю, что основная задача охраны, защиты или сохранения озера Байкал (тут слова разные можно употреблять) состоит не в том, чтобы отвергать те или иные существующие проекты или существующие технологии. Эта тоже задачка есть, но она – непринципиальная. А принципиальная задача состоит в том, чтобы после экспертизы иметь систему требований и ограничений на еще несуществующие проекты.

Гурман В.И.: Понятно.

Попов С.В.: А для того, чтобы это сделать, надо выделить возможные варианты и основания проектирования. И мы, вроде бы, пытаемся и начинаем выделять. Вот вы завтра расскажете, на каких вы основаниях стоите. Другие, третьи и т.д. Вот если министерства брать, то, если я их правильно понимаю, проектируют они исключительно производственные системы. А, следовательно, если мы действительно хотим с ними сконтактироваться, мы должны выдвигать требования не на производство,

а на то, чтобы они производили проектирование вместе с системами воспроизводства. И даже – развития (иначе их просто не пускать). Да еще и со специфическим ресурсонакоплением.

Гурман В.И.: Да.

Попов С.В.: А кроме того, там – с уничтожением выбывающего и т.д. и т.д.! То есть нужно создать систему предпроектных требований. А такую систему требований должны иметь не только ученые, но и общественность и все остальные для того, чтобы они имели возможность оценивать всю предпроектную, а потом и проектную работу. И чтобы проектные заготовки, негодные для реализации, в принципе не пропускались. А группы должны фактически попытаться выделить основания для проектирования социальных систем, культурных систем, производственных систем (каждая – по своему направлению), выделить возможные наборы проектных схем. Посмотреть их соотношение. И вообще, возможное поле проектных решений просмотреть.

Но для этого они должны сделать как бы "рывок с собой": попробовать спроектировать. А мы здесь, на консультациях и на общих заседаниях, будем разбирать, на каких основаниях они это делают (все будут делать на разных). А затем все это и вынести в систему экспертирования второго уровня. Не решения нам нужно получить! Поскольку такого рода сложнейшую работу мы не произведем. Но, может быть, мы найдем возможные варианты другой работы. Или другие варианты проектирования, в которых надо двигаться.

Вообще, проблема проектирования регионов сейчас – одна из важнейших и центральных.

Гурман В.И.: Вот тут есть какая опасность. Когда мы начинаем идти к началу, к основаниям, то мы отталкиваемся от гипотезы, отталкиваемся от ситуации, когда не было никаких концепций. Вот регион – как он есть. И мы все – будто ничего не знаем. Вот притвориться, что ничего не знаем. Но это нереально. На самом деле мы все все знаем. И лучше бы основанием считать вот ту ситуацию, которая сложилась сейчас. Регион как объективная реальность...

Из зала: Да нет его, региона.

Гурман В.И.: Минуточку, минуточку, минуточку! Подождите. Есть. Мы говорим о регионе, значит он есть.

(Смех в зале)

Есть некоторый набор знаний. Часть их принимается нами всеми, другая часть – оспаривается. И вот то, что принимается нами всеми, считать за основания. И вот с этого момента дать возможность уже мыслить вперед. Пожалуйста, как хотите! А то получается, как сегодня, на общем заседании. Вышла региональная группа. Нарисовала схему, которая у нас мелькала лет пять назад, в самом начале, когда мы только знакомились с ситуацией. Вот это – результат того, что мы объявили: "Давайте притворимся, что мы ничего не знаем". Вот и получилось повторение. Потратили время там, потратили время здесь. И не услышали ничего нового. Вот что я хочу сказать. Может быть, давайте рассмотрим реальную ситуацию с теми знаниями, которые у нас есть, и которые народ еще не воспринял. И с этого момента начнем работать.

Из зала: И вы поедете на старой телеге.

Попов С.В.: Нет, нет. Постойте.

Гурман В.И.: Не старая телега. Я хочу сказать, что в этих знаниях есть два аспекта: один – объективный, с которым все согласятся; другой – субъективный, в котором там что-то отринут. И даже объективный, если кто-то считает неправильным, мы посмотрим, раскритикуем и выкинем на помойку. Но то, что останется – это будет тот базис, с которым мы пойдем дальше. Иначе же мы будем тратить время. Вот что меня волнует.

Бондарев А.С.: Еще пять лет тому назад идея самоуправления региона была у нас оформлена в виде авторского свидетельства. И 1 ноября 1987 г. завоевала "Гран-при" на Всесоюзном конкурсе.

Из зала: Да не про вас же речь!

Гурман В.И.: Хорошо. Но не про вас речь. Совсем не про вас.

Попов С.В.: Дискуссию продолжим завтра. А

ОБЩЕЕ ЗАСЕДАНИЕ
21 октября 1988 г.

(Доклады рабочих групп. Докладчики: Т.А. Лобанова, В.И. Гурман, Г.Н. Константинов, Г.И. Фильшин)

Попов С.В.: Начинаем работу. Докладывает "Группа Регионального Развития". Прошу Вас.

Лобанова Т.А.: Я представляю группу "Региональной организации хозяйства". Вначале мы попытались определить: что такое регион? Существует несколько определений: географический подход, экономический, политический и т.д. Потом мы эту попытку оставили и попытались определить: "Что такое хозяйство?". Но рассматривали хозяйство как привязанное к территории, и тоже ни к чему не пришли. Потом мы разделили территорию и хозяйство, и рассматривали только это.

Представили все это так: территория, а над ней хозяйственная деятельность. Попытались понять: что же такое хозяйство? Решили, что это – некая сорганизованная система деятельности, направленная на свое развитие. И дальше мы попытались представить структуру хозяйства: процесс производственный и воспроизводство. Но все это зарождается не в рамках функционирования, а выходит за рамки, таким образом, система получается открытая, за счет воспроизводства есть возможность развития.

Понятно, что ресурс идет в производство, а производство выходит в продукт, и производство не замыкается, а идет процесс воспроизводства, который идет в ресурс накопления. Это функции природные, трудовые и так далее. Это на уровне одной единицы хозяйства.

Потом мы попытались посмотреть, как две единицы хозяйства могут взаимодействовать между собой, чтобы не только, дополняя друг друга, функционировать, но и развиваться, и попытались построить следующим образом:

а) система взаимодействия; б) выход продукта за внешние рамки, и вот здесь могут взаимодействовать две группы хозяйства. Здесь если есть ресурс, может идти либо процесс производства, либо воспроизводства (ресурсы идут либо природные, либо трудовые). Мы не только даем рабочую силу, но и обучение, участие в процессе, чтобы вернуться потом в первую единицу, и таким образом осуществить потом воспроизводство единицы хозяйства в целом. Это первый шаг к взаимодействию двух единиц. Отсюда можно построить схему взаимодействия хозяйства и региона. Но это следующий шаг. Мы пока остановились на этом.

Попов С.В.: Скажите, пожалуйста, а в чем мысль вашего доклада?

Лобанова Т.А.: Мы пытались понять, как может быть организовано хозяйство в регионе.

Попов С.В.: Ну, а мысль, идея доклада в чем?

Лобанова Т.А.: Мысль и идея в том, что пока у нас были ресурсы и производство, и выход продукта. На этом система обрывалась. Теперь должно быть воспроизводство, как основание для развития.

Попов С.В.: А что такое "воспроизводство"? Как вы его видите?

Лобанова Т.А.: Но воспроизводство – это...

Попов С.В.: У меня такое впечатление, что вы слова заменили и словами обозначаете непонятно что. Содержательная мысль есть? В чем она?

Тахтеев В.В.: Идея такая. Я постараюсь по-другому ее повторить.

Попов С.В.: Не надо повторять. Скажите коротко саму мысль.

Тахтеев В.В.: Переориентация на воспроизводство и накопление ресурсов.

Попов С.В.: Каким образом? Что это означает?

Тахтеев В.В.: Приоритет смещается из области производства (когда ресурс потребляется, но не возобновляется), на приоритет саморазвития. Хозяйство только тогда и появляется, когда есть воспроизводство. А без этого нет хозяйства, есть только производство.

Попов С.В.: Здесь кто-то говорил: "Покажите мне, где этот вектор, я его согну...". Я тоже хочу сказать: "Покажите мне, где это воспроизводство, и я его подниму".

Тахтеев В.В.: Это воспроизводство. Его сейчас почти нет. Мы проектируем его.

Попов С.В.: Что вы проектируете?

Тахтеев В.В.: Мы предполагаем проектировать такие структуры, такую деятельность, которая бы обеспечила воспроизводство. Деятельности по воспроизводству нет.

Попов С.В.: Спасибо. Может быть, кто-то уловил и скажет, в чем мысль и идея доклада? Кто-нибудь может сказать? Никто? Спасибо. Резюме – мысли, содержания в докладе нет.

Гурман В.И.: Наша группа называется "Группа механизмов реализации стратегии развития". Мы настояли на этом названии.

О чем идет речь. Как должна происходить процедура проектирования региона и его всей системы социально-эколого-экономической, с нашей точки зрения? Должен быть некий субъект, который выявляет противоречия между группами, представляю-

щими экономические, экологические, социальные интересы. А противоречия обязательно есть, делает заказ науке на разрешение этих противоречий. Наука этот заказ выполняет в форме разработки некой стратегии развития.

Попов С.В.: Когда Вы рассказываете, Вы имеете в виду абстрактную схему или реальность?

Гурман В.И.: Реальность. Вы хотите конкретно?

Попов С.В.: Нет, мне, чтоб было понятно.

Гурман В.И.: И вообще, как должно быть.

Попов С.В.: Вещи-то разные.

Гурман В.И.: На этой стадии все одинаково. Никаких тут противоречий нет между прошлым и будущим. Я хочу сказать следующее. В жизни такого официального органа, который бы это делал, нет. Но социальный заказ возник между этими людьми, которые с этими противоречиями столкнулись. В будущем это должно быть нормой деятельности в регионе.

А теперь хочу перейти к содержанию. Наука создает проект разрешения противоречий в виде оптимальной стратегии развития. Я поясню, как это делается сейчас, нами, и как должно будет делаться впредь. Я не вижу этому альтернативы. Регион представляет собою взаимодействие трех подсистем: экономической, природной и социально-управленческой. Я их объединяю вместе. Эта часть всей системы составляет ее материальную основу (базис). Эта система, для которой стратегия развития может быть выражена в некоторых материальных терминах, могут быть введены некоторые показатели. И вот в этих терминах изменение этих показателей во времени есть определенная стратегия развития. Такая стратегия как раз и разрабатывалась в Концепции развития производительных сил Байкальского региона. Она имеет определенные особенности и характер. О ней уже докладывалось (рис. 26).

Рис. 26

Эта стратегия допускает различные способы реализации, но обязан быть механизм реализации, как в любой системе управления. Хорошо известно, если программа управления намечена в какой-либо системе, посчитана оптимально для данной системы, то ее еще нужно реализовывать, потому что есть масса факторов, которые отклоняют систему, и ее нужно возвращать на эту программу. Многие вещи не учтены в самом представлении системы и т.д. Короче говоря, режим реализации – есть важнейшая функция системы. Часть, которая связана со стратегией развития, выполнена. Это обсуждалось сегодня на группе. Группа принимает ее без особой критики.

Теперь встает вопрос: как реализовать? Реализация состоит в проектировании социально-управленческой системы. Это надстройка – это люди, которые живут в регионе, их социальные группы, механизмы и т.д.

Я думаю, что вся цель нашей игры в том, чтобы дать содержательный ответ на этот вопрос. Наша группа, сообразуясь с особенностями региона, выработала некоторые предложения, которые можно здесь реализовать. Этот блок закрывается (но не полностью) нашими предложениями. Проекта этого блока нет, пока еще. Общий принцип, который был высказан в группе: создать в регионе некую самостоятельную эколого-территориально-социально-хозяйственную систему. Самостоятельную, которая бы имела общерегиональные структуры. В той мере, в какой это возможно.

Сейчас, как известно, на территории расположены три административных области: Иркутская, Бурятская и Читинская, все они имеют свой сложившийся аппарат управления. Устранить его полностью и заменить аппаратом региона – нереально. Поэтому можно было бы говорить об объединении этих трех областей на основе кооперации, во главе которой бы стоял эколого-экономический совет региона. Туда бы входили представители всех областей, общественных движений и т.д. Это не просто координирующий совет, а некоторый орган управления регионом в той части, где он может быть компетентен. Наряду с этим предусматриваются общерегиональные службы, которые способствуют объединению региона как самостоятельной единицы. К числу таких служб мы относим Госкомприроды.

В настоящее время Госкомприроды планирует управление для Иркутской области, Бурятии и Читинской области отдельно. Пока она не “заскорузла” в этих единицах, предлагается сделать единый региональный орган – Госкомприроды. Хуже от этого не будет. За то, чтобы он (комитет) имел свое лицо, нужно бороться. Поэтому такую структуру целесообразно рекомендовать. Другая региональная структура – это “Территориальное объединение по управлению отходами”. Это разработка института народного хозяйства, и мы считаем, что она созрела для региона.

Почему создать такое объединение целесообразно? Потому что даже в концепции записано, что через рациональное использование отходов нужно

выходить на безотходную территориальную систему. Это конечная цель всей планетарной системы. Она должна быть безотходной, иначе выхода из экологического кризиса нет. Все отходы должны превратиться в исходный продукт для других производств. В рамках одного производства это будет сделать трудно. В рамках территориальной системы – реально. Поэтому такое объединение предполагается создать. Дальше нужно сказать о некоторых частных предложениях. За Эколого-экономическим Советом должен закрепляться фонд из отчислений за нарушения качества среды по определенным критериям. Следить за этим должен Госкомприроды.

Госкомприроды должен иметь возможность создавать проектные и производственные подразделения по приборостроению. Байкальская прокуратура с созданием Госкомприроды должна быть ликвидирована. Ее функции не связаны с регионом. Она должна следить не за состоянием природной среды, а за соблюдением законов. На этот счет прокурор уже высказывался. Должны быть развиты программы экологического воспитания и образования по линии Государственного Комитета по народному образованию с привлечением общественно-экологической экспертизы, где должны участвовать Госкомприроды и общественные организации, движения и т.п.

Частное предложение по Кругобайкальской железной дороге, которая является одним из важных факторов ближайшего решения рекреационных вопросов в регионе: восстановление, реставрация, использование для рекреации этого региона. Это будет мощным импульсом для рекреационной сферы. Очень эффективным будет создание акционерного общества. Акционерами могли бы быть МПС, Госкоминтурист, Управление туризма и все желающие.

Теперь – научное обеспечение. Этот блок абсолютно не разработан. У нас в Союзе социологическая наука сильно отстает от мировой, а в регионе ее вообще нет. Нужно ставить социологическую службу по линии комитета общественного мнения, который возглавляет Т.И. Заславская. Кроме того, должны быть специальные научные направления, развитие которых отражает потребности региона. Что касается партийных органов, то их особой функцией будет запуск общественных движений и изучение проблем, которые здесь возникают. Это мнение я передаю представителю обкома партии, который принял этот тезис. У меня все.

Попов С.В.: Спасибо. Сейчас попробуем разобраться в докладе. Доклад достаточно сложный, поэтому разобьем его на три части:

1) преамбула
2) картинка
3) серия предложений.

Давайте по каждой части пройдемся и обсудим.

Первая часть – это просто лирика. Я вам могу объяснить почему.

Гурман В.И.: Согласен.

Попов С.В.: Первый раз конфликты возникают, когда “негодяи” из общественных движений начинают бунтовать. До этого система хозяйственной жизни строилась как согласованная, стационарная, так что такого механизма реально нет. Это ученые сами выдумывают себе задачи, в зависимости от своего гражданского пафоса. Никто вам концепцию не заказывал. Или вам заказали?

Гурман В.И.: Заказали и даже заплатили.

Попов С.В.: А вы говорите – “на энтузиазме”. С моей точки зрения, механизма разрешения конфликта действующих противоречий нет.

Гурман В.И.: Согласен. Нет механизмов.

Попов С.В.: Есть у кого-либо суждения по первой части? Прошу.

Гурман В.И.: Я только поясню: что касается Байкальской проблемы, – она назрела давно и противоречия были видны. И спустя 10 лет после того, как был первый конфликт с Байкальским заводом еще в 1959 г. Так что конфликт был.

Из зала: Если бы был, механизм бы сработал.

Гурман В.И.: Какой механизм?

Из зала: Может быть, инстинкт самозащиты сработал, что начали заниматься этой проблемой.

Попов С.В.: Владимир Иосифович, у вас инстинкт самозащиты работал?

Гурман В.И.: Он у меня “сработал” еще 15 лет назад, когда я начал заниматься этой проблемой.

Из зала: Не у вас лично, а вообще.

Гурман В.И.: “Вообще” – нет никакого инстинкта самозащиты. Что это за “инстинкт вообще”?

Попов С.В.: Это специально нужно обсуждать, на мой взгляд, это даже вредная идеология. Поскольку, либо мы начинаем технически изменять наше общество, либо мы ждем, когда “сработает инстинкт самосохранения”. Никогда не сработает. Атлантида погибла, и мы тоже погибнем. Нет у общества инстинкта. Это – не животное. Прошу вас.

Левинтов А.Е.: Страшно не только то, что заказ на размышление и проработки либо формируется внутри науки, либо приходит откуда-то “сверху”. Страшно то, что происходит коллапсирование этой мысли – результаты ее опять уходят “наверх”, и там принимаются решения, от этой мысли и ее направленности мало зависящие. И столь же мало относящиеся к региону, региональным интересам. Региональные обсуждения столь же радостны, сколь и редки.

Гурман В.И.: Согласен. Наука лишена сегодня средств для продвижения своих разработок, особенно региональных. Она не защищена от ведомственной профанации. Это не окончательный вариант, то, что я рассказывал сегодня.

Попов С.В.: Я бы чуть-чуть более в общем виде

сказал. Вроде бы, то, что мы здесь наблюдаем, свидетельствует об одном факте. Не только наука, но и все сферы деятельности критерии своего развития разворачивают внутри себя. Не зависят от внешних критериев и оценок. Нет вынуждающего механизма развития.

По первой части нет больше замечаний?

Из зала: Более общий вопрос: что вы называете регионом?

Гурман В.И.: Давайте мы не будем спорить на эту тему. Математики, когда они не могут договориться, то останавливаются на интуитивном понимании. Есть понятие "много". Оно не определено. Понимают его так, как у кого в голове встает. Регион – это бассейн Байкала, это зона воздушных загрязнений, это зона притяжения, которая связана с потоком рекреантов. Вот мы примерно так и определяем.

Попов С.В.: Математики на этом соглашаются до тех пор, пока не возникает серьезных противоречий в науке. Тогда они снова возвращаются и меняют свое интуитивное представление. Весь вопрос в том, хватает нам интуитивного понятия или не хватает.

Из зала: Нам не хватает.

Попов С.В.: Прошу вас.

Константинов Г.Н.: Сегодня утром в работе группы я не участвовал. Я хотел бы прокомментировать. Допустим, что есть сфера человеческой деятельности. Это – сфера технической деятельности и это – биосфера. Чем они отличаются друг от друга? Разной реакцией на возмущение. Биосфера наиболее догматична и устойчива. Природа устроена иррационально. Вывести ее из состояния равновесия трудно. Экономика тоже догматична. Вывести ее из равновесия тоже не просто.

Третья сфера отличается от двух предыдущих тем, что можно говорить об интересах, связанных с этой сферой. Когда мы начинаем говорить о механизмах, которые здесь нужны, то они, как раз, и связаны с интересами этой сферы по отношению к трем введенным здесь сферам. Эта сфера была в нашей стране тоже догматичной. Этот факт признали и назвали "периодом застоя". Это позволяло до сих пор обходиться без проблем, потому что динамика процессов, которые протекали здесь, была сравнима с динамикой процессов в других сферах. Изменение общественного мнения было, вообще, очень медленным и измерялось годами. Сейчас в этой сфере начались резкие изменения. Она резко реагирует на всевозможные колебания.

Первая проблема, которая возникает и заставляет по-новому думать об этом механизме, состоит в том, что динамика процессов здесь уже не согласуется с динамикой в этих частях. Это одна из главных проблем, которая вынуждает говорить о том, что здесь что-то необходимо менять.

Я хочу предложить. Осталось два дня, но пока еще не прозвучало ничего конкурирующего с тем, что разработано в этих частях. Я бы предложил дальше сосредоточить все выступления в этой сфере и попытаться решить всем группам такие вопросы:

а) как согласовать интересы в этих трех сферах?

б) какой механизм должен быть?

в) каковы разделения внутри этой, социальной сферы?

г) как интересы различных социальных групп формируют интересы сферы человеческой деятельности?

Попов С.В.: Спасибо. Какие замечания? Прошу вас.

Сергейцев Т.Н.: Первое замечание по теме группы и по отношению ее к выступлению. На мой взгляд, к стратегиям развития вы пока не перешли, поскольку не обсудили вопрос о воспроизводстве. Когда вы вводите понятие "базиса", то можно подозревать за ним некую единицу, которая стянет на себя все и обеспечит процесс воспроизводства. Следующий вопрос, который возникает, это разделение двух принципиально разных этапов, которые учитывает стратегия:

1) запуск процесса воспроизводства и

2) этап, когда процесс воспроизводства выйдет на некоторый стационарный режим. Понятно, что на этих двух этапах база должна быть разная. Этого пока вы не обсуждаете.

Выступление предыдущего комментатора говорит о том, что здесь могут быть совершенно разные соотношения между социальной структурой и природным комплексом. Вполне возможно, что природный комплекс вообще не восстановим. Рассматривали вы такую альтернативу? Тогда возможно, что на первом этапе социальная структура будет являться той "базой", на которой возможен процесс воспроизводства. Существует целый ряд групп, которые это предполагают. Например, создание класса арендаторов.

Гурман В.И.: Вы знаете, я могу забыть то, что вы говорили. Давайте я отвечу по порядку. Если вы говорите замечание, то я готов выслушать ваш доклад. Если это вопрос, то я должен ответить.

Процессы воспроизводства все учтены в разработке Концепции, так, как мы эти процессы понимаем. Тем абстрактным языком, на котором вы это произносите, я пока не владею. Вы говорите: "Нет воспроизводства в этой сфере". Так она просто не рассматривалась. Здесь тоже должен быть процесс воспроизводства. Мы и призываем сейчас публику этим заняться. А методологический доклад я сделаю сегодня вечером.

Попов С.В.: Тимофей Николаевич, с чем вы не

согласны?

Сергейцев Т.Н.: 1) Не указано четко, за счет чего будет осуществлен запуск процесса воспроизводства. За счет первых двух сфер это сделать невозможно. 2) Не отделен запуск процесса воспроизводства от фазы его стационарного развития. Тогда, скорее всего, будет, вообще, другое деление на сферы.

Попов С.В.: На консультации разберемся и проанализируем. Прошу Вас.

Каменская Ю.Ю.: У меня два замечания по поводу некоторых заявлений, которые прозвучали в Вашем докладе. Создание новых органов и систем по принципу: "хуже не будет" – это порочное дело и порочный принцип. Термин, например, "эколого-территориальные структуры"…

Гурман В.И.: Это не термин.

Каменская Ю.Ю.: Его использование тоже некорректно. И по поводу стратегии, я согласна с выступавшим ранее, мне тоже хотелось, чтобы вы более четко определили это. Вы сказали так: "Ваша стратегия – это изменение показателей. Такой стратегии быть не может!". Я считаю, что должна быть стратегия изменения показателей.

Гурман В.И.: Вечером обсудим.

Попов С.В.: Прошу вас. Вы следующий.

Березкин Ю.М.: У меня несколько замечаний принципиального характера. Во-первых, регион не может считаться территорией. Это географическое заблуждение, которое здесь уже прозвучало. Регион – это мыследеятельностное и жизнедеятельностное образование.

Гурман В.И.: Я согласен.

Березкин Ю.М.: Поэтому все рассуждения насчет территории...

Гурман В.И.: Согласен, согласен.

Березкин Ю.М.: Во-вторых, все без исключения известные средства не могут дать развития, потому что с помощью известных средств нельзя вырваться туда, что еще неизвестно. Здесь только прозвучали известные средства, в рамках реальности. Весь этот инструментарий – это хорошо известные средства.

Гурман В.И.: Вечером обсудим.

Березкин Ю.М.: Третье замечание: нет вообще постановки проблем. Раз нет проблем, значит, разговаривать не о чем. Нет попытки сделать проектный подход, спроектировать будущее. Не проектируем будущее – его и не будет.

Попов С.В.: Вы что-то предлагаете?

Березкин Ю.М.: Проектировать надо. И, наконец, товарищ, ваш соавтор, говорил, что нужно научиться согласовывать. Так вот, не нужно. Научились уже, и это привело к тому, что есть.

Попов С.В.: Замечание серьезное.

Гурман В.И.: Речь идет о наших интересах, которые лежат в экономической, социальной и природной сферах. Их нужно научиться согласовывать. Я не говорю о согласовании интересов между обкомом и общественным движением. У общества в целом есть разные интересы, и общество должно уметь их согласовывать.

Михайлов А.В.: А вы с кем свои интересы согласовали? Показывайтесь, когда говорите. Ваши личные интересы – это еще не интересы жителей региона.

Осенькина В.А.: Я не поняла одного. Ваша группа называется "Механизмы реализации стратегии управления". Механизм должен иметь какую-то структуру. У вас я вижу какого-то субъекта. Какова будет структура этого механизма?

Гурман В.И.: Я уже сказал.

Осенькина В.А.: В чем состоит механизм?

Гурман В.И.: Я сказал, что вносятся частные предложения в механизм структуры и реализации.

Попов С.В.: Перечислен ряд механизмов: Госкомприроды и т.д. Если вы не согласны, скажите.

Осенькина В.А.: Это не механизмы, потому что Госкомприроды должен "ликвидировать" прокуратуру.

Из зала: Это не механизм! Это просто абсурд.

(Шум спора в зале)

Попов С.В.: Прошу вас.

Кузьмин: Тут два момента есть очень положительные.

1) Очень нужно такое социально-экологическое сообщество, как это будет – я не знаю, но "править бал" должны лица, которые за это отвечают: народные депутаты или президиум Верховного Совета. Возьмут на себя ответственность и начнут отвечать.

2) Утилизация отходов – это серьезная вещь. Я скажу на примере БАМа. Мы об этом думали, когда возмущенный народ Тынды начал забрасывать горсовет письмами. Мы создали концерн, куда вошли кооператив, МПС, Минтрансстрой и общественные организации. Сегодня мы имеем из этой золы многие образцы утилизации.

Второе. Школьное образование – это главное! Мы создали школьные комитеты защиты природы, провели общий субботник, на котором дети заработали денег для компьютерных классов.

Попов С.В.: А при чем тут доклад?

Кузьмин: Эта система уже работает.

Щедровицкий П.Г.: Первое замечание. Вы утверждаете, что регион есть взаимодействие между тремя подсистемами. Но этот принцип применим ко всему. Предприятие есть тоже взаимодействие трех подсистем.

Гурман В.И.: Не возражаю.

Щедровицкий П.Г.: Значит, специфики региональности в этом представлении нет. Этого я не ус-

лышал в докладе и считаю, что мы пока не приблизились к понятию "региона" и "региональности".

Второй момент. Что касается метода и методологии. Идеи "системы" и "единого целого" вводились тогда, когда было понято, что есть образования неразложимые на части. Когда вы говорите, что регион есть взаимодействие трех подсистем, вы возвращаетесь назад. Вы раскладываете регион на три части и потом рассматриваете взаимодействие между ними как механизм, создающий "целостное". С моей точки зрения, система – это то, что на подсистемы неделимо. Именно из этого возникает необходимость системного подхода. Если эти подсистемы представляют собой проекцию некоего сложного целого, то тогда нужно сначала в каких-то формах задавать это сложное целое, а потом выделять проекции. Почему их 3, а не 23, – непонятно. То есть метод и методология разделения сложного регионального целого на аспекты, проекции в докладе не прозвучало.

Попов С.В.: Спасибо. Вы можете ответить?

Гурман В.И.: Я с этим полностью не согласен. Системный подход и методология не противоречат единству системы. Если мы не будем представлять себе систему как взаимодействие подсистем, мы никогда не приблизимся к изучению системы ни на йоту. Никакая наука не сможет все это одолеть.

Попов С.В.: Нет. Смотрите. Очень простая вещь. Петр Георгиевич правильно обратил внимание на схему, как на средство. Это не просто картина. За этим стоит ваш метод расчленения. С него мы и начнем обсуждение на консультации.

Гурман В.И.: Расчленение условное.

Попов С.В.: Но вот с этого все и начинается. Смотрите, какая любопытная вещь. Вот Вы математик, да? Вы должны понимать, что, если мы вводим некоторый формализм, то мы должны попробовать все варианты и построить возможную систему интерпретации. Современные математики про это забыли. У нас была такая игра со школьниками по поводу экологии. Эти школьники от 5 до 8 класса слушали, а потом один из них выходит и говорит: "Я слушал, слушал. Мы в группе работали. Мы рассматривали "человека", "природу" и еще что-то, – рисует третий кружок. – Мы посмотрели, какие из этого понятия могут получиться. Рассмотрели отдельно – одна интерпретация. Человек взаимодействует с природой и т.д. А если мы их пересечем? Окажется, что часть природы внутри человеческой деятельности. Это другая интерпретация. Каждый раз различная система последствий и выводов". В такую же игру можно и с вашими представителями поиграть. И тогда окажется, что ваше разделение на отдельные подсистемы – это один вопрос.

Гурман В.И.: Безусловно.

Попов С.В.: А другой вопрос, почему Вы так нарисовали?

Гурман В.И.: Мне так захотелось.

Попов С.В.: Это значит, что Вы с методологией этого дела не разобрались.

Гурман В.И.: Любой вариант разделения идет к одной и той же цели. Этот путь наиболее простой.

Попов С.В.: Это не значит, что он имеет какое-то отношение к верности.

Константинов Г.Н.: Последнее замечание. Я полностью с вами согласен. Посмотрите на проблему на философском уровне. Есть объект, реально существующий, и его модель в нашем восприятии. Моделей столько, сколько нас здесь. Если вы будете настаивать только на своем восприятии, мы никогда не договоримся до дела. У нас у каждого есть система восприятия. Все они имеют право на жизнь.

Попов С.В.: Нет. Минуточку. Не сводите науку к психологизму. Если Вы будете утверждать, что у каждого свое восприятие, то тезис о некомпетентности надо выкинуть.

Константинов Г.Н.: Можно и выкинуть.

Попов С.В.: Последнее замечание. Прошу Вас.

Щедровицкий П.Г.: Поскольку затронут очень важный методологический вопрос, я хочу ввести свою позицию сразу. В логике принято считать, что моделью называется некая особая конструкция, которая в условиях исследования сложного объекта, который не может непосредственно быть включен в процедуру исследования и экспериментальной проверки, выступает как замещающий объект особого типа, с которым исследователь производит процедуры: его изучает, а относит полученные знания к реальному объекту. С этой точки зрения, мы можем сказать, что все, что угодно, может быть моделью всего, чего угодно, особенно если вы не обсуждаете вопрос о границах моделирования. Я могу рассматривать этот стул как модель региона. Только знания, которые я получу, не могут быть перенесены на регион. Следовательно, вопрос о моделировании возникает в мета-плоскости и предполагает, что мы произвели сопоставление и ответили на вопрос: может ли нечто (например, математическое уравнение) выступать в качестве модели для региона? Можем ли мы знания, получаемые на такой модели, относить к региону? Если мы такой фальсификации не произвели, то уравнение не может выступать моделью, хотя мы можем психологически думать, что это модель. Простой пример. Если мне нужно пересчитать сидящих в зале, то я могу обозначить каждого из них точкой. Относительно пересчета я не произведу ошибки. Но если мне нужно произвести хирургическую операцию, можно ли представить человека в качестве точки? Можно ли представить, что из этого выйдет? Поскольку данная процедура не моделирует человека относительно действий врача.

Попов С.В.: Владимир Иосифович, перефразируя замечание Петра Георгиевича и доводя их до жесткой формы, можно сказать, что ваша модель не имеет к региону ни малейшего отношения. Потому что неправильно произведена процедура расчленения и моделирования.

Гурман В.И.: Возражения ваши – это тривиальные вещи, о которых знает каждый интеллигент. А вот какой критерий соответствия – об этом надо поговорить на семинаре. Надо спускаться на уровень конкретного и там работать.

Попов С.В.: Эмоции достигли накала. Итак. Есть ли еще замечания? Пожалуйста.

Якобсон А.Я.: Мне хотелось бы начать с того, что имеет отношение к первому пункту. Мне понравилось, как Владимир Иосифович ответил на вопрос о регионе. На интуитивном уровне понятно. Уточнять здесь, наверное, не место. Я согласен, что можно так поставить вопрос. Поэтому я хочу резко возразить против выступления своего коллеги по группе "Регион" Ю.М. Березкина. Было громко объявлено: "Регион – это не территория!". С моей точки зрения, это звучит так: "Зверь – это не животное". Можно, конечно, спорить, но лучше мы будем спорить о том, что такое "регион".

Я согласен, что здесь не теоретический семинар на эту тему, хотя об этом стоило поговорить. Но если мы решили принять интуитивное представление о регионе, то регион от территории неотрывен. Если кто-то хочет ввести представление, в котором регион не связан с территорией, так надо эту точку зрения отстаивать, а не давать как раз и навсегда установившуюся и всем понятную. Это первое.

Я считаю, что докладчик зря сосредоточил внимание на первых двух вопросах, по которым и был заслуженно или незаслуженно бит. Зря. Потому что группа называется "Механизмы реализации стратегии", и я думаю, что правильный подход, когда стратегию принимают как нечто заданное, уже разработанное. Мы только ищем механизмы. По-моему, такой подход имеет право на существование. Как раз по механизмам-то возражения очень серьезные. Такое якобы радикальное предложение: некий орган, который все объединяет при существующих организационных механизмах. То есть все остается по-старому. Есть Иркутская область, Бурятская АССР. У них есть свои обкомы, облисполкомы, у них есть все, что угодно, только прокуратуру Байкальскую ликвидируем и Госкомприроды образуем немного по-другому, чем собирались.

Гурман В.И.: Я же не говорил, что все остается по-старому. Невозможно соединить Бурятскую АССР, Читинскую, Иркутскую области вместе в одну административную единицу. Вот что я говорил. И еще то, что у них внутри многое будет меняться. Идет же перестройка, товарищи. Мы должны думать, товарищи. Сейчас в региональной группе будет "кооператив" выступать. Он свое предложение внесет, а мы посмотрим.

Попов С.В.: Владимир Иосифович, а вы пробовали соединить Читинскую и Иркутскую области? Почему вы так уверенно говорите, что их объединить невозможно? Давайте по очереди, товарищи.

Якобсон А.Я.: Я понимаю, Владимир Иосифович не пробовал соединить, и я не пробовал.

Попов С.В.: Анатолий Яковлевич, жестко и тезисно скажите суть вашего замечания.

Якобсон А.Я.: Жестко и тезисно. При сохранении ныне существующих областей любой орган будет гибнуть, потому что каждая область будет тяготеть к тому, чтобы сохранять свои функции управлять собой. Доказательство этому – недавнее разделение госснабовской системы, когда региональные объединения разделились на областные. Неизвестно, правда, чем Читинский Главснаб будет управлять и как он может маневрировать ресурсами без Иркутской области. Но он есть, маленький, зато свой. Поэтому области, пока они есть, они на подобное кооперирование не пойдут, не говоря уже о том, что ни Читинской области, ни Бурятии, если они остаются такими как есть, нечего нести в этот кооператив. Ну, а что касается Госкомприроды, то не надо на нее возлагать таких надежд, учитывая вчерашнее сообщение Геннадия Иннокентьевича. Там все идет по-старому.

Попов С.В.: Спасибо. Следующее сообщение этой же группы. Пожалуйста.

Фильшин Г.И.: Товарищи, я хотел бы, чтобы мы учитывали свое время. Дискуссии получаются только по одному вопросу. Проба такая была – Иркутская область, Читинская область и Бурятская объединились в Восточно-Сибирский Совет народного хозяйства. Длительное время это было и дало определенные результаты. Поэтому не надо говорить, что даже в мыслях никто ничего не делал. Делали и даже на практике. Все это реалистично.

Я представляю группу "Размещение производительных сил и региональная политика". Несколько предварительных замечаний, чтобы снять чрезмерное количество вопросов. Мы остановились коллективно на проблемах структурной и инвестиционной политики в регионе и хотим сегодня доложить некоторые соображения: и методологические, и практические по этому вопросу. Мы рассматриваем структурную и инвестиционную политику в той части, которую мы здесь докладываем, как важнейшую, ключевую позицию в перестройке экономики и всего народного хозяйства. Это сформулировано. Мы здесь подходи-

[1] Гурман В.И.

ли таким образом, что в региональной политике структурная и инвестиционная политика составляют суть того механизма, который реализует любую стратегию экономического, экологического и социального развития. Мы подходим к управлению как к распределению ресурсов для достижения каких-нибудь целей.

Сразу, чтобы не было споров, скажу, что мы хорошо осознаем, что не охватываем все стороны управления. Но мы имеем право взять какую-то одну сторону управления. Еще одно положение. Мы попытались считать, что мы в рамках Концепции возвратились назад, как будто мы мало что понимаем в структурной и инвестиционной политике. Какие у нас родились мнения относительно будущей концепции, будущего развития, с точки зрения наших сегодняшних представлений о структурной и инвестиционной политике? И с другой стороны, таким образом мы выйдем за рамки уже изложенного.

А с другой стороны, учитывая вчерашнее замечание Владимира Иосифовича [1], мы никак не могли отказаться от того, что мы знаем, и дискуссия все время возвращалась к тому, что знания у нас есть. Ну, в нуль мы сойти никак не могли, поэтому мы вернулись и снова начали рассматривать те состояния с позиций категорий деятельности. Мы выдвинули такую концепцию при обсуждении, что у нас недостаточен анализ на перспективу процесса деятельности, оценки последствий наших сегодняшних действий. Он недостаточен потому (это просто наши предварительные соображения), что у нас резкий дефицит ресурсов, несмотря на то, что мы их плохо используем. В политике существует нечеткое распределение функций, прав, компетенции и ответственности между различными органами управления. А их, как бы, слияние скорее создает обстановку безответственности.

Мы вот такой тезис хотели бы защитить. Вот, допустим, кто отвечает за социальное развитие? За социальное развитие отвечают Советы, но они ресурсов не имеют, чтобы реализовать свои социальные функции. За социальные функции отвечают ведомства, но они имеют приоритетную цель – производство продукции для народного хозяйства. За социальную политику отвечает, наконец, предприятие, на которое мы взваливаем все на свете. На нем очень много ответственности. Оно должно и подсобные хозяйства вести, и городу помогать строить, выпускать из отходов товары народного потребления и многое другое, то есть это распределение, когда мы из-за отсутствия ресурсов создаем систему всеобщей безответственности.

Мы выдвинули такой тезис: если действительно надо достигнуть в управлении каких-то целей, то функции управляющих органов должны быть четко разграничены. Компетенция, ответственность должны быть четко разграничены. То есть, если Советы отвечают за социальные функции, управляют населением, а производством занимаются предприятия, то естественно, что местные Советы должны быть наделены соответствующими ресурсами для выполнения этих функций.

И поэтому мы считаем, что деятельностный анализ связан с тем, что очень трудно в этой ситуации отразить процесс, потому что он чрезмерно распределен между различными управляющими органами. На наш взгляд, это создано не совсем бессознательно, и потому это не долговременная цель. Обстановка показывает, что мы сейчас говорим о правах Советов очень много, а ресурсами их не наделяем.

Попов С.В.: Это хлеб бюрократии.

Фильшин Г.И.: Это наша позиция. Поэтому мы все стремились, чтобы те программы структурной и инвестиционной политики, которые мы предлагаем, будут отражать такую систему, в которой будут четко разграничены функции, компетентность, ответственность всех органов управления. Это является основой рационального распределения ресурсов, то есть новой структурной и инвестиционной политики.

Для наглядности мы попытались сделать распределение ресурсов в регионе. Кстати, о ресурсах. Мы берем среди множества видов ресурсов капитальные вложения, потому что капитальные вложения – это ресурсы будущего. Поскольку мы проектируем будущее, мы должны использовать именно этот ресурс – капитальные вложения, которые, по существу, и есть “оружие” изменения в экономике, его уровень определяет мобильность наших изменений. Его использование и есть инвестиционная политика. В настоящее время можно выделить в регионе три вида распределения ресурса. Каждый из этих видов имеет свое назначение и играет свою определенную роль в проектировании будущего и оценки настоящего.

Рассмотрим межотраслевое распределение ресурсов. В масштабе страны при обсуждении были отмечены такие вещи, что при распределении ресурсов, в частности, капитальных вложений, по сути дела, и осуществляется будущая политика: экономическая, социальная и какая угодно. В частности, было отмечено, что сейчас у нас в стране на индустрию потребления (группа “Б”) из всех ресурсов капитальных вложений выделяется только 4 %. Для сравнения: меньше 15 % – ни в одной стране вы не найдете. Вот здесь и закладываются пустые полки в магазинах. В регионе у нас эта цифра составляет: по Иркутской области – 3 %, в Бурятии – 4,5 %. В среднем – около 3,5 %.

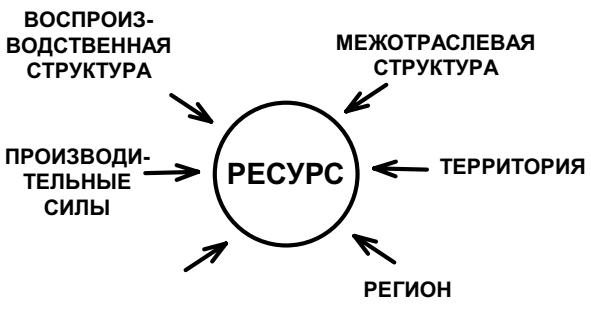


Рис. 27

Я хотел бы сказать, товарищи, что у нас это не только ресурсы военного времени и довоенного. Скажем, в 1940-м, предвоенном году выделялось на индустрию потребления 6 %. Никогда, ни в одной пятилетке такого низкого уровня ресурсов на индустрию потребления не было. Это уникальный случай.

Мы провозгласили: "Все для человека!" и выделяем на индустрию потребления всего 4 %. Мы дальше пришли к такому выводу, что в известной мере это делается сознательно, для того, чтобы держать на нищенском уровне заработную плату. Посмотрите, какая логика. От ресурсной политики мы переходим к заработной плате. Каким образом это делается? Делается очень просто. Известно, что заработная плата у нас сейчас примерно в 10 раз меньше, чем в США. Возьмите журнал "США" за этот год, № 1, и вы увидите, что средняя заработная плата американского рабочего – 2200 долларов, у нас – 220 рублей. Курсы, конечно, разные.

Я привел это для того, чтобы поставить вопрос: каким образом удается такое длительное время на таком низком уровне держать заработную плату? Каждое предложение повысить заработную плату вызывает возражения. У нас разрыв между платежеспособным спросом и товарным положением. Сегодня он измеряется почти в 300 миллиардов рублей. Это почти весь годовой розничный товарооборот. И действительно, если 4 % ресурсов вкладывать в индустрию потребления, то реально повысить заработную плату, а тем самым, уровень жизни, невозможно. Мы пришли к выводу, что такая структурная политика отражает главный недостаток нашей экономики – она либо против человека работает, либо помимо человека. Это было связано с подменой ленинской модели социализма в конце двадцатых – начале тридцатых годов, когда модель, ориентированная на потребности человека, была заменена "самоедской" производственной моделью, когда в качестве результата предлагались всякого рода миллионы, миллиарды, киловатт-часы и т.д. Вот такое значение мы придаем межотраслевой структуре.

Здесь уже было отмечено, что сейчас – 5 % гражданского машиностроения, как они 20 лет складывались при 22 % всего машиностроения (5 % впервые называл М.С. Горбачев, а затем повторил товарищ Фролов – вице-президент Академии наук). Каждый грамотный экономист понимает: если меньше 20 %, то реновацию невозможно осуществлять, воспроизводство невозможно осуществлять. Это второй элемент межотраслевого распределения, который нас привел в критическое состояние. Дело все в том, что при пяти процентах гражданского машиностроения процесс воспроизводства невозможен. Повсеместно устаревает оборудование, устаревает производственный аппарат, а в результате ни качества, ни экономических результатов получить невозможно. Это второе положение.

Какие мы сделали выводы для региона? В регионе необходимо изменить структуры управления и, прежде всего, социальной стратегии, то есть увеличить капиталовложения в индустрию потребления, тем более, что легкая и пищевая промышленность более экологически чистые, чем другие отрасли. То же самое можно сказать и по экологически чистым отраслям машиностроения и создания на Байкале центра экологического приборостроения.

И, товарищи, последнее, что я хотел сказать по межотраслевой структуре – это вложение в духовную индустрию. Мы здесь уже говорили о том, что нам надо духовно подняться. Все ощущают свой духовный недостаток. Структура межотраслевого распределения капиталовложений показывает, как это сложилось. Мы вкладываем в регионе 2,5 % во всенародное образование, культура – 0,7 %, здравоохранение – менее 1 %. Вот что на деле означает остаточный принцип развития социальной сферы. Если это оставить, то к чему это приведет в количественных результатах? У нас в школах на одного школьника всех затрат приходится 60 руб. В Западной Европе – 1200. На одного студента – от 80 (в институте народного хозяйства) до 1500 (в политехническом). Для сравнения: университеты США – 80-120 тыс. долларов. Где разница, различие в подготовке? Или мы преподаем на пальцах, или мы организуем такую структуру, чтобы она на духовной сфере не экономила.

Мы все говорим об экологическом образовании. Какое тут экологическое образование, если его дать невозможно с такими ресурсами. Ясна структурная политика с точки зрения межотраслевого распределения?

Следующая – воспроизводственная структура. Это распределение капиталовложений на новое строительство, расширение, техническое перевооружение и реконструкцию. Воспроизводственная структура капиталовложений, которая определяет технический уровень производства. Что наблюдает-

ся у нас в регионе? В стране это в менее выраженной форме наблюдается. Вплоть до 11-й пятилетки 90 % капиталовложений шло на строительство и расширение и лишь 9 % – на техническое перевооружение и реконструкцию. Новое оборудование лежало у "долгостроев", а предприятия не переоснащались в течение 30-40 лет. И в результате техническая отсталость, которую мы сегодня законно связываем и с экологическими проблемами, вызвана именно таким распределением ресурсов. Мы должны в этой пятилетке дойти до 50 %. Для сравнения: в развитых странах на реконструкцию и техническое перевооружение идет 70-90 %.

С чем мы столкнулись, проектируя на перспективу более рациональную производственную структуру капиталовложений? Поставлять оборудование некому. Мы, правда, дошли до 30 % в Иркутской области, до 35 % в Бурятии, а дальше по плану 1988 г. скатились на прежние позиции из-за отсутствия оборудования. Более того, по плану 1988 г. в Байкальском регионе устанавливается демонтированное оборудование из европейской части страны. То есть техническая политика и воспроизводственная структура капиталовложений закладываются в течение длительного времени таким нереалистическим способом. Наша задача состояла в том, чтобы это круто изменить. По-видимому, спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Мы должны здесь создать экологичные технологии, экологическое приборостроение и переоснастить нашу индустрию за счет собственных средств. Ожидать, что наше машиностроение сможет это реализовать, трудно.

И, наконец, третий срез, который мы взяли – это срез территориального распределения капиталовложений, то есть определенной региональной, территориальной политики. Мы, прежде всего, предусмотрели прекращение концентрации промышленного производства в местах, наиболее экологически уязвимых – на реке Селенге, на водосборной площади Байкала и на берегу самого озера. Сложилось так, что в экологически уязвимых местах продолжает концентрироваться промышленность. Поэтому мы предлагали вынести сырьевые отрасли и некоторые действующие предприятия за пределы водосборной зоны Байкала. Мы сейчас к этому вопросу должны вернуться, потому что в связи с той методологией, которая была заложена по Концепции, экологические паспорта показывают, что мы и до 1995 г. по ряду предприятий не добьемся экологических требований хотя бы на современном уровне. И, наконец, целый ряд предложений по территориальной политике. Мы считаем, что это – наш вклад в рассмотрение деятельностных подходов. Есть вопросы?

Да, вот еще что. Член нашей группы, представитель министерства энергетики, просит, чтобы я показал то, что мы думаем о типах регионов. Мы пришли к выводу, что в настоящее время центральным звеном региональной политики является город. Почему город, а не область, не республика. Дело в том, что эти образования имели значение, когда мы собирались строить новые предприятия, подыскивать стройплощадку на огромной территории. Если мы переходим к политике распределения ресурсов между отраслями и формирования новой воспроизводственной территориальной структурной политики, то центром интенсификации, центром, где активизируется человеческий фактор, является город. Город – это единственное региональное образование, которое и в административной системе существует, и в экономической системе, и существует со своими границами и закономерностями независимо от наших политических и любых других структур. Все остальное – это наша с вами экономическая и всякая другая политика. Регионы складываются в зависимости от потребности управления, планирования, исследования, по-разному, а вот город, как единица, представляет центральное звено всей нашей региональной политики. Я считаю, что область надо рассматривать как взаимодействие городов.

Попов С.В.: Спасибо.

Березкин Ю.М.: Поскольку у нас игра, я бы начал с перефразирования известного тезиса в такой форме: "Платон мне шеф, но истина дороже". Я бы сделал такое замечание. Здесь Геннадий Иннокентьевич много говорил о региональной политике, но мы должны учитывать, что в истории культуры понятие "политика" означает, что это многофокусное образование, которое предполагает обязательное наличие разных противодействующих сил, которые, с одной стороны, не могут "сожрать" друг друга, а с другой стороны, не позволяют другой силе занять диктаторскую позицию. Но все, что говорил Геннадий Иннокентьевич, сводилось к целенаправленному разделению обязанностей в условиях отсутствия какой бы то ни было борьбы. Следовательно, то, что говорил Геннадий Иннокентьевич, имея в виду под региональной политикой "распределение ресурсов", – никакая это не политика. Политики в нашей стране – ни региональной, никакой другой – не существует, по понятию. Геннадий Иннокентьевич предлагает инвестиционное разделение совершенствовать с помощью четкого разделения ответственности и функций. Это приведет к тому, что мы сейчас имеем. Может быть, даже к еще худшей ситуации. Потому что не предполагает выхода из этой идиотской ситуации, в которой мы находимся, а усугубляет ее.

Фильшин Г.И.: Вопросы хорошие. Из тех трех часов, которые мы провели в оживленной дискуссии, мы 40 минут посвятили положению всех наших взаимодействующих здесь сторон: науки, предприятий, ведомств и общественности. И пришли к выводу, что хоть мы и нападаем на ведомства, но

ведомства тоже действуют в определенных экономических условиях, не изменив которые, мы их деятельность не изменим. Нам это надо очень хорошо себе представить, что для того, чтобы реализовать структурную политику, о которой я говорил, необходимы два обстоятельства:

1) изменение управления во всех звеньях;

2) контроль общественности за распределением ресурсов. Это будет демократический процесс, потому что общественность должна знать, где образуются те сложности, с которыми она встречается.

Мы дали некоторый вариант. Мы понимаем, что это необходимо еще прорабатывать. Может быть, начать не с предметов потребления, а с духовного.

Кстати, а куда те все ресурсы деваются? Мы этот вопрос обсуждали сегодня и пришли к выводу, что пока их поглощает военно-промышленный комплекс. У нас национальный доход – 6 млрд. рублей. Американцы тратят 300 млрд. долларов. Мы придерживаемся политики равновесия. Значит, фактически тратим не меньше. А ведь это половина национального дохода. Поэтому надо посмотреть: нельзя ли ускорить процесс разоружения, чтобы сейчас получить какие-то дополнительные ресурсы, кроме лучшего использования.

Попов С.В.: Ваш вопрос?

Из зала: Сколько процентов советских ученых обладает дипломами мирового статуса?

Фильшин Г.И.: Я этого не знаю. Я знаю, что эта работа ведется. Но знаю, что мало. Кстати сказать, – это и правильно, что мало. Мы расходуем на научно-техническое обеспечение науки 1/4 от США.

Попов С.В.: А кроме того, просто разная система работы. Если сравнивать.

Фильшин Г.И.: Поэтому мы не можем успешно работать на такой аппаратуре.

Попов С.В.: В некоторых областях сравнение вообще невозможно. Приезжают фирмы, которые работают с управленцами. С нашими управленцами они просто работать не могут по одной простой причине: они предполагают, что наш управленец знает свое дело и имеет его. Они передают ему способы организации его работы, но, когда приезжают в колхоз, выясняется, что дело в таком состоянии, что хуже некуда. Понятно, почему? Нужно разбираться не со средствами, а с самим делом, а форма на это не рассчитана.

Ваш вопрос.

Из зала: Геннадий Иннокентьевич, я не могу согласиться с вашим одним положением в отношении определения региона, как городского региона. Потому что получается отрыв от нашей главной цели: сохранения природного комплекса Байкала. Здесь вы инвестиционную политику построили в отношении города. Видимо, большой вред Байкалу наносит и сельское хозяйство. Его нельзя выкинуть из этого региона. Поэтому здесь какая-то несостоятельность в определении регионов.

Фильшин Г.И.: Мы обсуждали эту проблему на группе.

Из зала: Поэтому, вот, товарищ Гурман выносит предложение образовать Государственный Байкальский комитет по охране природы, возложив на него определенные функции, и контрольные, и другие. То есть исходить из того, что этот комитет определяет и должен определять регион как приложение к нему. Это не такое определение, жесткое.

Фильшин Г.И.: Я хотел бы ответить на этот вопрос. Я считаю, что самый главный наш недостаток в экономическом и административном делении в том, что оно не совпадает. Из-за этого у нас экономические регионы, кроме города, не имеют управления. А утверждение о том, что они имеют управление – это фикция. Поэтому объедините вы области или нет – ничего не получится, потому что управление останется в областях. Тогда давайте, организуем край и объявим его единицей!

Попов С.В.: Группа обсуждала город как регионообразующий фактор, но не сводила регион к городскому региону.

Фильшин Г.И.: Более того, мы четко имеем в виду, что город без села не проживет. Село его кормит. Поэтому мы рассматривали сельское хозяйство с точки зрения города в таких аспектах. С одной стороны, отдаленные территории, на которых производятся корма, с другой – аграрное окружение городов, которое работает на коммуникациях городов и планируется вместе с городом. Как это во всем мире сейчас. Речь идет о том, чтобы город имел сейчас индустриально-аграрное окружение, которое бы обеспечивало высокий уровень интенсификации и обеспечивало городской рынок, а отдаленные районы функционировали бы посредством обмена, производили бы корма, пшеницу и т.д.

Попов С.В.: Ваш вопрос.

Из зала: Вы сказали, что будете стимулировать развитие экологобезопасных типов производства на экологобезопасных территориях. В Улан-Удэ, которое является главным загрязнителем Селенги, большая часть предприятий завозит сырье.

Фильшин Г.И.: Совершенно верно.

Из зала: Главная задача, по-вашему, – импортировать загрязнение в экологоопасную зону. Какова структура в Иркутске и как это будет решаться?

Фильшин Г.И.: Я обращаюсь ко всем с просьбой. Товарищ задает вопросы совершенно конкретные и видно, что он занимается этим профессионально. Мы с ним поговорим позднее. Это может быть не интересно остальным.

Музыка Ю.В.: Я хотел вот что уточнить. Вы рассказали о предполагаемой инвестиционной политике. Это, на мой взгляд, отражает отраслевое ведение

народного хозяйства. В то же самое время вы это обходите в своем утверждении. Так это или не так?

Фильшин Г.И.: Мы как раз сегодня говорили и пришли к единому мнению. Если мы приняли "Закон о предприятии", то доходами и всеми ресурсами должны распоряжаться те, кто выпускает продукцию. Все остальные структуры управления должны соответствовать этому закону. Это во-первых, а во-вторых, я докладывал здесь некоторые принципы регионального хозрасчета и говорил, что региональный хозрасчет и отраслевая система – совместимы. Поэтому здесь никаких отступлений от этого принципа нет.

Попов С.В.: Прошу Вас.

Вонсович О.В.: Вы предлагаете провести территориальное перераспределение капиталовложений, вынести из региона Байкала экологоопасные предприятия. Но в таком регионе, как Братское водохранилище, идет строительство. Практически Байкальский комбинат переносится на Братское водохранилище. Это будет по мощности восьмое предприятие в регионе.

Фильшин Г.И.: Дело в том, что надо Байкальский ЦБК закрыть, как можно скорее. Мы рассмотрели все варианты размещения замещающих мощностей. Лучшей площадки, чем в Усть-Илимске, мы не нашли. Мы думали, что министерства и институты соответствующие разрабатывают экологические технологии для этого комбината, и мы сможем проблему Байкала решить. Это была наша ошибка.

Вонсович О.В.: Предполагать, что одно будет на мировом уровне, а семь – нет?! В каком положении будет Братское водохранилище?

Фильшин Г.И.: Братск здесь ни причем. Усть-Илимск от Братского ЛПК далеко.

Сергейцев Т.Н.: Мы подразумеваем под ресурсом некоторую массу денег, машин, сырья и т.д. У меня замечание по понятию "ресурс" и его важности для выхода на понятие "регион". Вроде бы, ресурс должен отличаться от резерва, запаса и других категорий, которыми пользуется при управлении. Ресурс, на мой взгляд, обеспечивает, прежде всего, развертывание новой деятельности, а не поддержание старых, сложившихся структур деятельности. Но если мы исходим из этой точки зрения, тогда...

Фильшин Г.И.: А мы не исходим из этой точки зрения.

Сергейцев Т.Н.: Проблема в другом. Если мы исходим из того, что для разных деятелей, в зависимости от их деятельности, будут разные ресурсы, то ваш тезис, что мы можем централизованно распределить ресурсы, становится невозможным. Одному нужно одно, другому – другое. И фактически нам нужно иметь учет их собственных ресурсов...

Фильшин Г.И.: Мы плохо используем сегодня ресурсы. В том числе – инвестиционные. В этом сомнений нет. Поэтому на первом этапе главная часть ресурсов идет на инвестиционный комплекс. Я заранее сказал, что от его состояния зависит мобильность наших изменений, и поэтому стратегии, прежде всего, связаны с тем, чтобы создать эти ресурсы. Мы такую стратегию в Иркутской области наметили уже на двенадцатую пятилетку. У нас, если раньше 2 % выделялось инвестиционному комплексу, то сейчас – 8 %.

Попов С.В.: Тут проблема в том, что вы просто в разных рамках работаете. Если я правильно понимаю, то Геннадий Иннокентьевич обсуждает освобождение от плохих ограничений и стратегию нормализации, указывая точки, где все это ненормально распределено. А ваша проблема возникает, когда мы начинаем обсуждать и строить механизмы развития уже на базе нормализованных структур.

Фильшин Г.И.: Может, мне не возвращаться к тем вопросам?

Попов С.В.: Прошу Вас!

Гетманова Г.В.: Геннадий Иннокентьевич, как Вы будете делить этот один ресурс сразу по трем критериям оптимальности одновременно? Экономическая наука не может согласовать территориальные и отраслевые интересы. А существует еще и воспроизводство. И для того, чтобы вам один ресурс поделить на троих, нужен еще четвертый критерий, который объединяет их всех, а если вы это не можете сделать, то все остается лишь пожеланием.

Фильшин Г.И.: Это правильное положение, но пути решения этой проблемы известны. Прежде всего, мы хотим перераспределить ресурсы в пользу технического перевооружения и должны законсервировать отдельные "долгострои", либо не начинать новые крупные стройки, не втягиваться в крупные инвестиционные программы по Байкальскому региону до 1995 г. Напротив, провести работу по инвентаризации состояния строек, и как можно быстрее. Вы правильно сказали: ресурсы те же. Как их найти для технического перевооружения? Надо находить!

Попов С.В.: Вы обратите внимание. Здесь между вами просто разные подходы, поскольку эта задача как многокритериальная — не решается. А управленец ее решает так: одни процессы приостанавливает, а другие ускоряет.

Фильшин Г.И.: Совершенно верно.

Попов С.В.: Поэтому ваша экономическая наука может с этим возиться еще долго. А решается это не за счет пересчета, а за счет управленческих решений.

Прошу вас!

Шайхутдинов Р.Г: Правильно ли я Вас понял, что обсуждение вопросов распределения должно идти после того, как мы обсудим техническую организацию производства?

Фильшин Г.И.: Да, конечно.

Шайхутдинов Р.Г: Дальше тогда возникает вопрос о ресурсах. Если мы работу организуем по отраслевому принципу, то у нас ресурсом является одно, и распределение ресурсов зависит от этого. Если мы вводим региональную организацию работ, то при этом те понятия ресурса, прибыли, которые работали при отраслевой организации, перестают работать при региональной организации.

Фильшин Г.И.: Ну, я думаю, что без централизованного урегулирования работы отрасли и обеспечения единого технического прогресса общество не обойдется. Я здесь присоединяюсь к точке зрения товарища Кабаидзе, который говорит, что надо создать хозрасчетные ассоциации, которые по заказу предприятий будут решать все эти вопросы. Если они будут "ловить мышей", мы их будем содержать, если не будут – нет. То есть все равно будет организация, которая будет информировать предприятия о состоянии дел в отрасли и за рубежом, а также регулировать распределение продукции. Я как прагматик не считаю возможным исключить такое образование. Как оно будет называться? Оно будет выполнять функции координации, обеспечения единства технического прогресса, информационный банк и т.д.

Шайхутдинов Р.Г: Мне один момент очень важно показать, что экономические понятия следуют после введения технической организации работы, зависят от нее. Если мы меняем техническую организацию работы, то должны менять и структуру экономических понятий. Ну, например, техническая организация производства сегодня задана таким образом, что производство работает не только на потребителя, но и еще через склад это идет. Поэтому понятие "прибыль" у нас не работает, поскольку прибыль считается в точке продажи, а если мы сегодня не реализуем товар, и он у нас идет на склад, то понятия "прибыль" – нет.

Фильшин Г.И.: Я вас понял, но мы все должны рассчитывать на то, что экономическая реформа когда-нибудь осуществится. Работа "на склад" не должна вообще иметь место. Вся наша система должна повернуться к потребителю. Такие структурные сдвиги возможны только при работе на потребителя. У нас же сейчас создана "самоедская" производственная система, в которой все определяет производитель.

Тарноруцкий С.А.: Скажите, пожалуйста, каким образом увеличение инвестиций в сельское хозяйство приведет к улучшению экологической обстановки, не окажется ли наоборот? Мы построим крупное животноводческое предприятие, и ухудшим... Само по себе увеличение не ведет к улучшению экологической обстановки, и второе: каким образом у вас предусматриваются структурные изменения в сельском хозяйстве, в региональной политике?

Фильшин Г.И.: Мы затрагивали структурную политику в сельском хозяйстве, которая ориентирована была на сокращение посева на коррозирующих землях, восстановление пастбищ, изменение структуры стад, замена химических способов борьбы с вредителями на биологические и многое другое. Я ничего другого добавить не могу, потому что не являюсь специалистом в сельском хозяйстве.

Тарноруцкий С.А.: А в отношении инвестиций?

Фильшин Г.И.: Сельскому хозяйству надо дать втрое больше, чтобы создать социальную базу, и для этого ресурсы должны быть совершенно иные. Мы на всех выставках показываем наши достижения, а колхозник до сих пор живет в неблагоустроенном жилье.

Тарноруцкий С.А.: Но это не решает вопросы экологии.

Фильшин Г.И.: Я не специалист в области сельского хозяйства.

Якобсон А.Я.: У меня очень частный вопрос. Если Вы отводите министерствам такую роль, то не справятся ли с ней отраслевые НИИ и проектные институты?

Фильшин Г.И.: Ведь у нас все хорошее, новое – это хорошо забытое старое. Бывшие Госкомитеты по науке и технике объединили все НИИ и, кстати, создали ту научно-техническую базу, которой мы до сих пор пользуемся. К великому сожалению, она 25-летней давности. Конечно, они объединят НИИ. Но их нельзя распределять по регионам только из-за того, чтобы они там обслуживали. Для этого будут существовать научно-технологические комплексы.

Якобсон А.Я.: А понадобится еще что-нибудь, кроме них?

Фильшин Г.И.: Понадобится. Нужна координация.

Чебаненко Б.Б.: Сейчас на территории области функционирует несколько целлюлозно-бумажных заводов. Если мощность БЦБК взять за единицу, то мы можем говорить, что в Братске у нас 7,5 таких мощностей. В плане развития области до 2005 г. предполагается строительство еще 7,5 таких мощностей на Лене и Киренге. Кроме того, предполагается размещение на территории области еще нескольких химических комбинатов – экологически грязных производств. Я бы хотела, чтобы Вы ответили на такой вопрос. Что заставляет планирующие органы насыщать нашу область вредными производствами? Если Вы мне ответите, что это определяется наличием сырья на нашей территории, то я не очень буду удовлетворена, потому что у нас есть предприятия грязные, сырье для которых подается к нам из внешней системы.

Фильшин Г.И.: Я отвечу таким образом. Киренский ЛПК в ближайшее десятилетие нам не грозит. Для того, чтобы его построить, необходимо провести дорогу. Этой дороги еще и в проектах нет. Давайте

об этом не будем говорить. Авось, мы к этому времени научимся создавать экологичные технологии. Больше других новых предприятий на территории Иркутской области не предусматривается. На территории Бурятии лесохимия вообще не предусматривается.

Чебаненко Б.Б.: А химия?

Фильшин Г.И.: Мы отказались от строительства двух предприятий по экологическим соображениям. Что касается химкомплекса, то программа химизации далеко еще не утверждена. Позиция наша состоит в том, что новое мы должны строить только взамен старого. Ну, например, если мы строим новый завод по производству аммиака, то мы должны закрыть старый завод по производству аммиака. У министерства не такая позиция. Они собираются этот старый завод держать до 2005 г. Здесь сейчас позиция области достаточно твердая. Новая стройка химии – 1 и 2 очереди Зиминского завода. Вторая очередь сейчас находится под вопросом – из-за оборудования и его экологичности. Что касается других предприятий химии, то их уже нет смысла реконструировать. Они износились полностью. Необходимо создавать новые мощности. Хотя я должен сказать, что химическая промышленность Иркутской области гиперболизирована, безусловно, и вся задача состоит в том, чтобы ограничить ее развитие.

Краковский А.И.: Я очень внимательно слушал Вас, вдумываясь в ваши предложения, и хочу понять, что здесь принципиально нового против того, что мы имели в своем хозяйстве в плане распределения капиталовложений (я не говорю о количественной стороне вопроса) в плане направления их на реконструкцию, на улучшение производства? Нового я здесь ничего не вижу. Ведь это опять не выход. Это надо держать, надо знать: какие предприятия ломать, какие строить? А где модель? Необходимо создать модель, которая сама бы настраивала, и капиталовложения не шли бы волевым образом на что-то другое.

Фильшин Г.И.: Я должен доложить, что никакой структурной политики в регионе не проводилось и не проводится. Структурная политика считается компетенцией страны. А на самом деле, по Ленину, самое главное – это структурная политика в регионах. Мы это вообще не реализуем. Впервые понятие “структурная политика” ввели сибирские ученые – при подготовке разных постановлений проанализировали эту структуру, доказали ее несостоятельность и внесли предложения. Ни Госплан, ни другие органы на себя не брали контроль за структурной политикой.

Попов С.В.: На мой взгляд, вопрос в другом. С тем, что Вы говорите, Госкомстат согласен.

Фильшин Г.И.: Вы про модель? На мою долю выпало содержательное выступление. Конечно, все должно рассчитываться многовариантно, и обычным путем этого не сделаешь. Существует структурная модель. Но мы ее не обсуждали в группе, потому что там у нас в основном производственники, и обсуждать с ними процесс моделирования не было возможности.

Попов С.В.: Возражение в другом. Будут ли эти ресурсы распределяться опять волевым образом, или будет построена некая сбалансированная система?

Фильшин Г.И.: Совершенно верно. Поэтому мы тесно увязываем новую структурную, инвестиционную политику с региональным хозрасчетом, который должен привести к сбалансированности и ресурсов, и потребления, и взаимосвязи с центральными органами на территории.

Щедровицкий П.Г.: У меня три замечания.

Я бы начал с вопроса, который вы обсуждали в группе касательно территориального распределения инвестиций и ресурсов. Я бы хотел обратить внимание на один парадокс, с которым мы столкнулись, и неудачи инвестиционной политики 1986-1988 гг. это показывают. Очень трудно осуществлять политику, когда все поворачиваются разом в одну сторону. Вроде бы здесь этот парадокс не решен, поскольку большинство наших отраслей промышленности и регионов находятся в достаточно близком состоянии по тем реорганизациям структурной политики, которые нужно сделать. Но если все будут делать эти шаги одновременно, то никаких ресурсов никогда не хватит. Мы каждый раз будем попадать в ситуацию дефицита, каждый раз будем искусственно вздувать цены и все остальное, иметь трудовой дефицит и прочее.

И я бы сделал проектный бросок. Может быть, Иркутскому региону имеет смысл выйти чуть-чуть в сторону и начать вкладывать инвестиции локально и точечно в то, во что не вкладывает вся страна?

В этом состоит одно из направлений решения этой ситуации, в которую мы попадаем каждый раз, когда программируем развитие всей страны в целом без учета особенностей каждого региона.

Фильшин Г.И.: Вот Вы сейчас предложили. Рекомендации Ваши связаны с усилением территориального разделения труда, которое Вы отрицали вчера.

Щедровицкий П.Г.: Я ведь отрицал не по принципу, а по реальному положению дел.

Фильшин Г.И.: Итак, отвечаю на первый вопрос. Есть здесь проблема. Действительно, если структурные сдвиги должны происходить в стране почти параллельно, если в стране индустрия потребления – 4 %, а у нас в регионе – 3,5 %, то это разница не существенная, и искать какие-то региональные особенности не приходится. Вы говорите: не хватит ресурсов, но ведь эта вся концепция состоит в перераспределении ресурсов. Мы сейчас вкладываем в тяжелую индустрию 32 % всех капиталовложений.

В результате у нас структура хозяйства почти на 80 % состоит из средств производства. Причем, далее сокращается удельный вес предметов потребления. Я думаю, что такая сдвижка должна быть. Что значит отказ от долгосрочных инвестиционных программ. Это ресурсы, которые предусматриваются этой программой. Это реальный шаг. Мы уже внесли предложения, от чего надо отказаться, поскольку эффект будет за пределами 2000 г. Сегодня эти ресурсы необходимо передать в другие отрасли. Такие переливы капитала в мировой практике – это обычное дело. Мы не рассчитываем на эти вещи. Однако Вы правы в том, что в ряде отраслей нам надо занять особое положение, чтобы не конкурировать с другими отраслями по ресурсам.

Щедровицкий П.Г.: Вот этого я не увидел.

Фильшин Г.И.: Да, я действительно об этом не говорил, но когда мы планировали создать центр экологического приборостроения, мы не видели других предложений. И Госплан сказал, что это у нас – союзная задача.

Щедровицкий П.Г.: Второе замечание. Я бы вернулся к тому, что говорил Ю.М. Березкин, и подчеркнул бы чуть иную ситуацию, поскольку то, что нет инвестиционной политики и не было до последнего времени, это уже точно определено не только тем, что нет отдельных источников инвестиций, которые бы конкурировали друг с другом и искали бы альтернативные варианты, но и тем, что у нас совершенно не разработана сама позиция инвестора.

Вы прекрасно понимаете, что в экономической литературе про это много что написано, но мы совершенно не обсуждали понятие “риска” и вообще поведения различного рода инвесторов. Даже если вы начинаете такого рода разделение проводить в мысли, понимая, что появление реальных фигур инвестиционной политики – это дело дальнейших шагов. Дай Бог, если они у нас все-таки сложатся. Но вот где этот аппарат? Как он учитывается при проектировании альтернативных инвестиционных циклов, направлений, точек приложения и т.д.?

Фильшин Г.И.: Я хотел бы ответить так.

Я очень сильно полагаюсь здесь на региональное хозяйство, с точки зрения его перехода на региональный хозрасчет. Достаточно вспомнить: все, что мы имеем в области строительства, здесь, на территории, создано в шестидесятых годах Советом народного хозяйства. Министерства после этого не создали, практически, ничего с точки зрения инвестиционного комплекса. А вот совнархоз начал с того, что создал материальную базу, которая сейчас устарела, хоть когда-то и была довольно мощная. Она позволяла создать то, о чем мы сегодня, при ведомственном разделении ресурсов, и мечтать не можем. Поэтому я полагаю, что если хозяевами здесь станут управленцы, то они прекрасно понимают, что без мощного мобильного инвестиционного комплекса они ничего не сделают – социальную сферу не подтянут, экологичные технологии не создадут, да и само производство будет работать плохо.

Щедровицкий П.Г.: Наша позиция – тех, кто обсуждает теорию методологии, состоит в том, чтобы обсуждать аппаратуру, а иначе никто ничего не сделает, не будет видеть механизмов.

Фильшин Г.И.: Что касается риска, то главным образом он связан с технологическими проблемами. И мы его учитывали, когда формировали Концепцию.

Щедровицкий П.Г.: И третье замечание. Мне представляется, что практически не развернута плоскость задействования инвестиций, создания условий для того, чтобы инвестиции были задействованы. Я не согласен здесь с Вами, Сергей Валентинович [1], что Т.Н. Сергейцев обсуждал этот вопрос в другой рамке. Вроде бы, создание всякого рода ситуаций на уровне задействования инвестиции и есть один из эффективнейших механизмов построения инвестиционной политики. Это невозможно без тонкого инструментария. Например, налоговой политики, амортизационной политики. Здесь я этого не услышал, и у меня есть серьезные теоретические затруднения, поскольку я знаю, в каком состоянии это у нас находится. Поэтому я, конечно, могу поверить Вам на слово, что у вас все это делается, но пока не очень понятны эти тонкие инструментальные методы, которыми мы бы создавали разнообразие ситуаций в плане задействования инвестиций и их рационального использования.

Фильшин Г.И.: Это одно из самых слабых мест, но здесь работают многие подразделения, в том числе и Сибирского отделения. Но я думаю, что здесь слабое место связано не столько с инструментарием, а с тем, что наш инвестиционный комплекс работает на затратных основах, и до сих пор не видно, как из этого положения выйти. Взаимодействия заказчика и подрядчика до сих пор не урегулированы, потому что капиталовложения у заказчика не свои, а государственные. И сейчас очень трудно этот процесс смоделировать.

Попов С.В.: Спасибо, Геннадий Иннокентьевич. Я бы просил обратить внимание спрашивающих на то, что целый ряд частных вопросов можно решить на консультациях. На общих собраниях необходимо обсуждать вопросы, значимые для всех групп участников.

Лобанова Т.А.: Наша группа называется “Развитие производительных сил”. Подгруппа “Кадры в регионе”. Я хотела начать с ситуации, которая воз-

[1] Попов С.В.

никла при необходимости разделить группы. Развитием производительных сил решило заниматься около сорока человек. Понятно было, что в таком количестве группа работать не может. Поэтому ее надо было как-то разделить. Во-первых, было предложение выделить подгруппы отраслевые: а) сельское хозяйство и б) природно-энергетический комплекс. О чем это свидетельствует? Строго говоря, это означает, что отсутствует представление о том, что такое производительные силы как целое, и каким образом их можно дробить по содержанию, а не по набору участников и по их профессиональной деятельности.

И до сих пор представление о том, что такое производительные силы введено не было. Что мы попытались сделать? Мы начали с такого коррегированного определения, которое здесь уже пытались воспроизвести. Мы представили производительные силы как совокупность трех элементов: а) действующего субъекта, б) средств труда и в) предмета труда, на который этот субъект воздействует. Когда мы приняли для себя это определение, мы поняли, каким инструментом оно может явиться. Это своего рода ширма, которая закрывает.

Почему в качестве инструмента для решения региональных проблем, размещения отраслей, поднятия уровня жизни жителей региона это понятие ничего не дает? Мы выяснили, что тогда, когда оно вводилось, представление о производительных силах было необходимо как понятие, дающее возможность прогнозировать ход исторического развития на определенных отрезках. Поскольку здесь в регионе ситуация не обсуждается как историческая, то, вообще говоря, представление о производительных силах не требуется.

Поэтому, когда пишется концепция развития производительных сил, то если использовать это понятие по назначению, то надо описывать историческую траекторию развития регионов. Поскольку такого рода проблем здесь вообще не ставилось, то группа от необходимости такого понятия отказалась. И в дальнейшем мы эту схему стали рассматривать как схему фрагмента деятельности. Это представление из учебников является фрагментом более развернутых схем.

Далее мы подумали, что бы это означало. Я попробую изложить обыденную точку зрения. Есть некий субъект, который строит свои взаимоотношения с природой для того, чтобы произвести некий продукт, который будет уничтожен в процессе потребления. Таким образом, эти акции будут повторяться до бесконечности. Здесь, уже на игре, было продемонстрировано, что такого рода логика приводит к неразрешимым проблемам. Скажем, желание произвести как можно больше продукта приводит к исчерпанию ресурсов. Жить как можно лучше не удается. Выхода из этого круга не видно, но такая проблема возникает только в случае, если целью является производство продукта. Если посмотреть на то же самое с точки зрения ценности воспроизводства самой деятельности, где продукт является побочным результатом, то эта проблема снимается. В этой схеме субъект и средства производства представляются как некая искусственная часть, созданная человеческой деятельностью, а предмет труда представляется как часть естественная, как некий природный ресурс, который в процессе потребления исчезнет. Если мы ставим целью воспроизводство деятельности, то условием является накопление ресурсов, то есть к предмету труда можно относиться не как к естественно данному природой, а как к искусственному, который, как и продукт, можно натурализовать в деятельности. Можно создать позицию, которая отвечает не за производство продукта, а за производство ресурса. Это может означать, что главной целью является, например, не выращивание пшеницы, а повышение плодородия почвы, тогда проблема урожая становится вторичной и решается иначе и проще.

Для того, чтобы показать принципиальное отличие подхода, в котором основным является производство продукта, от подхода, в котором основным является производство и формирование ресурса, мы взяли ситуацию, связанную с ЦБК. До тех пор, пока комбинат рассматривается как машина для производства целлюлозы, ни усовершенствование технологии, ни перепрофилирование, в принципе, проблему решить не могут, поскольку все равно загрязнение будет, и воссоздать Байкал в первозданной чистоте не удастся. А теперь нужно посмотреть на этот же самый ЦБК как на организм формирования ресурсов. Ресурсы чистой воды, леса или технологий, которые будут экологически чистыми. Это не означает, что комбинат не должен производить целлюлозу, но это становится второстепенной задачей после выполнения первых условий. Это может означать, что международный экологический центр можно основать на базе ЦБК, чтобы всех ученых подключить к решению этой проблемы. У меня все.

Попов С.В.: Какие будут замечания?

Тахтеев В.В.: Чем Ваш доклад отличается от доклада группы?

Лобанова Т.А.: Ну, насколько я помню, в этом докладе говорилось, что ресурс – это главное, а производство – второстепенное. Мы попытались ввести представление о том, как ресурс соотносится с другими элементами деятельности.

Попов С.В.: А ведь, если переформулировать вопрос Тахтеева В.В., то он сводится к тому, что в докладе вашей группы ни особого содержания, ни мысли нет.

Ойзерман М.Т.: Я попытаюсь защитить нашу группу. Татьяна Алексеевна, будучи экономистом,

более подробно остановилась на первой части и упустила ряд очень важных моментов во второй части этой работы. Обратите внимание на то, что если ценностью является производство продукта, то это ведет к обязательной деградации систем производства, так как эта система не только не обеспечивает производство, не говоря уже о воспроизводстве и развитии.

Мы решили рассмотреть, что же может быть материальными ценностями в наше время, и пришли к выводу, что реальными ценностями должны быть такие, как, например, самодеятельность. Поскольку если мы эту деятельность прекратим, то прекратится все остальное. Какая цель может обеспечить существование систем деятельности? Такой целью мы сочли формирование, развитие и накопление ресурсов. Ресурсы эти не только минеральные, но и интеллектуальные, культурные и т.д. Тогда средством реализации ресурсной цели может стать разработка систем деятельности, конечным продуктом которых является возобновленный и накапливаемый непрерывно ресурс. При этом мы от этой редуцированной схемы перешли к той, которую вчера здесь начертил Петр Георгиевич. Эта схема нами использовалась в самых разных соображениях.

Попов С.В.: Максим Теодорович, Вы упорно идете к самоликвидации. Я могу пояснить, почему. Вы рамку своей работы (что именно сделали) не обсуждали. Дальше весь сделанный ход уже непонятен, Вам зададут массу вопросов, скажут, что схема формальная. На мой взгляд, ваш доклад имеет смысл, но только не в том, о чем вы рассказываете.

Я попытаюсь сказать, в чем, с моей точки зрения, смысл вашего доклада, а Вы мне скажите: ошибаюсь я или нет. Группа попыталась построить новое понятие "производительных сил", но тут возникает первый вопрос: на каких основаниях мы можем отказаться от старого понятия? На мой взгляд, это вы сделали совсем неверно, когда заявили, что все это не работает. Это вы можете здесь говорить, но если вы это скажете в другом месте, вас убьют и правильно сделают, поскольку понятие, в том числе и производительных сил, есть культурная единица в научных разработках, в представлениях практиков. Им руководствуются, и в зависимости от этого организованы системы действий. Поэтому сказать, что оно не работает, можно, но толку от этого никакого не будет.

Необходимо определить условия отказа от той или иной теории, того или иного понятия. Это вопрос сложный, но вы этого не сделали. Вот теперь нужно задать себе вопрос: "Что же такое понятие?", но не тогда, когда оно уже сформировано, а когда его еще предстоит построить. В методологическом плане. Первое, что мы должны зафиксировать, что введение нового понятия – это средство разрешения проблемных ситуаций, поскольку, когда вы строите понятие, вы должны показать, какую именно проблему вы решаете. Далее вы должны обсудить, какое место понятие производительных сил занимает в современных процессах, тех, которые Маркс в то время, при анализе капитализма, не рассматривал. Ведь он рассматривал только процессы производства, и понятие "производительных сил" вводил для производственных процессов. Все остальные процессы ему тогда не нужно было рассматривать. Понятно, да?

Лобанова Т.А.: Мне кажется, я не о том говорила.

Попов С.В.: Но тогда я еще два слова скажу, с Вашего позволения. Тогда возражения и критика может идти по такому вопросу: "Какие процессы вы рассматриваете и как там понятие производительных сил по-новому работает в системах воспроизводства, накопления и т.д.?". То есть мы должны рассматривать серию процессов и как это работает. А обращение к этой схеме, во-первых, преждевременно, а, во-вторых, мало что даст. На мой взгляд, группа попыталась отказаться от понятия и сделать шаг к новому понятию.

Тарноруцкий С.А.: У меня замечание принципиального характера. Вы сказали, что можно ставить целью повышение плодородия земли, а не получение урожая. Но тогда вся сельскохозяйственная деятельность теряет смысл. Нужно ее прекратить, и плодородие останется на природном уровне. Если вы хотите повышения как самоцель, то это будет противоречить получению урожая. Вы повысите плодородие земель, но не получите урожая.

Попов С.В.: Давайте разберемся. Выдвигается такая идея. Если главной целью мы будем ставить повышение потенциала, а вторичной целью съем урожая, то тогда мы начнем другой режим землепользования. Мы так должны планировать засев, удобрение и так далее, чтобы повышалось плодородие земель.

Тарноруцкий С.А.: Это необходимое условие, но не самоцель.

Попов С.В.: Теперь мы должны спросить, каков механизм непрерывного наращивания плодородия. Нужно найти такой механизм.

Щедровицкий П.Г.: Мои замечания. Мне кажется, самая важная дискуссия, которая здесь не получила завершения, дискуссия по вопросу: "А что мы делаем?" Если вы проектируете, и ваша задача состоит в том, чтобы развернуть процесс проектирования, то тогда изменения и интерпретации схемы и, вообще, работы над схемой занимают в этом процессе определенное место. Какое? И достаточна ли та работа, которую вы проделали со схемой, для того, чтобы совершить проектный шаг? Вроде бы, дискуссия, которая здесь развертывалась (это второе замечание) показывает, что та работа, которую вы

проделали, недостаточна для осуществления сдвига в проектировании. Вы, конечно, сказали, что нужно не производить продукцию, а накапливать ресурс, но в схеме акта деятельности нет ресурса, поэтому относительно него не может быть поставлена как модельная задача накопления ресурса.

Вам нужна другая схема, более широкая, чем схема акта деятельности, в которой бы появилось понятие ресурса, с одной стороны, и деятельности по аккумуляции ресурса, с другой. Потом, когда вы такую схему построите, вы можете сказать, что при переходе в нее у тех, кто будет занимать место субъекта деятельности, будут меняться цели. Пока, идеологически, с вами все согласны, нужно менять цели, но непонятно: в какую систему деятельности мы при этом вываливаемся. Такие схемы у нас есть. А вот схем, где бы существовало накопление ресурсов, у нас нет.

Третье замечание, как бы подводящее итог. Ваше рассуждение пока идеологическое, а модельным, теоретическим и практическим оно станет только в той степени, в какой вы развернете более широкое пространство деятельности, тогда выяснится, что для того, чтобы накапливать ресурсы, необходимо проектировать такие системы деятельности, где нечто будет превращаться в ресурс. Этого у вас пока нет.

Попов С.В.: Спасибо. Следующая группа “Приоритетные цели развития региона”.

Из зала: Цель нашей группы заключалась в том, чтобы выявить приоритетные цели развития Байкальского региона и методологически обосновать само это деление. Наше обсуждение постоянно вращается вокруг двух факторов: природного и экономического. Человек непосредственным образом включается и в тот, и в другой фактор. С одной стороны, он является частью природы, с другой – субъектом экономических отношений. При этом человек не исчерпывается двумя этими моментами. Его жизнь включает в себя и правовую деятельность, и политическую, и прочие. Поэтому, наряду с этими двумя факторами необходимо включить сюда и человеческий фактор. А человек взаимодействует с природой. Он использует при этом производительные силы и вступает в определенные отношения – производственные отношения и другие. Комплекс этих отношений составляет структуру деятельности человека. Человеческий фактор включает в себя виды деятельности. И вопрос тогда стоит в соотношении двух структур: структуры человека и структуры природы. Вся проблематика заключается в выяснении оптимальности этого соотношения. Коль скоро структуры деятельностные, то встает вопрос о цели этой деятельности, потому что цель предваряет любую деятельность, служит ее направляющим фактором. Поскольку деятельность – категория общественная, то мы должны, прежде всего, определить общественные цели. Коль скоро все лучшее выявляется в противоположностях, то сопоставим общественные цели при капитализме и социализме. При капитализме цель – прибыль, средство – человек; при социализме цель – человек, средство – прибыль. Это не просто абстрактное начало, а очень важный момент в жизни.

Попов С.В.: У вас еще вторая часть доклада. Регламент.

Из зала: Да, разумеется.

Что касается целей, то они витают в воздухе, они являются выражением определенных интересов классов. Они тоже не существуют ... Класс не приходит и не заявляет о своих интересах. Это подкрепляется властным политическим механизмом.

За последние годы у нас как раз произошла деформация властных механизмов, то есть деформация самой политической системы. Власть от Советов депутатов трудящихся перешла в руки исполкомов. Таким образом, слуги народа стали его господами, а когда страной правит не народ как господин, а слуга, то начинается “смердяковщина”. И страна начинает не производить, а разлагаться и смердить. А коль скоро произошел крен в области властных механизмов, то меняются и целевые установки. Главной целью производства становится не человек, а выполнение планов, то есть речь идет о прибыли, а человек становится средством достижения этой прибыли. Его положение мало чем отличается от положения в противоположной системе.

А во главе производства стоит не производитель, а стоит бюрократ, а он далеко не производитель. Это послужило тому, что целью производства перестало быть воспроизводство. Причем, бюрократ не заинтересован в самом главном воспроизводстве – воспроизводстве человека. Вот и оказывается человек на том месте, как т. Фильшин нам докладывал. Наряду с деформацией производительных сил начинается деформация самого человека. Деформация человеческой структуры сказывается на деформации природной структуры. Деформированный человек деформирует природу. Вот в чем причина экологической обстановки и в регионе, и за его пределами.

Наша задача найти оптимальное сочетание структур человеческой деятельности и структур природы озера Байкал. Со второй частью доклада нашей группы выступит Николай Павлович.

Ладейщиков Н.П.: На протяжении всего времени напряженной игры у нас не прозвучала одна тема – сохранение природных ценностей Байкала. Прямого сообщения не было ни одного. Речь шла о Концепции развития производительных сил. Все мы хотим развиваться, развивать производительные силы и т.д. Но ведь речь идет все время об эксплуатации природы Байкала. Она отличается именно тем, что сам регион чрезвычайно хорошо организован. Он позволяет проводить здесь любые эксперименты в

спокойных условиях. Вся беда в том, что мы не можем использовать этот важный для анализа организм, ставить на нем эксперименты, в частности, тот, о котором я сейчас скажу в нескольких словах. Он состоит в том, чтобы выявить, насколько учитываются во всех наших подходах к природопользованию фактор человека и те качества человека, которые проявляются тогда, когда человек переходит к стадии "гомо сапиенс".

Это очень важный этап. Пока человек занимается собирательством, он ни за что не отвечает. Когда человек получает наиболее высокоорганизованную материю, то он получает ответственность за дальнейшую эволюцию, природо-эволюционный процесс, который начался когда-то, когда, мы не знаем. Мы участвуем в нем через соответствующие институты нашего общества.

Структурная деятельность человеческого общества налагается на эволюционный процесс. Формируется зона взаимосвязи. Она может быть возрастающей, причем позитивно или негативно возрастающей. Обратимся еще на минутку к этой схеме. Это отображение той "каши", которая существует на Байкале, и называется экологической ситуацией. Здесь у нас намечается создание большого экологического научного центра, развитие туристского центра, и здесь же рядом находится природный парк. Как раз напротив сильного загрязнителя – Байкальска – размещается соболиный заповедник. Ширина озера, как известно, невелика, поэтому загрязнения, направленные с западным переносом на восток, очень сильно действуют на те комплексы, которые должны быть защитными.

Точно так же обстоит дело и с национальным природным парком. В настоящий момент экологическая картина, которую мы наблюдаем на Байкале, совершенно не приспособлена, не отвечает ни задачам экологической защиты Байкала, ни перспективным подходам к этой задаче. Между тем, мы имеем здесь отлично организованную систему, которая, в сущности, довольно проста. При первом же взгляде на нее совершенно очевидно: вот Байкал, на него действуют определенные механизмы циркуляции в воде и в воздухе, тесно связанные между собой. В то же время здесь наблюдаются такие же связи механизмов между береговой полосой и всем пространством.

Затем есть бассейн Байкала. Он смещен в сторону. Он снабжает систему водой и больше ничего не делает. У него совершенно другая природа и другая основа. Дальше идет зона гравитации, зона информации, потому что Байкал относится к разряду центростремительных систем. Он накапливает информацию. Здесь скапливаются вещество и материя. Таким образом, перед нами необычайно удобная модель для всех экспериментов. Что надо сделать? Во главу угла необходимо поставить решение кардинального вопроса: чем и как защитить Байкал? Из выступлений предыдущих товарищей видно, что для этого у нас нет никаких возможностей. Прежде всего, нет средств. Нет тех миллиардов, которые нам необходимы для того, чтобы осуществить намечаемые мероприятия. Они не должны быть только экологическим улучшением технологии.

Речь идет о том, что надо не только перепрофилировать, но и передислоцировать некоторые предприятия, прежде всего немедленно убрать все основные загрязнители из байкальской впадины, не делая никакой скидки ни для кого из них. Больше того, необходимо пересмотреть планировку в северной части Байкала в отношении БАМа. Мы хорошо знаем пути основных трасс циклонов, которые несут загрязнение Байкалу и которые могут быть учтены при размещении крупных предприятий. Словом, перед нами стоит очень сложная задача с учетом еще тех факторов, которые находятся за пределами нашего Союза. Ведь к нам попадают загрязнения из Западной Европы, например, из ФРГ и некоторых других стран. Иными словами, все выводит нас на одну концепцию, на чем я и заканчиваю.

Необходимо создание на Байкале Международного научного полигона и, вместе с тем, придание региону Байкала определенного статуса самостоятельности. В административном отношении и особенно на первом этапе нужно тесное взаимопонимание и юридическое согласование всех трех сторон, особенно Бурятии и Иркутской области. Пока у нас не будет достаточного согласования, пока мы не примем во внимание, что мы мало знаем природу Байкала, до тех пор мы ничего не сделаем на Байкале, потому что никакие частные решения не помогут. Мы можем убрать загрязнители из южной части Байкала, но загрязнители с севера распространят загрязнения на всю зону Байкала. Мы можем убрать загрязнители вообще из зоны Байкала, но если мы не уберем загрязнители к западу, к северу, к югу и к востоку от него, то за счет гравитационных и других процессов загрязнения будут поступать в зону Байкала. В будущем мы, видимо, выйдем на объединение наших собственных проблем с международными. Может быть, потребуется выйти на крупные объединения международной науки и Организацию Объединенных Наций.

Попов С.В.: Спасибо. Какие замечания?

Черников Д.С.: Вы пытаетесь подменить национальный парк международным экологическим центром, то есть создать еще одну "клоаку" на Байкале, научную, которая бы ничего не делала. А поток людей (200 тыс. с иркутской стороны и полмиллиона – из Забайкалья) остановить мы не можем. Что же, мы всех в этом международном экологическом центре соберем?

Ладейщиков Н.П.: Отвечаю. Прежде чем зада-

вать вопросы в таком стиле, вам надо было подумать самому: насколько вы знакомы с предметом, о котором спрашиваете. Национальный парк – это такая система организации территории, при которой возможно существование заповедников, традиционных предприятий и тех запасов сырья, которые здесь существовали, сельского хозяйства и т.д. То есть национальный природный парк позволяет объединить территорию в наиболее рациональном плане. Что касается Байкальской впадины, то она так организована, как я вам только что показывал. Она допускает хорошо продуманную организацию, при которой может быть сохранено хозяйство Байкала, рыболовство, а самое главное, при которой, может быть не затронут человек, не затронуто население, не затронуты те самые байкальцы, которых называют башлаками, которые сформировали свое сознание, свои принципы тем, что они живут в котловине. Мы часто недооцениваем географический фактор.

Товарищи, "котловинный эффект" – это не просто эффект климата, но и эффект сближения национальных, психологических и других интересов, потому что человеку некуда больше деваться. Он неминуемо объединяет себя со своими соседями. Формируются определенные очаги сознания. Почти все крупнейшие национальные культуры создавались в котловинах, Ферганской котловине, скажем. Здесь, на Байкале проявился особый тип человека, который никогда не солжет. Он просто не может сказать того, чего не было. Это люди, которые помогают друг другу так, как следует, без всяких слов, люди, которые не замыкают своих дверей. Это люди, которые знают, что, если он совершил какой-нибудь проступок, то ему не будет здесь больше жизни, ибо это котловина. Отсюда больше некуда деваться, кроме как уехать.

Я прошу прощения, что говорю упрощенно. Так не только было когда-то. Такие люди есть и сейчас, но их осталось мало, как тех золотых рублей, которые мы сейчас выпускаем по случаю юбилея. Это валюта. Эти люди – спасители человечества, потому что они несут критерии истины, правды и необходимость следовать этим общечеловеческим принципам. Нужно ориентироваться на них в этих случаях. И поэтому еще одно значение Байкала не только в его красотах, пейзажах, но и в том, что Байкал каким-то образом таит в себе эти начала, о которых я только что говорил. Магнитное поле, гравитационное поле каким-то образом действуют на человеческую психику, и Байкал объединяет, создает определенную категорию людей, определенный тип человека.

Попов С.В.: У вас есть пояснения?

Черников Д.С.: Я хотел бы пояснить, что такое национальный парк.

Ладейщиков Н.П.: Мы с вами отдельно поговорим об этом. У меня есть проект национального парка. Я глубоко уважаю тех, кто работает в национальном парке, стараюсь помогать им в меру своих сил и уже давно работаю с институтом географии, у которого есть дельные проекты и мысли.

Попов С.В.: Я понял, что речь идет о тех национальных парках, которые у нас есть и реально проектируются.

Ладейщиков Н.П.: Они для нас не пример, нам нужно нечто особое.

Попов С.В.: Николай Павлович имеет в виду нечто совершенно иное, не то, что создается у нас под видом национальных парков. Я понял вас верно?

Ладейщиков Н.П.: Совершенно верно.

Попов С.В.: В этом состоит ваше замечание?

Ладейщиков Н.П.: В этом наша беда, но нужно быть честными с Байкалом. Мы не можем это создать. У нас нет денег...

Из зала: Я не согласен. Мы очень уважаем науку, которая ведет работы на Байкале. Мне очень бы хотелось понять, какую долю работ не удается выполнить нашим ученым на Байкале, и какой вклад в этот вопрос мы хотим получить от иностранных ученых.

Ладейщиков Н.П.: Я вас понял. Я не отношусь к категории тех людей, которые преклоняются перед иностранной наукой вообще. Но нельзя отрицать того, что они посильнее в чем-то, ушли дальше нас и значительно глубже. Но помимо того, что мы ценим в иностранной науке, в методологии и особенно в технике, существуют еще и наши собственные таланты. Я приведу только один пример: некий человек по фамилии Ковальчук предложил такую систему, по которой американцы слетали на Луну и обратно несколько раз. Это факт. Факт и то, что мы сейчас консультируемся у американских ученых, хотя у нас есть такие системы свои.

То, что мы сейчас играем у эту игру и достигаем каких-то результатов, это то, что свойственно пока только нам в таких масштабах и в таких подходах, ибо такие подходы за рубежом невозможны. Приведу один пример. Мне пришлось присутствовать на одном географическом симпозиуме, где был один странный доклад на тему: "Будет ли сохранен знаменитый парк секвойи, если вокруг него будут продолжаться лесоразработки?". Этот доклад слушали с интересом. Американец сказал, что секвойи валятся, потому что изменился режим грунтовых вод в результате лесоразработок. Хозяину предложили выкупить его самого и его производство. Он согласился, но сказал: "Куда вы денете 170 тысяч рабочих, которые этим занимаются около пятидесяти лет?". Проблема не решалась. У нас этот вопрос был бы, безусловно, решен.

Из зала: У меня конструктивный вопрос. Я принес материалы районирования Байкала на основе теории резонансной системы. Вас это интересует? Если вы пожелаете, я к вам зайду.

Ладейщиков Н.П.: Пожалуйста.

Попов С.В.: Еще одно замечание.

Дружинин В.Н.: В какой мере ваше совместное представление проекта предусматривает изучение человека, живущего на Байкале, как потребителя? И как оно предусматривает преобразовать этого человека в созидателя природы и самого себя? Как вы рассматриваете воспроизводство человека в этой вашей схеме? И второе. Как вы сами учитываете эти интересы в практической работе?

Ладейщиков Н.П.: Понял. По первому вопросу надо вам заметить, что местное население экологически грамотно даже теперь, в силу своих традиций. Они знают прекрасно, сколько можно убить соболей. Больше, чем положено, не убьют. Малые народности великолепно регулируют промысел рыбы. Они знают, сколько можно вылавливать, и больше этого не выловят ни одной рыбы, несмотря на то, что рыба идет валом. Вот этот особый комплекс знаний малых наших народов. Они ближе нашего к природе, они сами себя регулируют. Байкальские башлыки, которых мы иногда обвиняем в браконьерстве, на самом деле не могут не питаться рыбой. Им приходится питаться. Они не торгуют рыбой, не спекулируют. Конечно, есть люди, которые спекулируют, но это только часть, которая разъезжает на хороших автомашинах и останавливается на Малом море. Так что прошу прощения, но должен заступиться за байкальцев и в этом случае. Отвечаю на еще один Ваш вопрос, а именно вот какой. Вам, вероятно, приходилось читать "Приключения Тома Сойера". Это великолепный роман, где еще сохранился американский юмор. Тома Сойера заставили красить забор, и ему это не хотелось делать. Что он сделал? Он изобразил крайнюю увлеченность этим процессом. Проходивший мимо мальчишка заинтересовался, и он продал все это дело: ведерко с краской, а главное, работу, за три дохлых лягушки и т.д. Так вот если мы туристов на Байкале призовем к охране Байкала и скажем: "Молодцы вы, ребята. У нас на вас вся надежда. Вот вам медаль первой степени, второй, третьей... Сколько вы поймали таких-сяких нарушителей, сколько вы накрыли тех, кто рубит березу"! Я вам могу сказать, без всякого сомнения, что если мы направим педагогов, культурных людей в области экологии и "неформалов", которые защищают Байкал всеми силами, направить их усилия на то, чтобы воспитывать туристов или хоть начать это пока, то мы все-таки добьемся своего и получим целую армию людей, которые будут защищать Байкал.

Дружинин В.Н.: Вы не поняли мой вопрос. Я спросил: как ваша схема предусматривает воспроизводство самого человека? Вчера здесь товарищ доказывал, что его схема направлена на производство человека, а как у вас?

Ладейщиков Н.П.: Мы имеем в виду не допускать таких вещей, как сейчас допущено на Байкале. Областной совет по туризму никак не хочет понять, что бухту Песчаную давно пора закрыть. Нет ничего более преступного и неумного, чем продолжать губить там природу. Нас восхищают там "ходульные деревья". Их фотографируют. Под ними фотографируются, но это целая драма. Что произошло? Произошло вот что. Песчаная бухта – это особый амфитеатр, у которого нет вскрытия в горах и поэтому нет такой возможности, чтобы воздушные поток переваливал и как-то высвобождался. Накапливаются здесь такие условия, которые приводят к паводкам и большому стоку. Идет интенсивный размыв. И те излюбленные тропы туристов, которые они избрали для собирания грибов, быстро превращаются в оплыв и в канавы. Дальше процесс идет так. Материал сносится к береговой полосе, там он перемалывается тысячами и тысячами ног туристов, не только в муку, а в порох. Все это легко удаляется ветром, корни дерева обнажаются.

Процесс ясен абсолютно, но турбюро считает, что это интересная вещь и можно продолжать в том же духе. Немедленно нужно закрыть, хотя это чуть ли не единственная турбаза, которая приносит прибыль. Бог с ней, с этой прибылью. Мы сейчас не можем считать Байкал на деньги. Сколько вы заплатите за "Монну Лизу"? В данном случае предлагали перенести Песчаную бухту в Харгино. А дать отдохнуть мы можем, организовав целый ряд мест при помощи той системы национального парка так, что люди получат возможность знакомиться с Байкалом и не портить природу.

Что это за система? Эта система была включена в нашу концепцию, о которой здесь докладывал Владимир Иосифович Гурман. Я имел честь с ним вместе работать и убедился, что он знает хорошо математику и умеет моделировать. Все-таки мы добились того, что у нас получилась общая точка зрения. К чему она сводилась? Необходимо организовать на Байкале такой туризм, который будет позволять объезжать вокруг Байкала и останавливаться в заранее подготовленных местах.

Попов С.В.: Николай Павлович, я думаю, здесь одна из проблем, почему Дружинин и другие не удовлетворены Вашим ответом. Она заключается в следующем. То, что Вы рассказываете, безусловно, важно и интересно, но вот здесь, когда мы начинаем обсуждать, как же мы воздействуем на эту систему, то здесь мы впадаем в одну ошибку. Мир, который нас окружает, уже давно не мир отдельных людей, и их ни словом, ни убеждением, ни разумом не изменишь.

Ладейщиков Н.П.: А Иисус Христос?

Попов С.В.: О, ну он был 2000 лет назад и, между прочим, так ничего и не сделал.

Ладейщиков Н.П.: А Ленин?

Попов С.В.: Вы совершенно правы в том, что нужно все это менять и устранять эти безобразия типа Песчаной бухты и т.д. Но мы уже живем совсем в другом мире, не в мире людей, а в мире "машин из людей". Вот в чем трагедия наша. Вот, например, товарищ из Минлеспрома говорит: "Я лично полностью "за", но..." А что дальше "но"? Он лишь частичка гигантской машины, которая все перемалывает, и поэтому обращаться к людям со словом, которое бы трогало их сердца, практически бесполезно. Кстати, то же самое обсуждалось вчера, на примере Движения. Если движение не станет равномощным этим системам, то оно не сможет их повернуть. Понимаете? Поэтому все, что Вы говорите, интересно и трогает душу, но решения (и в этом смысл замечаний и вопросов) должны лежать в другом.

Ладейщиков Н.П.: Позвольте мне ответить на вопрос. Дело вот в чем. Если, не дай Бог, загорелось в квартире что-то, то вы пожар будете тушить всеми доступными вам средствами, даже теми (прошу прощения), которыми вы лично располагаете.

Дружинин В.Н.: Не будем подливать масло в огонь.

Ладейщиков Н.П.: Нужно действовать таким образом, невзирая на кажущуюся безнадежность положения. Сейчас мы переживаем такой момент, когда теряем чувство милосердия, присущее человеку по своей природе. Животные вытаскивают из воды себе подобных, дельфины нас вытаскивают. Мы же, люди, подкладываем сейчас бомбу замедленного действия под детские сады. Дальше ехать некуда. Я не говорю, что мы должны восстановить религиозные догмы, но нам необходимо делать экстренно что-то. Тут надо рассчитать ситуацию, но начинать надо обязательно.

Попов С.В.: Николай Павлович, начинать надо, но только, смотрите, этот Ваш пример, который здесь много раз приводился: пожар в доме, непорядок в доме, – он не работает. Поскольку, когда происходит пожар в гостинице "Россия", то сколько вы своими самодельными средствами ни тушите, если нет специальной пожарной техники, вы его не остановите. Вы понимаете? Мы живем в других уже системах. Мы живем не в квартирах, а в многоэтажных домах, тушить которые ни один отдельный человек просто не способен. То же самое с Байкалом, даже если мы все сейчас, жители региона, бросимся спасать Байкал, мы ничего не сделаем. Я вам хочу трагичность ситуации довести до предела. Николай Павлович, мир другой!

Ладейщиков Н.П.: Я понял. Я хочу только сказать, что мы уже начали спасать Байкал, и это как раз очень важно, потому что впервые я понял, что средствами абстрактного мышления можно прийти к серьезным большим идеям. Я с вами абсолютно согласен, только скажу одно: начинать с чего-то надо. То, что вы сейчас делаете, уже неплохое начало.

Попов С.В.: Понятно. Начинать надо, в этом никто не сомневается, но какими средствами? В этом проблема.

Ладейщиков Н.П.: Методологией, наукой.

Из зала: Я бы хотел на примере бухты Песчаной как раз рассказать об одном парадоксальном решении. Вот первое, что приходит на ум в этой ситуации, это убрать людей, освободить бухту Песчаную, пусть она отдыхает. Но если вдуматься немного поглубже в это дело, то убирать оттуда людей никак нельзя! Почему? Потому что она немедленно, в один сезон, сгорит. Опыт на этот счет есть. Был сезон, когда все западное побережье Байкала горело, все! Голоустное горело, за Песчанкой. Не горела только бухта Песчаная. Как только мы уберем оттуда людей, гибель наступает катастрофически неотвратимо, потому что это пожар. Все время возникают пожары от пьяниц, которые приходят на лодках туда, разжигают костры, и дальше все это вспыхивает, а бухта покрыта лесом, полусухим. Все время тушатся пожары. В сезон до сотни пожаров тушат инструкторы с туристами. Вот какая обстановка. Здесь надо очень правильное решение принять и десять раз перекреститься, прежде чем выйти из этого положения. Вот правильное решение – в Каргино перенести, но в Песчаной обязательно оставить людей.

Ладейщиков Н.П.: Это уже частный вопрос.

Из зала: Но он иллюстрирует парадоксальность решений...

Попов С.В.: Это красивый пример, поскольку мы попали в такую ситуацию, что возврата к старому нет. Нужно решать разумно, но совершенно в другом плане.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ РУКОВОДИТЕЛЯ 21 октября 1988 г.

("Если хотите что-то изменить, изменяйте систему мышления и деятельности")

Попов С.В.: На общем заседании мы начали принципиальную, на мой взгляд, дискуссию. Забойщиком выступил Владимир Иосифович со своим докладом. У меня такое предложение: если мы хотим действительно организовать дискуссию, то нужно действовать по всем правилам дуэли. Нужно каждую точку зрения разобрать и посмотреть, кто что говорит. И одно из требований: чтобы мы друг дружку не заговорили. Поэтому я прошу дискутирующие стороны соблюдать такие правила: говорить достаточно коротко, слушать оппонента (и это относится ко всем, кто будет участвовать в дискуссии). А если кому-то нужно развернуть свою точку зрения, то он просит пять – десять минут и ее обосновывает. Все это я говорю для того, чтобы дискуссия не превратилась у нас, с одной стороны, в корриду, а с другой – в "ликбезовский" семинар. Вот такие, чисто формальные замечания. А функцию распределения сил придется Петру или мне на себя взять. Вы начнете, да?

Гурман В.И.: Я начну. Но я хотел бы позитивно изложить нашу позицию прежде чем начнется дискуссия. Потому что, если это сразу начнется, то...

Попов С.В.: Да, да, конечно, я это и имею в виду.

Гурман В.И.: Иначе это будет бесполезно.

Попов С.В.: Сколько вам времени надо? Минут десять хватит?

Гурман В.И.: Нет, двадцать.

Попов С.В.: Хорошо, пятнадцать.

Из зала: Шестнадцать.

Попов С.В.: Не в этом дело. Излагать нужно не все, а самые главные вещи. Те, по которым, собственно, спор идет. А спор, как вы помните, идет о принципах моделирования, об обосновании той модели, на которой вы все строите.

Гурман В.И.: Нет, нет. Речь идет об обосновании модели, но ее надо показать. И для этого требуется некоторое время. Я для этого и прошу пятнадцать минут.

Краткая история вопроса. Модель эту мы строили сами. Началось это в 1973 г. Тогда коллектив математиков Иркутского университета обратился к проблемам экологии. Одним из поводов было знакомство с известными моделями Форрестера, американского специалиста, который построил модель мира, прогнозирующую экологический кризис. Мы попытались перенести эту модель на ситуацию региона. Из этого ничего не получилось по той самой причине, о которой здесь говорил Щедровицкий, что каждая модель имеет свое назначение и рамки своего действия и компетенции. И то, что годилось для мира, не годилось, естественно, для региона. Мы тогда попытались строить свои модели, которые давали бы эффект, но главное – были бы рабочим инструментарием для регионального планирования в условиях взаимодействия с экологией, в условиях планирования и решения проблемы выживания. А модели, которые были бы полезными в экономическом блоке, они оказались существующими. Это – экономико-математические модели. И не было никаких оснований их подвергать сомнению. Потому что это – инструментарий, которым давно пользуются, и на нем получены реальные экономические результаты. На нем вырос Леонтьев в свое время. Эти модели сейчас распространились. Их развивают в экономико-математических институтах. И они уже есть в Госплане и в других органах планирования. Но экологических моделей (хотя их уже много по отдельным компонентам разработано) не было в том смысле, что ни с одной из них экономическая модель не стыковалась. Опять же по той самой причине: экологические модели работали в одной компетенции, а экономическая модель – в другой. На разных языках. И они никак не стыковались друг с другом. Пришлось строить самостоятельно новую модель, достаточно простую. В тех же (примерно) терминах или в таком же числе категорий, что и экономико-математические модели. Они очень кратки. Содержат небольшое количество категорий. Хотя процессы, которые они описывают, весьма разнообразны. И это мы хорошо понимаем: это их и преимущество, и недостаток. Поэтому та модель, которая должна была стыковаться с экономической, она тоже должна была быть выдержанной в таком ограниченном числе категорий. Это было сделано. Потом оказалось, что эта модель демонстрировала в агрегированном, качественном виде тот же самый кризис, экологический, который проглядывался на реальной модели Форрестера. Более того, в разных сочетаниях и в разных комбинациях – более детальных и менее детальных – этот кризис все равно обнаруживался. И это стало таким, устойчивым явлением, инвариантом данной модели. При определенных условиях: при современных, сложившихся тенденциях. В то же время она содержала элементы, которые позволяли управлять и избежать както экологического кризиса. И это давало основания надеяться, что она станет инструментом реального планирования в регионе. Если ее аккуратно применять. Но проблема состояла в том, что для того, чтобы применить данную модель в регионе, надо было

собрать реальную информацию по данному региону. Никакие статистические органы в настоящее время эту информацию не ведут, не содержат и в ближайшее время, по-видимому, вести не будут. А сейчас я хочу ознакомить, как выглядит эта модель, и какая информация для этого требуется.

Как известно, экономика описывается в экономико-математических моделях набором экономических мощностей. Это вектор такой-то. Можно мыслить о нем как о каком-то числе, это неважно. Иллюстрации будут совершенно одинаковые.

И, кроме того, существует выпуск продукции в единицу времени (в год, например), который не должен превышать мощности. Дальше, этот выпуск в соответствии с экономическим балансом распределяется между прямыми затратами (они пропорциональны выпуску), между затратами на расширение производства, на воспроизводство (это инвестиции). Воспроизводство может быть расширенным, нерасширенным и может, вообще говоря, свертываться, если эти затраты отрицательны (если управление – отрицательно). Дальше, в экономико-математических моделях идут какие-то внешние затраты, или затраты на потребление, в том числе и на потребление, которое мы понимаем в прямом смысле. Это могут быть затраты на оборону, но, в том числе, и на потребление.

Так, но здесь мы оставляем еще место, которое мы связываем с управлением и взаимодействием с природной средой. Это место пока не заполнено, и я оставляю пока так, как традиционно было в экономико-математических моделях. А дальше строится модель природного блока. Состояние природной среды характеризуется некоторым набором показателей. Какой это набор? Это зависит от конкретного региона. И от того, как мы собираемся вести эту работу: более детально или менее детально. Но он должен охватывать как-то – более детально или менее детально – всю природу. Так же, как этот вектор "V" должен охватывать всю экономику – более детально или менее детально: мы можем сделать на 120 отраслей, можем сделать на 13 отраслей, на 18 и т.д. – как в Госплане принято, или как мы захотим. Вот вектор показателей природной среды и ресурсов "R". Теперь надо сказать, что изменения инвестиций вызывают изменения экономических мощностей. И это должно быть зафиксировано так: прирост мощностей за год равен вот этой величине инвестиций (предыдущая плюс инвестиции). Теперь, как ведет себя вектор природной среды (ресурсов)? Он может быть числом, набором чисел или еще более сложно представлен, это не столь существенно. Он существует в динамике: природная среда меняется за счет того, что она взаимодействует с человеком, с экономикой. И вот это взаимодействие мы должны здесь отразить. Есть процессы самовосстановления природы, это мы должны учесть. Это учитывается определенным членом, который отражает некий гомеостазис природной среды. Если бы гомеостазиса не было, то мы бы и наблюдали природную среду в достаточно типичном состоянии, как мы привыкли видеть. Она эволюционирует, конечно, но эволюционирует медленно, осуществляя этот гомеостазис: если в результате какого-то воздействия произошло отклонение (не очень сильное), то природная среда возвращается к своему "невозмущенному состоянию", как мы говорим. Географы, геологи это явление хорошо знают и с ним полностью соглашаются. Здесь проблем нет. Показатель гомеостазиса пропорционален (хотя не всегда он линеен) отклонениям природной среды от невозмущенного. Если бы здесь больше ничего не было, то это была просто "невозмущенная природа". В случае какого-то отклонения, модель показывает, что природная среда возвращается к состоянию R^*. Вот это есть отражение гомеостазиса. А какие здесь величины стоят? Это должны дать природоведы. И они давали информацию в эту модель, о чем я скажу позже.

Теперь воздействие экономики. Оно описывается вот таким образом: нечто, пропорциональное выпуску, – это воздействие за счет текущего функционирования экономики (потребление ресурсов, загрязнение и прочее). Величины со знаком "минус" – это все отрицательные воздействия. И дальше там нужно организовать еще один процесс – процесс искусственного восстановления природных объектов, восстановление природной среды искусственно (до этого мы говорили об естественных природных процессах, а здесь – в об искусственных). Этот процесс мы в модели обозначаем неким компонентом, который мы называем "темпом восстановления" (сколько ресурсов мы восстановили в единицу времени). Но это бесплатно делаться не может, поэтому это должно найти отражение в экономическом блоке. На это нужно тратить что-то. И сейчас мы займемся затратами. Но прежде мы должны записать еще один член, который связан со строительством природовосстановительных мощностей. Этот член получается от перемножения природовосстановительных мощностей и темпов их расширения. И вот на эти вещи, на данные величины должны быть сделаны соответствующие затраты: затраты на природовосстановление и затраты на расширение природовосстановительных мощностей.

В результате получается система, которая вкратце почти представляет эту самую модель. Сюда нужно добавить только внешние материальные перетоки, которые в системе происходят. Во вне системы и т.д. Это мы можем соответствующими миграционными членами выделить. Относительно природоохранных мощностей мы тоже должны написать соответствующее уравнение, как и относительно

традиционных экономических мощностей: приращение мощностей должно быть равно планируемому темпу их приращения. Сюда надо также добавить материальные потоки и потоки миграции (если мы это рассматриваем на региональном уровне). Природа не признает наших региональных делений (а мы регион все-таки ограничиваем условно, не всегда это – природный регион). Так что здесь нужно предусмотреть соответствующие потоки.

Вот в такой структуре была предложена модель для описания процессов, которые происходят в Байкальском регионе. И главным образом, для принятия решений по его планированию с учетом экономических факторов. Обратите внимание: здесь совершенно равноправно представлен экономический и экологический блоки. И первый компонент (экономика) в динамике представлен, и второй компонент. Они как бы представлены на равных. Это было основной идеей, которую преследовали при построении модели. Качественный анализ этой модели (даже еще без цифр) позволяет сформулировать задачу управления и посмотреть, какие критерии из этого решения вытекают (математика позволяет такую задачу решить). Какая должна быть оптимизационная задача? Оптимизационная задача ставится так: мы вводим какие-то цели и ограничения на экологический компонент. Имея в начале какое-то экологическое состояние, мы хотим выйти в какое-то конечное состояние; в экономике – то же самое: имея начальное состояние, хотим выйти в какое-то конечное состояние, которое нас больше устраивает. И при этом (по ходу дела) мы не должны выйти за пределы экологических ограничений, которые нам предполагаются, в каком-то смысле, известными (точно или приближенно); в последнем случае мы еще должны ввести какие-то коэффициенты безопасности, которые мы должны обеспечить. Здесь – то же самое, как и в случае строительства мостов: они строятся с большим коэффициентом безопасности. А критерий оптимальности состоит в том, что экономика при этих условиях должна сработать наиболее эффективно. То есть сумма всего конечного продукта, умноженного на соответствующие цены, должна быть максимальной; при соблюдении этих условий мы выходим на какие-то требования экологического состояния и не выходим за пределы допустимого.

Самым сложным в этом деле была привязка концепции (на модели) к конкретному региону. Я хочу в двух словах объяснить, как это было. Математики не могут сами это сделать, естественно. Был создан большой междисциплинарный комитет (понятно, какие специалисты туда входили). Этот коллектив разбил весь регион на четыре крупных района, совпадающих с бассейнами рек. Большей детализации нельзя было сделать, потому что ограничения были по объему спроса. Было выбрано определенное число показателей и определенное число отраслей. Тринадцать экономических отраслей было выбрано и десять показателей по всей природной среде и ресурсам. Все это – по всем выделенным четырем районам. В результате получилось примерно сто уравнений. Неизвестных величин, по которым нужно было собрать информацию, оказалось примерно десять тысяч. Экспертным путем удалось отсеять достаточно очевидные величины, близкие к нулям (матрица стала неполной). И оказалось, что порядка трех тысяч величин надо было искать, формировать по определенным методикам. Модель сыграла тут организующую роль. В течение полутора-двух лет этот коллектив работал, создавал конкретные методики, ездил по объектам, поднимал все наряды и прочее. С географами контактировал... Я не буду всей этой кухни говорить. В общем, был создан этот массив информации. Были проведены предварительные расчеты. Они показали работоспособность этой модели. И затем весь этот информационный массив был обновлен уже тогда, когда был дан социальный заказ в связи с разработкой Концепции Байкальского региона. Здесь снова был организован такой межведомственный коллектив. И этот коллектив потом разработал Концепцию, произведя оценку примерно десяти различных сценариев, разработанных независимо от модели, но проверенных на модели. Три сценария были генерированы прямо на самой модели. И вот эти три оптимальных сценария оказались приемлемыми с точки зрения экологической перспективы. Все остальные давали ухудшение экологической обстановки примерно в полтора-два раза до 2005 г. Ну, об этом Геннадий Николаевич уже говорил, и я останавливаться не буду. Вот, собственно, о чем идет речь. А теперь я готов...

Попов С.В.: Но, Владимир Иосифович, нужно точно планировать свое время, вы говорили двадцать минут.

Гурман В.И.: Извините.

Попов С.В.: А во-вторых, вы же ушли от проблемы.

Гурман В.И.: Какой?

Попов С.В.: А проблема состоит в чем? Вы же не доказываете подобие этой модели. Дело в том, что ваша модель может не соответствовать реальным процессам. И то, что вы сошлетесь на большую работу больших коллективов, которые долго пытались ее привязать к месту, это теоретической проблемы не снимает. Я вам грубо скажу: можно любую модель привязать.

Гурман В.И.: Хорошо. Я вам тоже грубо скажу: любую модель можно привязать. Ну, и что из этого?

Попов С.В.: А из этого следует, что оценить модель вы не можете. Вы не имеете критериев отнесения модели к реальному объекту.

Гурман В.И.: Хорошо. У меня к вам такой вопрос: существуют экономико-математические модели. Вы их признаете или нет?

Попов С.В.: Нет, конечно. Они уже давно не годятся.

Гурман В.И.: Ну, тогда нам не о чем спорить.

(Смех в зале)

Попов С.В.: Во! Во! Во!

Гурман В.И.: Это только Ваше мнение.

Попов С.В.: Нет. Вот, смотрите.

Гурман В.И.: Только Ваше! Пока что – это Ваше мнение.

Попов С.В.: Владимир Иосифович, давайте по очереди. Вот здесь в чем дело. Экономико-математические модели, первое, работают лишь на показателях. Процессов они не фиксируют. Они картину процессов заменяют системой показателей. Материальных. Обязательно.

Гурман В.И.: Картину процессов они не заменяют. Они, эти показатели, изображаются в виде процессов. Процесс здесь вот изображен. Это уравнение процесса.

Из зала: Здесь изображен шаг. Шаг между двумя показателями. Какой же это процесс?

Из зала: Это параметры.

Попов С.В.: И это фиксация только одного момента.

Гурман В.И.: Я вам объясняю, что это – процесс. Это моменты процесса. Потому что это – итерационная схема, на самом деле.

Попов С.В.: Владимир Иосифович, давайте таким образом. Давайте выясним: что такое процесс и отображается ли он здесь? И каким образом? Но первый проблемный вопрос, который здесь возникает: насколько эта модель реалистична? И то, что Вы скажете, что это – экономико-математическая модель и другой нет, – проблему не снимает. Могут быть наработаны и негодные средства.

Гурман В.И.: Минуточку. У вас есть на сегодня лучше модель или нет? Есть или нет?

Попов С.В.: Не в этом проблема.

Гурман В.И.: Я вижу в этом проблему.

Попов С.В.: Дело в том, что ваши экономико-математические модели не годятся.

Гурман В.И.: А ваши модели, которые вы здесь рисуете, не годятся тем более, потому что они вообще ничего не содержат, кроме квадратиков и человечков с ножками.

(Смех в зале)

Попов С.В.: Отлично. То, что экономико-математические модели вообще не годятся, можно сразу показать по целому ряду пунктов. И от того, что мы будем говорить, что других нет, ситуация не изменится. Просто вы...

Гурман В.И.: Понимаете, в чем дело, – мне понравился ваш спор с товарищем философом. Вы развертывали нам методологию, очень интересную. Люди с удовольствием смотрели. А товарищ поднялся и сказал: “Вы знаете, я вижу дефект в вашей методологии”. И он объяснил, в чем этот дефект. А вы ему что сказали? Сказали: “Отлично. Собирайте команду и делайте. А я буду по своим канонам делать. Потому что я по-другому не умею. И посмотрим, что получится”.

И здесь то же самое. Мы не понимаем вашей “методы”. Но если вы хотите, – давайте действовать. И мы потом сравним результаты. Я вас призываю к этому же. Критика должна быть конструктивной. Ваша – не годится. А я предлагаю делать так. И это не годится? Так нужно не говорить, а делать.

Попов С.В.: Отлично. Игра должна вестись по правилам. И тут я фиксирую один момент, который Вы должны учитывать, чтобы можно было дальше нормально разговаривать. Либо мы работаем в рамках данной модели (тогда нам критиковать нечего; я вполне полагаюсь на ваш профессионализм, и вы все там обсчитали правильно), либо мы выходим к разговору об основаниях и базовых предположениях, на которых строится модель.

Гурман В.И.: Я еще раз объясняю, где какие основания.

Попов С.В.: Смотрите, Владимир Иосифович, ведь дальше вопрос заключается в следующем. Вы свои базовые предположения собираетесь обсуждать? Если вы говорите, что нет, тогда проблемы спора действительно нет. Поскольку в рамках вашей модели Вы можете двигаться, это бесспорно.

Гурман В.И.: Какие Вас базовые предположения интересуют? Я это хочу услышать, а потом скажу, могу я это обсуждать или нет. Я объясню, почему. Потому, что я никогда не работал в методологическом пространстве. Я не философ и мне здесь трудно. Хотя философию модели чувствую, и мы проигрывали много подходов. Если вы сейчас меня затянете в методологический спор, вы меня нокаутируете, поскольку вы занимаетесь теорией мышления и методологией науки. А я занимаюсь Байкалом, непосредственно. На вашем пространстве вы меня нокаутируете. А вы на мой ринг придите. Вот сюда, в эту модель. И посмотрим, как это будет выглядеть. Я покажу результаты. А что вы покажете – мы посмотрим. А если так, априори, говорить, что эти результаты плохие, потому что нельзя этому ничему верить! Так вообще ничему нельзя верить! Ни одному научному выводу нельзя верить, потому что он построен всегда на условностях. И это есть метод научного познания.

Попов С.В.: Вы совершенно правы: он построен на условностях. Но для того, чтобы строить те или иные программы и проекты, нужно эти условности обсуждать. Вдруг – они неправильные. И я вас к

этому призываю. А как только я "зайду" в эту модель...

Гурман В.И.: Вы в Байкал зайдите. Просто в Байкал. И в ситуацию, которая сейчас складывается. Есть t, вот такое, небольшое, совсем немножечко времени, чтобы что-то сделать для Байкала...

Попов С.В.: Отлично, Владимир Иосифович...

Гурман В.И.: Минуточку, Вы войдите в ситуацию. А потом будем обсуждать. Выходит постановление по Байкалу: "...разработать Генеральную концепцию"... Мы могли не браться за эту работу, а написать, там, какие-то рекомендации и все (как сегодня это рассматривали). Вы сказали: "Это – не рекомендации". Я с этим согласился. Это – интуитивные представления. И была бы концепция. Так их разрабатывают все наши органы. Но когда мы стараемся войти в эту задачу и выполнить ее за определенный срок, мы беремся за те средства, которыми мы располагаем. И больше ничего у нас нет, поймите. А то, что у нас есть – гораздо лучше того, чем располагают традиционные органы, Госплан и другие.

Попов С.В.: Владимир Иосифович, давайте две вещи разделим и больше по ним дискутировать не будем. То, что вы сделали хорошую работу, и она в плане организационном и политическом имеет безусловное значение – не отрицается. Я прекрасно понимаю вашу ситуацию. При этом я нисколько не хочу уменьшить значение вашей работы.

Гурман В.И.: Я хочу еще подчеркнуть, что инструментарий вашего исследования зависит от той обстановки, в которой вы находитесь как исследователь. Это ваш тезис, кстати. Вот о чем идет речь.

Попов С.В.: Правильно. Но теперь давайте такую вещь разберем. Вы говорите: "Ближе к Байкалу!"

Гурман В.И.: Да.

Попов С.В.: Понимаете, может быть, нужно меньше считать и с меньшей точностью, но на правильных основаниях. И я вас фактически призываю рассматривать отнесение вашей модели и рассмотрение возможных других оснований построения моделей по отношению к ситуации на Байкале.

Гурман В.И.: Я согласен. Я просто сделал предисловие.

Попов С.В.: Отлично. И если Вы отказываетесь именно это обсуждать, то есть критерии достоверности, смотреть, какие здесь возможны критерии достоверности... Может быть, они нам (да и Вам тоже) помогут дальше это обсудить. А не точность просчета по модели. Это-то вы сделаете. И лучше нас.

Так вот, либо мы начинаем рассматривать основания, на которых могут строиться модели, и способы их отнесения к реальности, к Байкалу, к ситуации. И тогда об этом будет спор, то есть о методологических вещах.

Гурман В.И.: Это понятно.

Попов С.В.: А на "вашей территории" – там все математики "изъездили". Зачем нам еще там "кататься"?

Гурман В.И.: Нет, я предлагаю спорить о методологических вещах, но на "моей территории". Пусть об основаниях, только вот этой модели.

Попов С.В.: Вот. И, следовательно, нужно обсуждать условности (как вы говорите) и основания, на которых строятся такого рода экономико-математические модели. Договорились о предмете спора? Чем они хороши, чем нехороши? Договорились?

Гурман В.И.: Договорились. Я об этом и говорю.

Попов С.В.: Отлично. Так вот, ваш товарищ хочет выделить эти условия, как я понимаю.

Константинов Г.Н.: Маленькое замечание к вашему спору. Вы оба, безусловно, правы, с моей точки зрения. Но вот такой маленький пример. Неандерталец брал камень и использовал его в своих целях, совершенно не зная, с чем он имеет дело. Но он прекрасно добивался тех целей, которые ему в данный момент необходимо было достигнуть. Так вот, к этому тоже надо относиться как к камню того неандертальца. Это наш "камень неандертальца", который больше ничего не имеет и использует его для получения нужного результата. И к этому не следует больше возвращаться. Эта ситуация объективно такова. И она соответствует теории познания в философии. Я согласен, что надо перейти к основаниям и обсуждать основания более детально. Но не забывать вот об этой ситуации. Конечно, каждая модель имеет недостатки. Если мы сегодня выработаем новую модель, которая будет лишена недостатков этой, то и она тоже будет находиться в этой ситуации. И мы снова окажемся в положении неандертальца.

Попов С.В.: Вы правы. Но один только момент. На мой взгляд, вы (или мы вместе) не отвечаете на такой вопрос. Если мы закладываем те или иные условности, то мы должны хотя бы оценивать такую вещь: с какой точностью нам считать? И если основания заложены в машину неправильные, то какого черта считать с точностью десять в минус четвертой степени? И мы должны иметь такого рода оценки, обсуждая эти условности, на которых модель построена. Может быть, нам и не надо все это считать, а действовать совершенно по-другому. Вот ведь в чем ситуация и то, что должно быть предметом спора.

Гурман В.И.: Я Вам хочу задать вопрос. Как Вы относитесь: что можно получить на этой модели – числа? Величины какие-то? Или нечто другое? Как вы сами видите?

Попов С.В.: Я отношусь к этому достаточно своеобразно, поскольку считаю, что это все – "дутые" цифры.

Гурман В.И.: Какие цифры?

Попов С.В.: А вот, которые можно получить. Я понимаю, что в нашем мире они нужны, чтобы разговаривать с промышленниками. А для того, чтобы управлять, этого не нужно.

Гурман В.И.: Вопрос. Кроме цифр, можно что-либо на этой модели получить?

Щедровицкий П.Г.: Допуск к ограничениям можно получить.

Кузнецова И.П.: Вы говорили, что цифры "дутые"... Если цифры "дутые", то первое, что выявляется на модели такого рода, – это "дутые" цифры. Потому что выявляются противоречия и несогласованность цифр.

Попов С.В.: Тут не так все просто. Сначала вы закладываете реальные цифры. Но вы рассчитываете на десятки лет. И поскольку со временем ситуация меняется, вы делаете такой вывод (так ЦЭМИ все время и делает): ситуация изменилась, политическая обстановка тоже, а поэтому ни одна из цифр не достигнута.

Кузнецова И.П.: Это другой вопрос.

Попов С.В.: Нет. Это вопрос обоснования моделирования.

Кузнецова И.П.: Так Вы теперь говорите, что прогнозировать вообще нельзя?

Попов С.В.: Нет. Другие основания нужно закладывать в модели.

Кузнецова И.П.: Модельный подход, во всяком случае, позволяет прогнозировать. Модели имеют свои недостатки. Но модельный подход, в отличие от вашего, позволяет обсуждать...

Попов С.В.: Наш подход еще не заявлен.

Кузнецова И.П.: Ну, то, что вы рисовали, человечки и т.д.

(Шум в зале)

Из зала (Викулов В.Е.): Владимир Иосифович, садитесь.

Гурман В.И.: Я очень беспокоюсь. Жду с нетерпением.

Из зала (Викулов В.Е.): Что вы волнуетесь? Они заявят в последний день игры.

(Смех в зале)

Кузнецова И.П.: Здесь хотя бы видно, что они видели, что они не видели? И если бы вы сказали, что "вот производство описано не так" или что "вы упустили какой-то показатель". А вы опять начинаете вот такую абстракцию…

Попов С.В.: Оттого, что видно под фонарем, не значит, что там искомое и лежит. Это не аргумент для меня. Для меня не аргумент, что "здесь, по крайней мере, видно".

Гурман В.И.: Но я вам "про фонарь" все-таки скажу кое-что...

Легостаев С.М.: Вопрос у меня такой. Вот мы создали эту модель и сейчас говорим: вот та концепция, которую мы издали, она не соответствует, ...наложились директивные задачи на эти модели. А что сделать, чтобы эти директивные задачи не накладывались? Я считаю, что математикам нужно ответить.

Гурман В.И.: Что?

Легостаев С.М.: Вот Вы сказали, что мы объяснялись целых восемь дней, что мы сделали – теоретически все хорошо. А практически опять нет осуществления. Ведомства наложили свои задачи, директивные органы наложили свои задачи. Результата нет, и не будет результата. Почему модель в принципе не действует?

Гурман В.И.: Действует. Мы просчитали эти варианты. Они не годны. Я отвечаю на вопрос: они не годны! А на ведомства и на Госплан подействовал тот факт, что ЦК издал постановление по Бурятской республике: "Достигнуть таких-то конкретных цифр". Но это противоречит второму постановлению.

Попов С.В.: Владимир Иосифович, Вас же фактически спрашивают: когда вы модель строите, закладываете ли вы будущие изменения политики, будущие перестройки, циркуляцию документов и все те безобразия, которые приведут к тому, что ваши цифры никогда не будут достигнуты?

Гурман В.И.: Товарищи дорогие! Модель не предназначена для прогнозов. Еще раз объясняю.

(Смех в зале)

Модель предназначена для принятия решения на основе сравнения различных последствий. Вот о чем идет речь. А если мы хотим иметь прогноз, то мы не такую модель будем строить. А такую модель, которая учитывает массу факторов в максимально детальном виде. Более того, это первейшее заблуждение в методологии, что считается, что если модель есть и она показывает какой-то процесс, то она предназначена для прогноза. Да не в этом дело! Для реального прогноза должна быть система моделей более детальных, которые более детально отражают реальную действительность. Но самое главное, что прогноза здесь не может быть, потому что модель открытая. Она управляемая. Посмотрите, сколько здесь управляющих параметров, которые можно менять произвольно, так сказать. И от которых все зависит, вся ситуация. Как мы будем вообще вести вложения? По какому закону? Это раз. Как мы будем делать вложения в природной комплекс? Два. С каким темпом мы будем функционировать? Мы можем на данных мощностях функционировать на полную катушку или вообще не будем функционировать. Это третий управляющий параметр. Наконец, мы можем темп восстановления природной среды держать выше или ниже. И это тоже будет управляющий параметр. О каком прогнозе при открытой системе может идти речь? Это же абсурд полный.

Из зала: Но решения же принимаются...

Гурман В.И.: Модель вырабатывает рекоменда-

ции к решению. Это управляемая система. И с помощью методов теории управления выбираются наилучшие. И это рекомендуется к реализации. Вот если рекомендация будет реализована вдруг... Я сейчас объясню, почему это не может быть. Это в точности никогда не может быть. Но если она вдруг будет реализована, тогда у нас состоится прогноз. Но все системы такого рода – они принципиально открытые. Посмотрите, какие еще здесь есть управления? Какие есть еще свободные величины? Вот эти технологические коэффициенты. Они тоже подлежат изменениям. Не подлежит изменениям, может быть, только реакция природной среды. И все! А всем остальным мы управляем. В зависимости от того, как мы построим свою стратегию, такой и выход будет.

Попов С.В.: Владимир Иосифович, подождите, тут вопросы есть.

Левинтов А.Е.: Владимир Иосифович, ваша модель – не для прогнозирования? Так?

Гурман В.И.: Нет.

Левинтов А.Е.: Следовательно, мы принимаем решения не из критериев этой модели?

Гурман В.И.: Нет, не из этих.

Левинтов А.Е.: Тогда "на фига" все это надо?! (Смех в зале)

Гурман В.И.: А этого не было раньше.

Левинтов А.Е.: И не будет!

Попов С.В.: Александр Евгеньевич, подождите. Во-первых, не кричите...

Из зала: Ответьте на мой вопрос. Я понял из этого ответа, что результатами этой программы практически никто не должен пользоваться.

Гурман В.И.: Какой?

Из зала: Вот той, которую мы сейчас создали. Потому что на нее уже повлияли и директивные органы, и...

Гурман В.И.: На нее никто не повлиял.

Из зала: Ну, как же – не повлиял?

Гурман В.И.: Повлияли на концепцию, а не на модель. Модель осталась.

Из зала: Почему же модель не отреагировала на это? (Смех в зале)

Константинов Г.Н.: Правильны ваши "но". Правильны, совершенно. Но это всего лишь инструмент для управления, для вполне определенной работы. Инструментарий! Который не предназначен для того, чтобы мы его заложили в машину, и она бы выдала нам всем по скатерти-самобранке. Нет. Взяли ручку, что-то написали. Но это не значит, что надо предъявлять претензии, что она не пишет стихи, эта ручка. Пишет их человек, но с помощью инструмента – пера. Мы решаем, делаем концепцию, но тоже с помощью инструмента – модели. И без нас, если нас не будет вместе с этой моделью, ни вы, никто другой этим инструментом воспользоваться не сумеет, если не освоите то, что освоили мы. А вы предъявляете претензии к модели. Это равносильно тому, что предъявляете претензии авторучке, что она что-то не пишет стихов и поэтому она не нужна.

Из зала: Не в этом дело. Госплан не будет пользоваться вашей моделью. Он решения принимает на основе своих способов и моделей.

Из зала: У него вообще никаких моделей нет.

Гурман В.И.: Как Госплан вырабатывает решения, я видел.

Из зала: У вас негодный инструмент, потому что никто не пользуется им.

Попов С.В.: Давайте говорить по очереди. Владимир Иосифович, вот в этом, собственно, и заключается главный вопрос: как быть в этой ситуации?

Гурман В.И.: Как быть? Я об этом и говорю. И я не докончил... В этой ситуации быть так. То, что здесь выработано на основе этой модели (некая оптимальная программа), должно быть превращено в механизмы реализации. Вот о чем речь. Я не договорил что? Что здесь модель открыта. И мы самым главным пока что не занимаемся: социальной системой и управляющей системой.

Из зала: Правильно. Этого-то у вас и нет.

Гурман В.И.: Я прямо об этом и говорю. Давайте, я доскажу. В модели этого нет и это сделано намеренно. То, что здесь получено, оттого, что будет смоделирована вот эта подсистема, это не пропадет, а будет служить опорой для создания этого механизма. Более того, то, что здесь расписано по статьям и показано, что каким образом расположено, дает нам основания для построения этого механизма. Мы начинаем здесь усматривать требования к этому механизму. Скажем, мы видим здесь технологическую составляющую и на что она повлияет. Мы видим здесь организацию производства и на что она повлияет. Вот она заложена в этих величинах, которые в модели изображены. Мы видим в них большое содержание. Потому что это затраты, снижение затрат в каком-то аспекте и кем-то, определенным. И оно ведет к реализации той самой стратегии, которая выработана здесь. Понимаете? Просто указано, как должны снижаться эти затраты (затратные коэффициенты) во времени для того, чтобы выйти на эти результаты. Это реальные вещи заложены. Но их надо реализовывать механизмом. Кто-то должен контролировать в регионе, чтобы в производстве своевременно происходили эти технологические изменения. Чтобы реконструкция не запаздывала. Чтобы по региону в целом получалась именно такая картина, которая предусмотрена здесь. Если она не будет предусмотрена, тогда уйдет модель. Мы можем снова ситуацию пересчитать, исправить ее, тоже на этой же модели. Но это реальный процесс управления. Никуда от этого не денешься. И это дает большую пищу для размышления. И если сейчас, в этой среде мы не выработаем того, что нам обещают наши

лидеры... А я очень надеюсь на то, что это будет все-таки, потому что это сняло бы с нас колоссальную, понимаете, ношу, моральную ношу, потому что мы хотим создать этот механизм функционирования тоже. И мы надеемся, что тот механизм, который здесь может быть выработан, он может быть пристыкован к этой модели. И тогда получится уже более серьезная система. Вот о чем идет речь.

Попов С.В.: К этому ничего не может быть пристыковано.

Гурман В.И.: Тогда я и предлагаю работать теми средствами, какими каждый может на конкурентной основе.

Попов С.В.: А может быть, негодными средствами не работать просто? И разрабатывать новые.

Гурман В.И.: "Негодные средства" – это вопрос!

Попов С.В.: И сейчас мы будем обсуждать это.

Дружинин В.Н.: Насколько я понял, вы заложили в модель и просчитали два момента: экономику и природу. И совершенно правильно сказали, что вы оставили социальный аспект открытым. Но вы получили социальный заказ: разработать конкретную концепцию для данного региона. Как же можно было в этой ситуации упустить развитие самого человека? Ведь человек сам по себе тоже развивается. И я считаю, что он является не только прогрессивным, но и регрессивным. И носителем прямого воздействия на природу. Вы это не учли в модели, на мой взгляд. И, во-вторых, на мой взгляд, наука сегодня в нашем регионе не изучает человека.

Гурман В.И.: Согласен с вами полностью. Наука в нашем регионе человека не изучает. Что очень плохо.

Дружинин В.Н.: Но воздействие этого фактора нужно было учитывать. А для этого с 1973 г. вы должны были работать в этом направлении.

Гурман В.И.: Мы учли.

Дружинин В.Н.: Вы не работали в этом направлении.

Гурман В.И.: Мы работали. Мы учли, что в наших силах, мы сделали.

Дружинин В.Н.: Где это в модели? Материальную базу инфраструктуры поправляете, а самого человека – нет.

Гурман В.И.: Поправим. Материальную базу инфраструктуры поправим. Далее – даем рекомендации по развитию непроизводственной сферы и рекреации, на каких принципах это должно строиться.

Дружинин В.Н.: Но человека самого вы не планируете.

Гурман В.И.: Но мы – не специалисты по социальным наукам. Понимаете? У каждого – свое.

Дружинин В.Н.: Значит, это упущение.

Гурман В.И.: Не к нам претензии. Поймите, мы – не специалисты. Мы – математики.

Дружинин В.Н.: Я не к вам, я – к модели.

Гурман В.И.: И не могли бы мы сделать ничего в модели, потому что мы – не специалисты. У нас нет специалистов. Математики! Поймите.

Из зала: Пригласили бы нас.

Гурман В.И.: Ситуация такова: у нас есть математики и определенный круг специалистов, которые в чем-то компетентны: геологи, экономисты и т.д. Но социологов нет, к сожалению. Социологов у нас в стране вообще нет. Нет тех, кто по-настоящему что-то изучал бы. Кроме регистрации общественного мнения. Это же – не социология.

Из зала: Владимир Иосифович, тут, в вашей модели существует член, который характеризует отклонение от гомеостазиса природы.

Гурман В.И.: Нет. Этот член характеризует гомеостазис. Вот это все (показывает на фрагмент модели – *ред.*) есть описание гомеостазиса.

Из зала: Но гомеостазис – это когда все сбалансировано.

Гурман В.И.: Гомеостазис – это процесс, реакция на отклонения.

Из зала: Так вот, это отклонение природы от невозмущенного состояния. Каким образом оно вами учитывалось? И в каких сферах? Воздух? Вода? Еще что?

Гурман В.И.: Воздух, почва, биологические и минеральные ресурсы, лес, вода. Шесть компонент. Всего десять показателей.

Из зала: И у вас есть полные данные для точного описания этих вещей?

Гурман В.И.: Я не могу сказать, что это "точные". В каком смысле "точные"? Ну, есть такие данные. Информация собрана.

Из зала: Ну, вы как-то проверяли адекватность модели действительности?

Гурман В.И.: Вот это – проблема, которую мы сейчас обсуждаем. Я сейчас готов говорить на эту тему.

Тарноруцкий С.А.: У меня очень конструктивное предложение. Правда, запоздалое. С моей точки зрения, подавая концепцию, вам следовало сделать такое приложение к ней, в котором очень понятно, на конкретных примерах (поскольку будут читать неспециалисты) написать, что концепция базируется на модели. Что касается модели, то она в принципе не учитывает ни наших алкоголиков, ни наших дачников, ни наших "рашидовых", ничего такого.

Гурман В.И.: Учитывает.

Тарноруцкий С.А.: И "рашидовых"?

Гурман В.И.: И "рашидовых", и дачников, и алкоголиков. Но все это – в методиках заложено.

Тарноруцкий С.А.: Да в каких методиках? Честного человека от нечестного отличаете? Что Вы мозги пудрите? Я сам специалист по моделированию. И знаю, что замоделировать отличие честного человека от нечестного нельзя.

Гурман В.И.: Вы утрируете. Вы мне образно по-

казываете некую картину. Я вам также образно отвечаю. Так не нужно обижаться. В определенном смысле эта модель учитывает "рашидовых".

Тарноруцкий С.А.: В каком?

Гурман В.И.: Потому что текущее состояние и эти все коэффициенты вырабатывались на конкретном жизненном материале. А не откуда-то сверху, по нормативам, из статуправления... "Рашидовы", "адыловы", алкоголики – все это учитывалось потому, что мы работали с реальной жизнью. Больше ничего.

Тарноруцкий С.А.: Достоверно все это? Вы верите в достоверность этой модели?

Гурман В.И.: В работу нашего коллектива я верю.

Попов С.В.: Так. Есть еще замечания? Прошу вас.

Из зала: По-моему, с этой Концепцией мы имеем тот вариант ведомственного монополизма, который мы все критикуем. Минлесбумпром буквально изжевали здесь за то, что он – монополист. Здесь Сибирское отделение – то же. Оно не имеет конкурентов. Ему был выдан социальный заказ. Они его выработали.

Гурман В.И.: Мы рады иметь конкурентов.

Попов С.В.: Это не обвинение, поскольку они сами взялись. И это уже беда всей науки.

Гурман В.И.: Мы будем счастливы иметь конкурентов, хотя бы одного.

Из зала: Альтернативы не было. Поэтому модель не учитывала экологической ситуации.

Константинов Г.Н.: Альтернатива была. Вы могли 15 лет назад бесплатно взяться за это и 15 лет работать. И была бы у нас сейчас конкуренция. И не надо сейчас об этом говорить.

Из зала: Как "не надо говорить"? Надо говорить.

Попов С.В.: Вопрос о конкуренции важен, но его надо обсуждать не по отношению к этому коллективу, а по отношению к устройству нашей науки.

Из зала: И далее. То, что экологии в этой модели нет, – безусловно. Она основана на ряде параметров, а часть никогда не отражает целого. Это основной постулат экологии. Здесь набор параметров, которые не отражают всей системы. Значит, модель в принципе неэкологична. А то, что модель "рабочая" и "работает", – никто не отрицает. Но надо признать, что она не отражает ситуацию.

Гурман В.И.: Подождите. Что значит "модель работает, но не отражает ситуацию"? Либо вы говорите, что она работает, либо вы говорите, что это – барахло и ее надо выкинуть.

Из зала: Другого у нас просто нет на сегодняшний день.

Гурман В.И.: Значит, ее надо принять?

Попов С.В.: Нет, не значит!

Гурман В.И.: Я хочу другое сказать. Давайте переведем нашу дискуссию в разумную плоскость.

Из зала: Давайте критику оснований сделаем сначала, а потом смотреть будем.

Гурман В.И.: Подождите, подождите. Дайте мне ответить. Был поднят вопрос: учитывает ли она все на свете, всю экологию? Не учитывает. Она учитывает это в очень укрупненных терминах. Это было сделано сознательно. Если бы мы пошли на детализацию, мы бы ничего не смогли исследовать. Мы бы не набрали информацию. И так в модели десять тысяч параметров. Это очень серьезно.

Теперь другой вопрос: можно ли учесть детали? Да. Это учитывается. У нас, помимо этой модели, есть еще целый комплекс, система эколого-экономических расчетов, которые уже предназначены не только для процесса принятия решений в Госплане, а для специалистов, которые могут уже реализовывать что-то. Например, комплекс моделей леса. Двадцать моделей, взаимосвязанных в разных уровнях. И эти модели уже работают. Есть модели рек, несколько типов, которые позволяют решать разные задачи. Ну, какова задача – такова должна быть и модель, приспособленная к ней. И вот это делается. Есть модели воздушной среды, есть эколого-технологические модели, которые рассматривают воздух и конкретные предприятия. И все это работает, и на реальных объектах все это делается. Этот инструментарий есть. Я опять хочу сосредоточить внимание на этом. А для концепции мы использовали вот эту модель. Хотя и те модели тоже использовались в производстве более детальных расчетов. И они отражены в концепции. Но верхний уровень – это верхний уровень.

Попов С.В.: Спасибо. Но я бы вас еще раз попросил сосредоточиться на тех основаниях и условностях, которые мы должны положить для того, чтобы строить модели применительно к Байкальскому региону.

А теперь я скажу участникам дискуссии: ведь до сих пор (и здесь Владимир Иосифович мог бы нанести еще более ощутимый удар) практически никто из участников не задал никаких других условностей, относительно которых мы могли бы строить модели. А поэтому, когда вы говорите: "Этого не учитывает, этого не учитывает...", – Владимир Иосифович остается во всеоружии. Он говорит: "Инструментарий". А про основания пока никто ничего не сказал.

Бондарев А.С.: Смысл перестройки состоит в том, чтобы создать саморегулируемые, саморазвивающиеся регионы. А не в том, чтобы управлять из центра и дергать за сотни тысяч этих параметров. Понимаете? То, что вы сейчас заложили в эту модель...

Гурман В.И.: Я что-то не понимаю: где здесь центр в этой модели? Вы скажите одно: где здесь

центр? Где здесь центр? Нет? Тогда чего вы говорите? Надо же вопросы ставить конструктивно.

Бондарев А.С.: Это должна быть саморазвивающаяся система. А у вас ничего нет.

Из зала: Здесь было сказано, что эта модель работает "на реальных предприятиях"...

Гурман В.И.: На материале реальных предприятий. Статистика предприятий.

Из зала: Тогда получается, что надо, чтобы существовали сегодняшние предприятия?

Гурман В.И.: Не надо.

Из зала: Как же так?

Гурман В.И.: А вот так. Надо было зафиксировать существующую ситуацию, изучить ситуацию в регионе. Информация набрана по существующей ситуации. В материал был внесен прогноз изменений этой ситуации. Технологический прогноз. Для этого уже был изучен другой материал. Это примерно семьсот источников. И использованы были другие модели, где учитывалось прогрессивное изменение этих параметров. И этот материал, совместно с исходным материалом и этими факторами научно-технического прогресса, и был заложен сюда. Здесь уже отрицать нечего.

Из зала: И второй вопрос. Вы искренне верите, что концепция, которая построена с помощью этой модели, спасет ситуацию в регионе?

Гурман В.И.: Концепция не спасет ситуацию в регионе. Я хочу сказать, что если мы будем действовать по тем правилам, которые выработаны на основе модели (если удастся их реализовать), то ситуация будет значительно лучше. Основанием для этого служит сравнение на этой же модели различных сценариев, кардинально отличных. Сценарии, которые специально рассчитаны на эти цели и ограничения, сравнивались и получается разительный контраст. Там – ухудшение экологической обстановки в полтора-два-три раза, а здесь – соблюдение экологической обстановки, достижение приемлемого экономического эффекта. Вот о чем идет речь. И это сравнение нас, кстати, больше всего убеждает. Если мы на одной и той же базе берем и что-то сравниваем. Пусть оно даже будет не очень точное, но для сравнения это уже очень сильный, убедительный материал. Вот что я хочу сказать, те качественные выводы, которые я делаю. Дело даже не в цифрах, которые мы здесь получили. Цифры могут измениться. Но качественные выводы (я вам их сейчас покажу, продемонстрирую) очень сильно убеждают, что это вещь серьезная. Они имеют гораздо более глубокое значение, чем цифры. Я теперь понимаю, как надо действовать. Это важнее всего. И это уже стало моим здравым смыслом. Понимаете? А раньше здравый смысл мне подсказывал совсем другое.

Попов С.В.: Спасибо, Владимир Иосифович. Сейчас мы сделаем следующим образом: выслушаем нас пятнадцать минут, то есть оппонентов. Но опять же – по методологическим основаниям. А потом еще раз вернемся к дискуссии, и вы скажете все, что о нас думаете.

Щедровицкий П.Г.: Мы здесь затронули очень широкий круг вопросов, поэтому мне придется начать с задания той простейшей деятельностной схемы, на которой, по-моему, мы двигаемся. И в этом плане мы не сохраняли направленности на обсуждение оснований процесса моделирования и на обсуждение статуса этой модели. Мы захватили более широкий круг вопросов, который надо представлять, по крайней мере, в следующей схеме (см. рис. 28).

Во-первых, я введу позицию лица, принимающего решения (ЛПР), которое имеет дело с некоторой ситуацией, и должно осуществлять действие по преобразованию этой ситуации в том или ином направлении. И при этом мы еще вводим позицию исследователя, который передает этому организатору-управленцу знания, которые должны ответить на вопрос о допустимых действиях по отношению к данной ситуации. Или на вопрос о том, с какого рода объектами или системами сталкивается ЛПР в данном случае.

Гурман В.И.: А можно его направлять и давать информацию о желаемых действиях?

Щедровицкий П.Г.: Пожалуйста. О желаемых действиях. Но, во всяком случае, эти две позиции надо

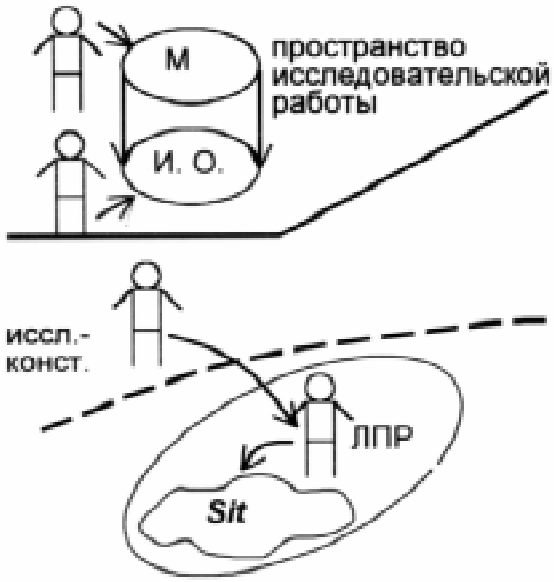


Рис. 28. Позиционная схема обсуждаемой ситуации

жестко разделить. Весь круг вопросов, касающихся характера принимаемых решений, я убираю в сторону. Мы это достаточно обсудили. И, на мой взгляд,

проблем здесь никаких нет. Вроде бы ясно, с чем бороться и, наоборот, куда можно двигаться. Теперь возникает вопрос: что делает этот исследователь, передавая сюда знания? Вы уже ответили (и здесь я с вами целиком согласен), что это может быть просто консультант, работающий на уровне здравого смысла, и передающий организатору некоторый набор представлений и знаний. Ему может не понадобиться более сложная "кухня" исследовательских работ, которую мы обсуждали. Это, вроде, понятно.

Теперь представим себе, что этот исследователь начинает развертывать более сложную систему работ. Первый момент, который нужно зафиксировать, состоит в том, что он (исследователь), перейдя сюда, в это верхнее пространство проводит несколько различных работ. Первое. Он обязан, в принципе, положить некоторые допущения, касающиеся (как говорят в философии) онтологии, или картины мира. И в принципе его может интересовать вопрос о том, как и каким образом полагаемая им картина соотносится с той ситуацией, в которой работает организатор-руководитель. В этом плане он (исследователь) прежде, чем начинает процедуру моделирования, должен положить некий идеальный объект (И.О.). Подчеркиваю: идеальный объект, а не модель. И ответить для себя на вопрос о том, связана ли эта картина идеального объекта с ситуацией? И можно ли рассматривать его идеализацию как схватывающую практическую ситуацию, в которой находится ЛПР? При этом опять же понятно, что исследователь, производя идеализацию, не может схватить всю практическую ситуацию. И не может на это претендовать. Но он для себя определяет и должен определять вопрос о том, охватывает ли его идеализация некоторые сущностные характеристики данной ситуации и всей этой системы?

Теперь второй момент. Но при этом может оказаться, что идеальный объект, который здесь кладется, не может стать предметом непосредственного оперирования, и к нему как к содержательному объекту не применимы некоторые стандартные исследовательские процедуры, например, математические. Значит, в этом случае исследователь начинает осуществлять вторую работу. Он обязан положить модель (М), которая будет ему служить тем конструктивным объектом, с которым он будет оперировать. И в этом случае, как я уже говорил на общем заседании, знания, получаемые на этой модели, он будет относить к объекту. А, следовательно, может потом передавать их организатору, если он утвердил здесь допустимость этих идеализаций.

Но дальше возникает очень интересный вопрос: что значит, что эта оперативная структура "М" является моделью этого объекта "ИО"? Ну, вроде бы, понятно и мы это теоретически понимаем, что должна быть доказана теорема подобия. И по сути дела должны быть установлены условия, при которых данная конструкция выступает моделью объекта "ИО". Вот первый пункт, который обсуждался уже при анализе того, что здесь рассказывалось, состоял в том, что вроде бы теорема подобия не доказывается. То есть что утверждалось? Не очень понятно, какой объект "Х" моделируется данной моделью.

Гурман В.И.: Теорема не доказывалась.

Щедровицкий П.Г.: Не доказывалась! Вот. Значит, из этого и был целый ряд вопросов. Потому что, если теорема не доказывается, то возникает целый ряд содержательных вопросов.

Теперь второй очень важный момент, который начал обсуждаться. А именно: давайте представим себе, что нам надо ответить на вопрос: какого рода объект здесь ухватывается? Или с какого рода объектом вы здесь начинаете работать?

Я вот там сидел, слушал и пытался ответить на этот вопрос. И у меня получился ответ следующий (я не знаю, согласитесь вы с этим, или нет). Здесь вообще начинает рассматриваться "область" (пока не идеальный объект), которую можно назвать "экономика природы". Что из этого следует? Что идеализации, которые являются основными, это все-таки экономические идеализации. И соответствующие экономические модельки, которые выступают как рамки. В них теперь вставляются (или вмонтируются) некоторые дополнительные конструктивные единички, которые должны ответить на вопрос, как природные элементы живут в условиях их хозяйственно-экономической эксплуатации? И если на этот вопрос дается ответ, то мы можем ввести то, что мы назвали "ограничением" или "допуском", на эксплуатацию природного материала. И дальше – на восстановление и, наоборот, на использование. Но при этом рамкой является экономическая модель.

Гурман В.И.: Я бы мог начать рисовать эти уравнения с природного блока и у вас бы сложилось совсем другое впечатление, что экономика пристроена к природе.

Щедровицкий П.Г.: Нет, не сложилось бы.

Гурман В.И.: Они равноправны здесь. Абсолютно равноправны. В равноправных терминах описаны. И это была цель построения. Ведь, что такое экономика? Это модель, где используются экономические термины. Здесь леонтьевская модель экономики. Он сам придумал эту модель. Но дело не в этом. Дело в том, что сама экономика тоже очень абстрактно описывает реальную хозяйственную деятельность человека, потому что там огромное количество всяких процессов, технологий, которые отличаются друг от друга очень сильно. Деятельности могут быть совершенно разные. А описываются в одних и тех же терминах. И это удел не только этой модели. Это удел всей экономической науки. Ее, так сказать, кредо.

Щедровицкий П.Г.: Я понимаю. Я вам хочу простую вещь сказать...

Гурман В.И.: Я тоже говорю простую вещь. Впечатление, которое у вас сложилось, что они – неравноправны, оно состоит в том, что управление воздействий на природу лежит в экономической сфере. Отсюда ваши впечатления.

Щедровицкий П.Г.: Я вынужден обращаться со своими впечатлениями, поскольку вы уже сказали, что теорема подобия не доказывалась. Поэтому я вынужден начинать отвечать на вопрос, какой объект моделируется?

Гурман В.И.: Минуточку. Вы меня уже в свое пространство затянули, а я там нежизнеспособен. Не доказывал я теорем и не собирался доказывать. У меня совсем другие критерии для соответствия модели объекту.

Попов С.В.: "Длительная работа коллектива".

Гурман В.И.: Нет, не длительная работа коллектива.

Попов С.В.: Смотрите, в этой области – терминологический сдвиг, отсюда – такая реакция. Здесь даже неважно, экономическая это модель или нет. Важно ответить на вопрос, какой процесс? Но, на мой взгляд, и это, наверное, наиболее точно: здесь фиксируется движение продукта (даже если блоки равноправны). А уж, каким образом они представлены...

Гурман В.И.: Нет. Как экологические или другие? Вот здесь уже и возникает...

Попов С.В.: Что нет? А что там? Какой процесс и какой объект у вас там?

Константинов Г.Н.: А в этих природных уравнениях – лес. Он продукт или нет?

Попов С.В.: Конечно, поскольку он встроен в эту цепочку. И продукт движется по цепочке.

Гурман В.И.: Как это так? Он и самостоятельно может жить. Смотрите. Я полагаю все эти величины (экономические) нулю. И природа начинает жить по своим законам. Лес растет и т.п. И модель показывает, как он растет.

Попов С.В.: Отлично. В таком случае дело еще хуже.

(Смех в зале)

Гурман В.И.: Я понимаю, что бы здесь ни было сказано, в вашей интерпретации будет "еще хуже". В вашем пространстве...

Щедровицкий П.Г.: Но ведь Вы же отказываетесь от ограничений на интерпретации.

Гурман В.И.: Почему?

Щедровицкий П.Г.: А потому, что теперь нужно отвечать на вопрос: какой объект схватывается данной моделью?

Гурман В.И.: Байкальский регион схватывается.

Щедровицкий П.Г.: А вот на мой взгляд, это просто невозможно. Потому что Байкальский регион – вот здесь, в реальности, где ЛПР осуществляет некоторые действия (см. рис. 28).

Гурман В.И.: Мы схватывали Байкальский регион. Вот если он не схватывается, тогда вы объясните нам.

Щедровицкий П.Г.: Я вроде бы это и объясняю.

Гурман В.И.: А я объяснил, как он схватывается. Люди работали на Байкальском регионе.

Попов С.В.: Ну, я же и говорю: единственный критерий, что "люди работали". Логического критерия нет!

Гурман В.И.: Не единственный критерий. Критерий в том, что "люди работали на данном объекте", а не в том, что "люди работали". А это – разные вещи.

Из зала: Все, кто работают на данном объекте, правильно работают, что ли? Странно!

Константинов Г.Н.: Давайте обсуждать, что здесь встроено: экология в экономику или экономика в экологию? И по такому принципу: давайте выбросим из модели экологию и посмотрим, будет ли работать модель? Если экология была встроена, то вроде бы модель останется жизнеспособной. Правильно?

Щедровицкий П.Г.: Дело не в этом. Вы просто вернетесь к базе.

Константинов Г.Н.: Правильно. У меня останется экономическая модель.

Щедровицкий П.Г.: Которую вы взяли.

Константинов Г.Н.: Которую я взял. Вот здесь этого не происходит. Если я выброшу экологию, то экономическая модель у меня – ничто. Я оттуда должен буду тоже многое выбрасывать.

Теперь я сделаю наоборот. Выброшу экономику. И мы такие варианты рассматривали. И модель, оказывается, нормально работает. Ничего не произошло. Это нормальный сценарий исключения экономики из этой системы. И модель работает: остается четыре компоненты. Все остальное вылетело вместе с экономикой. И она работает!

Щедровицкий П.Г.: Я не понимаю, что значит "модель работает"? В смысле – пересчитать можно?

Из зала: Дает прогноз состояния на двести лет вперед. Живого леса.

Щедровицкий П.Г.: Вы поймите, вроде бы, договорились. Для того, чтобы нечто выступало в функции модели, оно должно что-то моделировать. Возникает вопрос: какого рода процесс вы моделируете? Вы мне отвечаете, что я ошибся, и вы моделируете не экономические процессы, а экологические.

Гурман В.И.: Эколого-экономические.

Щедровицкий П.Г.: Не понимаю.

Гурман В.И.: А я вас не понимаю.

Попов С.В.: Тут Светлана Борисовна Поливанова хочет что-то сказать.

Поливанова С.Б.: Я хочу одно заметить. Мне

представляется, что та ситуация, которую ты, Петр, зафиксировал, не соответствует ситуации работы наших уважаемых коллег. Ты, Петр, исходишь из того, что есть реальная ситуация управления, есть наука, которая имеет идеальный объект (для каких-то целей, например, для взаимодействия науки с практикой и т.п.). И есть метод моделирования, модели, которые как-то соотносятся с этими идеальными объектами. Все разговоры о доказательстве теоремы подобия или ее отсутствии идут в отношении между идеальным объектом и моделью. По-моему, мы здесь имеем дело с ситуацией, когда науки, а, стало быть, и идеальных объектов по поводу этих практических ситуаций, нет. И это фиксируется в этом куске, когда тебе говорят про экономику и экологию. Это не выделение областей, откуда берутся идеальные объекты. Это указание на квазипрактические направления работ. И тогда мы имеем дело с моделированием практических ситуаций. И я не знаю, правомерна ли такая постановка?

Попов С.В.: Понятна мысль. И ее можно короче выразить. Она заключается в том, что (и коллеги наши начали почему-то кивать) идеальных объектов нет.

Гурман В.И.: Нет.

Попов С.В.: Но это означает одну вещь...

Гурман В.И.: Вы нас затянули в свое пространство, и мы ну ничего здесь не понимаем! Я же вас предупреждал, что в этом философско-методологическом пространстве мы профессионально работать не можем. Вы – профессионалы в этой области, а мы – дилетанты. Понимаете? А то, что сделано – реальная вещь. Давайте ее обсуждать.

Из зала: Но ведь науки нет.

Гурман В.И.: А если вы хотите, чтобы я объяснил, как подтверждается соответствие модели реальности, я объясню. А если вы хотите затянуть нас в этот спор...

Попов С.В.: А вы не затягивайтесь.

Гурман В.И.: Пожалуйста. Тогда спорьте между собой.

Попов С.В.: Но, смотрите: что толку обсуждать уже сделанную вещь. Вы умеете это делать?

Гурман В.И.: Что?

Попов С.В.: Вот такие модели?

Гурман В.И.: Ну, умеем.

Попов С.В.: Ну, и отлично. Теперь спрашивается другое: можно ли делать другое? А для того, чтобы делать другое, нужно обсуждать не то, что сделано, а...

Гурман В.И.: А что-то еще.

Попов С.В.: А что-то еще. Тогда надо обсуждать: как делается? И начинает обсуждаться этот вопрос: как делается?

Гурман В.И.: И что сделано?

Попов С.В.: Что сделано – то уже сделано.

Гурман В.И.: Нет. Что сделано другим способом?

Попов С.В.: Вы умеете это делать? Еще раз спрашиваю.

Гурман В.И.: Мы умеем это делать. Теперь кто-то умеет делать еще что-то. И готов предъявить это что-то в виде конкретных результатов. И мы сравним результаты.

Попов С.В.: Нет! Вот здесь, на мой взгляд, ошибка. Может быть, из-за этого сыр-бор и непонимание?

Смотрите, есть ваши башмаки и мои башмаки. Если мы их поставим рядом и будем их сравнивать, то толку от этого ну никакого не будет, поскольку нужно смотреть разные технологии. А это означает: разные способы работы. А не продукты. Сравнивать продукты абсолютно бессмысленно!

Гурман В.И.: Я что-то это плохо понимаю.

Попов С.В.: Вот!

Гурман В.И.: Вы сами посмотрите, как Вы прошлый раз с философом здесь спорили. И объясняли: “Давайте играть на конкурентной основе. Вы делаете одно, мы – другое. А потом сравним результаты”. А теперь говорите, что результаты бессмысленно сравнивать. Я примерно это вам и предлагаю.

Попов С.В.: Не результаты, а способы работы.

Гурман В.И.: А зачем “способы работы”? Я же не могу перейти в другой способ работы.

Попов С.В.: Владимир Иосифович, но Вы же должны знать, что он существует?

Гурман В.И.: В принципе, я допускаю. Не отрицаю. Я просто жду от этого способа работы и другого результата.

Попов С.В.: Владимир Иосифович, вот, смотрите. Есть такой анекдот. И я для разрядки попытаюсь с его помощью объяснить свою мысль.

У нас есть один знакомый, математик, человек высококультурный. Еще давным-давно, когда каратэ только начиналось, в университете Патриса Лумумбы появился японец, который стал учить русских и всех остальных каратэ. И этот наш знакомый туда записался по великому блату. Там были: он, несколько милиционеров и филиппинцы. Он очень смеялся над этими филиппинцами. Говорил: “Вот, только что с деревьев слезли, а все – туда же”. Я, мол, человек культурный, я быстрее их научусь. Ну, и милиционеры здесь.

А у сансея какая привычка? Он никого не выгоняет, но с теми, кто оказывается безнадежным, он перестает заниматься. Они могут сколько угодно двигаться, приходить, тренироваться, но он с ними конкретно не занимается. Через кокое-то время этот наш знакомый вдруг обнаруживает, что с ним перестали заниматься. Он, естественно, заволновался: ну, как же так? А филиппинцы – все лучше и лучше. И его

обгоняют, которые “с деревьев только что слезли”. А он – человек высокой культуры, кандидат наук, модели тоже строит...

(Смех в зале)

Он никак ухватить суть не может. Потом он пристал к этому японцу: “В чем дело?” Наконец тот “раскололся”: “Вы, – говорит, – так же, как и ваши милиционеры, все время смотрите на то, насколько вы сильно ударите”. А милиционеры – те вообще... Он стукнет. Они смотрят, насколько прогнулся и стараются ударить с той же силой. “А дело, – говорит, – совсем в другом. Вы, – говорит, – смотрите за движением руки, за действием, как оно построено. И тренируйтесь в этом плане. Если вы правильно действие построите, тогда ударите. А они подходят и силу пытаются вложить”.

И вот тут происходит такое расслоение. Тот, кто следит за результатом, он процессов не видит. А филиппинцы, “которые с деревьев слезли”, они за процессом смотрели и пытались процесс воспроизвести, а не результат. Так вот, с моей точки зрения, на результаты вообще смотреть бессмысленно, если мы хотим что-либо понять. А нужно смотреть за процессом рассуждения и мышлением. И это является тем результатом, на который смотреть надо. При производстве башмаков надо смотреть не на башмаки, а на процесс производства башмаков.

Гурман В.И.: Это – если идет процесс производства башмаков. А если башмаков нет, куда я должен смотреть?

Попов С.В.: Даже, если башмаков нет.

Гурман В.И.: Это я что-то не очень понимаю.

Попов С.В.: Конечно. Тут даже оказывается не методологическая, а идеологическая разница, поскольку, с моей точки зрения, нужно смотреть как раз за процессами, и их трансформировать и изменять. А уж потом результаты мы получим, если правильно процессы построим. А если мы будем класть ограничения в виде результата, то мы получим только плохой результат.

Гурман В.И.: Вопрос, что считать “правильным”?

Попов С.В.: Вот! А для того, чтобы понять, что считать правильным, надо разрабатывать метод и обсуждать метод. Что толку, если мы получим результат, который не воспроизводится. То есть вы метод от себя оторвать не можете и передать не можете. Может быть, вы уникальные специалисты, которые эти модели и концепцию сделали. И если вы не обсуждаете этого вопроса о том, как производится это отнесение к реальности, или, как сказал Петр, подобия не доказываете и не показываете, как это делается, а ссылаетесь на “коллектив, который работал на этом регионе”, то это означает, что в следующий раз, в другом регионе (если мы захотим эту модель встроить) мы не имеем никакой гарантии, что что-то такое же можно будет сделать. Здесь, наверное, хорошо люди работали. А если в другом регионе люди плохо сработают? И “основания” этой модели будут в этом случае просто дурными. Что будем делать?

Модель, наверное, работает. Но это отнесение к объекту не построено. И если здесь нет метода, то это просто значит, что мы имеем дело не с продуктом, а с уникальным изделием уникальных людей. И мы готовы снять шляпу перед вашей моделью, но что с ней делать дальше – неизвестно.

Гурман В.И.: Я вам хочу сказать следующее. Все то, что вы говорите, относится к абсолютно любой модели. Что бы вы ни делали, но на основании только одних теорем, без обращения к конкретному объекту, вы не получите результат. Согласны вы с этим? Нужна информация.

Щедровицкий П.Г.: Какой смысл тогда моделировать? Меняйте реальные процессы, если вы умеете это делать.

Гурман В.И.: Подождите, вам нужна информация о регионе, чтобы получить результат?

Щедровицкий П.Г.: Но ведь мне нужна значимая информация, а не любая. Я же должен выбрать такие ключевые параметры, которые выделяют мне характер развертывания процесса. А если у меня несколько процессов, я еще должен ответить на вопрос, как они друг друга либо подпитывают, либо противоречат.

Гурман В.И.: Я просто спрашиваю: информация о регионе нужна вам или не нужна?

Щедровицкий П.Г.: Да подождите, мне же сначала нужна идеализация, которая отвечает на вопрос: что здесь происходит?

Гурман В.И.: А потом нужна будет информация?

Щедровицкий П.Г.: Когда идеализация будет!

Гурман В.И.: А потом нужна будет или не нужна?

Щедровицкий П.Г.: Подождите.

Попов С.В.: Потом уже выяснится. Вполне возможно, что и не нужна.

Гурман В.И.: Ну, тогда я не спорю больше ни секунды. Если можно без информации о регионе моделировать регион, то...

Попов С.В.: Нет. Не моделировать. Вы же все передергиваете.

Гурман В.И.: А что тогда?

Попов С.В.: Если вы построите идеальную модель, то дальше сможете систематически производить исследования, то есть отделять случайные факторы от тех, которые существенны и значимы. Если вы этого не сделаете, то можете считать, что вы никакой информации не получаете. Опять же в качестве анекдота можно это показать на нашем брате – физике.

Гурман В.И.: Нет, это понятно. Вы мне все время слишком элементарные вещи говорите, а я думаю, что вы серьезное что-то говорите.

Попов С.В.: Так, где у вас эти элементарные вещи?

Гурман В.И.: Вот здесь.

Попов С.В.: Нет их там.

Константинов Г.Н.: Давайте вернемся к подобию. В ваших терминах будем обсуждать. Теорема подобия – всегда ли она нужна для построения модели? Вот вопрос, который здесь обсуждается.

Щедровицкий П.Г.: Нет, не для построения. Для отнесения к объекту. Построить вы все можете, что угодно. Для отнесения знаний к объекту.

Константинов Г.Н.: Согласен. Давайте рассмотрим такую ситуацию, которая существует в соответствующих теориях. В математике есть регрессионный анализ. У нас есть система точек, которые получаются наблюдением или другим способом. Можно поставить два вопроса: об аппроксимации такой кривой, которая пройдет через все эти точки, и доказательстве соответствующих теорем.

Гурман В.И.: Брось. Они этого не понимают.

Константинов Г.Н.: Это в математике делается: строятся соответствующие полиномы, строго доказывается, что функция, которая определяет этот полином, в точности пройдет через эти точки. Тем самым будет доказана эта теорема подобия. Но это, оказывается, для практики не годится. Я не имею возможности сейчас рассказывать основы регрессионного анализа. Но дело в том, что только на основе этой теоремы подобия (этой модели) я получаю результат неверный.

Попов С.В.: И это не имеет значения.

Константинов Г.Н.: Это не имеет значения, так как есть другой способ оценки подобия. Можно сказать, что эти данные охватывают какой-то реально существующий процесс. Вот как: строится это уравнение регрессии, и мы уже строим не эту кривую, а другую. Мы построим некую прямую, которая не проходит ни через одну точку. То есть условие подобия не выполнено. Но зато вместо этого условия выполнено другое: есть оценка – мера различия этой прямой, которую я построил, с теми данными, которые у меня есть в наблюдениях. И вот эта прямая дает гораздо лучший прогноз, чем строгий полином, проходящий через все точки. Это реально существующий факт. Можно говорить о теоремах, можно читать учебники (их много) или еще что-то. Можно серьезно и основательно это все обсуждать. Только на обсуждении этого мы можем сидеть здесь три недели.

Попов С.В.: Вопрос проще. Не надо сидеть три недели. Я вам все-таки байку расскажу. Вещь элементарная, но здесь это игнорируется. Один мой знакомый, выпускник "физтеха", поступил в аспирантуру. Его послали на Камчатку – мерить содержание минеральных вод. Там пробили шахты, и нужно было узнать количество солей в минеральных водах. Он сидел там и мерил так два года. Потом он сопоставил колебания величин содержания соли в воде с колебаниями циклов землетрясений. И увидел удивительную вещь: они совпадали. За это ему была дана премия Ленинского комсомола. И газеты написали, что найдет способ прогнозирования или учета землетрясений. А через два года выяснилось, что землетрясения идут в другом режиме.

Константинов Г.Н.: Я мог бы рассказать, как это делать. Каким способом. Я знаю, что он делал в этом случае.

Попов С.В.: Понятно, что он делал. Но землетрясения потом начали происходить с другой частотой. Кандидатская степень и премия ему остались, но это все было выброшено в корзину. Поскольку он не построил идеального объекта, где были бы выделены сущностные процессы. Даже если бы несовпадения произошли не через три года, это не меняло бы дела. Насколько это отвечает процессам, а не случайное совпадение, – неизвестно. Без соответствующих идеальных объектов и без доказательства теоремы подобия моделей и этих объектов никто проверить это не может.

Константинов Г.Н.: Здесь я согласен. В зависимости от того, что мерили, ту модель и получили.

Попов С.В.: О! И когда мы такого рода моделирование осуществляем, то ответить на вопрос, сколько времени это будет дальше продолжаться, мы не можем.

Константинов Г.Н.: Я понял.

Попов С.В.: Поэтому нужно вводить какие-то другие основания.

Константинов Г.Н.: Полностью согласен. Но когда я говорил о модели, там роль идеального объекта играли данные наблюдений. Числа!

Попов С.В.: У него тоже числа были.

Константинов Г.Н.: Конечно, прогнозировать так нельзя. Я выяснял вопрос только с теоремой подобия. Я имел в виду идеальный объект – это данные. А здесь понятно, почему не получилось. Здесь неизвестно, что надо было измерять.

Попов С.В.: О! И, между прочим, цифры и данные, даже полученные самыми точными приборами, могут совпадать, а могут не совпадать. Поскольку неизвестно, случайно они совпадают или нет, если мы не имеем совершенно другого – теоретической картины, идеальной.

Константинов Г.Н.: Об этом никто не спорит.

Попов С.В.: Что здесь Светлана Борисовна говорила, так, по-простому? Она говорила, что вот этой, теоретической картины, которая "сшивала" бы экономические, экологические, социальные процессы, процессы развития человека и т.д., – нет. И тогда…

Константинов Г.Н.: Нет науки об этом объекте?

Попов С.В.: О! Отлично! А тогда...

Поливанова С.Б.: А тогда неизвестно, какие данные в той реальности, которую вы измеряете, значимы, а какие – нет.

Константинов Г.Н.: Согласен. Но никогда идеальной науки не будет. Всякая наука относительна.

Попов С.В.: Дело не в идеальной науке. Дело в методе и моделировании.

Константинов Г.Н.: И метод относителен. В соответствии с нашими сегодняшними знаниями. Завтра у нас будет новый метод.

Попов С.В.: А поэтому можно указать целый ряд значимых для нас областей, которые просто никак не меряются и в модель не попадают. И это означает: чтобы ею пользоваться, нужно вот эти области (которые к модели вообще никакого отношения не имеют) выделить. И тогда выяснится, что неизвестно, что с этой моделью делать.

Черкашин А.К.: Я про адекватность скажу. Я 15 лет работал с этой группой, занимался информационным обеспечением. И я 15 лет доказывал, что эта модель неадекватна. И, в конце концов, получилось так, что я получил независимые данные (не на Байкальском регионе, а на Иркутской области и по Прикаспию), что в той части, которая отвечает за экологические процессы, структура модели полностью отвечает той ситуации, которая действительно существует в экологической системе страны. То есть структура экологической системы такая, что существует множество устойчивых состояний и динамика систем вокруг этих устойчивых состояний, описываемых этими уравнениями. Более того, в теории математического моделирования, в экологии существует достаточно оснований, которые говорят, что эта модель по компонентам (положим, для леса – площади, покрытые лесом, для запасов, для других компонентов экологической системы, для нарушений воздуха, воды и т.д.) подтверждается. И подтверждается с большой точностью. Кто не моделировал, тот не знает, что оно есть – вот так.

Попов С.В.: Александр Константинович, Вы уж нас совсем-то за дураков не считайте. Я таких моделей построил, пока учился в аспирантуре, очень много. Но смотрите, давайте теперь зададим принципиальный вопрос. То, что это подтвердилось в Прикаспии, – это о чем свидетельствует? Вы делаете вывод, что это свидетельствует о том, что такая модель – объективна, или схватывает некие объективные, сущностные процессы экосистемы. Вы такой вывод делаете?

Черкашин А.К.: Что многомерное пространство характеристик экосистем структурировано таким образом, что вот эта математическая модель описывает процессы, которые происходят в любых экосистемах, независимо от того, к какой природной зоне они относятся.

Попов С.В.: Отлично, значит, вы делаете вывод, что эта модель какие-то объективные характеристики такого рода систем схватывает.

Черкашин А.К.: Да. И она адекватна в экологической части. И в экономической части она адекватна, очевидно, поскольку это – простейшее балансовое соотношение и основывается на законе сохранения вещества.

Попов С.В.: Вот! А теперь подумайте, почему Вы такой вывод делаете? А вдруг это случайное совпадение? Может быть, в другой ситуации это не будет схвачено. Где у Вас основания утверждать, что в другой экосистеме это работает?

Черкашин А.К.: Я хочу сказать, что эта проверка соотношений модели проходила на совершенно других математических моделях, тех, которые описывают динамику этих экологических процессов...

Попов С.В.: Пожалуйста, пожалуйста.

Черкашин А.К.: Причем – в деталях это подтвердилось не только в Прикаспии, но и у нас, в Иркутской области.

Попов С.В.: Количество тут ничего не подтверждает.

Черкашин А.К.: Почему не подтверждает?

Попов С.В.: Потому что у того товарища, о котором я рассказывал, два года совпадения были идеальными. И только после этого начались несовпадения.

Черкашин А.К.: Вы хотите, чтобы я теорию изложил, почему так получается?

Попов С.В.: Нет. Я хочу вывод от вас получить. Смотрите, я могу сделать совершенно другой вывод. И он заключается в следующем. Эта ваша модель проверяется на определенном типе ситуаций. Вот такого рода: есть люди, которые действуют, и есть определенный природный материал.

Черкашин А.К.: Да, да.

Попов С.В.: Так вот, я могу сделать такой простой вывод: поскольку у нас системы хозяйствования и способы работы одинаковые, они у нас и подтверждаются. При других способах работы она бы не подтверждалась. Например, в США она бы не подтверждалась.

Черкашин А.К.: Да, но я анализировал не способы работы людей, а естественные закономерности динамики эмпирических систем.

Попов С.В.: Вот! И вот это и есть, на мой взгляд, кардинальная методологическая ошибка. Поскольку если это инструмент, лопата, например (грубо очень), то ею можно выкопать определенного рода яму. И оттого, что размеры, конфигурация и глубина ям все время совпадает, – это не есть природный факт. Это есть факт использования определенного рода инструмента определенного рода людьми (которые копают). И это – не природный факт. Технологии одинаковые, способы землепользования одинаковые, способы работы людей одинаковые. И то, что

вы говорите, что это "объективные факторы" – это ничего не доказывает.

Константинов Г.Н.: Он говорит, что этой лопатой можно копать.

Попов С.В.: Можно, можно. Против этого никто не выступает.

Щедровицкий П.Г.: Сыр-бор же из-за чего возникает? Если мы описываем за счет этой модели экосистемы, то при этом вы не обеспечиваете связку деятельности и природы. Два типа процессов! Если начнутся другие деятельностные процессы, то и в природе будет происходить другое. Она уже не будет это описывать. Ведь возникают вопросы о том, какие содержательные основания этой ситуации? Там что, один процесс или много?

Черкашин А.К.: Содержательное основание очень простое: это переток элементов из состояния в состояние. Это описывается простейшими законами типа закона Ньютона.

Щедровицкий П.Г.: Следовательно, вы описываете два разных процесса – деятельностный и природный.

Гурман В.И.: Много процессов.

Щедровицкий П.Г.: Много процессов разнокачественных в одной системе исчисления, или переток элементов, приводя это к гомогенности. Вы качество процессов (как разных процессов) убираете! Тогда это начинает работать. Ведь из-за этого сыр-бор.

Черкашин А.К.: А почему вы считаете, что экономические и экологические процессы подчиняются разным законам?

Щедровицкий П.Г.: Во! Так вот, в этом же весь вопрос. И из-за этого же "битва греков за водокачку".

Черкашин А.К.: Вот это балансовое соотношение легко описывает и все экологические процессы. Существуют модели-аналоги в экономике, которые существуют и в экологии.

Щедровицкий П.Г.: Я же вас понял. Теперь вы поймите основания. Ведь я утверждаю простую вещь. Мы здесь имеем на региональном уровне несколько разнокачественных процессов, несводимых друг к другу.

Черкашин А.К.: Это ваша аксиома?

Щедровицкий П.Г.: Конечно, и...

Попов С.В.: Как только мы введем такого рода аксиомы, тут и возникает вопрос.

Черкашин А.К.: А у меня аксиома такая: что экономические и экологические процессы как динамические процессы – не разнокачественные, а однокачественные, и описываются одними и теми же системами аксиом.

Попов С.В.: О! А теперь смотрите. Я ведь вам могу это показать на очень простых примерах. Вот вы пришли сюда на игру, в этот зал и на протяжении многих дней, например, считаете, сколько здесь людей, сколько пошло туда, сколько сюда и т.д. Вы при этом учитываете все материальные организованности, которые здесь существуют, с материалом, с микрофонами, ... все учитываете. Скажите, вы за счет этого схватываете сущностные процессы, происходящие здесь?

Черкашин А.К.: Динамические процессы схватываю.

Попов С.В.: О! О! А сущностные – не схватываете.

Черкашин А.К.: Если я буду учитывать, кто входит, кто выходит из одной комнаты в другую, как идут на обед и т.д., это отражает сущность этих процессов как процессов динамических.

Попов С.В.: Вот! И сущностных процессов игры вы при этом не схватываете, поскольку сущность игры состоит не во входах-выходах и обеде, а в другом. Вы этого своей динамикой схватить не можете. И я утверждаю, что точно также вы поступаете и с экологическими системами.

Гурман В.И.: Откуда эти утверждения? С потолка?

Попов С.В.: А чтобы мне описать сущностные процессы игры, мне нужны совсем другого рода идеальные объекты: типа схем мыследеятельности, деятельности, коммуникаций, понимания и другие. И пока у меня этих объектов нет, я сущностные процессы, здесь происходящие, описать не могу. Поскольку, будет другое совещание – тоже обедать будут ходить. Отдыхать будут. Динамические процессы будут одинаковые. Сущность – разная!

Черкашин А.К.: А что Вы называете сущностью вообще?

Из зала: Не надо так далеко заходить.

Черкашин А.К.: Нет, я не буду далеко заходить. Вот если он ответит, что такое сущность, то я скажу, в чем разница его и моего подходов.

Попов С.В.: А сущность появляется в тот момент, когда мы осуществили идеализацию, построили идеальный объект. И тогда мы говорим, что для "идеального маятника" сущностными моментами являются "масса", "время колебания" и т.д. А, например, не форма этого самого кирпича, который к нитке привязан. И смотрите, я утверждаю простую вещь: до тех пор, пока вы идеальных представлений об экосистемах не построили (с разнокачественными процессами), определить, что сущностно, а что несущностно, – вы не можете.

Константинов Г.Н.: В каком смысле "идеальных"?

Черкашин А.К.: Минуточку...

Попов С.В.: В прямом. Так, как "идеальный маятник", например. То есть теоретическую схему нужно иметь.

Константинов Г.Н.: А что такое "идеальные

сущностные процессы", происходящие здесь? В каком смысле "идеальные"? Вы – Бог?

Попов С.В.: Нет! Если я – ученый, то, смотрите, первое, что я должен иметь, – это теоретическую модель, относительно которой я буду производить интерпретацию, отделять сущностное от несущностного.

Черкашин А.К.: Так вот, Вы считаете, что сущность "появляется" тогда, когда вы что-то выделяете. А я считаю, что сущность – это объективная реальность которая существует независимо от нашего желания и есть совокупность тех законов, которые проявляются и формируют всю ту видимость, которая перед нами сейчас есть.

Попов С.В.: Отлично! И мы с вами здесь разошлись. Да?

Черкашин А.К.: Да. И сущность мы познаем таким образом, что проецируем сложный этот объект – явление в различные плоскости. Мы проецируем этот объект в плоскость динамического рассмотрения эколого-экономических систем. Вы проецируете этот объект в мыслительную плоскость. Это просто разные проекции. А какая из этих проекций лучше – сказать нельзя. Это просто разные идеальные объекты. У вас свой идеальный объект, у нас – свой.

Попов С.В.: Александр Константинович, не зря Вы вышли, поскольку вот здесь мы дошли до сути дела. Мы дошли до такой точки, где мы действительно расходимся, если хотите, в разные миры, поскольку...

Черкашин А.К.: Да, в разные миры.

Попов С.В.: ...Поскольку здесь начинается разница между натурализмом и диалектическим материализмом. Только я не хочу, чтобы присутствующие это понимали в идеологическом смысле.

Гурман В.И.: Это еще одно новое пространство?

Попов С.В.: Нет. Это точка отсчета. Смотрите, вот в чем здесь дело. Только я еще раз повторяю. Я бы не хотел, чтобы это понималось в идеологическом ключе. Это не идеологический спор. Чтобы не было ярлыков типа "идеализм" и прочее. На мой взгляд, здесь разные логические схемы. Поскольку Вы предполагаете, что сущность там, в мире.

Черкашин А.К.: Я предполагаю так же, как и В.И. Ленин считал, что это объективная реальность.

Попов С.В.: Вот! А я предполагаю такую вещь. Что это есть вульгарный натурализм. И его кризис история непрерывно показывает. Я стою на другой схеме. И я ее могу нарисовать. Вы опять же можете не соглашаться, говорить, что это идеализм, неверно и т.д. Но я-то думаю, что это – логическая основа диалектического материализма. Смотрите, я опять рисую нелюбимых вами человечков. И считаю, что мы работаем и должны работать в совершенно другой модели, или схеме познания. Мы должны разделять как принципиально разные и поразному живущие два мира: мир знаний и мир реальности. Как разные! И никто никогда не может сказать, что сущность там, в реальности. Наоборот, мы строим специальную систему процедур, и каждый раз выясняется, что в зависимости от той деятельности, которой мы реальность схватываем, у нас сущности разные. И никакой "абсолютной истины", к которой по спирали, якобы, приближается познание, нет! (см. рис. 29). Понимаете?

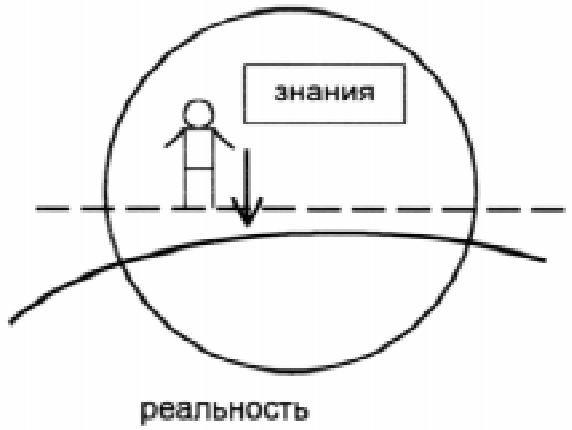


Рис. 29. Схема деятельностного отношения к миру

А отсюда следует ряд радикальных выводов. В частности, например, один из них такой, который сделал небезызвестный вам К. Маркс в 11-м тезисе о Фейербахе, что ошибка философов состояла в том, что они считали, что объект там, в мире, и брали его как объект созерцания. А нужно его брать как чувственно-деятельностный объект. И анализировать теперь именно эту систему деятельности и в ней обнаруживать ее сущность. И она каждый раз, в зависимости от системы деятельности, в которую мы включаемся, разная! И нет там в реальности никакой объективной и прочей сущности и истины.

Константинов Г.Н.: В том числе и Байкала?

Попов С.В.: Есть материал, который мы можем потрогать. А вот сущности в Байкале нет.

Черкашин А.К.: Так, минуточку. Есть действительно объективная реальность. И сущность существует здесь, в реальности. А вот то, что вы обозначили черточками, это есть явление. И знание есть лишь продукт познания явления.

Попов С.В.: Постойте, Александр Константинович, давайте уж разделяться так разделяться – на разные берега.

Гурман В.И.: Он не разделяет Вашей позиции. А я готов согласиться с Вами.

Попов С.В.: А Вы не спешите соглашаться.

Гурман В.И.: А я соглашаюсь.

Попов С.В.: Зря. Тогда вы должны по отноше-

нию к вашей модели отвечать на очень противный и вам неоднократно задаваемый вопрос.

Гурман В.И.: Какой?

Попов С.В.: В какой системе деятельности эта модель используется? И какого рода идеальные объекты она использует? А если вы не отвечаете, то вы не в этой модели работаете.

Гурман В.И.: Идеальный объект, о котором вы говорите, – вот эта абстрактная модель. Без чисел.

Попов С.В.: Нет.

Гурман В.И.: Теперь, что касается сущности, и в какой деятельности она (модель) используется? В планировании региона. Вот деятельность. Я вам точно ответил. Для другой деятельности нужна другая модель. Она есть. Для третьей деятельности нужна третья модель. Она тоже есть. И все это – модели региона. Но планировать по ним регион нельзя. Потому что она совсем в другом стиле.

Щедровицкий П.Г.: Только не "регион" тогда, а "что-то региональное".

Гурман В.И.: Да, "региональное". Давайте не будем придираться к терминам. Понятно, о чем идет речь. Давно понятно. Я серьезно рассуждаю здесь. Поэтому эти рассуждения были в основе. В самом начале процесса моделирования эти вопросы были поставлены. Для чего это делается? Для какого вида деятельности? В каком смысле? Как видите, мы их не обошли. Другой вопрос – мы делали это на интуитивном уровне. Но это говорит о том, что "модельер" шел правильным путем. И мы понимаем сущность моделирования. Нужно было делать реальные вещи. Поэтому если бы увлеклись методологией очень сильно, мы бы Байкал еще долго не "схватили", как вы говорите. Но у меня вопрос остается. Мне не понятно вот что: можно ли без информации об объекте, не работая с объектом, получить модель объекта?

Попов С.В.: Ответ-то вот какой, смотрите. Информация об объекте получается сходным образом. Она получается таким образом. Первое: в каждой деятельности нам надо об объекте знать разное. Это банальная вещь. Теперь для того, чтобы об объекте нам знать разное и нам нужное, мы строим соответствующие системы знаний и идеализации. И относительно них производится, с одной стороны, селекция информации (той, которая сама по себе поступает к нам), а, во-вторых, добывание той, которая нужна. Но это все – то есть информация – вторично!

Гурман В.И.: Я понял все. Так вот, на этой вашей схеме, которую вы рисуете, вы по-своему строите идеальную модель, а мы по-своему. Вот она, идеальная модель, в буквах. Вот она и отражает сущность.

Попов С.В.: Нет.

Гурман В.И.: По-вашему "нет", а по-нашему "да". Вы по-своему, а мы по-своему заблуждаемся.

Попов С.В.: Вы же схемы не рисуете.

Гурман В.И.: Вы заблуждаетесь вот в чем. Вы хотите сразу связать модель с той системой деятельности, которая имеется в регионе. Вы хотите сразу иметь готовую модель деятельности. Мы на это не претендуем. Еще раз говорю.

Попов С.В.: Нет.

Гурман В.И.: Мы строим открытую модель. Так тоже можно делать, оказывается. Открытую модель, которая не отражает в себе фактические процессы человеческой деятельности в регионе так, как они реально будут происходить. Деятельностной схемы нет. Но, тем не менее, для чего эта модель предлагается? Это все отражено. Это заложено в абстрактной ее схеме.

Попов С.В.: Владимир Иосифович, я человек грубый и неприятный. И я скажу: это все предназначено для обмана планирующих органов. И это будет точно! Я говорил, что это грубо. Но это так.

Гурман В.И.: Ну, я здесь воздерживаюсь что-либо говорить.

(Смех в зале)

Попов С.В.: Я говорю это серьезно. Почему? Потому что она существенных процессов не схватывает. А вам нужна для того, чтобы заставить и вынудить планирующие органы изменить систему показателей. Изменить ее так, чтобы они планировали не только производство (поскольку вы понимаете, что производство – это не самое важное), изменить ее еще в сторону экологических показателей. И для этого разводите весь сыр-бор. При этом сущностные процессы региона вы не схватываете. Вам надо лишь доказать Госплану, что нужно сменить систему показателей. И это правильно, конечно. Но все равно обман.

Гурман В.И.: Давайте так. Вы укажите тот процесс, который вы считаете сущностным в регионе, и будем вокруг этого вести разговор. Потому что нужна конкретика, а вы все время пытаетесь вывести на абстрактный уровень и там вести спор. А мы плохо мыслим на этом уровне. Сущностные, там, процессы, не сущностные... Назовите пример сущностного процесса, с Вашей точки зрения.

Попов С.В.: Я Вам назову сущностный процесс. Но сначала – одно замечание. Подождете минуточку?

Гурман В.И.: Пожалуйста. Мне только хочется посмотреть, чем все это кончится.

Попов С.В.: На схеме (рис. 29) Петр [1] не успел дообсудить одну вещь, а мне она кажется важной. Если этот идеальный объект касается вот этой реальной ситуации, то это уже ошибка, поскольку этот идеальный объект должен ухватывать ситуацию со-

[1] Щедровицкий П.Г.

вместно с деятельностью. Поэтому вас и спрашивают: содержится ли в модели способ ее употребления? Содержится ли в модели вся возможная система интерпретаций и использования, например, в процедурах принятия решений? И если это там не содержится, то система принятия решений может ее существенно искажать. И все предпосылки для дискредитации Концепции в СОПСе уже заложены и обусловлены вашей ориентацией на объект, а не на систему деятельности, в которой модели жить будут.

Гурман В.И.: Есть разные подходы к планированию. Можно делать так, как Вы говорите, а можно по-другому.

Попов С.В.: Нет. Вот так, как я говорю, я еще не видел ни одного...

Гурман В.И.: Нет, я говорю, что можно делать так, как Вы говорите. Я допускаю это. Я тоже не видел, но хотел бы увидеть. Хотя можно и по-другому. Но дело в том, что планирующие органы абсолютно не виноваты. Это – инструмент. Им можно убить. Можно что-то полезное сделать и т.д. Это – инструментарий. В него что заложишь, то и получишь. Но мы-то решаем некие задачи. А то, что Госплан делает, он к этой модели никакого отношения не имел. Он не понимал ее и не смотрел. Там другого уровня мышление, совсем.

Попов С.В.: Отлично. Смотрите, я говорю: вы оплатили все те безобразия, которые будут производить неконтролируемые вами планирующие органы.

Гурман В.И.: Мы еще не закончили эту работу.

Константинов Г.Н.: Вот, пример с Госпланом... Вы сказали, что ЛПР может исказить данное знание. Но тогда скажите, что нужно добавить к этой модели?

Попов С.В.: К этой модели ничего нельзя добавить.

Константинов Г.Н.: Подождите. К ней надо добавить то, что называется "правовое государство" и "авторское право", и надзор за ее использованием, и тогда уже исказить то, что мы делали, будет нельзя в существующей системе деятельности.

Вопросы, которые здесь поднимаются, их никто не отрицает. И мы еще раз повторяем, что модель открыта. Будет создано правовое государство, будет создано авторское право – и все эти проблемы будут сняты. И модель будет работать. А в нынешнем государстве и нынешней системе права заставить Госплан что-то изменить смогут не модели, не мы, а "неформалы". Наиболее эффективно!

Попов С.В.: Отлично. Заканчивая обсуждение этого пункта (поскольку мало уже времени осталось), я бы сказал следующее. Когда я с представителем Госкомприроды разговаривал, с группой "Экологического маразма", я их спросил (по-моему, я уже об этом говорил): "Собирается ли Госкомприроды участвовать в изменении политической системы?" Они говорят: "Нет". Так вот, какие бы вы модели ни строили, если вы с самого начала не закладываете эти системы деятельности, обречено все это!

Константинов Г.Н.: Я вам еще раз говорю, что без меня или кого-то, замещающего меня или всю нашу группу, эта модель сама не сможет работать. Я беру на себя те функции, которые мне не свойственны. И я участвую в этом процессе. Я составной элемент наших терминов. Всего того, что здесь происходит. Я себе просто создал дополнительный орган, которым пользуюсь.

Попов С.В.: Но смотрите: дополнительные органы не обладают статусом объективности.

Константинов Г.Н.: Согласен. Может быть.

Попов С.В.: Следовательно, об объективности этой модели речи быть не может. Это инструмент.

Гурман В.И.: Как и любая модель.

Попов С.В.: И это – Ваш личный инструмент, поскольку никто не сможет пользоваться им без Вас. И последнее...

(Смех в зале)

Гурман В.И.: Автомобиль – тоже инструмент. И тоже личный, пока не научишь другого ездить на нем. То же самое.

Попов С.В.: Нет. Для обучения вождению автомобиля можно разработать систему управления, как и для точной модели. Но если она, эта модель, в отличие от "Жигулей", не имеет системы отнесения к объекту, не содержит объективации как системы критериев для ответа на вопрос: что она объективно схватывает? – то неизвестно, где она может применяться, а где нет. И используется только для обмана этих органов, которые надо, конечно, обманывать, поскольку они ничего не соображают.

(Смех в зале)

Гурман В.И.: Хорошо рассуждаете! Вы делаете посылки, с которыми я соглашаюсь, а потом говорите: "Она не работает".

Попов С.В.: Не соглашайтесь. Это же я делаю посылки.

Гурман В.И.: Ну, и делайте. Это ваше право. Вы можете делать любые заключения. Но только это ничего не значит. Я уже растерялся... Что в этой ситуации можно доказать, уже не знаю.

(Смех в зале)

На любой аргумент: "Нет! Нет! Нет!" Одни отрицания. Я говорю: "Согласен с вами". И говорю, где у меня заложено то, что Вы говорите. А Вы: "Нет, это не то". Хотя не дал себе труда даже разобраться в этом. Вы постройте для Байкала хоть что-то. И мы посмотрим и обсудим.

Попов С.В.: Вот теперь подошли. И ответ мой (Вы его, опять же, можете не разделять и сказать, что это "фигня") состоит в том, чтобы от этих моделей отказаться. Для Байкала строить их не надо. Вещь совер-

шенно бессмысленная! Вот, чтобы обманывать Госплан, – надо.

А теперь вопрос о сущностном процессе. Сущностным процессом для Байкала, для региона и для трансформации разного рода ситуаций является не движение продуктов разного рода, не технологии, а процессы мышления и деятельности.

Гурман В.И.: И принятия решений.

Попов С.В.: Нет. **Если мы хотим что-то менять, надо менять систему мышления и деятельности**, в т.ч. и у ученых. А для этого нам надо иметь набор типов мышления и переучивать людей все время. Понимаете? А если мы систему мышления и деятельности не меняем, то какие бы модели мы ни строили, что бы мы ни делали, все будет воспроизводиться в тех же самых рамках. Даже если мы будем делать совершенно судорожные действия. Самое страшное! Вот в чем дело. И смотреть, на мой взгляд, надо, если мы хотим изменить ситуацию, не на производство.

Из зала: Вы сказали, что сущностным процессом для Байкала является выработка определенной модели, да?

Попов С.В.: Ничего подобного. Меня спросили о сущностном процессе. Я отвечаю...

Из зала: Подход новый, да?

Попов С.В.: Нет, вы все в вещах мыслите и в результатах. А на мой взгляд, процессы регионализации и изменения ситуации надо анализировать в терминах изменения систем деятельности и мышления. А уж производство и все остальное являются лишь вторичными эффектами той или иной системы деятельности и той или иной – если хотите – формации. Поскольку при феодальном обществе можно делать только то, что делали. И при той системе, которую мы сложили, той системе ценностей, идей (но это даже не столь важно), при той системе способов работы и способов мышления, которые имеем, – мы можем делать только то, что мы делаем. И поэтому нужно моделировать процесс регионализации как процесс изменения систем деятельности и систем мышления.

Из зала: И все это вам нужно как самоцель?

Попов С.В.: Нет. Мне это нужно не как самоцель. Поскольку, если мы начинаем эти процессы изменения (даже не в такой схеме, а в более сложной. Для этого ее надо специально нарисовать с двумя-тремя состояниями), если мы в это включаемся, то нам надо строить такую удивительную, двойную модель: вот эти процессы, с одной стороны, – как естественно протекающие. А с другой – как мы их изменяем. То есть такую двойную склейку. И в наши модели должна быть заложена система наших воздействий, в т.ч. и изменений модели при изменении наших систем действий. Если мы этого не сделаем и не будем делать работ в этом направлении, никакого изменения ситуации не произойдет. Даже если мы будем вводить все более и более жесткие критерии и ограничения.

Щедровицкий П.Г.: В этом плане можно что сказать? В определенном плане вы правы. А именно: ключевым процессом для региона является процесс управления. Только я должен расширить ваши представления. Не принятие решений как акт кого-то. А управление! Причем с постоянной сменой системы управления.

Гурман В.И.: Да, да, да, да!

Щедровицкий П.Г.: А поэтому, смотрите, как интересно. Можно сказать: вы вместе со своей моделью и есть регион.

Гурман В.И.: Ну, может быть.

(Смех в зале)

Щедровицкий П.Г.: Теперь осталось только вас схематизировать. Понимаете, какая получается вещь? Постоянное изменение системы управления есть условие и основной компонент регионализации.

Гурман В.И.: Вот я и жду этого, чтобы меня, наконец, начали менять.

(Смех в зале)

Щедровицкий П.Г.: Нет, смотрите. Не вас "начали менять". То, что вам удалось сделать образцово! А именно: за счет семиотической системы и как бы за счет определенного рода работ воздействовать на смену управления. И это должно происходить постоянно. Вот в чем вопрос.

Гурман В.И.: Да. Я же сказал. Это – фара, которая высвечивает перед автомобилем кусок дороги.

Попов С.В.: Ну и отлично. Но отсюда следует еще один вывод. Фактически, регион...

Гурман В.И.: ...не существует как объективная реальность...

Попов С.В.: …конечно, это то, что мы создаем.

Гурман В.И.: Полностью согласен. Мы проектируем его.

Попов С.В.: И если различные силы (здесь собравшиеся или в другом месте) начинают трансформировать свои системы деятельности и друг на друга влиять, – происходит изменение. И вот это должно быть объектом внимания и действия.

Гурман В.И.: Правильно! Я согласен.

Попов С.В.: Поскольку все остальное – лишь вторично. Но вы сейчас соглашаетесь, пока этот принцип идеологический. А вот когда мы начинаем осуществлять такую работу, как попытки проектирования, то нам нужно эти процессы деятельности (причем, по-разному: советским органам – одним образом, не так, как вы делаете; системам образования – другим образом и т.д.) пытаться схватить и ответить на вопрос: где их место? И пока такого рода система действий и система идеализаций не построена, мы каждый раз оказываемся в луже. И эта ситуация будет воспроизводиться бесконечно. Поэто-

му **объектом управления является фактически не производство, уже существующее, не Байкал в его натуральном виде, а система деятельности**.

Щедровицкий П.Г.: А потому можно сказать, что эта схема (рис. 29) в этом смысле неправильная, потому что условием региональной организации является то, что отсюда (из тела региона) в позицию управления выходят многие разные силы (на схеме, рис. 29, должно быть много ЛПР). Если же мы имеем одну силу (вот это ЛПР), то ничего, кроме развала и разрухи, никогда не будет.

Гурман В.И.: Нет, этот инструментарий допускает много управляющих сил. Наоборот, здесь много управлений.

Щедровицкий П.Г.: О! Смотрите, давайте я немного жестче сформулирую. Вот отсюда, из тела региона в управляющую позицию будут выходить многие разные силы с разными инструментариями.

Константинов Г.Н.: Подождите. Ведь они же себя будут вести как "неформалы". Нет уж! Ему (ЛПР) надо дать всю информацию, честно всю информацию, которую мы дали Госплану. Пожалуйста! Мы дадим всем одну и ту же информацию. И разные элементы системы управления будут использовать один и тот же инструментарий. Но в системе деятельности они должны его использовать по-разному: одни – в своих целях, другие – в своих.

Попов С.В.: Подождите. И модели у них должны быть другие. Поскольку процессы они должны схватывать и удерживать другие.

Константинов Г.Н.: Вот этот тезис неверный, потому что, какова бы ни была система деятельности (я об этом уже говорил в понедельник, в это же время), вам все равно захочется колбасы. Все равно! И никуда вы не уйдете от описания материальных потребностей. Вы в любой системе деятельности, в любой системе управления описывать материальные потоки будете! Другое дело, что система деятельности будет изменять саму модель. Так у нас это заложено. У нас будут изменяться параметры. И будет получаться другой результат. И я не вижу противоречия с вашими утверждениями.

Попов С.В.: Нет. Не надо только согласия искать. Надо, наоборот, противоречия искать.

Константинов Г.Н.: Я их не вижу.

Попов С.В.: Я еще раз вам говорю. Процессы, происходящие здесь, на игре, материально, в материальных потоках вы не опишете. Даже если вы будете, например, фиксировать звуковые колебания и их передачу.

Щедровицкий П.Г.: А поэтому, смотрите, можно такой странный тезис сформулировать: все выходят в позицию управления с разным инструментарием и начинают осуществлять движение и развертывание всей этой системы. А развитие региона будет зависеть от того, что мы создаем новые (!) управляющие позиции. Или дооформляем разные региональные силы для того, чтобы они могли осуществлять управление. И поэтому региональное развитие есть создание все новых и новых сил внутри региона, которые обладают достаточным инструментарием, чтобы развивать этот регион, или область, или "тело", из которого они вышли. Поэтому развитие региона – есть создание все новых и новых сил, которые могут его развивать. И пусть инструментарий у них будет разный: у вас свой, а у других – другой.

Константинов Г.Н.: Вот при этом не надо говорить, что наш инструментарий не верен!

Гурман В.И.: И не годен! Самое главное, что он, якобы, не годен.

Попов С.В.: Мы тут уже одну вещь выяснили, что он нужен вам в определенной ситуации.

Константинов Г.Н.: Нам нужен разный инструментарий, в т.ч. и наш. С одной отверткой я многое не сделаю. Мне нужно еще много инструментов. А против того, что вы сказали, никто не спорит.

Попов С.В.: Отлично. Смотрите, что мы имеем в этой ситуации. Практически инструментарием (знаниевым) обладает только Сибирское отделение Академии наук. Ни общественные движения, никто другой! Более того, смотрите, какая любопытная вещь получается: они его, между прочим, специально и не строят до конца. Потому что считают, что есть и может быть только один инструментарий – научный.

Гурман В.И.: Совсем не так. Мы, например, в этом абсолютно не уверены.

Попов С.В.: О! А если вы в этом не уверены, то надо так и сказать, что разные силы должны базироваться на разных представлениях изначально.

Гурман В.И.: Ради Бога.

Попов С.В.: И никому не дано сказать, например, что "какой бы вы там инструментарий ни брали, но вот эти показатели и определяют развитие региона".

Гурман В.И.: Мы хотим сказать, что и эти показатели определяют развитие региона.

Щедровицкий П.Г.: Только вместе с вами. Без вас они – пустое место.

Гурман В.И.: Вместе с нами, согласен.

Попов С.В.: И для тех целей, которые вы объявляете. Хотите еще что-то сказать?… Нет.

Тогда – последний тезис, но имеющий отношение уже больше к организации дальнейшего хода игры.

Из того, что здесь обсуждалось, следует одна вещь. Вот здесь уже смешок прошел. Но он, на мой взгляд, очень показателен и важен. И это – очень серьезно. Тут бросались реплики: "Результат покажите!". Или: "У них уже решение есть". Так вот, решения нет!

Гурман В.И.: Проблемы или решения нет?

Попов С.В.: Проблема все более и более структурируется, а решения нет. И, более того, тех, кто думает, что здесь есть решение, можно сразу отправлять... Поскольку они – недееспособны. Одного решения такой сложной проблемы вообще нет. А мы в этом плане как методологи – почему мы все свои решения на вечер относили, – мы вообще находимся в достаточно драматической ситуации. Поскольку если я считаю, что базовым процессом является изменение структур и систем деятельности, то оказывается, что это, первое, – теоретически пока недостаточно обеспечено; второе – инженерная система (то есть с моделированием и прочим) – тоже недостаточно обеспечена; третье – реализационно – тоже, еще меньше, чем ваша Концепция, которая ничего не изменит. Но, тем не менее, я считаю, что именно в этом направлении и лежит решение. А вот теперь уже надо искать реалистичный ход, поскольку в том виде, в прямом, который я заявил, – в пределах ситуации, которую мы можем как-то ощущать, там 10-15 лет, – он нереалистичен. И единственное, что реалистично – наращивание исследований в этом направлении. Тогда, может быть, что-то начнет двигаться. Но теперь надо искать вот эту кривую между принципиально возможным здесь решением и теми существующими естественными механизмами, которые у нас есть. А отсюда следует вывод: одного решения просто нет. А должна быть построена очень сложная политика, которая бы не закрывала ни одного из возможных ходов. Вот на эту "экологическую ситуацию" должен быть наложен стопроцентный запрет, чтобы ни одно возникшее течение мысли (общественное, политическое, производственное и другие) не закрывало бы возможности разворачиваться другим. Но этот в общем-то, банальный вывод. Но, тем не менее, в практике – и это показывает даже наша игра – он вообще не реализуется, поскольку мы практически все время друг другу закрываем ходы решения. И, в частности, тогда, когда говорите: покажите результат с той же степенью разработанности. Все! Вы исключили эту группу людей из воздействия на регион. Когда говорят общественному движению: "У вас есть достоверная информация? Если нет – не кричите!" Тем самым вы вырубили их из действующих сил.

Гурман В.И.: Я это говорил, только в ответ на Ваше, несколько вызывающее...

Попов С.В.: ...Поведение.

Гурман В.И.: Да, заявление. Но я сам прекрасно понимаю, сколько пороков в таких словах.

Попов С.В.: Ну, на игре-то можно.

Гурман В.И.: Конечно, дело науки создавать как можно шире альтернативные силы и снабжать их материалом. Я вот это сейчас начинаю понимать, что, кроме этого, реальной силы у науки, чтобы воздействовать на ход событий, больше нет. Я это начинаю понимать.

Попов С.В.: Вот! И смотрите, какой еще отсюда вывод. Кстати, тезис о компетентности и некомпетентности в экологической ситуации является принципиально антиэкологическим. Вот ведь в чем парадокс! Все наши привычные формы...

Гурман В.И.: "Мы заранее все знаем..."

Попов С.В.: Да, мы как бы каждый раз должны их опрокидывать, поскольку никому не дано знать всей сложной проблемной ситуации. Где компетентно, а где – нет. И критериев проверки нет. В этом смысл нашей дискуссии. Критериев проверки и объективности, раз и навсегда данной, – нет. А поэтому, когда кто-то встает и говорит: "Здесь сложная проблема и обсуждать ее нужно с другими людьми и в другом кругу. А здесь – некомпетентно..." Это можно сказать тогда, когда у нас есть общество, устроенное стационарно, где мы экологических проблем не замечаем. Но когда у нас возникает эта